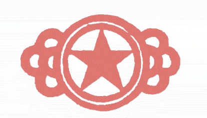
АКАДЕМИЯ НАУК СССР

КОРЕЙСКАЯ НАРОДНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РЕСПУБЛИКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

КОРЕЙСКАЯ НАРОДНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РЕСПУБЛИКА



1954

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА

ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ

Н. К. ВАЙНЦВАЙГА

и В. В. ЛЕЗИНА

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

В. Т. ЗАЙЧИКОВ

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК КОРЕИ

«Корея» — русское название страны. Оно произошло от имени древнего корейского государства Корё, существовавшего на территории Корейского полуострова с X по XIV в.

Новое официальное название Кореи — Чосон минчжучжуи инмин конхвагук (Корейская Народно-Демократическая Республика) — принято освобожденным от японского империализма корейским народом одновременно с провозглашением республики в сентябре 1948 г.

Корея расположена на восточной окраине азиатского материка. Она занимает Корейский полуостров, с примыкающим к нему краем материка, и около 3,5 тыс. рассеянных вблизи полуострова небольших островов. Площадь самого крупного из них — Чечжудо, расположенного в 185 км южнее Корейского полуострова, составляет всего 1850 км^2.

На севере Корея соприкасается с Советским Союзом, граница с которым проходит по нижнему течению р. Туманган (по-китайски Тумыньцзян), и с Китайской Народной Республикой, граница с которой продолжается по р. Туманган, затем переходит к истокам реки Амноккан (по-китайски Ялуцзян) и идет по ней до впадения этой реки в Желтое море (Западно-Корейский залив). Соседом Кореи на море является Япония. Остров Цусима находится всего в 55 км от Корейского полуострова, а юго-западная оконечность главного японского острова Хонсю расположена в 180 км от него.

Территория Кореи составляет 220,7 тыс. км^2, в том числе площадь самого полуострова равняется 214,8 тыс., а площадь островов 5,9 тыс. км^2. Очень характерна конфигурация Корейского полуострова, узкой полосой выдвинутого в океан. Он представляет как бы естественный мост, переброшенный от края азиатского материка в сторону Японских островов. Японские агрессивные круги давно учли эту особенность географического положения Кореи и не раз использовали «мост» для

вторжения в Китай и для нападения на нашу родину. За сорок лет (1905—1945) своего господства в Корее японский империализм превратил территорию Кореи в военно-стратегическую базу с многочисленными военными портами, аэродромами и разветвленной дорожной сетью. Японская военщина рассматривала Корею как плацдарм для нападения на Китай и Советский Союз. После разгрома Японии захват «корейского моста» стал одной из важнейших целей агрессивного американского империализма, стремящегося, подобно империализму японскому, использовать территорию Кореи для военных авантюр против Советского Союза и Китайской Народной Республики.

СТРОЕНИЕ ПОВЕРХНОСТИ

Корея отличается большим разнообразием природных условий и значительным богатством естественных ресурсов. Большой вклад в изучение природных условий Кореи внесли русские ученые, путешественники и мореплаватели.

Почти три четверти поверхности этой страны заняты горами, расположение которых играет исключительно важную роль во всей ее географии: горы влияют на климат Кореи, в значительной степени определяют течение и режим рек, оказывают свое влияние на размещение населения и на экономическую специализацию районов. Многочисленные цепи гор, протянувшиеся от северных границ страны до южной оконечности Корейского полуострова, заполняют собой почти всю территорию Северной Кореи и значительную часть Средней и Южной Кореи.

Горы наиболее высоки и суровы на севере страны, всю внутреннюю часть которой занимает обширная область Северо-Корейских гор. Эти горы состоят из ряда нагорных равнин и хребтов, простирающихся с северо-востока на юго-запад (хребет Хамгёнсанмэк) и с северо-запада на юго-восток (хребты Мачхерён, Нанним). На географической карте прежде всего обращает на себя внимание хребет Хамгёнсанмэк — мощный горный вал, простирающийся почти на 400 км вдоль берега Японского моря — от Хверёна до Хончхерёнского перевала. Этот хребет имеет мрачные вершины, высотой более 2 км, и очень крутые, местами почти отвесные склоны, обращенные в сторону Японского моря. Особенно большой высотой и массивностью отличается северо-восточная половина хребта, названная русским исследователем Северной Кореи А. Г. Лубенцовым Туманским хребтом. Гребень этого хребта, почти нигде не спускающийся ниже 1500 м, в юго-западной половине представляет сплошь высокогорную цепь. Он сохраняет единство и цельность здесь на всем своем протяжении; в его массе нет ни прорывов, ни сколько-нибудь глубоких проходов. Туманский хребет, отгородивший

верховья р. Туманган от морского побережья, можно пересечь только по редким вьючным тропам, которые круто поднимаются к высоким горным перевалам (1200—2000 м).

Между хребтом Хамгёнсанмэк и поперечным хребтом Нанним расположено обширное плоскогорье Кэма, средняя высота которого превышает 1000 м. Поверхность плоскогорья сравнительно слабо расчленена и имеет общий наклон в северо-западном направлении. Соответственно этому наклону реки плоскогорья Кэма, берущие свое начало в непосредственной близости от Японского моря, имеют сток на северо-запад, в сторону Желтого моря. В районе верхнего течения Амноккана плоскогорье Кэма ограничивается областью разломов, выполненных базальтами. Последние перекрыли древние породы слоем мощностью до 200 м, образовав нагорную равнину — плато Чанбэксан (по-китайски Чанбайшань). Оно простирается далеко за пределы Кореи, занимая обширную территорию также на юго-востоке Маньчжурии. Сравнительно ровная поверхность плато местами прерывается поднятиями, представляющими собой местные эруптивные центры. Эти возвышения особенно часты в юго-восточной части плато Чанбэксана у корейско-китайской границы, где расположен и знаменитый в Восточной Азии вулкан Пэктусан (по-кит. Байтоушань), воспетый в корейском народном эпосе. Этот вулкан, высотой в 2744 м над уровнем моря, поднимается над поверхностью плато более чем на километр. Он живописно выделяется среди окружающей местности своими очертаниями и белыми склонами, покрытыми отложениями пемзы (отсюда и название Пэктусан, т. е. Белоголовая гора). Вплоть до конца прошлого столетия Пэктусан оставался совершенно неисследованным. Этот район впервые начал изучаться в 90-х годах XIX в. русскими путешественниками-исследователями И. И. Стрельбицким и Н. Г. Гариным-Михайловским, оставившими подробные географические описания Пэктусана и прилегающих к нему территорий.

Почти отвесные внутренние стенки кратера, высотой до 500 м, позволяют хорошо рассмотреть структуру вулкана. На дне кратера расстилается гладь огромного озера, в прозрачных темнозеленых водах которого при ясной погоде отчетливо отражаются причудливые формы окружающих озеро стенок. Водное зеркало находится на высоте 2257 м над ур. м. Длина озера 4 км, ширина 2,5 км. В годы японской оккупации район Пэктусана, окруженный непроходимыми девственными лесами, служил убежищем для корейцев, скрывавшихся от преследования японских властей, и был очагом партизанского движения, наносившего чувствительные удары японским оккупационным войскам в Корее и Маньчжурии.

Восточную половину Корейского полуострова занимают

Восточно-Корейские горы, представляющие целую систему параллельных горных цепей. Основные цепи этих гор простираются более чем на 450 км вдоль восточного побережья — от Вонсанской бухты до самого Пусана и образуют основной водораздел между Японским и Желтым морями. Площадь, занимаемая Восточно-Корейскими горами, гораздо меньше площади, занимаемой Северо-Корейскими горами; они значительно уступают последним и по высоте: высшая точка их не превышает 2000 м, большинство же вершин имеет высоту до 1500 м. Внутреннее строение Восточно-Корейских гор отличается от строения гор Северо-Корейских бо́льшим разнообразием и мозаичностью. Хребты на севере этих гор сложены преимущественно древними кристаллическими породами. На юге их распространены ордовицко-кембрийские известняки и сланцы, а южные отроги этих гор сложены преимущественно сланцами и песчаниками мелового и юрского возраста.

Сложной внутренней структуре Восточно-Корейских гор соответствует и разнообразие форм рельефа. Большинство цепей и отрогов этих гор имеет узкие, зубчатые гребни, крутые склоны и расчленено глубокими ущельями. Они мало населены, бедны дорогами и представляют значительную преграду для сообщения между побережьями Японского и Желтого морей. Разнообразие форм рельефа особенно велико в горах Кымгансан, или Алмазных, составляющих крайний северный участок Восточно-Корейских гор. Эти горы, самые живописные в стране, сложены по преимуществу гранитами, содержащими многочисленные мощные жилы кварца, и относятся к области интенсивных молодых поднятий, происшедших на очень близком расстоянии от морского берега. Разрушение земной поверхности, получившее в Кымгансанских горах особенную интенсивность в результате сильных ливней и резких колебаний температуры, создало большое разнообразие форм рельефа. Сводчатые, скалистые массивы, характерные для склонов, состоящих из грубозернистого гранита, сменяются столбчатыми формами на склонах, сложенных мелкозернистым гранитом. Ближе к вершине разнообразие и богатство форм увеличиваются. Крутые склоны гор прорезаны тесными ущельями, в которых потоки, несущиеся по каменистому дну, образуют многочисленные каскады и водопады. Но Алмазные горы привлекают не только своей живописностью, прекрасными лесами и шумными водопадами. В долинах и ущельях гор сохранились интереснейшие памятники архитектуры, живописи и прикладного искусства древней Кореи: старинные буддийские храмы, пагоды, рельефные изображения и письмена, высеченные на гранитных скалах. Правительство Корейской Народно-Демократической Республики в живописных уголках этих гор, у ми-

неральных источников, открыло санатории и дома отдыха, предназначенные для лечения трудящихся страны.

Корея, отличающаяся множеством и разнообразием гор, имеет сравнительно небольшую площадь низменностей. Отдельные более или менее обширные равнины заключены между горными цепями или расположены по их окраинам у морских берегов. Эти равнины большей частью обособлены одна от другой, имеют хорошо очерченные горами границы и обладают местными физико-географическими различиями. Они наиболее плотно населены и представляют самые развитые в экономическом отношении районы Кореи.

Наиболее значительные равнины расположены в западной части страны у побережья Желтого моря, где они занимают устья рек и прибрежные низменности. Особенно важны здесь Пхеньянская равнина, занимающая обширную площадь по нижнему течению Тэдонгана, Ханганская, или Средне-Корейская, равнина в бассейне нижнего течения р. Ханган, равнина Хванхэ в бассейне левого притока р. Тэдонгана — р. Ёсонган и равнина Чончжу, охватывающая территорию нижнего течения р. Кымган.

Равнины на южном и восточном пебережьях Корейского полуострова менее значительны по своим размерам. Из них наиболее важны равнина в нижнем течении Нактонгана и Приморская равнина в провинции Хамгён-намдо.

КЛИМАТ

В основе современных научных представлений о климате Кореи лежат классические труды русского климатолога А. И. Воейкова. Им первым были выявлены в общих чертах условия циркуляции атмосферы в Восточной Азии и была разработана теория восточноазиатских муссонов, получившая дальнейшее развитие в трудах многочисленных последователей этого русского ученого.

Для климата Кореи характерна постоянная борьба континентальных и океанических влияний, связанная с господством на азиатском материке и Тихом океане довольно устойчивых центров атмосферного давления. Борьбой этих влияний в огромной степени обусловлены относительная суровость и континентальность климата Кореи, хотя Корейский полуостров и расположен в сравнительно низких широтах и с трех сторон окружен морями. Зимой над сильно охлаждающимся материком Азии образуется область высокого атмосферного давления, над Тихим океаном — область низкого давления, обусловливающие господство в Восточной Азии северо-западных и северных ветров — так называемого зимнего континентального муссона. Эти мощные

потоки холодного воздуха проникают далеко на юг, принося в зимние месяцы в Корею сухость и сильные морозы. Летом материк Азии сильно нагревается и становится теплее океана. Над материком образуется область низкого давления, над океаном — высокого. Соответственно такому распределению давления, летом над Кореей преимущественно дуют ветры юго-восточного и южного направлений — летний морской муссон, приносящий из тропических морей влагу.

В течение года в Корее ветры совершают двойной поворот на 180°; правильно сменяя друг друга, они вызывают в климате страны большие и резкие перемены, принося холод и сухость зимой и влагу летом. Влияние муссонной циркуляции воздушных масс в Корее обычно осложняется воздействием циклонов, возникающих на полярном фронте, т. е. на границе между массами морского полярного и морского тропического воздуха. Среднее положение Тихоокеанского полярного фронта находится летом у южной оконечности Корейского полуострова, постепенно отодвигаясь к зиме, по мере усиления сибирского антициклона, на юг. Создаваемое в атмосфере циклоническое движение сопровождается выпадением большого количества атмосферных осадков. В Корее циклоны особенно часты весной и осенью.

Немаловажное значение для климата этой страны имеют также тайфуны, представляющие собой, как и циклоны умеренных широт, вихревые течения с восходящим током воздуха в центре, но с меньшим радиусом действия, очень высоким градиентом[1] давления и большей скоростью вращения. Большинство восточноазиатских тайфунов зарождается в районе Маршальских островов и направляется вдоль экватора к азиатскому материку. Если тайфуны проходят вблизи Кореи, что обычно бывает в конце лета, то их влияние сказывается в стране чрезвычайно сильно. Они вызывают сильные ливни и, нагоняя ураганным ветром морскую воду на берег, причиняют катастрофические наводнения, уничтожая поля, дороги и нередко снося целые деревни. Особенно часты и опустошительны тайфуны у южного побережья Корейского полуострова.

Условия циркуляции атмосферы определяют режим температур и осадков в Корее. Однако под влиянием морских течений, рельефа местности и пр. в отдельных районах страны температурные условия и осадки существенно различаются. На всей территории Корейского полуострова средние минимальные температуры в январе имеют отрицательную величину, и только на южных островах они положительны. Наиболее низкий абсо-

[1] Градиент, в данном случае барометрический,— изменение атмосферного давления на земной поверхности, отнесенное к одному градусу широты.

лютный минимум наблюдается на севере страны, в верхнем течении р. Амноккан (г. Чунганчжин), где в январе морозы доходят иногда до 41°. Средние же январские температуры Северной Кореи колеблются от —21° (г. Чунганчжин) до —3,5° (Вонсан). Средние январские температуры на южной окраине Корейского полуострова имеют положительные показатели (в Пусане 2,1°), однако уже в Тэгу, расположенном всего в 80 км севернее Пусана, средние январские температуры опускаются до —1,6°. В Чунганчжине холодный период в среднем продолжается 219 дней, в Пхеньяне 178, в Сеуле 162, в Тэгу 153.

Продолжительность теплого периода также не одинакова в разных районах страны. На юге Кореи в течение шести месяцев (май—октябрь) средняя температура выше +16°; в северо-восточных районах период с указанными температурами продолжается только четыре месяца. На юге Кореи крестьянин имеет возможность снять в течение года с одного участка две жатвы зерновых, тогда как в северных, более холодных районах не каждый год удается собрать даже один урожай. Высокие летние температуры способствуют культивированию риса и хлопчатника не только на юге, но и в отдельных районах Северной Кореи. С другой же стороны, резкие колебания температур и сильные зимние морозы мешают произрастанию древесных пород, свойственных даже умеренной зоне.

В Корее в среднем за год выпадает до 160 см осадков, т. е. приблизительно столько же, сколько выпадает в течение года на Черноморском побережье Закавказья. Более увлажненными являются юго-западные и южные районы страны, открытые морским ветрам, в то время как северо-восточные районы, защищенные горными хребтами, получают не более 70 см осадков в год. Почти на всей территории Кореи в холодное время года выпадает минимальное количество осадков, а в жаркий период — максимальное. За три зимних месяца выпадает всего 4—15% годового количества осадков, тогда как в течение трех летних месяцев выпадает до 65% среднего годового количества осадков. Обилие летних осадков является в общем благоприятным фактором, однако периодические наводнения, вызываемые ливнями, причиняют населению значительный ущерб.

В Корее самый холодный месяц — январь. В этом месяце зимний муссон достигает наибольшего развития, так как атмосферное давление на материке имеет свой максимум и отличается наивысшей устойчивостью. В этот период наиболее резко выражены контрасты температур на севере и юге и значительной величины достигает амплитуда колебаний суточных температур. В январе среднее месячное количество осадков имеет свой минимум, а число ясных дней — свой максимум. В феврале и марте происходит повсеместное потепление и повышается

влажность воздуха, что связано с максимальным развитием в этот период циклона. Средняя мартовская температура повышается в Южной Корее до +5, +7°, а в Средней Корее до +2,5, +4,5°. В Южной Корее март — последний месяц со снегопадом, на севере же в этом месяце нередко бывают самые сильные снегопады. В апреле начинает изменяться зимний режим ветров, окончательно стаивает снег, прекращаются заморозки и по всей стране наступает весна.

Весна в Корее продолжается около двух месяцев и отличается солнечной погодой, переменными ветрами и небольшим количеством осадков. Май — самый солнечный и приятный месяц в Корее. В этом месяце на всей территории страны уже начинает проявляться сравнительная однородность климатических условий, характерная для летнего периода.

Лето наступает в июне. К этому времени вся территория Кореи уже охвачена летним муссоном, но ветер пока еще довольно слаб. Наиболее ярко летний муссон выражен в июле, когда над всей страной господствуют сильные морские ветры, почти противоположные по направлению зимним. Стоит жаркая дождливая погода. В этом месяце в среднем бывает не более трех ясных дней и больше половины дней с дождем. Обычно дожди начинаются по всему полуострову около 10 июля и продолжаются около пяти недель. Иногда дождливый период затягивается на более продолжительный срок и сопровождается сравнительно тихой пасмурной погодой с высокой температурой воздуха. Выпадающие обильные осадки при большой влажности воздуха и слабом ветре не успевают испаряться, что вызывает большую сырость, а при вторжении с моря более холодного воздуха образуются густые туманы. Горы бывают часто покрыты низкими серыми облаками.

В августе средняя месячная температура достигает +21, +26°, почти не различаясь на юге и на севере. В этом месяце на побережьях заметно усиливаются ветры, нередко приобретая характер бурь. Но настоящие бури, особенно на юго-западе полуострова, начинаются в сентябре, когда южные тайфуны достигают берегов Кореи. В сентябре режим летних ветров начинает нарушаться и появляются ветры северных направлений. Вместе с этим уменьшается влажность воздуха, что имеет большое хозяйственное значение, так как в сентябре в Корее начинается массовая уборка урожая.

Зимний муссон устанавливается в октябре. В этом месяце начинаются первые ночные заморозки в Северной и Средней Корее. Октябрь — один из самых здоровых месяцев в Корее. В это время свозится и обмолачивается урожай. Первый снег выпадает в ноябре, но удерживается он только в горах Северной Кореи. В ноябре же довольно тепло: днем темпера-

тура воздуха иногда доходит до $+20^{\circ}$. Зимним месяцем является декабрь, хотя в Южной Корее и в этом месяце еще наблюдаются очень теплые дни.

Основные климатологические показатели Кореи

Метеорологическая станция	Географическая широта	Высота над ур. моря в м	Средняя температура в °С		Среднее число дней с осадками в году	Среднее годовое количество осадков в мм
			января	июля		
Чунганчжин	41°47′	312	—21,1	22,6	141	812
Вонсан	39 11	36	— 3,5	22,8	118	1362
Пхеньян	39 02	57	— 8,2	24,0	103	922
Сеул	37 34	30	— 4,6	24,6	112	1250
Инчон (Чемульпо)	37 29	67	— 3,7	23,4	104	1011
Тэгу	35 52	53	— 1,6	25,5	100	954
Пусан	35 06	12	+ 2,1	23,8	106	1416
Чечжу (на о-ве Чечжудо)	33 31	24	+ 4,7	25,3	141	1377

ВНУТРЕННИЕ ВОДЫ

Реки Кореи имеют большой коэффициент стока (отношение выносимых реками вод к количеству выпавших осадков).

При горном характере местности, обилии скальных грунтов и сравнительно малой мощности почвенного покрова бо́льшая часть осадков неизбежно стекает по поверхности, не просачиваясь в грунт. В верхнем течении многих корейских рек коэффициент стока достигает 70%. Реки Кореи коротки. Многие из них имеют длину не более 50—80 км. Самая большая из них Амноккан имеет длину в 790 км.

На значительном своем протяжении корейские реки протекают в горах и отличаются бурным течением. Однако гидроэнергетическое использование корейских рек, так же как и использование их для целей транспорта, затрудняется непостоянством режима. В сухое время года реки сильно мелеют, а многие совершенно пересыхают. В период же дождей они быстро превращаются в бурные потоки. Этот недостаток режима корейских рек требует регулирования стока путем строительства высоконапорных плотин и создания крупных водохранилищ для равномерного питания турбин гидроэлектростанций.

Судоходство на реках Кореи затруднено также наличием отмелей и перекатов. Вследствие бурной эрозионной работы в руслах нижнего течения рек постоянно отлагается огромное

количество ила, песка, гальки. Отложения наносов особенно обильны в приустьевых участках, изобилующих песчаными островами, отмелями, среди которых фарватер извивается в виде узкого канала. Некоторые из них имеют устьевые бары, загораживающие вход в реки из моря. Каждый паводок приносит новые массы песка и ила, образующие новые острова и мели. Большинство корейских рек требует систематических землечерпательных работ. Движение паровых судов производится только в самых нижних участках рек, находящихся под влиянием морских приливов, которые систематически повышают уровень речных вод. Эти участки особенно значительны у рек бассейна Желтого моря. Приливной участок р. Тэдонган имеет протяжение около 100 км, у р. Ханган он охватывает все нижнее течение от устья до Сеула. Приливной участок р. Нактонган имеет протяжение 42 км. Выше приливных участков корейские реки доступны лишь для парусных шаланд и плоскодонных корейских джонок.

На восточном побережье Кореи единственной значительной рекой является Туманган. Эта река образует государственную границу страны; она отличается маловодностью, обилием отмелей и доступна только мелкосидящим парусным судам. В западной части Корейского полуострова важнейшие реки — Амноккан, Тэдонган и Ханган. Они широко используются для целей

Наиболее крупные реки Кореи

Река	Площадь бассейна в тыс. км²	Длина в км	Длина судоходной части в км	Место впадения
Амноккан	62,61*	790	698**	Западно-Корейский залив
Нактонган	23,95	524	340	Корейский пролив
Туманган	41,24***	521	85	Японское море, близ границы с СССР
Ханган	26,36	514	298	Залив Канхваман
Тэдонган	16,46	439	243	Западно-Корейский залив
Кымган	9,88	402	120	Залив Кунсанман
Чхончхонган	9,76	213	87	Западно-Корейский залив
Имчжинган	8,11	254	121	Залив Канхваман
Сомчжинган	4,89	212	60	Залив Ёсуман

* На территории Кореи находится около половины площади бассейна.

** Длина судоходной части дана для судов с малой осадкой—моторных и парусных лодок.

*** В Корее — около одной четвертой части площади бассейна.

лесосплава и судоходства. Река Амноккан судоходна на протяжении почти 700 км, Ханган 300 км и Тэдонган 250 км от устья. В приустьевых участках этих рек поддерживается пароходное движение, выше курсируют парусные суда. Построенная у г. Супхундон плотина подняла на несколько десятков метров уровень воды в среднем течении р. Амноккан, сделав этот участок реки доступным для пароходного сообщения. Эта река является крупнейшим в Корее источником гидроэнергии. На юге Корейского полуострова крупнейшей рекой является Нактонган, впадающая в Корейский пролив близ г. Пусан.

РАСТИТЕЛЬНЫЙ ПОКРОВ

Корея отличается большим разнообразием и богатством растительных видов. Ее флора насчитывает 160 семейств с 883 родами и 3070 видами. Отдельные растения здесь представлены десятками видов: фиалка, например, представлена 44 видами, вишня 41 видом. Столь значительное разнообразие видов связано с особенностью географического положения Корейского полуострова, глубоко выдвинутого в океан и по своим природным условиям представляющего переходную область от материковых форм к островным формам Японии. Оно связано также с характерным для Кореи разнообразием форм рельефа, почв, климатическими контрастами и влиянием морских течений, омывающих берега этой страны. Не меньшее значение имеет и то обстоятельство, что в ледниковую эпоху Корея не была существенно затронута оледенением и не испытала, следовательно, значительного обеднения флоры. Многие виды флоры в Корее сохранились с третичного периода почти в неизменном состоянии.

В Северной Корее распространены те же виды, которые встречаются в Советском Приморье, Северо-Восточном и Северном Китае, хотя распространение и группировки этих растений в Корее имеют свои особенности. Наиболее распространены здесь из хвойных даурская лиственница, много аянской и сибирской ели и серебристой пихты, занимающих дренированные почвы на горных склонах; реже встречаются сосна и корейский кедр — большое стройное дерево с голубовато-зеленой хвоей. Площади чистых хвойных лесов в Корее сравнительно невелики. К хвойным породам частью примешаны черная, каменная и другие виды берез, дуб, клен, осина, корейская ива — очень стройная, похожая на пирамидальный тополь и весьма ценная как строительный материал. Реже можно встретить маньчжурский орех и довольно распространенное в прошлом в корейских лесах бархатное дерево.

Смешанные леса особенно характерны для горных склонов, обращенных в сторону моря. Они разнообразнее лесов внутренних районов Северо-Корейских гор и отличаются более обильным подлеском из орешника, жимолости, бересклета, аралии, жасмина и др.

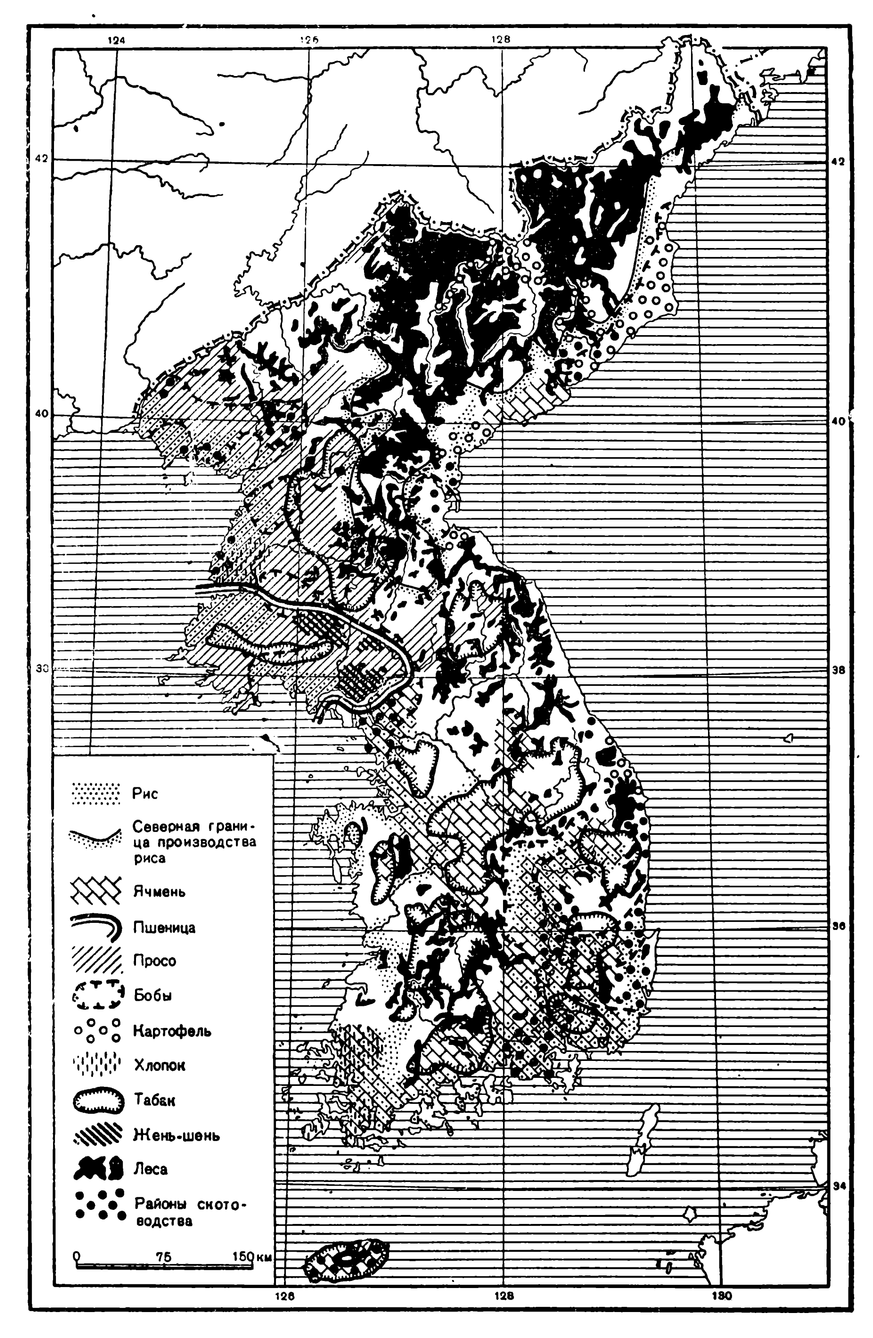
В связи с увеличением количества атмосферных осадков в направлении с севера на юг появляется больше влаголюбивых и теплолюбивых пород; ими наиболее богаты южное побережье и острова Кореи, расположенные южнее январской изотермы —3° (средняя минимальная температура). В этой зоне, отличающейся особенной пышностью растительного покрова и представляющей резкий контраст с северными лесами Кореи, большое значение приобретает элемент вечнозеленой растительности, преимущественно японского типа. Здесь распространены южные виды дуба с широкими ланцетовидными толстыми листьями, зелеными в течение всего года, японская камелия, крупнолистные стираксовые деревья, бензойное дерево, камфарный лавр, гигантское ветвистое дерево гинкго. В лесах и речных долинах встречаются мощные заросли бамбука, некоторые сорта которого достигают 10 метров и более.

Среди полевых культур Кореи, кроме обычных для умеренного климата, широко распространены субтропические и тропические растения: рис, посевы которого встречаются здесь почти повсеместно; гаолян — разновидность культурного сорго, культивируемый в Восточной Азии как хлебная культура, кукуруза, хлопчатник, посевы которого сосредоточены главным образом на юго-западе полуострова и в приморской полосе между устьями рек Тэдонган и Амноккан.

На юго-западе полуострова культивируется текстильное растение рами, или китайская крапива; во многих районах страны возделывается жень-шень — лекарственное растение, являющееся одним из важнейших предметов корейского экспорта. Среди полей разбросаны фруктовые сады (яблоневые, грушевые, персиковые), тутовые насаждения или небольшие сосновые рощицы и рощи пирамидальных тополей. Обычно такие рощи находятся вблизи храмов, кладбищ, считаются священными и содержатся в образцовом порядке. На низменностях Кореи почти все луга культивируются под пашню.

ЖИВОТНЫЙ МИР

Корея, как и соседние территории Восточной Азии, отличается особенным богатством видов животных. Здесь встречаются представители северной таежной и южной индомалайской фауны. В Корее насчитывается свыше пятисот видов только высших позвоночных животных; это связано с большим разно-



Карта размещения сельскохозяйственных культур

образием природных условий, а также с особенностью географического положения Корейского полуострова на окраине азиатского материка.

В числе наиболее характерных диких животных Кореи можно отметить из хищников эндемического амурского, или длинношерстного, тигра, отличающегося от всех других форм тигра крупной величиной, охристой окраской почти без примеси красных тонов; корейского тигра, уступающего первому по величине, с более темной окраской и относительно короткой шерстью; восточносибирского леопарда (или барса), имеющего яркую окраску золотисто-палево-желтого тона с черными пятнами; черного и бурого уссурийского медведей.

Из парнокопытных для Кореи типичны пятнистый олень, высоко ценимый благодаря своим пантам, дальневосточный изюбр, панты которого ценятся в китайской медицине почти так же высоко, как панты пятнистого оленя.

Однако эти, как и многие другие дикие животные, в настоящее время в Корее сохранились в сравнительно небольшом количестве. Еще не так давно амурский тигр был в полном смысле слова царем корейских лесов и причинял немало беспокойства населению страны. В лесах водились крупные стада изюбров, диких кабанов, горалов, косуль. Однако вырубание и выжигание лесов японскими колонизаторами и хищническое истребление зверей охотниками-промышленниками и пантовщиками нанесли большой ущерб богатствам животного мира Кореи. Некоторые виды зверей, как, например, корейский тигр, уже совершенно исчезли, другие (амурский тигр, леопард, рысь) сохранились только в труднодоступных лесных районах Северной Кореи и соседних горнолесных территориях Маньчжурии, проникая отсюда на Корейский полуостров по горным хребтам. Без северных убежищ и эти виды, преследуемые человеком, давно погибли бы в Корее.

На возделанных территориях и морских побережьях страны много птиц, особенно в период сезонных пролетов. Птичий мир представлен цаплями, постоянно встречающимися на затопленных рисовых полях, журавлями, аистами, гусями, лебедями, многими видами уток, куликов. По отвесным скалам морских побережий гнездятся чайки, бакланы и разнообразные чистиковые птицы: гагарки, кайры, чистики. Восточные берега Кореи находятся как раз на одном из самых оживленных в мире пролетных путей птиц. За стаями водоплавающих следуют хищники, среди которых особенно примечателен крупный камчатский орлан, питающийся, помимо птиц и зверей, также рыбой.

Чрезвычайно разнообразны рыбные богатства корейских берегов. Здесь встречается несколько сот видов рыб, в том числе 75 видов, имеющих промысловое значение. Это объясняется

большой протяженностью береговой линии, большими амплитудами глубин омывающих Корею морей, наличием холодного и теплого течений и богатством морской флоры у берегов этой страны. Здесь распространены представители как северной, так и южной фауны. Для северной фауны типичны сельдь, минтай, треска, которые служат объектом крупного морского промысла. Тепловодные рыбы представлены скумбрией, горбылевыми, сайрой, желтохвостом, анчоусом и др.

Важными промысловыми морскими животными Кореи являются крабы, креветки, моллюски, иглокожие. Нередко корейские берега посещают морские звери: курильские котики, зимующие у восточного берега Кореи, сивучи, пятнистые тюлени (ларга), мелкие и крупные китообразные. Богатые рыбами и другими морскими продуктами водоемы Японского и Желтого морей издавна служили базой для морских промыслов — очень важной отрасли народного хозяйства, обеспечивающей страну одним из основных продуктов питания.

[ПРИГОДНЫЕ РЕСУРСЫ

Природные ресурсы Кореи, при относительно небольших размерах ее территории, разнообразны и богаты. В ее недрах таятся залежи железных руд, цветных и благородных металлов, угля, графита и многих других минералов. Всего в Корее разведано более 200 видов полезных ископаемых. Особенно значительны залежи железных руд, встречающиеся в Корее в виде титаномагнетитов, магнитного красного и бурого железняков. Общие запасы железных руд составляют свыше 1 млрд. тонн.

Крупнейшим месторождением железных руд в Корее является Мусанское. Большое значение имеют также Чхончхонганское и на п-ове Хванхэ. Мусанский железорудный бассейн, расположенный в среднем течении р. Туманган, между Мусаном и Хверёном, имеет запасы руд около 1 млрд. тонн. Руды не богаты по содержанию металла (менее 40% железа) и для использования требуют сложного обогащения. Железорудный бассейн в долине р. Чхончхонган имеет запасы менее 20 млн. тонн со средним содержанием железа в руде около 50%. Не отличаются большими запасами и железорудные месторождения полуострова Хванхэ, однако они многочисленны, расположены в непосредственной близости от промышленных центров и руда содержит сравнительно большое количество железа и других полезных минералов.

Большое распространение в Корее имеют полиметаллы, встречающиеся в архейских образованиях. Из них особенно многочисленны месторождения свинцово-цинковых руд, имеющих крупное промышленное значение. Эти руды, помимо свинца и цинка, содержат в качестве примеси также золото,

серебро, медь, мышьяк, платину и другие элементы. Важнейшие месторождения полиметаллических руд в Корее расположены в провинциях Пхёнан-пукто и Пхёнан-намдо, Канвондо, Хамгён-намдо, Кёнсан-пукто, Хванхэдо. Сочетание в корейских полиметаллических рудах свинца, цинка, серебра и других минералов обусловливает их комплексную переработку. Важнейшим центром переработки свинцово-цинковых руд является г. Нампхо (Северная Корея).

Меднорудные ресурсы Кореи относительно не велики. Месторождения медной руды, встречающиеся в виде жильных, контактных и метасоматических залежей, расположены в Северо-Корейских горах, а также в Средней и Южной Корее.

Развивающееся в Корее алюминиевое производство базируется главным образом на месторождениях алунитов. Значительные залежи (40 млн. т) этого минерала находятся в Пхеньянском каменноугольном бассейне, где алуниты залегают между угольными слоями. Содержание алюминия в них достигает 40—50%. Крупные месторождения алунитов находятся также в Южной Корее в районе Мокпхо (запасы составляют 20—30 млн. тонн, с содержанием алюминия 20—35%).

Добыча и рафинирование золота, запасы которого в Корее весьма значительны, является одной из самых древних и очень важных промышленных отраслей страны, привлекавшей внимание иностранного, в особенности американского, капитала. В 1944 г. в Корее было добыто 44 тонны чистого золота. Золото в Корее встречается в жилах кварца, в контактных зонах и аллювиальных отложениях. Золотоносные кварцевые жилы приурочены по преимуществу к архейским серым гранитам и представляют собой основные месторождения. Они отличаются большим содержанием золотоносных сульфидных минералов — пирита, мышьякового пирита. Золотые россыпи распространены повсеместно и встречаются как в речных отложениях, так и близ коренных залеганий в делювиальных россыпях. В Корее наибольшей известностью пользуются золотые прииски в провинциях Пхёнан-пукто, где крупные разработки расположены в долине р. Курёнган (Унсанские и другие прииски), в районе Часона, Пхёнан-намдо (район Сунана, Сунчхона и Ёнмидон), Хванхэдо (Онччжин, Хэчжу, Суан), Канвондо (Онччхонни) и др.

В архейских образованиях Кореи содержатся также вольфрам, молибден, никель, наибольшие разработки которых сосредоточены в Восточно-Корейских горах, в провинциях Канвондо, Кёнсан-пукто, Чхунчхон-пукто. С начала оккупации Южной Кореи американские монополисты начали усиленно эксплуатировать молибдено-вольфрамовые рудники, выкачивать важнейшее стратегическое сырье.

Исключительно велики в Корее запасы магнезитов, исчисляющиеся в 3,6 млрд. тонн. Наиболее важные месторождения магнезитов расположены на восточном побережье Северной Кореи, в районе Танчхона и Кильчжу. В 1940 г. в Корее было добыто более 100 тыс. тонн магнезитов.

Корея не богата каменноугольными ресурсами. Общие запасы ископаемого топлива (антрациты и бурый уголь) составляют 2 млрд. тонн.

Угольные ресурсы Кореи (в млн. т)

Виды топлива	Северная Корея	Средняя и Южная Корея	Всего
Антрацит	920	650	1570
Бурый уголь	420	10	430
Итого . .	1340	660	2000

Наиболее крупными антрацитовыми месторождениями являются Пхеньянский каменноугольный бассейн в нижнем течении р. Тэдонган (запасы 300 млн. т) и антрацитовый бассейн в северной части провинции Пхёнан-намдо (491 млн. т). Значительные месторождения антрацитов находятся также на северо-восточном побережье в районе Ковона и Мунчхона и в Южной Корее в районе Ёнволя. Бурые угли, залегающие в третичных отложениях, сосредоточены в долине р. Туманган (373 млн. т), в районе Мунчхона, Кильчжу, Пхонана. Все эти месторождения имеют промышленное значение. В 1944 г. добыча каменного угля в Корее составляла 8 млн. тонн. После восстановления разрушенных японцами шахт добыча каменного угля на севере Корейской Народно-Демократической Республики быстро возрастала и в 1949 г. поднялась почти до 4 млн. тонн.

Качество корейских каменных углей не высоко. Они малокалорийны, отличаются значительной зольностью и не коксуются. Применяется каменный уголь главным образом на транспорте (железнодорожном и морском) и как сырье в химической промышленности. Гораздо большее значение для энергетики Кореи имеет гидроэнергия ее рек.

Гидроэнергетические ресурсы Кореи оцениваются более чем в 5 млн. квт. Бóльшая часть этих ресурсов приходится на реки Северо-Корейских гор — Амноккан и ее левые притоки

Чанчжинган, Пучжонган, Хёчхонган. На этих реках построены крупные гидроэлектростанции.

В числе природных ресурсов Кореи большое значение имеют ее леса, покрывающие приблизительно 10 млн. га площади страны. Сорокалетняя хищническая вырубка корейских лесов японскими лесозаготовительными компаниями сильно сократила запасы древесины. Тем не менее хозяйственное значение лесов Кореи велико. В настоящее время лучше сохранились и имеют наибольшее промышленное значение леса Чанбэксана и плоскогорья Кэма в Северной Корее. Они содержат в своем составе и наилучшие сорта строевой древесины: даурскую лиственницу, корейский кедр, аянскую ель, клен, маньчжурский орех, бархатное дерево и др. Даурская лиственница, отличающаяся большой устойчивостью против гниения, широко используется в Корее в строительстве гидросооружений, мостов, а также в производстве телеграфных столбов, железнодорожных шпал. Корейский кедр обладает большой прочностью древесины и ценится как лучший строевой и пиловочный материал. Ель и пихта применяются в целлюлозно-бумажном производстве. Из лиственных пород в Корее высоко ценится клен, отличающийся прочной древесиной розового или золотистого цвета, с красивым рисунком. Он широко применяется в столярном деле и в производстве паркета. Этими же свойствами обладает и китайский ясень, древесина которого прекрасно поддается полировке и используется в Корее в качестве поделочного материала, а также в производстве железнодорожных шпал, клепки, столбов. Как поделочный материал высоко ценится бархатное дерево, отличающееся значительной прочностью, при необычайно легком весе древесины. Оно идет для выделки гнутой мебели, с успехом заменяя бук.

Основными районами заготовки лесных материалов являются бассейны рек Амноккан, Туманган и Тэдонган. По этим же рекам производится сплав леса в плотах к городам Синыйчжу (по р. Амноккан), Хверён (по р. Туманган) и Пхеньян (по р. Тэдонган), где сосредоточена лесопильная, деревообделочная и лесохимическая промышленность Кореи. В Северной Корее крупные центры лесозаготовок и лесопиления сложились также на железнодорожных линиях Сунчхон — Канге — Манпхочжин и Сончжин — Кильчжу — Хесанчжин.

В связи со значительным истощением лесных богатств Кореи за время японского господства правительство Корейской Народно-Демократической Республики приняло меры по рационализации лесозаготовок и лесонасаждению. Лесонасаждение в Северной Корее приобрело характер массового движения, в котором принимало добровольное участие взрослое население и школьники.

Для сельскохозяйственной страны, какой является Корея огромное значение имеют почвы. Наиболее плодородными почвами в Корее являются аллювиальные, расположенные почти исключительно в приустьевых участках рек. На горных склонах почвы каменисты и содержат большое количество обломков горных пород, что затрудняет их возделывание.

Красноцветные почвы, встречающиеся в районах распространения известняков (особенно в провинции Пхёнан-намдо), и буроземы, развитые на базальтах, неблагоприятны для поливного земледелия, так как подпочвенный слой их водопроницаем. Еще хуже сильно выщелоченные дождями красноземы на кристаллических породах в Южной Корее и на побережье Японского моря. Самые плохие почвы — желтоземы, продукт выветривания гранитов,— встречаются в Южной Корее. Корейские поля поэтому требуют тщательной обработки и очень хорошего удобрения.

НАСЕЛЕНИЕ

Численность населения Кореи к началу американской интервенции составляла около 30 млн. человек, что превышало численность населения в 1942 г. более чем на 3,5 млн. Это увеличение народонаселения страны за сравнительно короткий промежуток времени объясняется, помимо довольно значительного естественного прироста населения, также и возвращением в Корею после ее освобождения Советской Армией большого количества корейских эмигрантов, главным образом из Китая и Японии. Средняя плотность населения Кореи достигает 135 человек на 1 км². Из стран Азии только Япония превосходит Корею по плотности населения; все остальные страны, в том числе Китай и Индия, уступают ей.

Население размещено по территории страны весьма неравномерно. Не более чем на одной пятой площади Кореи плотность соответствует средней цифре или близка к ней; около половины всего населения живет на сравнительно узкой полосе равнин вдоль побережий Желтого моря и Корейского пролива, где плотность доходит до 200—250 человек на 1 км². В горных местностях страны плотность населения относительно не велика, и особенно сильно она падает во внутренних районах Северо-Корейских и Восточно-Корейских гор, где можно встретить обширные территории, почти лишенные постоянного населения.

По национальному составу население Кореи однородно. По данным 1942 г., корейцы составляли 96,7% населения страны, японцы — около 3%, прочие национальности, главным образом китайцы, — менее 0,5%. В настоящее время процент корейцев в составе народонаселения Кореи еще более увеличился, что объясняется возвращением на родину после освобождения

Кореи большого числа корейских эмигрантов, а также выездом из этой страны значительной части японского населения.

Захватив Корею и установив свое господство в этой стране, японские империалисты, около сорока лет жестоко эксплуатируя и угнетая корейский народ, стремились вместе с тем лишить корейцев их национальной самобытности и культуры. Было запрещено издание научной и художественной литературы на корейском языке; население принуждалось говорить только по-японски, насильно вводились японские обычаи, японская религия, корейцев заставляли менять свои фамилии на японские; к ним применялись особые законы и особая судебная процедура.

Однако корейский народ не склонил колен, не утратил своего национального достоинства. В упорной борьбе с японскими насильниками, ценой больших жертв и лишений он отстоял свою национальную культуру.

Длительное господство японских колонизаторов нанесло тяжелый урон корейской национальной культуре. Почти четыре пятых населения страны было неграмотно. Учебных заведений было очень мало. Корейские дети обучались в них на японском языке и получали почти исключительно начальное образование. Система обучения в корейских школах была пропитана японской милитаристической идеологией, имевшей задачей искоренение в корейском народе национального самосознания и демократических устремлений.

После освобождения Кореи национальная культура корейского народа стала быстро возрождаться на севере страны[1].

Богато одаренный корейский народ за свою многовековую историю создал множество замечательных мифов, стихов, песен, которые распространялись в стране лучшими сказителями и певцами. Художественное творчество корейского народа было высоко оценено русским писателем Н. Г. Гариным-Михайловским, собиравшим во время своего путешествия по Корее образцы фольклора. Корейский народ сохранил свой эпос и широко использует его в художественной литературе и театральных постановках.

В Корейской Народно-Демократической Республике возродилось изобразительное искусство корейского народа, уже успевшее проявить свой прогрессивный, демократический характер. Живописцы, скульпторы и мастера прикладного искусства, так же как писатели и поэты, в своих произведениях отражают созидательный труд корейского народа, его героическую борьбу

---

[1] См. статьи О. П. Петровой «Корейский язык и письменность», Б. В. Щетинина «Демократические преобразования в Северной Корее и образование КНДР».

за национальную независимость, за демократическое переустройство родины.

Гордостью корейского народа является его древнее и средневековое искусство, в котором корейцы были учениками китайцев и учителями японцев,— архитектура, дворцовая и храмовая живопись, керамика и разнообразные отрасли художественной промышленности: серебряные, лакированные, бронзовые изделия и вышивки. На основе художественной культуры Китая корейцы создали свое самобытное, глубоко национальное искусство, характерными чертами которого являются уравновешенность композиции, исключительное чувство меры, гармоническое сочетание отдельных частей. Корейские храмы, монастыри и дворцы представляют собой интереснейшие архитектурные ансамбли, с изумительным мастерством вписанные в пейзаж страны. Монументальное впечатление производят крепостные сооружения с гранитными стенами, высокими башнями и мощными полуциркульными арками ворот, над которыми высятся деревянные надстройки — павильоны.

В музеях Сеула, Кэсона, Пхеньяна и других городов страны были собраны разнообразные памятники материальной культуры корейского народа. В то время как в Северной Корее после освобождения страны и создания народно-демократического строя эти памятники тщательно охранялись и изучались, в Южной Корее, превращенной американскими империалистами в свою вотчину, лучшие произведения корейского зодчества погибали, археологические памятники хищнически раскапывались и вывозились, культурные ценности в музеях подвергались разграблению. За время американской оккупации Южной Кореи были разграблены художественная галерея дворца Пэксу, музей королевской семьи в Сеуле, где было собрано несколько тысяч ценнейших картин и скульптур, музей в Кэсоне. Из Центрального Сеульского музея были похищены все наиболее ценные экспонаты, в том числе золотая корона V в., шедевр изобразительного искусства периода Силла. Развязав преступную войну в Корее, американские империалистические захватчики довершили варварское уничтожение памятников материальной культуры корейского народа. Превращая в руины корейские города, они систематически разрушали и сжигали музеи, архитектурные сооружения и другие исторические ценности страны.

До настоящего времени корейцы носят национальный костюм, покрой которого восходит к китайскому образцу периода Минской династии (1368—1644). Европейское же платье носит только часть населения в городах. Национальный мужской костюм состоит из короткой куртки и широких шаровар, обычно из белой ткани; шаровары стягиваются у щиколотки полотня-

ными белыми чулками. В костюме пуговицы и карманы заменены тесемками и кисетами. Поверх костюма надевается халат с отложным воротником и широкими рукавами, преимущественно светложелтого или белого цвета. Мужской костюм довершают резиновые туфли без каблуков — комусин и шляпа, ношение которой в Корее составляет привилегию мужского населения.

Костюм корейской женщины состоит из короткой шелковой кофты, длинных шаровар и надетой поверх них юбки. Цвет женского костюма зависит от возраста женщин. Девушки и молодые женщины носят цветные платья, пожилые же женщины—исключительно белые. Независимо от возраста корейские женщины причесываются одинаково, зачесывая свои густые черные волосы кверху и связывая их на затылке в массивный узел.

Основная масса населения Кореи сосредоточена в селах и деревнях, планировка которых отличается беспорядочностью и отсутствием прямых улиц. Дома часто размещены в зависимости от рельефа местности и в больших селах ставятся очень близко друг к другу. В иных случаях сельские строения вытягиваются длинной улицей вдоль дороги или применительно к извилинам долины.

Типичные крестьянские дома — одноэтажные, глинобитные. Только в горных районах Северной Кореи, богатых строевым лесом, можно встретить деревянные рубленые постройки. Крыши домов обычно четырехскатные, крытые рисовой или ячменной соломой. Соломенные кровли каждые два года обновляют, покрывая старый слой новым слоем, поэтому толщина соломенного покрытия со временем все увеличивается. Для предохранения от сильных ветров кровля закрепляется сетью из веревок. Иногда корейцы покрывают крыши изогнутой черепицей, которую укладывают выпуклой стороной вниз так, что образуются ряды желобов.

Важнейшей составной частью каждого корейского жилья является кан — древняя восточноазиатская система отопления, использующая отходящие горячие газы кухонного очага. Под всем полом дома проходит разветвленный дымоход, выложенный из кирпича или камня, который соединяет кухонный очаг с дымовой трубой, расположенной вне дома. Пол согревается довольно хорошо и остается продолжительное время теплым, так что зимой температура в помещениях поддерживается без специальных затрат на отопление. Особенностью корейских строений является также отсутствие застекленных окон. Их заменяют решетчатые рамы, оклеенные с обеих сторон прозрачной бумагой. Двери отличаются от окон лишь по величине. Двери и окна раздвижные.

Города в Корее сравнительно немногочисленны. В 1950 г. в этой стране насчитывалось несколько более 60 поселений городского типа с населением свыше 10 тыс. человек. Из этих городов 12—крупные, с числом жителей более 100 тыс., и 13 с населением от 50 до 100 тыс. человек. Все большие города расположены на морских побережьях или вблизи моря, на главном магистральном пути Кореи — от устья Амноккана на юго-восток полуострова, к Корейскому проливу.

Корейские города очень неоднородны по характеру планировки и архитектуры. Центральные районы крупных городов обычно имеют современную европейскую систему прямоугольной или лучевой планировки улиц. Главные улицы широки, асфальтированы и застроены многоэтажными зданиями, часто европейского типа. Здесь сосредоточена деловая жизнь города. Окраины корейских городов мало отличаются от сельских поселений по характеру своей планировки и застройки. Кривые, узкие улицы, не более 2—3 м ширины, образуются из отдельных проходов между беспорядочно разбросанными постройками и оградами дворов или следуют вдоль течения речек, которые используются взамен канализации. Даже в больших городах,

Провинции и города Кореи

Провинция	Административный центр провинции	Площадь в тыс. км²	Население * в тыс. чел.	Число жителей на 1 км²
Хамгён-пукто	Нанам	20,37	1 222,4	60
Хамгён-намдо	Хамхын	31,97	2 055,0	74
Чагандо	Канге	} 28,44	1 896,3	67
Пхёнан-пукто	Синыйчжу			
Пхёнан-намдо	Пхеньян	14,94	1 787,5	120
Хванхэдо	Хэчжу	16,74	1 956,2	117
Канвондо	Вонсан	26,26	1 866,2	71
Кёнгидо	Сеул	12,82	3 223,8	252
Чхунчхон-пукто	Чончжу	7,24	979,4	132
Чхунчхон-намдо	Тэчжон	8,10	1 667,8	251
Чолла-пукдо	Чончжу	8,55	1 721,2	201
Чолла-намдо	Кванчжу	13,89	2 817,5	201
Кёнсан-пукдо	Тэгу	18,99	2 634,8	139
Кёнсан-намдо	Пусан	12,30	2 470,3	201
	Всего . . .	220,61	26 298,1	119

* По данным на конец 1942 г.

типа Сеула, окраины часто застроены одноэтажными глинобитными домами с соломенными кровлями.

В портовых городах Кореи, которые в большей мере подверглись реконструкции, разница в характере планировки и типе строений между центром и окраинами, а также между большими и маленькими городами обычно выражена в гораздо меньшей степени.

Сеул, политический, культурный и экономический центр Кореи, расположен в долине р. Ханган, в 90 км от впадения ее в море. С конца XIV в. он стал столицей Корейского государства. В 1948 г., по решению Верховного народного собрания Кореи, Сеул был объявлен столицей Корейской Народно-Демократической Республики. Пхеньян, административный центр провинции Пхёнан-намдо и крупнейший город Северной Кореи, расположен на берегах р. Тэдонган, в 100 км от ее устья. Это один из старейших городов Кореи, до середины VII в. бывший столицей северокорейского государства Когурё. В городе сосредоточено большое число исторических памятников, культурных учреждений и промышленных предприятий. В настоящее время Пхеньян является временной столицей Корейской Народно-Демократической Республики, возглавляя общие усилия корейского народа в борьбе за национальную независимость и демократию. Пусан является важнейшим портом страны. Он занимает исключительно важное стратегическое положение на юго-востоке Корейского полуострова и является центром укрепленного района на юге Кореи.

В настоящее время почти все большие города Кореи варварски разрушены и сожжены американскими империалистами. До основания разрушена столица государства, где уничтожено четыре пятых всех жилых строений, сотни промышленных предприятий и большое количество культурных учреждений и ценнейших исторических памятников. «Современный большой город Сеул, являющийся исторической столицей Кореи...,— указывается в Сообщении № 4 Комиссии ЦК ЕДОФ по расследованию злодеяний и определению ущерба, причиненных американскими агрессорами и кликой Ли Сын Мана,— совершенно потерял свой прежний облик и превратился в развалины и пустыню, где валяются груды кирпича и торчат обуглившиеся столбы»[1]. В груды развалин американские варвары превратили Пхеньян — второй по величине город страны, цитадель демократического движения в Корее. До основания разрушены Хыннам, Хамхын, Синыйчжу, Чхончжин, Вонсан, Нампхо, Инчон; разрушены многие другие города Кореи.

---

[1] «Злодеяния американских империалистов». Пхеньян, «Новая Корея», 1951, стр. 88.

Корейский народ не забудет и не простит совершенных преступлений. Американские империалисты понесут суровое наказание за уничтожение цветущих городов, развитой промышленности, колоссальных материальных и культурных ценностей, накопленных корейским народом за длительный период его истории; они ответят за истребление населения, за убийства стариков, женщин, детей Кореи.

Велики разрушения в Корее и испытания, выпавшие на долю корейского народа. Но нет сомнения в том, что сильный духом, энергичный и талантливый корейский народ, отстоявший свою свободу и независимость в борьбе против американских интервентов, возродит свои города, свое хозяйство и культуру.

В. П. НИХАМИН, Г. Д. ТЯГАЙ,
Ф. И. ШАБШИНА

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

(с древних времен до освобождения в 1945 г.)

ПЕРИОД ДРЕВНЕЙ И СРЕДНЕЙ ИСТОРИИ

Несмотря на скудость источников, освещающих древнюю историю корейского народа, имеются все основания считать, что предки современных корейцев населяли Корейский полуостров за много столетий до нашей эры. Корейские племена занимали территорию всего полуострова, но наиболее заселены были долины рек Амноккан, Тэдонган и Ханган, а также юго-западное и юго-восточное побережья полуострова. Занимались древние корейцы охотой, рыбной ловлей, позднее земледелием. Жили родами и племенами. Археологические раскопки и свидетельства китайских источников рисуют картину жизни древних корейцев — картину первобытно-общинного строя в период его расцвета. Развитие производительных сил корейских племен создало условия для возникновения частной собственности и зарождения неравенства внутри родовой общины. Этот этап начался раньше всего среди более передовых племен Северной Кореи. О нем повествует легенда о Кидзе, якобы основавшем в 1122 г. до н. э. в Северной Корее княжество Чосон. Княжество, вероятнее — племенное объединение, Чосон действительно существовало, но достоверные сведения о нем, упоминаемые в китайских источниках, появляются начиная лишь с III в. до н. э.

Центральную и южную части Корейского полуострова в III в. до н. э. занимали три родо-племенных объединения: Махан (в долине р. Ханган), Пёнхан (в юго-западной части полуострова) и Чинхан (на его восточном побережье), в которых еще господствовали первобытно-общинные отношения. В начале нашей эры на Корейском полуострове сложились три племенных

союза: Когурё — на территории Северной Кореи и Ляодунского полуострова, Силла — на юго-востоке полуострова, Пэкче — на западе, в долине р. Ханган.

Основным содержанием истории Кореи в первые века нашей эры являлась окончательная ломка первобытно-общинных отношений, формирование классов и обострение классовой борьбы, сопровождавшиеся развитием указанных выше племенных союзов в государства и распространением их власти на всю территорию полуострова. Рост производительных сил, связанное с ним разделение труда и возникновение обмена содействовали накоплению богатства у племенной знати и закабалению ею свободного населения страны [1]. Широко практиковалась трудовая повинность. Тысячи рабов и свободных крестьян сгонялись на строительство дорог, ирригационных сооружений и дворцов знати. Судя по упоминаниям о хранилищах зерна и больших запасах в них, можно полагать, что значительная часть крестьянского труда отчуждалась в виде натуральных податей в пользу королевского дома и знати. Закабаление свободного населения вызывало решительное сопротивление с его стороны. Например, в начале IV в., в связи с попыткой короля Когурё мобилизовать население на строительство нового дворца, в столице Когурё вспыхнуло народное восстание.

В I в. до н. э. в Корее начало распространяться конфуцианство. Новое учение, проповедовавшее неравенство между людьми, было охотно воспринято корейской знатью.

Наряду с конфуцианством в Корею проникали элементы китайской культуры, сыгравшие положительную роль в развитии корейской культуры. Знать корейских племен перенимала китайскую письменность, которая позднее стала официальной письменностью во всех корейских государствах. В Корею усиленно завозились китайские книги, при дворах королей стали появляться китайские ученые.

К IV—V вв. н. э. во всех корейских государствах распространился буддизм. В Когурё и Пэкче буддийские монахи появились в конце IV в., в Силла в V в. Они были приняты с большим почетом, им было разрешено основывать монастыри и предоставлены для этой цели огромные земли. Такое отношение к буддизму определялось стремлением феодализирующейся

---

[1] Какой характер носили общественные отношения в древних корейских государствах? К сожалению, пока имеется мало данных, чтобы исчерпывающе ответить на этот вопрос. О наличии большого количества рабов у королей и придворной знати, о серьезном значении рабского труда свидетельствуют многие источники. Во всех трех государствах существовали законы об отдаче в рабство за преступления. Однако главную роль в производстве основных средств существования играли свободные крестьяне, обязанные королю и знати рядом повинностей.

корейской знати использовать идеологию буддизма и буддийскую церковь для укрепления своего господства.

Первоначально Когурё, Пэкче и Силла были окружены множеством самостоятельных племен, подчинение которых стало одной из главных задач правителей этих родо-племенных союзов. История Кореи в первые века нашей эры характеризуется соперничеством и ожесточенной борьбой корейских племенных союзов (позднее — государств) за преобладающее влияние на полуострове. Эта борьба протекала с переменным успехом до 70-х годов VII в., когда при решающей поддержке могущественной Танской династии Китая государству Силла удалось сломить сопротивление Когурё и Пэкче и распространить свою власть почти на всю территорию Кореи.

В первые десятилетия после объединения полуострова государство Силла переживало подъем. Прекращение разорительных войн благотворно сказалось на экономике страны. Началось освоение пустовавших пограничных земель. На побережье стали возникать новые поселки и города, росло население.

Экономической основой господства корейских феодалов в период расцвета Силла являлась феодальная собственность на землю, осуществляемая в форме надельной системы. Ее сущность заключалась в том, что земля считалась собственностью государства, точнее — короля. Все же лица, которые пользовались землей, считались получившими ее во временное владение. Королевский указ 685 г. запрещал предоставлять земельные участки в собственность кому бы то ни было. По этому указу, содержание чиновникам и знати должно было выдаваться исключительно натурой (рис и т. п). Однако знать и чиновничество получали наделы, размеры которых в десятки раз превышали крестьянские. Фактически многие феодалы владели огромными участками, только формально считавшимися временными наделами. За пользование земельными наделами крестьяне уплачивали поземельную подать рисом и другими продуктами и подушную подать изделиями домашнего ремесла (шелк, ткани и т. д.), а также несли трудовую повинность. Поступавшие сборы и подати являлись тем прибавочным продуктом, который распределялся среди представителей господствующего класса в виде пайков и жалования. Подати и повинности ложились на плечи крестьянина тяжким бременем.

Экономический подъем государства Силла сопровождался расцветом ремесла и внешней торговли. В VIII—IX вв. государство Силла поддерживало торговые сношения с Китаем и Японией, к его берегам прибывали даже арабские корабли.

Силла было одним из культурных государств Дальнего Востока. Его столица Кёнчжу была большим городом, с многотысячным населением, пышными дворцами, многочисленными храмами, величественными зданиями пагод и монастырей. Чудом строительной техники считалась башня, выстроенная для астрономических наблюдений, с огромными водяными часами.

В эпоху Силла в Корее получили распространение географические, астрономические и некоторые технические знания. Однако культура Силла носила узкий придворный характер и была недоступна народным массам.

С начала IX в. в государстве Силла стали проявляться признаки экономического и политического упадка. Главной причиной этого являлся кризис экономической системы, на которой основывалось господство аристократии. Надельная система становилась препятствием к дальнейшему развитию сельского хозяйства. Урожайность падала, все чаще страну постигали неурожаи. Поступление зерна и других продуктов уменьшалось, материальные ресурсы королей сокращались, что ослабляло их политическую власть. Единственный выход из экономических затруднений правители Силла видели в дальнейшем усилении эксплуатации крестьян и ремесленников.

Крестьяне, стремясь избавиться от невыносимого гнета, бежали с насиженных мест. По дорогам Силла скитались тысячи бездомных людей.

Одним из факторов, способствовавших ослаблению центральной власти, было выделение владений отдельных феодалов. Те из феодалов, которые не принадлежали к придворной аристократии и проживали в провинции, стремились превратить предоставленные им наделы в наследственные владения, расширить их и управлять ими без контроля со стороны центральных властей. В этом же были заинтересованы и буддийские монастыри. Стремясь обеспечить свои земли рабочей силой, они принимали беглых крестьян и предоставляли им на первое время несколько лучшие условия, чем на государственных землях. Феодальные поместья постепенно крепли. Их владельцы обзаводились вооруженными дружинами, вербуя в эти дружины разорившихся крестьян. Владельцы феодальных поместий и монастыри становились серьезной политической силой, враждебно относившейся к придворной аристократии. Однако главной силой, выступавшей против режима Силла, являлось крестьянство. Стихийные вспышки крестьянских возмущений в IX и X вв. происходили по всей стране. Разрозненное, неорганизованное крестьянство, хотя и не могло сломить могущества аристократии Силла, но своей борьбой расшатывало и подрывало ее влияние.

К концу IX в. правители Силла фактически уже не контролировали всю территорию страны. Отдельные феодалы подчиняли себе целые области. Между ними происходили бесконечные столкновения и войны. Одному из феодальных военачальников, Ван Гёну, удалось в начале X в. подчинить себе северо-западную и центральную части Кореи, после чего он в 918 г. провозгласил себя королем, а свои владения королевством Корё. Столицей Корё стал город Сондо.

Учитывая необходимость поддержки со стороны крестьян в борьбе против Силла, Ван Гён счел целесообразным пойти на некоторые уступки: он издал указ об освобождении крестьян от недоимок за прежние годы и уплаты налогов в течение трех лет. Наряду с этим Ван Гён раздавал буддийским монастырям крупные владения и тратил значительные средства на постройку храмов и создание буддийских школ.

В 935 г., после отречения короля Силла, владения Корё распространились на весь полуостров. Вместо аристократии Силла господствующее положение в стране заняли провинциальные феодалы и буддийская церковь. Крестьянство, борьба которого против правителей Силла сыграла решающую роль в создании государства Корё, ничего не выиграло от смены королей. Мероприятия в защиту прав крестьянства, предпринятые в разгар борьбы против Силла, носили демагогический характер и фактически не проводились в жизнь. После поражения Силла соображения, заставлявшие идти на известные уступки крестьянам, отпали, и поборы и повинности стали все больше возрастать. В середине X в. в Корее произошли серьезные крестьянские волнения.

Достигнутое при Ван Гёне объединение страны и усиление центральной власти укрепили внешнее положение Кореи.

В 939 г. Китай официально признал государство Корё. В том же году оно было признано государством киданей, образовавшимся в середине IX в. в пределах нынешнего Северо-Восточного и Северного Китая.

В начале XI в. государство киданей превратилось в серьезную силу и стало угрожать самостоятельности Кореи. В 1010 г. огромная киданьская армия переправилась через р. Амноккан и вторглась далеко в пределы полуострова. Война с киданями затянулась на десять лет, в течение которых Северная Корея подвергалась опустошению. Корейский народ, несмотря на раздоры между феодалами, оказал захватчикам героическое сопротивление и отстоял независимость своей страны. В 1019 г. под руководством выдающегося корейского полководца Кан Чам Чана полчищам киданей было нанесено решающее поражение, после которого кидани вынуждены были заключить с Корё мир.

Особое положение занимала в Корё буддийская церковь. Располагая огромными владениями и собственными крупными вооруженными отрядами, церковь была могущественной силой. Короли вынуждены были не только считаться с нею, но и часто прибегать к ее помощи. При преемниках Ван Гёна влияние буддийской церкви еще больше возросло.

Буддийская церковь использовала затруднения королевской власти во время войн с киданями для укрепления своего влияния. За материальную и военную поддержку короли дарили монастырям всё новые земли, назначали на важнейшие посты буддийских монахов и обеспечивали проведение выгодных для церкви мероприятий. В союзе церкви и королевской власти господствующее положение занимала церковь. Светские феодалы не хотели мириться с подобным положением: они стали на путь борьбы против королевской власти и особенно против буддийских монастырей. Недовольство господством церкви проявляли и мелкие феодалы, мечтавшие о захвате церковных земель.

Беспрерывные войны и грабежи, непомерный рост поборов и повинностей делали невыносимым положение крестьян. В стране обострялась классовая борьба, вылившаяся в конце XII в. в ряд крестьянских восстаний. Восставшие уничтожали ненавистных феодалов и жгли буддийские монастыри. «Знать не создана знатью по воле неба. Великие люди — это те, кто поступает справедливо. Будем бороться за свои права»,— призывали крестьяне. Восстанием были охвачены многие районы Кореи. Особенно упорный характер носила борьба крестьян на о-ве Чечжудо.

В то же время усиливалась борьба и внутри господствующего класса феодалов. Эта борьба привела к полной анархии в стране: многие из феодалов использовали создавшееся положение, чтобы отказаться даже от номинального подчинения королевской власти. Раздоры между феодалами облегчили монгольским завоевателям подчинение Кореи. Утвердившись на севере и северо-востоке Китая, преемники Чингис-хана стали угрожать Корее. В 1231 г. они предприняли первое вторжение в Корею, где встретили упорное сопротивление со стороны войск и населения. Несмотря на это, корейские феодалы поспешили заключить с монголами соглашение, признав зависимость Кореи от них и обязавшись выплачивать тяжелую дань. Даже когда летом 1232 г. возмущенное население оккупированных районов восстало и изгнало монгольских захватчиков, а их новые попытки вторгнуться в Корею были успешно отражены, феодалы Корё не возглавили борьбу с монголами. Король и придворная знать бежали на о-в Канхва, бросив страну на произвол судьбы. Когда же в 1235 г. монгольские полчища снова

напали на Корею, многие корейские феодалы, предавая интересы своей страны, вступали в соглашение с ними. Все это позволило завоевателям, не встречавшим организованного отпора, пройти по всей стране, до ее южного побережья. Корея была разорена: города и поселки лежали в развалинах, тысячи жителей были угнаны в рабство. Опустошив страну и лишив ее возможности серьезного сопротивления, завоеватели пошли на соглашение с правителями Корё. Они предпочитали держать корейский народ в повиновении с помощью корейских же феодалов. Страна была обложена огромной данью. Свое господство монголы поддерживали жестоким террором.

Страшное монгольское иго нависло над Кореей. Монгольские ханы использовали ее территорию как плацдарм для подготовки вторжения в Японию. Постройка флота, заготовка продовольствия, содержание огромной монгольской армии — все это легло тяжким бременем на разоренную и истощенную Корею. Для покрытия расходов на войну был введен дополнительный налог, десятки тысяч крестьян сгонялись на рубку леса и строительство кораблей.

Грабежи и насилия завоевателей вызвали решительное сопротивление народа. Оно выразилось в восстании корейских солдат, предназначенных для отправки в Японию. Их выступление поддержали крестьяне Южной Кореи. Но народное восстание было подавлено монгольскими войсками.

Сближение феодальной верхушки Корё с монгольскими ханами стало более тесным после завоевания монголами Китая. Король и крупные феодалы Кореи искали поддержки у монгольских императоров Китая. Они регулярно совершали поездки в Пекин и подолгу оставались там. При корейском дворе все более важную роль играли представители монгольской знати. При малейшем неповиновении монгольские императоры сменяли правителей Кореи. Буддийская церковь, стремясь сохранить свои земли и влияние, также придерживалась монгольской ориентации, призывая население к покорности монголам.

В XIV в. начались набеги на Корею японских пиратов, опустошавших прибрежные районы. Правители Кореи оказались неспособными организовать оборону побережья, посылаемые ими отряды терпели поражение. Японские пираты с каждым годом действовали смелее, их банды появлялись даже в окрестностях столицы. В середине XIV в. положение Кореи было очень тяжелым: система орошения пришла в упадок, неурожаи следовали один за другим, голод и эпидемии уносили многие тысячи жизней. Народ Кореи изнывал под тройным гнетом — монгольских завоевателей, светских феодалов и буддийской церкви, страдал от набегов японских пиратов.

Корейское крестьянство решительно выступало против феодального гнета и против монгольских завоевателей.

Мелкие и средние феодалы также страдали от произвола монголов, от притеснений церкви и анархии в стране; они добивались ликвидации монгольского засилия, передачи им земель монастырей и знати Корё и установления сильной власти, способной подавить крестьянские восстания и обеспечить оборону страны.

Огромное значение для освобождения Кореи от монгольского ига имела победа китайского народа, в 1363 г. изгнавшего монгольских завоевателей из Китая. Попытки правителей Корё и буддийской церкви оказать поддержку монгольским феодалам в борьбе против китайских народных масс вызвали возмущение корейского народа и привели к еще большей изоляции двора и правящей знати. Во многих местах вспыхивали восстания, заканчивавшиеся изгнанием монгольских отрядов и их пособников. Успешная народная борьба против монголов заставила короля Корё в 1369 г. заявить о переходе под покровительство победившей в Китае династии Мин.

Однако придворная знать, церковь и крупные феодалы, опасаясь за свои привилегии, попрежнему ориентировались на монгольских ханов. В 80-х годах XIV в. король Кореи Син У порвал с Минской династией и приказал готовиться к войне с Китаем. Это известие вызвало возмущение не только в массах корейского трудового народа, но и среди части дворянства.

Военачальник Ли Сон Ге, назначенный в 1388 г. командующим войсками, предназначенными для отправки в Китай, воспользовался всеобщим недовольством против этого похода и призвал солдат не подчиняться королевскому приказу. Солдаты восторженно встретили это обращение. В его войско со всех сторон начали притекать добровольцы. Ли Сон Ге без труда овладел столицей и стал фактическим правителем Кореи. В 1392 г. он объявил себя королем, положив начало правлению новой династии. Чтобы подчеркнуть отличие своей политики от политики правителей Корё, Ли Сон Ге переименовал Корё в Чосон и перенес столицу в Сеул. Минские императоры признали новую династию и обещали ей свое покровительство.

Ли Сон Ге опирался на поддержку мелких и средних феодалов, в интересах которых был проведен ряд преобразований. Королевскими указами 1401 и 1420 гг. значительная часть земель крупных феодалов и монастырей была конфискована. Изъятые земли составили огромные фонды, которые и были распределены между дворянами. Хотя юридически восстанавливалась государственная собственность на землю и устанавливалось, что земля может предоставляться лишь во временное пользование

лицам, находившимся на государственной службе, фактически розданные таким образом земли становились пожизненными и даже наследственными владениями.

Решительный удар позициям буддийской церкви и крупным феодалам был нанесен военной и административной реформами. Указ 1398 г. запрещал частным лицам и монастырям иметь вооруженные отряды. Одновременно была введена обязательная военная служба для всех мужчин, за исключением чиновников. Реорганизация военных сил позволила обеспечить оборону побережья от набегов японских пиратов.

Неограниченным главой государства считался король, который управлял при помощи совета из высших чиновников. Центральное управление состояло из шести палат: чинов, финансов, церемоний, военной, уголовной и общественных работ. Реорганизация местного управления свелась к установлению четкого территориального деления страны на восемь провинций, во главе которых стояли назначенные королем губернаторы — камса, и на уезды и волости — во главе с назначенными сверху чиновниками. Введенное при Ли Сон Ге территориальное деление сохранилось до конца XIX в.

Административный и военный аппарат вербовался исключительно из представителей дворянства. Сама принадлежность к этому господствующему сословию стала определяться нахождением на государственной службе.

Борясь против могущества буддийских монастырей, новая династия и поддерживавшие ее силы враждебно относились к идеологии буддизма. Специальными указами 1413 и 1429 гг. буддийское учение объявлялось ложным и население освобождалось от обязательного исполнения буддийских обрядов. Зато всячески поощрялось конфуцианство, которое корейские феодалы использовали, чтобы легче держать в повиновении народные массы.

Мероприятия Ли Сон Ге и его преемников покончили с засилием крупных феодалов и монастырей и привели к укреплению центральной власти.

В конце XIV—начале XV в. в Корее феодальные производственные отношения соответствовали уровню развития производительных сил. В этих условиях преобразования Ли Сон Ге и его преемников открывали возможности для дальнейшего развития производительных сил. Этим объясняется подъем экономики феодальной Кореи в XV—начале XVI в. Важнейшим показателем этого подъема был рост посевных площадей. За 13 лет (1391—1404) посевные площади выросли с 798 127 до 922 677 кёль[1]. В XV в. происходило дальнейшее их увеличение.

[1] Кёль — мера площади, урожай риса с которой составлял в среднем 102 пуда.

Особое внимание было уделено сооружению и восстановлению оросительных систем и поощрению садоводства и шелководства. В XV в., в результате мероприятий, обеспечивших безопасность Северо-Восточной Кореи от набегов маньчжурских племен, эти районы были заселены и в них стало развиваться сельское хозяйство.

Значительное развитие получили ремесло и торговля. Рост торговли выражался в регулярном проведении местных и общих ярмарок. Увеличилось значение городов как центров ремесленного производства и торговли. Новая столица Кореи—Сеул—превратилась к XVI в. в самый крупный город страны. Однако в условиях феодальной Кореи XVI в. развитие товарного производства не вело к возникновению капитализма. И. В. Сталин указывал, что товарное производство «...существовало при феодализме и обслуживало его, однако, несмотря на то, что оно подготовило некоторые условия для капиталистического производства, не привело к капитализму[1]». Хозяйство Кореи в основном продолжало оставаться натуральным; подавляющее большинство населения страны почти целиком удовлетворяло свои потребности продукцией собственного производства.

Внутреннее укрепление страны благотворно сказывалось на ее внешнеполитическом положении. Несмотря на формальное признание верховенства Китая, Корея пользовалась полной самостоятельностью. Корейско-китайское содружество позволяло успешно отражать набеги кочевых племен.

Это содружество положительно сказалось и на корейской культуре, развивавшейся под значительным влиянием культуры Китая и достигшей в XV и XVI вв. нового подъема. В 1403 г. в Корее был изобретен разборный металлический шрифт для печатания книг. Важным достижением корейской культуры было изобретение в 1446 г. национального алфавита, способного полностью заменить иероглифическое письмо. Вместе с металлическим шрифтом этот упрощенный алфавит мог бы содействовать быстрому подъему культуры страны. Однако корейское дворянство не было заинтересовано в распространении грамотности. Поэтому все официальные документы и большинство книг попрежнему печатались китайскими иероглифами. Все же новый алфавит получил широкое распространение, и на нем было записано немало народных песен, сказок, былей. Важным событием в культурной жизни Кореи было завершение многотомного исторического труда «Тонгук тонгам», излагавшего историю Кореи с древнейших времен до 1392 г.

[1] И. Сталин. Экономические проблемы социализма в СССР. Госполитиздат, 1952, стр. 15.

Однако подъем, наметившийся после реформ конца XIV — начала XV в., был относительно непродолжителен, и уже в середине XVI в. все явственнее стали обозначаться признаки кризиса и упадка. После того как дворянство закончило дележ земель и заполнило все свободные должности в центральном и местном аппарате, оно стало усиливать эксплуатацию крестьян. Внутри дворянства началась борьба за власть, губительно отражавшаяся на положении страны. Со второй половины XVI в. эта борьба приняла особенно острый характер. Придворные сановники разделялись на два враждебных лагеря, за которыми закрепились названия по месту происхождения их руководителей: тонин — восточные и соин — западные.

На рост налогового гнета и произвол властей крестьянство и городская беднота отвечали усилением сопротивления. В 1504 г. в Сеуле вспыхнуло восстание, вызванное бесчинствами короля и высших сановников. Новое возмущение в столице произошло в 1548 г. В 1563 г. имели место крестьянские восстания, подавленные королевскими войсками.

Одним из результатов коррупции и произвола стоявших у власти дворянских групп был упадок военных сил Кореи. Установленная в 1398 г. воинская повинность к концу XVI в. фактически не существовала. Широкое распространение получила практика откупа от воинской службы. Местные чиновники за взятки освобождали обязанных служить, показывая, однако, их имена в списках призванных. Разрыв между списочным и наличным составом войск был чудовищный. В полный упадок пришли некогда мощные прибрежные крепости. А между тем над Кореей нависла серьезная угроза. Во второй половине XVI в. Япония была объединена под властью Тоётоми Хидэёси. Выражая захватнические устремления японских феодалов, Хидэёси решил предпринять завоевание Кореи и Китая.

В апреле 1592 г. многотысячное японское войско высадилось на юге Корейского полуострова, в районе Пусана. Японцы были тщательно подготовлены к войне и вооружены большим количеством огнестрельного оружия. Овладев прибрежными крепостями, они развернули стремительное наступление вглубь полуострова. Корейские феодалы, несмотря на готовность населения оказать сопротивление захватчикам, не сумели организовать оборону южных провинций. Через две недели после высадки японцы захватили Сеул. Развивая наступление на север, японские отряды заняли Пхеньян и оккупировали многие города на северо-востоке полуострова.

Японские военачальники были уверены в скорой победе. Однако в действительности положение завоевателей, несмотря на достигнутые успехи, было очень шатким. На защиту своей

родины повсюду поднимались широкие народные массы Кореи. В оккупированных японцами районах создавались партизанские отряды, дезорганизовавшие японские коммуникации. Из городов, занятых японцами, население бежало, уничтожая запасы продовольствия и фуража. На севере, в не занятых японцами районах, создавалось массовое народное ополчение. Борьба с японскими завоевателями превращалась в народную войну. К осени 1592 г. в ходе войны наступил резкий перелом.

Огромное значение в этом переломе имели действия корейского флота, возглавляемого адмиралом Ли Сун Сином. Талантливый организатор, стратег и изобретатель, Ли Сун Син еще накануне войны провел ряд мер по укреплению флота; его корабли были значительно крупнее и маневреннее японских, хорошо вооружены метательными аппаратами и имели окованные железом носы. Особый ужас на японцев наводило изобретенное Ли Сун Сином быстроходное бронированное судно «кобуксон». В июне 1592 г. корейским флотом был наголову разгромлен японский флот, направлявшийся в Корею с 60-тысячным подкреплением. После этой победы корейский флот полностью господствовал на море, сделав невозможным переброску крупных японских подкреплений. Таким образом, корейский народ, несмотря на предательство и трусость корейских феодалов, сумел сорвать японские планы завоевания Кореи, приостановить японское наступление и создать предпосылки для разгрома захватчиков.

Большое значение для последующего поражения японцев имела помощь, оказанная Корее Китаем. Крупные китайские подкрепления прибыли в Северную Корею в конце 1592 г. С их помощью корейские войска перешли в наступление, в результате которого были освобождены Пхеньян и вся Северная Корея. Понесшие страшные потери японские отряды были отброшены к Сеулу.

Разгромленные японские захватчики вынуждены были просить о заключении перемирия. Однако они добивались мирных переговоров лишь для того, чтобы выиграть время и подготовить свежие силы для нового наступления. В конце 1596 г. они прервали переговоры и в 1597 г. предприняли новое вторжение в Корею.

В первоначальных успехах японцев решающее значение имела одержанная ими победа на море. Во главе корейского флота в это время не было Ли Сун Сина: из-за происков завидовавших ему сановников он был отстранен и разжалован в матросы. Однако поражение корейского флота вынудило короля вернуть на пост командующего Ли Сун Сина, который, преодолевая огромные трудности, добился быстрого перелома и уже

через несколько недель с десятью кораблями разбил крупные японские силы.

Упорное сопротивление встретили японцы и на суше. В решающем сражении в ноябре 1597 г. у городка Чиксан, южнее Сеула, главные силы японцев, наступавшие на столицу, потерпели поражение и были вынуждены отступить. После этого успеха корейско-китайские войска повсюду перешли в наступление. Огромное значение в этом наступлении сыграли действия народных партизанских отрядов.

К лету 1598 г. японцы были разгромлены, а их отдельные гарнизоны блокированы в портах. На море снова господствовал корейский флот, наносивший японцам огромные потери[1]. В создавшихся условиях японские правители предпочли отозвать остатки своих войск, признав тем самым провал планов завоевания Кореи. Мирный договор между Кореей и Японией был подписан только в 1608 г. Договор предусматривал восстановление мира и торговых отношений: японским купцам разрешалось на строго ограниченных условиях вести торговлю в Пусане. Никакой выплаты дани Кореей в договоре не предусматривалось. То, что обычно японские фальсификаторы истории называют обязательством Кореи уплачивать дань Японии, на деле было взаимным обязательством посылать посольства с подарками в торжественных случаях.

Тяжелой ценой отстоял корейский народ свою независимость. Плодородные равнины Южной Кореи запустели, города и поселки превратились в мрачные развалины. Население жестоко голодало.

Между тем внешнеполитическое положение Кореи снова осложнилось. В начале XVII в. выступило на историческую арену маньчжурское военно-феодальное государство, развернувшее завоевательные войны против Китая, Монголии, Кореи и других стран. Использовав в качестве предлога посылку 20-тысячного корейского отряда на помощь китайским войскам, маньчжуры в 1627 г. вторглись в Корею. Им удалось овладеть пограничными крепостями и взять Пхеньян. Король и двор бежали на о-в Канхва.

По соглашению, заключенному между Кореей и Маньчжурией, обе стороны обязались поддерживать дружественные отношения. Соглашение это, однако, немедленно было нарушено маньчжурами, разграбившими при отходе Пхеньян и многие

---

[1] В одном из морских сражений, в ноябре 1598 г., погиб славный корейский патриот и флотоводец Ли Сун Син. Его память свято чтит корейский народ. Президиум Народного собрания КНДР установил в качестве награды за воинские доблести «Орден Ли Сун Сина».

другие города и постоянно совершавшими разбойничьи набеги на корейскую территорию.

В октябре 1636 г. начался новый поход маньчжуров против Кореи. На этот раз их войска заняли не только северные районы, но и Сеул. Король, бежавший на юг, был осажден в крепости Намхан, гарнизон которой героически сопротивлялся, несмотря на недостаток продовольствия. Однако, когда маньчжуры захватили королевскую семью на о-ве Канхва и разбили направлявшиеся к Намхану подкрепления, корейский двор капитулировал. В январе 1637 г. был подписан новый договор, по которому Корея признавала маньчжурский сюзеренитет, обязывалась уплачивать огромную дань и оказывать маньчжурам помощь в войне с Китаем. После подписания договора маньчжурские войска ушли из Кореи, оставив за собой опустошенную страну и угнав тысячи заложников.

ПЕРИОД НОВОЙ ИСТОРИИ

Корея под маньчжурским игом

В социально-экономическом отношении Корея к концу средних веков представляла собой страну, типичную для феодального периода. Около девяти десятых населения занималось сельским хозяйством, и основной национальный доход составляли доходы с земли. Это явление характерно для стран со слабо развитым товарным хозяйством, где, как отмечал В. И. Ленин, население представляется почти исключительно земледельческим [1].

Основой феодализма в Корее, как и в других странах, являлась феодальная собственность на землю.

Корейский король считался верховным собственником всей земли. Фактически, однако, в Корее к тому периоду существовало четыре типа землевладения:

наибольшая часть лучших земель была приписана к дворцовому ведомству; доходы; с этих земель шли на содержание королевской семьи;

вторую группу землевладения составлял земельный фонд, доходы с которого предназначались на содержание центральных и провинциальных учреждений; сюда же относились участки, передававшиеся, вместе с проживавшими на них крестьянами, в качестве жалования чиновникам;

к третьей группе относились монастырские земли, принадлежавшие некогда могущественным буддийским монастырям;

---

[1] См. В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 18.

четвертую группу составляли частновладельческие поместья корейских феодалов, образовавшиеся из земель, некогда подаренных королем особо отличившимся чиновникам[1].

Корейские крестьяне собственной земли не имели и арендовали ее. Все корейское крестьянство делилось на две группы: первую группу составляли крестьяне—арендаторы помещичьих земель, вторую — крестьяне, арендующие наделы на государственных или дворцовых землях. Корейские помещики — янбани обычно сами не вели хозяйства в деревне, а, живя в столице или провинциальных центрах, сдавали свою землю в аренду крестьянам. На арендную плату уходила львиная доля всего урожая. Техника обработки земли была до крайности примитивна. Крестьянин работал заступом и лопатой. Вол был редкостью в хозяйстве корейского крестьянина. Кроме уплаты бесчисленных налогов, крестьяне выполняли разнообразные натуральные повинности. Корейский крестьянин, скованный путами феодальной зависимости от помещика и правительственными поборами, неминуемо оказывался в долгу и у ростовщика.

Основу промышленности Кореи составляла домашняя крестьянская промышленность, еще неразрывно связанная с земледелием и представлявшая собой неотъемлемую часть крестьянского натурального хозяйства. Наряду с этим уже большое место занимает и ремесло, являющееся, по определению В. И. Ленина, «первой формой промышленности, отрываемой от патриархального земледелия...»[2]

Преобладающая масса корейских ремесленников жила в столице (так называемые столичные мастера) и в провинциальных центрах (внешние мастера). Часть ремесленников была приписана к королевскому двору, к центральным и провинциальным учреждениям. К 1866 г. число так называемых государственных ремесленников достигло 5451 только в провинциальных центрах[3]. Немногим меньше государственных ремесленников было в столице. Кроме того, были «бродячие» ремесленники, ходившие в поисках заработков по деревням.

В Корее получили широкое развитие цеховые организации ремесленников, которые объединяли почти всех городских негосударственных ремесленников. Наиболее крупными были цехи ремесленников, вырабатывающих полотняные, бумажные и фарфоровые изделия. Цехи платили ежегодно в казну установленную сумму за монополию производства.

---

[1] В 1470 г. законом закреплено за дворянами право на вечное владение дарованными землями.

[2] В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 285.

[3] Чосон минчжок хэбан тхучжэнса (История национально-освободительной борьбы корейского народа). Пхеньян, 1949, стр. 20—21.

Во главе корейского общества стояло дворянство, которое концентрировало в своих руках всю политическую власть и являлось основным владельцем земель. Дворянство пользовалось рядом привилегий. Обязательная воинская повинность не распространялась на дворянских сынков.

Только дворянин мог занимать государственные должности. Единственно достойными дворянина занятиями считались государственная служба и земледелие. Заниматься торговлей или ремеслом янбаням строго запрещалось.

Все корейское дворянство подразделялось на три группы: крупное столичное, военное, провинциальное.

К крупному столичному дворянству относились все правительственные чиновники, занимавшие наиболее важные посты в столице и губерниях. Эта небольшая группа чиновников сосредоточивала в своих руках всю полноту власти и обычно владела крупными поместьями.

Положение военного дворянства резко отличалось от положения привилегированной служилой бюрократии. Всесильные сановники-дворяне с пренебрежением относились к военному дворянству. Даже представители крупной военщины — генералы считались намного ниже по положению, чем чиновники, и были лишены многих почестей и внешних признаков уважения, выказываемых по отношению к дворянам-чиновникам.

Основную массу корейского дворянства составляло низшее провинциальное дворянство. Эти янбани из поколения в поколение передавали по наследству должности секретарей или помощников начальников уездов. Они имели право носить головной убор—знак отличия высшей аристократии—и пользовались всеми внешними знаками почитания, установленными для янбаней.

Промежуточным сословием (чунин) между янбанями и так называемыми «простолюдинами» считалась немногочисленная корейская интеллигенция — врачи, художники, астрономы, юристы, переводчики. Они пользовались дворянскими привилегиями: были освобождены от воинской повинности, от уплаты подушной подати и имели право носить янбаньскую шапку.

Все остальное население Кореи считалось «простонародьем», основную массу которого составляло крестьянство.

Крестьянство являлось основным производительным классом корейского общества. Обработка земли была государственной обязанностью крестьянина. Если крестьянин не обрабатывал арендуемый им участок, он подвергался тягчайшим наказаниям. Крестьянин не мог покинуть свой участок, а если бросал его, то его насильно возвращали. Власть феодала-помещика над крестьянином основывалась на его феодальной собственности на землю. Закон всегда был на стороне янбан,

и за малейшие провинности крестьянина ждали расправа и разорение.

Ремесленники и торговцы были так же бесправны, как и корейские крестьяне.

Кроме крестьянства и городской бедноты, к угнетенным массам Кореи относилось и значительное количество рабов, которые разделялись на рабов по рождению (чион) и рабов случайных, временных, т. е. продавшихся в рабство, либо проданных родителями или присужденных к рабству по суду (панби).

Чудовищный институт рабства, сохранявшийся в Корее, дополнялся наличием так называемых «презираемых» профессий, к которым относились, например, бродячие актеры, мясники, корзинщики, колдуны, танцовщицы, сапожники, скорняки. Особо унизительными считались профессии мясника, скорняка и корзинщика. Эти люди жили в особых селениях, на значительном расстоянии от деревень, и общение с ними строго ограничивалось. Если все представители корейского общества, кроме рабов, имели хотя бы формальное право сдачи экзаменов на занятие государственных постов, то люди «презираемых» профессий даже формально этого права не имели.

* * *

Завоевание Кореи маньчжурами и длительное подчинение страны чужеземной маньчжурской династии задержали дальнейшее развитие Кореи.

По договору 1637 г. корейский король обязался разорвать сношения с Минской династией и поставлять войска, снаряжение и корабли для участия в походе против Китая. Корея не имела права вступать в сношения с иностранными государствами без согласия маньчжурского правительства и обязана была ежегодно выплачивать ему тяжелую дань: 100 лан (8 фунтов) золота, 1 тыс. лан (2 пуда 10 фунтов) серебра, 10 тыс. мешков риса, 2 тыс. кусков шелка, 10 тыс. кусков хлопчатобумажных тканей, 300 кусков льняного полотна, 500 кусков полотна из конопли, 10 тыс. свитков бумаги и т. д.

Огромный выкуп, установленный маньчжурами для знатных корейских пленников, а в дальнейшем уплата тяжелой дани непосильным бременем ложились на плечи корейских крестьян и ремесленников.

В целях ограждения страны от вражеских, чужеземных нашествий корейское правительство осуществляло политику изоляции страны.

В середине XVII в. оно издало законы, запрещающие корейцам под страхом смертной казни вступать в сношения с чужеземцами (даже со встречавшимися в море рыбаками). Население,

занимавшее прибрежные районы Кореи, было переселено вглубь страны, и таким образом была создана пограничная зона из безлюдных земель. Вдоль всех морских берегов были расставлены военные караулы, размещены специальные пограничные гарнизоны. Были изданы законы, которые запрещали строительство кораблей дальнего плавания.

Вражеские нашествия разорили страну, привели к застою экономики, деградации сельского хозяйства. Население Кореи сократилось почти в два раза, посевная площадь — на треть. Города обезлюдели. Древнейшие памятники корейского национального искусства и архитектуры были превращены в груды развалин. Ирригационная система почти полностью разрушена. В Корее во второй половине XVII в. не прекращались неурожаи, голодовки, эпидемии, тяжело отражавшиеся на положении народных масс Кореи. Правящая верхушка феодальной Кореи не заботилась о восстановлении ирригационной системы, без которой не могло возродиться и сельское хозяйство. Деградация сельского хозяйства привела к сужению внутреннего рынка. Все это подрывало экономику страны и вело к обострению классовой борьбы, что находило свое выражение в беспрестанных народных восстаниях.

Для второй половины XVII и XVIII в. характерно обострение борьбы за власть между многочисленными янбаньскими кликами, каждая из которых объединяла родственников какого-нибудь крупного феодала.

В середине XVII в. власть захватила янбаньская клика Норон и фактически правителем Кореи при королях Хё Чжоне (1649—1653) и Хён Чжоне (1659—1675) стал видный государственный деятель Сон Си Рель. В эти годы корейское правительство старалось укрепить централизованный аппарат государственной власти.

Ожесточенная кровавая борьба за власть различных янбаньских группировок привела к созданию специального трибунала для наказания непокорных янбаней.

Слова Энгельса о борьбе дворянских клик при феодализме как о бесконечной, непрерывно продолжающейся веренице убийств, отравлений, коварств и всяческих низостей, которые только можно вообразить[1], прекрасно характеризуют и положение в феодальной Корее.

Отражением кризиса феодальной системы Кореи было зарождение различных идеологических оппозиционных течений, которые были направлены против существующих порядков и господствовавшей в стране конфуцианской религии.

---

[1] См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. I, стр. 445.

Оппозиционные течения возникали обычно в среде недовольных янбаней, отстраненных от власти и лишенных доходных местечек дворянской кликой, захватившей власть. Идеологи этих течений призывали не к свержению существующих порядков, а лишь к проведению реформ для укрепления этих порядков.

Призывы к изменению этих порядков выражались в форме пропаганды китайских образцов в области торговли, ремесл, искусств и т. д. Особенное распространение среди дворянства получило движение сирхак (за развитие точных наук), наиболее ярким представителем которого был корейский дворянин Лю Хён Вон (1622—1673) (псевдоним Панге). В начале XVIII в. движение сирхак продолжало расти. Передовую часть последователей сирхак составляли приверженцы пукхак (движение за «учение Севера», т. е. Китая). В эту группу входили писатель Пак Чи Вон, астроном, математик и историк Хон Де Ен. Они призывали учиться у китайских ученых и заимствовать достижения китайской науки в области сельского хозяйства, строительства дорог, мостов и т. п.

В XVIII в. в Корее наиболее продолжительным было царствование Инчжона (1725—1776). В эти годы правящая клика стремилась упрочить государственный аппарат и укрепить централизованное государство. Ее политика была направлена на подчинение провинциальных органов власти центральному правительству. Но корейские феодалы не желали мириться с усилением центральной власти. В провинции Чолла возник заговор. На Сеул были двинуты провинциальные войска. Однако регулярные королевские части легко подавили это выступление феодалов.

В конце XVIII в. в Корее была создана и получила большое распространение система тайного сыскного полицейского аппарата. Основной причиной его создания явилось стремление подавить народные волнения против гнета корейских феодалов и центрального правительства.

К концу XVIII в. в экономике феодальной Кореи произошли некоторые сдвиги. Прекращение опустошительных нашествий вражеских орд, частичное восстановление разрушенной ирригационной системы и в первую очередь тяжкий труд корейского крестьянина и ремесленника привели к некоторому восстановлению разрушенного сельского хозяйства. Посевная площадь увеличилась, восстанавливались ремесла. Возросло число рынков, и уже ясно наметились районы, специализировавшиеся на выделке определенных товаров. Так, наиболее значительными центрами по производству особого сорта тонкого холста были Хверён и Кёнчжон, по выработке шелкового полотна — Енбён, Сончхон и Начжу, узорных и белых матов — Посон, Канхва,

вееров — Танян, Начжу, белого и цветного фарфора — Кванчжу и др.

Изданное в 1785 г. Уложение законов корейского королевства (Тэдён Тхонпхён — Великий свод законов) свидетельствовало о начавшемся уже проникновении в Корею товарно-денежных отношений и развитии, хотя и медленном, производительных сил. Все чаще и чаще поземельный налог натурой заменялся деньгами. Так, в Уложении указывалось, что «в провинции Хуан-хай (Хванхэдо.— *Г. Т.*) в четырех горных областях налог на вечное время заменяется деньгами»[1]. Замена натуральных повинностей денежными способствовала процессу расслоения крестьянства. Увеличилась, в частности, зависимость корейского бедняка от ростовщика. Если в 1726 г. в ростовщический оборот правительством было пущено 416 900 сок[2] зерна из правительственных запасов, то в 1807 г. эта цифра возросла примерно в 20 раз, составив 9 995 500 сок. Ссуду зерном крестьяне получали в специальных правительственных магазинах, созданных в деревнях еще в XVI в. В купеческих и торговых гильдиях выделялись более зажиточные купцы и ремесленники — главы столичных и провинциальных отделений. Они по существу были хозяевами гильдий, основную массу членов которых составляли мелкие торговцы или ремесленники.

Главы торговых гильдий и ремесленных цехов были тесно связаны с представителями корейского дворянства, которые пускали свои капиталы в торговый оборот.

Развитие товарно-денежных отношений в феодальной Корее характеризовалось ростом покупки и продажи земли, заменой натуральной ренты денежной, усилением товарообмена, начавшимся зарождением буржуазии.

В конце XVIII в., как уже говорилось, были осуществлены некоторые мероприятия по восстановлению ирригационной системы и строительству водохранилищ. Эти тяжелые работы выполнялись крестьянами в порядке трудовой повинности, что вызывало со стороны крестьян протесты, выражавшиеся в постоянных восстаниях.

Наиболее крупными народными волнениями в этот период были восстания голодающих крестьян и городской бедноты в 1751 и 1753 гг. Непрекращавщиеся крестьянские волнения привели к опубликованию в 1773 г. закона об отмене личной зависимости крестьян от помещиков — янбаней (оставшегося

---

[1] См. «Записки Русского географ. об-ва по общей географии», т. 12, № 4. «Записки переводчика, составленные при окружном управлении на острове Цусима — Отано Кигоро».

[2] Сок — мера сыпучих тел, равная 150—180 кг.

только на бумаге). И хотя были изданы указы о создании специальных складов зерна для раздачи его крестьянам и городской бедноте, положение народных масс не улучшалось, а, наоборот, значительно ухудшалось.

Усиление экономического гнета послужило причиной ряда мощных народных восстаний и в начале XIX в.

Народные волнения по всей стране подтачивали основы феодального королевства, что вызывало увеличение распрей между отдельными янбаньскими кликами. Опальные янбани перешли к открытым вооруженным выступлениям против существующего правительства.

Одним из крупнейших выступлений против правящей династии Ли был мятеж в провинции Пхёнандо, поднятый в 1811 г. богатым помещиком Хон Гён Нэ из враждебной корейскому правительству дворянской клики. Мятеж Хон Гён Нэ поддержали местные феодалы. Мятежникам-дворянам удалось собрать пятитысячное войско. Призывы Хон Гён Нэ к восстанию против сеульских властей нашли горячий отклик в сердцах крестьян и ремесленников окрестных городов и деревень. По всей Северной Корее начались крестьянские восстания.

Центром восстания были золоторудные шахты в Пхёнандо, где 5 тыс. шахтеров пошли на штурм окружного центра Чончжу и овладели им. Из столицы были спешно отправлены военные силы на подавление мятежа. Только после длительной осады и подкопа крепости Чончжу правительственные войска, взорвав крепостные стены, ворвались в город и зверски расправились с повстанцами.

В 1813 г. вспыхнуло восстание крестьян и рыбаков на о-ве Чечжудо. В 1814 г. выступила городская беднота Сеула. Неурожаи и следовавшая за ними эпидемия холеры привели к ряду голодных бунтов и в других городах (1834 г.).

Попытки проникновения капиталистических держав в Корею

С середины XIX в. западноевропейские капиталистические государства и США начали широкое проникновение в Китай и Японию, причем не упускали из поля зрения и Корею. Капиталисты Европы и США не раз пытались навязать Корее неравноправные договоры и открыть ее порты для иностранной торговли.

Еще в первой половине XVIII в. европейские колонизаторы засылали в Корею своих агентов — миссионеров для предварительной разведки. Эти лазутчики лицемерно прикрывали колониальную политику грабежа распространением христианства. Несмотря на категорические протесты корейского правитель-

ства, не прекращались попытки вторжения капиталистических держав в Корею. С целью навязать корейскому правительству торговый договор в 1832 г. в корейские воды прибыло английское вооруженное судно «Лорд Амхерст».

Особую активность в этот период проявляли французские миссионеры. Их наглая деятельность вынудила корейские власти принять репрессивные меры. Казнь трех французских миссионеров корейскими властями была использована Францией в своих интересах. В 1846 и 1847 гг. в Корею прибыли военные корабли с требованием «открыть» корейские порты для французской торговли.

В эти годы в стране поднялось всеобщее народное возмущение против французских католических миссионеров. В 1866 г. корейские власти, после неоднократных требований прекратить их деятельность, казнили еще двух французских миссионеров — Давелю и Берне. Французский посланник в Китае Беллоне под предлогом мщения за казнь французов направил в Корею военную эскадру из военных кораблей с 600 моряками под командованием адмирала Роза и объявил корейского короля низложенным. Кроме того, Беллоне потребовал казни трех влиятельных сановников. Получив категорический отказ, французы высадили десант, взяли приступом крепость Канхва, произвели опустошительные разбойничьи набеги на окрестные районы. Население и правительственные войска героически сопротивлялись, и интервенты, потеряв 50 человек убитыми и около 60 ранеными, были изгнаны из Кореи.

Американские капиталисты, стремившиеся к завоеванию рынков на Дальнем Востоке, также пытались проникнуть в Корею. В 1854 г. появление американской эскадры коммодора Перри заставило японское правительство заключить неравноправный договор с США. Государственный секретарь США Сьюард открыто призывал в это время к проведению захватнической политики на Тихом океане. После неудачной попытки французских капиталистов силой оружия навязать Корее неравноправный договор, Сьюард в 1867 г. предложил Наполеону III послать франко-американскую карательную экспедицию в Корею, чтобы заставить ее «принять договор, соответствующий тем, какие были заключены с Китаем и Японией»[1].

Однако американские и французские колонизаторы не договорились.

В 1866 г. американская вооруженная шхуна «Генерал Шерман» вошла по р. Тэдонган в район Пхеньяна. Американцы

---

[1] См. «Международные отношения на Дальнем Востоке (1870—1945 гг.)». Госполитиздат, 1951, стр. 22.

нагло потребовали открытия порта для иностранной торговли. Но корейский народ оказал достойную встречу непрошенным пришельцам. В ответ на оскорбления и издевательства над местными жителями корейское население перебило всю команду.

В 1867 г. в Корею, во главе военной экспедиции, направился американский купец Дженкинс, служивший ранее переводчиком в американском консульстве в Шанхае. В американском консульстве был составлен план экспедиции с целью добиться подписания кабального договора. Однако корейский народ и на этот раз изгнал чужеземцев. Но агрессивные действия США в отношении Кореи не прекратились.

Племянник государственного секретаря Джордж Сьюард, занимавший пост генерального консула США в Шанхае, писал в Вашингтон: «Нам будет выгодно сделать эту попытку навязать Корее войну. У нас три порта в Китае, в Печилийском заливе, часто посещаемые нашими судами. И три в Японии, на западном побережье, также доступные для нас. И как раз между ними вклинился Корейский полуостров... К северу Кореи раскинулись владения России, для которых Амур — естественный торговый путь к Тихому океану. Здесь области Китая, Японии и Сибири с уже значительной торговлей»[1].

В 1869 г. в Соединенных Штатах сменилось правительство. Новый государственный секретарь Гамильтон Фиш отличался крайне экспансионистскими настроениями по отношению к Корее. Одной из первоочередных задач Фиш считал организацию вооруженной интервенции в Корею, чтобы под угрозой пушек заставить корейское правительство подписать кабальный торговый договор. В апреле 1870 г. правительство США приняло решение организовать вооруженную интервенцию в Корею. По указаниям из Вашингтона весной 1871 г. началась непосредственная подготовка к «экспедиции» в Корею: под руководством командующего американской флотилией в Азии Роджерса и американского посланника в Китае Лоу, крупного капиталиста и бывшего губернатора Калифорнии, был организован корейский экспедиционный флот Лоу и Роджерс 12 мая 1871 г. прибыли в японский порт Нагасаки и здесь закончили объединение всех американских флотилий. 16 мая пять военных кораблей, при 85 пушках, с 1230 солдатами на борту, в сопровождении большого количества паровых судов в спешном порядке направились к о-ву Канхва. На словах целью экспедиции было получение гарантийных обязательств от корейского правительства оказывать помощь потерпевшим кораблекрушение у берегов Кореи,

---

[1] Цит. по статье Р. Ганелина «Предки современных интервентов». «Литерат. газ.», 1950, 3 августа.

на деле же Роджерс должен был добиться заключения неравноправного договора и открытия портов для иностранной торговли. В случае «необходимости», как указывалось в инструкциях, Роджерс имел право применить оружие. 23 мая в заливах Асан и Намян американские захватчики начали «разведывательные действия», рассчитывая спровоцировать корейцев на войну. Корейским властям было официально заявлено, что мелкие суда производят исследования для того, чтобы крупные могли приблизиться к столице, если посланник сочтет это необходимым. 31 мая корейское правительство направило своих уполномоченных к командующему флотом Роджерсу с требованием оставить корейские воды. Однако Роджерс отказался принять корейских представителей.

2 июня два военных корабля и четыре паровых судна под командованием капитана 1-го ранга Прейга направились «обследовать» побережье о-ва Канхва — крепости на подступах к Сеулу. Встреченные огнем артиллерийских батарей крепости Квансончжин, корабли интервентов отошли к острову Канхва. Оправившись после первого столкновения с корейцами, американские военные корабли 10 июня в полной боевой готовности вновь подошли к берегам о-ва Канхва. Корейское правительство неоднократно посылало протесты с требованием покинуть корейские воды: «Зачем вам пересекать громадный океан, чтобы проникать в чужую страну?» — говорилось в одной из нот протеста. Но американские интервенты продолжали быстро продвигаться по р. Ханган к Сеулу и напали на порт Чодичжин. Известный корейский историк Ли Чон Вон так описывает бой у форта Чодичжин: «Наша артиллерия, размещенная по обоим берегам реки Хан, открыла ураганный огонь. Небо заволокло дымом. Солдаты нашей армии сражались героически. Американцы, не ожидая получить такой отпор, несли большие потери. Все же, несмотря на ожесточенное сопротивление корейских бойцов, американский десант, превосходящий их снаряжением и вооружением по последнему слову техники, занял форт Цодитин (Чодичжин.— *Г. Т.*). Но дух корейских солдат не был сломлен — они не сдавались американским грабителям, напавшим на нашу отчизну. Корейские войска провели стратегическое отступление, не ослабляя боевых действий в районе передовых позиций»[1]. Комендант о-ва Канхва Ли Чон Рем повел солдат в атаку. Захватчики, застигнутые врасплох, обратились в беспорядочное бегство.

Высадив десант в 650 человек, интервенты начали осаду крепости Квансончжин. В гарнизоне этой крепости находилось около 500 солдат; оружие у них было крайне примитивное,

[1] «Новая Корея», 1951, № 6, стр. 61.

запасы продовольствия не велики. Но, несмотря на это, в боях за оборону крепости Квансончжин корейские солдаты проявили исключительный героизм. Высокий моральный дух гарнизона, благородная цель — защита отечества от иноземных захватчиков — придавали силы плохо вооруженным героям Квансончжина. Они готовы были до последней капли крови сражаться за родину, за независимость своего народа. Солдаты гарнизона оказались не одиноки в своей священной борьбе. Все население окрестных районов поднялось на защиту отечества от интервентов. Мужчины добровольно вступали в армию, женщины и дети подносили снаряды, пищу. Когда не хватало патронов, их заменяли камнями, палками, а иногда и песком, который бросали в глаза неприятелю. Сопротивление, оказанное корейским народом, поразило американцев. Американский офицер Прейг писал после битвы у Квансончжина: «Я никогда не видел, чтобы на таком клочке земли и за такое короткое время было выпущено столько снарядов»[1].

Корейский народ оказал достойную встречу американским агрессорам. Интервенты не успевали подбирать раненых и считать убитых. Из пяти военных кораблей неприятеля три были совершенно выведены из строя. Американские военные силы оказались бессильны сломить героическое сопротивление корейского народа. Они не смогли удержать временно оккупированную крепость Квансончжин и с позором бежали в Китай.

В эти дни более 350 героев отдали свою жизнь за независимость своей родины.

Так бесславно закончилась новая попытка американских капиталистов поработить корейский народ и превратить Корею в свою колонию.

Насильственное «открытие» Китая и попытки вторжения в Корею иностранного капитала привели к тому, что корейское правительство усилило изоляцию страны от внешнего мира. Вместе с тем передовые представители корейского дворянства уже начали сознавать, что миссионеры создают условия для закабаления страны чужеземцами. В середине XIX в. в Корее возникло религиозное учение тонхак (восточное учение), получившее свое название в отличие от сохак (западного учения), т. е. христианства, распространяемого миссионерами. Создателем тонхак считается Цой Чже У, происходивший из неимущих слоев населения Кореи. В 1859 г. Цой Чже У впервые выступил с проповедью нового учения в провинции Кёнсандо.

Учение развивалось в обстановке нараставшего протеста народных, по преимуществу крестьянских масс против жесто-

---

[1] «Новая Корея», 1951, № 6, стр. 62.

чайшей эксплуатации помещиками и феодальным правительством. Призыв к равенству всех людей воспринимался крестьянством как призыв к захвату земли у помещиков и борьбе против чиновников. Поэтому число последователей тонхак росло очень быстро. Проповедники нового учения не представляли себе, что их беседы о равенстве оказывали революционизирующее влияние на крестьянство и городскую бедноту.

Корейское правительство поспешило расправиться с Цой Чже У; в 1865 г. он был арестован в г. Тэгу и обезглавлен. Правительство строжайше запретило проповедь «восточного учения». Однако это учение продолжало распространяться.

Попытки проникновения в Корею капиталистических хищников Америки и Европы совпали с годами правления отца малолетнего короля Кочжона — принца-регента Тэвонгуна (1864—1874). Непрекращающиеся народные волнения и опасность вторжения капиталистических держав заставили Тэвонгуна принять меры для укрепления государственной власти. Он стремился укрепить прогнившую феодальную монархию и создать единое централизованное государство. Борясь с засилием дворянской клики Норон, Тэвонгун предоставлял правительственные должности не только дворянам из других клик, но и некоторым лицам недворянского происхождения.

Серьезную опасность укреплению королевской власти представляли конфуцианские «храмы славы», целью которых было укрепить власть отдельных могущественных дворянских родов. «Храмы славы» обладали обширными земельными наделами с приписанными к ним крестьянами. Они были освобождены от уплаты налогов. Тэвонгун уничтожил этот оплот феодальной власти (из 500 храмов было оставлено 47) и тем самым добился некоторого ослабления влияния крупных феодальных домов.

Феодальные клики, отстраненные от власти и возмущенные уничтожением «храмов славы», затаили недовольство.

Тэвонгун демагогически объявил об уравнении дворянства с простым народом. Был введен новый закон, по которому военный налог, уплачиваемый только простолюдинами, заменялся новым подомным налогом, обязательным для всех граждан. Однако на деле оказалось, что дворянство было освобождено от уплаты нового налога, так как от обложения освобождались все состоящие на государственной службе. Правительство, стараясь изыскать необходимые ему суммы, увеличило торговлю правительственными должностями, вводило новые налоги, ложившиеся бременем на плечи того же многострадального корейского крестьянина.

Однако все это не могло заполнить дефицита государственной казны, образовавшегося вследствие чрезмерных трат коро-

левского двора. Правительство неоднократно прибегало к чеканке неполноценных монет.

Усиление ограбления народных масс центральным правительством, возрастание гнета помещиков в эти годы вызвали новые народные восстания. Вторая половина XIX в. характеризуется обострением борьбы народных, главным образом крестьянских масс. Наиболее крупными были крестьянские выступления в 1862 г. Восстание 1862 г. началось с событий в Гинчжу, где повстанцы расправились со своими угнетателями. В апреле того же года выступили крестьяне уезда Иксан и Хампхен провинции Чолладо, уезда Кэрён провинции Кёнсандо. Восставшие изгоняли и убивали ненавистных чиновников и помещиков, уничтожали налоговые списки.

В мае 1862 г. вспыхнуло восстание уезда Хвэдок и в районах Кончжу, Ёсан, Ынчжин, Пуан провинции Чхунчхондо. В течение десяти месяцев 1862 г. произошло 21 восстание, охватившее почти все провинции Кореи. Современные корейские историки справедливо называют 1862 г.— годом крестьянских восстаний. Крестьянские выступления не прекращались и в последующие годы.

В 1864 г. выступили крестьяне в уезде Пхунченбу провинции Хванхэдо, в 1869 г. крестьянство провинции Чолладо поднялось против своих угнетателей. Весной 1871 г. волнениями был охвачен ряд уездов провинции Кёнсандо[1]. Непрекращающиеся эпидемии, голод, непосильный гнет корейских янбаней привели к массовому переходу корейского крестьянства в 60-х годах XIX в. в северо-восточные провинции Китая и русский Приамурский край.

Восстания корейского крестьянства, несмотря на их стихийность, слабость и непоследовательность, показывали, какие могучие революционные силы таятся в корейском народе.

Восстания народных масс были направлены против феодального гнета и выражались в стихийных выступлениях крестьянства и городской бедноты против местных феодалов и королевских чиновников, сборщиков налогов. Несмотря на героизм восставших, эти выступления корейского трудового народа легко подавлялись правительственными войсками, вследствие слабости, неорганизованности и разрозненности действий восставших. Однако огромное положительное значение их состояло в том, что они подтачивали феодальные устои королевства.

В 1874 г., с совершеннолетием короля Кочжона, молодая королева Мин, его жена, добилась отстранения Тэвонгуна от

---

[1] Чосон минчжок хебан тхучженса, стр. 57—58.

власти и бразды правления перешли к королеве и ее сторонникам. Мины, в противовес позиции клики Тэвонгуна, выступавшей против сношений с иностранными государствами, стояли за заключение договоров с ними. Они рассчитывали, что установление связей с иностранными державами ослабит их противников из клики Тэвонгуна.

* * *

С 70-х годов XIX в. начинается новый период развития капитализма — период перерастания капитализма в его высшую стадию — империализм.

С середины XIX в. на Дальнем Востоке Корея становится в центре международных отношений капиталистических держав, т. е. в центре яростной борьбы между капиталистическими хищниками за рынки сбыта и сырья, подчинение и захват слабых стран сильными, ограбление колоний и полуколоний. Корея была одной из жертв борьбы между иностранными захватчиками.

В последней четверти XIX в. молодая капиталистическая Япония активизирует свою агрессию на Азиатском материке. Захватнические планы японских капиталистов были направлены в первую очередь на Корею. В 1875 г. японские моряки высадились возле устья р. Ханган. Корейская охрана открыла огонь. Воспользовавшись спровоцированным «инцидентом», японское правительство направило в Корею два военных судна и около 300 солдат на транспортах. Так, бряцая оружием, японские захватчики заставили корейское правительство подписать в 1876 г. неравноправный договор.

В первой статье этого договора японцы лицемерно заявляли, что Корея как независимое государство пользуется теми же правами, что и Япония. В действительности же равенства не было и в помине. Корея немедленно открывала для японской торговли порт Пусан, и через 20 месяцев обязывалась открыть еще два порта. В этих портах японские торговцы и разного рода предприниматели получали полную свободу деятельности, которая «не будет подвергаться ни стеснениям, ни затруднениям». При этом японское правительство не брало на себя ответственности за действия своих подданных и «в случае обмана или отказа в уплате долга купцам» не отвечало «за уплату такого долга».

Договор 1876 г. содержал обычные для неравноправных договоров статьи об экстерриториальности и неподсудности. Японские милитаристы оговорили также право дальнейшей разведки, исследования и картографирования корейских берегов под пред-

логом, что «берега Кореи, не будучи до сих пор исследованы, очень опасны для судов, приближающихся к ним» [1].

В августе 1876 г. были подписаны новые правила торговли, по которым японские товары освобождались от таможенных пошлин. Японские денежные знаки были допущены к обращению на корейском рынке.

В 1882 г. США, так же как и Япония, силой навязали Корее неравноправный кабальный договор. Американские капиталисты получили возможность хищнически грабить природные богатства Кореи (полезные ископаемые, леса и т. д.), демагогически скрывая свои колонизаторские замыслы заверениями «о дружбе и добрых услугах», как лицемерно было записано это в первом параграфе договора.

Вслед за США неравноправные договоры с Кореей заключили Англия, царская Россия, Франция. Проникновение в Корею в первую очередь японского, а затем американского и английского капитала усилило процессы разложения и упадка феодализма, привело к углублению всех классовых противоречий, разорению крестьянских масс, ремесленников, мелких торговцев. Вместе с тем росла компрадорская буржуазия, увеличивалась роль ростовщического капитала.

Японские капиталисты, навязав Корее кабальный договор, направили свои усилия на превращение страны в колонию японского капитала. Проникновение в Корею японских капиталистов, торговцев и разного рода авантюристов происходило различными путями. В марте 1883 г. Япония заставила Корею подписать секретное соглашение о постройке телеграфного кабеля Нагасаки — Пусан. Особенно стремились японские капиталисты подчинить себе внешнюю торговлю Кореи.

Торговый оборот за 1885—1890 гг. между Японией и Кореей увеличился на 4,8 млн. долларов и составил 80% всей внешней морской торговли Кореи. В 1892 г. из семи с лишним миллионов долларов внешней торговли Кореи на долю Японии приходилось 4,8 млн., на долю Китая 2,2 млн. Из 390 тыс. тонн общего тоннажа судов, посетивших Корею, на долю японских судов приходилось 326 тыс., а китайских — 15 тыс. тонн. Во всех открытых портах были основаны отделения японских банков. В Токио было организовано специальное общество «для изучения и поощрения» японо-корейской торговли. Японская буржуазия захватила в свои руки монополию на право рыбной ловли в корейских водах.

Для усиления своих позиций в Корее японские захватчики использовали борьбу дворянских клик и недовольство части янбаней правительством Минов. Японцы установили связи с

---

[1] «Описание Кореи», т. 3, стр. 11—13.

дворянами, лишенными доходных должностей с приходом к власти Минов, и, пообещав щедрые награды и высокие правительственные посты после захвата власти Японией, стремились превратить их в японскую агентуру в Корее. Прояпонски настроенные предатели родины, ставшие усердными прислужниками колонизаторов, называли себя «прогрессистами». Японские захватчики под видом проведения «реформ» стремились проникнуть в корейскую армию, для идеологической обработки населения засылали в страну буддийских монахов.

Наглая колонизаторская политика японских милитаристов вызывала глубокое возмущение корейского трудового народа. Выступления корейского крестьянства и городской бедноты против феодального правительства, возникавшие по различным причинам (голод, притеснения, чинимые королевскими чиновниками и помещиками), как правило, принимали антияпонский характер. Так было и 23 июля 1882 г., когда недовольные солдаты, которые уже несколько месяцев не получали жалования рисом, расправились с чиновниками и напали на японскую миссию в Сеуле. Бывший регент Тэвонгун воспользовался антияпонскими выступлениями народа, чтобы захватить власть и изгнать правительство Минов.

В свою очередь Япония использовала эти выступления для новых наглых домогательств. В сопровождении военных кораблей в Сеул поспешно возвратился бывший в то время в Токио японский посланник Ханабуса. Угрожая войной, японские захватчики заключили с Кореей новый кабальный договор, который предусматривал наказание «виновников» восстания и контрибуцию в размере 500 тыс. долларов. Кроме того, японские колонизаторы получили право расширить зону передвижения до 100 км вокруг открытых портов и право содержать военный отряд в Сеуле для охраны своей миссии.

Между тем королева Мин и ее приверженцы обратились к маньчжурскому правительству Китая с просьбой о помощи. Маньчжурское правительство направило в Сеул трехтысячный отряд. Тэвонгун был схвачен и выслан в Китай. Королева Мин и ее многочисленные родственники вновь завладели властью в стране.

Правительство Минов проводило антияпонскую политику, и поэтому японские захватчики решили свергнуть его с помощью прояпонской клики так называемых «прогрессистов» во главе с Ким Ок Кюном. 4 декабря 1884 г. во время торжественного банкета заговорщики начали избиение Минов. Отряд японских солдат ворвался во дворец и захватил в плен короля. Власть перешла к деятелям из прояпонской клики. Однако уже на

следующее утро китайские войска под командованием китайского резидента Юань Ши-кая заняли дворец. В Сеуле началось антияпонское восстание, японцы в панике бежали из столицы. Прояпонские же деятели, бежавшие из Кореи, нашли гостеприимный приют в Японии и США.

Японские милитаристы потребовали «компенсации за причиненные убытки» в размере 600 тыс. долларов. В Инчоне был спешно высажен японский десант. Японцы угрожали Корее войной. После длительных переговоров инцидент был улажен соглашением между Японией и Китаем в Тяньцзине. По договору, Китай и Япония обязались вывести свои войска из Кореи, в течение четырех месяцев не посылать своих офицеров в качестве военных инструкторов для реорганизации корейской армии и, что самое важное, впредь для подавления каких-либо «беспорядков» в стране не вводить войск без письменного предупреждения другой договаривающейся стороны[1]. Посланные для подавления беспорядков войска должны быть выведены немедленно после восстановления мира.

Тяньцзинское соглашение открыло новый этап в развитии японо-корейских отношений. Маньчжурское правительство Китая впервые официально признавало, наравне со своими, права Японии в Корее, а Японии пришлось временно отказаться от попыток прямого захвата Кореи. Однако заключение Тяньцзинского договора еще более разожгло захватнические аппетиты японских милитаристов.

Агрессивная политика США в Корее

Соединенные Штаты Америки после заключения американо-корейского договора 1882 г. стремились захватить Корею и превратить ее в свой военностратегический плацдарм для агрессии против Китая и России. Ким Ир Сен писал, что «агрессивная политика американских империалистов в отношении Кореи имеет свою длительную историю. Ее истоки относятся к середине прошлого века, когда молодой американский капитализм только вступил в общую борьбу империалистов за колонии. Уже в то время американские империалисты вынашивали планы захвата Кореи и превращения ее в свою военностратегическую базу для дальнейшего развертывания агрессии на Дальнем Востоке.

---

[1] Полный текст договора см.: Э. Д. Гримм. Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке (1842—1925 гг.). М., 1927, стр. 91.

Военные акции и планы США сопровождались широкой экономической экспансией американского капитала в Корее»[1].

Хотя японские колонизаторы сами стремились захватить Корею, правительство США рассматривало японскую агрессию в этой стране как своеобразный таран, который должен был проложить путь американскому капиталу, а также ослабить на Дальнем Востоке позиции России и преобладающее влияние Англии. Американские капиталисты широко использовали свою агентуру в Корее — дипломатов, торговцев, миссионеров — для осуществления своих захватнических планов в отношении этой страны.

В феврале 1883 г. посланником США в Корее был назначен Люциус Фут. По дороге в Корею Фут остановился в Токио. Японское правительство любезно предоставило ему японца-переводчика, который сопровождал Фута в Сеул. В 1883 г. в Сеуле была основана американская дипломатическая миссия, ставшая магнитом, к которому притягивались все враждебные Китаю и корейскому правительству элементы. Американский посланник Фут, военный атташе Фулк и почти все сотрудники американской миссии принимали активное участие в антиправительственном заговоре 1884 г., когда заговорщики стремились установить в Корее политическое господство Японии.

Члены американской миссии во главе с посланником Футом, так же как и наводнившие страну американские миссионеры, старались расчистить путь американскому капиталу в Корее.

Президент США Рузвельт, высоко оценивая деятельность американских миссионеров в Корее, называл их главу — миссионера Аллена—вдохновителем всей азиатской политики США[2].

Уже в первый период после заключения американо-корейского договора американские капиталисты показали, что они злейшие враги корейского народа, стремящиеся разграбить национальные природные богатства Кореи, закабалить её народ и превратить страну в свою колонию.

В 1883 г. американская компания «Мидлтон и К°» получила от корейского правительства право на эксплуатацию судоходных линий Шанхай — Инчон и Нагасаки — Пусан.

В том же году американская торговая компания выторговала у корейского правительства, действуя через японского агента Ким Ок Кюна, право вырубать лес на острове Уллындо и перепродавать его в Китай и Японию. Американские капи-

---

[1] Ким Ир Сен. Великая Октябрьская социалистическая революция и национально-освободительная борьба корейского народа. «За прочный мир, за народную демократию!», 1951, 2 ноября.

[2] Ли Чон Вон. (Чосон э техан миче'ы чхим'як ёкса). Пхеньян, 1951, стр. 100. История агрессии американских империалистов в Корее.

талисты наживали огромные барыши на разграблении природных богатств Кореи.

В 1884 г. посланник Фут добился для американских компаний контракта на каботажное пароходство, добычу жемчуга, рубку леса на островах у берегов Кореи, строительство порохового завода, стекольного завода, дворцовой электростанции. Американский миссионер, а в дальнейшем дипломат Хорас Аллен систематически направлял в Вашингтон донесения о залежах золота в Корее и добивался у корейского правительства концессий для американского капитала. В 1885 г. американский капиталист Джеймс Морз приступил к исследованию золотых рудников в уезде Унсан. В 1890 г. началась разработка железной руды американскими капиталистами в провинции Хамгёндо и в уездах провинции Канвондо — Хынын и Каннын, а также в Пхёнандо и Хванхэдо. На этих рудниках американские колонизаторы жестоко эксплуатировали корейский народ[1].

В 1888 г. государственный департамент США планировал захват корейского острова Коммундо (Гамильтон) для превращения его в военно-морскую базу. Американские разведчики стремились проникнуть и в корейскую армию. В конце 1887 г. корейскому правительству пришлось заключить с США соглашение о приглашении на работу в корейскую армию американских военных инструкторов. В марте 1888 г. в Сеул прибыли три американских офицера — генерал Дай, полковник Кемпбелл и майор Ли.

Разнузданные действия американских капиталистов и их агентов-миссионеров в Корее заставили главу корейского ведомства иностранных дел требовать ограничения их чересчур активной деятельности.

Ненависть корейского народа к американским колонизаторам нашла свое яркое выражение в стихийных выступлениях и нападениях на американскую миссию в Сеуле. В июне 1888 г. американский посланник, опасаясь за безопасность жизни американцев, был вынужден вызвать из Инчона дополнительную военную охрану.

Русско-корейские отношения в 80—90-х годах XIX в.

Проникновение иностранного капитала в Корею и стремление Японии и США установить там свое господство не могли не затронуть интересы царской России. Борьба Японии и

---

[1] История агрессии и преступлений американских империалистов в Корее. (Чосон э тэхан миче'ы чхим'якква чве'як ёкса). Пхеньян, 1951, стр. 38.

маньчжурской династии Китая за преобладание в Корее непосредственно отражалась на безопасности дальневосточных границ России. Отсутствие железнодорожной связи, при общей слабости и отсталости царской России, ослабляло оборону этих границ. Царское правительство стремилось сохранить существующее положение в Корее и не допустить там усиления влияния маньчжурского правительства Китая или Японии.

В 1884 г. был заключен первый русско-корейский торговый договор. В 1885 г. в Сеуле была учреждена русская дипломатическая миссия. В этом же году правительство Кореи обращалось к правительству России с просьбой о поддержке против Японии и маньчжурского правительства Китая. Мины надеялись, что Россия поможет Корее отразить надвигающуюся японскую опасность.

В 1886 г. ведомство иностранных дел Кореи вновь официально уведомило русского поверенного в делах в Сеуле Вебера о своем желании избавиться от сюзеренных прав маньчжурской династии и запрашивало, может ли оно рассчитывать на поддержку русского правительства в случае декларации короля о независимости.

В правительственных кругах России предложение корейского правительства об установлении протектората России или об оказании ему помощи в случае отказа Кореи от владычества маньчжуров не нашло поддержки. «Всякое столкновение с империей богдыхана,— писал министр иностранных дел Гирс Веберу, — требовало бы с нашей стороны громадных жертв, которые ни в коем случае не были бы искуплены результатом борьбы. Положение наше на побережье Тихого океана не настолько еще обеспечено, чтобы мы могли рассчитывать здесь на какой-либо успех»[1]. Царское правительство считало невыгодным для себя столкновение с маньчжурским домом, за спиной которого стояли европейские и американские капиталисты. Таким образом, правительство России, опасаясь, что в Корее утвердится враждебное царскому правительству влияние, основывало свою политику на сохранении существующего в Корее положения.

В конце 80-х годов XIX в. связи между корейским и русским народами расширились. Начало этому положило переселение в 1863 г. в Приамурскую область корейцев. Разорившиеся корейские крестьяне сотнями переходили границу. Их привлекали братское отношение к ним русского народа,

---

[1] А. Л. Попов. Внешняя политика самодержавия в XIX в. В кн.: «Против антимарксистской концепции М. Н. Покровского». Сборник статей, ч. II. М., 1940, стр. 298.

избавление от гнета янбаней и благодатные плодородные земельные пространства русского Дальнего Востока. Развитие торговых отношений еще более способствовало укреплению русско-корейских отношений[1]. Агенты иностранных капиталистов, пытавшиеся посеять рознь между русским и корейским народами, вынуждены были отмечать рост доверия и симпатий корейских трудовых масс к русскому народу. Многочисленные русские путешественники, внесшие серьезный вклад в исследование Северной и частично даже Центральной и Южной Кореи, с большой симпатией и любовью относились к трудовому корейскому народу, восхищались трудолюбием и способностями корейцев[2].

Крестьянское восстание в 1893—1894 гг.

Активизация проникновения иностранных, главным образом японских капиталистов в Корею вызвала стихийный протест народных масс. Антипомещичьи и антияпонские выступления неоднократно вспыхивали на о-ве Чечжудо. В 1885 г. был охвачен восстанием город Ёчжу. Эпидемия холеры в 1886 г. послужила толчком к ряду народных волнений по всей стране. В 1889 г. крестьянские волнения бушевали во всех северных провинциях, главным образом Хамгёндо. Крестьянские восстания, волнения городской бедноты, рабов и «презираемых» после проникновения иностранного капитала были одновременно антифеодальными и антияпонскими. Эти разрозненные вспышки протеста трудовых масс корейского народа вылились в 1893 г. в мощное крестьянское восстание. Оно началось на юге стихийными выступлениями крестьянства против помещиков и королевских чиновников.

Непосредственной причиной восстания послужил неурожай, вызвавший голод. В районах, охваченных голодом, начались крестьянские волнения и выступления городской бедноты. Восстание охватило все южные и частично центральные провинции (Чолладо, Чхунчхондо, Кёнсандо, Кёнгидо, Канвондо, Хванхэдо). Крестьянское восстание в этот период в известной мере

---

[1] В 1884 г. был подписан «Договор о дружбе и торговле»; в 1888 г. «для вящего скрепления взаимной дружбы между Российским и Корейским государствами и для развития торговых сношений на общей между ними границе» были подписаны «Правила для сухопутной торговли».

[2] См. работы, опубликованные в «Сборнике географических, топографических, статистических материалов по Азии»: «Дневник Делоткевича по пути пешком из Сеула — в Посьет» (вып. 38), «Поездка в Корею ген. штаба подполковника Альфтана в декабре 1895 г. и январе 1896 г.» (вып. 69), «Поездка в Северную Корею в 1889 г.» Вебеля (вып. 41) и др.

проходило под лозунгами тонхак. Но мощный размах движения крестьянства и городской бедноты, рабов и «презираемых» напугал главарей религиозной секты тонхак, которые, примкнув к движению, старались направить его в выгодное для них русло. По мере роста крестьянского движения все более резко обнажались противоречия между руководством религиозной секты, в которой видную роль играли представители дворянства, недовольные правлением Минов и стремившиеся использовать движение в своих целях, и широкими народными массами, ставшими на путь революционной борьбы. Боясь потерять влияние на народ, главари секты примкнули к восстанию и пытались ограничить борьбу народных масс петиционными рамками.

Правительственные войска, посланные на подавление восстания, жестоко расправились с повстанцами.

Неудачи движения 1893 г. не заставили народные массы прекратить борьбу. В январе 1894 г. восстание началось в уезде Кобу в провинции Чолладо. Во главе восстания встал Чон Бон Чжун — сын бедного уездного писаря, казненного за попытку организации крестьянского восстания. Чон Бон Чжун организовал массы, создал крестьянскую армию и двинулся навстречу правительственным войскам. Командование крестьянской армии обратилось с воззванием к народу. Повстанцы призывали изгнать из страны иностранцев, прежде всего японцев, свергнуть иго помещиков и чиновников, освободить рабов, землю помещиков передать крестьянам.

Мощный размах революционной борьбы восставшего народа вызвал страх и растерянность в правящей клике Сеула. Правительство посылало все новые и новые военные силы для подавления крестьянских отрядов. Однако правительственные войска были бессильны остановить народное движение. К маю 1894 г. крестьянская армия занимала в провинции Чолладо 23 уезда, Чхунчхондо—8 уездов, Кёнгидо и Канвондо по 3 уезда, в провинции Хванхэдо — 5 уездов. Трудовое население, повсюду с горячим сочувствием относившееся к победоносному движению крестьянской армии, помогало ей одерживать победы. В захваченных корейским крестьянством районах были созданы крестьянские комитеты, которые брали власть в свои руки, отбирали землю у помещиков, изгоняли и уничтожали ненавистных помещиков и чиновников.

Революционное крестьянство Кореи отбросило реакционных главарей секты тонхак с их петиционной борьбой, и их соглашательские действия не смогли ослабить ход революционной борьбы.

Угроза существующему порядку объединила силы реакции. Главы купеческих гильдий и ремесленных цехов не жалели средств для подавления восстания.

* * *

Японо-китайский конфликт из-за господства над Кореей назревал в период, когда противоречия между так называемыми великими державами чрезвычайно обострились, когда все колонии были поделены между капиталистическими государствами, а у Японии, Соединенных Штатов не было колоний.

В этот период русское правительство выступало против японского господства в Корее, понимая, что превращение Кореи в японскую колонию привело бы к самым нежелательным для России последствиям. Англия формально выступила с предложениями о посредничестве, что с готовностью было встречено Россией, однако на самом деле не собиралась противодействовать захватническим устремлениям Японии. 16 июля 1894 г. английское правительство заключило новый договор с Японией, который признавал за последней все права великой державы. Этот шаг английского правительства ободрил японских захватчиков и фактически дал им санкцию на развязывание военных действий. Кроме того, британское правительство обещало Японии оставаться нейтральным (в случае возникновения военных действий), если последняя не нарушит интересов британской торговли в Китае и оставит нейтральной зоной Шанхай.

С самого начала японо-китайского конфликта прояпонскую позицию занимали и Соединенные Штаты Америки, рассчитывавшие, опираясь на японских захватчиков, укрепить свои позиции в Корее и в Китае и ослабить там позиции России и Англии. 28 июня 1894 г. корейский представитель в Вашингтоне, согласно инструкциям из Сеула, обратился к государственному секретарю Грехему с просьбой вмешаться в японо-китайский конфликт. 3 и 8 июля Китай выразил надежду, что США возьмут на себя инициативу организовать объединенный протест держав против развязывания Японией войны. Однако правительство США оставило без внимания эти обращения, ибо японская агрессия в Корее и Китае была на руку американским империалистам.

Будучи не в состоянии собственными силами справиться с восставшим народом, феодальное правительство Кореи обратилось за помощью к маньчжурским властям в Китае. 9 июня 1894 г. в Асане высадилось 1500 солдат маньчжурского правительства. Ободренные позицией Англии и США, японские за-

хватчики также направили в Корею свои войска, как обычно, под предлогом содействия ликвидации «внутренних беспорядков». К 16 июня 1894 г. в Корее находилось 4500 японских солдат. 10 июля японские войска вошли в Сеул, а 23-го ими был захвачен королевский дворец. Японские интервенты спешно сформировали марионеточное правительство, во главе которого поставили Тэвонгуна, возвратившегося в 1885 г. из Китая, заставили его объявить войну Китаю и заключить военный союз с Японией.

Японское правительство стремилось прекратить политические и экономические связи между Кореей и Китаем, подорвать между корейским и китайским народами дружественные отношения, которые крепли и росли по мере роста угрозы для обоих народов со стороны Японии. Это привело лишь к новому подъему антияпонских настроений в корейском народе и к укреплению дружбы с китайским народом.

25 июля японцы, без объявления войны, напали на китайский крейсер, находившийся в корейских водах. В районах, занятых японскими войсками, был установлен военно-оккупационный режим, режим кровавого террора.

Однако японская армия натолкнулась на непредвиденные трудности. Народные массы Кореи образовали партизанскую армию, оказавшую серьезное сопротивление иноземным захватчикам. Крестьяне и мелкие торговцы отказывались продавать продовольствие японским оккупантам. По всей Северной Корее действовали партизанские отряды крестьян, ремесленников, беглых рабов. К ним примыкали солдаты-корейцы, бежавшие из правительственных войск. Бок о бок с корейским народом сражались примкнувшие к партизанам китайские солдаты,

Южные провинции находились во власти крестьянской армии, которая превратилась в армию народных мстителей. Из штаба крестьянской армии по всей стране рассылались воззвания к народу: «Мы обращаемся ко всему народу. Мы поднимаем знамя Великой армии и, перерезав важнейшие пути сообщения, пойдем на Сеул. Все и повсюду вставайте под ружье и присоединяйтесь к нам!»

Столкновение крестьянской армии, руководимой доблестными народными генералами Чон Бон Чжуном и Ким Ге Намом, с объединенными силами японских и правительственных корейских войск произошло 12 октября близ Кончжу. Только в результате шестидневных кровопролитных боев японцам удалось остановить продвижение крестьянской армии. Вдохновляемые благородной целью — спасения отечества от иноземных колонизаторов, повстанцы, плохо вооруженные и слабо обученные, смело шли навстречу вооруженным до зубов японцам. 3 ноября второе столкновение народных отрядов с японскими частями,

происшедшее в районе Ыып, окончилось отступлением японцев, понесших большие потери, к городу Нонсан.

Японское командование спешно потребовало подкреплений. 23 ноября пополненные японские части, объединившись с правительственными корейскими войсками в районе Кончжу (провинция Чхунчхондо), остановили крестьянскую армию и начали зверское подавление народного движения. Широкой рекой полилась крестьянская кровь. Вожди крестьянской армии Чон Бон Чжун, Ким Док Мён, Чон Гён Сон были казнены, головы их выставлены по дорогам. Однако народная борьба не затихала. В огне крестьянской войны создавались партизанские отряды, называвшие себя Армией справедливости — Ыйбён.

Поражение крестьянского восстания, объяснявшееся его слабостью, стихийностью, классовой ограниченностью, не лишает его огромного политического значения. Это движение широких народных масс было стихийным протестом против прогнивших феодальных порядков и проникновения в Корею японского и других иностранных капиталов. Оно расшатывало феодальный строй и имело освободительный характер.

Борьба народных масс Кореи, несмотря на ее религиозную оболочку, была революционной классовой борьбой. «Если эта классовая борьба носила тогда религиозный отпечаток, если интересы, потребности и требования отдельных классов скрывались под религиозной оболочкой, то это нисколько не меняет дела и легко объясняется условиями времени», — замечает Ф. Энгельс в своем исследовании «Крестьянская война в Германии» [1]. Это замечание Энгельса, относящееся к Германии, помогает понять также характер крестьянского движения в Корее в конце XIX в. Крестьянское восстание 1893—1894 гг. в Корее навсегда останется в истории этой страны славной, героической страницей.

После кровавого подавления крестьянского восстания японские захватчики приступили к упрочению военно-оккупационного режима в Корее. 17 декабря был опубликован эдикт о создании нового правительства. В сформированном оккупантами марионеточном правительстве, наряду с японскими наймитами, министерские портфели получили и ставленники американцев — корейцы, вернувшиеся из США после бегства в 1884 г. Последние составили так называемую «американскую партию»; возглавил ее изгнанный в 1884 г. из Кореи Со Чже Пхиль, нашедший приют в США, принявший американское гражданство и более известный под именем Филиппа Джессона.

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VIII, стр. 128.

Японский оккупационный режим в Корее

Окончание японо-китайской войны и заключение Симоносекского мирного договора в апреле 1895 г. было использовано японцами для упрочения военно-оккупационного режима в Корее. С этой целью была проведена реорганизация корейской армии и полиции. Были изгнаны из правительственных учреждений или арестованы чиновники, подозреваемые в связях с Китаем или Россией.

В Японию было направлено более трехсот молодых корейских дворян, чтобы воспитать новые прояпонские кадры[1].

Однако японские захватчики, оснащенные оружием из английских и американских арсеналов, были бессильны приостановить борьбу корейского народа против иноземных колонизаторов и феодального гнета. После кровавого подавления крестьянского восстания не прекращалось по всей стране массовое партизанское движение. Действия Ыйбён (Армии справедливости) внушали панический страх японским оккупантам и корейским янбаням. Полицейский режим, установленный японцами в Корее, только углубил ненависть корейского народа к насильникам.

Недовольство наглым хозяйничанием японцев росло и в среде патриотически настроенных крупных чиновников, которые группировались вокруг королевы Мин. 8 октября 1895 г. японцы зверски убили королеву Мин, которую считали главным препятствием на пути к осуществлению своих колонизаторских замыслов, и, назначив Тэвонгуна правителем Кореи, сфабриковали новое правительство из числа корейских янбаней — предателей своего народа.

После убийства королевы Мин правительство США от имени государственного секретаря Олни категорически запретило американским представителям в Сеуле вмешиваться во внутренние дела корейского правительства, т. е. требовать от японских убийц отчета в своих действиях или пытаться выяснить истинные причины убийства. Тем самым США развязали руки японским захватчикам. В то же время американское правительство признало законным марионеточный прояпонский кабинет.

Между тем вся страна была охвачена пламенем антияпонского движения. Особенно крупными очагами восстания были районы близ городов Сунчхон, Вончжу, Андон. Марионеточные власти исчерпали все силы для подавления восстания.

Наглое хозяйничание распоясавшихся японских агрессоров вынудило корейского короля искать спасения в русской

[1] 22 июня 1895 г. было принято новое административное деление страны на 13 провинций и 336 районов.

миссии. За несколько дней до своего бегства король Кочжон переслал в русскую миссию записку: «Вместе с наследником я намерен бежать от ожидающей меня опасности и искать защиты в русской миссии. О дне я уведомлю особо. Другого средства спастись мне нет». В 6 часов утра 11 февраля 1896 г. король и наследник бежали в русскую миссию. Король Кочжон немедленно издал указы о роспуске старого и назначении нового кабинета, об арестах и наказании национальных предателей, активно сотрудничавших с японцами. Новым кабинетом были приняты решения о прекращении переговоров с японцами по поводу предоставления железнодорожной концессии, о расторжении договоров с японскими инструкторами и советниками и т. п.

Японские наймиты в панике бежали из столицы.

Когда известие о переходе короля в русскую миссию распространилось по городу, толпы населения бросились к воротам дворца, чтобы расправиться с ненавистными министрами. Ни японские полицейские, ни правительственные части не могли сдержать этот человеческий поток.

Пламя народного антияпонского восстания, начавшегося в Сеуле, быстро охватило всю страну. Тщетно японские войска огнем и мечом старались остановить мощный размах народного движения. Из Японии новые контингенты войск были спешно переброшены в Корею.

Движение корейского трудового народа в конце 1895 и в 1896 г. явилось выражением всенародного протеста против японского засилия и феодального гнета в стране. Вместе с тем в корейском народе росли симпатии к русскому народу, возможному защитнику от японской агрессии. В народных массах Кореи крепла уверенность, что только русский народ поможет им изгнать японцев.

Не решаясь начать военные действия из-за боязни выступления России, японские колонизаторы начали переговоры с русским правительством о заключении соглашения. 14 мая 1896 г. в Сеуле между Вебером и японским посланником Комура было заключено соглашение, по которому японцы признали законным правительство, созданное в Корее после перехода короля в русскую миссию. Особенно важное значение имело то, что Россия добилась ограничения количества японских войск в Корее: «две роты в Сеуле, по одной в Пусане и Вонсане», причем «численность каждой роты не должна превышать 200 человек»[1]. Россия получала также право содержать стражу, не превышающую количества японских войск в тех же местностях. Таким образом, японские войска должны были быть

[1] Э. Д. Гримм. Указ. соч., стр. 106.

выведены из Кореи, и военно-оккупационный режим, продолжавшийся почти два года, закончился, а без наличия значительных военных сил невозможно было и помышлять о восстановлении японской власти в Корее.

Японские милитаристы были недовольны результатами переговоров с Россией и настаивали на заключении нового соглашения.

9 июня 1896 г. было подписано новое русско-японское соглашение (Лобанов — Ямагата), которое устанавливало юридическое равенство сторон в Корее вместо монопольного господства Японии. Япония была вынуждена признать равными со своими правами права России в вопросах оказания финансовой помощи Корее и содержания телеграфных линий. Политическое же влияние продолжало оставаться в руках России. В секретной части соглашения указывалось, что до сформирования в Корее нужных войск «соглашение Вебер — Комура остается в силе». Охрана короля попрежнему была в руках России, что давало русским дипломатам в Сеуле серьезное преимущество.

Уравнение прав России и Японии в Корее соответствовало интересам русского правительства, которое не стремилось установить свой протекторат над Кореей и неоднократно категорически отвергало подобные предложения корейского короля. Вместе с тем Россия добивалась расширения и упрочения своего влияния в Корее, так как малейшее ослабление позиций России в Корее привело бы к активизации захватнической политики Японии, опиравшейся на США и Англию.

Японские захватчики не собирались отказаться от планов колонизации Кореи. Не имея возможности открыто выступить против усиливающегося влияния России, японские милитаристы и стоявшие за ними американские империалисты решили подорвать русское влияние в Корее, действуя руками японо-американской агентуры из числа предателей интересов корейского народа.

Деятели прояпонской партии «прогрессистов» и американской партии вновь выступили под лозунгом борьбы за «независимость» Кореи. Движение возглавил матерый агент американских империалистов — Со Чже Пхиль.

Эта группа, выступая с демагогическим лозунгом «Корея — для корейцев», на деле добивалась искоренения русского влияния и расчищала путь американским колонизаторам в Корею.

В марте 1896 г. Со Чже Пхиль начал издавать на английском языке газету «Индепенденс» («Независимость»), отличавшуюся резкой антирусской направленностью. Несколько позже им был организован «Клуб независимости», где объединились японские и американские агенты. В «Клубе независимости»

начал свою «карьеру» и враг корейского народа Ли Сын Ман. На первых порах деятели «Клуба независимости» заявили об отказе от участия в политической жизни страны и провозгласили своей целью лишь «культурные» и «просветительные» учреждения — создание школ, чтение лекций и т. д. Однако очень скоро деятели «Клуба независимости» сбросили маску аполитичности и перешли к прямым антирусским выступлениям. В качестве предлога для усиления антирусской пропаганды они использовали пребывание короля в русской миссии. Не желая обострять отношения с Японией, русское правительство сочло необходимым отозвать русских инструкторов и русского советника при министре финансов Кореи Алексеева. Был закрыт Русско-Корейский банк, основанный в 1897 г.

Однако ставленники японских и американских империалистов не пользовались ни доверием, ни поддержкой корейского народа. Их деятельность была глубоко враждебна интересам народных масс Кореи.

* * *

Конец XIX и начало XX в. характеризуется все бо̀льшим обострением борьбы империалистических хищников за разграбление стран Дальнего Востока, в частности Кореи. В эти годы американские империалисты проявили особую активность в грабеже природных богатств Кореи.

В 1895 г. империалисты США вынудили корейское правительство согласиться на разработку ими крупнейшего месторождения золота в провинции Пхёнандо. В 1898 г. это предприятие перешло к американскому «Восточному объединенному товариществу по рудам», и уже через год капиталисты США захватили его в полную собственность. Еще раньше, в 1896 г., они добились права на постройку железной дороги Сеул — Инчон, а позднее — на проведение канализации, трамвайных линий, водопровода и электросети в Сеуле. В 1898 г. на американских рудниках в Корее работало 1200 рабочих. Путем их бесчеловечной эксплуатации американские колонизаторы выколачивали колоссальные сверхприбыли. Добыча золота на этих рудниках составляла половину общей его добычи в Корее.

Характеризуя этот период американской агрессии в Корее, Ким Ир Сен писал: «Военные акции и планы США сопровождались широкой экономической экспансией американского капитала в Корее. В конце прошлого века ему удалось прибрать к своим рукам крупнейшие рудники Кореи Капсан, Кодинпон, Диксан, Суан, Холтон и др. Однако в этот период

США были вынуждены считаться с интересами Англии, Японии и других империалистических хищников»[1].

Английские империалисты, старавшиеся не отстать от своих американских коллег, также «приобрели» право на добычу корейского золота. Кроме того, директором корейских таможен был назначен англичанин Броун, ему же было передано и управление финансами страны. Французские капиталисты заключили соглашение на постройку железнодорожной линии Сеул — Ыйчжу, немцы разрабатывали золотые залежи. Царское правительство получило концессии на разработку железных руд, проведение телеграфных линий и рубку леса на р. Амноккан. Однако господствующее положение в экономике страны продолжали занимать японские капиталисты. Японские захватчики владели телеграфными линиями в Южной Корее, концессиями на строительство железных дорог Сеул — Пусан и Сеул—Инчон, купленных у американского капиталиста Морза, концессиями на ловлю рыбы, разработку недр и др.

Русско-японская война 1904 г. и установление японского протектората над Кореей

Обострение борьбы империалистических хищников за Корею заставило в 1900 г. корейского императора обратиться к США, Англии, России и Франции с предложением о нейтрализации Кореи под их коллективной гарантией, в надежде, что подобная мера обуздает захватнические аппетиты японских колонизаторов. Однако Англия и США решительно воспротивились принятию этого предложения.

Заключенный в 1902 г. англо-японский союзный договор фактически развязывал руки агрессивной японской военщине. Английские империалисты признавали, что Япония «особенным образом заинтересована в политическом, равно как и в торговом и в промышленном отношениях в Корее»[2].

Русское правительство не было склонно предоставить американским империалистам возможность «мирным» путем закрепляться на подступах к дальневосточным границам России. Видя это, США переходят к политике прямого натравливания Японии на Россию. Американские империалисты рассчитывали руками японцев ослабить Россию на Дальнем Востоке, помочь Японии захватить Корею, и северо-восточные провинции Китая и при помощи Японии открыть себе путь для подчинения

---

[1] Ким Ир Сен. Великая Октябрьская социалистическая революция... «За прочный мир, за народную демократию!», 1951, 2 ноября.

[2] См. Э. Д. Гримм. Указ. соч., стр. 153.

американскому капиталу завоеванных японцами территорий[1].

Ухудшение русско-японских отношений и лихорадочная подготовка японских милитаристов к войне с Россией, которую японское правительство рассматривало как главное препятствие успешной колонизации Кореи, серьезно беспокоили корейское правительство. Оно, учитывая, какие неисчислимые потери были нанесены Корее в период японо-китайской войны, тщетно пыталось предотвратить превращение страны в военный плацдарм японских захватчиков. Но японские капиталисты спешили развязать войну с Россией.

26 января 1904 г. японская эскадра вероломно напала на русские корабли, стоявшие на рейде в Порт-Артуре. Так началась русско-японская война. В этой войне США и Англия были союзниками Японии и предоставили ей в виде военных займов крупные суммы.

21 января 1904 г. корейское правительство заявило о своем нейтралитете в случае войны Японии с Россией. Однако японские капиталисты, подстрекаемые Англией и США к войне с Россией, нарушили нейтралитет Кореи и оккупировали всю страну.

23 февраля 1904 г. корейский император под угрозой японских штыков вынужден был подписать договор, по которому японцам «разрешалось» использовать территорию Кореи в качестве базы для ведения военных действий против России. Японские милитаристы, прикрывая этим договором свое вмешательство во внутренние дела Кореи, перешли к открытому террору против всех корейцев, подозреваемых не только в связях, но и в симпатиях к России. «Политически неблагонадежным» объявлялся каждый, кто проявлял хотя бы малейшее недовольство японским засилием в Корее. Сотни корейских чиновников были уволены из государственных учреждений без объяснения причин. Во все министерства были назначены многочисленные японские советники.

Щупальцы японских колонизаторов постепенно проникали во все отрасли государственного управления страной. 22 августа 1904 г. корейского императора заставили подписать новое соглашение, которое по существу передавало все административное управление в руки японцев. Государственная казна перешла под контроль консультанта по вопросам финансов — японца барона Мегата. Внешние сношения были переданы дипломатическому советнику по иностранным делам — японскому шпиону американцу Стевенсу.

По соглашению, заключенному в апреле 1905 г., в руки

---

[1] См. «Международные отношения на Дальнем Востоке (1870 — 1945 гг.)», стр. 144.

японцев перешло управление почтой, телеграфом и телефоном. Японские колонизаторы, «узаконив» свое хозяйничание в Корее, старались укрепить полицейско-жандармский режим в стране. По всей Корее рыскали отряды японских жандармов, продолжались аресты, увольнения, высылки за пределы страны. Запрещалась деятельность патриотических корейских организаций. В то же время японцы насаждали в Корее политические организации, которые должны были облегчить осуществление их колонизаторских замыслов. Наиболее крупной организацией подобного рода было «Ильчинхве» («Единое прогрессивное общество»). В него входили махровые предатели корейского народа — помещики и крупные торговцы. Во главе организации стояли Сон Бён Хи и Ли Ён Гу.

В Корею прибывали сотни японских авантюристов, старавшихся принять участие в разграблении страны. Даже английский миссионер Маккензи, живший в эти дни в Корее, признавал: «Японцы наводнили страну подобно чуме. Если им нравилась какая-либо вещь, они забирали ее, если им нравился дом, они выгоняли оттуда хозяина его. Они портили, били и убивали всех и всё на своем пути»[1]. Японские военные власти разрешили торговлю опиумом, которая ранее была строжайше запрещена. Они захватили лучшие участки земли, принадлежавшие корейскому правительству.

Корейское правительство возлагало определенные надежды на помощь США. Между тем Теодор Рузвельт, тогдашний президент Соединенных Штатов Америки, открыто заявлял, что «США не будут возражать против захвата Кореи Японией и что единственное требование США заключается в том, чтобы японцы уважали американские концессии». В январе 1905 г., в разгар русско-японской войны, Рузвельт сообщил английскому послу, что «если Япония будет и в дальнейшем противостоять России, то ей (Японии.— *Г. Т.*) должно быть разрешено удержать Порт-Артур и приобрести преобладающее влияние в Корее».

Ким Ир Сен так характеризует этот период американской агрессии в Корее: «Стремясь к укреплению своих позиций на Дальнем Востоке и, в частности, добиваясь права хозяйничать на Филиппинах, США согласились с притязаниями Японии на свободу действий в Корее»[2].

29 июля 1905 г. между военным министром США Тафтом и японским премьером Кацура состоялось «джентльменское» соглашение, по которому Соединенные Штаты признавали, что

---

[1] Makkenzie. The tragedy of Korea. London, 1908, стр. 113.

[2] Ким Ир Сен. Великая Октябрьская социалистическая революция... «За прочный мир, за народную демократию!», 1951, 2 ноября.

«установление с помощью японских войск такого сюзеренитета над Кореей, чтобы она не могла заключать договоры с другими странами без согласия Японии..., будет прямо содействовать установлению прочного мира на Востоке». Японские колонизаторы со своей стороны признавали «особые права» США в отношении Филиппин.

Японские захватчики, окрыленные новым открытым одобрением со стороны американских империалистов их агрессии в Корее, 17 ноября 1905 г. навязали Корее договор о протекторате. По этому договору, во-первых, сношения Кореи с иностранными государствами перешли под контроль и в ведение японского правительства; во-вторых, правительство Кореи отныне не могло ни заключать договоров, ни давать обязательств, имеющих международный характер, иначе как с ведома японского правительства; в-третьих, японское правительство учредило пост генерал-резидента (тхонгам), являвшегося якобы представителем Японии при корейском императоре. На деле же японский генерал-резидент был фактическим диктатором Кореи. На местах назначались японские резиденты (лисачван), подчиненные непосредственно генерал-резиденту.

Государственный департамент США немедленно отозвал своих дипломатических представителей из Кореи, чем продемонстрировал свое враждебное отношение к корейскому народу. Перед заключением Портсмутского мирного договора Рузвельт, ознакомившись с требованиями Японии в отношении Кореи, телеграфировал военному министру США: «Я полностью согласен с тем, что Япония включила в мирный договор пункт о предоставлении ей права управлять Кореей».

Американские империалисты отказались допустить корейских представителей на заседания Портсмутской мирной конференции, чем еще более способствовали разрешению корейского вопроса в угодном для японских захватчиков духе. Портсмутский мирный договор, заключенный между Россией и Японией, при поддержке англо-американскими империалистами захватнических притязаний Японии, окончательно закрепил режим протектората японских капиталистов над Кореей.

Национально-освободительное движение корейского народа в 1905—1910 гг.

Установление японского протектората над Кореей вызвало в корейском народе новый мощный подъем антияпонского движения.

Огромное влияние на борьбу народных масс Кореи оказала революция 1905 года в России. В. И. Ленин в статье «Пробуждение Азии» писал: «Мировой капитализм и русское движе-

ние 1905 года окончательно разбудили Азию. Сотни миллионов забитого, одичавшего в средневековом застое, населения проснулись к новой жизни и к борьбе за азбучные права человека, за демократию»[1].

С 1905 г. усилилось прогрессивное движение и среди корейской интеллигенции. Возникли многочисленные политические организации: «Общество по изучению государственного устройства», которое требовало предоставления народу политических прав, «Клуб Великая Корея» и ряд других. Движение интеллигенции в эти годы приняло форму борьбы за культурное развитие Кореи. Основным девизом этих обществ было «Знание — сила». Буржуазно-дворянские реформаторы видели путь к освобождению от японского господства в развитии народного образования, изучении точных наук, национального искусства и литературы. Основателями этого движения были представители дворянской интеллигенции Пак Ын Сик, Чу Си Гён и др. Эти просветители открывали школы, основывали газеты, журналы, просветительные общества. Они читали публичные антияпонские лекции. Наиболее передовыми антияпонскими школами были школы в Пхеньяне, Анчжу, на о-ве Канхва.

Дворянско-буржуазные реформаторы выступали против революционных методов борьбы. Они боялись вооруженных выступлений народных масс. Тем не менее японские военные власти преследовали эти организации, так как страшились всякого проявления стремления корейцев к независимости страны.

В то время как дворянско-буржуазные реформаторы мечтали об освобождении страны от иноземного ига путем проведения культурных реформ, корейский народ с оружием в руках боролся против ненавистных японских колонизаторов.

В мае 1906 г. в провинции Чхунчхон-намдо вновь возобновили военные действия отряды Ыйбён—Армии справедливости. К июню восстанием были охвачены все районы провинции Чоллапукдо. К повстанцам присоединялись все новые районы.

В 1907 г. корейский император предпринял последнюю попытку добиться вмешательства держав для ограничения японского произвола в Корее. На вторую международную конференцию в Гааге была отправлена секретная корейская делегация со специальной петицией к великим державам. Как и следовало ожидать, это обращение корейского правительства, так же как и все последующие, было оставлено без всякого внимания.

Японские захватчики, возмущенные «неблагодарностью» корейского императора, заставили его подписать отречение от престола в пользу сына. Корейскому правительству была навязана новая «конвенция». Отныне вся власть в стране пере-

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 19, стр. 66.

ходила в руки назначенного японским правительством генерал-резидента.

В. И. Ленин писал по этому поводу: «Гаагская конференция и Корея!!!! Когда на *2-ую* Гаагскую конференцию (открыта 15 июня 1907) явился корейский принц (Ю-Ионг) с жалобой на японцев и с декларацией независимости Кореи, то японцы прогнали императора Кореи, посадили на престол его сына и заключили с ним «договор» 24 июля 1907 г., что де все дипломатические сношения через японского посла в Сеуле»[1].

Когда известие об отречении императора и о новом, навязанном захватчиками договоре достигло народа, повсеместно стали вспыхивать народные восстания под лозунгами «Бейте японских разбойников!», «Смерть предателям-министрам!».

1 августа 1907 г. была распущена корейская армия. Суд, полиция, тюрьмы, все государственные учреждения полностью перешли в руки японских захватчиков.

Известие о роспуске корейской армии было встречено корейским народом с негодованием. Волнения, начавшиеся в полках, очень быстро охватили всю страну. Повсюду стихийно создавались новые партизанские отряды. Пламенем народного восстания были охвачены провинции Канвондо, Кёнгидо, Чхунчхон-намдо, Хванхэдо, Пхёнан-пукдо и Пхёнан-намдо. В декабре 1907 г. в районе Янчжу был организован штаб Ыйбён, руководивший действиями народных отрядов. Японская администрация бросила крупные силы на подавление народного движения. Карательные отряды выжигали все районы и волости, охваченные восстанием, грабили и убивали население. Однако кровавый террор японских захватчиков не ослабил воли свободолюбивого корейского народа к сопротивлению. В 1907 г. в Ыйбён насчитывалось 45 тыс. бойцов, а в 1908 г. их число достигло 70 тыс. В январе — феврале 1908 г. в районах Самсу и Кансана (провинция Хамгёндо) партизанская борьба достигла огромного размаха. Во главе партизанского движения в этих районах были отряды, руководимые Хон Бом До и Чха До Соном. Бойцы Армии справедливости боролись с японскими колонизаторами и их корейскими прислужниками. В 1908 г. партизанами Ыйбён было убито 966 членов реакционного общества японских наймитов «Ильчинхве». В районах действия Ыйбён связь и сообщение были парализованы. Правители уездов были убиты или изгнаны. Газета «Хвансон синмун» 26 октября 1907 г. писала: «В местностях, где в последнее время свирепствуют мятежи, чиновники сбежали со своих постов, в результате чего прекратил свою деятельность налоговый

---

[1] В. И. Ленин. Тетради по империализму. Госполитиздат, 1939, стр. 618.

и судебный аппарат, почтовая служба не работает... Нельзя определить, когда прекратятся происходящие повсюду волнения...»

В 1908 г. командующий японской оккупационной армией генерал Хасегава обратился с воззванием к населению. Угрожая суровыми мерами по отношению к активным участникам движения, он заявил, что «все деревни, откуда родом правонарушители, будут считаться ответственными за их преступления и подвергнутся суровой каре». Но, несмотря на все угрозы, число бойцов в партизанских отрядах непрерывно возрастало.

Японские колонизаторы жестоко расправлялись с бойцами партизанских отрядов. Только за пять месяцев 1907 г. (август — декабрь) отряды карателей сожгли в уезде Чхунчхон-пукдо 1078 домов и 45 сельских школ.

Японцы и их наймиты из «Ильчинхве» насильственно пытались мобилизовать население в отряды «самообороны». Но корейское крестьянство и городская беднота отказывались вступать в отряды карателей. Местное население оказывало партизанам постоянную и действенную помощь. Нередки были случаи, когда в партизанские отряды уходили все жители деревень (например, на о-ве Нокто в провинции Чолладо).

Даже японская статистика, искажающая действительную картину численности Ыйбён, не может скрыть мощного размаха освободительного движения в годы протектората:

Год	Число партизан Ыйбён, принимавших участие в боях	Число боев с карательными отрядами
1907	44 116	322
1908	69 804	1451
1909	27 663	953
1910	1 891	147
1911	216	33
Всего...	143 620	2906

Основную массу участников антияпонского движения составляло крестьянство. Однако в рядах Ыйбён были отдельные представители и дворянства, главным образом из числа военных и буржуазии. Дворянские националисты старались перевести революционную борьбу корейского народа на путь индивидуального террора. Ими был убит японский сатрап американец Стевенс, а также генеральный резидент Японии в Корее князь Ито, что вызвало еще больший разгул кровавого террора японских милитаристов.

Аннексия Кореи Японией

23 июля 1910 г. в Сеул прибыл новый японский наместник — генерал Терауги, представитель наиболее агрессивных кругов японской правящей клики. Правление Терауги вошло в историю Кореи под названием «сабельного режима».

Генерал Терауги объявил военное положение в Корее, запретил деятельность всех прогрессивных организаций, выпуск газет на корейском языке. Начались массовые аресты, преследования, казни лучших представителей корейского народа. Была значительно увеличена полиция. Из Японии прибыли свежие военные силы.

В Инчоне и Пусане стояли военные корабли, готовые по первому сигналу начать военные действия против корейского народа. Так японские власти проводили предварительную подготовку к аннексии Кореи.

22 октября премьер-министр предатель Ли Ван Ён (один из руководителей «Ильчинхве») подписал договор об аннексии, и Корея стала генерал-губернаторством Японской империи. В договоре указывалось на «полную и на вечные времена уступку корейским императором японскому всех прав суверенитета». Страна с тысячелетней историей и древнейшей культурой, страна с населением в 15 млн. человек, превратилась в колонию японских милитаристов.

Во главе управления Кореей был поставлен японским императором генерал-губернатор из числа военных. Генерал-губернатор был главнокомандующим, главой исполнительной власти, пользовался правом издавать законы и назначать судей. Японцы заняли все крупные правительственные посты в Корее. Из 13 губернаторов провинций семеро были японцами. Для видимости при генерал-губернаторе был создан специальный совещательный совет из испытанных японских агентов — корейских янбаней.

«Восточно-колонизационное общество», созданное еще в 1908 г., и Корейский банк возглавили экономическое ограбление страны. Государственные земли были объявлены собственностью японского правительства. Крестьяне, которые не имели документов, подтверждающих право землепользования, были согнаны со своих земель. Колонизаторы не только захватывали земли корейских крестьян, но и выкачивали у голодающего населения продовольствие и вывозили его в Японию[1].

---

[1] В 1914 г. из 14 130 тыс. сок валовой продукции риса 1367 тыс. сок пошло на экспорт; из 3623 тыс. сок валовой продукции сои на экспорт пошло 536 тыс. сок.

Японские империалисты, аннексировав Корею, подчинили себе военные, судебные и полицейские органы. Командующий жандармерией был одновременно начальником полицейской службы при генерал-губернаторе. Превратив страну в полицейский застенок, колонизаторы возложили функции жандармов даже на учителей, которые носили теперь мечи.

Во всех городах открывали новые тюрьмы. В 1912 г. на расширение сеульской тюрьмы было ассигновано 300 тыс. вон.

Создав военно-полицейский режим в стране, колонизаторы провели ряд жестоких законов, направленных против корейского народа.

Японские колонизаторы стремились осуществить «японизацию» корейского населения, уничтожить самобытную национальную корейскую культуру, заставить корейский народ забыть свою историю, свой родной язык. Были закрыты корейские театры, музеи, кино, запрещены национальные праздники, танцы, музыка, одежда и т. д. На кострах сжигали корейские книги, уничтожали древнейшие памятники корейской культуры. Города, деревни и улицы во всех населенных пунктах были переименованы на японский лад. Японцы объявили себя «высшей расой»[1].

В 1911 г. японские империалисты опубликовали «закон об образовании», цель которого была всячески способствовать превращению корейцев в японских подданных. По этому закону особое внимание уделялось массовому изучению японского языка и ремесленному обучению корейцев.

Расовая политика и национальный гнет ощущались во всем. Японская полиция имела право бесконтрольного ареста и физического наказания любого корейца. Японские империалисты безнаказанно эксплуатировали и обкрадывали корейских рабочих. Труд рабочих-корейцев оплачивался значительно ниже, чем рабочих-японцев.

Продолжительность рабочего дня рабочего-корейца достигала 12, а иногда и 18 часов. Корейские рабочие подвергались неслыханным издевательствам со стороны японских надсмотрщиков. На фабриках существовала грабительская система штрафов и телесных наказаний. Но рабочий класс Кореи, еще малочисленный и неорганизованный, уже поднимался на борьбу со своими угнетателями. В 1912 г. было отмечено девять забастовок рабочих. Из года в год число забастовок возрастало. Борьба корейского пролетариата носила пока еще стихийный, неорганизованный характер.

---

[1] Makkenzie. Указ. соч., стр. 146.

Великая Октябрьская социалистическая революция открыла новую эру в истории человечества. «Октябрьскую революцию,— указывает И. В. Сталин,— нельзя считать только революцией «в национальных рамках». Она есть, прежде всего, революция интернационального, мирового порядка, ибо она означает коренной поворот во всемирной истории человечества от старого, капиталистического мира к новому, социалистическому миру»[1].

Вызвав могучий подъем революционного движения в странах империализма, Октябрьская революция ударила и по его тылам, подорвала его господство в колониях и зависимых странах. Победа Великой Октябрьской социалистической революции означала, что кончилась эра безмятежной эксплуатации империалистами колониальных и зависимых стран, что в этих странах наступила эра освободительных революций, что началось пробуждение пролетариата этих стран, готовящегося к роли гегемона освободительной революции.

Рожденное Октябрьской революцией Советское государство стало мощным центром и опорой мирового революционного движения.

Прогрессивные, всепобеждающие идеи Октября нашли в корейском народе, как и в народах всех угнетенных и зависимых стран, горячий отклик и поддержку, пробудили корейский народ, как и все угнетенные народы мира, к активной освободительной антиимпериалистической борьбе за свое национальное и социальное освобождение.

Социально-экономическая обстановка в 1918—1923 гг.

Первая мировая война резко ухудшила положение народных масс Кореи. Стремясь переложить военные расходы на плечи трудящихся, усиливая эксплуатацию и разорение трудовых масс Японии, японские империалисты развязали самый безудержный грабеж в своей колонии, которую они рассматривали как плацдарм для агрессивных войн, для империалистической экспансии в Азии.

Обеспечивая для себя максимальные капиталистические прибыли, японские империалисты нещадно эксплуатировали народ колониальной Кореи.

В результате восьмилетнего колониального господства японского империализма Корея была доведена до состояния крайней нищеты и разорения. Все экономические нити, все командные позиции перешли в руки японских империалистов. Все классы корейского общества, кроме помещиков-полуфеодалов и компра-

[1] И. В. Сталин. Соч., т. 10, стр. 239.

дорской буржуазии, тяжко страдали. Жестоким репрессиям и гнету подвергался самый многочисленный класс Кореи — крестьянство. Усилившееся в период первой мировой войны выкачивание из Кореи сельскохозяйственного сырья и дороговизна привели к массовому разорению крестьянских хозяйств. Только за шесть лет (1914—1919) число арендаторских хозяйств увеличилось более чем на 100 тыс., что свидетельствует о крайне быстрых темпах обезземеливания крестьянства.

Более трех четвертей корейского крестьянства вынуждено было арендовать на кабальных условиях землю у помещиков, имения которых составляли немногим более 3% от общего числа всех сельских хозяйств Кореи [1].

В 1918 г. было закончено проведение земельного кадастра. В результате значительное число крестьянских участков было дополнительно к экспроприированной ранее земельной площади захвачено японскими колонизаторами. 77 сельскохозяйственных компаний во главе с самым мощным колониальным хищником — «Восточно-колонизационным обществом» — грабили и обирали крестьянство. К этому времени «Восточно-колонизационное общество» владело 77 298 чонбо земли [2] (чонбо равняется 0,999 га). Деятельность общества распространялась не только на сельское хозяйство: оно объединяло промышленные и кустарные предприятия, лесные и рыболовецкие промыслы, являясь в то же время одним из крупнейших ростовщиков.

Значительно укрепил свои позиции в Корее и другой колониальный хищник — Тёсэн-банк, объединивший вокруг себя сеть различных банков, кредитных обществ и разнообразных ростовщических организаций. Тёсэн-банк превратился также в богатейшего земельного собственника, пайщика многих компаний и предприятий.

Все наиболее обширные земельные участки в Корее перешли к японским компаниям и колонистам. В их руках находилось 86% всех крупных хозяйств, в то время как 96% самых ничтожных наделов, размером менее чем в полгектара, и 99% хозяйств, имевших земли от 1 до 3 чонбо, принадлежали корейцам.

Японские империалисты дробили захваченные земли и на тяжелых кабальных условиях сдавали их в аренду корейским крестьянам. Японские колонизаторы, сочетавшие феодальные и капиталистические методы эксплуатации крестьянства, были заинтересованы в сохранении феодальных пережитков в корей-

---

[1] По данным на 1918 г., имения помещиков составляли 3,1% всех сельских хозяйств, хозяйства крестьян-собственников 19,7%, полуарендаторов 39,5% арендаторов 37,7%. См. «Чосон кёнчже ёнбо» («Ежегодник корейской экономики»). Сеул, 1948, стр. 27.

[2] «Инмины пот» («Друг народа»), 1947, март, стр. 36 (Сеул).

ской деревне. Арендная плата забирала львиную долю урожая. Кроме нее, крестьянам приходилось платить многочисленные налоги. В описываемый период в Корее насчитывалось 52 вида различных налогов, из них 11 прямых.

Многие из разорявшихся крестьян либо уходили в горы, где явочным порядком обрабатывали горные пустыри, либо эмигрировали в другие страны, либо превращались в бездомных нищих.

Но не только японские империалисты грабили корейских крестьян. Отмечая господствующее положение японцев в крупном сельском хозяйстве Кореи, необходимо подчеркнуть значительный удельный вес корейских помещиков в землевладении. Помещичьи хозяйства, имевшие 10—50 чонбо земли[1], находились почти исключительно в руках корейских янбаней, также нещадно эксплуатировавших и разорявших крестьян. Были в Корее и земельные магнаты — Мины, Паки и другие крупные помещики-полуфеодалы, помогавшие империалистической Японии установить над Кореей колониальное господство и являвшиеся основной социальной опорой японского империализма в Корее во все периоды его господства.

Превращая Корею в аграрно-сырьевой придаток Японии, японские колонизаторы во все возраставших количествах выкачивали из страны продовольствие, в первую очередь рис. С 1910 по 1919 г. вывоз риса увеличился по стоимости в 18 раз, в то время как валовая продукция его за это время почти не изменилась.

В результате восьмилетнего японского колониального грабежа сельское хозяйство Кореи было приведено в состояние упадка. Сохранение феодальных пережитков в корейской деревне, кабальная арендная система, дробление земель на карликовые участки, допотопные способы обработки земли — все это не только задерживало развитие сельского хозяйства Кореи, но затрудняло даже простое воспроизводство.

Японские колонизаторы захватили в свои руки все командные позиции и в области промышленности. Из 1700 предприятий, имевшихся в Корее в 1918 г., корейцам принадлежало около половины, но в валовой продукции доля корейских предприятий составляла лишь 13%, а по вложенному капиталу — менее 6%. В руках корейцев находились лишь самые мелкие, по существу кустарные предприятия. Удельный же вес японского капитала непрерывно возрастал. Так, в валовой продукции горнорудной промышленности он увеличился с 1910 по 1921 г.

---

[1] 99% мелких помещиков, имеющих 5—10 чонбо земли, также были корейцами.

почти в два с половиной раза. Национальный капитал был полностью вытеснен из этой промышленности. Банки находились в руках японцев. Внешняя торговля также была монополизирована ими.

В силу того, что японский империализм задерживал развитие корейской промышленности, число рабочих в Корее увеличивалось крайне медленно. В 1918 г. в Корее насчитывалось 46 749 промышленных рабочих. Рабочие подвергались самой варварской колониальной эксплуатации. За одинаковую работу при равной квалификации кореец получал в 2—3 раза меньше японца, заработная плата которого также была нищенской: использовались корейские рабочие главным образом на подсобных работах, не требующих квалификации. В 1918 г. около одной трети всех промышленных рабочих составляли женщины, которые получали в два раза меньше рабочего-корейца. И совершенно мизерной была оплата широко применявшегося в Корее детского труда. В промышленности сохранились феодальные пережитки, мучительно отражавшиеся на положении рабочего класса; в частности, сохранена была так называемая контрактация — фактически продажа рабочих в рабство предпринимателям. На фабрике рабочий подвергался издевательствам, побоям, штрафам. Ничтожная заработная плата, которая ему причиталась, в значительной мере возвращалась по различным каналам обратно к хозяину, в частности через фабричные лавки, навязывавшие рабочим по дорогой цене продукты питания. Даже японская официальная печать вынуждена была признать, что заработная плата корейских рабочих «самая низкая в мире и что условия их труда на предприятиях оставляют желать много лучшего».

Нищенское, голодное существование влачили безработные, число которых непрерывно росло за счет разоряемой деревни. Нечего и говорить, что наличие этой резервной армии безработных помогало капиталистам удерживать заработную плату рабочих на крайне низком уровне.

Характеризуя положение корейской буржуазии, необходимо учитывать, что состав ее был крайне неоднородным. Крупная и часть средней буржуазии была тесно связана с японским империализмом и служила его интересам. Некомпрадорские же слои средней буржуазии, в особенности мелкая, страдали от японского колониального господства. Целой системой полицейского регулирования японские власти препятствовали развитию национального корейского капитала, которому, кроме того, приходилось выдерживать конкуренцию мощного японского капитала. Жестоким гонениям подвергалась национальная интеллигенция. Корейские специалисты, не находя применения своим знаниям и силам, вынуждены были браться за любую работу.

Они получали за свой труд значительно меньше, чем неквалифицированные японские служащие. Например, корейский учитель получал столько же, сколько японец-швейцар. Существовал длинный перечень должностей и учреждений, куда доступ корейцам был запрещен.

Экономическое закабаление страны обеспечивалось военно-полицейским террористическим режимом. Страна была покрыта густой сетью полицейских и жандармских участков и управлений, сыскных пунктов, тюрем и карательных постов. Кореей единолично управлял японский генерал-губернатор, непосредственно подчинявшийся японскому императору. Корейцы были лишены самых элементарных человеческих прав. Им запрещено было пользоваться родным языком и письменностью, изучать родную историю. Японские захватчики попирали корейскую национальную культуру и искусство. Они с исключительным зверством и жестокостью грабили и терзали корейский народ. В речи на собрании актива московской организации РКП(б) 6 декабря 1920 г. В. И. Ленин, указывая на японо-американские противоречия, говорил: «Если возьмете две империалистские страны: Японию и Америку — они хотят воевать, они будут воевать за первенство в мире, за право грабить. Япония будет воевать за то, чтобы ей продолжать грабить Корею, которую она грабит с неслыханным зверством, соединяющим все новейшие изобретения техники и пыток чисто азиатских. Недавно мы получили корейскую газету, рассказывающую, что делают японцы. Здесь соединение всех методов царизма, всех новейших усовершенствований техники, с чисто азиатской системой пыток, с неслыханным зверством. Но этот корейский лакомый кусок хотят вырвать американцы»[1].

Подъем освободительного движения

Ненависть корейского народа к своим поработителям достигла огромной силы. Обстановка в Корее была насыщена горючим материалом, готовым в любой момент воспламениться.

Освободительные идеи Великого Октября, проникнув в Корею, были восприняты народными массами как путь к спасению. «Победа Октябрьской революции в России,— пишет вождь корейского народа Ким Ир Сен,— всколыхнула и воодушевила корейский народ, указала ему путь к собственному освобождению»[2]. Декреты Советской власти о земле и мире, равенство и

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 31, стр. 415.

[2] Ким Ир Сен. Великая Октябрьская социалистическая революция... «За прочный мир, за народную демократию!», 1951, 2 ноября.

независимость народов, провозглашенные в ленинско-сталинской декларации прав народов России, воодушевляли корейский народ на борьбу за национальное и социальное освобождение. То обстоятельство, что Корея является соседом Страны Советов, первого в мире государства рабочих и крестьян, оказало огромное революционизирующее влияние на народные массы Кореи. Через корейцев, эмигрировавших в свое время в Россию, постоянно общавшихся с населением Кореи, последнее узнавало о героической борьбе трудящихся Советской России против интервентов и белогвардейцев, о великих плодотворных результатах Октябрьской социалистической революции.

Эти результаты ощутили на себе и корейцы, жившие на русском Дальнем Востоке и являвшиеся в своем подавляющем большинстве крестьянами. Советские дальневосточные власти, осуществляя ленинско-сталинскую национальную политику, с первых же дней советской власти неослабно заботились о трудящихся корейцах, равно как и о других национальных меньшинствах. В апреле 1918 г. IV Хабаровский краевой съезд Советов принял постановление о землепользовании для национальных меньшинств, гласившее, что все иностранное население имеет право на землю и получает наделы в сельских и волостных земельных комитетах. Комитеты производили также размещение корейского и китайского населения по местностям Дальнего Востока. Сельским обществам вменялось в обязанность обеспечить землей арендаторов — корейцев и китайцев. Даже в тяжелый период интервенции и гражданской войны забота партии большевиков о трудящихся-корейцах Дальнего Востока была неослабной и повседневной. Все это, естественно, усиливало доверие, благодарность и симпатии трудового корейского населения к советской власти, к Коммунистической партии. Вдохновленные идеями Великой Октябрьской социалистической революции, глубоко преданные советской власти передовые представители трудового корейского населения советского Дальнего Востока активно включались в борьбу против интервентов и белогвардейцев. Эта совместная борьба с героическим русским народом способствовала идейному и политическому росту корейцев и их революционной закалке. Она ускорила процесс формирования революционных корейских кадров. Общаясь с населением колонии, корейцы-революционеры несли ему живое слово правды о Стране Советов, о национальной политике Советского государства, о героической борьбе великого русского народа, о прогрессивных освободительных идеях Октябрьской социалистической революции.

Эти идеи проникали в Корею и из разбуженного Великой Октябрьской социалистической революцией Китая, а также из

Японии, где под влиянием Октября развернулось мощное массовое движение, известное под названием «рисовых бунтов».

С 1918 г. в Корее начался рост антиимпериалистических выступлений. Стали создаваться нелегальные антияпонские организации внутри страны и среди эмигрировавших в другие страны корейцев. Резко усилилось временно придушенное японскими империалистами партизанское движение. Деятельность партизан развернулась главным образом в северных районах страны, которым японская военщина отводила особенно важную роль, поскольку они граничат с Советской Россией и Китаем. Партизанские отряды, первоначально малочисленные, быстро разрастались. Они наносили японцам все более ощутительные удары, нападая на их гарнизоны, прерывая связь, срывая работы стратегического характера. Как указывали с тревогой японские власти, партизаны захватывали у солдат, полицейских и жандармов оружие и боеприпасы, причиняя все больший ущерб властям. Основную массу партизан составляли крестьяне — арендаторы и хвадёнмины[1], рабочие и городская беднота.

С 1918 г. стало заметно расти и забастовочное движение молодого, тогда еще малочисленного корейского пролетариата. Так, в 1912—1917 гг. было в среднем 6 забастовок в год, а в 1918 г. произошло 50 забастовок, в которых участвовало 6150 человек[2].

В деревне увеличилось число арендных конфликтов.

Японские колониальные власти усилили террор: в 1912 г. число арестованных корейцев составляло 52 тыс. человек, в 1918 г. их было 142 тыс.[3] В японской официальной печати появились тревожные сообщения о том, что среди корейцев наблюдается недовольство и что особенно сильно оно возросло после революции 1917 г. в России.

Общий подъем национально-освободительного движения в Корее захватил и национальную буржуазию. Но часть этой буржуазии связывала свои планы освобождения от японского империализма с империализмом Соединенных Штатов Америки, с демагогическими четырнадцатью пунктами президента В. Вильсона, выражавшими притязания американского империализма на мировое господство. В этом, несомненно, сказалась и та подрывная преступная деятельность, которую в течение многих лет вели в Корее агенты и лазутчики американских империалистов.

---

[1] Хвадёнмины — крестьяне, обрабатывавшие земли в необитаемых горных районах. Они выжигали лес и кустарник и засевали выжженные участки зерновыми культурами и картофелем.

[2] «Тёсэн кейсацу» («Корейская полиция»). Сеул, 1938, стр. 65.

[3] «Чосон минчжок хэбан тхучжэнса» («История национально-освободительного движения в Корее»). Пхеньян, 1949, стр. 231.

В то время как в корейском народе зрели силы к активной освободительной борьбе, представители корейской буржуазии стали готовить мирное движение за независимость, «бунт на коленях». Они видели смысл этого выступления в том, чтобы продемонстрировать перед США, перед версальскими «миротворцами», что корейский народ хочет освободиться от японского колониального господства, а также в том, чтобы сугубо мирным характером движения показать империалистическим хищникам, смертельно боявшимся народных выступлений, что корейский народ не бунтует, а просит; что он не собирается бороться за свою независимость, а всецело вверяет свою судьбу державам, заседающим в Версале.

Готовя мирное движение за независимость, представители корейской буржуазии преследовали и другую чрезвычайно важную для буржуазии задачу, а именно — отвлечь народные массы от революционной борьбы, которая нарастала все более явно и грозно.

В конце 1918 г. в Японии начались волнения среди корейских студентов. В декларации, которую студенты в феврале 1919 г. послали японскому правительству, они требовали предоставления Корее независимости. Резко и обличительно говорилось в декларации о насилиях и злодеяниях, чинимых в Корее японскими империалистами. Одновременно декларация обвиняла и те государства, которые помогли японским захватчикам поработить Корею, т. е. США и Англию. «Главные руководители переустройства мира — Америка и Англия, которые первыми признали протекторат и аннексию, должны сейчас нести ответственность за свои старые поступки»,— говорилось в декларации.

Хотя в декларации студентов отразились шатания и непоследовательность корейской буржуазной интеллигенции, хотя в этой декларации еще возлагались надежды на помощь версальских «миротворцев», ее появление было весьма симптоматичным. Декларация выражала растущее влияние идей Великой Октябрьской социалистической революции на передовые слои корейской интеллигенции. «После создания нового государства (под новым государством имеется в виду Советская Россия.— *Ф. Ш.*), являющегося первым прогрессивным демократическим государством, построенным на принципах справедливости и свободы, у нас появилась надежда, что и наша нация сможет внести свой вклад в дело мира и справедливости».

Таким образом, передовые представители корейской интеллигенции связывали свои надежды на освобождение Кореи с созданием первого в мире пролетарского государства.

Оживилась деятельность и корейских эмигрантских организаций в других странах. Руководимые американскими импе-

риалистами реакционные корейские организации в США направили свои усилия на использование революционного подъема народных масс Кореи для насаждения американского влияния. Эти организации поддерживали связь с корейскими националистами внутри страны, пытаясь направить их деятельность в русло, выгодное для американских претендентов на Корею.

В декабре 1918 г. корейские буржуазные националисты, готовившие «бунт на коленях», организовали в Сеуле «инициативный штаб движения за независимость». Весьма любопытен состав этого «штаба»: служителей религиозного культа чхондогё[1] 30%, служителей религиозного культа от христиан 30%, служителей религиозного культа от буддистов 4%, фабрикантов 4%, помещиков 4%, служащих 6%, директоров школ и колледжей 4%, остальные — педагоги, торговцы и др. Нужно учесть, что служители культа, составлявшие около 65% состава «штаба», одновременно были и помещиками или предпринимателями, а иногда теми и другими вместе.

На тайном совещании «штаба», состоявшемся в феврале 1919 г., был разработан план действий. Он заключался в том, чтобы составить документ с требованием независимости и направить его в верхнюю и нижнюю палаты японского парламента, генерал-губернатору Кореи и Парижской мирной конференции, а также послать американскому правительству обращение с просьбой о помощи. Одновременно было решено провести мирную демонстрацию в Сеуле, подтверждающую стремление народа Кореи к освобождению от японского господства.

«Штаб» разработал «декларацию независимости»[2], содержание которой полностью отразило соглашательскую позицию ее авторов, их страх перед революционной борьбой. «Мы должны,— указывалось в декларации, — повлиять на японских политиков, придерживающихся ложной позиции, идущей вразрез с требованиями разума и природы, придерживающихся старых методов насилия, с тем, чтобы они вернулись к справедливым принципам права и истины»[3].

Мирную демонстрацию и провозглашение «декларации независимости» «штаб» решил приурочить к похоронам бывшего императора Кочжона, умершего 22 января 1919 г. Хотя официальная

---

[1] Религиозная секта, основанная в 1906 году. Большинство членов секты составляло зажиточное крестьянство, но она оказывала значительное влияние и на другие слои крестьян. Руководство секты состояло из помещичье-буржуазных элементов.

[2] «Декларацию независимости» подписали 33 националиста — члены «штаба», именовавшие себя «представителями нации».

[3] «Декларация независимости» цитируется по книге «Чосон хэбанква самиль ундон» («Освобождение Кореи и первомартовское движение». Сборник Союза корейских ученых). Сеул, 1946. Приложение.

японская печать сообщала, что смерть императора произошла от кровоизлияния в мозг, среди населения стали распространяться слухи, что он был отравлен японцами за противодействие их политике. В Сеул из различных районов страны стали стекаться паломники, чтобы принять участие в похоронах. Учитывая, что в день похорон японская полиция проявит особую бдительность, «штаб» решил провести демонстрацию 1 марта. Учащиеся сеульских колледжей и школ оповестили жителей Сеула и окрестностей, что в полдень 1 марта они должны явиться в парк «Пагода» на улицу Чонно. Собравшимся была зачитана «декларация независимости» и розданы корейские национальные флаги. Началась мирная демонстрация. Ее организаторы не пошли с народом на улицу. Они боялись народа, даже мирно демонстрирующего свою волю к независимости. Организаторы демонстрации, называвшие себя представителями нации, предали свою нацию, свой народ. Собравшись в одном из ресторанов Сеула [1], они провозгласили тост за независимость, осушили бокалы и позвонили в полицейское управление, чтобы вручить декларацию японским властям.

Этим жестом самозванные «представители нации» хотели, с одной стороны, показать японским империалистам, что они не собираются с ними бороться, а намерены только просить, что они не считают их врагами и вверяют им свою судьбу. С другой стороны, буржуазные националисты хотели преподать массам урок непротивления врагу, ограничить их выступление мирной демонстрацией 1 марта и внушить, что остальное завершат корейские делегаты на Парижской мирной конференции.

Но иначе рассчитывал корейский народ.

1 марта, сразу же после провозглашения «декларации независимости», в Сеуле начались забастовки. Бастовали сеульские трамвайщики, рабочие табачных фабрик, печатники и др. Прекратили занятия учебные заведения, закрылись магазины и мастерские. Все жители Сеула вышли на демонстрацию. «Да здравствует независимость Кореи!» было лозунгом демонстрантов. В первомартовской демонстрации в Сеуле участвовало 300 тыс. человек. Кроме того, мощные многотысячные демонстрации были проведены в Пхеньяне, Ыйчжу, Чинчжу и других городах и сельских районах Кореи. Вопреки запрещению «руководителей», напуганных размахом движения, демонстрации и митинги происходили и в последующие дни, охватывая все новые районы.

---

[1] Организаторы демонстрации, испугавшись активности народных масс, на последнем заседании «штаба» изменили свои предыдущие решения и постановили огласить «декларацию независимости» не в парке «Пагода», а в одном из сеульских ресторанов — Тэхвакван.

С 1 по 3 марта они состоялись, помимо названных городов, в Сончхоне, Нампхо, Синыйчжу, Вонсане, Анчжу, в уезде Тэдон, в Суане, Косоне, Чончжине. Аресты и репрессии, к которым с первых же дней стали прибегать японские власти, не остановили народных волнений. На террор, на вооруженную борьбу против мирных демонстрантов народ стал отвечать вооруженной борьбой.

С 5 марта демонстрации начали перерастать в народное восстание, сопровождавшееся вооруженными столкновениями народа с полицией и солдатами. Вооруженные ножами, топорами, вилами, мотыгами, демонстранты нападали на полицейские и жандармские части, на правительственные учреждения, на дома японских колонизаторов. «Пусть уйдут японские войска и японцы из Кореи», «Корея принадлежит корейскому народу», «Создадим независимое корейское государство»,— эти лозунги были написаны на знаменах восставшего народа. Восстание охватило всю страну. В нем участвовали самые широкие слои населения; основной движущей силой восстания были рабочие и крестьяне. Однако это мощное народное движение не имело руководителя. Смертельно напуганные силой и размахом восстания, самозванные «представители нации», а на самом деле представители ее буржуазно-помещичьих слоев, стали искать путей сговора с японскими империалистами. 12 марта, в период наивысшего подъема движения, они послали генерал-губернатору Хасегава петицию, в которой заверяли, что движение возникло вопреки их воле, и обещали никогда не прибегать к оружию. Хасегава ответил на это послание новой волной погромов и террора. Он заявил, что японское управление в Корее останется незыблемым и что в случае продолжения беспорядков к их виновникам будут применяться самые суровые меры.

Несмотря на угрозы генерал-губернатора, вооруженные столкновения народных масс с полицией и солдатами продолжались. Самыми решительными, последовательными и активными участниками событий были корейские рабочие. Повсеместно в стране происходили забастовки, и основным лозунгом бастующих был лозунг о независимости Кореи. В конце марта горняки рудников и шахт Северной Кореи вступили в длительную вооруженную борьбу с японскими жандармами и полицейскими.

Все активнее поднималось на борьбу крестьянство; наряду с антияпонскими выступлениями имели место нападения крестьян на помещичьи усадьбы. Крестьяне требовали снижения арендной платы и налогов, прекращения произвола и тирании со стороны помещиков.

В течение марта из 218 уездов Кореи восстаниями были охвачено 211.

Восстания продолжались и в течение всей первой половины апреля. К наиболее значительным из них относятся восстания в уезде Намсон (провинция Чолла-пукто), в Чончжу (провинция Пхёнан-намдо), в Кымпхо (провинция Кёнгидо), в Анаке (провинция Хванхэдо) и др. В пограничных районах Северной Кореи мужественно боролись против японских захватчиков корейские партизаны, базировавшиеся в лесах и сопках.

Всего в марте — апреле 1919 г. в антияпонских выступлениях участвовало, по учтенным данным, 2 023 098 человек[1].

Японский империализм с неслыханной жестокостью обрушился на восставший народ. В помощь расквартированным в Корее трем дивизиям войск, жандармскому и полицейскому корпусам из Японии были присланы вспомогательные войска и жандармские части. Участники движения были подвергнуты чудовищным истязаниям и пыткам. Число убитых патриотов составляло около 8 тыс., раненых — около 16 тыс., арестовано было 52 770 человек[2].

И все же, несмотря на этот террор, японская военщина не смогла полностью разгромить движение. В течение всего 1919 г. его грозные раскаты сотрясали страну. Корейские рабочие проявили при этом наибольшее упорство и последовательность. Они продолжали борьбу путем забастовок и саботажа на предприятиях.

В конце апреля бастовали рабочие и служащие Пусанского городского транспорта. В мае началась забастовка железнодорожников Южно-Маньчжурской железной дороги. 1 августа забастовали грузчики порта Пусан. 18 августа начали забастовку печатники сеульских типографий и работники трамвая. 13 октября вспыхнула забастовка на металлургическом заводе Мицубиси в Кёмипхо. С августа по октябрь 1919 г. бастовали рабочие предприятий Вонсана, Инчона и Ёнсана, железоделательного завода в Анчжу, типографий Сеула и Пхеньяна и многих других предприятий. Всего в 1919 г. в Корее было зарегистрировано 104 забастовки, в которых участвовало 11 330 чел. Наиболее мощные забастовки происходили в шахтах и рудниках Кореи. Особенностью этих забастовок являлся ярко выраженный политический характер. Наряду с требованием об увеличении заработной платы рабочие настаивали на предоставлении политических свобод.

Забастовочное движение 1919 г. свидетельствовало о росте классового самосознания корейского пролетариата, о его решимости не покоряться врагу и мужественно, непримиримо бороть-

---

[1] «Чосон минчжок хэбан тхучжэнса», стр. 257.
[2] Там же.

ся за свое национальное и социальное освобождение, за независимость своей родины.

Иначе вели себя «организаторы» первомартовской демонстрации. Они решили использовать преданное ими же движение в своих личных, узкокорыстных интересах и в целях дезорганизации революционной борьбы. В конце марта группа корейских буржуазных националистов приступила в Шанхае к созданию временного эмигрантского правительства. В апреле 1919 г. было созвано собрание корейских эмигрантов, частично ранее эмигрировавших в Китай, частично бежавших туда во время народного восстания. Это сборище, названное его участниками «съездом местных представителей», образовало временный «парламент» и создало временное эмигрантское «правительство» с предателем корейского народа Ли Сын Маном во главе. «Правительство» разработало временную конституцию. Все свои надежды оно возлагало на помощь Америки, на Парижскую мирную конференцию. Оно послало своих делегатов в Версаль просить предоставления Корее независимости. Но когда делегаты добрались до Версаля, им было заявлено, что принципы самоопределения народов, провозглашенные Вильсоном, относятся лишь к угнетенным нациям Европы, что державы не могут и не будут обсуждать корейский вопрос, так как это может осложнить обстановку. Державы, собравшиеся в Версале для дележа стран и порабощения народов, разумеется, не намеревались рассматривать вопрос о предоставлении независимости ни угнетенным нациям Европы, ни угнетенным народам Востока. Пресловутые вильсоновские принципы, как и другие демагогические обещания и декларации империалистов, имели целью ослабить влияние идей Великой Октябрьской социалистической революции и обмануть народы.

Корейский вопрос не был поставлен на обсуждение конференции.

Это отношение США и других держав, заседавших в Версале, к судьбам корейского народа еще нагляднее показало ему лживость их деклараций и обещаний. Что касается буржуазно-помещичьих деятелей из временного шанхайского «правительства», то они, несмотря на провал надежд на вильсоновские принципы и помощь Версаля, продолжали всеми мерами и силами сеять в народных массах Кореи иллюзии относительно возможности мирного освобождения при содействии американского империализма. Это антинародное, самозванное «правительство» стало центром реакционной корейской эмиграции и послушной марионеткой американских претендентов на Корею.

Мартовское народное восстание было подавлено японскими империалистами. Большую помощь в этом им оказали империалисты США. «Одной из важнейших причин поражения пер-

вомартовского движения,— указывает Ким Ир Сен,— является то, что японский империализм, обрушившийся против корейского народа, был поддержан силами мирового и, в первую очередь, англо-американского империализма»[1].

Отказавшись даже поставить на обсуждение Парижской мирной конференции корейский вопрос, империалисты США и других стран в еще большей степени развязали руки японским захватчикам, молчаливо одобряя чинимые ими в Корее зверства, разбой и террор. Американские захватчики, которые пытались использовать национально-освободительное движение корейского народа против японских захватчиков «в своих одинаково империалистических целях», помогли японским властям разгромить это движение, как только оно приняло боевой революционный характер. Американские агенты в Корее — всякого рода миссионеры и лазутчики — самым непосредственным образом помогали выявлять корейских патриотов и расправляться с ними. Японские и американские империалисты боролись между собой за право грабить и порабощать народ Кореи, но они выступали вместе против корейского народа, который не хотел покоряться ни японским, ни американским поработителям.

К числу важнейших внутренних причин поражения народного восстания 1919 г. следует в первую очередь отнести отсутствие боевого революционного руководства. Рабочий класс Кореи был в тот период молод и слаб, он еще не был подготовлен к роли руководителя, гегемона в общенациональном масштабе. Не было боевой революционной партии. Руководство движением взяли в свои руки представители корейской буржуазии, и они обманули народ. Соглашательская часть буржуазии предала движение, и это предательство явилось одной из решающих причин поражения мартовского восстания. В. И. Ленин указывал, что «...буржуазия угнетенных наций постоянно превращает лозунги национального освобождения в обман рабочих: во внутренней политике она использует эти лозунги для реакционных соглашений с буржуазией господствующих наций..., во внешней политике она старается заключать сделки с одной из соперничающих империалистических держав ради осуществления своих грабительских целей...»[2]

Реакционные соглашения с японским империализмом и сделки с империализмом американским — именно это характеризовало политику буржуазных главарей мартовского движения. Пока опасность революционного выступления народных масс

---

[1] Ким Ир Сен. Чогугы тхоиль тоннипква минчжухварыль вихаё (За единство, независимость и демократизацию родины. Статьи и речи), т. I. Пхеньян, 1949, стр. 16.

[2] В. И. Ленин. Соч., т. 22, стр. 137.

не стала угрожающей, капитуляция корейской буржуазии перед империализмом не была еще полной. Она заигрывала с массами, пытаясь с их помощью укрепить свое положение, развязать для себя свободу действий. Но после того как вопреки ее воле мирные демонстрации стали перерастать в мощное революционное движение, соглашательская часть буржуазии открыто предала это движение и пошла на сделку с империалистами. При этом активным оружием в ее арсенале предательства были разоружавшие народ пресловутые вильсоновские принципы.

«Естественно, что расчеты буржуазных националистов добиться независимости Кореи с помощью иностранных империалистов,— пишет Ким Ир Сен,— были нереальными, а деятельность буржуазных националистов, препятствовавшая развертыванию революционной борьбы народа за освобождение Кореи и содействовавшая проискам американских империалистов, была реакционной и антинациональной» [1].

Отсутствие революционного руководства не могло не отразиться самым пагубным образом на вовлечении в борьбу крестьянских масс. Для их активного участия в движении необходимы были лозунги о земле, ибо именно борьба за освобождение крестьянства от феодально-крепостнического гнета составляла одну из внутренних пружин мартовского восстания и была неразрывно связана с антиимпериалистической борьбой. Но буржуазия Кореи, тесно связанная с феодальным землевладением, с грабежом крестьянства, самым решительным образом выступала против земельных преобразований и не допускала выдвижения крестьянских лозунгов. Руководство секты чхондогё, состоявшее из помещиков и буржуа, использовало влияние секты на крестьянские массы для того, чтобы направить их борьбу в петиционное русло, чтобы лишить ее революционного содержания.

И хотя корейское крестьянство активно участвовало в мартовском движении, оно, не имея революционного руководства, оказалось не способным к упорной наступательной борьбе. Мартовское движение было неорганизованным, распыленным. Оно охватило различные районы страны не одновременно. Пламя восстания перекидывалось в новые районы, когда первоначальные очаги его уже были потушены. Естественно, это ослабляло силы восставших и облегчало японским империалистам расправу с ними.

«Первомартовское движение, несмотря на его мощный раз-

---

[1] Ким Ир Сен. Пролетарский интернационализм и борьба корейского народа. «За прочный мир, за народную демократию!», 1952, 25 апреля.

мах, было неорганизованным, — говорит Ким Ир Сен, — а неорганизованная масса не может одержать победу»[1].

Корейский народ был безоружен в дни мартовского выступления. Ему же противостояли вооруженные до зубов, оснащенные новейшей техникой японская армия и полиция. Все эти причины привели к тому, что народное восстание 1919 г. потерпело поражение. Но оно оказало огромное влияние на дальнейшее развитие национально-освободительной борьбы корейского народа, открыло новый этап этой борьбы. Народное восстание 1919 г. показало, что единственным до конца последовательным классом, способным возглавить национально-освободительное движение, является рабочий класс, проявивший в дни восстания наибольшее мужество, стойкость, упорство и непримиримость в борьбе за национальную независимость своей родины.

Мартовские события способствовали выдвижению корейского пролетариата в качестве гегемона национально-освободительной борьбы и поставили задачу создания пролетарской революционной партии.

Одним из существенных результатов движения 1919 г. было освобождение народных масс Кореи от иллюзий относительно мирного завоевания независимости. Вместе с разгромом движения была разгромлена и развеяна сохранившаяся еще среди некоторых слоев населения вера в «помощь» США, в их «бескорыстную дружбу». Американские империалисты снова обманули корейский народ, и это не могло не вызвать глубокого негодования и протеста.

Одновременно события 1919 г. убеждали народ, что только лозунги Великого Октября открывают путь к независимости, что только борьба, неослабная, непримиримая борьба может привести к освобождению. Народное восстание 1919 г. еще больше укрепило влияние Великой Октябрьской социалистической революции на народные массы Кореи. Они убеждались, что только родина Великого Октября — Советская Россия является истинным другом и защитником колониальных народов, что только от нее может ждать корейский народ бескорыстной помощи и поддержки, что от успешного исхода борьбы республики Советов против ее внутренних и внешних врагов, в том числе и японских интервентов, зависит и дальнейшая судьба Кореи. «...Все события мировой политики,— указывал В. И. Ленин,— сосредоточиваются неизбежно вокруг одного центрального пункта, именно: борьбы всемирной буржуазии против Советской Российской республики, которая группирует

[1] Ким Ир Сен. Чогугы тхониль топнипква минчжухварыльвихаё (За единство, независимость и демократизацию родины. Статьи и речи), т. I, стр. 17.

вокруг себя неминуемо, с одной стороны, советские движения передовых рабочих всех стран, с другой стороны, все национально-освободительные движения колоний и угнетенных народностей, убеждающихся на горьком опыте, что им нет спасения, кроме как в победе Советской власти над всемирным империализмом»[1].

Восстание 1919 г. усилило поляризацию политических сил в Корее. Оно ознаменовало отход соглашательской буржуазии от национально-освободительного движения. Часть этой буржуазии полностью скатилась в логово японского империализма; другая же часть стала прямой агентурой американского империализма, активным пособником его планов порабощения Кореи. Зато резко выросла революционная активность рабочего класса и крестьянства, а также активность прогрессивных слоев буржуазии. Усилилась тяга народных масс к организации, к объединению.

Обогащенная опытом и уроками народного восстания 1919 г., национально-освободительная борьба корейского народа поднялась на новую ступень.

Реформы 1919 года

Японские империалисты извлекли свои уроки из народного восстания 1919 г. Они увидели, что управлять колонией старыми методами нельзя, что необходимы реформы, которые успокоили бы поднявшийся на борьбу корейский народ и упрочили бы социальную опору японского империализма в Корее.

Летом 1919 г. японское правительство заявило, что период военного управления Кореей окончен, что начинается «эра культурного управления».

Указом японского императора устанавливалось, что генерал-губернатором Кореи может быть не только военное, но и гражданское лицо, что чиновникам генерал-губернаторства будут присваиваться гражданские звания. Отделы генерал-губернаторства переименовывались в департаменты. Все это должно было создать видимость ликвидации системы военного управления. Другим мероприятием, которое правящие круги Японии преподнесли корейскому населению в качестве окончания военного и начала «культурного управления», являлась реформа полицейской системы. Указом императора ликвидировалась жандармская система и создавалась единая полиция[2].

Нечего и говорить, что эти реформы в области управления носили демагогический характер и не затрагивали существа японской колониальной политики. Генерал-губернаторами Ко-

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 31, стр. 124.
[2] Жандармерия осталась при армии.

реи попрежнему были только военные, более того, представители самых агрессивных кругов японской военщины, прямые ставленники японских монополий. Что касается ликвидации жандармерии, как и других преобразований, то они были направлены на усиление и «усовершенствование» полицейской системы для еще более жестокой расправы с национально-освободительной борьбой корейского народа. Под прикрытием этой реформы японские власти укрепили полицейский корпус, резко увеличив его численность. Так, до реформы число полицейских и жандармов составляло 14 500 чел., а в 1922 г. полицейский корпус насчитывал около 21 тыс. человек, т. е. вырос на 45%. При этом он был тщательно «проверен» и пополнен японцами. Задаче борьбы с национально-освободительным движением подчинены были и другие реформы в области административного управления. Например, провозгласив децентрализацию власти, японцы отменили положение, при котором губернаторы провинций в каждом случае использования полиции обязаны были обращаться за разрешением к генерал-губернатору. В результате местные власти получили право «более оперативно и незамедлительно» реагировать на каждое проявление народного недовольства, обращаясь для этого к полицейским силам, перешедшим в их непосредственное подчинение.

Укрепляя за ширмой реформ колониальный аппарат, японские захватчики не могли не учитывать огромной силы народного протеста против бесправия и гнета. Для успокоения, для обмана народных масс колонизаторы возвестили об установлении в Корее политических свобод (свободы слова, печати, собраний и организаций). Нечего и говорить, что все эти обещания оказались самым беззастенчивым обманом. Разрешив издание нескольких корейских газет[1], японские власти взяли их под такой строгий полицейский надзор, что эти газеты фактически превратились в издания колониальных властей. Им разрешено было печатать лишь материалы, восхваляющие японскую политику в Корее. «Свобода организаций» выразилась в создании различных деловых, спортивных, научных, литературных обществ прояпонского направления. Власти использовали провозглашение этих свобод и в чисто провокаторских целях, для выявления революционных элементов и для расправы с ними. Обманом явились и обещанные корейскому народу «уравнение в правах с японцами», «уважение» к национальной культуре и обычаям и другие декларации и обещания.

Пытаясь успокоить этими посулами народные массы Кореи,

[1] Кроме корейской газеты «Меиль синбо» разрешен был выпуск газет «Чосон ильбо», «Тона ильбо» и журнала «Кэбёк».

японские империалисты одновременно приняли меры к тому, чтобы приблизить к себе корейскую буржуазию и использовать ее в качестве своей опоры в колонии. Правящие круги Японии, естественно, не могли не реагировать на то обстоятельство, что корейская буржуазия, недовольная своим положением, выступила в мартовские дни против японского господства. Но вместе с тем они учитывали ее трусливое поведение, ее страх перед народными выступлениями, ее готовность к соглашательству и компромиссам. И они бросили ей подачку, отменив закон о компаниях, жестоко ущемлявший корейскую буржуазию, и предоставили ей некоторую свободу в предпринимательской деятельности. В бо́льших количествах стали создаваться смешанные японо-корейские общества. Так, если в 1919 г. объявленный капитал промышленных японо-корейских обществ составлял 17 870 тыс. иен, то в 1925 г. он вырос до 105 млн. иен. Национальный капитал получил некоторый доступ в легкую промышленность и торговлю. Стали появляться корейские компании и акционерные общества. Так, например, братья Ким Сон Су и Ким Ён Су основали в октябре 1919 г. акционерную компанию «Кейдзё Босеки» и сконцентрировали в своих руках значительную часть текстильной промышленности Кореи.

Нечего и говорить, что подачки, брошенные корейской буржуазии, не задевали интересов японских монополий. Наоборот, они были направлены на укрепление позиций японского империализма в Корее путем расширения его социальной опоры.

Этой же цели подчинена была и реформа, именуемая созданием органов самоуправления. С конца 1920 г. при губернаторах провинций были созданы в качестве консультативных органов[1] провинциальные собрания, председателями которых являлись губернаторы провинций. Одна треть состава собраний назначалась губернатором, остальные отбирались им же из кандидатов, выдвинутых сельскими управами и городскими совещаниями. В большинстве это были японцы. Городские собрания, как и провинциальные, также были заполнены японцами и представителями корейских помещиков и крупной буржуазии. Так, в числе 268 «избранных» в городские собрания в 1920 г. было 203 японца, хотя последние составляли менее четверти городского населения. Установленные японцами цензы и сама система «выборов» не допускали участия в этих консультативных органах представителей народных масс.

Марионеточной организацией являлся и тайный совет[2], со-

[1] С 1933 г. консультативные органы стали именоваться органами самоуправления.

[2] Он состоял из председателя, вице-председателя, пяти советников и 65 членов, которые назначались японским правительством по представлению генерал-губернатора.

зданный при генерал-губернаторстве в качестве консультативного органа. Председателем совета был вице-губернатор Кореи. Советники и члены тщательно подбирались японцами из представителей феодально-помещичьих кругов и крупной буржуазии.

Японские власти в Корее выносили на обсуждение совета вопросы, направленные на усиление борьбы с национально-освободительным движением. Так, в совете ставился вопрос «о мерах оздоровления общественного мнения», «о поддержании общественного спокойствия», о борьбе с партизанами и др.

Широкие народные массы Кореи разгадали демагогический характер японских «реформ». Политику «эры культурного управления» корейцы назвали политикой «бархатной кошачьей лапы». Да и как было поверить в «культурное управление», если в первый же год его провозглашения на полицию и тюрьмы, т. е. на аппарат угнетения корейского народа, было израсходовано в 50 раз больше, чем на образование, не считая огромных расходов на содержание военных гарнизонов.

Но вместе с тем реформы 1919 г. явились свидетельством серьезной тревоги японских империалистов, их страха перед революционным движением корейского народа, перед усиливающимся влиянием Великой Октябрьской социалистической революции на народные массы Кореи.

Характеризуя общий кризис капитализма, И. В. Сталин указывал, что «...империалистическая война и победа революции в СССР расшатали устои империализма **в колониальных и зависимых** странах, что авторитет империализма в этих странах уже подорван, что он не в силах больше по-старому хозяйничать в этих странах»[1].

Самый факт провозглашения реформ, необходимость маневрировать и изыскивать новые приемы и методы господства в Корее свидетельствовали о кризисе колониальной политики японского империализма, о том, что расшатываются его устои, что подорваны его позиции в колонии, что он не в силах больше по-старому в ней хозяйничать.

Реформы 1919 г. не обманули народные массы Кореи, не ослабили их борьбы против иноземного империалистического господства. В среде же соглашательской корейской буржуазии японские реформы вызвали бурную радость и одобрение и способствовали не только росту национал-реформизма, но и дальнейшему сближению лагеря национал-реформизма с империалистическим лагерем.

Упоенные заявлением Сайто о том, что конечной целью японцев является «учреждение местного автономного самоуправле-

---

[1] И. В. Сталин. Соч., т. 12, стр. 247.

ния», представители соглашательской буржуазии развернули среди населения широкую пропаганду за сотрудничество с японскими империалистами. Они призывали «честно работать», повышать производительность труда, улучшать производство, развивать в дозволенных японцами рамках предпринимательскую деятельность, не выступать против японцев, не противодействовать их мероприятиям.

Национал-предатель Ли Кван Су и его последователи начали движение «за прогресс нации» под эгидой японского империализма. Один из реакционных руководителей чхондогё, Цой Рин, создал общество по изучению политики («Ёнчонхве»), призывавшее корейский народ отказаться от борьбы и приспособиться к японским порядкам. Активный японский пособник, капиталист и помещик Ким Сон Су [1], выступил с проповедью «гармонии труда и капитала»; национал-реформист Чо Ман Сик, заявляя о «вреде» активного антияпонского движения, призывал добиваться независимости мирным путем.

Представители соглашательских слоев буржуазии создали в 1921 г. так называемый «национальный совет» и послали делегацию к японскому императору просить предоставления Корее автономии. Вскоре они организовали так называемую «Федерацию мыслящих личностей разных течений». Программа этой федерации провозглашала: мирное сожительство японцев и корейцев; единство народа и японской администрации; сотрудничество труда и капитала.

Проповедуя отказ от национально-освободительной борьбы и содружество с японским империализмом, национал-предатели развернули одновременно активную антисоветскую пропаганду. Их страшило неудержимо растущее влияние Великой Октябрьской социалистической революции на корейский народ и рост его симпатий к республике Советов.

Эра «культурного управления» завершила переход соглашательской части корейской буржуазии в стан яростных врагов корейского народа.

Поощряя и питая национал-реформизм, который помогал разлагать и ослаблять национально-освободительное движение изнутри, японские империалисты одновременно стали усиленно распространять идеи космополитизма. В корейской печати появились статьи и высказывания о том, что национальная независимость и суверенитет — тяжелая обуза для народов, что она корейцам не под силу, а посему не нужно вести борьбу за нацио-

---

[1] Эти лица, полностью предав интересы народа, стали открытыми агентами империализма. В настоящее время они являются активными деятелями лисынмановской клики в Южной Корее, душителями национально-освободительной борьбы корейского народа, прямыми пособниками американских агрессоров.

нальную независимость. Усилилась пропаганда мракобесия, сопровождавшаяся ростом суеверий, шаманизма.

Идеологическая агрессия японцев в Корее, принявшая в период «культурного управления» еще более широкий размах, была направлена своим острием против проникновения в Корею марксистской идеологии и ее растущего влияния.

Таким образом, политический смысл и цель реформ 1919 г. заключались в дезорганизации, подавлении национально-освободительного движения корейского народа. Под прикрытием демагогических реформ японские империалисты, при поддержке корейских помещиков и соглашательской части буржуазии, укрепили систему колониального угнетения, «усовершенствовали» аппарат насилия и порабощения народных масс, усилили ограбление корейского народа, выкачивание из колонии максимальных прибылей.

Создание подпольных марксистско-ленинских кружков. Первые рабочие организации

После мартовского восстания национально-освободительная борьба корейского народа вступила в новую стадию.

Предательство буржуазных организаторов мартовской демонстрации неизбежно вело к подрыву влияния национальной буржуазии на народные массы. Это в свою очередь наряду с другими условиями ускоряло процесс выдвижения рабочего класса в качестве руководителя национально-освободительного движения, сопровождаясь революционизированием и вовлечением в борьбу широких народных масс и в первую очередь крестьянства.

В этот период в промышленных центрах Кореи стали возникать подпольные марксистско-ленинские кружки и группы. Вначале малочисленные, они затем разрастались за счет передовых рабочих и революционной интеллигенции.

«В результате победы Октября, — указывает Ким Ир Сен,— в Корею проникают и быстро распространяются передовые, революционные идеи марксизма-ленинизма, который постепенно становится теоретической основой тактики и стратегии корейского национально-освободительного движения» [1].

Несмотря на то, что японские колониальные власти с помощью целой армии полицейских, сыщиков, провокаторов и национал-предателей выискивали и вылавливали организаторов и участников марксистских кружков, надеясь путем террора,

[1] Ким Ир Сен. Великая Октябрьская социалистическая революция... «За прочный мир, за народную демократию!», 1951, 2 ноября.

провокаций, клеветы и демагогии воспрепятствовать проникновению марксистской идеологии в Корею, помешать развитию коммунистического движения, тяга к изучению марксизма-ленинизма росла с неудержимой силой.

Первые марксистско-ленинские кружки состояли главным образом из представителей мелкобуржуазной интеллигенции. Рабочая прослойка была в них крайне незначительной. Они не были еще тесно связаны с рабочим движением. Но вместе с тем образование этих групп являлось важным шагом по пути к созданию Коммунистической партии Кореи.

С 1920 г. в серьезную силу превращается рабочее движение в Корее. Корейский рабочий класс вступает на путь организованной борьбы. Растет его тяга к объединению, к организации. В апреле 1920 г. в Сеуле была создана первая рабочая организация «Общество взаимопомощи» («Чосон нодон кочжехве»), объединившее железнодорожников, рабочих табачных фабрик, сеульских трамвайных работников, рикш и др. Это общество создало свои отделения во всех крупных городах Кореи. Но оно просуществовало недолго. Национал-реформисты, пробравшиеся к руководству, и засланные в организацию японские провокаторы привели общество к развалу. Внутри него образовались многочисленные группы и фракции, боровшиеся между собой, и в 1922 г. оно распалось. Но рабочие, входившие в «Общество взаимопомощи», не отказались от мысли о создании своей организации. В 1922 г. они создали Корейский рабочий союз. Одновременно были основаны рабочее объединение «Конгресс труда» и ряд местных рабочих союзов, обществ и касс взаимопомощи.

Создание первых рабочих организаций сопровождалось активным забастовочным движением. В 1920 г. в Корее произошла 81 забастовка, бастовало 4599 чел. В сентябре 1921 г. вспыхнула всеобщая забастовка рабочих в Пусане. В 1922 г. бастовали рабочие ряда предприятий Сеула и других городов. В августе 1923 г. снова началась забастовка в Пусане, в которой участвовало около 1800 рабочих. Стачки и забастовки происходили также на шахтах и рудниках Северной Кореи. Забастовщики требовали повышения заработной платы, улучшения обращения с рабочими, введения охраны труда. Они выдвигали политические требования, в частности требование свободы организаций.

Рабочее движение оказало влияние на корейское крестьянство.

Весной 1923 г. начались крестьянские волнения в районе Амтхэ — провинции Чолла-намдо, которые перекинулись в Сунчхан, Чончжу и другие районы.

Выросло число арендных конфликтов, особенно в Южной Корее, где была сконцентрирована корейская беднота. В 1923 г.

произошло 176 арендных конфликтов, а число их участников составило 9060 человек. Под влиянием рабочего движения усилилась и тяга крестьян к организации. В деревнях стали возникать крестьянские общества, союзы арендаторов, рабоче-крестьянские общества, союзы борьбы с «Восточно-колонизационным обществом» и др.

Таким образом, в 1918—1923 гг. Корея, как и другие страны колониального Востока, переживала могучий подъем национально-освободительного движения, какого никогда еще не знала ее история. Народное восстание 1919 г., являвшееся непосредственным результатом влияния Великой Октябрьской социалистической революции и вызванного ею острого кризиса колониальной системы империализма, всколыхнуло всю страну и знаменовало начало длительной, упорной, сознательной и организованной борьбы народных масс Кореи за национальное и социальное освобождение.

Несмотря на то, что народное восстание 1919 г. было подавлено японским империализмом при поддержке американского империализма, оно обогатило народные массы Кореи опытом революционной борьбы, способствовало идейному и организационному росту рабочего класса, ускорило процесс перехода в его руки руководства национально-освободительным движением.

Образование коммунистической партии. Июньские события 1926 г. Вонсанская забастовка

Великие победы Советской республики, разгромившей интервентов и белогвардейцев и изгнавшей их с советской земли, создание Союза Советских Социалистических Республик, продемонстрировавшие торжество ленинско-сталинской национальной политики, укрепляя силы революционного движения во всем мире, воодушевляли и народ колониальной Кореи на активизацию национально-освободительной борьбы.

В период относительной стабилизации капитализма империалистическая Япония еще более усилила эксплуатацию корейских трудящихся масс.

«Твердый курс» во внутренней политике, который проводили правящие круги Японии и который имел целью разгром демократического движения, выразился и в усилении борьбы против корейского народа. Планы подготовки большой войны, «политика крови и железа»[1], осуществляемые японскими милитари-

[1] 25 июля 1927 г. премьер-министр Японии Танака представил японскому императору меморандум, излагавший планы большой войны, планы покорения мира. «...Япония,— говорилось в этом меморандуме,— не сможет устранить затруднения в Восточной Азии, если не будет проводить политики «крови и железа»... Для того чтобы завоевать мир, мы должны

стами, сопровождались еще более интенсивным ограблением Кореи, подготовкой использования ее в качестве плацдарма для будущей войны, чему в свою очередь сопутствовали меры по «укреплению тыла», по разгрому революционных корейских организаций, по подрыву и разложению их изнутри. Вместе с тем, этот период означал для Кореи, как и для других колоний, дальнейшее усиление борьбы народных масс против национального гнета и эксплуатации, дальнейший рост и сплочение революционных сил.

В 1923 г. в Сеуле было создано так называемое «Молодежное общество» («Чхонихве»). Оно начало подготовку к образованию Всекорейской рабоче-крестьянской ассоциации. Одновременно в Сеуле готовилось создание южнокорейской рабоче-крестьянской ассоциации. В том же году обе эти организации были оформлены.

В апреле 1924 г. был создан — «Общекорейский рабоче-крестьянский союз». На его организационном съезде присутствовало свыше 200 делегатов от 174 рабочих и крестьянских союзов. Наряду с этим были созданы Общекорейский союз молодежи, Общество корейских женщин, Общество равноправия, союзы париев [1] и другие [2].

Нарастающие выступления народных масс уже не ограничиваются экономическими требованиями. «Под влиянием марксизма-ленинизма,— пишет Ким Ир Сен,— борьба приобретает политический характер и ведется как против японских захватчиков, так и против сотрудничавших с ними корейских феодалов и буржуазии. Рабочее движение тесно переплетается с движением крестьянства, выступавшего союзником рабочего класса в деле освобождения родины и завоевания демократической власти» [3].

17 апреля 1925 г. в глубоком подполье была образована Коммунистическая партия Кореи (Чосон консандан).

сначала завоевать Китай... Имея в своем распоряжении все ресурсы Китая, мы перейдем к завоеванию Индии, Архипелага, Малой Азии, Центральной Азии и даже Европы... В программу нашего национального роста входит, повидимому, необходимость вновь скрестить наши мечи с Россией на полях Монголии в целях овладения богатствами Северной Маньчжурии» («Меморандум о позитивной политике в Маньчжурии, представленный 25 июля 1927 г. премьером Танака императору Японии». См. «Коммунистический интернационал», 1931, № 33—34, стр. 48, 49, 52).

[1] К числу париев (пэкчон, по-корейски) относились мясники, корзинщики, сапожники и др.

[2] В 1922 г. в Корее появляются первые печатные пролетарские органы: журнал «Новая жизнь», затем журнал «Свет Кореи». Кроме того, было основано «Народное издательство», которое издавало социалистическую литературу.

[3] Ким Ир Сен. Великая Октябрьская социалистическая революция... «За прочный мир, за народную демократию!», 1951, 2 ноября.

В апреле того же года был организован и Коммунистический союз молодежи.

Создание коммунистической партии дало мощный толчок дальнейшему подъему и росту национально-освободительного движения корейского народа. Корейские коммунисты стали руководящей силой этого движения.

Большое революционизирующее влияние на корейские народные массы оказала китайская революция 1924—1927 гг. «Самым важным результатом китайской революции,— указывал И. В. Сталин,— является тот факт, что она разбудила от вековой спячки и привела в движение сотни миллионов эксплуатируемых и угнетённых, разоблачила вконец контрреволюционность генеральских клик, сорвала маску с гоминдановских прислужников контрреволюции, укрепила авторитет коммунистической партии среди народных низов, подняла движение в целом на высшую стадию и пробудила новые надежды среди миллионов людей угнетённых классов Индии, Индонезии и т. д.»[1]

В июне 1926 г. под руководством коммунистической партии в Сеуле была проведена массовая демонстрация, сопровождавшаяся кровавыми столкновениями народа с японской полицией.

Еще с апреля 1926 г. Коммунистическая партия Кореи начала подготовку к празднованию международного революционного дня —1 Мая. Японская полиция, учитывая напряженную обстановку в стране и опасаясь волнений, дала разрешение на проведение демонстрации, с тем чтобы при первом же удобном случае взять его обратно. Такой повод представился. 26 апреля 1926 г. умер бывший корейский император Ли Чок. Японские власти заявили,что «во время траура неудобно проводить демонстрацию», и запретили ее. Тогда коммунистическая партия решила провести демонстрацию в день похорон бывшего императора — 10 июня. Было заготовлено более 50 тыс. прокламаций, призывавших корейский народ сплотить все силы для борьбы против японского ига, за свое национальное и социальное освобождение. «Мы требуем земли, свободы, риса»,— говорилось в листовках. «Мы должны объединиться и создать свои организации по всей стране», «Борцы национально-освободительного движения, объединяйтесь!»[2]

Японские власти, опасаясь народных волнений, срочно вызвали в Сеул дополнительные воинские части из провинций. По всей стране начались аресты коммунистов. В порту Инчон стояли наготове четыре крейсера.

---

[1] И. В. Сталин. Соч., т. 10, стр. 283.

[2] Ли Чон Вон. Чосон кындэса ёнгу (Исследования по новой истории Кореи). Пхеньян, 1947, стр. 280.

Похоронную процессию 10 июня окружала вооруженная охрана в сопровождении пушек и пулеметов. И все же японским колониальным властям предотвратить демонстрацию не удалось. Несмотря на полицейские репрессии, коммунисты распространяли прокламации и листовки. На многочисленных митингах, которые состоялись в разных районах Сеула, они разъясняли массам, что есть только один путь освобождения от японского гнета — это путь борьбы, что для этой борьбы необходимо объединить все силы народа. Полицейские и солдаты стали вылавливать агитаторов, но народ их скрывал. Начались рукопашные схватки демонстрантов с полицией и солдатами. В этот день в восьми районах Сеула произошли ожесточенные кровавые столкновения.

Июньские события 1926 г., неразрывно связанные с влиянием китайской революции, являлись первым организованным массовым выступлением корейского народа, которым руководила коммунистическая партия, и серьезным шагом к созданию единого национального антиимпериалистического фронта Кореи.

В феврале 1927 г. под руководством коммунистической партии было создано в качестве организации единого фронта общество «Синганхве». В «Синганхве» вошли рабочие и крестьянские организации, женские, молодежные объединения, некоторые религиозные общества, прогрессивная часть секты чхондогё, а также частные лица. В стране и за ее пределами были созданы многочисленные филиалы Общества, объединившего несколько десятков тысяч человек[1]. Это была первая попытка создания организации единого общенационального фронта борьбы против японского колониального ига. Прогрессивная часть руководства «Синганхве»[2] активно боролась за создание единого фронта, за сплочение сил народа. Она ориентировала организацию на революционную борьбу, разъясняла идеи марксизма-ленинизма.

Но «Синганхве» не смогло стать боевой организацией единого фронта. К его руководству пробрались реформисты, толкавшие организацию на петиционный путь борьбы. Японские агенты, шпионы и провокаторы, засылаемые в общество «Синганхве», старались разложить и взорвать его изнутри. На срыв единого

---

[1] Общество «Синганхве» организационно было построено по типу политической партии. Народные массы, объединенные в рабочих и крестьянских союзах, молодежных, женских и других массовых организациях, входили в «Синганхве» в порядке индивидуального членства, что фактически вело к прекращению деятельности этих организаций.

[2] Среди руководителей общества были такие деятели национально-освободительного движения, как Хо Хон — бывший председатель Верховного народного собрания Корейской Народно-Демократической Республики, Хон Мен Хи — заместитель председателя Совета Министров КНДР и др.

фронта японские империалисты мобилизовали весь свой террористический полицейский аппарат. Наиболее прогрессивных деятелей антиимпериалистического движения они изолировали, подвергали гонениям и арестам. Помощь японцам оказывали и реакционные организации, созданные национальными предателями. К числу их относились: «Общество единомышленников» («Хонам тонюхве»), организованное японскими ставленниками Ким Сон Су и Сон Чжин У, реакционная группа «Ённам синюхве», возглавлявшаяся Ли Гак Чоном, группки Цой Рина, Ли Кван Су, проповедовавшие автономистское движение, и др.

После временного поражения революции в Китае прояпонские элементы активизировали свою деятельность как внутри общества «Синганхве», так и вне его. Руководство обществом «Синганхве» полностью захватили в свои руки национал-реформисты, и оно вместо партии единого фронта борьбы против японских колонизаторов стало силой, противодействовавшей национально-освободительному движению. Вскоре эта организация распалась. Японские власти жестоко расправились с прогрессивными деятелями «Синганхве». В этом им попрежнему помогали национал-предатели, в частности Ким Бен Но[1] и возглавлявшаяся им группа, ранее также входившая в «Синганхве».

Но корейские коммунисты продолжали неутомимо бороться за создание прочного, единого антиимпериалистического фронта, укрепляя массовые организации рабочих и крестьян. Под руководством Коммунистической партии в августе 1927 г. на базе Всекорейского рабоче-крестьянского союза были созданы Всекорейский рабочий союз и Всекорейский крестьянский союз и разработана программа этих организаций. Всекорейский союз молодежи был превращен в массовую молодежную организацию антияпонского фронта.

Громя и подрывая изнутри прогрессивные корейские организации, японские империалисты основную силу своего удара направили против коммунистической партии. Они старались изолировать ее наиболее стойкие, марксистски подготовленные кадры, лишить ее крепкого руководства, обезглавить ее. В конце 1925 г. японские власти арестовали членов Центрального комитета коммунистической партии и Центрального комитета Коммунистического союза молодежи. В 1926 г. снова произведены были аресты коммунистов, в том числе части членов Центрального комитета. Массовые аресты коммунистов происходили в 1927—1928 гг. и в марте 1929 г.

Не только руководящие работники Корейской коммуністи-

---

[1] Ким Бен Но после оккупации Южной Кореи американскими войсками был назначен ими верховным судьей. Активный реакционер.

ческой партии и Коммунистического союза молодежи, но и многие активные деятели местных партийных организаций были брошены в тюремные застенки.

Эти аресты обезглавили партию. Из ее рядов были вырваны самые мужественные, последовательные борцы, что облегчало японской тайной полиции организацию подрывной работы внутри партии путем засылки туда провокаторов и шпионов.

Ослабление партийного руководства создало условия для деятельности фракционеров, образовавших внутри партии различные антимарксистские группировки и фракции.

«...Коммунистическая партия Кореи в тот период,— пишет Ким Ир Сен,—не смогла обеспечить подлинно революционного, большевистского руководства борьбой народных масс против японских захватчиков и сотрудничавших с ними корейских феодалов и буржуазии. Жестокие репрессии, подрывные действия японской охранки, неустойчивость мелкобуржуазной интеллигенции, составлявшей в то время ядро компартии, ослабили ее ряды и привели к тому, что в 1928 г. компартия Кореи как организованная сила прекратила свое существование»[1].

Перед корейскими коммунистами была поставлена задача — создать новую, монолитную и сплоченную коммунистическую партию, со здоровым пролетарским составом, с железной дисциплиной и непоколебимым единством, партию, которая непримиримо боролась бы за интересы рабочих и крестьян, которая сумела бы правильно сочетать пролетарскую классовую политику с национально-освободительной борьбой, которая обеспечила бы гегемонию пролетариата в этой борьбе.

В глубоком подполье корейские коммунисты собирали и сплачивали силы для создания такой партии. Они все теснее связывались с массами, непосредственно руководя их борьбой, высвобождая их из-под влияния национал-реформистов.

С конца 1928 г. возглавляемое коммунистами пролетарское движение вступило в полосу подъема. Начало ему положила всеобщая вонсанская забастовка.

В январе 1929 г. на нефтеперегонном заводе в Вонсане японский надсмотрщик избил рабочего-корейца. Рабочие, подвергавшиеся жесточайшей эксплуатации, унижениям, побоям и увечьям, не могли больше молчать и объявили забастовку. Профессиональный союз рабочих предъявил требования к предпринимателю: уволить немедленно надсмотрщика, избившего рабочего, установить восьмичасовой рабочий день и твердый минимум заработной платы, улучшить обращение с корейцами, выплатить заработную плату за все время забастовки. Нефтя-

---

[1] Ким Ир Сен. Великая Октябрьская социалистическая революция... «За прочный мир, за народную демократию!», 1951, 2 ноября.

ников поддержали рабочие других производств Вонсана. Забастовка стала всеобщей и длилась несколько месяцев. Рабочие проявили большое упорство, сплоченность и мужество во время забастовки. Она закончилась удовлетворением ряда их требований. Всеобщая забастовка в Вонсане положила начало выступлению корейского пролетариата в качестве самостоятельной политической силы. После вонсанской забастовки не прекращалась широкая волна забастовок и стачек на заводах и фабриках, на шахтах, рудниках и железных дорогах Кореи.

Рост рабочего движения вызвал активизацию крестьянской борьбы и движения среди корейской интеллигенции.

Таким образом, 1923—1929 гг. характеризовались дальнейшим обострением противоречий между империалистической Японией и колониальной Кореей. В этот период в борющейся за свою независимость Корее были созданы организации рабочих и крестьян, движение приняло более организованный характер. С образованием в 1925 г. коммунистической партии корейский народ обрел в лице коммунистов руководителей своей борьбы. И хотя репрессии японских властей и неустойчивость мелкобуржуазных слоев, составлявших в тот период ядро Корейской компартии, ослабили компартию и привели к ее роспуску, стойкие коммунисты продолжали оставаться во главе национально-освободительного движения, ведя неустанную работу в массах, освобождая их из-под влияния национал-реформистов.

Коммунисты в самых тяжелых условиях японского господства поднимают народ на борьбу, руководят движением, создают массовые полулегальные организации трудящихся, профсоюзы и крестьянские союзы.

Всеобщая вонсанская забастовка 1929 г. ознаменовала выступление корейского пролетариата в качестве мощной самостоятельной политической силы и явилась серьезным шагом на пути к осуществлению гегемонии пролетариата в национально-освободительной борьбе.

Рост могущества СССР, успешно осуществившего грандиозный план социалистической индустриализации страны, вдохновлял корейский народ на усиление борьбы за свое освобождение, за независимость.

Мировой экономический кризис и дальнейший рост национально-освободительного движения корейского народа

Разразившийся в 1929 г. мировой экономический кризис обнажил и обострил все противоречия мирового капитализма, в том числе противоречия между империалистическими государствами и колониальными и зависимыми странами. Японский империализм искал выхода из кризиса в усилении нажима на

народные массы метрополии и колоний. В результате невиданного усиления колониального гнета процесс обнищания народных масс достиг огромнейшей силы. Резко выросли налоги и поборы. Пауперизируемая деревня тысячами выбрасывала лишившихся земли крестьян. Арендаторы были не в состоянии платить непомерно высокую аренду за землю. Вследствие кризиса они лишились побочных заработков. Разорялись кустари и ремесленники. В этот период еще более усилились репрессии и террор японских властей. И вместе с тем росла и ширилась национально-освободительная борьба корейского народа. По преуменьшенным данным японского генерал-губернаторства, состоялось стачек и забастовок в 1929 г.—102, в 1930 г.—160. Число их участников соответственно составляло: 8293 и 18 972 человека[1].

Забастовки рабочих стали настолько частыми, что корейская буржуазия поставила перед японскими властями вопрос о легализации рабочего движения, «дабы ослабить его». Выросли уровень рабочего движения, его организованность, его наступательный характер.

В январе 1930 г. вспыхнула забастовка на крупном японском предприятии в Пусане. В мае того же года начали героическую борьбу горняки Синхына. Всеобщую забастовку объявили рабочие предприятий резиновой промышленности в Пхеньяне. Бастовали рабочие Сеула, Кёнчжу, Тэчжона, Нампхо, Сончхона, Инчона, Тэгу и других городов. Новое в забастовочном движении этого периода заключалось в усилении его наступательного характера, в более высокой сплоченности рабочих. Многие забастовки носили политический характер. Ими руководили корейские коммунисты.

Под влиянием растущего рабочего движения усилило свою борьбу и доведенное в годы кризиса до последней степени нищеты корейское крестьянство. Число арендных конфликтов резко возросло: в 1930 г. было зарегистрировано 93 арендных конфликта, в которых участвовало 10 037 крестьян, в то время как в 1929 г. было 36 конфликтов с 2620 участниками. Усиление работы и влияния коммунистов в деревне вело к тому, что и крестьянское движение росло не только количественно, но и качественно. Оно приобретало все более наступательный и действенный характер. Крестьяне требовали снижения арендной платы, налогов и поборов, упразднения системы саым[2], установления твердых сроков аренды.

[1] «Чосон хэбанква самиль ундон» (Сборник Союза корейских ученых), стр. 106—107.

[2] Саым — посредник. Это требование было направлено против управляющих, сборщиков арендной платы и других доверенных помещика, которые нещадно обирали крестьян.

Вопреки национал-реформистам, насаждавшим петиционное движение, росла революционная борьба крестьянства. Крестьяне отказывались от уплаты налогов. Создавались специальные общества неплательщиков налогов. Учащались случаи нападения крестьян на полицейские участки, на помещичьи усадьбы. В ряде мест крестьяне разрушали оросительные плотины, уничтожали арендные договоры и заемные документы.

В 1929 г. произошел крупный конфликт между арендаторами и колонизационной компанией «Фудзи Когё» в Ёнчоне, провинции Пхёнан-пукто. В нем участвовало до 2 тыс. арендаторов. Крестьяне требовали установить постоянные сроки аренды, снизить арендную плату и поборы, переложить ирригационный сбор с арендаторов на компанию. Они объявили голодовку и отказ от сна. Семь с половиной месяцев длился этот конфликт, закончившийся удовлетворением ряда требований крестьян. В конфликте арендаторов с «Восточно-колонизационным обществом» в сентябре 1929 г. участвовало также около 2 тыс. крестьян. В декабре того же года произошел конфликт между арендаторами и компанией «Тёсэн тоти когё» в уезде Кёнсан, провинции Кёнсан-пукто, в котором участвовало 2500 арендаторов. С 1930 г. крестьянское движение выливается в ряд восстаний. В мае 1930 г. в уезде Танчхон, провинции Хамгён-намдо, крестьяне потребовали снижения налогов и освобождения ранее арестованных товарищей. После отказа властей выполнить эти требования более 2 тыс. крестьян, вооружившись вилами, дубинами и камнями, напали на уездные учреждения. Японская полиция с помощью вооруженной силы подавила восстание и произвела массовые аресты.

В этот же период в различных районах Кореи происходили так называемые «ирригационные бунты», возникавшие вследствие ограбления крестьян компаниями, распоряжавшимися ирригационными сооружениями. В 1930 г. в борьбе против ирригационного союза «Тайсё суйри кумиай» в провинции Пхёнан-пукто участвовало 9 тыс. крестьян. В 1931 г. в Ири, провинции Чолла-пукто, крестьяне разрушили оросительные плотины. Крупные крестьянские волнения имели место в 1930—1931 гг. в уездах Чомпхён, Ковон, Пукчхон, Мёнчхон — провинций Хамгён-намдо, Хамгён-пукто и других. Они сопровождались нападениями на помещичьи усадьбы и дома ростовщиков, на японские учреждения и полицейские участки.

Массовый характер приняли забастовки сельскохозяйственных рабочих.

Выступления арендаторов и батраков часто охватывали несколько деревень, волостей и даже уездов. Наряду с количественным и качественным ростом крестьянского движения

увеличивалось число побед арендаторов: в 1928 г. было полностью удовлетворено только 2,1% их требований, а в 1931 г.— 31%.

Росло движение протеста и в среде корейской интеллигенции. Волнения учащихся вылились в массовое антияпонское выступление.

В начале ноября 1929 г. в поезде японские ученики оскорбили школьницу-кореянку. За нее вступились ее брат и товарищи, открыто выразив возмущение поведением хулиганов. Последние избили их. Японская полиция, прибывшая к месту побоища, связала корейских школьников и бросила их в городскую тюрьму в Кванчжу. Когда весть о случившемся облетела город и окрестности, большие группы учащихся-корейцев направились к полицейскому управлению, требуя освобождения арестованных. Полиция ответила на это требование новыми арестами. Это усилило возмущение, и в городе началась демонстрация, проходившая под лозунгами «Долой японских империалистов!», «Освободим корейскую нацию!». Волнения перекидывались в другие районы Кореи, охватывая город за городом. Учащихся поддержали рабочие, крестьяне, служащие и другие слои населения. В движении участвовало более двухсот школ и колледжей Кореи[1]. Колониальные власти подавили волнения вооруженной силой. Много тысяч учащихся было арестовано, среди них дети — ученики начальных школ. Около двух с половиной тысяч корейских учащихся было исключено из учебных заведений без права поступления в них.

Волнения среди учащихся свидетельствовали о росте антиимпериалистической борьбы среди корейской интеллигенции. Они свидетельствовали, что обстановка в стране до крайности накалена.

Несмотря на то, что в Корее японские власти перед революционными праздниками проводили многочисленные аресты корейских патриотов, народные массы под руководством коммунистов устраивали в дни революционных праздников массовые демонстрации, проходившие под лозунгом борьбы за национальную независимость.

Захват Японией Северо-Восточного Китая. Превращение Кореи в военно-стратегический плацдарм Японии

В поисках выхода из кризиса буржуазия Японии, как и буржуазия других империалистических стран, с одной стороны, усиливала фашизацию в области внутренней политики, исполь-

---

[1] «Чорен чуо дзихо», 1948, 1 ноября.

зуя для этого все реакционные силы, с другой — искала выход из кризиса в развязывании новой империалистической войны.

«Не объявляя войны Китаю и мошеннически используя ими же созданные «местные инциденты», японские империалисты воровским образом ввели войска в Манчжурию. Японские войска полностью захватили Манчжурию, подготовляя себе удобные позиции для захвата Северного Китая и нападения на СССР»[1].

В своих разбойничьих планах нападения на Китай и СССР японский империализм отводил Корее роль военно-стратегического плацдарма. В Корее расширилось строительство предприятий военного значения, портов, железных дорог. Усилилось выкачивание в Японию из Кореи ее горнорудных богатств, стратегического сырья и продовольствия.

Особенно большое строительство развернулось в Северной Корее, граничащей с Советским Союзом и Китаем. Оно началось еще до оккупации Маньчжурии. Так, в 1928 г. был построен Хыннамский химический комбинат. В 1930 г. было закончено строительство гидроэлектростанции и водохранилища на р. Пучжонган, имевших важное значение для развития военной промышленности и, в частности, питавших Хыннамский комбинат. С 1931 г. строительство предприятий расширилось. Вместе с тем большое внимание уделялось строительству железных дорог и портов. Только в 1931 г. на железнодорожное строительство в Корее японцы израсходовали более 300 млн. иен, что составляло около 60% всех ассигнований японцев на железнодорожное строительство в Корее за предшествующие 30 лет[2].

После захвата Северо-Восточного Китая разгул террора в Корее принял еще более свирепый характер. В стране было введено военное положение. Тюрьмы не могли вместить всех арестованных. Общее число арестованных в 1934 г. достигло 202 630 человек, из них за участие в крупных революционных выступлениях было арестовано 66 055 человек. Японские империалисты отобрали последние крохи куцых реформ, провозглашенных в эру «культурного управления». Но они не в силах были остановить и даже ослабить революционную борьбу корейского народа.

---

[1] История ВКП(б). Краткий курс, стр. 288.

[2] Реконструировались и расширялись старые порты и сооружались новые. В 1930 г. японцы приступили к расширению портов Чиннампо и Инчон; в 1931 г.— к строительству порта Унги (Юки); в 1933 г. начались работы по строительству порта Начжин (Расин); в 1936 г.— по расширению порта Пусан (Фузан) и т. д.

Корея была одним из слабых мест империалистической Японии. В беседе с корреспондентом «Нью-Йорк таймс» г. Дюранти 25 декабря 1933 г. И. В. Сталин сказал: «Мне кажется, что со стороны Японии будет неразумно, если она нападёт на СССР. Её экономическое положение не особенно хорошо, у неё есть слабые места — Корея, Манчжурия, Китай...»[1]

Военное строительство, развернувшееся в Корее в связи с усиленным превращением страны в военно-стратегический плацдарм Японии, неизбежно вызывало рост корейского промышленного пролетариата. Число промышленных рабочих с 48 тыс. в 1919 г. увеличилось до 86 419 в 1931 г. Рабочее движение превращалось в серьезную политическую силу. В 1931 г., по неполным данным генерал-губернаторства, произошло 205 забастовок, в которых участвовало 17 114 человек.

Во главе рабочего движения стояли корейские коммунисты. Окрепли, обогатились опытом революционной борьбы подпольные коммунистические группы, созданные в промышленных центрах Кореи. Под их руководством были созданы нелегальные рабочие организации. Коммунисты все в большей степени охватывали своим влиянием и деревню. В 1932 г. организовались подпольные крестьянские союзы. По японским данным, с 1932 по конец 1935 г. только по делу «красных» крестьянских союзов было произведено 143 массовых ареста и брошено в тюрьмы 4121 человек[2].

Обеспокоенные ростом движения, японские власти одновременно с усилением террора прибегли и к некоторым демагогическим приемам, чтобы успокоить массы, в частности крестьянство. В 1932 г. был издан закон об учреждении арбитражного органа «для разрешения спорных вопросов, возникающих между арендаторами и помещиками». В 1934 г. японские власти ввели земельный закон, устанавливающий трехлетний срок аренды[3]. В то же время они развернули в корейской деревне кампанию «самопомощи», призывая крестьян к бережливости и трудолюбию для избавления от нужды. Но ни террор, ни демагогия не сломили духа свободолюбивого корейского народа. Крестьянство, как и весь трудовой народ Кореи, все больше убеждалось, что избавление от нищеты и гнета может принести только непримиримая революционная борьба.

И в этой борьбе закалялись и крепли коммунистические кадры Кореи.

---

[1] И. В. Сталин. Соч., т. 13, стр. 279.

[2] См. Ли Чон Вон. Указ. соч., стр. 312.

[3] Этот закон не выполнялся, и твердые сроки аренды попрежнему не устанавливались.

Вооруженная антияпонская освободительная борьба корейского народа

С 1931 г. с огромной силой развернулось корейское партизанское движение. Это движение развивалось под руководством корейских коммунистов во главе с Ким Ир Сеном.

Ким Ир Сен родился в 1912 г. в деревне Мангёндэ, близ Пхеньяна. Отец его Ким Хен Чжик посвятил свою жизнь борьбе за освобождение Кореи. Он был активным участником народного восстания 1919 г. и других антиимпериалистических выступлений. Преследуемый японскими властями, он вынужден был уехать из Кореи и поселился со своей семьей в Северо-Восточном Китае, где попрежнему активно участвовал в революционной борьбе. После тяжелой болезни, явившейся результатом увечий, полученных в японской тюрьме, он в 1926 г. умер. Дело, которому Ким Хен Чжик отдал свою жизнь, продолжала вся его семья.

Ким Ир Сен вступил на революционный путь, еще будучи учащимся средней школы. В Гирине он возглавлял движение передовой молодежи, объединяя ее вокруг подпольной комсомольской организации. В 1927 г. он был арестован за революционную деятельность. После выхода из тюрьмы в 1928 г. и окончания средней школы Ким Ир Сен работал секретарем комсомольской организации в Гирине.

Ким Ир Сен с юношеских лет настойчиво и упорно изучал произведения Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина и разъяснял их молодежи. В 1931 г. он вступил в Коммунистическую партию.

После захвата Японией Северо-Восточного Китая передовые революционные представители корейской эмиграции активно включились в вооруженную борьбу китайского народа против общего врага Китая и Кореи — империалистической Японии.

Особенностью национально-освободительного движения корейского народа в этот период, указывает Ким Ир Сен, было возникновение новых активных форм борьбы.

Созданный Ким Ир Сеном в 1931 г. на территории Северо-Восточного Китая партизанский отряд, выросший впоследствии в мощную партизанскую армию, положил начало организованной и массовой вооруженной борьбе корейского народа, которая не прекращалась вплоть до освобождения Кореи Советской Армией. Отряды корейских партизан возникали в различных районах Северо-Восточного Китая и Кореи. Ими руководили корейские революционеры Ким Чак, Цой Ён Ген и др.

Партизаны совершали смелые налеты на японские гарнизоны, военные объекты и дороги, срывая стратегически важные работы, нарушая связь. Слава о боевых подвигах бесстрашных,

мужественных партизан разнеслась далеко за пределы Северо-Восточного Китая и Кореи, наводя страх на японских захватчиков. На разгром партизан были брошены крупные карательные экспедиции. Но каратели несли большие потери[1]. И результатом многих карательных экспедиций было лишь то, что партизаны вооружались захваченным у карателей оружием.

Партизаны проводили большую агитационно-пропагандистскую работу среди населения. Они несли ему живое слово правды о великих победах социализма в СССР, вдохновлявшее корейский народ на освободительную борьбу, вселявшее надежду на освобождение.

Возглавляемые Ким Ир Сеном вооруженные отряды, основное ядро которых составляли коммунисты, стали авангардом национально-освободительной борьбы корейского народа.

О размахе партизанского движения можно судить по тому, что с сентября 1931 г. по июнь 1936 г., по преуменьшенным данным генерал-губернаторства, отмечено 23 928 вооруженных столкновений между корейскими партизанами и японскими войсками. Число партизан в то время достигало 60 тыс.[2] По тем же неполным японским данным, за указанный период было убито и ранено 4321 и взято в плен 18 144 японских солдат и полицейских.

То обстоятельство, что корейские партизаны боролись за свою национальную независимость рука об руку с героическим народом Китая, обогащало корейских патриотов опытом борьбы и укрепляло общий антиимпериалистический фронт освободительной борьбы корейского и китайского народов.

Стараясь всеми мерами ослабить этот фронт и подорвать нерушимую дружбу корейского и китайского народов, японские захватчики проводили политику натравливания корейцев на китайцев, сея между ними рознь и недоверие, провоцируя инциденты и конфликты. Но усилия японских захватчиков не принесли ожидаемых ими результатов. Китайские и корейские коммунисты разъясняли массам истинный смысл разбойничьей японской политики, призывали к тесному сплочению в освободительной борьбе. В этой совместной героической борьбе зрели и крепли дружба и боевое сотрудничество китайского и корейского народов.

---

[1] Ким Ир Сен бросил клич партизанам: «За каждого погибшего партизана мы должны уничтожить сто японских бандитов» [см. Хан Сер Я. Ким Ир Сен чангун (Вождь Ким Ир Сен). Пусан, 1947, стр. 11],— и храбрые партизаны наносили все более сокрушительные удары по врагу.

[2] См. Ли Чон Вон. Указ. соч., стр. 324.

Обобщая опыт освободительного движения, корейские коммунисты разработали пути дальнейшей борьбы, уделив при этом главное внимание задаче создания единого антиимпериалистического национального фронта, объединяющего все патриотические силы страны и опирающегося на союз рабочих и крестьян. Укрепление коммунистических рядов, создание широкого антиимпериалистического фронта, развертывание вооруженной антияпонской борьбы — все эти задачи были неразрывно связаны между собой.

Стремление корейских патриотов осуществить эти задачи, объединить все силы освободительного движения, расширить антиимпериалистический фронт борьбы и еще ближе сомкнуться с китайскими патриотами привело к созданию «Общества возрождения отечества» («Чогук кван бокхве»). Оно было организовано в 1935 г. в Северо-Восточном Китае и объединило все патриотические организации корейцев. В этом же году были опубликованы десять программных принципов этого общества. Они гласили:

«1. Мобилизовать всю корейскую нацию на создание широкого антияпонского единого фронта, на свержение господства японского империализма и образование подлинно народного корейского правительства.

2. На основе тесного объединения корейского и китайского народов изгнать Японию и свергнуть ее марионетку Маньчжоу Го, способствовать созданию китайским народом революционного правительства, которое предоставит автономию корейцам, проживающим на территории Китая.

3. Разоружить японские войска, жандармерию, полицию. Вооружить народ, участвующий в политической борьбе. Создать армию, которая будет вести борьбу за независимость корейского народа.

4. Конфисковать все японские предприятия, банки, железные дороги, суда, крестьянские фермы, мастерские, а также имущество и землю национальных предателей и прояпонских элементов. Передать все это в фонд движения за независимость, а часть раздать в порядке помощи нуждающемуся населению.

5. Ликвидировать установленные Японией и ее пособниками повинности, налоги, монополии. Улучшить жизнь народных масс. Всемерно развивать национальную промышленность, сельское хозяйство, торговлю.

6. Предоставить народу свободу слова, печати, совести, собраний и организаций. Освободить всех политических заключенных. Вести борьбу за искоренение пережитков колониального гнета и феодальной идеологии.

7. Ликвидировать неравноправие между янбанями и простым народом. Установить равенство граждан без различия

пола, национальности и вероисповедания. Предоставить женщине все социальные права. Ввести охрану материнства и младенчества.

8. Уничтожить систему колониального образования, направленную на ассимиляцию корейцев. Отменить насильственные воинскую повинность и военное обучение молодежи. Ввести обязательное и бесплатное обучение на родном языке.

9. Ввести восьмичасовой рабочий день, улучшить условия труда, повысить заработную плату, установить рабочее законодательство, ввести систему страхования и помощи по безработице для всех трудящихся за счет государства.

10. Установить тесные связи с народами и государствами, которые относятся к корейской нации как к равной. Поддерживать дружеские отношения со странами и народами, которые придерживаются дружественного нейтралитета в отношении нашего национально-освободительного движения»[1].

Эта широкая демократическая программа, мобилизовавшая все силы корейского народа на освободительную антиимпериалистическую борьбу, призывавшая корейских патриотов крепить боевое содружество с народом Китая, явилась платформой единого национального фронта.

«Общество возрождения отечества» установило непосредственную связь с подпольными коммунистическими группами Кореи. Оно создало свои ячейки во всех промышленных центрах Кореи и в сельских районах[2]. Под руководством коммунистов в Корее создавались «комитеты содействия партизанам» и другие подпольные организации, которые, добывая для партизан оружие, боеприпасы, продовольствие, медикаменты, переправляли их на партизанские базы.

Будучи организацией единого фронта, «Общество возрождения отечества» объединяло не только рабочих, крестьян, представителей интеллигенции, но и значительные слои мелкой и национальной буржуазии. Число членов Общества достигало 200 тысяч человек.

«Общество возрождения отечества» проводило большую агитационно-пропагандистскую работу среди населения. Оно издавало нелегальные книги, газеты, брошюры, воззвания.

В 1936 г. героические корейские партизаны совершили бесстрашный налет на японский гарнизон города Хесанчжин и, почти полностью уничтожив вражеский гарнизон, овладели городом. В 1937 г. партизаны провели крупное сражение

---

[1] «Чосон минчжок хэбан тхучженса», стр. 396—397.

[2] Наиболее крупные организации были созданы в Хамхыне, Хыннаме, Вонсане, Чхончжине, Чхорвоне, в уездах Капсан, Чаин, Синильпха, Мусане, Кенсоне, Сончхоне, Чончоне, Синыйчжу.

у Почонбо. Эти замечательные выступления явились толчком к дальнейшему развитию массового партизанского движения на территории Северной Кореи. Тысячи корейских патриотов — рабочие, крестьяне, учащиеся — вступали в партизанские отряды. Как ни бедны были крестьяне, они с готовностью снабжали партизан продовольствием, охотно помогали им в качестве проводников и связистов. Партизанская борьба опиралась на широкую поддержку народных масс, на растущее рабочее и крестьянское движение.

В июле 1937 г. в уезде Капсан было арестовано более 3 тыс. корейских патриотов по «делу комитета действия», основанного в Почонбо. Этот комитет, руководимый коммунистами, поддерживал непосредственную связь с партизанскими отрядами, совершая смелые налеты на японские учреждения, полицейские посты, магазины, добывая для партизан оружие, патроны, медикаменты. Комитет вел большую агитационную работу среди населения, разъясняя необходимость укрепления единого фронта и активизации борьбы против японских захватчиков. В приговоре японского суда по этому делу указывалось, что листовки комитета содержали «Десять принципов Ким Ир Сена» и революционные призывы, «возбуждающие общественное мнение и нарушающие спокойствие».

Коммунистические группы, основной костяк которых составляли рабочие, охватывали своим влиянием все более широкие слои рабочих, крестьян, интеллигенции. Эти группы создавались не только в промышленных центрах, но и в деревнях. Они непосредственно руководили национально-освободительным движением народных масс. Против коммунистов в первую очередь и было направлено острие японских репрессий. Как указывала японская печать, в начале 1937 г. только в одном уезде Чанбайсан была выявлена 21 подпольная коммунистическая группа, под руководством которых действовали массовые крестьянские организации.

Несмотря на усилившийся военно-полицейский террор, росло и крепло возглавляемое коммунистами освободительное антиимпериалистическое движение народных масс Кореи.

«В тяжелой, неравной борьбе против японских колонизаторов,— пишет Ким Ир Сен,— корейскому народу источником надежд и боевого духа постоянно служили успехи нашего великого соседа — Советского Союза»[1]. Учение марксизма-ленинизма озаряло путь революционного движения в Корее, вдохновляя корейских патриотов на славные подвиги во имя освобождения Родины, вселяя веру в победу.

---

[1] Ким Ир Сен. Великая Октябрьская социалистическая революция... «За прочный мир, за народную демократию!», 1951, 2 ноября.

* * *

Война Японии против Китая вызвала дальнейший рост национально-освободительной борьбы корейского народа, дальнейшее укрепление его боевого содружества с великим китайским народом.

Исторические победы Советского Союза, вступившего в полосу завершения строительства социализма и постепенного перехода к коммунистическому обществу, принятие новой Конституции СССР, дружественная, миролюбивая политика советского правительства, последовательно и неотступно отстаивающего права народов на независимость,— все это множило силы китайского и корейского народов, укрепляло их веру в победу.

В докладе на Третьей Сессии Верховного Совета СССР 31 мая 1939 г. В. М. Молотов говорил: «Вы хорошо знаете заявление товарища Сталина о поддержке народов, ставших жертвами агрессии и борющихся за независимость своей родины. Это в полной мере относится и к Китаю и его борьбе за национальную независимость. Мы последовательно проводим эту политику на деле. Она находится в соответствии с теми задачами, которые стоят перед нами в Европе, а именно — с задачами создания единого фронта миролюбивых держав против дальнейшего развертывания агрессии»[1]. В 1937 году корейские коммунисты обратились к народу с призывом активизировать борьбу против японского империализма, крепить и ширить антиимпериалистический национальный фронт. Коммунисты выдвинули конкретный план решительных революционных мероприятий, направленных на подрыв японской армии и тыла. Этот план предусматривал создание рабочих боевых отрядов, укрепление и расширение возглавляемых коммунистами революционных организаций в промышленных центрах и военных японских базах в Корее, дальнейшее расширение партизанской борьбы.

Взбешенные ростом освободительного антиимпериалистического движения, японские империалисты еще более усилили полицейский террор против корейского народа, расширили идеологическую агрессию. Они создали в Корее фашистские организации, целью которых являлось идейное разоружение и разобщение народа, ослабление и дезорганизация национально-освободительной борьбы, выявление передовых революционных деятелей.

В 1938 г. японцами был создан в Корее «Союз по мобилизации национального духа», преобразованный в 1940 г. в «Союз по мобилизации сил нации». В эту организацию было зачислено

---

[1] В. М. Молотов. О международном положении и внешней политике СССР. Доклад на Третьей Сессии Верховного Совета СССР 31 мая 1939 года. Госполитиздат, 1939, стр. 14—15.

в административном порядке все корейское население. При помощи союза японцы рассчитывали привить корейцам идею создания так называемой «сферы совместного процветания» и «верноподданнические чувства» к японскому микадо. Впрочем, в успех этой затеи не верили даже ее творцы — японские империалисты.

Более эффективной являлась провокаторская деятельность этого союза. К руководству союзом были поставлены агенты тайной полиции. Внутри десятидворок, на которые было разбито все население Кореи, широко культивировались провокации и доносы. Членам этих десятидворок строго вменялось в обязанность следить друг за другом и обо всех подозрительных поступках и разговорах доносить полиции, в противном случае им грозило наказание. Таким приемом японские власти пытались сеять недоверие и рознь среди населения, мешать сплочению и единству народных масс.

Особенно большое внимание японцы уделяли идеологической обработке молодежи и созданию милитаристских, шовинистических и открыто фашистских молодежных организаций. К их числу относился молодежный союз «Сейнэндан», куда в принудительном порядке была зачислена вся молодежь, «отряды помощи полиции» («Кейбодан») и др. Одной из главных задач, которую преследовали эти японские организации, была борьба с неослабно растущим влиянием революционных идей и марксистской идеологии.

В 1938 г. японские империалисты создали в Корее «Антикоминтерновское общество» и другую фашистскую антисоветскую организацию — «Союз зеленого знамени». Кроме того, в Корее колониальные власти организовали японские союзы и общества, в которые в обязательном порядке зачисляли японских рабочих и крестьян. Созданием этих организаций колонизаторы пытались помешать крепнущему единению корейских и японских трудящихся[1].

Корейские помещики и представители соглашательских слоев буржуазии, активно участвовавшие в создаваемых японцами организациях, образовали в помощь им ряд своих союзов, обществ и ассоциаций («Общество процветающей Азии», «Общество содействия политике», «Идеологический союз» и др.). Все они призывали корейцев к сотрудничеству с японскими империали-

[1] В Корее были также созданы объединения японских помещиков и кулаков, в которые привлекались и корейские помещики, и другие японские организации. В частности, следует указать на деятельность корейского филиала Всеяпонского союза резервистов. Он объединял японцев, отбывших срок военной службы и зачисленных в запас. Резервисты наряду с полицией и солдатами использовались для борьбы против корейского народа, для выявления коммунистов, а также в качестве сыщиков и штрейкбрехеров.

стами, к оказанию им помощи в агрессивной войне. Совершенно естественно, что эта открыто предательская позиция соглашательской корейской буржуазии вызывала презрение и ненависть корейского народа. Вместе с тем в стране росло влияние рабочего класса, окрепшего и закалившегося в антиимпериалистической борьбе и ставшего мощной политической силой.

Война вызвала значительное увеличение численности корейского пролетариата. В 1931 г. фабрично-заводских рабочих насчитывалось 86 419, в 1940 г. их число выросло до 230 588. Общее же число рабочих, по данным на 1945 г., составляло 2 122 374 человека[1].

Важно, что наряду с ростом рабочего класса происходил процесс его концентрации на крупных промышленных предприятиях. В Корее в этот период уже имелись металлургическая промышленность, автомобильные заводы и даже авиационные предприятия. Для разгрузки транспорта и эксплуатации на месте дешевой рабочей силы японцы в годы войны перебазировали часть своих предприятий из Японии в Корею, что также способствовало росту промышленного корейского пролетариата. Численно возросший, политически и организационно окрепший корейский рабочий класс все увереннее брал в своих руки руководство общенациональным освободительным движением, укрепляя связи со своим верным союзником — крестьянством, ведя за собой широкие слои населения, сплачивая и расширяя антиимпериалистический национальный фронт. «Японцам не удалось подавить стремлений корейского народа к свободе и независимости,— пишет Ким Ир Сен. — Самый свирепый в мире террор не остановил лучших сынов Кореи, звавших народ к самоотверженной борьбе против японских колонизаторов»[2].

Вторая мировая война. Освобождение Кореи Советской Армией

Во время второй мировой войны Япония усилила грабеж Кореи. На нужды войны выкачивались все ее материальные ресурсы. Многочисленные «налоги военного времени», принудительные «сбережения», военные займы разоряли население. Корея была посажена на голодный паек. Массовые болезни и смерть от голода стали самым обычным явлением. Полицейский террор свирепствовал с небывалой силой.

Когда положение Японии стало ухудшаться, а протест народных масс Кореи нарастать, японские власти прибегли к некоторым маневрам, направленным к тому, чтобы ослабить антиимпериалистический фронт борьбы корейского народа,

---

[1] «Чосон кёнчже», 1948, № 1, стр. 13.

[2] Ким Ир Сен. Великая Октябрьская социалистическая революция... «За прочный мир, за народную демократию!», 1951, 2 ноября.

обмануть общественное мнение и привлечь население колонии к участию в грабительской войне. В 1944 г. был издан закон «о предоставлении корейцам избирательных прав». Нечего и говорить, что эти права были в высшей степени урезанными и распространялись лишь на помещичье-буржуазные слои[1]. Провозглашена была отмена ограничений по переездам. Разрешено было вести радиопередачи на корейском языке. Было издано постановление об улучшении обращения с корейцами и т. п. Усилилась демагогическая пропаганда идей «единой родословной Японии и Кореи и их тесного родства». В печати появились многочисленные статьи японских политических деятелей о том, что корейцы и японцы — братья, что Япония и Корея — одно целое и, следовательно, долг корейцев — поддерживать Японию в войне.

Японские милитаристы попытались привлечь корейское население к войне и использовать его в качестве пушечного мяса. Они пытались обмануть корейцев, будто войну эту Япония ведет в интересах народов Восточной Азии, в том числе и корейского. Еще 26 февраля 1938 г. японский император издал указ о приеме в армию корейцев-добровольцев. Немедленно же стали создаваться военные площадки для их обучения. В 1943 г. японские власти с помощью национал-предателей провели в Корее кампанию по мобилизации в армию (якобы в добровольном порядке) корейских студентов. С 1944 г. был введен в жизнь закон о мобилизации корейцев в японскую армию.

Однако все усилия использовать в войне корейцев оказались безуспешными. Добровольцев почти не было. Студенты, которым под угрозой оружия приказано было идти «добровольцами» в японскую армию, ответили отказом. Что касается мобилизованных в армию корейцев, то им сами японцы не решились дать в руки оружие, боясь, как бы они не направили его против своих поработителей. Корейцев вооружили лопатами и направили в строительные батальоны.

Антиимпериалистическая, антивоенная борьба народных масс Кореи в годы второй мировой войны не затихала. Она выражалась в массовом саботаже на предприятиях и в учреждениях, в противодействии проводимым японцами мероприятиям[2], в активной партизанской борьбе. Корейские патриоты организовывали диверсии на военных предприятиях, взрывали важные

---

[1] Этот закон так и не был проведен в жизнь. Лишь в верхнюю палату японский император успел назначить представленных генерал-губернатором Абэ Нобуюки представителей корейских помещичье-буржуазных кругов.

[2] Тысячи корейцев, мобилизованных по так называемой трудовой мобилизации, скрывались в горах и лесах. Особенно широкие размеры эта мобилизация приняла в 1943—1944 гг.

объекты, выводили из строя станки и машины, проводили массовый саботаж на фабриках и заводах, в шахтах и рудниках.

В начале 1942 г. начались серьезные народные волнения в Северной Корее, которые с огромной жестокостью подавлялись японской военщиной. Корейские патриоты вывели из строя важные военные объекты. Весной того же года произошло восстание рабочих японской воздушной базы на острове Чечжудо.

В городах и деревнях происходили голодные волнения. Население требовало риса. На предприятиях не прекращались антияпонские стачки. Корейские революционеры в Китае — Ким Ду Бон и другие — создали в 1942 г. «Лигу независимости Кореи», которая представляла собой, как указывала ее программа, составную часть движения за национальную независимость Кореи. Главной задачей Лиги было создание независимой Корейской Демократической Республики. Программа Лиги была основана на «десяти принципах» «Общества возрождения отечества». Несмотря на жестокий режим военного времени, корейский народ продолжал активно бороться за свою независимость. В этой борьбе его вдохновляли великие победы Советского Союза над фашистской Германией.

И хотя японские власти мобилизовали весь свой полицейский аппарат, все средства своей пропаганды для дезориентации корейского народа и для разнузданной антисоветской клеветы, правдивые вести о положении на фронтах проникали в Корею. Коммунисты-агитаторы на тайных сходках и собраниях читали листовки — сообщения о ходе военных действий, перепечатанные из советских газет. Эти известия молниеносно облетали города и деревни Кореи.

В глубоком подполье корейские патриоты слушали радиопередачи из Советского Союза и каждая весть о победе Советской Армии воспринималась с огромной радостью.

День победы Советского Союза над гитлеровской Германией был встречен корейским народом как великий праздник.

8 августа 1945 г. советское правительство, стремясь обеспечить длительный мир во всем мире, заявило правительству Японии, что с 9 августа Советский Союз будет считать себя в состоянии войны с Японией. «Советское правительство считает,— указывалось в этом заявлении,— что такая его политика является единственным средством, способным приблизить наступление мира, освободить народы от дальнейших жертв и страданий и дать возможность японскому народу избавиться от тех опасностей и разрушений, которые были пережиты Германией после ее отказа от безоговорочной капитуляции»[1].

Вступление Советского Союза в войну против Японии

[1] «Правда», 1945, 9 августа.

предопределило исход войны. Империалистическая Япония признала себя побежденной и сложила оружие.

«Вторая мировая война потрясла до основания жизнь многих народов и государств и изменила лицо мира. Подготовленная силами международной империалистической реакции и развязанная на Востоке милитаристской Японией, а на Западе гитлеровской Германией, война спутала расчёты её вдохновителей и благодаря героической борьбе советского народа закончилась непредвиденными для империалистов результатами.

Вместо уничтожения или ослабления Советского Союза получилось усиление СССР; вырос международный авторитет Советского Союза. Вместо ослабления и разгрома демократии произошло отпадение от капитализма ряда стран Центральной и Юго-Восточной Европы и утверждение в них народно-демократического строя. Вместо дальнейшего закабаления народов колониальных и зависимых стран произошёл новый мощный подъём национально-освободительной борьбы в этих странах, обострился кризис колониальной системы империализма»[1].

Великая армия Советского государства, неизменно служившего источником надежд и вдохновения корейского народа в его борьбе за независимость, принесла Корее долгожданное освобождение от японского ига. Началась новая эра корейской истории.

[1] Г. Маленков. Отчётный доклад XIX съезду партии о работе Центрального Комитета ВКП(б). Госполитиздат, 1952, стр. 5.

Е. А. ПИГУЛЕВСКАЯ

ЭКОНОМИКА КОРЕИ ПОД ГНЕТОМ ЯПОНСКОГО ИМПЕРИАЛИЗМА

В течение сорока лет (1905—1945 гг.) Корея испытывала тяжелый колониальный гнет японского империализма.

Захватив при прямом пособничестве американских империалистов Корею, японские колонизаторы превратили ее в свой военный плацдарм и придали всему ее экономическому развитию однобокий, уродливый, колониальный характер. Корея была превращена в аграрно-сырьевой придаток капиталистической Японии, в рынок сбыта товаров ее промышленности, источник дешевой рабочей силы и сферу приложения капитала для японских монополий. Все основные отрасли корейской экономики были захвачены японским монополистическим капиталом. Богатства и ресурсы Кореи нагло расхищались японскими захватчиками, которые безжалостно угнетали и эксплуатировали корейских трудящихся, оказавшихся под двойным гнетом. К ранее существовавшей системе эксплуатации трудящихся корейскими помещиками и буржуазией присоединилась еще более жестокая и зверская эксплуатация их японскими колонизаторами. Закабаление и систематическое ограбление корейского народа являлось одним из важных источников извлечения максимальных прибылей для японского монополистического капитала.

ЗАХВАТ ЯПОНСКИМ МОНОПОЛИСТИЧЕСКИМ КАПИТАЛОМ ОСНОВНЫХ ОТРАСЛЕЙ КОРЕЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ

Корея была важнейшей и наиболее крупной японской колонией. Площадь Кореи составляла почти 60% площади метрополии, население — около одной трети населения Японии.

Японские колонизаторы, завладев всеми наиболее плодородными площадями обрабатываемой земли, угнетали и хищни-

чески эксплуатировали корейское крестьянство. Они захватили в свои руки лесные массивы Кореи и богатства ее недр. Японские монополии владели в Корее почти всеми фабриками и заводами, горнопромышленными предприятиями, банковской системой.

Капитал других империалистических держав японцы почти полностью вытеснили. Единственной иностранной компанией в Корее, сохранившей свои позиции вплоть до начала войны на Тихом океане, являлась американская горнопромышленная компания «Oriental Consolidated Mining Co», представлявшая интересы Моргана. Корея была превращена в исключительную сферу приложения японских капиталов.

Японские колонизаторы издавали законы, обеспечивавшие монопольное господство японского капитала в Корее и устранявшие возможности самостоятельного экономического развития страны. Закон о промышленных обществах 1911 г. закрепил за японским капиталом монопольное положение в обрабатывающей промышленности. Этот закон не только препятствовал созданию корейских акционерных компаний, но и давал «право» колониальным властям ликвидировать уже существовавшие. В течение только первых двух лет действия закона (1911—1912 гг.) семь корейских компаний были ликвидированы. Законы о горной промышленности 1906 и 1916 гг. обеспечили японским хищникам полную свободу в разграблении естественных ресурсов Кореи.

Колониальное законодательство, отражавшее интересы японского финансового капитала и расчищавшее ему путь для эксплуатации и систематического ограбления корейских трудящихся, предусматривало крупные государственные субсидии японским промышленным компаниям, создавшим свои предприятия в Корее, обеспечивало им налоговые и прочие льготы, содействуя тем самым извлечению наивысших прибылей.

Внедрение японского монополистического капитала в Корее происходило при широком использовании им государственного аппарата, находившегося в полном подчинении у монополий. Это нашло свое отражение и в создании так называемых полуправительственных компаний, которым государство предоставляло особые льготы, что облегчало монополиям извлечение максимальных прибылей. Из общей суммы японских инвестиций значительная часть приходилась на долю таких полуправительственных компаний, как «Восточно-колонизационное общество», Тёсэн-банк, Промышленный банк, являвшихся главным орудием японской колониальной политики в Корее. Под вывеской полуправительственных компаний скрывались интересы ведущих японских монополий.

Японские империалисты держали в своих руках всю кредитную систему — один из важнейших рычагов экономического господства и колониального порабощения страны.

В 1938 г. оплаченный капитал японских банков и других кредитных учреждений составлял 88,3% оплаченного капитала всех кредитных компаний Кореи. В действительности роль японского капитала в кредитной системе Кореи была еще больше, так как сюда не включен ряд монополистических компаний, зарегистрированных в метрополии и занимавшихся в широких масштабах банковскими и ростовщическими операциями в Корее («Восточно-колонизационное общество», Промышленный банк и др.).

Одним из важных орудий монополистического контроля над экономикой Кореи являлись японские колониальные банки и в первую очередь полуправительственный Тёсэн-банк, наделенный функциями эмиссионного банка. Тёсэн-банк, связанный с концерном Сибудзава и другими монополиями, стоял во главе всей кредитной системы Кореи. Огромную роль в экономике Кореи играли банки, непосредственно принадлежавшие магнатам японского финансового капитала. Крупнейшие японские банки — Дайити, Ясуда, Санва и др. — имели в Корее свои отделения. Тёсэн-банк и другие японские банки участвовали во многих японских предприятиях обрабатывающей и горной промышленности в Корее. Ипотечные операции банков служили мощным средством экспроприации корейской собственности, в том числе и земельной. Тёсэн-банк, так же как и другие японские компании, захватил крупные земельные угодья в Корее.

Колониальный бюджет служил японским колонизаторам важным орудием ограбления корейского народа и перекачивания народных средств в сейфы японских монополий. В то время как корейские трудящиеся подвергались все большему налоговому ограблению, японские капиталисты получали налоговые льготы и гигантские субсидии из колониального бюджета, обеспечивавшие им наивысшие прибыли. Так, субсидии только одним горнодобывающим компаниям составили в 1940 г. около 16% всех бюджетных ассигнований[1].

Из народных масс выкачивались огромные суммы на содержание вооруженных сил, полиции, тюрем, всего аппарата колониального угнетения страны, служившего целям обеспечения политического господства Японии и защиты ее грабительских интересов в Корее, целям подавления всяких попыток сопротивления корейских трудящихся масс колонизаторской политике японских империалистов.

---

[1] «Тёсэн нэнкан» (Корейский ежегодник), 1944.

Японские империалисты захватили в свои руки внешнюю торговлю страны. Роль Японии в торговле страны неуклонно возрастала. В 1911 г. на долю Японии приходилось 70,8% экспорта и 63,0% импорта Кореи. К 1939 г. Япония, а также временно оккупированные ею районы Китая поглощали уже 96,9% всего экспорта Кореи и поставляли 95,1% ее импорта. Внешняя торговля служила целям захватнической политики японского империализма, целям закабаления и систематического ограбления страны. Корея была полностью лишена таможенной самостоятельности. Японские монополии могли беспрепятственно наводнять Корею своими залежалыми товарами и вывозить из нее награбленное сырье. Японские колонизаторы хищнически грабили национальные богатства Кореи, вывозя из нее сырье для своей военной промышленности, добытое каторжным трудом корейских рабочих, расхищали ее продовольственные ресурсы. В Корею ввозились низкосортные готовые изделия и полуфабрикаты по высоким монопольным ценам. Неэквивалентный обмен служил для японских монополий важным средством извлечения максимальных прибылей.

Господствующие позиции в экономике Кореи занимали крупнейшие японские монополии, верхушка финансовой олигархии Японии — Мицубиси, Мицуи, Аюкава, Сибудзава, Ясуда и др. Главная роль в закабалении и ограблении корейского народа принадлежала концерну Мицубиси. Крупнейшие чиновники японского колониального аппарата в Корее, виднейшие представители японской военщины, занимавшие посты генерал-губернаторов в Корее, были прямыми ставленниками японских монополий, в первую очередь концерна Мицубиси.

Уже к началу 30-х годов, когда Япония стала на путь новых агрессивных войн и широко развернула работы по оборудованию корейского плацдарма, японские инвестиции в Корее достигли 2,5 млрд. иен[1], т. е. увеличились в 25 раз по сравнению с 1910 годом.

Десятилетний период, предшествовавший второй мировой войне, характеризовался дальнейшим увеличением японских инвестиций в хозяйство Кореи. Рост экспорта японских капиталов был связан с военной подготовкой Японии, с превращением Кореи в военно-стратегический плацдарм и военную базу для захватнических войн японского империализма против Советского Союза и Китая. За период 1931—1940 гг. японские капиталовложения в Корее возросли почти в два с половиной

[1] Фактически японские инвестиции в Корее были еще больше, так как в эти данные не включены капиталовложения компаний, зарегистрированных вне Кореи.

раза, достигнув огромной суммы в 6 млрд. иен. Бо́льшая часть японских инвестиций (около 38%) приходилась на долю железнодорожного транспорта[1], служившего целям колониальной эксплуатации страны и военно-стратегическим целям японского империализма. Менее одной третьей части инвестиций было вложено в обрабатывающую промышленность, игравшую роль придатка к японской военной машине.

Японский акционерный капитал в Корее составлял к началу 1939 г. около 1 млрд. иен, в 1944 г.— 3,6 млрд. иен[2]. Его удельный вес в общей сумме акционерного капитала, по официальным данным, составлял в 1938 г. около 89%, а в 1944 г.— 96% оплаченного капитала всех акционерных компаний. Важнейшие отрасли корейского хозяйства оказались полностью монополизированы японским капиталом. По данным, относящимся к концу 1938 г., на долю японского капитала приходилось 87,6% оплаченного капитала акционерных компаний в обрабатывающей промышленности, 93,2% — в горной, 92,5% оплачен-

Данные об акционерных компаниях в Корее на 31 декабря 1938 г.[3]

Отрасли хозяйства	Оплаченный капитал акционерных компаний в млн. иен		Доля корейских компаний в %	Средний оплаченный капитал акционерных компаний в тыс. иен	
	корейских	японских		корейских	японских
Банки и прочие кредитные учреждения	10,1	75,4	11,7	104	994
Страхование	0,1	1,2	9,1	125	1250
Торговля	23,4	65,7	26,2	28	63
Обрабатывающая промышленность	30,2	214,7	12,3	41	267
Электроэнергетическая промышленность	—	213,1	—	—	13 300
Сельское и лесное хозяйство	13,4	51,6	20,6	156	288
Рыболовство	0,9	13,7	6,3	34	198
Горная промышленность	12,4	171,1	6,8	429	1415
Транспорт	7,4	90,9	7,5	29	332
Прочие	24,6	61,2	28,6	127	112
Всего	122,7	958,7	11,3	54	306

[1] Государственные и частные железные дороги, подвижной состав, склады, депо и пр. New-York Herald Tribune. 30. XII 1945.

[2] Официальные данные генерал-губернаторства Кореи.

[3] «Кокусэй гурафу». Токио, 1940, апрель.

ного капитала транспортных компаний, 74% оплаченного капитала торговых компаний.

Жестоко эксплуатируя корейских трудящихся, японские империалистические хищники получали в Корее огромные прибыли, намного превышавшие прибыли японских монополий в собственно Японии. Например, чистая прибыль крупнейшей колониальной монополии «Восточно-колонизационного общества» в 1931 г. составляла 23% оплаченного капитала, в 1936 г. — 45%. Прибыли текстильных компаний достигали 50 и больше процентов от вложенного капитала.

В условиях господства японского капитала во всех отраслях хозяйства Кореи позиции национального корейского капитала в экономике страны, естественно, были слабы.

Уже к моменту превращения Кореи в японскую колонию все командные позиции в ее экономике были захвачены японским капиталом. В 1910 г. в Корее была зарегистрирована всего 21 корейская компания (в том числе 14 акционерных обществ), с оплаченным капиталом в 2,2 млн. иен. В то же время японцы имели в Корее 102 компании (в том числе 54 акционерных), с оплаченным капиталом в 4,7 млн. иен[1]. Кроме того, 25 зарегистрированных в метрополии крупных японских компаний, оплаченный капитал которых составлял свыше 60 млн. иен, имели в Корее свои отделения. Уже в этот период корейский капитал не играл доминирующей роли ни в одной отрасли хозяйства страны (за исключением сельского хозяйства).

В обрабатывающей промышленности удельный вес японского капитала в 1910 г. составлял 93% (включая смешанные компании), в торговле — 87%.

К моменту аннексии Кореи корейская буржуазия представляла собою преимущественно торгово-ростовщическую компрадорскую буржуазию. В 1911 г. из 2,7 млн. иен — общей суммы оплаченного капитала всех корейских компаний — 2 млн. иен приходились на долю капиталов кредитных учреждений и банков, деятельность которых носила по преимуществу ростовщический характер[2]. Наиболее крупными из них были банки Чониль, Хансон, Ханиль, связанные в значительной мере с японскими колониальными банками. Промышленная буржуазия была крайне слабой: корейскую промышленность в этот период представляли преимущественно мелкие и средние предприятия.

С самого начала своего существования корейская буржуазия была тесно связана с помещичьим землевладением. Феодально-ростовщическая эксплуатация крестьянства служила одним

[1] «Тёсэн кэйдзай кэнкю». Токио, 1929.
[2] «Annual report», 1913—1914, 1916.

из основных источников накопления корейского национального капитала. Многие корейские помещики одновременно владели ломбардами, банками, торговыми и промышленными предприятиями, а многие владельцы предприятий приобретали земли[1].

Со времени порабощения страны ведущие группы корейской буржуазии проводили политику тесного сотрудничества с японским империализмом и являлись его агентурой. Ярким выражением сотрудничества корейской буржуазии с японскими колонизаторами являлось ее участие в так называемых смешанных компаниях. Уже ко времени аннексии в различных отраслях корейского хозяйства насчитывалось 20 компаний, в которых участвовал японский и корейский капитал. Оплаченный капитал этих компаний в 1910 г. составлял 10,5 млн. иен[2]. Представители корейской буржуазии, участники смешанных компаний, превращались постепенно в пайщиков, акционеров японских компаний, в прямых участников ограбления корейского народа японским империализмом.

Налоговая, кредитная и таможенная политика японских колонизаторов, монополизация сырья и сбыта тормозили развитие национального корейского капитала. В первые годы после оккупации Кореи Японией многие корейские предприятия закрылись, другие были захвачены японцами. Рост корейского национального капитала даже в период первой мировой войны, когда ввоз в Корею многих японских промышленных товаров несколько сократился, происходил значительно более замедленными темпами, чем рост японского капитала. За период с 1911 по 1919 г. корейский капитал увеличился в 4,5 раза, а смешанных компаний — в полтора раза, в то время как капитал японских компаний, зарегистрированных в Корее, за этот период вырос в 16 раз [3].

Национальная корейская буржуазия на первых порах делала попытки оказать сопротивление растущему нажиму японского капитала. Она пыталась отстоять свои позиции и обеспечить себе самостоятельное положение и высокие прибыли, используя для этой цели движение народных масс против японского империалистического гнета.

Народное восстание 1919 г., направленное против японского империалистического гнета, заставило японских колонизаторов предпринять ряд мер, чтобы укрепить свою социальную опору в Корее и, в частности, обеспечить себе более широкое сотрудничество корейской буржуазии в борьбе против нараставшего

---

[1] Bank of Chosen. Economic history of Chosen. Сеул, 1920.
[2] «Тёсэн кэйдзай кэнкю». Токио, 1929.
[3] Там же.

национально-освободительного движения народных масс. Законы 1920 г. формально несколько ослабили существовавшие ранее ограничения для корейского национального капитала[1]. Значительная часть корейской буржуазии боялась своего народа больше японской империалистической кабалы. Напуганная ростом революционного рабочего и крестьянского движения, она охотно пошла на сближение с японским империализмом и, удовлетворившись мелкими уступками, предала интересы национального освобождения страны.

И. В. Сталин указывал, что с ростом революционного движения национальная буржуазия «...раскалывается на две части, на революционную (мелкая буржуазия) и соглашательскую (крупная буржуазия), из коих первая продолжает революционную борьбу, а вторая вступает в блок с империализмом»[2].

Соглашательская корейская буржуазия начала тесно спаиваться с японским империализмом. Образовался блок соглашательской корейской буржуазии и помещиков с японским империализмом.

За три года (1919—1922) корейские капиталовложения возросли с 11,4 до 26,9 млн. иен[3], т. е. в 2,5 раза. Однако уже с этого времени начинается новое сокращение корейских капиталовложений. В 1927 г. оплаченный капитал корейских компаний сократился до 24,8 млн. иен. Между тем капитал японских компаний, только зарегистрированных в Корее, с 1919 по 1924 г. возрос с 83,4 до 222,5 млн. иен[4]. В 1919 г. на долю корейских компаний приходилось 10,6% всего оплаченного капитала, в 1922 г.— 13,3%, в 1927 г. — 10,3%. В этот период прослойка корейской промышленной буржуазии относительно увеличилась. В 1911 г., по данным японской печати, на долю корейских промышленных компаний приходилось менее 4% корейских капиталовложений[5], не считая смешанных компаний, в 1921 г. — 7%, в 1927 г. — 17%[6]. Однако сфера деятельности корейского национального капитала в промышленности была ограничена немногими отраслями. В обра-

---

[1] В программу так называемых «реформ Сайто» входил пункт о развитии промышленности в Корее. В 1920 г. закон об акционерных компаниях, действовавший в Корее с 1911 г., был отменен. Корейской буржуазии был открыт доступ в некоторые отрасли, связанные с переработкой местного сырья. Деятельность корейской буржуазии была ограничена при этом в основном более мелкими предприятиями (K. Takahashi. Gendai Chosen Keizairon. Tokyo, 1935).

[2] И. В. Сталин. Соч., т. 7, стр. 144.

[3] Не считая смешанных компаний.

[4] «Тёсэн кэйдзай кэнкю», 1929.

[5] «Annual Report», 1913—1914.

[6] Статистические отчеты генерал-губернаторства Кореи. «Тёсэн кэйдзай кэнкю», 1929.

батывающей промышленности Кореи до начала 30-х годов позиции корейской национальной буржуазии были наиболее сильны в хлопчатобумажной, ткацкой и полиграфической промышленности, в первичной обработке сельскохозяйственного сырья.

Несмотря на формальные уступки, сделанные корейской буржуазии, политика японских монополий продолжала ущемлять интересы мелких и средних корейских предпринимателей. Под гнетом японского монополистического капитала мелкая и средняя корейская буржуазия быстро разорялась.

Экономический кризис 1929—1933 гг. и вступление Японии в 1931 г. на путь открытой агрессии против Китая усилили наступление японского империализма на корейский национальный капитал. Тысячи корейских мелких и средних торгово-промышленных предприятий были разорены и поглощены японскими монополиями. Банковское законодательство 1932 г., запрещавшее банки с капиталом менее 2 млн. иен, было направлено в первую очередь против корейского капитала.

Милитаризация хозяйства, также использованная японскими монополиями для извлечения максимальных прибылей путем еще большего ограбления корейских трудящихся, сопровождалась новым наступлением на корейский капитал. Накануне и в период второй мировой войны японские монополии широко применяли меры насильственного удушения мелких и средних корейских предприятий. Однако эти мероприятия ни в коей мере не ущемляли крупной коллаборационистской буржуазии, теснейшим образом связанной с японскими монополиями. В период войны японские империалисты использовали крупную корейскую буржуазию для расширения военного производства, поощряли строительство корейских предприятий в ряде важных отраслей военной промышленности (металлургия, машиностроение, авиастроение и т. д.). Эта политика была вызвана новым мощным подъемом национально-освободительного движения в Корее, для борьбы с которым японский империализм стремился обеспечить себе наиболее активную поддержку корейской буржуазии. Соглашательская корейская буржуазия окончательно спаялась с японским империализмом. «Боясь революции больше, чем империализма,—указывал И. В. Сталин,—заботясь об интересах своего кошелька больше, чем об интересах своей собственной родины, эта часть буржуазии, наиболее богатая и влиятельная, обеими ногами становится в лагерь непримиримых врагов революции, заключает блок с империализмом против рабочих и крестьян своей собственной страны»[1]. Эти слова И. В. Сталина,

[1] И. В. Сталин. Соч., т. 7, стр. 148.

относящиеся к соглашательской буржуазии таких колониальных стран, как Индия, могут быть полностью отнесены и к Корее.

В 1944 г. в Корее были зарегистрированы три корейские металлургические компании с оплаченным капиталом в 3,4 млн. иен, в машиностроительной промышленности — три компании с оплаченным капиталом в 11,5 млн. иен. Имелся даже авиастроительный завод, принадлежавший корейским магнатам.

Война способствовала обогащению корейской крупной буржуазии, наиболее тесно связанной с японским колониальным аппаратом и обслуживавшей японскую военную машину. Это были «текстильные короли», бывшие в то же время крупнейшими корейскими помещиками,—Ким Сон Су и его брат Ким Ён Су; владелец корейского самолетостроительного предприятия Пак Хык Сик, банкир Хан Сен Ен, Мин Дэ Сик и др. Оплаченный капитал корейских компаний в 1943 г. достиг уже 145,6 млн. иен. Однако удельный вес корейского капитала в общей сумме акционерного капитала в годы войны продолжал попрежнему уменьшаться. По официальным данным, корейский капитал в 1944 г. составлял только 4% (в действительности он был еще ниже, если учесть капитал японских компаний, зарегистрированных в Японии и имевших в Корее лишь свои отделения).

Во время войны еще больше выявилась реакционная, предательская роль соглашательской корейской буржуазии. Эта часть корейской буржуазии (равно как и помещики) оказывала помощь и поддержку японским империалистам в выкачивании материальных ресурсов из Кореи, в приспособлении ее экономики к интересам агрессивной войны. Тесно спаянная с японским империализмом соглашательская корейская буржуазия выступала в роли прямого агента японского монополистического капитала и японской военщины в Корее, использовавших в условиях войны жесточайшие методы эксплуатации корейских трудящихся. Эти предатели корейского народа оказали японцам активную помощь в осуществлении «кампании по мобилизации ресурсов Кореи», т. е. в невиданном по своим масштабам ограблении страны, в принудительном сборе средств на нужды японской военщины, в изъятии продовольствия у корейского крестьянства, в организации массового шпионажа, в использовании корейской молодежи в качестве пушечного мяса для японских милитаристов.

Тесное сотрудничество части корейской буржуазии и помещиков с японским империализмом, целиком разоблачившее их как открытых врагов корейского народа и агентов иностранного империализма, определило их позиции и после освобождения Кореи от японского гнета. Эти группы, сотруд-

ничавшие с японскими колонизаторами, после разгрома Японии переориентировались на США и верой и правдой служат американскому империализму, точно так же, как служили японскому.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО

Хищническая эксплуатация Кореи японским империализмом задерживала развитие ее производительных сил. После сорокалетнего хозяйничания японских колонизаторов Корея продолжала оставаться отсталой аграрной страной. На долю сельского хозяйства приходилось более половины стоимости продукции страны. В 1944 г. около трех четвертей населения страны было занято в сельском хозяйстве (7,3 млн. чел. из 10 млн. самодеятельного населения Кореи).

Валовая стоимость продукции отдельных отраслей хозяйства Кореи *

Год	Сельское хозяйство**	Горная промышленность ***	Обрабатывающая промышленность	Всего
В млн. иен				
1937	1886	181	955	3022
1938	1770	252	1175	3197
1942	2675	370	1864	4859
1943	3046	430	2050	5526
1944	3200	480	2200	5880
В процентах				
1937	63,4	6,0	30,6	100
1938	55,4	7,9	36,7	100
1942	55,0	7,6	37,4	100
1943	55,1	7,8	37,1	100
1944	54,4	8,2	37,4	100

* Составлено по данным управления генерал-губернаторства, в текущих ценах. В действительности роста продукции не произошло, так как цены за 1937—1944 гг. увеличились в 2—3 раза.

** Включая рыболовство, лесной промысел, шелководство.

*** Данные о стоимости продукции горной промышленности после 1937 г. представляют собой приблизительную оценку.

В сельском хозяйстве Кореи преобладало зерновое хозяйство, на долю которого в 1938 г. приходилось 92,7% общей стоимости продукции. Главной культурой корейского сельского хозяйства

был рис, который в общей стоимости продукции земледелия в 1938 г. составил 58,9% (в 1929 г.— 42%).

После вступления Японии на путь новых захватнических войн (1931—1945 гг.) сельское хозяйство Кореи было целиком поставлено на службу подготовки к войне. Японские империалисты отводили ему роль продовольственной базы для своих армий и источника сырья для своей военной промышленности.

Все то, в чем не были заинтересованы японцы, находилось в состоянии упадка. Площади под продовольственными культурами, служившими для местного потребления, постепенно сокращались, животноводство деградировало.

Площади и сборы зерновых и бобовых культур *

Год	Рис		Пшеница и ячмень		Бобовые		Прочие зерновые	
	площадь в тыс. чонбо	сборы в млн. коку**	площадь в тыс. чонбо	сборы в млн. коку	площадь в тыс. чонбо	сборы в млн. коку	площадь в тыс. чонбо	сборы в млн. коку
1929	1632	13,7	1293	9,4	1098	5,0	1320	9,0
1931	1675	15,9	1317	10,2	1092	5,2	1317	7,8
1938	1660	24,1	1476	11,8	1049	4,9	1245	8,1

* «Тёсэн кэйдзай нэмпо», 1939, 1940.
** Коку равняется 160 кг.

Япония во все возрастающих количествах вывозила из Кореи сельскохозяйственные продукты и в первую очередь рис; сбор риса за период с 1916 по 1940 г. увеличился на 58%, экспорт же риса из Кореи за этот период вырос в 4 раза. Роль Кореи как источника снабжения метрополии рисом неуклонно возрастала. В 1921—1925 гг. на долю Кореи в среднем приходилось 47% всего ввозимого в Японию риса, в 1936—1938 гг.—63%. В то же время потребление риса в Корее, даже по официальным данным, несмотря на большой рост численности населения, за этот период значительно сократилось (на 24% за время с 1916 по 1935 г.). Вместо вывозимого японцами риса в Корею ввозились из Северо-Восточного Китая менее питательные продукты — просо (чумиза) и гаолян.

Политика использования Кореи в качестве продовольственной базы метрополии и источника снабжения японских воору-

женных сил на континенте обрекала миллионы корейских трудящихся на голод, нужду, вымирание. Ограбление корейских трудящихся приняло еще более чудовищные масштабы во время войны на Дальнем Востоке. Несмотря на то, что в годы войны сборы риса вследствие недостатка рабочей силы, тягла и удобрений резко сократились [1], Япония продолжала грабить Корею, вывозя из нее крупные партии риса (1942 г.— 5,5 млн. коку, 1944 г.— 3,6 млн. коку).

За годы войны (1941—1945) потребление продуктов питания в Корее, даже по официальным данным, сократилось по сравнению с 1936 г. на 36% [2]. Если принять во внимание изъятие огромных количеств риса и прочего продовольствия для снабжения японских войск в Корее и Северо-Восточном Китае, то станет очевидным, что фактическое потребление населения Кореи сократилось еще больше. Широкие слои трудящихся Кореи были обречены на голод и нужду.

Готовясь к войне, японские империалисты стремились широко использовать Корею в качестве источника сырья для своей военной промышленности. Это нашло свое отражение в увеличении посевов в Корее технических культур — льна, конопли, хлопка и т. д. За 1929—1941 гг. площадь под хлопком выросла примерно на 70% (около 300 тыс. чонбо в 1941 г.). Сборы хлопка увеличились приблизительно в три раза, достигнув 30—40 тыс. тонн.

Животноводство являлось наиболее слабо развитой отраслью сельского хозяйства Кореи. В 1938 г. на его долю приходилось 6% стоимости сельскохозяйственной продукции. Превратив Корею в свою колонию, японские колонизаторы захватили все пастбища, луга, выгоны и тем самым тормозили развитие животноводства. Так, поголовье крупного рогатого скота за двадцать лет (1919—1938) выросло едва на 17%, в то время как вывоз крупного скота в Японию только за десять лет (1929—1939) вырос более чем в два раза. В 1939 г. Япония вывезла из Кореи около 100 тыс. голов рогатого скота. Еще больше возрос вывоз скота в годы войны, в то время как поголовье его неуклонно сокращалось.

В связи со все увеличивавшимся экспортом крупного рогатого скота и реквизицией всех видов скота и лошадей для японской армии поголовье крупного рогатого скота только в Северной Корее за 1935—1945 гг. сократилось на 188 тыс. голов, свиней — на 183 тыс. и т. д. Сокращение поголовья скота

---

[1] В 1942 г. сбор риса в Корее был на 40% ниже, чем в предшествующем году, в 1943 и 1944 гг. сборы риса составляли лишь 75 и 66% сбора довоенного 1941 г.

[2] Индекс 1946 г. принят за 100.

ухудшало и без того тяжелое положение сельского хозяйства Кореи.

В интересах обеспечения сырьем своей военной промышленности японские колонизаторы стремились увеличить в Корее поголовье овец и продукцию шерсти[1]. К 1943 г. поголовье овец должно было, по расчетам японцев, возрасти до 100 тыс. В действительности же поголовье овец в 1939 г. едва достигло 27 тыс.

В условиях господства японского империализма сельское хозяйство Кореи было обречено на застой и упадок.

Весьма ярким показателем отсталости корейского сельского хозяйства служила низкая урожайность сельскохозяйственных культур. Так, в собственно Японии урожайность риса в 1921 — 1925 гг. составляла 25,3 центнера на 1 га, а в 1935 — 1940 гг.—27,1 центнера, в то время как в Корее она соответственно равнялась лишь 13,7 и 17,6 центнера[2].

Низкая урожайность сельскохозяйственных культур являлась следствием недостаточного применения удобрений и прогрессирующего истощения почвы. Так, в 1935—1937 гг. на 1 га обрабатываемой площади в Корее потреблялось 22,5 кг азотных удобрений, в то время как в собственно Японии 41,9 кг; суперфосфата — в Корее 9,2 кг, в Японии 38,1 кг; калийных удобрений (поташа) — в Корее 1,6 кг, в Японии 16,9 кг[3].

В 1938 г. потребление азотных удобрений в Корее было сокращено по сравнению с предыдущим годом на 30%. В годы войны оно сократилось еще больше. Потребление азотных удобрений в сельском хозяйстве Кореи в 1944 г. уменьшилось почти на 30% в сравнении со средним потреблением за пятилетие 1937—1941 гг., фосфатных — в 6,5 раза[4].

Все больше естественных удобрений — рыбного тука, бобовых жмыхов и т. п. — также вывозилось в Японию.

Техника обработки земли была исключительно примитивна, что также отрицательно влияло на урожайность сельскохозяйственных культур.

Разоренное крестьянство не имело возможности приобретать даже самые необходимые орудия обработки земли и улучшать сельскохозяйственное производство.

Таким образом, в результате длительного гнета японского империализма сельское хозяйство Кореи находилось в состоянии полного упадка.

---

[1] Политика превращения Кореи в источник промышленного сырья для японской промышленности проводилась с 1933 г. под лозунгом: «овцы на севере, хлопок на юге».

[2] V. D. Wickizer and M. K. Bennett. Rice economy of monsoon Asia, 1944.

[3] «USAMGIK Summation of non — military activity in Japan and Korea». February, 1946.

[4] Там же.

ДОБЫВАЮЩАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

Наличие разнообразных естественных ресурсов создавало весьма благоприятные условия для развития в Корее обрабатывающей промышленности.

Естественные ресурсы Кореи использовались, однако, лишь в интересах японского монополистического капитала. Корея была прежде всего сырьевым придатком японской военной промышленности.

В погоне за максимальными прибылями японские монополии хищнически грабили природные богатства Кореи.

Японские империалисты в первую очередь были заинтересованы в эксплуатации тех видов сырья, в снабжении которыми Япония зависела от ввоза. В Корее форсировалось развитие железорудной, золотодобывающей, угольной промышленности. Японские империалисты в широких масштабах расхищали минеральные богатства Кореи для накопления запасов военно-стратегического сырья, в интересах подготовки и ведения захватнических войн.

Еще больше усилилось хищническое разграбление минеральных ресурсов в Корее в период войны на Дальнем Востоке. Японские империалисты увеличили добычу и вывоз из Кореи железной руды, угля, цветных, а также легких и редких металлов. К началу 20-х годов в Корее добывалось около 0,5 млн. тонн железной руды, в 1941 г. добыча возросла до 2 млн. тонн по содержанию железа. Значительная часть добываемой в Корее железной руды поставлялась в Японию, остальная часть перерабатывалась японскими металлургическими предприятиями на месте. Вывоз железной руды (концентрата) составлял в 1939 г. около 400 тыс. тонн. В 1944 г. добыча железной руды в Корее возросла до 3 млн. тонн, т. е. в 1,5 раза по сравнению с 1941 г.

В угольной промышленности внимание японских империалистов было сосредоточено на добыче антрацита, дефицитного в самой Японии. К началу войны на Дальнем Востоке добыча угля в Корее возросла до 6 млн. тонн (в основном антрацита), увеличившись за десять лет в 7 раз. В годы войны добыча угля увеличивалась. В 1944 г. в Корее добывалось 9 млн. тонн угля[1].

Вывоз угля с 1929 по 1939 г. вырос с 296 тыс. тонн до 900 тыс. тонн. Значительная часть продукции антрацита потреблялась для нужд японских металлургических предприятий на месте, а также вывозилась в Маньчжурию. Корейские битуминозные

[1] «Korean economic digest». 1946, January.

угли использовались для производства искусственного жидкого топлива как в собственно Японии, так и в самой Корее. Для потребностей же корейского населения ввозились из Японии те сорта угля, которые не находили сбыта в метрополии.

С начала 30-х годов в связи с огромными закупками военного сырья за границей Япония резко увеличила добычу золота в Корее. До 1930 г. в Корее добывалось не более 5 тонн золота, а в 1939 г. было добыто 35,5 тонн[1]. В 30-х годах в Корее был выстроен ряд крупных золоторафинировочных заводов.

Горная промышленность, так же как и другие отрасли корейской экономики, была всецело приспособлена к потребностям японской военной машины.

В стране создавались горнозаводские предприятия преимущественно для первичной обработки руды — обогатительные фабрики, рудоплавильные и рафинировочные заводы. Полуобработанные же руды цветных и редких металлов вывозились для дальнейшей обработки в Японию.

ОБРАБАТЫВАЮЩАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

Японские колонизаторы использовали все средства для того, чтобы затормозить развитие в Корее обрабатывающей промышленности. Однако в интересах эксплуатации корейского народа и ограбления его богатств, а также в целях осуществления своих агрессивных планов японские колонизаторы построили в Корее некоторые промышленные предприятия обрабатывающей и горной промышленности и электростанции. «Все эти предприятия, — указывает Ким Ир Сен, — создавались потом и кровью нашего народа, путем жестокой эксплуатации корейского населения и ограбления страны японскими империалистами. В течение почти полувека корейский народ, живя в нищете и голоде, вынужден был работать на японских захватчиков и их цепных псов — национальных предателей и прояпонские элементы»[2]. Развитие обрабатывающей промышленности, так же как и других отраслей хозяйства Кореи, носило однобокий, уродливый характер.

До начала 30-х годов японские капиталы направлялись главным образом в отрасли промышленности, связанные с первичной обработкой сельскохозяйственного и минерального сырья. В обрабатывающей промышленности преобладающую

---

[1] Там же.

[2] Ким Ир Сен. Борьба корейского народа за единое независимое демократическое государство. «За прочный мир, за народную демократию!» 30 июня 1950 г.

роль играли отрасли легкой промышленности с низким органическим составом капитала. Господствующей отраслью промышленности являлась пищевая промышленность (табачные фабрики, рисоочистительные предприятия, винокуренные и мукомольные заводы, маслобойни), на долю которой в 1929 г. приходилось 63,5% всей стоимости промышленной продукции страны. За ней шла текстильная промышленность, удельный вес которой составлял 10,9%. В этих двух отраслях, на долю которых приходилось в общей сложности три четверти валовой стоимости промышленной продукции страны, была занята почти половина фабрично-заводских рабочих Кореи.

Металлообрабатывающая промышленность в Корее была развита очень слабо и представлялась немногочисленными железнодорожными мастерскими и кустарными предприятиями.

Удельный вес промышленности в экономике страны оставался ничтожным. Стоимость продукции сельского хозяйства в 1929 г. в пять раз превышала стоимость промышленной продукции. При населении в 20 млн. человек (1929 г.) в крупной обрабатывающей промышленности Кореи было занято всего 80 тыс. человек, т. е. менее 0,5% всего населения.

Готовясь к войне, японские империалисты стремились не только использовать Корею в качестве своей сырьевой и продовольственной базы, но и превратить ее в арсенал сосредоточенных на континенте японских грабительских армий, и в первую очередь—Квантунской армии, резервированной для войны против Советского Союза.

В этих целях японские империалисты с начала 30-х годов начали строить в Корее военно-промышленные, металлургические и электроэнергетические предприятия, игравшие вспомогательную роль для японской военной промышленности.

Говоря о развитии промышленности в Индии, И. В. Сталин подчеркивал «...особый метод империализма — развивать в колониях промышленность таким образом, чтобы она находилась на привязи у метрополии, у империализма»[1]. В Корее, как и в Индии, развитие промышленности еще больше закрепляло ее зависимость от метрополии.

Промышленность Кореи играла роль придатка к японской военной машине. В развитии отдельных отраслей корейской промышленности существовала поэтому огромная диспропорция. Важнейшие отрасли промышленности не имели законченных производственных циклов. Развитие тяжелой промышленности, основы экономической независимости страны, всячески тормозилось. Машиностроение являлось наименее развитой, нежизнеспособной отраслью промышленности, в ней преобладали

[1] И. В. Сталин. Соч., т. 8, стр. 121.

сборочные предприятия военного характера. Станкостроение полностью отсутствовало — все оборудование промышленных предприятий ввозилось из Японии.

Во время войны на Дальнем Востоке процесс приспособления корейской экономики, в том числе и ее промышленности, к потребностям японского военного хозяйства осуществлялся в еще более широких масштабах. Япония продолжала создавать в Корее новые военнопромышленные предприятия и расширять старые. Кроме того, ряд военных предприятий был эвакуирован в Корею из Японии.

В 1943 г. первое место по стоимости продукции занимала химическая промышленность (29,2%), целиком работавшая на японскую военную машину. На втором месте находилась пищевая промышленность (19,5%), на третьем — текстильная (16,8% в 1943 г.). Металлургическая промышленность занимала четвертое место (14,7%). Машиностроение было на последнем месте (в 1943 г. — 6,1%; в 1945 г. — всего 2—3%).

Развитие промышленности в Корее, целиком подчиненное интересам японского империализма, ни в какой мере не отвечало потребностям корейского населения. Почти все, что производилось в Корее, вывозилось в Японию либо потреблялось японскими оккупационными армиями в Китае.

Структура корейской обрабатывающей промышленности в %*

Отрасли промышленности	1929 г.	1933 г.	1936 г.	1941 г.	1943 г.
Химическая	5,0	14,1	22,9	29,2	29,2
Пищевая	63,5	54,6	45,1	25,4	19,5
Текстильная	10,9	10,5	12,7	16,4	16,8
Металлургическая	5,7	7,9	4,0	8,1	14,7
Машиностроительная	1,3	0,8	1,1	6,4	6,1
Деревообрабатывающая	2,2	2,7	2,7	6,3	5,8
Керамическая	2,6	2,4	2,7	4,0	4,4
Полиграфическая	2,8	2,6	1,8	1,5	1,1
Прочие	6,0	4,4	7,0	...	2,4

* По официальным данным управления генерал-губернаторства Кореи.

Преобладающая же часть продуктов, потребляемых корейским населением, ввозилась из Японии по высоким монопольным ценам. «В период господства японского империализма,— писал Ким Ир Сен,— все отрасли корейской промышленности были подчинены японской экономике и являлись ее придатком.

Вследствие этого мы не могли производить у себя необходимое оборудование и материалы; техническое оборудование промышленности было устаревшим и изношенным» [1].

Используя огромные гидроэнергетические ресурсы Кореи, дешевую рабочую силу, японские империалисты создали крупные военно-химические предприятия по получению синтетического азота, взрывчатых веществ, серной кислоты, суперфосфата, по ожижению угля. Несмотря на большой рост азотной промышленности, потребление химических удобрений в Корее, как уже указывалось, было низким и неуклонно снижалось. Корейская химическая промышленность, и в первую очередь ее азотные заводы в Хынначе, служили Японии важнейшим арсеналом для производства химических вооружений (взрывчатых веществ, пороха и т. д.) и авиационного топлива. Корейские химические предприятия снабжали своей продукцией не только японскую Квантунскую армию, но и другие японские грабительские армии в Китае и Юго-Восточной Азии.

Среди отраслей керамической промышленности главное место принадлежало цементной промышленности, мощность которой в 1939 г. составляла 1560 тыс. тонн в год. Развитие этой отрасли промышленности диктовалось потребностями военного строительства японских империалистов в Корее.

Металлургическая промышленность также обслуживала японскую военную промышленность. Выплавка чугуна в Корее, в 1931 г. составлявшая 147,9 тыс. тонн, в 1941 г. достигла, согласно оценочным данным, почти 500 тыс. тонн, стали — 300 тыс. тонн. При значительном развитии выплавки чугуна и стали Корея полностью зависела от метрополии в снабжении металлоизделиями. Значительное развитие в Корее получило производство электростали, ферросплавов и прочих материалов, необходимых японским милитаристам для военной промышленности. Наличие мощной гидроэнергетической базы и значительных ресурсов легирующих элементов делало выгодным для японских монополий развитие в Корее именно этих производств. За годы войны на Тихом океане выплавка чугуна в Корее увеличилась до 1 млн. тонн, т. е. почти в два раза по сравнению с 1941 г. Выплавка стали в 1944 г. составляла 650 тыс. тонн. Значительно выросло производство специальных сталей (в 1944 г. 50 тыс. тонн), почти полностью вывозимых в Японию.

В машиностроительной промышленности Кореи, как на это указывалось выше, преобладали сборочные предприятия. В Корее не было ни одного завода, выпускающего запасные час-

---

[1] Ким Ир Сен. Борьба корейского народа за единое независимое демократическое государство. «За прочный мир, за народную демократию!». 30 июня 1950 г.

ти, почти не было никаких ремонтных предприятий (исключение составляли лишь судоремонтные предприятия для японского флота и железнодорожные мастерские). Единственное судостроительное предприятие, принадлежавшее концерну Мицубиси, строило торговые суда среднего тоннажа и ремонтировало военные корабли небольшого водоизмещения. Даже в условиях войны, несмотря на острый недостаток тоннажа, Япония всячески тормозила развитие самостоятельной машиностроительной и судостроительной промышленности в Корее. В ряде портов Кореи (Инчон, Чхончжин, Вонсан, Пусан) были созданы лишь небольшие верфи для постройки деревянных судов. В период войны в порядке рассредоточения японской военной промышленности в Корею были перенесены новые автосборочные и авиасборочные заводы. Несмотря на это, машиностроение оставалось наиболее слабо развитой отраслью промышленности Кореи.

Значительных размеров достигли японские капиталовложения в электроэнергетическую промышленность. На конец 1931 г. мощность электростанций (в основном гидростанций) в Корее составляла 234,5 тыс. квт, в 1938 г. она достигла 668,1 тыс. квт [1], в 1944 г.— 2 млн. квт.

Насколько японцы, создавая промышленные предприятия в Корее, «заботились» о нуждах корейского населения, показывает тот факт, что плата за электроэнергию для бытовых нужд корейцев была в 7—8 раз выше, чем для японских промышленных предприятий, там находящихся.

Дешевизна рабочих рук использовалась японцами для развития текстильной промышленности в Корее. Валовая стоимость продукции текстильной промышленности выросла с 1929 по 1938 г. более чем в 4 раза. Свыше 60% текстильной промышленности приходилось на долю хлопчатобумажной промышленности, работавшей в значительной части на импортном сырье. Продукция текстильной промышленности составляла около 0,5 млрд. кв. ярдов в год. До 28% продукции [2] (1937 г.) вывозилось на внешние рынки, в Корею же ввозились японские текстильные изделия по монопольно высоким ценам. В 1938—1939 гг. предприятия текстильной промышленности были почти полностью переключены на работу для военных нужд. Корейская текстильная промышленность обеспечивала Японию ватой, японскую авиационную промышленность — льняными и пеньковыми изделиями, армию и флот Японии— обмундированием.

---

[1] «Тёсэн кэйдзай нэмпо», 1939.

[2] Хлопчатобумажные ткани и ткани из искусственного шелка.

Бо́льшая часть предприятий горнодобывающей и военной промышленности, за исключением машиностроительных, была сосредоточена в северных провинциях страны, богатых минеральными ископаемыми: на их долю приходилось около 85% продукции металлургического производства, 88% продукции химической промышленности, 70% продукции цемента, 25% продукции машиностроения. Здесь было сосредоточено все производственное оборудование чугунолитейной промышленности, около 90% производственной мощности сталелитейной промышленности, 85% добычи угля, почти вся добыча железной руды, 80% мощности электроэнергетических предприятий[1].

В южной части страны были сконцентрированы в основном отрасли легкой промышленности: 88% продукции текстильной промышленности, около 70% пищевой, 70% деревообрабатывающей, а также преобладающая часть металлообрабатывающей промышленности (75%). По общей стоимости промышленной продукции свыше половины (53%) приходилось на долю северной части страны.

Несмотря на некоторое развитие обрабатывающей промышленности, абсолютные размеры промышленного производства в колониальной Корее были ничтожны. Стоимость промышленной продукции[2] Кореи была в 22 раза меньше стоимости промышленной продукции самой Японии, в то время как численность населения Кореи всего лишь в три раза уступала численности населения Японии. Число рабочих, занятых в обрабатывающей промышленности Кореи, было в 18 раз меньше, чем в Японии[3]. По данным 1939 г., продукция химической промышленности Кореи по стоимости составляла 11% продукции Японии, металлургическая промышленность—2,4%, машиностроение — всего 0,8% продукции метрополии. Мощность электростанций составляла всего 9,3% мощности электростанций Японии. Продукция текстильной промышленности в 1941 г. составляла около 16% продукции Японии, в том числе продукция хлопчатобумажной пряжи — всего 3,4%. Более четверти стоимости всей промышленной продукции приходилось на долю предприятий с числом рабочих до 5 человек.

Таким образом, развитие обрабатывающей промышленности в Корее означало еще большее экономическое закабаление Кореи японским империализмом. Промышленность Кореи находилась в полной зависимости от промышленности метрополии, являлась ее придатком, принадлежала японским монополиям и использовалась ими для извлечения максимальных прибылей.

[1] «Korean economic digest», 1946, январь. На основании оценочных данных за 1944 г.

[2] Продукция фабрично-заводской промышленности.

[3] «Дзэнэй», 1947, январь.

Значительная часть японских капиталовложений в Корее приходилась на долю транспорта, в первую очередь железнодорожного. Транспортное и портовое строительство в Корее, осуществлявшееся принудительным трудом рабочих и крестьян, являлось одним из главных элементов программы превращения Кореи в антисоветский плацдарм. В 30-х годах в Корее был выстроен ряд железных дорог, соединявших корейские линии с железными дорогами Северо-Восточного Китая и подходящих к границам Советского Приморья.

Корейские железные дороги имели для японских империалистов огромное военное значение. По этим дорогам происходила переброска войск из Японии в Северо-Восточный и Северный Китай. Пользуясь корейскими железными дорогами, японцы вывозили награбленное сырье и продовольствие из Северо-Восточного и Северного Китая. По корейским железным дорогам двигались войска, которые Япония концентрировала в Северо-Восточном Китае и Корее, на стратегических подступах к СССР. Протяженность железнодорожной сети Кореи только за период с 1910 по 1940 г. выросла с 1,1 тыс. до 5,7 тыс. км, т. е. более чем в пять раз. Не меньшее внимание было уделено сооружению в Корее грунтовых и шоссейных дорог и автострад. В 1935 г. общее протяжение грунтовых и шоссейных дорог составляло 22 тыс. км, к 1942 г. оно достигло 55 тыс. км. Наибольший масштаб дорожное строительство приобрело в Северной Корее. Здесь была проложена целая система шоссейных дорог, окаймляющих границы Северной Кореи вдоль рек Амноккан и Туманган и проходящих в непосредственной близости от советской границы и по северо-восточному побережью Кореи. Автострады Северной Кореи были соединены с главнейшими трактами Северо-Восточного Китая.

Через Корею были проложены трассы воздушных линий, на ее территории была создана густая сеть авиабаз, откуда, по планам японских агрессоров, их авиация должна была совершать налеты на Советское Приморье. Уже с 1929 г генерал-губернаторство Кореи выплачивало крупные субсидии японским воздушным компаниям. Наиболее важные линии соединяли Японию с Северо-Восточным Китаем, проходя в непосредственной близости от дальневосточных границ Советского Союза.

Огромное внимание уделялось японцами портовому строительству. В Северной Корее в 30-х — начале 40-х гг. был выстроен ряд новых портов — Чхончжин, Унги, Начжин. Все они были превращены в крупные военно-морские базы, тесно связанные друг с другом в единый мощный укрепленный район. На сооружение только коммерческих гаваней при двух военно-морских базах в Северной Корее — Унги и Начжин, находящихся вблизи границ Советского Приморья, японские

колонизаторы израсходовали 61 млн. иен. Порты Северной Кореи превращались в базы японских военно морских сил, в базы снабжения японской армии для агрессивной войны против Советского Союза. Старая крупная военно-морская база Чинхэ была значительно расширена и предназначена для крейсерских сил японского военно-морского флота.

Десятки миллионов иен были израсходованы японскими колонизаторами на расширение крупнейших торговых портов— Пусан, Инчон, Синыйчжу, Сончжин и др. Были переоборудованы и расширены многие порты Южной Кореи.

Превращая Корею в военный плацдарм для войны против Советского Союза и Китая, Япония интенсивно увеличивала число обслуживавших Корею судов, создавала новые пароходные линии, интенсивно осваивала воды будущих театров войны.

Торговое судоходство Кореи почти полностью находилось в руках японских судоходных монополий — «Ниппон Юсэн» и «Осака Сёсэн»; суда этих компаний были приписаны к портам собственно Японии. В самой Корее в 1938 г. было зарегистрировано лишь около 300 тыс. тонн торгового тоннажа, из них почти одна треть принадлежала японским судовладельцам.

Таким образом, осуществлявшееся японским империализмом в Корее в широких масштабах транспортное строительство было подчинено в первую очередь задачам использования Кореи в качестве плацдарма для войны против Советского Союза и Китая.

ПОЛОЖЕНИЕ РАБОЧЕГО КЛАССА

В погоне за максимальной прибылью японские монополии увеличивали свои капиталовложения в промышленность Кореи, ускоряя тем самым ее капиталистическое развитие и способствуя численному росту ее пролетариата.

Эксплуатируя колониальные и зависимые страны, «...империализм,—указывал И. В. Сталин,— вынужден строить там железные дороги, фабрики и заводы, промышленные и торговые центры. Появление класса пролетариев, зарождение местной интеллигенции, пробуждение национального самосознания, усиление освободительного движения — таковы неизбежные результаты этой «политики»»[1].

Это положение И. В. Сталина целиком применимо и к Корее. Используя Корею в качестве колониального придатка и военной базы для захвата территорий других государств, японские империалисты построили там военно-промышленные предприятия, электростанции, железные дороги.

---

[1] **И. В. Сталин.** Соч., т. 6, стр. 73.

Число рабочих, занятых в обрабатывающей (фабрично-заводской) и горной промышленности, а также на транспорте и в строительстве, в 1945 г. возросло до 800 тыс. человек. Эти рабочие являлись основным ядром корейского пролетариата.

Значительная часть рабочих обрабатывающей промышленности была сосредоточена на крупных промышленных предприятиях.

В 1943 г. на предприятиях с числом рабочих свыше 200 работало около 40% всех занятых в фабрично-заводской промышленности рабочих, в том числе на предприятиях с числом рабочих свыше 1 тыс. человек — около 16% промышленных рабочих[1]. Около 40% фабрично-заводских рабочих было занято на предприятиях тяжелой и военной промышленности.

Занятость рабочих (в тыс.) *

Отрасль промышленности	1931 г.	1941 г.	1943 г.
Фабрично-заводская	86,4	400	336,6
Горная	73,6	170	178,0
Транспорт	—	50	80,2
Строительная	—	193	176,0
	73,6		
Всего	160	813	770,8

* Данные генерал-губернаторства Кореи.

Общая численность наемных рабочих в Корее была значительно больше. К моменту разгрома Японии их было более 2 млн. Значительную часть корейских рабочих составляли временные и сезонные рабочие, а также принудительно мобилизованные японцами на строительство военных и прочих объектов.

В погоне за максимальной прибылью японские империалисты беспощадно эксплуатировали труд женщин и детей. В обрабатывающей промышленности на долю женщин приходилось около 20% общего числа рабочих. Дети и подростки, труд которых оплачивался особенно низко, составляли, по официальным данным, около 10% промышленных рабочих.

Японские колонизаторы применяли самые хищнические методы эксплуатации корейских рабочих. Широкое распространение получила контрактация труда, являвшаяся по существу временной продажей в рабство.

Готовясь к войне, японские империалисты в широких масштабах применяли в Корее принудительный труд. На строи-

[1] «Дзэнэй», 1947, январь.

тельство военных объектов, сооружение военных постов, аэродромов, полигонов, транспортное строительство в Корее проводилась принудительная мобилизация корейских трудящихся: крестьян, рабочих и служащих, безработных. Согнанные на эти работы под конвоем японской полиции корейцы за 13—16-часовой рабочий день тяжелого, нечеловеческого труда получали нищенскую заработную плату (мужчины по 30—40 сен в день, женщины и дети от 3 до 8 сен), недостаточную даже для полуголодного существования. Сотни тысяч голодающих крестьян должны были работать за эту нищенскую зарплату в каторжных условиях.

Во время войны масштабы применения японцами принудительного труда в Корее еще более возросли. В 1942 г. в так называемые «трудовые батальоны» было мобилизовано 750 тыс. корейцев. В 1944 г. в Корее была введена всеобщая трудовая повинность для мужчин от 14 до 45 лет и для женщин от 14 до 24 лет. Японские империалисты создали подлинно военную каторгу для корейских трудящихся.

В период войны японские колонизаторы насильственным путем отправляли корейцев в Японию, в оккупированные местности Китая и даже Юго-Восточной Азии. В этих районах корейские рабочие работали в условиях полурабского труда[1]. С 1939 по 1945 г. только в Японию было отправлено около 700 тыс. корейских рабочих[2]. После разгрома Японии значительная часть корейских рабочих, находившихся за пределами страны, вернулась на родину.

Массовый сгон крестьянства с земли создал предпосылки эксплуатации Кореи как источника дешевой рабочей силы. Исключительная нищета корейской деревни давила на городской рынок труда и снижала и без того низкий жизненный уровень корейских рабочих.

В Корее существовала массовая безработица, охватывавшая в годы экономического кризиса сотни тысяч человек. По данным «Чосон ильбо» (1931, 13 декабря), в Корее насчитывалось 315 тыс. безработных. Миллионы разорившихся корейских крестьян в поисках средств существования эмигрировали в Китай и Японию. Только на Северо-Востоке Китая насчитывалось около

---

[1] Во время войны на Дальнем Востоке (1941—1945 гг.) японцы отправили тысячи корейцев и китайцев (с о ва Формозы) для сооружения военных баз на островах Тихого океана. Бо́льшая часть из них погибла от непосильного труда, голода, малярии и прочих тропических болезней.

[2] Корейские рабочие выполняли наиболее тяжелую и опасную работу. В угольных шахтах о-ва Хоккайдо корейцы составляли 50% общего числа рабочих, занятых на подземных работах (J. B. Cohen. Japan's economy in war and reconstruction. Нью-Йорк, 1949). Только за период 1941—1945 гг. в Японию в принудительном порядке было отправлено 323 тыс. рабочих-корейцев («Дзидзи нэнкан», 1947).

2 млн. корейских поселенцев [1], в Японии — около 1 млн.[2] Огромная резервная армия безработных и пауперов, влачивших нищенское существование, использовалась японскими монополиями для беспощадной эксплуатации занятых на производстве корейских рабочих — удлинения рабочего дня, бешеной интенсификации труда, снижения заработной платы.

Террористический режим, созданный японцами в Корее, облегчал наступление японского капитала на жизненный уровень корейских трудящихся.

Заработная плата рабочих в Корее была много ниже заработной платы рабочих в Японии, стоявшей в этом отношении далеко позади других капиталистических стран. Корейские рабочие получали вдвое-втрое меньше за одну и ту же работу, чем рабочие-японцы. За день тяжелого, изнурительного труда взрослый рабочий-кореец в обрабатывающей и горной промышленности, до экономического кризиса 1929—1933 гг., получал в среднем 88 сен, а в период кризиса ему платили 30—40 сен [3]. Женщины за одинаковый с мужчиной труд получали вдвое меньшую заработную плату, которой нехватало даже на самое нищенское существование. Труд подростков оплачивался еще ниже.

Рост дороговизны на товары массового потребления, явившийся результатом политики японских монополий, приводил к неуклонному сокращению реальной заработной платы и обнищанию трудящихся.

---

[1] Положение корейских трудящихся в оккупированном Северо-Восточном Китае было также чрезвычайно тяжелым. Корейские крестьяне и здесь попадали в кабалу к японским колонизационным компаниям и местным феодальным помещикам, взимавшим с них непомерно высокую арендную плату и прибегавшим к различным способам ограбления. 90% корейских крестьянских хозяйств на Северо-Востоке Китая не имело земли.

С начала 30-х годов японские колонизаторы, захватывая корейские земли, насильственным путем переселяли обезземеленных крестьян за пределы страны—в Северо-Восточный Китай. Они пытались при этом посеять национальную рознь между китайцами и корейцами и внести раскол в национально-освободительную борьбу обоих народов против японского империализма. Политика японских захватчиков потерпела полный провал. Корейский и китайский народы на протяжении многих лет вели плечом к плечу вооруженную борьбу против общего врага — японских поработителей.

После разгрома Японии и освобождения Кореи часть корейских поселенцев вернулась на родину.

[2] В том числе 777 тыс. было занято в различных отраслях хозяйства: 220 тыс.— на строительстве, 208 тыс.— в обрабатывающей промышленности, 94 тыс.— в горной промышленности, 27 тыс. работали грузчиками, 9,4 тыс.— батраками в сельском хозяйстве. Около 190 тыс. чел. работало на строительстве военных объектов. Эксплуатация корейских рабочих носила чудовищный характер. Корейские рабочие, как правило, по истечении контракта добивались возвращения на родину.

[3] Сена равна 0,01 иены.

Реальная заработная плата корейского рабочего составляла в 1940 г. лишь 62% заработной платы 1929 г. И без того низкая заработная плата корейских рабочих еще более уменьшалась в результате бесчисленных вычетов, произвольной системы штрафов, взяточничества низшей администрации — подрядчиков, десятников, мастеров и т. п.

Временные и законтрактованные рабочие получали еще меньше. Заработок их составлял около половины заработной платы постоянных рабочих, а рабочий день при этом был более продолжительным. Законтрактованные рабочие жестоко эксплуатировались вербовщиками; они были опутаны кабальными долговыми обязательствами, лишены возможности свободного передвижения, систематически подвергались избиениям. Одним из способов ограбления корейских рабочих японским финансовым капиталом была выдача бон (в размере до 80% заработной платы) на фабричную лавку, где товары продавались по повышенным на 10—15% ценам. Широкое распространение имела также система сдельщины, являвшаяся средством удлинения рабочего дня и снижения заработной платы, а также систематические задержки и невыплата заработной платы. Невыплата заработной платы послужила причиной многочисленных забастовок в период экономического кризиса (1929—1933 гг.). Выдача заработной платы во время войны задерживалась, как правило, на несколько месяцев.

Принудительные отчисления из заработной платы для покупки облигаций японских военных займов, принудительные вклады в сберегательные кассы, прямые удержания для нужд японской военщины, особенно возросшие в период войны, сокращали и без того нищенскую заработную плату рабочих до минимума. Усилившееся разграбление продовольственных ресурсов привело к острому недостатку необходимых продуктов питания в стране и к огромному росту дороговизны.

Яркой иллюстрацией каторжного режима, существовавшего для корейских рабочих, может служить продолжительность рабочего дня. Данные обследования промышленных предприятий показали, что у половины общего числа занятых рабочих рабочий день длился более 12 часов. «Во времена японского господства,— указывает Ким Ир Сен,— корейские рабочие жестоко эксплуатировались: они работали по 12—14 часов в день. Особенно тяжелым было положение работниц и рабочих-подростков. Охрана труда и социальное страхование совершенно отсутствовали»[1].

---

[1] Ким Ир Сен. Борьба корейского народа за единое независимое демократическое государство. «За прочный мир, за народную демократию!». 30 июня 1950 г.

В период подготовки к войне на военных и военизированных предприятиях рабочий день был удлинен еще на 2 часа — до 14—16 часов. Во время войны на Дальнем Востоке японские империалисты еще больше усилили эксплуатацию корейских рабочих. Выходные дни на всех предприятиях были отменены. Широко применялась варварская потогонная система. Рабочий день превышал официально установленные 14—16 часов, так как рабочие не могли оставить работу, пока не выполнено дневное задание. Отсутствие техники безопасности и охраны труда приводило к массовой инвалидности и гибели тысяч людей. Введенные в 1938 г. правила техники безопасности, а также указы 1940 г., ограничивавшие (но не запрещавшие) применение труда подростков, являлись сплошной фикцией. Японские империалисты вынуждены были пойти на издание этих указов лишь под давлением протестов и возмущения рабочих в связи с многочисленными увечьями и несчастными случаями в промышленности (в первую очередь среди чудовищно эксплуатируемых японцами горняков). Оговорки, которыми изобиловали эти постановления, сводили их значение к нулю.

На большинстве предприятий для рабочих и до войны был создан казарменный, тюремный режим. Как правило, корейские рабочие помещались в специальных бараках, землянках. Рабочие кварталы многих промышленных районов, включая столицу Кореи — Сеул, сплошь состояли из землянок, в которых в тяжелых, антисанитарных условиях ютились семьи корейских рабочих. Во время войны казарменный режим был установлен почти на всех предприятиях Кореи.

Жестоко эксплуатируя корейских рабочих, японские монополии обеспечивали себе широкие возможности получения максимальных прибылей.

Зверская эксплуатация, каторжный труд, побои японских надсмотрщиков, бесчеловечные условия труда, полное бесправие, унизительные законы, дискриминация в области заработной платы, рабочего дня и т. п. были уделом корейского пролетариата в период японского господства.

АГРАРНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Используя методы прямой экспроприации при помощи военной силы, японские империалисты присвоили огромное количество обрабатываемой и лесной площади Кореи. Они завладели в Корее свыше 1 млн. чонбо, или 25% лучшей обрабатываемой земли, находящейся в значительной своей части на юге страны и дающей, как правило, два урожая в год, превратив ее в средство самой хищнической эксплуатации корейского крестьянства. Крупные япон-

ские компании во главе с «Восточно-колонизационным обществом», равно как и японские помещики в Корее, сдавали всю или бо́льшую часть земли в аренду мелкими участками на самых кабальных условиях корейским безземельным или малоземельным крестьянам [1]. Пользуясь теми же методами прямой экспроприации, японцы захватили около двух третей (свыше 10 млн чонбо) [2] лесной площади Кореи (составляющей 74,6% всей площади Кореи). За время своего господства японцы присвоили в общей сложности около 12 млн. чонбо земли, т. е. более половины всей площади Кореи.

Непрекращавшееся сопротивление корейского народа, не желавшего примириться с господством японских колонизаторов, толкало японцев на путь создания социальной опоры для подкрепления своего владычества в Корее. Эту опору японские колонизаторы создавали себе путем сохранения и укрепления корейского помещичьего землевладения. За большей частью корейских помещиков были закреплены на правах частной собственности все те земли, которыми они раньше владели. До освобождения Кореи от японского империалистического гнета около 100 тыс. корейских помещиков владели в общей сложности почти 2 млн. чонбо земли, или около 44% всей обрабатываемой площади Кореи. 17% всей принадлежавшей корейским помещикам земли приходилось на долю помещиков, владения которых превышали 30 чонбо [3].

Помещичье землевладение в Корее представляло собой яркий пример социального паразитизма. Многие японские и корейские помещики не вели своего хозяйства и даже не проживали в своих усадьбах, систематически сдавая в аренду на кабальных условиях всю свою землю крестьянам. В 1918 г. такие «отсутствующие» помещики составляли 20% общего числа помещиков; в 1932 г., по официальным данным, число «отсутствующих» помещиков составляло уже одну треть общего количества помещиков (33 тыс.), а в 1938 г.— около половины (50 тыс.). Другая часть помещиков, сдавая большую часть земли в аренду, частично вела собственное хозяйство, эксплуатируя арендаторов

---

[1] Крупнейшими земельными собственниками в Корее являлись японский император (владевший 100 тыс. чонбо пахотной земли и сдававший ее через генерал-губернаторство Кореи в кабальную аренду крестьянам), Тёсэн-банк, «Восточно-колонизационное общество» и другие колониальные банки и компании.

[2] «Japan-Manchoukuo year book», 1941.

[3] Следует отметить, что самое крупное землевладение в Корее (владения размером свыше 100 чонбо) в преобладающей части являлось японским. На его долю приходилось до половины всей принадлежавшей японцам в Корее пахотной земли. На долю корейского землевладения размером свыше 100 чонбо приходилось лишь 4—8% принадлежавшей корейским помещикам земли.

(в форме отработок) и наемных батраков. Не участвуя в процессе производства сельскохозяйственных продуктов, корейские и японские «отсутствующие» помещики отнимали у корейского крестьянства преобладающую часть урожая в форме натуральной ренты и различных поборов.

Значительная часть корейских помещиков, и в первую очередь «отсутствующие» помещики, вкладывали свои накопления не в развитие сельскохозяйственного производства, а в ростовщичество, спекулятивную торговлю, а также в японские акционерные предприятия. Корейские помещики были посредниками и пособниками японских колонизаторов в ограблении корейского крестьянства. Они являлись важным звеном в системе колониальной эксплуатации корейских трудящихся. Огромные партии риса, отбираемые помещиками у крестьянства в виде натуральной ренты, сдавались ими японским монополистическим экспортным компаниям для вывоза в Японию. Японские империалисты тесно блокировались с корейскими помещиками, широко используя их для ограбления трудящегося крестьянства. Заинтересованность в сохранении полуфеодальных методов эксплуатации корейского крестьянства создавала почву для тесного сотрудничества корейских помещиков с японскими империалистами. Рост революционного движения в стране, мощный подъем крестьянского движения еще больше сплотили этот союз.

Аграрная политика японских империалистов в Корее была направлена на укрепление связей с помещичьей верхушкой, на защиту интересов помещиков и сохранение паразитического помещичьего землевладения. Представители крупной корейской земельной аристократии были введены в директорат «Восточно-колонизационного общества», грабившего и разорявшего корейское крестьянство. Многие помещики занимали видные посты в японском колониальном аппарате. Законы генерал-губернаторства закрепляли феодально-ростовщические методы ограбления корейского крестьянства и обеспечивали разрешение арендных конфликтов в пользу помещиков.

В период военной подготовки и особенно в ходе самой войны роль корейских помещиков как агентуры японского империализма в деревне выявилась особенно ярко. При посредстве помещиков японские империалисты добивались расширения нужных им посевов риса и технических культур и изъятия все большей части продукции сельского хозяйства (при заключении арендных договоров помещики вменяли в обязанность арендаторам посев определенных культур). Корейские помещики активно сотрудничали с японскими захватчиками, совместно с ними грабили корейский народ и страну.

Корейские крестьяне в период господства Японии в основной своей массе превратились в безземельных арендаторов

помещичьей земли. Процесс обезземеливания крестьянства и концентрации земельной собственности в руках японских колонизаторов и корейских помещиков происходил чрезвычайно интенсивно в течение всего периода японского господства.

Этот процесс со всей наглядностью показывают даже данные официальной японской статистики. Так, число крестьянских хозяйств, не имевших своей земли и вынужденных ее арендовать у помещиков, составляло в 1918 г. 1003 тыс., в 1932 г. — 1107 тыс., в 1938 г.— 1583 тыс., в 1941 г.— 1647 тыс., а процент таких хозяйств от общего количества крестьянских хозяйств вырос с 37,9 в 1918 г. до 51,8 в 1938 г. и 56,4 в 1941 г.

Количество полуарендаторских хозяйств сократилось за этот период на одну треть: в 1918 г. их насчитывалось 1044 тыс. (39,5%), в 1938 г. — только 729 тыс. (25,9%), а в 1941 г.— 723 тыс. Бóльшая часть мелких полуарендаторских хозяйств лишилась своих клочков земли и перешла в ряды арендаторов.

Уменьшилось за это время и число крестьян-собственников. Хозяйств этого типа в 1918 г. было 19% (523,3 тыс.), в 1932 г. — 16,6% (476,4 тыс.). В 1938 г. число хозяйств собственников составляло около 465 тыс. В действительности слой крестьян-собственников земли был еще меньшим. Большинство крестьян-собственников владело землей номинально, так как она была уже заложена у ростовщиков, помещиков, японских компаний и банков. В виде процентов за выданную крестьянам ссуду ростовщики получали часть урожая крестьянина-«собственника», которая нередко превышала нормальную арендную плату. Еще в 1931 г., в период экономического кризиса, тяжело ударившего по корейской деревне, японские экономисты, исходя из преуменьшенных официальных данных об ипотечной задолженности в 436 млн. иен, считали, что не менее 60% всей пригодной для обработки земли находилось в закладе.

В связи с обострением аграрного кризиса в последующие годы рост ипотечной задолженности и разорения крестьянства шел особенно быстрыми темпами.

Процесс обезземеливания крестьянства нашел свое отражение и в неуклонном росте арендованной земельной площади в Корее. С 1919 г. по 1938 г. обрабатываемая площадь увеличилась с 4382 тыс. до 4576 тыс. чонбо, т. е. всего на 3,0%. Арендованная площадь за эти 20 лет выросла с 2173 тыс. до 2607,7 тыс. чонбо, т. е. на 20%, а ее доля в общей обрабатываемой площади с 50,2 до 57,7%.

Весьма ярким выражением процесса обезземеливания и разорения крестьянства было появление и рост числа бездомных, разоренных японскими колонизаторами и согнанных с земли, лишенных всяких средств существования «хваднминов», не-

легально ведших подсечное хозяйство в глухих лесных районах Кореи и подвергавшихся жесточайшим преследованиям со стороны японских колониальных властей. По официальным, значительно преуменьшенным данным, число хваднминов в 1929 г. составляло 34,3 тыс., в 1938 г.— 71,2 тыс., в 1941 г.— около 60 тыс. семей. К нелегальному выжиганию лесных участков прибегали и мелкие арендаторские хозяйства. Число таких хозяйств составляло не менее 200 тыс. По японским официальным данным, площадь, выжженная хваднминами, в 1932 г. равнялась 202 тыс. чонбо, а в 1938 г. она возросла вдвое — до 442 тыс. чонбо.

В результате японского хозяйничания в Корее свыше 1,6 млн., или более половины, крестьян не имели земли и арендовали ее на кабальных условиях у помещиков и колониальных компаний. Если же учесть малоземельных полуарендаторов[1], арендовавших преобладающую часть обрабатываемой ими земли, и хвадёнминов, то окажется, что свыше трех четвертей всех крестьянских хозяйств не имело земли или имело ее настолько мало, что вынуждено было прибегать к аренде. Между тем помещики и компании, на долю которых приходилось всего 3,4% всех хозяйств, владели почти 3 млн. чонбо (две трети всей обрабатываемой площади Кореи).

Число сельских хозяйств (тыс.) *

Годы	Помещики, сдававшие всю землю в аренду (т. н. «отсутствующие»)	Помещики, сдававшие часть земли	Крестьяне-собственники	Полуарендаторы	Арендаторы	С.-х. рабочие	Хвадёнмины
1918	15,7	65,8	523,3	1043,8	1100,3	—	—
1929	21,3	83,2	507,4	885,6	1283,5	—	34,3
1932	32,9	71,9	476,4	743,0	1546,5	—	60,5
1933	—	545,5		724,7	1563,1	94,0	82,3
1938	—	562,4		729,3	1583,4	116,0	71,2
1941	—	548,3		723,3	1647,4	92,7	59,3

* Составлено по данным: «нихон кэйдзай нэмпо», «Тёсэн нэнкан», 1939. Статистические данные управления генерал-губернаторства Кореи, 1945 г.

[1] В 1938 г. 60% полуарендаторских хозяйств обрабатывало участки размером до 1 чонбо. Часть этой земли была арендована у помещиков. «Кокусэй гурафу». Токио, 1940, июль.

Наиболее многочисленной в корейской деревне являлась беднота, обрабатывавшая ничтожные участки обычно арендуемой у помещика земли, влачившая голодное существование и систематически прибегавшая к продаже своей рабочей силы. В колониальной Корее неимущие бедняцкие хозяйства составляли более $^3/_4$ общего числа хозяйств. Этот слой крестьянства подвергался нещадной эксплуатации со стороны помещиков, ростовщиков, кулаков. Чтобы обеспечить свое существование, крестьянская беднота обычно прибегала к отходничеству, различным промыслам. Миллионы корейских крестьян жестоко эксплуатировались на различных сезонных и поденных работах в промышленности, на строительстве военных и военно-промышленных объектов, на погрузочных и прочих работах. Только на рыбных промыслах было связано сезонной работой 60 тыс. корейских крестьян. В самой деревне корейская беднота составляла кадры поденщиков для помещичьих и кулацких хозяйств. Уделом их была эксплуатация и нищета. Крестьянская беднота быстрыми темпами вытеснялась из сельскохозяйственного производства, переходила в ряды пролетариата.

Сельскохозяйственные рабочие представляли собой наиболее эксплуатируемый слой корейской деревни. Они не имели ни хозяйства, ни земли и зарабатывали себе на жизнь продажей своей рабочей силы. В Корее было зарегистрировано 116 тыс. неимущих батрацких дворов. Заработная плата батрака до экономического кризиса составляла всего 20 сен в день[1]. Она была более чем в два раза ниже заработной платы промышленного рабочего. В 1939 г. при огромном росте инфляции и дороговизны заработная плата сельскохозяйственного рабочего, по японским официальным данным, составляла около 50 сен в день.

Таким образом, в результате колонизаторской политики японцев подавляющее большинство населения корейской деревни являлось полупролетариями и пролетариями. Они не могли обеспечить свое существование, даже прибегая к побочным заработкам на стороне.

Хозяйства середняцкого типа, обеспечивающие свое существование главным образом собственным трудом, в Корее составляли примерно около 15% общего числа хозяйств. Среднее крестьянство в большинстве своем также сводило бюджет с дефицитом, часто прибегало к займам, отходничеству. Этот слой крестьянства в условиях колониального режима, под гнетом корейских и японских помещиков, а также японского финансового капитала, неуклонно вымывался.

---

[1] «Тёсэн кэйдзай кэнкю», H. K. Lee. Land utilization and rural economy in Korea. Шанхай, 1936.

Процесс социальной дифференциации корейской деревни нашел свое выражение не только в обезземеливании, разорении основной массы крестьянства, превращении ее в безземельных арендаторов, батраков, пауперов, но и в выделении, правда немногочисленной, прослойки зажиточного крестьянства. Выделение зажиточной верхушки, предъявлявшей постоянный спрос на наемную рабочую силу, шло главным образом среди крестьян-собственников[1].

К зажиточной верхушке в Корее относились также и крупные арендаторские хозяйства. Крестьяне, арендовавшие свыше 5 чонбо земли, несомненно, представляли собой также кулацкую прослойку, выкристаллизовавшуюся в корейской деревне. В руках зажиточной прослойки корейской деревни были сконцентрированы значительные площади арендованной земли. Так, в 1938 г. в Корее имелось 13 тыс. хозяйств арендаторов, обрабатывавших крупные участки земли размером свыше 5 чонбо (из них 2 тыс. хозяйств размером от 10 до 20 чонбо), и 9 тыс. хозяйств полуарендаторов (арендовавших участки размером свыше 5 чонбо), причем из них около 1 тыс. хозяйств располагали крупными земельными участками размером от 10 до 20 чонбо. Необходимо подчеркнуть, что японская статистика не отделяла сельские хозяйства, принадлежавшие корейцам, от хозяйств, принадлежавших японцам. Совершенно несомненно, что наиболее крупные хозяйства, применявшие рабочую силу, а также арендовавшие наиболее крупную площадь земли, принадлежали японцам.

Кулацкая верхушка деревни держала в своих руках средства производства — ирригационные сооружения, сельскохозяйственные орудия, рабочий скот, используя их для эксплуатации неимущих крестьян.

Японские империалисты опутали сельское хозяйство Кореи сложнейшей системой капиталистической и феодальной эксплуатации. Корейское сельское хозяйство было подчинено интересам японского империализма. Японские монополии широко использовали феодальные методы эксплуатации корейского крестьянства для извлечения максимальных прибылей.

Полуфеодальные отношения в корейской деревне были наиболее ярко выражены в кабальном характере арендных договоров. Большинство арендаторов имело только устные договоры. Согласно обследованию арендных договоров, проведенному в 1930 г., 73% всех договоров были устными и лишь 27% фиксированными[2]. Преобладающей формой договоров (около 70%) являлась краткосрочная аренда — всего на 1 год, реже — на

[1] H. K. Lee. Указ. соч.
[2] «Ниппон ногё нэмпо». Справочник. 1934 г.

3 года. Другой характерной особенностью арендных отношений было сохранение докапиталистической формы ренты — преимущественно продуктами. Сохранение натуральной формы ренты явилось одним из важных средств изъятия продовольствия из Кореи. Обследования показали, что в районах с преобладанием рисовых поливных полей существовала почти исключительно натуральная аренда, в виде фиксированной части урожая. Денежная аренда встречалась лишь в немногих провинциях Кореи, преимущественно в районах распространения сухих полей[1].

Арендная плата, включая различного рода поборы, даже по японским официальным данным, доходила до 80—90% урожая[2]. Земельная рента, присваиваемая помещиками и японскими компаниями, в целом составляла не менее двух третей валовой продукции сельского хозяйства Кореи[3].

Во всех случаях на арендатора прямо или косвенно перекладывались земельные и другие налоги, транспортные расходы по доставке урожая, взимались различные феодальные поборы.

Отношения между помещиками и арендаторами содержали элементы личной зависимости. Значительное распространение имела отработочная рента. В корейской деревне были сохранены старые феодальные формы барщины в виде отработок определенного количества дней в году бесплатно на земле помещика. Личная зависимость крестьянина от помещика выражалась и в фактическом прикреплении его к земле. Крестьянин не мог по собственному желанию оставить свое хозяйство, хотя помещик мог согнать его с земли в любое время.

Крестьяне-арендаторы подвергались дополнительной эксплуатации и со стороны управляющих и надсмотрщиков помещика,

---

[1] «Ниппон ногё нэмпо». Справочник. 1934 г.

[2] «Тёсэн кэйдзай кэнкю».

[3] Вот что рассказал о жизни корейского крестьянина в деревне Ченсанри в период господства японских колонизаторов председатель Народного комитета уезда Кансо Пак Кван Су: «Ни одно из ста одиннадцати хозяйств этой деревни не имело земли. Крестьяне арендовали крохотные участки у помещика и обязаны были отдавать ему шестьдесят процентов урожая в качестве аренды, не считая особой платы за орошение. Кроме того, крестьянин платил государственный налог и вносил всевозможные пожертвования, которых набиралось до пятидесяти двух видов. Они отнимали почти треть дохода. Таким образом, крестьянину оставалось не больше одной десятой его урожая. Этого нехватало даже до декабря.

В деревне Ченсанри царили голод и нищета. Крестьяне жили в полуразвалившихся тростниковых лачугах, по нескольку семей в каждой. Многие вовсе не имели домов и ютились в пещерах. Дети умирали от постоянного недоедания. Медицинской помощи деревня не знала.

Из двухсот тысяч населения Ченсанри только восемь были грамотны» (А. Васильев, И. Волк, В. Корнилов. Корея в борьбе. М., 1951, стр. 37).

повышавших на 5—10% арендную плату в свою пользу, пользовавшихся бесплатным трудом арендаторов и обиравших крестьян различными другими путями.

Японские колониальные власти возродили феодальные методы контроля в корейской деревне: порядок круговой поруки, подобный средневековой системе «Гонин гуми» (пятидворки), т. е. систему массового шпионажа, при которой каждый член такой группы отвечал за всех членов, нес ответственность за невзнос другими арендной платы, налогов и т. п., подвергаясь репрессиям со стороны колониальных властей. Эта система служила целям подавления борьбы трудящегося крестьянства за свои права, за землю, за уменьшение арендной платы, за облегчение налогового бремени и т. д.

Феодально-крепостническая эксплуатация крестьян и налоговый гнет создавали благоприятную почву для ростовщической эксплуатации крестьянства. Не имея средств к существованию, крестьянин попадал в кабалу к ростовщикам, в роли которых очень часто выступали помещики. 90% задолженности арендаторских хозяйств составляли «личные» долги ростовщикам. Нарушение долговых обязательств влекло за собой конфискацию земли, имущества, урожая. Таким образом, ростовщическая эксплуатация крестьянства ускоряла процесс экспроприации земельной собственности, способствовала концентрации земли в руках ростовщиков, спекулянтов, банков, колониальных компаний и обнищанию крестьянства.

Полуфеодальная эксплуатация в корейской деревне тесно сочеталась и переплеталась с капиталистической эксплуатацией новейшего финансового капитала. Установление низких цен на продукты сельского хозяйства и монопольно высоких на ввозимые из Японии залежалые промышленные товары являлось одним из важных средств извлечения максимальных прибылей японскими монополиями.

Одним из важных средств эксплуатации являлось налоговое обложение. С 1909 по 1940 г. общая сумма поземельного налога выросла в полтора раза. В еще большей степени возросли косвенные налоги, всей своей тяжестью ложившиеся на трудящиеся массы. Так, налоги на потребление сахара только за 1936—1940 гг. возросли с 3,2 млн. до 5,5 млн. иен. Налоги на табак, соль, жень-шень в 1929 г. составили 38,9 млн. иен, а в 1940/41 г.— около 48 млн. иен[1]. К этому следует добавить деятельность колониальных, в первую очередь ипотечных, банков и связанной с ними кредитной кооперации, ирригационных обществ и колониальных компаний.

Японские колониальные банки держали в своих руках

[1] «Тёсэн нэнкан», 1941.

весь сельскохозяйственный кредит, включая кредитную кооперацию, оперировавшую в основном средствами Промышленного банка и служившую важным орудием закабаления крестьянства. Кредитная кооперация являлась широко разветвленной системой ростовщичества в корейской деревне. Средства кредитных кооперативов (при выдаче ссуды требовалась гарантия) использовались помещиками и кулацкой верхушкой деревни для широкой ростовщической деятельности. Получая ссуды из расчета 11,3% годовых[1], корейские помещики и кулаки предоставляли ссуды крестьянам нередко из расчета 80—90% годовых.

Система искусственного орошения, захваченная японцами в Корее, также была одним из дополнительных средств закабаления и эксплуатации корейского крестьянства японским финансовым капиталом. Около 1750 тыс. чонбо, или 38% обрабатываемой площади Кореи, приходилось на долю рисовых поливных полей. Лишь незначительная часть — всего 522 тыс. чонбо — орошалась естественным путем (дождевой водой), остальные 1228 тыс. чонбо зависели от искусственного водоснабжения. Введенные японцами законы об ирригационных обществах 1906, 1917, 1919 и 1920 гг. обеспечивали монопольное положение японцев в этой области. Японским капиталистам, вкладывавшим свои капиталы в ирригационные сооружения Кореи, предоставлялись крупные субсидии.

Высокая плата за орошение (она была вдвое выше, чем в Японии) и паевые взносы ирригационным обществам усиливали разорение корейского крестьянства. Созданная в целях увеличения продукции риса и вывоза его в Японию, ирригационная система представляла собой один из важных рычагов японской колониальной политики в Корее. Владение ирригацией стало мощным орудием разорения и экспроприации корейского крестьянства и обогащения японских монополий.

Японский монополистический капитал грабил корейское крестьянство путем установления японскими экспортными компаниями монопольно низких цен на продукты сельского хозяйства. Экспорт важнейших сельскохозяйственных продуктов из Кореи находился в руках японских монополистических компаний, главным образом концерна Мицуи. Японский монополистический капитал господствовал и в промышленности, перерабатывавшей сельскохозяйственное сырье на месте. В то же время корейское крестьянство вынуждено было покупать по монопольно высоким ценам потребляемые в сельском хозяйстве промышленные изделия (удобрения, сельскохозяйственный

---

[1] Банки предоставляли кредиты японским предпринимателям из расчета 6,6% годовых (1938 г.).

инвентарь и т. д.), которые ввозились из метрополии или производились японскими монополиями в Корее. Сюда относятся также предметы первой необходимости (соль, табак), продажа которых являлась японской государственной монополией.

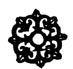
Господство японского империализма, помещичья монополия на землю, двойной гнет феодальной и капиталистической эксплуатации препятствовали развитию производительных сил в сельском хозяйстве Кореи, обусловили его застой и упадок.

* * *

Сорок лет японской оккупации причинили неисчислимый ущерб народному хозяйству Кореи, затормозили его развитие, придали ему уродливый характер. Корейская экономика была поставлена на службу агрессивной, захватнической политике японского империализма и подчинена его алчным стремлениям, она была включена в систему японского военного хозяйства, которая была создана японскими монополиями, мечтавшими осуществить свои бредовые планы мирового господства.

В связи с этим японские империалисты стали на путь создания в Корее некоторых отраслей промышленности, главным образом имеющих военное значение. В Корее были созданы крупные промышленные предприятия и вместе с ними появился относительно многочисленный современный промышленный пролетариат.

Это обстоятельство имело решающее значение для судеб корейского народа. Молодой корейский пролетариат превратился в ту силу, которая смогла возглавить национально-освободительное движение корейского народа и привести его к победе. Гегемония пролетариата в этом движении явилась важнейшей предпосылкой успехов, достигнутых корейским народом в его борьбе против империализма, за освобождение Кореи от колониального гнета и превращение ее в свободную республику народной демократии.



О. П. ПЕТРОВА

КОРЕЙСКИЙ ЯЗЫК И ПИСЬМЕННОСТЬ

На корейском языке говорит 30-миллионный корейский народ, в жестокой и героической борьбе с американским империализмом отстоявший свою честь, свободу и независимость.

Корейский полуостров с прилегающими островами является основной территорией распространения корейского языка, но, кроме того, на этом языке говорят корейское национальное меньшинство Советского Союза, корейцы, проживающие в Северо-Восточном Китае, корейцы, живущие в Японии, а также корейские эмигранты в разных странах. Творцом и носителем корейского языка является корейский народ, один из древних народов Азии.

Некоторые представители сравнительного языкознания относят корейский язык к алтайским языкам. Если в словарном составе корейского языка много слов китайского происхождения, то в основном словарном фонде имеется некоторое количество корней, общих с тунгусо-маньчжурскими языками. Как показал в своем труде «Марксизм и вопросы языкознания» И. В. Сталин, именно основной словарный фонд и грамматический строй языка составляют основу языка; в них реализуются важнейшие закономерности языка, в них заключены специфические особенности, присущие только данному языку. У каждого рода, племени формируется и складывается свой язык, общий для данного рода, племени.

С развитием общинно-родового строя, с расчленением и объединением родов внутри племен, с созданием союзов племен, образованием народностей, наций происходит образование и развитие языков родов, племен, народностей и наций. Это чрезвычайно длительный и сложный процесс, который в каждом конкретном случае связан с историей любого народа, язык которого является предметом исследования.

Развитие языков народностей в национальные языки находится в непосредственной связи с историей образования и развития наций.

«...С появлением капитализма, — писал И. В. Сталин, — с ликвидацией феодальной раздроблённости и образованием национального рынка народности развились в нации, а языки народностей в национальные языки»[1].

Отсутствие широких экономических и политических связей между отдельными районами феодальной Кореи накладывало на жизнь населения особые черты и поддерживало существование местных диалектов, обслуживавших всю народную массу на большей или меньшей территории страны; полного исчезновения различных местных диалектов в едином национальном языке при таких условиях произойти не могло, однако процесс этот все же шел. Превращение Кореи в колонию японского империализма задержало этот процесс, в силу чего в период японской оккупации местные диалекты корейского языка продолжали существовать, не исчезая в национальном языке, в основу которого лег сеульский диалект. Так, например, в корейском языке выделяются северные и южные диалекты. Северные диалекты в свою очередь подразделяются на северо-восточные и северо-западные, а южные — на юго-восточные и юго-западные говоры. Несколько отдельно стоят диалекты центральной части Кореи и диалект о-ва Чечжудо, который хотя и близок к южным диалектам, но имеет некоторые присущие только ему особенности. Изучение корейских диалектов оставалось вне поля зрения лингвистов до самого последнего времени.

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ КОРЕЙСКОГО ЯЗЫКА

Начало изучения корейского языка корейские историки относили к 1444 г. н. э., когда королем Сэчжоном была учреждена коллегия по выработке фонетических знаков для корейской письменности. Члены этой коллегии, ученые Чон Ин Чжи, Син Сук Чу, Сон Сам Мун и Чхё Хён, были крупнейшими фонетистами своего времени. Они провели большую исследовательскую работу по фонетике корейского языка, выделив согласные и гласные звуки и расположив корейские согласные по артикуляционному принципу. Хотя им и были, вероятно, известны фонетические алфавиты того времени (уйгурский, тибетский, санскритский), но они составили, пользуясь консультацией китайского ученого Хуан Цзаня, собственную ори-

[1] И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания. Госполитиздат, 1952, стр. 13.

гинальную систему фонетических знаков. Но через пятьдесят лет с небольшим указом короля Ён Сан Гуна, правившего с 1494 по 1506 г., корейская письменность была запрещена. Применение знаков корейского алфавита было разрешено только для транскрипции произношения китайских иероглифов. Вместе с запрещением корейской письменности были уничтожены и государственные учреждения по изучению корейского языка. Корейский фонетический алфавит был по существу обречен на подпольное существование и сохранялся среди немногих ученых, интересовавшихся родным языком, и буддийских монахов, передававших его из поколения в поколение. Являясь, однако, наиболее доступной формой письменности, корейский алфавит постепенно проникал и в народные массы, в частности как единственная форма письменности, доступная женщинам, не получавшим китайского образования.

После указов короля Ён Сан Гуна изучение корейского языка тормозилось в течение столетий. Только в 1907 г.[1], при министерстве просвещения Корейской империи было создано «Общество изучения национальной письменности» («Кунмун ёнгухё»), перед которым были поставлены задачи: изучать историю родного языка, исследовать произношение и письменность, установить унифицированную орфоэпию и разработать фонетические нормы и орфографические правила. Но деятельность этого общества в условиях политики насильственного внедрения японской культуры и языка, проводимой в Корее японскими захватчиками, дальнейшего развития не получила, и вскоре оно прекратило свою работу.

В начале XX в. среди корейских ученых выдвигается языковед Чу Си Гён.

Чу Си Гён является основоположником современного корейского языкознания. Всю свою короткую жизнь (1876—1914) он посвятил изучению родного языка и был передовым для своего времени ученым, боровшимся за утверждение корейского национального языка. Им написан ряд интересных работ: «Необходимость национального языка и письменности» («Кугова кунмуны пхильё»; 1907 г.), «Фонетика корейского языка» («Чосон-о мунчон ымхак»; 1908 г.), «Грамматика корейского языка» («Чосон мунпоп»; 1909 г.), «Звуки речи» («Мары сори»; 1914 г.), в которых он кодифицировал орфографические и грамматические нормы корейского языка. До Чу Си Гёна не было

---

[1] Обзору истории организаций, занимавшихся изучением корейского языка в Корее, посвящена статья корейского лингвиста Ли Ман Гю «Очерк истории организаций по изучению национальной письменности», помещенная в журнале «Изучение корейского языка» (Пхеньян, 1949, № 1), данные которой здесь используются.

никаких орфографических правил, а писали фонетически. Чу Си Гён же ввел морфологическую орфографию.

В 1910 г. Корея была превращена в японскую колонию. За десятилетний период, прошедший после присоединения Кореи к Японии и до национально-освободительной борьбы корейского народа в 1919 г., в Корее никаких национальных научно-исследовательских организаций не допускалось. Напуганные мощным народным движением, японские колонизаторы вынуждены были разрешить создание нескольких корейских научных обществ. В 1921 г. группой корейских лингвистов было создано «Общество изучения корейского языка» («Чосон'о ёнгухё»), переименованное в 1931 г. в «Научное общество изучения корейского языка».

Значительное место в изучении корейского языка занимает виднейший современный корейский языковед, председатель Президиума Верховного народного собрания Ким Ду Бон. Начав свою научно-исследовательскую деятельность в Корее, находившейся под гнетом японских империалистов, он продолжал ее, будучи в эмиграции в Китае, и не прекращает и в настоящее время. С 1916 г. Ким Ду Бон является ярым поборником реформы корейской грамматики и выступает с публичными лекциями на эту тему. В 1916 г. была издана получившая широкую известность его «Грамматика корейского языка» («Чосон мальбон»). В 1923 г., находясь в эмиграции в Шанхае, он издал «Полную грамматику корейского языка» («Кипто чосон мальбон»).

Ким Ду Бон, член Международной фонетической ассоциации, сделал фонетическое описание корейского языка, использовав международную фонетическую транскрипцию. Он неустанно пропагандировал изучение корейского языка, стараясь привлечь к нему внимание ученых мира и вывести его из той недоступности, которую создали вокруг него японские империалисты.

После освобождения Кореи Советской Армией Ким Ду Бон, несмотря на свою загруженность государственной работой, продолжает свои лингвистические исследования в области корейского языка.

Стремясь воспрепятствовать формированию корейского национального языка, японские империалисты в 1934 г. организовали «Общество упорядочения корейского языка и письменности» («Чосон омун чонни кисахё»), в которое объединили предателей корейского народа в области науки о языке. В 1943 г. японские власти бросили в тюрьму 28 членов «Научного общества изучения корейского языка» за их патриотическую деятельность по пропаганде корейского языка. Двое из этих ученых умерли, не дождавшись освобождения.

Ни эпоха феодализма, ни в особенности период японского господства в Корее, когда изучение и пропаганда корейского языка жестоко преследовались японскими колонизаторами, не создавали условий для широкого распространения изучения корейского языка. Только после освобождения Кореи в августе 1945 г. доблестной Советской Армией появилась возможность свободного изучения корейского языка в северной части страны, развитие которой после освобождения идет по народно-демократическому пути.

Пионером изучения корейского языка в России был Михаил Пуцилло, издавший в 1874 г. в Петербурге «Опыт русско-корейского словаря». Пуцилло был чиновником особых поручений при Приморском областном правлении, на которого «было возложено устройство поселений и вообще заботы о переселившихся в русские владения корейцах», как он пишет в предисловии к своему словарю. Словарь М. Пуцилло интересен тем, что он отразил диалект крайнего северо-востока Кореи. В 1898 г. было начато преподавание корейского языка в Петербургском университете.

В 1901 г. в целях подготовки практических переводчиков корейского языка была организована кафедра корейского языка при Восточном институте во Владивостоке. Эту кафедру в течение двадцати с лишним лет возглавлял профессор Г. В. Подставин, составивший много учебных пособий для студентов-кореистов.

В 1900 г. в Хабаровске было издано «Элементарное пособие к изучению корейского языка», автором которого был К. Кузьмин. В 1904 г. вышел «Опыт краткого русско-корейского словаря» в Казани.

После присоединения Кореи Япония ревниво следила за тем, чтобы Корея не делалась объектом исследования со стороны иностранных ученых, и создала вокруг Кореи атмосферу совершенной недоступности и полной изоляции от ученого мира. В особенности это касалось русских ученых.

Теоретические труды о корейском языке начали появляться только в советское время. В области теоретического исследования грамматики корейского языка имеются работы профессора Ленинградского государственного университета А. А. Холодовича, издавшего в 1937 г. «Грамматику корейского языка. Часть 1. Морфология», в 1938 г.— «Строй корейского языка». В советское время началась также подготовка научных кадров по корейскому языку в Московском институте востоковедения и в Ленинградском университете, прерванная Великой Отечественной войной 1941—1945 гг. После окончания войны возобновилась и несравненно расширилась подготовка научных кадров по корееведению в вузах Москвы и Ленинграда. Благодаря

великой и нерушимой дружбе советского и корейского народов крепнут научные связи между обеими странами, оживляются обмен научным опытом. Великий Советский Союз широко и бескорыстно помогает культурному строительству молодой Корейской Народно-Демократической Республики. Результаты этой дружеской помощи, несомненно, покажут себя и в области корейского языкознания.

СТРОЙ КОРЕЙСКОГО ЯЗЫКА

По своей морфологической структуре корейский язык относится к типу агглютинирующих языков, т. е. языков, в которых грамматическая функция слов выражается аффиксами, прибавляемыми к основе слова. Однако в чистом виде агглютинирующих языков не существует; в корейском языке также заметно усиление флективизации, слияние корня — основы слова с окончаниями и даже зачатки видоизменения самого корня слова.

В корейском языке нет артиклей, нет категории грамматического рода, нет родовых различий в личных местоимениях. Глаголы не изменяются по лицам и числам. Корейские прилагательные спрягаются подобно глаголам, и по существу прилагательные и глаголы состояния почти идентичны. Глаголы, как и прилагательные, имеют чрезвычайно развитые формы спряжения в плане градации вежливости. Эти формы настолько детализированы, что, например, корейские женщины употребляют в разговоре с мужем одни формы, с сыном—другие и т. д. Дети в разговоре с родителями употребляют одни формы, родители в разговоре с детьми — другие; рабочие и служащие в обращении друг к другу — одни формы, в обращении к посторонним — другие, в обращении к начальству — третьи; студенты в обращении к товарищам — одни формы, к преподавателям — другие, к ректору — третьи. Такая ступенчатость форм существует почти во всех языках, только в других языках имеется две ступени (речь вежливая, на «вы», и фамильярная, на «ты»), а в корейском языке таких ступеней пять. Эта многоступенчатость форм глаголов и прилагательных нейтрализуется там, где нет прямого обращения к собеседнику, а именно в печати — в научной, публицистической и художественной литературе.

ФОНЕТИКА

В произношении корейского языка имеется легкий носовой резонанс. В произношении имеется незначительное динамическое ударение, не могущее, однако, служить смыслоразличительным средством. Акцентуация применяется в основном для подчеркивания значения отдельного слова или отдельной части предложения.

Современный корейский язык в литературном произношении имеет 20 согласных и 10 гласных звуков. В диалектах это число звуков варьирует как в сторону увеличения, так и в сторону уменьшения. В корейском языке ни один согласный звук не произносится без гласного — гласный должен или предшествовать согласному или следовать за ним. Согласные звуки корейского языка разделяются по месту артикуляции на губные, зубные, переднеязычные, среднеязычные, заднеязычные и гортанные; по характеру звука — на шумные и сонорные. Шумные в свою очередь подразделяются на смычные и щелевые, а сонорные — на носовые и плавные.

Для обозначения звуков корейского языка в данной статье условно принимаются буквы русского алфавита:

Губные

1. Корейский звук *п* (в корейской письменности изображается знаком ㅂ) — полуглухой в начале и на конце слова; в середине слова, после гласных и носовых согласных, озвончается. Поэтому в русской транскрипции для этого звука вводятся две буквы: *п* и *б*.

Примеры: *паль* — «нога», *ип* — «рот», но в творительном падеже *п* озвончается и звучит как *б*: *ибыро* — «ртом»; *намби* — «кастрюля», «сковорода»; *ораби* — «брат» (по отношению к сестре).

2. Корейские взрывные звуки имеют три разновидности. Так, звуку *п* противопоставляется не звонкий звук *б*, а придыхательный *п* — *пх* (в корейской письменности изображается знаком ㅍ). Этот звук произносится с сильным придыханием, тогда как *п* — слабый смычный звук, произносимый без придыхания.

Примеры: *паль* — «нога», но *пхаль* — «рука»; *ап* — «вперед», но *апхэ* — «впереди»; *нопта* — «быть высоким», но *нопхын* — «высокий».

3. Произношение третьей разновидности взрывных смычных звуков отличается от произношения соответствующих им слабых смычных тем, что взрыв смычки сопровождается еще гортанным взрывом. Это — выразительно произносимые, сильные звуки. В русской транскрипции, как и в корейской письменности, они передаются через удвоения соответствующих букв; так, губной звук *п* с гортанным взрывом передается через *пп* (ㅃ).

Примеры: *пукта* — «быть красным»; *ппальгатха* — «быть огненно-красным»; *ппарыда* — «быть быстрым»; *ппачжида* — «попасть» (например, в яму).

4. Губной звук *м* (ㅁ), носовой, сонорный, близок по произношению русскому звуку *м*.

Переднеязычные

5. Звук *т* (ㄷ) — полуглухой в начале слова; в подчиненной позиции, между гласными, озвончается, поэтому в русской транскрипции изображается буквами *т* и *д*.

Примеры: *таль* — «луна»; *пада* — «море»; *сада* — «покупать»; *тарыда* — «отличаться».

6. Звуку *т* противопоставляется придыхательный звук *тх* (ㅌ). Так же, как придыхательный звук *пх*, этот звук произносится с сильным придыханием.

Примеры: *таль* — «луна», но *тхаль* — «маска»; *токки* — «топор», но *тхокки* — «заяц».

7. Взрывным смычным *т* с гортанным взрывом является звук *тт* (ㄸ).

Примеры: *таль* — «луна», но *тталь* — «дочь»; *та* — «все», но *тта* — «земля», «почва».

8. Звук *с* (ㅅ), щелевой, слабый, близок русскому звуку *с*, но несколько мягче, шепелявее.

Примеры: *сада* — «покупать»; *сарам* — «человек»; *сори* — «голос».

9. Звуку *с* противопоставляется сильный звук *сс* (ㅆ).

Примеры: *саль* — «стрела», но *ссаль* — «очищенный рис»; *сада* — «покупать», но *ссада* — «быть дешевым»; *си* — «время», но *сси* — «семя», «зерно»; *сирым* — «забота», но *ссирым* — «борьба».

10. Переднеязычным, сонорным, носовым является звук *н* (ㄴ), близкий по звучанию русскому *н*.

Примеры: *нара* — «страна»; *ын* — «серебро»; *наму* — «дерево».

11. Переднеязычным сонорным боковым дрожащим является звук *р* (ㄹ), чередующийся с *л* (ль); в исходе слова и перед согласными он произносится как *л* (ль), а между гласными и перед *х* — как одноударный звук *р*.

Примеры: *каыль* — «осень»; *альтха*—«быть больным»; *сарам* — «человек»; *ир*[*х*]*ын* — «семьдесят».

Среднеязычные

12. Среднеязычным, смычным аффрикатом является звук *ч* (ㅈ). Хотя в русской транскрипции этот звук и транскрибируется буквой *ч*, но нужно сказать, что он значительно отличается по произношению от русского звука *ч*.

Примеры: *чада* — «спать»; *чакта* — «быть маленьким», *чип* — «дом».

Между гласными и после носовых этот звук несколько озвончается и звучит ближе к *j* в английском слове *just*; в этих случаях в русской транскрипции его можно передать через сочетание букв ***чж***, хотя это будет далеко не точная передача характера этого звука.

Примеры: *чочжин* — «мокрый»; *качжида* — «иметь».

13. Звуку ***ч*** противопоставляется придыхательный звук ***чх*** (ㅊ в корейской письменности).

Примеры: *чида* — «становиться», но *чхида* — «бить»; *чада* — «спать», но *чхада* — «быть холодным»; *чуда* — «давать», но *чхуда* — «хвалить».

14. Имеется также отчетливо произносимый, сильный звук, сопровождаемый гортанным взрывом, который передается в русской транскрипции так же, как и в корейской письменности, через удвоение буквы ***ч*** — ***чч*** (ㅉ).

Примеры: *чада* — «спать», но *ччада*—«вязать»; *чида*— «носить на спине», но *ччида* — «па́рить»; *чак-чак* — «маломалу», но *ччак-ччак* — «хрустя», «треща» (под ногами), «с хрустом», «с треском».

15. Среднеязычным сонорным является полугласный звук ***й*** (в корейской письменности до сих пор он не имел обозначения и только в проекте реформированного алфавита, созданном в 1949 г. в Корейской Народно-Демократической Республике, этому звуку присвоена буква ***I***). От этого звука зависит йотирование гласных ***йа — я***, ***йо — ё***, ***йу — ю***, для которых в корейской письменности имеются специальные буквы.

Заднеязычные

16. Звук ***к*** (ㄱ) — полуглухой; в исходе слова он ближе к ***к***, в начале слова произносится с очень слабой смычкой, но в середине слова, а также между гласными несколько озвончается и звучит ближе к *г*.

Примеры: *када* — «идти»; *киппуда*—«быть радостным»; *сок* — «внутри»; *тольгуда* — «кружить»; *нугу* — «кто».

17. Звуку ***к*** противостоит придыхательный звук ***кх*** (ㅋ в корейской письменности).

Примеры: *каль* — «дуб», но *кхаль* — «нож»; *кида* — «ползать», но *кхида* — «выкапывать».

18. Взрывным смычным с гортанным взрывом является звук ***кк*** (ㄲ в корейской письменности). Подобно другим звукам этого типа, это — сильный звук, отчетливо произносимый с гортанным взрывом.

Примеры: *кот* — «место», но *ккот* — «цветок»; *куль* — «устрица», но *ккуль* — «мед»; *каматха* — «быть черным», но *ккаматха* — «быть черным, как смоль».

19. Заднеязычным сонорным носовым является звук, близкий к английскому *ŋ* (ㆁ) в словах *long*, *strong*, *sing*. В русском языке подобного звука нет, поэтому для его изображения в русской транскрипции условно применяется сочетание букв ***нъ***. Этот звук может быть только конечным в слоге, но не начальным.

Примеры: *сан* — «гора», но *санъ* — «награда»; *тан* — «связка», «вязанка» (дров), но *танъ* — «партия»; *ттан* — «другой», но *ттанъ* — «земля».

20. Гортанный щелевой звук *х* (ㅎ) произносится только тогда, когда следующий за ним гласный произносится достаточно напряженно; если такого напряжения нет, то звук *х* исчезает. Главным образом этот звук встречается в начале слова, но в диалектах в исконных корейских словах он бывает также во втором и третьем слогах.

Примеры: *хана* — «один»; *хада* — «делать»; *хё* — «язык»; *хоми* — «мотыга».

Согласные ***п***, ***пх***, ***пп***, ***т***, ***тх***, ***тт***, ***к***, ***кх***, ***кк***, ***ч***, ***чх***, ***чч***, ***с***, ***сс***, ***м***, ***н***, ***нъ***, ***р|л***, ***х*** имеют соответственные мягкие вариации, которые в транскрипции обозначаются буквами, употребляемыми для обозначения соответствующих твердых в сочетании с последующими: ***я***, *** ӭ***, ***ё***, ***ю***, ***е***, ***и***.

Как указывалось выше, в стандартном корейском языке имеется 10 гласных:

1. ***а*** (ㅏ) нормальный широкий звук ***а***, как в русском слове «азбука»; затруднений при произношении не встречается.

Примеры: *альда* — «знать»; *када* — «идти».

2. ***э***. (ㅓ)—неогубленный звук ***о***; произносится с растянутыми, а не выдвинутыми вперед губами, несколько напоминает первое ***о*** в русском слове «окно».

Примеры: *эмэни* — «мамаша»; *эльмана* — «сколько»; *эрида* — «быть юным»; *этта* — «получать».

3. ***о*** (ㅗ) — огубленный звук ***о***. При практической транскрипции корейских слов знаками русской графики обычно и огубленный и неогубленный корейские звуки ***о*** изображаются буквой ***о***, но нужно помнить, что в корейском языке это — два различных звука и от неправильного произношения их происходит искажение смысла.

Пример: *ода* — «приходить», но *эда* — «замерзать».

4. Корейский звук ***у*** (ㅜ) близок по произношению русскому ***у***.

Примеры: *ури* — «мы»; *утта* — «смеяться».

5. В речи корейский звук ***ы*** (—), в отличие от русского ***ы***, произносится со стиснутыми зубами.

Пример: *чигым* — «теперь»; *ын* — «серебро».

6. При произношении корейского звука ***и*** (ㅣ) затруднений

не встречается. Это звук, довольно близкий русскому *и* в слове «игла».

Примеры: *и* — «зуб», *киппыда* — «быть радостным»; *киль* — «дорога».

Эти шесть гласных звуков исторически являются наиболее древними в корейском языке, но к ним нужно добавить еще четыре более поздних по происхождению гласных, исторически восходящих к ассимилированным дифтонгам. Таковы:

7. ***ä*** (ㅐ) — широкий передний звук ***а***.

Примеры: *ä* — «ребенок»; *кä* — «собака»; *чхäк* — «книга».

Этот монофтонг восходит к дифтонгу ***аи***, что отразилось в корейской орфографии, так как нет специального знака для этого гласного звука и он изображается сочетанием знаков.

8. ***э*** (ㅔ) — звук, близкий русскому ***э***. Исторически восходит к дифтонгу ***эи***, что отмечается корейской орфографией.

Примеры: *ттä* — «время» (때), но *ттэ* — «толпа» (떼).

Примечание. В практической русской транскрипции различия в изображении этих двух звуков не делается и они оба передаются через букву *э*. Однако по соображениям более точной передачи характера корейских гласных в настоящей статье, как справочной, считаем необходимым ввести это различие.

9. ***ӧ*** (ㅚ). Произношение этого звука близко к немецкому ***ö*** (Umlaut) в словах *möglich*, *schön*. Исторически этот звук восходит к дифтонгу ***ои***, что и отражено в корейском правописании.

Примеры: *ӧгук* (외국) — «иностранное государство»; *ӧтху* — (외투) «пальто».

10. ***ӱ*** (ㅟ) — звук, близкий к немецкому ***ü*** (Umlaut) в словах *über*, *Hütte*, *Übung*. Восходит к дифтонгу ***уи***, что и отражено в корейском правописании.

Примеры: *ӱхаё* — «ради», «из-за», «для»; *чхуӱ* — «холод»; *ӱсäнъ* — «гигиена».

Гласные ***а***, ***э***, ***о***, ***у***, предшествуемые среднеязычным сонорным полугласным звуком ***й***, йотируются и звучат как ***я***, ***ӭ***, ***ё***, ***ю***. В корейском алфавите имеются специальные буквы для обозначения этих палатализованных гласных, поскольку корейцы считали их за отдельные гласные ㅑ ***я***, ㅕ ***ӭ***, ㅛ ***ё***, ㅠ ***ю***. Кроме того, нужно отметить, что в современном корейском произношении есть два йотированных звука ***е***. Один звук широкий, восходящий к дифтонгу ***йä***(ㅣㅐ), а другой более узкий, восходящий к дифтонгу ***иэ*** (ㅣㅔ); последний очень близок по произношению русскому ***е*** в слове «ель», первый же в корейском языке встречается очень редко. При транскрипции оба эти звука передаются через русскую букву ***е***.

Из дифтонгов в собственном значении этого слова в современном корейском языке остался только ***ый*** (ㅢ).

Гласные в корейском языке различаются по долготе и краткости. От долготы гласных часто зависит смысловое различие слов.

Примеры: *пам* — «ночь», но *па̄м* — «каштан»; *нун* — «глаз», но *нӯн* — «снег»; *пёнъ* — «бутылка», но *пё̄нъ* — болезнь; *пэм* — «всякий», но *пэ̄м* — «тигр»; *маль* — «лошадь», но *ма̄ль* — «речь», «слово»; *там* — «забор», но *та̄м* — «мокрота».

Различие между долготой и краткостью гласных в первом слоге более важно, чем в последующих, если слово чисто корейское; но если слово китайского происхождения, сложенное из китайских моносиллабических корней, то нужно учитывать, что все китайские слоги четко различаются по долготе и краткости гласных.

Состав слогов в корейском языке строго ограничен. Имеются четыре типа слогов (г — гласный, с — согласный): г (*и* — «человек», «персона»); г+с или с + г (*оль* — «этот год»; *си* — «час»); с + г + с или г + с + с (*пам* — «ночь»; *ольх* + *та* — «быть правильным»); с + г + с + с (*ныльк*+*та*: «быть старым»).

Примечание. Слоги типа г + с + с и с + г + с + с являются этимологическими, а не фонетическими единицами: произносится *ольта*, ***ныкта***.

ЛЕКСИКА

На протяжении многих сотен лет существовал контакт корейского языка с китайским. В результате корейский язык, сохраняя свой грамматический строй, свой основной словарный фонд, развивался по своим внутренним законам, чрезвычайно обогащаясь за счет словарного состава китайского языка. В этом отношении влияние китайского языка и его лексики было совершенно исключительным. Это объясняется, во-первых, внедрением в Корею китайской иероглифической письменности, начало проникновения которой современные корейские лингвисты датируют рубежом II—I вв. до н. э. Китайская иероглифическая письменность вплоть до середины XV в., когда был изобретен собственный корейский фонетический алфавит *онмун*, была в Корее единственной формой письменности. Во-вторых, со второй половины VII в древнее корейское королевство Силла, добровольно признав себя и остальную Корею вассалом Китая, приняло китайский язык в качестве государственного официального языка. Хотя эта вассальная зависимость Кореи на протяжении последующих веков неоднократно прерывалась, все же китайский язык продолжал оставаться государственным языком вплоть до конца XIX в., когда в январе 1895 г. последний корейский король династии Ли особым декретом объявил о полном отказе от китайского сюзеренитета. В корейском лите-

ратурном языке множество слов имеет китайско-иероглифическое происхождение.

Процесс формирования корейского общенародного языка был сложным и длительным. Протекал он не одновременно, с неодинаковой интенсивностью, не тождественно на всей территории Кореи. Корею населяли различные корейские племена со своими отдельными языками общего происхождения. Влиянию китайской культуры, а вместе с нею китайского языка и письменности подверглась ранее всего Северная Корея. Пхеньян, расположенный в северо-западной части Кореи, является одним из наиболее древних культурных районов Кореи. Сюда проникли раньше всего китайские колонисты и здесь возникла китайская колония Ло Лан. Археологические раскопки в Пхеньяне, на месте древнего кладбища этой китайской колонии, при которых были найдены лаковые сосуды с китайскими надписями I в. н. э., проливают свет на датировку начального периода проникновения китайского языка и письменности в Северную Корею.

Китайская колония Ло Лан в 313 г. н. э. была завоевана и разрушена Когурё — одним из сильнейших корейских племен, первым создавшим государство. На протяжении нескольких столетий колония Ло Лан существовала бок о бок с корейскими соседями и, естественно, служила для них источником китайских лексических заимствований, которые, безусловно, проникали еще до внедрения китайской письменности вместе с предметами китайской культуры и быта, как китайские наименования последних из живого китайского языка того времени. Впоследствии эти заимствования нашли свое отражение и в иероглифической письменности.

Заимствования китайской лексики в Южной Корее происходили значительно позже, так как непосредственный контакт с китайцами здесь отсутствовал. Датировки проникновения китайской письменности в Пэкче нет, не найдено также никаких следов письменных памятников. Поскольку, согласно корейским историческим источникам, буддизм проник в Когурё и в Пэкче одновременно, в конце IV в., а проповедниками его были китайцы — буддийские монахи, они, повидимому, и служили передатчиками китайской лексики в области абстрактных понятий, связанных с буддизмом. Естественно, что в корейском народном языке до появления буддизма слова для обозначения этих понятий еще отсутствовали.

Раскопки в Кёнчжу, древней столице государства Силла, на юго-востоке Корейского полуострова, свидетельствуют о высокой культуре государства Силла. Это государство находилось в тесном контакте с Китаем и с его помощью в 668 г. н. э. объединило под своей властью весь Корейский полуостров,

покорив Когурё и Пэкче; оно удерживало свое господствующее положение в течение 260 лет. В этот период с особой силой внедрялась китайская духовная и материальная культура. Поэтому большое количество китайских слов постепенно вошло в словарный состав корейского языка и немало чисто корейских слов заменилось китайскими. Такие китайские слова, вполне усвоенные корейским языком, сделались не только достоянием словарного состава корейского языка, но вошли и в его основной словарный фонд, превратившись в корневые слова. Корейский народный язык оставался средством устного общения, а китайский литературный язык, в соединении с китайской письменностью, стал основным средством письменного общения, государственным официальным языком, а также языком науки и литературы.

Даже после изобретения собственного фонетического алфавита, передававшего звуковой состав корейского народного языка, этот письменный язык сохранил свои позиции. Но и при таких условиях развитие корейского народного языка продолжалось. Обогащая свой словарный состав китайской лексикой, он совершенствовал также свой основной исконно корейский словарный фонд.

Носителями народного языка, при всем различии его диалектов, были представители всех классов корейского общества. Вот почему нормы разговорного языка оказывали воздействие на письменный язык. Корейский народный язык подчинил прежде всего своим фонетическим нормам произношение заимствованных китайских слов, кореизировав его. Произнесенные вслух китайские заимствованные слова не понятны китайцам, они стали достоянием словарного состава корейского языка.

Современное китайское произношение	Произношение	
	Танского периода (618–906 гг.)	корейское
би — «стена» 壁	*биэк*	*п'эк*
чжоцзы — «стол» 卓子	*дак*	*тхакча*
маоцзы — «шапка» 帽子	*мăу*	*мочжа*
цэ — «книга» 册	*чăк*	*чхäк*
юй — «нефрит» 玉	*киуок*	*ок*
цзинь — «золото» 金	*гиэ̆м*	*кым*
инь — «серебро» 銀	*нгиэнь*	*ын*

Внедрение китайской лексики в корейский словарный состав продолжалось и в период японского господства. После приобщения Японии к европейской науке и технике в японский язык устремился поток слов из европейских языков, в основном научно-техническая терминология; для перевода этих слов в самой японской лексике совершенно не оказалось соответствующих слов. Новая, главным образом научно-техническая, терминология переводилась на японский язык при помощи комбинаций китайских корневых элементов, обозначаемых на письме иероглифами. Так специальная терминология китайских корневых элементов превратилась в японские неологизмы, новые по содержанию и китайские по лексической форме. Эти неологизмы проникли в Корею, где, подчинившись фонетическим законам корейского языка, вошли в корейский словарный состав. Например, комбинация иероглифов 資本 по-китайски *цзыбэнь*, по-японски *сихон* стала корейским словом *чабон*—«капитал».

Такова в кратких чертах история формирования словарного состава корейского языка.

Согласно указаниям И. В. Сталина о словарном составе языка и об основном словарном фонде, «главное в словарном составе языка — основной словарный фонд, куда входят и все корневые слова, как его ядро. Он гораздо менее обширен, чем словарный состав языка, но он живёт очень долго, в продолжение веков и даёт языку базу для образования новых слов» [1].

Основной словарный фонд корейского языка количественно занимает скромное место в словарном составе этого языка, но именно он поддерживает важнейшие закономерности языка и играет главную роль в словообразовании и преобразовании иноязычных элементов языка. Он имеет свою историю, связанную с процессом формирования корейского народного языка, уходя своими корнями в глубочайшую древность. Если словарный состав корейского языка обогащался за счет китайского лексического слоя, то и свой, родной корейский лексический слой не оставался неподвижным. Правда, основной словарный фонд в общем сохранился, но, используясь как основа словарного состава, он обогащал последний новыми чисто корейскими словами, имея в этом отношении богатые возможности, например: *ккот* — «цветок», *пат* — «поле», но *ккотпат* — «цветник»; *наму* — «дерево», *хади* — «делать», но *намухада* — «заготовлять дрова»; *ачхим*—«утро», *пап*—«каша», *ачхимпап* — «завтрак»; *нун*—«глаз», *муль*—«вода», *нунмуль* — «слезы».

---

[1] И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 23.

Как и в других языках, словарный состав корейского языка делится по морфологическим признакам на части речи. Частей речи восемь: имя существительное, имя числительное, местоимение, имя прилагательное, глагол, наречие, междометие и вспомогательные слова.

Имена существительные в корейском языке не имеют категории числа. Количественное определение имени, когда это необходимо, выражается прибавлением суффикса *-тыль*; так, если *сарам* — «человек», то *сарамдыль* — «люди», но не «человек»; *чип* — «дом», но *чиптыль* —«домá», а не «дом».

Отсутствует также и категория рода. Для обозначения пола у животных пользуются определителями: ***су*** для мужского пола и ***ам*** для женского; *сумаль* — «жеребец», *аммаль* — «кобылица».

Склонение имен существительных выражается особыми падежными показателями:

и м е н и т е л ь н ы й — ***и*** для имен, оканчивающихся на согласный, ***га*** — на гласный звук;

р о д. ***ый***;

д а т. л и ц а (к о м у, у к о г о) ***эгэ***;

д а т. м е с т а (г д е, к о г д а) ***э***, ***эсэ***, ***эгэсэ***;

в и н. ***ыль*** (после согласного), ***рыль*** (после гласного);

т в о р. ***ыро*** (после согласного), ***ро*** (после гласного);

с о е д и н и т. (с к е м, с ч е м) ***коа*** (после глухого согласного), ***гоа*** (после сонорного), ***оа*** (после гласного);

з в а т. (при обращении) ***а*** (после согласного), ***я*** (после гласного).

Кроме этих падежных показателей, при помощи которых выражаются отношения слов внутри предложения, нужно обратить внимание на выделительные частицы ***нын*** (после гласных), ***ын*** (после согласных), служащие для выделения, подчеркивания слова, на которое они наращиваются. Частицы эти могут следовать и за некоторыми падежными показателями, а сами, как таковые, являются показателями логического подлежащего.

П р и м е р ы: *нэ**нын** хёнънимгоа качхи онэра* — «ты приходи вместе со старшим братом»; *ханырэ**нын** хäоа тальгоа пёри итта* — «на небе имеются солнце, луна и звезды»; *кыэгэсэ**нын** иму сосик то эпсэтта*—«от него не было никаких известий».

Корень имени при соединении с падежными показателями нередко подвергается фонетическим изменениям комбинаторного характера; например: *чип* — «дом», им. п.— *чиби*, род. п.— *чибый* и т. д.; *нат* — «день», им. п.— *начжи*, род. п.—

начжый, дат. п.— *начжэ*; *ккот* — «цветок», вин. п.— *ккочхыль* и т. д.

В корейском языке имеются две системы счета — чисто корейская и заимствованная из китайского языка.

Корейские числительные: 1 — *хана*; 2 — *туль*; 3 — *сэт*; 4 — *нэт*; 5 — *тасэт*; 6 — *ёсэт*; 7 — *ильгоп*; 8 — *ӭдоп*; 9 — *ахоп*; 10 — *ӭль*; 20 — *сымыль*; 30 — *сэрхын*; 40 — *махын*; 50— *сӱн*; 60 — *есун*; 70 — *ирхын*; 80 — *ӭдын*; 90 — *ахын*; при счете до 100 употребляются и корейские и заимствованные китайские числительные.

Заимствованные китайские числительные: 1 — *иль*; 2 —*и*; 3 — *сам*; 4 — *са*; 5 — *о*; 6 — *юк*; 7 — *чхиль*; 8 — *пхаль*; 9 — *ку*; 10 — *сип*; 100 — *пäк*; 1000 — *чхэн*; 10 000 — *ман*; 1 000 000— *эк*.

Счет от 100 ведется китайскими числительными.

Дробные числа образуются при помощи китайских числительных, причем числитель является определяемым, а знаменатель + суффикс *пун* («часть») — определением; например: $^2/_3$ — *самбуный и*, $^5/_6$— *юкпуный о*.

Порядковые числительные образуются при помощи суффикса *-ччä*, причем для числительного «первый» имеется специальное наименование *чхэтччä*, или «*чхэт*»; «второй» — *тульччä*; «третий» — *сэтччä*, «четвертый» — *нэтччä* и т. д.

От китайских числительных порядковые числительные образуются при помощи префикса *чэ-*: *чэиль* — «первый»; *чэи* — «второй»; *чэсам* — «третий»; *чэса* — «четвертый»; *чэо* — «пятый»; *чэюк* — «шестой; *чэчхиль* — «седьмой»; *чэпхаль* — «восьмой»; *чэку* — «девятый»; *чэсип* — «десятый»; *чэпäк* —«сотый»; *чэчхэн*— «тысячный» и т. п.

Счет предметов происходит посредством нумеративных слов, указывающих, к какой категории вещей принадлежат перечисляемые предметы. Такими нумеративными словами являются при счете людей — *мӭн* — «имя»; при счете животных *мари* для животных вообще; *куэн* при счете книг и т. д. Большое количество нумеративных слов заимствовано из китайского языка.

В корейском языке имеются личные, указательные и неопределенно-вопросительные местоимения. Система личных местоимений развита слабо, что находит свое отражение и в отсутствии личных окончаний глагола. Имеются местоимения первого лица *на* — «я», *ури* — «мы», второго лица *нэ* — «ты», для третьего лица имеются описательные выражения «тот человек», «та вещь», «то существо». Нужно отметить, что и для обозначения первого и второго лица имеется много существительных конкретного значения, главным образом китайского происхождения, расположенных по градации вежливости и почтения, например для второго лица: *хэнъ* — «старший брат»; *сэнсäнъ* —

«учитель»; *тангсин* — «патрон», «покровитель», тогда как для первого лица: *чэ* — «младший брат»; *сёчжа*—«мелкая личность»; *пок* — «слуга».

Указательные местоимения выражают пространственное отношение объекта речи к говорящему: *и* (то, что ближе всего к говорящему), *кы* (то, что дальше) и *чэ* (самое дальнее).

Неопределенно-вопросительные местоимения различаются только интонационно в предложении, например: *ёги муэси* ↗ *иссымникка?* — «здесь что имеется?» (*муэси* — «что»); *ёги муэси* ↘ *иссыминди* — «здесь что-то имеется».

Имя прилагательное, так же как глагол, относится к группе спрягаемых слов. От глагола оно отличается только наличием меньшего количества форм (отсутствием повелительных, пригласительных форм), но имеет иную, чем у глагола, систему причастных форм и ряд особых социальных определителей, например:

наст. вр. *хыйда* — «(есть) белый», причастие *хыйн* — *хыйн ккот* — «белый цветок»;

прош. вр. *хыйэтта* — «был белый», причастие *хыйдэн* — *хыйдэн ккот* — «бывший белым цветок»;

второе прош. вр. *хыйыссэтта* — «в то время был белый»;

буд. вр. *хыйгэтта* — «будет белый», причастие *хыйль ккот* — «цветок, который будет белым»;

второе буд. вр. *хыйгэссэтта* — «должен был бы быть белым».

Степени сравнения в корейском языке выражаются не изменением окончания прилагательных, а особым вспомогательным словом *пода* (*тэ*), указывающим на предмет сравнения. Превосходная степень выражается словами *качжань* и *чэиль*.

Корейский глагол изменяется по временам, видам, залогам и наклонениям. Он трехчленен по своей структуре, т. е. состоит из корня — основы, грамматических формальных элементов и определителя вежливости. Формальные элементы служат для выражения основных понятий времени, вида, залога. Определители вежливости характеризуют лицо говорящее в соотношении с его собеседником.

Ниже приводится образец спряжения одного глагола, причем ввиду отсутствия личных окончаний перевод делается условно в третьем лице во всех случаях:

наст. вр. *ссыда* — «пишет»;

первое прош. вр. *ссыэтта* — «писал»;

второе прош. вр. *ссыэссэтта* — «тогда писал»;

буд. вр. *ссыгэтта* — «будет писать»;

второе буд. вр. *ссыгэссэтта* — «он должен бы писать»;

наст. длит. вр. *ссыгоитта* — «пишет» (в данный момент);

прош. длит. вр. *ссыгоиссэтта* — «писал» (с такого-то по такое-то время);

буд. длит. вр. *ссыгоиссэтгэтта* — «он, вероятно, пишет» (в данный момент);

деепричастие наст. вр. *ссымэнсэ* — «пиша»;

деепричастие прош. вр. *ссыгосэ* — «писав»;

побудительный залог *ссыида* — «заставить писать»;

страд. залог *ссыэитта* — «быть написанным» (в речи о предметах);

желательное накл. *ссыгосипта* — «хочет писать»;

повелит. накл. *ссыра* — «пиши!», *ссычжа* — «давай писать!»;

условно-временное накл. *ссымэн* — «если писать»;

уступит. накл. *ссына* — «хотя и пишет, но..», *ссыэдо* (*ссыдэрадо*) — «даже если и писать»;

форма возможности *ссыэчжида* — «пишется» («можно писать»);

причастия: наст. вр. *ссынын* — «пишущий»;

прош. вр. *ссын* — «писавший»;

прош. длит. вр. *ссыдэн* — «писавший с такого-то по такое-то время»;

буд. вр. *ссыль* — «который будет писать».

Все вышеизложенные формы из положительных могут быть переделаны в отрицательные путем присоединения к глаголу префикса ***ани-***(***ан-***) или ***мот-***: *аниссыда*, *мотссыда* — «не пишет» и т. д.

В вышеприведенном примере глагол дан в наиболее нейтральной форме, применяемой на страницах печати, там, где нет прямого обращения к собеседнику. Нужно помнить, что в живой речи имеется пять градаций вежливости, которые имеют свои особые формы; так, если форма *ссыда* возможна в обращении к детям, слугам, то в обращении к равным ей эквивалентна форма *ссыо*, а к высшим — *ссымнида*.

Наречие не представляет особенностей по сравнению с рядом других языков. Характерной чертой для корейского языка является обилие звукоподражательных (ономатопоэтических) наречий. Они выражают слуховые, зрительные и моторные восприятия и часто характеризуются удвоением (редуплицированием) корня, например: *сугын-сугын*—«топотом»;*таллян-таллян*—«звеня»; *панчак-панчак* — «мерцая»; *омыль-омыль* — «чавкая».

При помощи глагола *хада* все эти наречия можно преобразовать в глаголы.

Корейцы очень часто применяют разные восклицания, междометия, особенно в начале предложения: *а* — ах!; *ая* — ох!; *ча* — ну-ка; *че* — ладно!; *йе, нйе* — да!; *хэ* — так! и др.

В корейском языке существует определенный порядок расположения членов предложения, в котором строго фиксированы места определения и сказуемого: определение всегда должно предшествовать определяемому слову, а сказуемое всегда должно находиться на последнем месте в предложении.

Если определение выражено именем существительным, местоимением, числительным, оно оформляется родительным падежом, если глаголом или прилагательным — причастной формой:

*чхэльхаг**ый** энгу* — «изучение философии»; ***ный** чип* — «мой дом»; *ка**нын** сарам* —«идущий человек»; *пульг**ын** ккот* — «красный цветок».

Основной порядок расположения членов предложения следующий:

1) подлежащее стоит в начале предложения;
2) сказуемое — в самом конце предложения;
3) определение — перед определяемым;
4) дополнение — перед сказуемым;
5) дополнения внутри предложения располагаются свободно.

Сказуемое может быть глагольным, т. е. выраженным глаголом или прилагательным, и именным, выраженным именем (существительным, местоимением или числительным) + глагольная связка. Глагол, прилагательное и глагольная связка в позиции сказуемого характеризуются заключительной формой, а в позиции определения, как указывалось выше, определительной, т. е. причастной формой.

Подлежащее оформляется либо показателем именительного падежа, либо выделительной частицей-***нын***(-***ын***), либо остается неоформленным, т. е. имеет нулевое окончание.

Корейское предложение часто бывает неполным; если контекст допускает понимание того, кто и о чем говорит, то подлежащее опускается.

Предложения делятся на положительные, отрицательные, вопросительные и восклицательные. Первые два выражаются формами сказуемого, а последние два — особыми частицами, которые ставятся непосредственно после сказуемого, в конце предложения:

сэуль сарам имнида — «я сеулец»;
сэуль сарам анимнида — «я не сеулец»;
*сэуль сарам имни**кка**?* — «вы сеулец?»;
*сэуль сарам и**ё**!* — «вы сеулец!»

Сложные предложения в корейском языке разделяются на два типа: сложноподчиненные и сложносочиненные предложения.

Отношения между главным и придаточным предложениями могут строиться по типу отношений между членами предложения. Иными словами, подчиненное предложение может быть любым членом главного предложения: подлежащим, сказуемым, дополнением, определением. Если предложение является подлежащим или дополнением, то его сказуемое (глагол, прилагательное) принимает просубстантивную форму, которая получает соответствующий падежный показатель:

Предложение-подлежащее:

подл. — сказ.

| И ЧХУЎӘ МӘНГИРЫЛЬ КӐГИГА | СИРӘТТА — «при таком морозе далеко итти не хотелось».

Предложение-сказуемое:

подл. — сказ.

ИГӘСЫН | КӐГА АНИДА | — «это не собака» (буквально: это существо — собака не является).

Предложение-дополнение:

подл. — дополнение — сказ.

И ЧХӐГИ | НА ПОГИЭНЫН | ЧАМИ ӘПСО — «эта книга, поскольку я смотрел, интереса не представляет» (буквально: эта книга я при смотрении интереса нет).

Предложение-дополнение, оформляемое различными косвенными падежами, главным образом дательным и творительным, а также винительным, представляет большие возможности выражения отношений причины, следствия, цели, времени.

Сказуемое предложения-определения оформляется причастными формами настоящего, прошедшего, будущего времени.

Предложение-определение может быть определением как к полноценному имени существительному, так и к служебному существительному. В зависимости от характера служебного существительного предложение-определение принимает различные значения: временного, целевого, причинного, обстоятельственного:

пхэнчжи ссыль ***ттă*** *сонними оассо* — «когда я собирался писать письмо, пришел гость» (буквально: письмо собиравшийся писать в р е м я гость пришел);

коньбу халь чэгэ чаньнян хачжи мара—«не играй, когда занимаешься»;

нуни оньн ккадальгэ ани оатта — «он не пришел, так как идет снег» (буквально: снег идущий причине не пришел).

Имеется и другой способ соединения предложений в сложное целое по принципу подчинения, выраженного соответствующими формами глагольного сказуемого подчиненного предложения. Таким способом выражается условно-временная и уступительная зависимость:

карэго хамэн касиё — «если вы намереваетесь идти, идите» (*хамэн* — условная форма глагола *хада*);

поми тёмэн ккочхи пхио — «когда наступит весна, зацветут цветы» (*тёмэн* — условная форма глагола *тёда*);

чугына сана кагэссо — «хоть умру, хоть останусь жив, все равно пойду» (*чугына* — уступительная форма глагола *чукта* — «умирать», *сана* — уступительная форма глагола *сальда* — «жить»);

чохына капси мансо — «хотя хорош, но цена высока» (*чохына*—условная форма прилагательного *чотха*—«быть хорошим»).

Сложносочиненные предложения соединяются в периоды посредством деепричастных форм сказуемых (окончания **-э**, **-а**) и особой формой сочиненного отношения ***ко***, присоединяемой к корню глагола:

пи ого парам пунда — «дождь идет и ветер дует»;

силлянъын сэрын сариго синбуньн эльэдыль сарирадора — «жених тридцати лет, а невеста, говорят, восемнадцати».

Конечно, приведенными выше способами соединения сложноподчиненных и сочиненных предложений далеко не исчерпываются все возможные способы их соединения, но мы хотели дать лишь общее представление о синтаксисе простого и сложного предложений корейского языка.

Обладая устойчивым грамматическим строем и основным словарным фондом, корейский язык в период японского господства сумел сохранить свою самостоятельность.

«Устойчивость языка,— пишет И. В. Сталин,— объясняется устойчивостью его грамматического строя и основного словарного фонда. Сотни лет турецкие ассимиляторы старались искалечить, разрушить и уничтожить языки балканских народов. За этот период словарный состав балканских языков претерпел серьёзные изменения, было воспринято не мало турецких слов и выражений, были и «схождения» и «расхождения», однако балканские языки выстояли и выжили. Почему? Потому, что грамматический строй и основной словарный фонд этих языков в основном сохранились»[1].

---

[1] И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 26.

Эти замечания И. В. Сталина, сделанные им в отношении балканских языков, целиком подтверждаются также и на примере корейского языка, сохранившегося, несмотря на жестокую политику ассимиляции, проводившуюся японскими колонизаторами в Корее.

ПИСЬМЕННОСТЬ

Точно определить время проникновения китайской письменности в Корею трудно.

Современные корейские лингвисты считают, что китайский литературный язык и письменность проникли в Корею в период «трех королевств», когда при помощи китайской письменности начали внедряться китайская культура, политическая система и прочие институты.

В Силланский период (VII—X вв. н. э.) освоение китайской культуры, повидимому, достигло чрезвычайно высокой степени. В этот период знать отправляла своих сыновей учиться в танский Китай и у себя дома учреждала школы, где обучала китайской науке своих детей. В овладении китайской наукой основным считалось чтение китайских классических книг и упражнение в сочинении китайских стихов.

Внедрения письменности требовали и интересы казны для записи сборов и повинностей с народа, для учета и переписи, связанных с поборами. Таким образом, письменность постоянно проникала в практику государственного аппарата. Китайская иероглифическая письменность, приспособленная для обслуживания нужд китайского корневого, в то время еще в основном моносиллабического языка, не соответствовала корейскому — агглютинативному и многосложному. Иероглифами можно было передавать значение слов, но не их взаимоотношения, выражаемые в корейском языке не только порядком слов, но и формальными элементами.

Феодальная верхушка корейского общества изучала китайский язык и говорила на нем. Народ же китайского языка не знал, поэтому для общения с народом государственному аппарату необходимо было прежде всего приспособить китайскую письменность к особенностям корейского языка, т. е. кореизировать китайскую письменность. Это был очень длительный и трудный процесс.

Вопрос об истории приспособления китайской письменности к корейскому языку, как и все вопросы, связанные с научной разработкой изучения корейского языка, со всей полнотой и на серьезной научной основе мог быть поставлен только после освобождения Кореи, когда развитие северной части страны пошло по демократическому пути.

Впервые с научной точки зрения подошел к освещению этого процесса молодой корейский ученый Чон Мон Су. В статье «Исторический анализ корейской письменности», помещенной в журнале «Ёкса чёмунчже» («Вопросы истории», орган Исторического общества Корейской Народно-Демократической Республики, Пхеньян, 1949 г.), он отмечает четыре этапа в истории создания корейской письменности до изобретения собственного фонетического алфавита *хунмин чжоным*, впоследствии переименованного в *онмун*.

Первой ступенью в приспособлении китайской письменности к особенностям корейского языка было фонетическое использование китайских идеограмм для записи корейских собственных имен королей, географических названий, местных обычаев, которые трудно было выразить непосредственно китайскими идеограммами; поэтому китайскими идеограммами обозначали только корейское звучание подобных слов. Таким образом, в чисто китайский текст вставлялись иероглифы, читаемые фонетически, которые и обозначали родные корейские слова в их звучании, отсюда и название этого явления *хянон* — «деревенские (провинциальные) слова», ибо Корея как вассал Китая считалась по отношению к нему только провинцией. Иногда в тексте встречались целые фразы на корейском языке, записанные китайскими знаками фонетически. Выбор в употреблении китайских иероглифов как фонограмм носил случайный характер никакого стандарта еще не было.

Второй ступенью являлся уже так называемый *хянчхаль* — «деревенский (провинциальный) стиль». Он был дальнейшим развитием *хянон*. В *хянчхале* уже, кроме имен собственных, добавляются частицы, служебные слова, наречия, написанные иероглифами — фонограммами. Нарушается синтаксический порядок слов китайского предложения согласно нормам корейского синтаксиса. Начинает вырабатываться стандартизация силлабических знаков, выбранных из общего фонда китайских иероглифических знаков. Корейцы совершенно естественно начали оперировать иероглифической письменностью согласно грамматическому строю родного языка. Вот почему тексты, написанные *хянчхалем*, уже не понятны китайцам, хотя написаны они как будто по-китайски.

Следующим этапом было появление так называемого *иду*[1].

---

[1] Чон Мон Су считает, что *иду* являлось общим названием изображения частиц корейского языка при толковом чтении китайских текстов и, одновременно, дальнейшим приспособлением китайской письменности к особенностям корейского языка. Процесс создания *иду* был весьма длительным. Как показывает само название, *иду* (*и* — «мелкий чиновник», «приказный», «подьячий», *ду* — «чтение», «толкование») являлось письменностью приказных, применяемой для практической записи корейских

Корейская традиция до сих пор приписывала изобретение *иду* как системы силлабических знаков ученому из Силла, Соль Чхону, и датировала это изобретение 692 г. н. э. Как убедительно показал в своей статье Чон Мон Су, это было не так. Он датирует начало появления *иду* рубежом V—VI вв. и вкладывает иное понятие в *иду*, чем это было установлено традицией. *Иду* появилось вследствие необходимости писать корейские «канцелярские» слова, отличавшиеся по значению от китайских, а именно, если знак 田 (*чон*) в Китае был общим наименованием всех полей, и сухих и поливных, то в Корее он стал обозначать только сухие поля (*чон*), а для заливных полей (*нон*) придумали другой знак 畓, прибавив к китайскому иероглифу 田 знак 水 — «вода». Это был этап создания своих идеографических знаков, которые не имели китайского чтения, а читались чисто по-корейски. Кроме этого, многие китайские знаки с китайским чтением стали применяться в другом значении; так, знак 主 — «хозяин» стал применяться в значении суффикса — ***ним***; целый ряд китайских иероглифических знаков закрепился в качестве обозначения падежных показателей и других служебных слов, не имеющих вещественного значения.

При помощи *иду* создавался *ичхаль* — «канцелярский стиль», который вобрал в себя все достижения предыдущих этапов в истории кореизации китайской письменности и применялся не только во всех официальных документах (законах, уставах, списках, судебных решениях), но также в деловой переписке более широких кругов населения, в документах, касавшихся купли-продажи, приема-сдачи и т. п., и подвергался в течение столетий новым изменениям не только стилистическим, но и лексическим и грамматическим, все более приближаясь к требованиям корейского языка. Этот стиль просуществовал не только до XV в., когда был изобретен фонетический алфавит, но сохранялся и в переписке, дневниках и путевых заметках более позднего времени.

Хотя эта система была слишком громоздкой и не могла передавать всего многообразия корейской речи, она все же указала пути перехода от идеографического письма к фонетическому.

В 1446 г. была составлена полная таблица нового алфавита из 28 букв. Знаки этого алфавита были расположены по артикуляционному принципу:

текстов, а отнюдь не только системой транскрипционных знаков для облегчения чтения китайских текстов. Так постепенно образовывался на протяжении столетий необходимый запас закрепленных традицией силлабических знаков, откуда черпались знаки для создания корейских самобытных исторических и литературных трудов до изобретения алфавита.

1. «Язычные» ㄷ *т*
舌 音 ㅌ *тх*
ㄴ *н*

2. «Губные» ㅂ *п*
唇 音 ㅍ *пх*
ㅁ *м*

3. «Зубные» ㅈ *ч*
齒 音 ㅊ *чх*
ㅅ *с*

4. «Гортанные» ᅙ } слабые гортанные
喉 音 ㅇ } исчезнувшие звуки
ㅎ *х*

5. «Коренных зубов» (заднеязычные)
牙 音 ㄱ *к*
ㅋ *кх*
ᅌ *нъ*

6. «Полуязычные»
半 舌 音 ㄹ — *р*/*л*

7. «Полузубные»
半 齒 音 △ *j*

Гласные же разделялись на твердые и мягкие:

ㅏ *а*; ㅓ *ə*; ㅗ *о*; ㅜ *у*; ㅡ *ы*; · *а* (краткое)

ㅑ *я*; ㅕ *э*; ㅛ *е*: ㅠ *ю*; ㅣ *и*.

В дальнейшем число букв *онмуна* постепенно сократилось до 24.

Современный корейский алфавит носит название *кунмун* и состоит из 36 знаков, так как в него были включены знаки, обозначающие взрывные смычные с гортанным взрывом и монофтонги. Алфавитный порядок следующий:

ㄱ	к	ㅏ	а
ㄴ	н	ㅑ	я
ㄷ	т	ㅓ	ə
ㄹ	р	ㅕ	ə̈
ㅁ	м	ㅗ	о
ㅂ	п	ㅛ	ё
ㅅ	с	ㅜ	у
ㅇ	нъ	ㅠ	ю
ㅈ	ч	ㅡ	ы
ㅊ	чх	ㅣ	и
ㅋ	кх	ㅐ	ä
ㅌ	тх	ㅒ	е
ㅍ	пх	ㅔ	э
ㅎ	х	ㅖ	е
ㄲ	кк	ㅚ	ö
ㄸ	тт	ㅟ	ӱ
ㅃ	пп	ㅢ	ый
ㅆ	сс		
ㅉ	чч		

В 1948—1949 гг. в Корейской Народно-Демократической Республике проводилась подготовительная работа по реформе орфографии корейского языка. Эта реформа должна была коснуться и корейского алфавита: было намечено добавление еще шести знаков. Проведение в жизнь этой реформы было задержано разбойничьим нападением американского империализма.

Несмотря на то, что *онмун* является чисто буквенным, а не слоговым письмом, в корейской письменности каждый слог пишется, как отдельная единица. В подражение китайской иероглифике корейский слог при письме образует квадрат. Если слог состоит из четырех букв, то первые две буквы пишутся слева направо в верхней части, а вторые две буквы — также слева направо — в нижней части квадрата: 닭 *талк* (произносится *так*) — «курица». Некоторые гласные помещаются с правой стороны начальной согласной 서 *сэ*, а некоторые внизу, например, 토 *то*. В корейском языке нет слов, пишущихся одной буквой, и однобуквенных слогов. Если слог состоит из одного гласного звука, то при письме перед гласной буквой обязательно ставится буква ㅇ, например, 이 *и* — «зуб», 아이 *аи* (произносится *ä*) — «ребенок». До последнего времени в Корее писали вертикальными строчками справа налево, но теперь в народно-демократической Корее делаются попытки перехода на горизонтальное письмо слева направо.

Несмотря на простоту корейского алфавита и сравнительно большую точность в изображении звуков корейского языка, китайская иероглифическая письменность еще и теперь сохраняет свои позиции в Корее. Критерием грамотности считалось знание этой письменности.

Почти сорок лет Корея находилась под жесточайшим гнетом японских империалистов. Языковая политика японского империализма в Корее была направлена на удушение и искоренение корейского языка и полную ассимиляцию корейцев. Государственным языком в Корее был объявлен японский, а корейский язык был запрещен. Все образование от начальной школы до университета велось только на японском языке. Детям в школе запрещалось произносить хотя бы одно слово по-корейски. Вся пресса издавалась в основном на японском языке, корейские издания запрещались.

Хотя японцы и оказались бессильными искоренить корейский язык, заставить народ забыть родную речь, однако своей политикой они нанесли несомненный вред нормальному развитию корейского языка.

В Корее до сих пор существует чрезвычайная диалектальная раздробленность общенародного языка.

Японцы всячески препятствовали унификации норм корейского языка и формированию национального литературного

языка. После освобождения Кореи от японского гнета доблестной Советской Армией в августе 1945 г. перед страной во всю ширь встал вопрос о языковом строительстве. У корейцев не было нормативной грамматики и словаря современного корейского языка, твердо выработанной орфографии, фонетических норм литературного произношения.

В Северной Корее в июле 1946 г. при поддержке департамента просвещения было организовано «Общество изучения корейского языка и письменности» («Чосэн эмун ёнгухё»). В феврале 1947 г. руководство Обществом было сосредоточено при университете имени Ким Ир Сена. Общество должно было заниматься составлением грамматики корейского языка, разработкой перехода на горизонтальное письмо, упорядочением применения иероглифической письменности. Обществом был разработан проект новой орфографии.

В связи с провозглашением Корейской Народно-Демократической Республики и образованием единого демократического правительства в октябре 1948 г. было организовано «Общество изучения корейского языка и письменности» при министерстве просвещения. В нем сосредоточились все виднейшие корейские лингвисты как Севера, так и Юга. Задачи, поставленные правительством перед этим обществом, чрезвычайно расширились, поскольку на него было возложено руководство теоретической и практической работой в области языка на всей территории народно-демократической Кореи. Общество начало издавать свой печатный орган — журнал «Изучение корейского языка» («Чосэн э ёнгу»), первый специальный журнал в истории изучения корейского языка, который играет руководящую роль в этой области.

На Юге хотя и было восстановлено старое научное общество корейского языка, но в условиях лисынмановской реакции оно не могло развернуть своей деятельности. Лучшие представители науки о языке бежали от репрессий американских оккупантов и лисынмановских палачей на Север, где вступили в члены «Общества изучения корейского языка и письменности».

Разработка языковой проблемы осуществляется только в северной части страны, где корейский народ сумел при поддержке Советского Союза взять в свои руки государственное управление. На юге же страны, ставшем вотчиной американского империализма, вопросам языкового строительства не уделяется никакого внимания.

С июня 1949 г. пресса в Северной Корее перешла на фонетическое письмо, отказавшись от иероглифики. Преподавание в школах родного корейского языка сразу же было переведено на основу фонетической корейской письменности.

Правительством Корейской Народно-Демократической Республики были поставлены перед обществом «Чосән әмун ӛнгухö» следующие первоочередные задачи:

1) составление нормативной грамматики корейского языка;

2) составление словаря корейского языка в объеме ста тысяч слов;

3) издание специального языковедческого журнала для освещения лингвистических проблем и направления работы по языковому строительству.

Для выполнения первого задания правительства при Научно-исследовательском комитете Корейского филологического общества была создана грамматическая комиссия в составе 12 специалистов-языковедов. Этой комиссией была составлена первая в истории корейского языка нормативная грамматика, которая и была издана в конце 1949 г.

Словарь корейского языка предполагалось составить в рекордно сжатые сроки — в течение одного года и двух месяцев. За исполнение этой работы взялся огромный коллектив, состоящий из профессорско-преподавательского и студенческого состава всех высших учебных заведений Пхеньяна. Работа разделена по специальностям. Каждый институт занялся обработкой лексики по своей специальности. Материал же по народным говорам доставлялся жителями различных районов страны, направлявшими его в редакцию журнала «Чосән ә ӛнгу» для опубликования на «Странице читателя», специального раздела журнала, предназначенного для этой цели.

В освобожденном народе проснулась небывалая творческая энергия. В области языкового строительства эта энергия направлена на постепенное преодоление диалектных обособлений и на дальнейшее развитие единого национального литературного языка, на расширение и обогащение словаря родного языка, на полное раскрепощение языка от уз иероглифической письменности.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Н. К. ВАЙНЦВАЙГ

РАЗГРОМ ФАШИСТСКОГО БЛОКА И ОСВОБОЖДЕНИЕ КОРЕИ

В результате второй мировой войны, закончившейся поражением фашистского блока, Япония, мечтавшая, так же как и гитлеровская Германия, о мировом господстве, перестала существовать как колониальная империя[1].

Советские вооруженные силы, разгромив Квантунскую армию — отборную часть японских сухопутных войск — и принудив Японию к безоговорочной капитуляции, освободили Корею и принесли корейскому народу долгожданное избавление от колониального гнета. Разгромом японского империализма закончилась вторая мировая война, внесшая в расстановку политических сил во всем мире существенные изменения, непосредственно отразившиеся на последующем развитии освобожденной от гнета японского империализма Кореи.

Всемирно-историческая роль Союза ССР в разгроме фашистского блока выходит далеко за пределы военной победы одного государства над другим или над группой других государств. В лице Советского Союза победителем вышел передовой прогрессивный социалистический строй, обеспечивший разгром фашистского блока и тем самым нанесший сокрушительный удар по всей системе империализма, наиболее агрессивной силой которой был этот блок.

Победа Советского Союза во второй мировой войне обострила общий кризис капитализма и привела к новому сплочению сил социализма, прочно закрепив тот «коренной перелом в истории человечества» (Сталин), который начался победой

---

[1] На основе Потсдамского соглашения, послевоенная территория Японии должна быть ограничена четырьмя главными островами— Хонсю, Кюсю, Сикоку и Хоккайдо и теми менее крупными островами, которые укажут союзники.

Великой Октябрьской социалистической революции и созданием первого в мире социалистического государства.

Создание и укрепление Советского социалистического государства означало не только то, что на международной арене появилась новая политическая сила, которая освободила угнетенные народы царской России, объединив их на основе самоопределения наций в единый союз равноправных советских республик. Это означало и то, что все угнетенные народы, ведущие национально-освободительную борьбу, а также народы, освободившиеся от империалистического гнета и приступившие к строительству свободной и счастливой жизни, отныне могут рассчитывать на поддержку государства, способного в силу своей социальной природы оказывать, на основе пролетарского интернационализма, бескорыстную помощь народам как в деле их полного национального освобождения, так и в деле развития и укрепления народно-демократического строя.

Создание первого в мире социалистического государства открыло совершенно новые возможности общественно-экономического развития отсталых народов. Опираясь на помощь страны победившего пролетариата, изучая на его опыте применение революционных идей марксизма-ленинизма и широко осваивая эти идеи, народы отсталых колониальных и зависимых стран, освободившись от империалистического гнета, получили возможность идти к социализму, минуя капитализм. Капитализм как господствующий уклад перестал быть для этих народов неизбежным этапом на пути к социализму.

Возможность некапиталистического пути развития была ясно и четко сформулирована Лениным на Втором конгрессе Коминтерна.

«...Можем ли мы признать правильным утверждение,— говорил В. И. Ленин в своем докладе по национальному и колониальному вопросам,— что капиталистическая стадия развития народного хозяйства неизбежна для тех отсталых народов, которые теперь освобождаются и в среде которых теперь, после войны, замечается движение по пути прогресса. Мы ответили на этот вопрос отрицательно. Если революционный победоносный пролетариат поведет среди них систематическую пропаганду, а советские правительства придут им на помощь всеми имеющимися в их распоряжении средствами, тогда неправильно полагать, что капиталистическая стадия развития неизбежна для отсталых народностей»[1].

Некапиталистический путь развития был блестяще осуществлен в бывших среднеазиатских и закавказских владениях

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 31, стр. 219.

царской России, превращенных Советским государством из отсталых районов, где преобладала докапиталистическая экономика, в цветущие социалистические республики. Опираясь на помощь и поддержку великого Советского Союза, успешно развивается по некапиталистическому пути и Монголия, в которой перед освобождением ее, в 1921 г., от империалистического гнета господствующим было натуральное хозяйство.

Объективная возможность некапиталистического развития, появившаяся в результате победы Великой Октябрьской революции, не означала, однако, что все экономически отсталые страны могли ее осуществить. Реализация этой возможности зависела от той конкретно-исторической обстановки, которая складывается в данной стране к моменту освобождения ее от империалистического гнета, и, в первую очередь, от расстановки в ней классовых сил, от политической зрелости рабочего класса и его революционной партии, ибо только рабочий класс и его партия могут сплотить широкие народные массы на победоносную борьбу с реакционными силами, препятствующими переходу на некапиталистический путь развития. На эту связь между конкретной политической обстановкой, сложившейся в стране, и реализацией возможности перехода на некапиталистический путь еще в 1939 г. указал Мао Цзэ-дун в своей работе «Китайская революция и Коммунистическая партия Китая». В результате победы китайской революции, отмечал Мао Цзэ-дун, произойдет, «...с одной стороны, развитие капиталистических элементов, а с другой — развитие социалистических элементов»[1]. К социалистическим элементам Мао Цзэ-дун относил: 1) повышение удельного веса рабочего класса и коммунистической партии в политической жизни страны, 2) признание крестьянством, интеллигенцией и городской мелкой буржуазией руководящей роли пролетариата и его партии, 3) создание государственного хозяйства демократической республики и кооперативного хозяйства трудового населения. Учитывая развитие этих элементов, которое должно было произойти после победы революции, равно как и наличие благоприятной международной обстановки, Мао Цзэ-дун писал: «...нужно считать в высшей степени вероятным, что в конечном результате буржуазно-демократической революции Китай избежит капиталистического пути развития и пойдет по социалистическому пути»[2].

Переход колониальных и зависимых стран на некапиталистический путь развития неразрывно связан, как это отмечал

---

[1] Мао Цзэ-дун. Собр. соч., т. III, стр. 179.

[2] Там же.

еще В. И. Ленин, с той помощью, которая им может быть оказана странами победившего рабочего класса, а следовательно, и с укреплением Союза ССР как первого в мире государства, уже построившего социализм и осуществляющего постепенный переход к коммунизму.

Вторая мировая война, ярко продемонстрировавшая экономическую и политическую мощь Советского государства, показавшая превосходство социалистической системы над капитализмом, намного усилила идейно-политическое влияние пролетариата во всем мире, укрепила роль рабочего класса как гегемона национально-освободительной борьбы. Изменив соотношение сил между социализмом и капитализмом в пользу социализма, исход войны значительно повысил значение Союза ССР как бескорыстного защитника интересов угнетенных народов всего мира, последовательного борца за их свободу и независимость.

Всемирно-историческая победа Советского Союза, укрепив социализм и донеся революционизирующее влияние идей марксизма-ленинизма до отдаленнейших частей земного шара, создала благоприятную обстановку не только для развития революционного движения в капиталистических странах Европы, но и расширила рамки и возможности национально-освободительной революции в колониальных и зависимых странах, подняла эту борьбу на новый, более высокий уровень.

Разгромив гитлеровскую Германию и освободив страны Восточной и Центральной Европы от фашистского гнета, Советский Союз дал возможность народам Польши, Чехословакии, Венгрии, Румынии, Болгарии, Албании создать у себя подлинно народные формы государственного устройства, целиком соответствующие исконным чаяниям широких трудовых масс в этих странах.

Опираясь на братскую помощь и поддержку Советского Союза и широко используя благоприятно сложившуюся в результате разгрома фашизма социалистическим государством политическую обстановку, трудящиеся освобожденных стран Центральной и Восточной Европы создали народно-демократические режимы и направили развитие своих стран по социалистическому пути.

Громадное значение для дальнейших исторических судеб Европы имело создание Германской Демократической Республики, ставшей важнейшим фактором укрепления мира во всем мире.

Всемирно-историческая победа СССР во второй мировой войне вызвала мощный подъем национально-освободительной борьбы угнетенных народов Восточной и Юго-Восточной Азии. «Непосредственным результатом разгрома фашистской Германии

и империалистической Японии, — подчеркивал Г. М. Маленков в отчетном докладе XIX съезду ВКП(б),— был прорыв фронта империализма в Китае, Корее, Вьетнаме, где на месте полуколоний и колоний возникли народные республики. Победа китайского народа ещё больше революционизировала Восток и способствовала подъёму освободительной борьбы угнетённых империализмом народов»[1]. Революционизирование Востока нашло свое выражение и в том, что в послевоенный период значительно усилилась и поднялась на более высокий уровень антиимпериалистическая борьба народов Индонезии, Бирмы, Малайи, Филиппин.

Подъем национально-освободительной борьбы после второй мировой войны характеризуется не только усилением размаха, но и качественным изменением этой борьбы. Руководящая роль в национально-освободительной борьбе, ставящей своей целью подлинное освобождение колониальных и зависимых стран от ига империализма, целиком и полностью переходит в руки рабочего класса и его авангарда — коммунистических партий. Эта борьба превращается в вооруженную борьбу широких народных масс против своих поработителей. На смену буржуазному национализму, направлявшему угнетенные народы на капиталистический путь развития, пришел пролетарский интернационализм, ведущий народы по пути к социализму.

По мере усиления Союза ССР, являющегося опорой пролетарского интернационализма, по мере укрепления гегемонии рабочего класса в национально-освободительном движении, пролетарский интернационализм, основанный на братской помощи, становился знаменем освобождения всех угнетенных народов.

Основной формой политической организации освободившихся от империалистического гнета народов становится в современных исторических условиях народно-демократический строй. Эта форма политической организации общества, представляющая собой подлинно народную власть, руководимую рабочим классом, возникла не только в ряде европейских стран, освобожденных от фашистского гнета, но и в Азии — Китайская Народная Республика, Корейская Народно-Демократическая Республика, Монгольская Народная Республика и Демократическая Республика Вьетнам.

При всех особенностях развития народно-демократического строя в отдельных странах, оно имеет свои общие законо-

---

[1] Г. Маленков. Отчётный доклад XIX съезду партии о работе Центрального Комитета ВКП(б). Госполитиздат, 1952, стр. 18.

мерности, проявление которых неразрывно связано с конкретной исторической обстановкой, сложившейся в данной стране.

Народная демократия возникает в процессе антиимпериалистической, антифеодальной революции, как орган революционной власти, представляющей по своему содержанию нечто вроде диктатуры рабочего класса и крестьянства при руководящей роли рабочего класса.

Характерная особенность этой власти состоит в том, что, будучи своим острием направленной против империализма и феодализма, она в то же время создает и отдельные элементы социалистического базиса в виде государственного и кооперативного секторов народного хозяйства.

Дальнейшее развитие народной демократии связано с ее вступлением в стадию социалистической революции, т. е. социалистических преобразований, и установлением диктатуры пролетариата, в форме народной демократии.

Образование в итоге второй мировой войны народно-демократических государств в Европе и в Азии резко изменило политическую обстановку во всем мире. Советский Союз, бывший до войны единственным социалистическим государством, окруженным со всех сторон капиталистическими странами, вышел из положения международной изоляции и сильно укрепил свою экономическую мощь. Плечом к плечу с Союзом ССР выступают сейчас страны народной демократии, представляющие с Советским Союзом 800 млн. человек, т. е. свыше одной трети населения земного шара, и образующие могучий лагерь мира, демократии и социализма.

В своем стремлении не допустить третьей мировой войны вместе с этим лагерем, как показывает наиболее массовое в истории движение сторонников мира, ведут борьбу за мир все прогрессивные силы человечества. Лагерь социализма и демократии, возглавляемый первым в мире социалистическим государством, прочно противостоит лагерю империализма во главе с США, ставшими основной силой империалистической реакции во всем мире.

Образование мощного лагеря социализма и демократии, характерное для второго этапа общего кризиса капиталистической системы, является ярким показателем изменения соотношения сил на международной арене в пользу социализма против капитализма. Это изменение шло не только за счет усиления лагеря социализма и демократии, но и за счет ослабления капиталистической системы, экономические и политические противоречия которой в результате второй мировой войны весьма обострились. Война расшатала хозяйство капиталистических стран и углубила общий кризис мировой капиталистической системы.

Послевоенный период является периодом дальнейшего ослабления мировой капиталистической системы и роста сил демократии и социализма.

Все развитие национально-освободительной борьбы угнетенных народов в послевоенный период идет под знаком этого изменившегося соотношения сил между социализмом и демократией, с одной стороны, и капитализмом—с другой.

Влияние изменившегося соотношения сил между капитализмом и социализмом на успехи освободительной борьбы угнетенных народов прекрасно выразил вождь китайского народа Мао Цзэ-дун, говоря о факторах, способствовавших победе китайского народа: «Если бы не существовало Советского Союза, если бы не было победы в антифашистской второй мировой войне, если бы — что особенно важно для нас — японский империализм не был разгромлен, если бы в Европе не появились страны новой демократии, если бы не было усиливающейся борьбы угнетенных стран Востока, если бы не было борьбы народных масс в Соединенных Штатах, Англии, Франции, Германии, Италии, Японии и в других капиталистических странах против правящей реакционной клики, если бы не было всех этих факторов, то нажим международных реакционных сил, конечно, был бы гораздо сильнее, чем сейчас. Разве мы могли бы одержать победу при таких обстоятельствах? Конечно, нет» [1].

Усиление в результате второй мировой войны политического влияния Советского Союза, укрепление лагеря социализма и демократии, бурный подъем национально-освободительной борьбы народов колониальных и зависимых стран вызвали яростное противодействие со стороны обреченного, но все же стремящегося не только сохранить, но и расширить свои позиции империализма. США, ставшие после разгрома фашистского блока ведущей силой империалистического лагеря, мечтая о мировом господстве, делают тщетные попытки задержать неизбежный ход исторического развития, неизбежную гибель капиталистической системы, воспрепятствовать созданию и укреплению народно-демократических режимов.

Стремясь удержать колониальные и зависимые страны в рамках капиталистической системы, империализм, в первую очередь американский, подкупает местную помещичье-буржуазную верхушку. В целях обмана народных масс империалистические государства провозглашают фиктивную независимость этих стран. «Национальные» правительства «независимых» государств, основной политической силой которых являются крупная буржуазия и помещики, ставшие активной агентурой империализма, целиком превращаются в послушных марионе-

[1] Мао Цзэ-дун. О диктатуре народной демократии. Госполитиздат. 1949, стр. 9.

ток в руках империалистических государств (правительство Чан Кай-ши в гоминдановском Китае, Роксаса — Кирино на Филиппинах, Ли Сын Мана в Южной Корее).

Выступая в роли претендента на мировое господство, американский империализм после окончания второй мировой войны резко усилил свою агрессивность. Полный провал американских попыток путем всемерной поддержки местной реакции в гражданской войне подчинить себе страны Восточной и Юго-Восточной Азии ускорил переход американского империализма на путь открытой интервенции. Этот провал особенно наглядно проявился в Китае, где в результате победы народной революции американские империалисты вместе со своей гоминдановской агентурой были изгнаны из пределов континентального Китая. Угнетенные народы прекрасно поняли, чтó им несет предоставляемая США «независимость» и «помощь». После победы китайского народа американский империализм берет курс на вооруженное подавление революционной борьбы угнетенных народов, стремится утопить в крови народы, уже освободившиеся от империалистического гнета.

Наиболее ярким показателем агрессивности американского империализма явилась военная интервенция США в Корее. Американские империалисты пытались военной силой уничтожить народно-демократический строй, закабалить корейский народ и создать на территории Кореи военный плацдарм для нападения на Китайскую Народную Республику и Советский Союз. Однако агрессоры просчитались. Они недооценили силы корейского народа, познавшего радость свободы и твердо ставшего на путь народно-демократического развития. Героическая борьба корейского народа встретила помощь и поддержку всего прогрессивного человечества. Об этом наглядно свидетельствуют последовательная борьба Советского Союза, требовавшего прекращения военной интервенции США и вывода иностранных войск из Кореи; участие китайских добровольцев, сражавшихся бок о бок с корейскими солдатами против общего врага — американских агрессоров; гневные протесты всех честных людей мира против войны и тех варварских разрушений, которые производят американские и лисынмановские войска в Корее.

* * *

Борьба империализма, возглавляемого Соединенными Штатами Америки, против лагеря демократии и социализма, во главе которого стоит великий Советский Союз, проходит красной нитью через всю послевоенную историю. Особенно наглядно эта борьба проявилась в послевоенной истории Кореи.

После капитуляции Японии Корея на основе соглашения между союзниками военного времени была временно разделена на две зоны: к северу от 38-й параллели была установлена зона военной ответственности Союза ССР, к югу — зона военной ответственности США. Такое деление было проведено для принятия капитуляции японских войск и должно было носить временный характер.

Однако в результате империалистической политики США создание общекорейского национального правительства систематически срывалось, и это деление сохранилось на долгое время.

Вступление советских войск в Северную Корею в ходе разгрома японских войск, знаменовавшее собой крах японского империализма и освобождение корейского народа от ненавистного ему колониального гнета, было встречено широкими народными массами Кореи с громадным воодушевлением и вызвало бурный рост политической активности корейского народа. По всей Корее возникали стихийные демонстрации и митинги, на которых корейский народ выражал свои симпатии к советскому социалистическому государству, разгромившему реакционный фашистский блок Германии и Японии и освободившему Корею от японского господства.

Ненависть к японским колонизаторам, глубокая благодарность Советскому государству, горячее стремление всего корейского народа к скорейшему созданию свободной демократической Кореи были одинаково сильны по всей стране — и в северной ее части, где советские войска сразу же после вступления уничтожили японское господство, и в южной, где оно известное время еще искусственно поддерживалось американцами и после разгрома японского империализма.

До прибытия американских оккупационных войск, высадившихся в порту Инчон 8 сентября 1945 г., политическая, административная и военная власть в Южной Корее, хотя и значительно ослабленная разгромом японского империализма, продолжала оставаться в руках японской колониальной администрации, возглавлявшейся генерал-губернатором Абэ Нобуюки и штабом японских войск.

Несмотря на наличие японской колониальной администрации, которая, по замыслам американских правящих кругов, должна была задушить развитие народного движения, вызванного разгромом японского империализма, это движение получило бурный размах и в Южной Корее. Уничтожение японского господства в Корее и близость Советской Армии, армии-освободительницы, вызвали такой подъем политической активности корейского народа, что его не могли уже сдержать силы японской колониальной администрации. В народном движении

приняли участие все слои корейского населения, за исключением небольшой кучки национальных предателей.

Напуганные размахом народного движения и не решаясь до прибытия оккупационных войск США применить открытые репрессивные меры против корейского народа из-за опасения вооруженного восстания, японские колониальные власти, как отмечает американский журнал «Фар Истерн сэрвэй», «обратились к американскому военному командованию с настойчивыми просьбами ускорить американскую оккупацию»[1].

Тем временем население Южной Кореи, по примеру населения Северной Кореи, начало повсеместно создавать народные комитеты. В течение только второй половины августа такие комитеты были созданы в 145 городах Кореи. Они носили различные названия: политические народные комитеты, народные комитеты, подготовительные комитеты по организации государственной власти и т. д., но сущность их оставалась единой: это были органы подлинно народной власти, представлявшей разнообразнейшие слои корейского народа.

Мужественные и самоотверженные борцы за независимость и свободу своей родины — корейские коммунисты стали признанными вождями народного движения. Они под руководством Ким Ир Сена сплотили вокруг себя все демократические силы страны и подняли народные массы — рабочий класс, крестьянство и городскую мелкую буржуазию — на борьбу за создание суверенного, демократического Корейского государства. Руководящую роль в политической жизни страны в этот период играли демократические силы Кореи, возглавлявшиеся рабочим классом Кореи и его политическим авангардом. Корейский рабочий класс смог возглавить демократические силы и играть руководящую роль в политической жизни страны в результате разгрома японского империализма и освобождения Кореи Советским Союзом. Именно в результате разгрома японского империализма советскими войсками во всей Корее сложилась такая политическая обстановка, такая расстановка классовых сил, при которой для рабочего класса, руководимого коммунистической партией, оказалось возможным поднять корейский народ на борьбу за создание независимого государства. До прихода американских войск корейская буржуазия сколько-нибудь серьезной роли в политической жизни Южной Кореи не играла и играть не могла.

В Корее, развитие которой шло в типично колониальных условиях, а основные экономические позиции были полностью захвачены японскими монополиями[2], национальная буржуазия

---

[1] «Far Eastern survey», т. XV, № 3, 1946 г.

[2] См. статью Е. Пигулевской. Экономика Кореи под гнетом японского империализма.

была весьма слабой. После разгрома японского империализма рабочий класс в Корее неминуемо должен был стать руководителем и организатором национально-освободительной борьбы и революционных преобразований страны.

Все развитие крупной корейской буржуазии происходило в тесном контакте с японским колониальным аппаратом. Ее интересы были тесно переплетены с интересами японских монополий. Наиболее крупными представителями ее были «текстильные короли» — братья Ким Сон Су и Ким Ён Су, банкиры Хан Сен Ен и Мин Дэ Сик и др. Довольно значительная прослойка средней буржуазии была также связана с японским капиталом через различного рода японо-корейские смешанные общества. Выйдя в значительной своей части из помещичье-феодальных кругов, корейская буржуазия, не только крупная, но и в известной мере средняя, продолжала сохранять тесную связь с помещичьим землевладением. Значительная часть корейских помещиков жила в городах, являясь не только владельцами земли, но и владельцами различного рода промышленных, торговых и иных предприятий. Такого рода уния между корейскими помещиками и корейской буржуазией еще больше усиливала связь верхушки корейской буржуазии с японским колониальным аппаратом, поскольку корейские помещики были в течение долгого времени основной социальной опорой японского империализма в Корее. Из крупных представителей помещичье-буржуазных кругов главным образом и комплектовались те куцые органы так называемого самоуправления (центральный совет и местные органы самоуправления), которые японцы допускали в Корее. Участие в этих органах, наряду с общностью экономических интересов, было одной из важнейших форм непосредственного сращивания корейской помещичье-буржуазной верхушки с колониальным аппаратом. Предавая национальные интересы, активно сотрудничая в органах «самоуправления» японского колониального аппарата и будучи по существу прямой агентурой японского империализма, основные наиболее мощные прослойки корейской буржуазии и помещики полностью дискредитировали себя в широких народных массах корейского населения и, естественно, не могли претендовать на руководящую роль в политической жизни страны после разгрома японского империализма. Деятельность их ограничивалась собиранием реакционных элементов и мелкой подрывной работой, распространением всякого рода провокационных слухов.

Рассматривая те силы, которые могли играть роль в политической жизни Кореи после освобождения, необходимо остановиться также и на корейской буржуазной эмиграции. Эта эмиграция состояла главным образом из представителей корей-

ской буржуазной интеллигенции, покинувшей страну после мартовского восстания 1919 г. Основными центрами ее сосредоточения были США и Китай.

Империалистические круги США широко пропагандировали корейских буржуазных эмигрантов как «борцов за независимость». Эта пропаганда имела известное влияние и в Корее, главным образом среди той части корейской буржуазной интеллигенции, которая была оппозиционно настроена к японцам. Однако в широких народных массах деятели корейской буржуазной эмиграции были мало известны или известны как предатели национальных интересов Кореи. Наиболее отвратительной фигурой в этой группе прямых агентов американского империализма является Ли Сын Ман.

Слабость корейской реакции, не представляющей собой большой политической силы и неспособной самостоятельно действовать без помощи иноземного империализма, не могла не отразиться на соотношении классовых сил в Корее, резко повышая удельный вес корейской демократии и в первую очередь рабочего класса.

Превращение Кореи в военнопромышленную базу и плацдарм японского империализма на материке способствовало значительному росту японской промышленности и транспорта в Корее. Задерживая рост национальной промышленности и национальной буржуазии, поскольку основная масса военнопромышленных предприятий, созданных в Корее, принадлежала японским монополиям, военнопромышленное строительство в Корее резко увеличило численный состав рабочего класса.

Хотя корейский рабочий класс был относительно молод и слабо организован (японский полицейский режим с невероятной жестокостью пресекал всякие попытки, направленные к организации корейских рабочих), но влияние его в широких народных массах и в первую очередь среди корейского крестьянства неуклонно росло, поскольку корейский рабочий класс и корейские коммунисты проявили себя наиболее последовательно в борьбе против японского империализма. Росту влияния рабочего класса в Корее немало способствовал факт повышения роли рабочего класса и его авангарда — коммунистических партий во всем мире в годы борьбы против фашизма. Как ни старались японские колониальные и военные власти до капитуляции не допускать или извращать сведения о победах Советского Союза в борьбе против германского фашизма, о героической борьбе, которую вели истинные патриоты во главе с рабочим классом на оккупированной фашистскими ордами территории Европы и Китая, о создании режимов народной демократии в освобожденных Союзом ССР странах

Восточной и Центральной Европы и т. д.,— эти сведения проникали в Корею и оказывали свое революционизирующее действие на широкие массы, поднимая престиж рабочего класса, как единственного класса, способного возглавить антиимпериалистическую борьбу.

Корейский рабочий класс под руководством корейских коммунистов наиболее последовательно боролся с японским империализмом, срывая его военные мероприятия.

В то время как значительная часть буржуазии и помещики сотрудничали во время войны с японскими империалистами, лучшие представители рабочего класса и крестьянства Кореи сражались в рядах китайской 8-й армии против японцев и вступали в партизанские отряды, действовавшие под руководством коммунистов во главе с Ким Ир Сеном на границе Северо-Восточного Китая и Кореи.

Органическая связь корейского рабочего класса с широкими массами крестьянства, подавленного полуфеодальным и колониальным гнетом, общность интересов в борьбе против японского империализма и внутренней реакции обеспечивали поддержку рабочему классу со стороны корейского крестьянства, который составляет подавляющую массу корейского населения. Эта поддержка была в значительной мере обусловлена и тем, что корейская буржуазия, тесно связанная с помещичьим землевладением и японским колониальным аппаратом, т. е. с основными врагами корейского крестьянства, была слишком ненавистна корейскому крестьянству и не могла вести его за собой. После разгрома японского империализма, державшего в своих руках основные политические и экономические позиции в Корее, единственной силой, способной в создавшихся условиях повести за собой широкие народные массы, оказался рабочий класс. Под знаменем рабочего класса собрались все демократические силы страны, все, кто был заинтересован в уничтожении иноземного гнета, в создании свободной, демократической Кореи.

Развитие Кореи по пути свободного и независимого демократического государства смогло осуществиться, однако, не во всей стране.

Высадка американских войск в Южной Корее и установление на территории страны к югу от 38-й параллели господства американской военной администрации лишили возможности эту часть страны пойти по пути демократического развития. Если на севере Кореи осуществлялись и закреплялись демократические преобразования и эта часть страны с момента освобождения ее советскими войсками уверенно идет по пути развития и укрепления народной демократии, то на территории, расположенной к югу от 38-й параллели, были ликвидированы созданные до

прихода американцев органы народной власти. Американские империалисты, используя продажную лисынмановскую клику, пытались установить там свое полное и безраздельное господство. Фашистский режим Ли Сын Мана в Южной Корее был навязан корейскому народу извне.

* * *

Как уже указывалось, развитие Кореи после капитуляции Японии проходило в условиях пребывания на севере страны советских войск, а на юге — американских. Это, естественно, не могло не отразиться на характере социально-экономического развития севера и юга страны.

Социально-экономическое развитие Северной Кореи было неразрывно связано с той демократической политикой в отношении корейского народа, какую проводило военное командование советских войск. Эта политика в свою очередь непосредственно вытекала из социальной сущности Советского Союза и была основана на принципах пролетарского интернационализма, братской и бескорыстной помощи со стороны Советского государства корейскому народу в его борьбе за создание независимого демократического государства.

Советский Союз, вступая в войну на Дальнем Востоке, не ставил — и не мог ставить в силу своей социальной природы — никаких захватнических целей. Советское правительство, вступая в войну против Японии, считало, «что такая его политика является единственным средством, способным приблизить наступление мира, освободить народы от дальнейших жертв и страданий...» [1].

Освобождение народов Дальнего Востока от жертв и страданий, вызванных агрессивной политикой империалистических государств, явилось важнейшим моментом, определявшим политику Советского Союза и после разгрома японских армий.

Изгнание японцев из Кореи означало для корейского народа не только прекращение страданий, вызванных войной, но и конец колониального гнета, фактически длившегося свыше четырех десятилетий. Для того чтобы уничтожить японский империализм и создать условия, при которых японская агрессия не могла возродиться вновь, нужно было не только разгромить Японию и освободить порабощенные японским империализмом народы, но и помочь корейскому народу превратить свою страну в свободное и демократическое государство.

---

[1] Из заявления, сделанного В.М. Молотовым от имени Советского Правительства японскому послу Сато 8 августа 1945 г. В кн.: «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны», т. III. М., Госполитиздат, 1947, стр. 363.

Необходимость предоставления Корее независимости была зафиксирована еще в 1943 г. в так называемой «Каирской декларации», подписанной от имени правительства США и Англии Рузвельтом и Черчиллем, и подтверждена в Потсдамском соглашении 1945 г. Однако для правящих кругов США и Англии эта декларация и соглашение были лишь дымовой завесой, необходимой для одурачивания своих народов и народов Дальнего Востока, порабощенных Японией. Правящие круги США и Англии не могли не считаться с тем, что широкая поддержка народами военных усилий этих двух держав могла быть обеспечена только при условии провозглашения освободительных целей войны. Но как только война закончилась, американские и английские государственные деятели быстро «забыли» об этих декларациях и начали проводить диаметрально противоположную этим декларациям политику.

Принципиально отличную позицию занял Советский Союз. Согласие Союза ССР с заявлением об уничтожении колониального гнета в Корее и превращении страны в свободное и независимое государство целиком соответствовало социалистической сущности Советского государства, советской политике помощи угнетаемым народам в их борьбе за освобождение от империалистического гнета. Поэтому после окончания войны советское военное командование обеспечило в Северной Корее создание таких условий, при которых корейский народ смог бы закрепить свое освобождение и создать свободное, демократическое государство.

Советские войска пришли в Корею как освободители корейского народа. Это коренное отличие Советской Армии от любой армии, представляющей не только капиталистическое, но и всякое эксплуататорское государство, прекрасно выразил корейский народ в своем письме И. В. Сталину по случаю вывода в декабре 1948 г. советских войск из Северной Кореи:

«Не раз за всю многовековую историю Корея видела у себя чужеземные войска, от их мечей умирали наши патриоты, гибло мирное население. Они жгли наши города и села, превращали их в развалины и груды пепла. И только советские войска пришли к нам не как завоеватели, а как освободители. Освобожденная от рабства, свободно вздохнула наша страна. Мы увидели лучезарное небо, зацвела наша земля. Полились веселые песни о свободе, радости, счастье»[1].

Немедленно по освобождении Кореи советское военное командование в своей зоне ответственности отстранило от управления всех чиновников японского колониального аппарата и уничтожило все органы японской колониальной администрации.

---

[1] «Известия», 16 февраля 1949 г.

Одновременно с ломкой японского колониального аппарата и заменой его аппаратом народных представителей были уничтожены и основы японского экономического господства в Корее. Все крупные промышленные предприятия, железные дороги, средства связи, банки и другие орудия экономического господства, принадлежавшие японскому колониальному аппарату или японским монополиям, сразу же после прихода советских войск были изъяты у их бывших владельцев и взяты под контроль и управление советского военного командования. Советская Армия не только сохранила национальное богатство Кореи с тем, чтобы передать его корейской народной власти, но и оказывала большую помощь в деле восстановления разрушенных японцами предприятий.

«Великая Советская Армия,— писал председатель кабинета министров Ким Ир Сен, — находившаяся в северной части нашей республики, протянула корейскому народу руку бескорыстной помощи в деле восстановления заводских предприятий, железнодорожного транспорта, рудников и шахт.

Бойцы и командиры Советской Армии во всех уголках северной части нашей республики с энтузиазмом трудились рядом с нашими рабочими и специалистами и оставили нам ценные плоды своего самоотверженного труда» [1].

Помощь, которую оказывала Советская Армия как представитель социалистического государства в деле восстановления разрушенного хозяйства Северной Кореи, вызывала горячую благодарность корейского народа.

«В истории человечества не было случая,— писал председатель общества культурной связи Кореи с Советским Союзом Ли Ги Ён,— чтобы войска строили дома и заводы, шахты и домны, чтобы они не разрушали, а создавали» [2]. Только одна армия в мире способна на это — армия, воспитанная на великих идеях пролетарского интернационализма.

Характер политики Советского государства в отношении Кореи со всей наглядностью выявился уже в первых обращениях советского военного командования к корейскому народу.

«Корея стала свободным государством, но это лишь первая страница в истории новой Кореи. Подобно тому как цветущий сад является результатом человеческих стараний и забот, так и счастье Кореи может быть достигнуто только стараниями и упорной борьбой корейского народа.

Граждане Кореи! Запомните, счастье в ваших руках. Вы получили свободу и независимость и всеми средствами должны

[1] Ким Ир Сен. К первой годовщине соглашения об экономическом и культурном сотрудничестве между Советским Союзом и КНДР. «Минчжу чосон», 17 марта 1950 г.

[2] «Новая Корея», 1950, № 1, стр. 47.

эту свободу и независимость удержать. Советская Армия предоставила все условия для свободной созидательной работы корейского народа. Корейский народ сам должен выдвинуть созидателей своего счастья»[1].

Уничтожив японское господство в Северной Корее, советские войска ослабили тем самым и силы внутренней реакции в лице помещичье-буржуазной верхушки, интересы которой тесно переплетались с интересами японского империализма. Наряду с этим пребывание советских войск в Северной Корее гарантировало корейский народ от экономического и военного вторжения в эту часть Кореи империалистов.

Советское военное командование, несшее ответственность за сохранение спокойствия и демократический характер политического развития в Северной Корее, способствовало свободному созданию корейских политических, общественных и культурных организаций, представляющих интересы корейского народа. В заявлении командования в Северной Корее от 12 октября 1945 г. прямо указывалось: «...Разрешено создание и деятельность всех антияпонских, демократических организаций, которые своей работой положат начало демократии и закреплению гражданских свобод».

В Северной Корее возник и укрепился ряд политических и общественных организаций, представляющих широкие народные массы. Под руководством коммунистической партии шел процесс объединения и централизации этих, порой стихийно возникавших в разных концах страны политических и общественных организаций.

Коммунистическая партия, воссозданная сначала как общекорейская, после вступления американских войск в Южную Корею вынуждена была разделиться. В октябре 1945 г. было создано Организационное бюро Центрального комитета Коммунистической партии Северной Кореи во главе с товарищем Ким Ир Сеном. После этого было организационно оформлено создание демократической партии, объединившей главным образом представителей мелкой и средней буржуазии и буржуазной интеллигенции. Была создана новая народная партия [2] и оформлен ряд других политических организаций. На большинстве фабрично-заводских предприятий организовались фабрично-заводские комитеты, объединившиеся затем в отраслевые профсоюзы. Фабрично-заводские комитеты принимали активное участие в восстановлении и пуске промышленных предприятий, шахт, рудников, транспорта и т. д. В деревне

[1] «Чосон нёнгам», 1949, стр. 57.

[2] Объединилась в августе 1946 г. с Коммунистической партией. Объединенная партия была названа Трудовой партией Северной Кореи.

возникли крестьянские союзы; были созданы демократический женский союз, демократический союз молодежи и т. д.

Таким образом, в результате деятельности советской военной администрации народ в Северной Корее смог стать полным хозяином своей судьбы.

«Советская Армия, вступившая на территорию Северной Кореи с целью разгрома японской армии,— указывалось в постановлении Временного народного комитета Северной Кореи от 10 августа 1946 г.,— освободила Северную Корею от японского рабства, обеспечила корейскому народу демократические свободы, взяла под свою защиту частную и общественную собственность корейцев, чем сохранила народное достояние и создала возможность для быстрейшего экономического и культурного возрождения корейского государства»[1].

На совершенно иных принципах основывалась политика американских оккупационных войск в Южной Корее. Американский империализм участвовал в войне на Дальнем Востоке не для освобождения народов, закабаленных японским хищником, а для того, чтобы освободиться от крупнейшего конкурента на Дальнем Востоке и занять его место.

Еще до высадки американских войск в Инчоне генерал Макартур, главнокомандующий американскими вооруженными силами на Дальнем Востоке, издал два приказа, именовавшиеся им «Обращением к корейскому народу». Эти приказы были составлены в Японии и 7 сентября 1945 г. были разбросаны с самолетов в Сеуле и в других частях Южной Кореи. Эти приказы были первыми обнародованными документами, характеризовавшими реакцию американских империалистов на то всенародное движение, которое охватило Корею после разгрома японских войск и привело к созданию органов народной власти. Отбросив декларации американских правящих кругов в отношении Кореи во время войны и полностью игнорируя созданную в стране народную власть, Макартур от имени правительства США в своем приказе № 1 открыто заявил, что он рассматривает Южную Корею как завоеванную вражескую территорию. В то время как советское военное командование в Северной Корее передало все функции управления корейской народной власти в лице народных комитетов, Макартур сразу же заявил: «Все функции управления на территории Кореи, расположенной к югу от 38-й параллели, и над проживающим там народом будут отныне осуществляться моей властью»[2].

---

[1] «Конституция и основные законодательные акты Корейской Народно-Демократической Республики». М., 1952, стр. 47.

[2] «Proclamation № 1. To the People of Corea G. H. Q. of Army forses. Pacific Office of the Command general». Yokohama, 1945.

Вплоть до особого распоряжения, говорилось в том же приказе Макартура, весь колониальный аппарат, включая сюда и генерал-губернатора Абэ, должен продолжать выполнять свои обычные функции и обязанности. Учитывая, что такого рода приказ, восстанавливающий колониальный режим, да к тому же осуществляемый старым японским колониальным аппаратом, вызовет гнев и возмущение корейского народа, американцы одновременно с первым приказом разбросали с самолетов и второй, в котором предупреждали корейский народ, что всякое неподчинение американским оккупационным властям или японской колониальной администрации будет строго караться, вплоть до смертной казни.

Американцы не только оставили у власти весь колониальный аппарат, но и заверили японцев, что ни им, ни награбленной ими собственности ничто не угрожает. Не успел генерал Ходж, назначенный командующим оккупационными войсками в Корее, расквартироваться на новом месте, как в интервью, данном 10 сентября 1945 г. в Сеуле, он поспешил заверить японцев, что «в настоящее время мы не собираемся конфисковывать японскую собственность». Характерно, что запрещение на совершение каких-либо сделок купли-продажи и передачи в отношении собственности, принадлежавшей японским правительственным органам или правительственным органам других стран фашистского блока, последовало только 25 сентября 1945 г., т. е. почти через полтора месяца после капитуляции Японии и через 18 дней после высадки американских войск в Корее.

Совершенно естественно, что за это время японцы успели вывезти из Кореи значительную часть своих активов.

Подавление народного движения было важнейшей задачей, поставленной правящими кругами США перед американскими вооруженными силами, высадившимися в Южной Корее. И эта задача отнюдь не скрывалась американскими публицистами, выбалтывавшими порой истинные стремления американского империализма.

«Одним из самых важнейших моментов нашей оккупации в Корее,— с предельным цинизмом писал американский публицист Эдгар Сноу,— пожалуй, является то, что мы приостановили здесь революцию. Если не во всей Корее, то в одной ее части во всяком случае»[1].

Сохранение японской колониальной администрации со всеми японскими законами, порядками и правилами, действовавшими в Корее в период японского господства, вызвало мощный про-

[1] Э. Сноу. Мы встречаемся с Россией в Корее. «Сатэрдэй ивнинг пост», 30 марта 1946 г.

тест со стороны широких народных масс. Трудящиеся Южной Кореи на многочисленных демонстрациях требовали от американских оккупационных властей уничтожения японского аппарата угнетения, ликвидации японской жандармерии и полиции, изгнания японцев из органов гражданского управления.

Корейский народ с первых же дней высадки американских властей ясно увидел, что́ сулит ему американская оккупация. Разоблачению в глазах народных масс целей американской оккупационной политики в Корее немало способствовало и то, что они имели уже возможность на собственном опыте убедиться в том, чего им можно ожидать от американских империалистов. Корейский народ помнил, как в начале XX в. правящие круги США дали возможность японцам закабалить Корею. Корейский народ помнил также лживость вильсоновских деклараций периода первой мировой войны, помнил, как американский империализм предал Корею на Версальской конференции и помог японцам задушить народное восстание 1919 г.

Откровенно империалистическая политика, провозглашенная Макартуром в Корее, была настолько очевидна, что ее не могли игнорировать даже американские публицисты. Например, американский «специалист» по Корее Мак Гун вынужден был заявить, что «американская политика резко отличается от политики, проводимой Советами в Северной Корее. Советы заняли северо-восточный угол полуострова еще тогда, когда война была в разгаре, и сразу же арестовали всех японских администраторов. После прекращения военных действий советские оккупационные войска и корейские народные комитеты, созданные на этой территории, продолжали подавлять японцев и их корейских прислужников. Совершенно очевидно, что такого рода действия были популярны среди корейцев»[1].

Мак Гун признает вместе с тем, что корейцы были возмущены колонизаторской политикой США в Южной Корее. Это возмущение, констатирует он, проявлялось «то в виде угроз корейцам, работающим у американцев, то в виде забастовок и демонстраций против новых американских постановлений»[2].

Народное недовольство вынудило американское военное командование приступить к постепенной замене японских чиновников американцами. Однако американское военное командование еще долгое время использовало японских колониальных чиновников в качестве «опытных» консультантов в деле управления корейским народом. Высоко ценя «опыт» японских коло-

---

[1] «Far Eastern survey», 1946, т. XV, № 3.
[2] Там же.

низаторов, американцы, как отмечал Сноу, «осторожно ставили своих чиновников военной администрации на место японцев, которые постепенно вытеснялись из колониальной администрации» [1].

Насколько «осторожно» американское военное командование смещало японских чиновников колониального аппарата, показывает тот факт, что еще в марте 1946 г., т. е. спустя семь месяцев после капитуляции Японии, приказы американского военного командования пестрели фамилиями крупных японских чиновников, освобождаемых с постов колониальной администрации. Так, например, в приказе за № 73 от 5 марта 1946 г. о перемещениях сообщалось о смещении с постов 36 руководящих чиновников японского колониального аппарата в провинции Чхунчхон-пукто. В числе уволенных по этому приказу японских чиновников были начальники важнейших департаментов провинциального управления, как то: внутренних дел, труда, налогового, горнопромышленного, угольного и т. д.

Смещая японских «специалистов», американское военное командование ставило на их место американцев и корейцев, «имеющих опыт управления», т. е. активно работавших в японском колониальном аппарате и проявивших себя открытыми предателями национальных интересов. Американские оккупационные власти не без основания рассчитывали, что крупные представители помещичье-буржуазных кругов Кореи, тесно сросшиеся с японским колониальным аппаратом, будут столь же верно служить своим новым хозяевам, как они служили японцам.

Преследуя народные комитеты как законную власть широких народных масс, американские оккупационные власти с первых же дней своего пребывания в Корее начали сплачивать и оформлять силы корейской реакции, которая до прихода американских войск не решалась на какие-либо открытые выступления или на создание своих организаций. Вступление американских войск в Южную Корею резко изменило политическую обстановку и явилось как бы сигналом для активизации всех сил корейской реакции под непосредственным руководством командования оккупационных войск.

Сколотив и укрепив корейскую реакцию, американское военное командование приступило к созданию марионеточных органов власти и усилило борьбу против народа Южной Кореи. Империалистический характер американской политики, преследующей чисто захватнические цели и направленной к полному порабощению страны, весьма ярко отразился и на экономической политике, проводимой американским военным командованием

---

[1] Э. Сноу. Указ. соч.

в Южной Корее. В то время как Советская Армия всячески помогала корейскому народу в северной части Кореи восстанавливать разрушенное во время войны хозяйство, оккупационная армия США, выполняя приказ американских монополий, систематически разрушала экономику Южной Кореи и в первую очередь промышленные предприятия. Политика уничтожения производственных мощностей проводилась американским монополистическим капиталом не только в Корее, но и во всех странах, где американский империализм установил после войны свое господство. Не находя сбыта для продукции своей непомерно разбухшей во время войны промышленности, в особенности тяжелой, американские монополии выводили из строя промышленные предприятия зависимых от американского империализма стран, чтобы таким образом хоть несколько расширить возможность сбыта своих товаров.

«Американские империалисты с первого же дня своего пребывания в Южной Корее,— писал председатель Государственной плановой комиссии Корейской Народно-Демократической Республики,— начали разрушать промышленные предприятия страны с тем, чтобы превратить Корею в источник сырья и рынок сбыта своих залежалых товаров. Американские империалисты при высадке своей армии в Южной Корее дали своим воинским частям указания зарывать в землю и топить в море станки и машины основных промышленных предприятий»[1].

Опираясь на военно-оккупационный режим, американский монополистический капитал постепенно захватил в свои руки все бывшие японские предприятия в Южной Корее. Американское военное командование прямо объявило, что «права на капиталовложения японцев, независимо от их формы и содержания, передаются военному командованию».

Действуя в интересах американских монополий и выполняя их волю, военное командование США проводило в Южной Корее политику грабежа и разбоя, направленную на порабощение корейского народа.

Разница в политике Союза ССР и США по отношению к Корее, целиком вытекающая из разницы общественного строя в этих двух странах, определила и характер общественно-экономического развития в Северной и Южной Корее. На севере Кореи народ уверенно приступил к созданию своего независимого, основанного на подлинной демократии народного государства. На юге страны был установлен колониальный режим американского империализма, зверски подавляющий стремление народа к свободе и независимости.

---

[1] Чон Чун Тхэк. Экономика Южной Кореи в руках американских империалистов. «Минчжу чосон», 10 июня 1950 г.

Летом 1950 г. американские империалисты, устрашенные успехами корейского народа на севере страны и мощным движением всего корейского народа за мирное объединение страны, прибегнули к открытой военной интервенции против Северной Кореи. Цель военной интервенции США состояла в том, чтобы покорить всю Корею и превратить ее в американскую колонию и базу для нападения на Китайскую Народную Республику и Советский Союз. Однако здесь американский империализм допустил очередной грубый просчет. В Корее ему пришлось столкнуться с непреодолимой стойкостью всего корейского народа, который не хотел, чтобы на его земле снова хозяйничали империалисты. Опираясь на поддержку неуклонно крепнущего лагеря демократии и социализма, возглавляемого Советским Союзом, корейский народ с братской помощью китайских народных добровольцев сорвал агрессивные планы американского империализма и нанес ему крупное военное и морально-политическое поражение.

Б. В. ЩЕТИНИН

ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ В СЕВЕРНОЙ КОРЕЕ И ОБРАЗОВАНИЕ КОРЕЙСКОЙ НАРОДНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Образование Корейской Народно-Демократической Республики явилось выдающейся победой широких народных масс Северной и Южной Кореи, осуществленной под руководством пролетариата, во главе которого стояла Трудовая партия. Корейская Народно-Демократическая Республика возникла в результате совместных усилий всего корейского народа, освобожденного советскими войсками от ига японского империализма и стремящегося к объединению и созданию единого народно-демократического государства. Главной базой для создания Корейской Народно-Демократической Республики была Северная Корея. Именно там корейский народ получил возможность провести ряд коренных демократических преобразований, подготовивших создание народно-демократической республики.

СОЗДАНИЕ НАРОДНЫХ КОМИТЕТОВ

В августе 1945 г. Советская Армия освободила Корею от многолетнего японского колониального господства, открыв перед корейским народом реальную возможность проведения широких демократических реформ и образования народно-демократического государства.

Первым практическим шагом освобожденного корейского народа было создание народных комитетов — подлинно народных органов власти, воссоздание коммунистической партии, возглавившей борьбу корейского пролетариата и всего корейского народа за власть и демократию.

Народные комитеты как в Северной, так и в Южной Корее возникли в результате революционного творчества широких

народных масс Кореи и прежде всего корейского пролетариата и крестьянства.

«Народный комитет,— говорит Ким Ир Сен,— не является такой формой политической власти, которая ввезена из-за границы, вследствие политической интервенции со стороны какой-либо чужой страны, а является детищем освобождения Кореи, которое творил сам корейский народ по своей инициативе после освобождения»[1].

Главным инициатором и руководителем создания народных комитетов явилась коммунистическая партия, возродившаяся в августе 1945 г. В нее вошли лучшие элементы рабочего класса и трудового крестьянства страны, закаленные в огне национально-освободительной борьбы против японских империалистов. Так, в провинции Хамгён-намдо уже 16 августа 1945 г. рабочими и крестьянами под руководством местной организации коммунистической партии была образована специальная комиссия по подготовке создания народного комитета провинции. В результате работы этой комиссии 1 сентября 1945 г. на конференции делегатов из представителей города и уездов был избран народный комитет провинции[2].

Аналогичным образом были организованы народные комитеты и в остальных провинциях Северной Кореи. Первые уездные и волостные народные комитеты в своем большинстве назначались провинциальными народными комитетами, но в некоторых провинциях, как, например, в Пхёнан-намдо, уездные комитеты избирались на съезде волостных делегатов, а волостные — на съезде делегатов от сел. Муниципалитеты первоначально также в большинстве случаев назначались народными комитетами провинции, причем необходимо отметить, что вначале они организовались в портовых городах и в Пхеньяне — административном центре Северной Кореи, но вскоре были созданы и в других городах Северной Кореи. В селах также создавалась новая демократическая система управления. В большинстве сел были избраны ответственные лица, на которых первоначально возлагалось исполнение функции новой демократической власти.

Выборы ответственных лиц проводились следующим образом: от каждого дома выделялся выборщик — отец семьи или его старший сын; выборщики затем собирались вместе и путем открытого, а в некоторых селах даже тайного голосования избирали «ответственное лицо». В некоторых селах вместо

---

[1] Ким Ир Сен. Чогугы тхониль тоннипква минчжухварыльвихаё (За единство, независимость и демократизацию родины. Статьи и речи), т. I. Пхеньян, 1949.

[2] «Хэбанху санёнконы кукнэвечхонёильчи». (Календарь событий за время с августа 1945 по март 1949 г.). Изд. «Минчжу чосон», 1949.

«ответственного лица» избирались «десятники» и «сотники» по числу домов — на десять и на сто домов (хозяйств).

Большое значение для правильного направления в организации и деятельности первых народных комитетов в Северной Корее имело совещание представителей народных комитетов Северной Кореи, состоявшееся 8—10 октября 1945 г. в Пхеньяне. Это совещание было созвано по инициативе представителей народных комитетов провинций Северной Кореи. На совещании присутствовало 75 делегатов от всех провинций Северной Кореи[1]. Совещание обсудило и вынесло свои решения по вопросам организации и деятельности народных комитетов, по финансовой и промышленной политике народных комитетов в Северной Корее. В результате работы совещания была выработана единая структура построения местных народных комитетов в Северной Корее.

Избирательное право предоставлялось всем гражданам Северной Кореи, достигшим 20-летнего возраста, независимо от имущественного положения, пола, образования, оседлости, за исключением умалишенных и лиц, осужденных судом с лишением избирательного права. Избирательного права были лишены японцы и прояпонские элементы. До 3 ноября 1946 г. всеобщих выборов на основе указанной программы не производилось, были избраны лишь отдельные народные комитеты. Связано это с тем, что всеобщие выборы требовали серьезной подготовки и предварительной очистки состава народных комитетов от прояпонских и других враждебных элементов, которые в ряде случаев проникали в состав народных органов власти в период их создания.

Как уже упоминалось, в октябре 1945 г. было образовано Организационное бюро Центрального комитета Коммунистической партии Северной Кореи. Оргбюро ЦК КПСК объединило 6 провинциальных, 93 уездных, 11 городских, 45 волостных и 2537 первичных партийных организаций на заводах, фабриках, в учреждениях, школах и в деревнях.

Под руководством своей партии рабочий класс в союзе с крестьянством не только создал, но и упрочил власть народных комитетов в Северной Корее.

8 февраля 1946 г. в Пхеньяне по инициативе лидеров демократических партий и организаций, председателей провинциальных народных комитетов и начальников департаментов было созвано подготовительное совещание с участием 32 делегатов от всех провинций Северной Кореи[2]. На совещании был заслушан доклад секретаря Оргбюро КПСК Ким Ир Сена

---

[1] «Хэбанху санёнканы кукнэвечхонёильчи», 1949.
[2] Там же.

«О политической обстановке в северной части Кореи в данный момент и образовании Временного народного комитета Северной Кореи». Анализируя создавшееся политическое положение и обосновывая необходимость организации Временного народного комитета Северной Кореи, Ким Ир Сен говорил о том, что департаменты и местные народные комитеты за это время (с августа 1945 г. по февраль 1946 г.) «проделали значительную работу по налаживанию нормальной экономической и культурной жизни; однако жизнь не стоит на месте, она идет вперед и выдвигает перед нами новые требования. Сделанного до сих пор далеко не достаточно. Уже сейчас мы ясно видим, что в работе наших департаментов и местных народных комитетов имеется целый ряд трудностей и существенных недостатков. Главное состоит в том, что организация административных органов власти в Северной Корее оказалась незавершенной, так как до сих пор нет единого административного органа центральной власти в Северной Корее, который руководил бы деятельностью департаментов и провинциальных народных комитетов и координировал ее»[1]. Далее Ким Ир Сен призвал делегатов обсудить вопрос о необходимости создания Временного народного комитета Северной Кореи. Все выступавшие в прениях делегаты горячо поддержали предложение Ким Ир Сена и единодушно высказались за образование Временного народного комитета.

В заключение совещание представителей решило на следующий день созвать расширенное заседание представителей демократических организаций Северной Кореи, на котором окончательно решить вопрос о создании Временного народного комитета Северной Кореи.

Совещание состоялось 9 февраля 1946 г. В работе его приняло участие 138 делегатов[2]: от коммунистической партии 6, от демократической партии 6, от новой корейской народной партии 2, от лиги независимости Кореи 3, от профсоюзов 10, от крестьянских союзов 12, от женского общества 6, от демократического союза молодежи 5, от религиозных обществ 3, от общества культурной связи с Советским Союзом 2, от народных комитетов провинций 30, от уездных комитетов 22, от муниципалитетов городов 18, от департаментов 13; по партийному признаку: коммунистов 82, демократов 19, беспартийных 37. На совещании были представлены основные политические партии, общественные организации и местные народные комитеты Северной Кореи[3].

В результате двухдневной работы совещание единодушно решило создать Временный народный комитет Северной Кореи.

[1] «Хэбанху санёнканы кукнэвечхонсильчи», 1949.
[2] Там же.
[3] «Советское государство и право», 1947, № 4, стр. 69.

Обсуждение вопросов по созданию Временного народного комитета убедительно показало, что образование Временного народного комитета полностью отвечает народным требованиям, так как этот комитет создается на прочной базе единого народного фронта всех демократических политических партий и организаций Северной Кореи. Образование Временного народного комитета Северной Кореи нанесло сильный удар по лисынмановским реакционерам, предавшим интересы корейского народа на юге страны.

Председателем Временного народного комитета Северной Кореи был избран Ким Ир Сен.

Совещание приняло постановление об очередных задачах Временного народного комитета Северной Кореи, народных комитетов провинций, уездов и городов. В этом постановлении признавалось необходимым: 1) укреплять все местные органы самоуправления путем решительного очищения их от прояпонских антидемократических элементов и привлечения к руководящей работе действительно честных и работоспособных людей; 2) в самое ближайшее время подготовить и провести в жизнь аграрную реформу на основе конфискации всех земельных и лесных угодий, принадлежащих японцам и прояпонским элементам, а также национализации земель и лесных угодий крупных корейских помещиков, отмены испольной системы и передачи земли без выкупа крестьянам; 3) восстановить и пустить промышленные предприятия и в первую очередь те предприятия, которые имеют жизненно необходимое значение для населения; 4) восстановить железнодорожный и водный транспорт; 5) принять меры к упорядочению финансово-банковской системы и развитию торговли; 6) развивать кустарную и ремесленную промышленность; 7) оказывать всемерную помощь профсоюзному движению; на предприятиях и на транспорте создавать широкую сеть фабрично-заводских комитетов; 8) реорганизовать систему народного образования в соответствии с демократическими преобразованиями; расширить сеть низших и средних школ, а также высших учебных заведений, организовать подготовку и переподготовку учительских кадров, ускорить издание учебных пособий на корейском языке; 9) широко развернуть культурно-просветительную работу среди всех слоев населения в духе антияпонского и истинно демократического воспитания; 10) правильно разъяснять всему населению истинный смысл решения Московского совещания трех министров иностранных дел о Корее, как самого справедливого и отвечающего коренным интересам корейского народа[1].

---

[1] «Чосон синмун», 10 февраля 1946 г.

Этим постановлением определялись первоочередные задачи всех народных комитетов в Северной Корее на ближайшее время. Иначе говоря, это была политическая программа Временного народного комитета Северной Кореи.

В конце работы совещание приняло приветственную телеграмму И. В. Сталину, в которой выражало благодарность Советской Армии и Советскому Союзу за освобождение Кореи от японских захватчиков.

После опубликования в прессе решения совещания представителей демократических партий и народных комитетов о создании Временного народного комитета Северной Кореи по всем провинциям в Северной Корее состоялись многолюдные митинги и демонстрации в знак солидарности с этим решением. В демонстрации, состоявшейся в Пхеньяне 10 февраля 1946 г., приняло участие 100 тыс. трудящихся города. Такие же демонстрации прошли во всех городах Северной Кореи.

Создание Временного народного комитета Северной Кореи явилось большим политическим событием в жизни страны. В результате этого была установлена стройная система демократических, подлинно народных органов власти.

5 марта 1946 г. Временный народный комитет Северной Кореи принял положение об его организации и работе. По этому «Положению» Временный народный комитет создавался как центральный административный орган власти в Северной Корее с правом издания временных законодательных актов. Будучи призван решать вопросы не только административного управления, но и проведения важнейших государственных преобразований, Временный народный комитет Северной Кореи, естественно, должен был обладать правом издания законодательных актов.

ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ В СЕВЕРНОЙ КОРЕЕ ДО СОЗДАНИЯ КОРЕЙСКОЙ НАРОДНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Взяв власть в свои руки, корейский народ, руководимый компартией, осуществил на севере страны ряд важнейших демократических преобразований.

Проведение демократических преобразований являлось для корейского народа исторической необходимостью. Без них корейский народ не смог бы закрепить народно-демократический режим в Северной Корее, без них невозможно было бы образование Корейской Народно-Демократической Республики в сентябре 1948 г.

Демократические преобразования, осуществлявшиеся в Северной Корее до создания КНДР, охватили собой все стороны общественно-политической и экономической жизни корейского народа и отвечали исконным его чаяниям. Основные демократические преобразования мы излагаем здесь в их исторической последовательности, т. е. в том же порядке, как они осуществлялись народной властью Северной Кореи.

5 марта 1946 г. Временный народный комитет Северной Кореи принял закон о проведении в Северной Корее аграрной реформы.

Проведению аграрной реформы предшествовали подготовительные мероприятия, среди которых следует отметить всеобщую земельную перепись крестьянских дворов, проведенную народными комитетами в январе—феврале 1946 г., и созыв съезда крестьянских комитетов Северной Кореи. На этом съезде, состоявшемся 23—27 февраля 1946 г. в г. Пхеньяне, обсуждался вопрос о положении трудового крестьянства в Северной Корее, и в результате этого обсуждения съезд вынес предложение — просить Временный народный комитет Северной Кореи провести аграрную реформу, так как только она одна в состоянии коренным образом изменить аграрные отношения в корейской деревне, ликвидировать гнет помещиков.

Временный народный комитет Северной Кореи принял закон об аграрной реформе, на основе которого с 7 марта по 1 апреля 1946 г. в Северной Корее и была проведена эта реформа[1].

Основная задача аграрной реформы состояла в уничтожении феодальных отношений и влияния японского империализма в сельском хозяйстве Северной Кореи. Аграрная реформа уничтожила в Северной Корее японское землевладение, землевладение корейских помещиков и ликвидировала паразитическую арендную систему.

Новый закон провозгласил принцип, по которому землей имеет право пользоваться только тот, кто ее обрабатывает. Закон преследовал цель создать такую систему землевладения, основой которой служили бы независимые крестьянские хозяйства, обрабатывающие землю на правах частной собственности.

По новому закону об аграрной реформе все земли, принадлежавшие ранее японскому государству, японским юридическим и физическим лицам, а также изменникам корейского народа, активно сотрудничавшим с японскими органами власти в ущерб интересам корейского народа или бежавшим со своих земель во время освобождения Кореи от японского гнета,—

---

[1] См. «За прочный мир, за народную демократию!», 30 июня 1950 г.

подлежали конфискации. Конфисковывались также все земли: принадлежавшие корейским помещикам, которые имели более 5 чонбо на хозяйство; принадлежавшие землевладельцам, которые своего сельского хозяйства не вели, а всю землю сдавали в аренду; земельные участки независимо от размера, систематически сдававшиеся в аренду; принадлежавшие церквам, монастырям и другим религиозным организациям, имевшим свыше 5 чонбо земли.

В отношении подлежащих конфискации земель, собственниками которых являлись лица и их семьи, имеющие заслуги в борьбе против японских империалистов, за свободу и независимость Кореи или особые заслуги в развитии национальной культуры, закон делал исключение. Земли таких лиц освобождались от отчуждения[1].

Все конфискованные земли безвозмездно передавались в собственность корейскому крестьянству.

Порядок конфискации и распределения земли определялся статьями 6 и 7 закона: земля поступала в распоряжение народных комитетов для наделения ею батраков, безземельных и малоземельных крестьян[2]. Земли, передаваемые крестьянам по закону об аграрной реформе, освобождались от всяких долгов и обложений. Аннулировались также все долги батраков и крестьян по отношению к помещикам, земли которых конфисковывались. Продажа, аренда и залог земель, передаваемых крестьянам согласно закону об аграрной реформе, категорически запрещались. Этот запрет был продиктован необходимостью предохранить новые крестьянские хозяйства от распада и стимулировать развитие личного труда собственников земли.

Тягловая сила, сельскохозяйственный инвентарь, надворные постройки и приусадебные земли помещиков, земли которых конфисковывались, подлежали передаче в распоряжение народных комитетов для последующего их распределения среди батраков и малоземельных крестьян[3].

Сады и другие фруктовые насаждения, принадлежавшие японскому государству, японским физическим и юридическим лицам, также конфисковывались. Подлежали также конфи-

---

[1] Для лиц и их семей, земли у которых сохранялись по мотивам их заслуг, требовалось особое разрешение Временного народного комитета Северной Кореи.

[2] Практически эта работа возлагалась на крестьянские комитеты, которые избирались в каждом селе на общем собрании крестьян.

[3] Надворные постройки также могли быть переданы школам, больницам и другим общественным организациям. В этом случае передача производилась по усмотрению народного комитета уезда или провинции.

скации сады и фруктовые насаждения, принадлежавшие корейским помещикам, земли которых отбирались [1].

Все леса, за исключением мелких участков, находившихся в частной собственности крестьян, а также ирригационные сооружения, принадлежавшие владельцам, земли которых конфисковывались по закону об аграрной реформе, отчуждались и переходили без выкупа в распоряжение Временного народного комитета Северной Кореи.

Таково основное содержание закона об аграрной реформе, произведшей полный переворот в аграрных отношениях в Северной Корее. Всего было конфисковано земли 1 000 325 чонбо [2].

Таким образом, основная задача — в связи с земельной реформой ликвидировать феодально-помещичье японское и корейское землевладение и уничтожить арендную систему—успешно была разрешена [3].

Землю получили 725 тыс. хозяйств батраков, безземельных и малоземельных крестьян[4]. Следовательно, и вторая задача земельной реформы — дать землю тем, кто ее обрабатывает, также была успешно разрешена. Крестьяне были наделены не только землей, но и сельскохозяйственными постройками и инвентарем. Общее представление об этом дают сведения о количестве конфискованных построек, рабочего скота, сельскохозяйственного инвентаря, а также садов, лесов и ирригационных сооружений. Согласно этим данным, при проведении земельной реформы конфисковано 14 477 построек, 4656 волов, 20 738 чонбо садов японских колонизаторов, 51 032 чонбо садов корейских помещиков, 3 432 986 чонбо лесов, 1165 ирригационных сооружений, орошающих площадь в 50 502 чонбо. При этом необходимо отметить, что сады, леса и ирригационные сооружения между крестьянами не распределялись, а перешли в распоряжение народных комитетов [5].

Аграрная реформа в Северной Корее, проведенная с громадным успехом, вызвала невиданный в истории Кореи политический подъем крестьянских масс.

Уже с первых дней после опубликования закона об аграрной реформе в Северной Корее прошла огромная волна митингов и демонстраций не только крестьянского, но и городского насе-

---

[1] Все конфискованные сады и другие фруктовые насаждения передавались в распоряжение народных комитетов провинций.

[2] См. «За прочный мир, за народную демократию!», 1950, 30 июня.

[3] Площадь конфискованных земель составляет 99% по отношению к площади земель, сдававшихся в аренду.

[4] «Кризис колониальной системы. Национально-освободительная борьба народов Восточной Азии». М., 1949, стр. 262 (Академия Наук СССР. Тихоокеанский ин-т).

[5] «Хэбанху санёнканы кукнэвечхобёильчи», 1949.

ления. Демонстрации проходили под лозунгами: «Всю землю крестьянам!», «Да здравствует Советская Армия, давшая свободу корейскому народу!», «Спасибо Советскому правительству!», «Да здравствует Временный народный комитет Северной Кореи!».

Большую помощь трудовому крестьянству оказал рабочий класс Северной Кореи. Тысячи лучших рабочих-активистов — коммунистов и беспартийных — направлялись в деревню для разъяснения закона о земельной реформе и помощи по его проведению в жизнь.

Земельная реформа в Северной Корее проходила в условиях острой классовой борьбы между крестьянами и помещиками. Помещики, подстрекаемые и поощряемые американскими агентами, с первых же дней повели борьбу против аграрной реформы, пытались помешать ее проведению. Отмечались случаи избиения активистов народных и крестьянских комитетов помещиками и их агентами, поджоги зданий народных комитетов и школ. Кроме того, имелись отдельные попытки со стороны помещиков создать вооруженные группы, но эти банды были своевременно раскрыты и обезврежены. Все попытки со стороны помещиков и их американских покровителей сорвать аграрную реформу в Северной Корее закончились полным крахом. Она прошла, как видно из итогов ее проведения, вполне успешно.

Аграрная реформа, освободившая крестьян Северной Кореи от феодально-помещичьего гнета, явилась крупнейшим демократическим преобразованием. Она позволила ликвидировать помещичий класс Северной Кореи. Она объединила вокруг народно-демократического правительства Северной Кореи основные массы крестьянства. Достаточно сказать, что в проведении земельной реформы участвовало 11,5 тыс. крестьянских комитетов, избранных народом, в которые входило более 80 тыс. крестьянских активистов.

Аграрная реформа позволила укрепить связь крестьянства с рабочим классом Северной Кореи, который оказал всемерную помощь крестьянству.

24 июня 1946 г. Временным народным комитетом Северной Кореи был принят закон о труде рабочих и служащих Северной Кореи[1]. Принятие этого закона явилось новым крупным шагом в деле демократизации Северной Кореи. В годы господства японских колонизаторов рабочий класс Кореи подвергался жесточайшей эксплуатации. Трудовой день на фабриках и заводах составлял 12—16 часов. В особо тяжелых условиях работали женщины и дети. Охрана труда и социальное страхование рабочих и служащих совершенно отсутствовали.

---

[1] «Хэбанху сапёнканы кукнэвечхонёильчи», 1949.

Закон о труде рабочих и служащих коренным образом изменил правовое и материальное положение северокорейских рабочих и служащих. В соответствии с этим законом для рабочих и служащих был установлен восьмичасовой рабочий день. Для рабочих на предприятиях с вредными условиями труда был установлен семичасовой рабочий день. Для подростков в возрасте от 14 до 16 лет, занятых на производстве и в учреждениях, продолжительность рабочего времени была установлена в 6 часов. Статья 4 закона о труде запрещает применение труда детей моложе 14 лет.

Таким образом, впервые в истории Кореи в законодательном порядке был установлен восьмичасовой рабочий день и созданы нормальные условия труда.

Радикальные изменения внес закон и в вопрос о заработной плате. По новому закону размер оплаты определяется занимаемой должностью и степенью квалификации рабочего. Одновременно в законе специально оговорено, что заработная плата трудящимся при одинаковой работе и равной квалификации должна выплачиваться в равных размерах независимо от возраста и пола. Большое место и внимание уделяет закон вопросам о предоставлении необходимого отдыха и об организации социального страхования рабочих и служащих. Рабочим и служащим предоставляется двухнедельный, а подросткам месячный отпуск, который оплачивается предприятием. Беременным женщинам — работницам предприятий и служащим учреждений—дается специальный отпуск в количестве 35 дней до родов и 42 дня после родов.

Статья 18 закона о труде устанавливает пособия по временной и по другим видам нетрудоспособности.

Огромную роль в развитии народной демократии в Северной Корее сыграл принятый 30 июля 1946 г. Временным народным комитетом Северной Кореи закон о равноправии женщин. Как известно, положение женщин в Корее было чрезвычайно тяжелым и особенно в период колониального господства японцев.

Женщина, говорится в указанном законе, подвергалась постоянному унижению и жестокой эксплуатации. Она не пользовалась никакими политическими и экономическими правами, была закрепощена домашним хозяйством и не имела доступа к культурной и общественной жизни страны. Политический и экономический гнет женщин дополнялся и усиливался средневековыми, феодально-семейными отношениями в деревне. Все это создавало невыносимые условия для существования корейской женщины. Унижение и оскорбление, нищета и безграмотность были уделом трудящейся кореянки.

С принятием этого закона женщины Северной Кореи впервые в истории получили равные политические и экономические права с мужчинами; в частности, это относится к избирательному праву, праву на получение равной оплаты за одинаковый труд, на социальное страхование и на образование.

Большое значение имеют статьи закона, которые устанавливают основные принципы новых семейно-брачных отношений. Так, по статье 4 закона бракосочетание рассматривается исключительно как добровольное дело лиц, вступающих в брак. Статьей 5 женщинам и мужчинам предоставляется право на развод. Развод производится народным судом. Брачный возраст для женщин установлен с 17 лет, для мужчин — с 18 лет. Статья 7 закона категорически запрещает многоженство, продажу женщин, а также содержание публичных домов и школ кейш. Статья 8 закона специально оговаривает равное право на наследование имущества и земельных угодий. Таково основное содержание этого исторического закона, имеющего огромное прогрессивное значение.

Женщины принимают активное участие в общественной, экономической и государственной жизни Северной Кореи. Так, например, среди членов народных комитетов Северной Кореи насчитывается 11 500 женщин. Много женщин занимает видные общественные и государственные посты. В их числе — Пак Ден Ай, одна из первых лауреатов Международной Сталинской премии «За укрепление мира между народами», член Всемирного Совета Мира.

Рост задач в связи с бурным развитием Северной Кореи поставил перед коммунистической партией вопрос о еще большем укреплении союза рабочего класса с крестьянством. Партия должна была стать еще более массовой. Именно этим обстоятельством было вызвано объединение коммунистической партии в августе 1946 г. с новой народной партией[1], охватывавшей мелкую городскую буржуазию и трудовое крестьянство. Объединенная партия была названа Трудовой партией. Во главе Центрального комитета Трудовой партии Северной Кореи, избранного учредительным съездом, стали Ким Ир Сен и Ким Ду Бон.

Объединение коммунистической и новой народной партий произошло на основе идеологических и организационных принципов марксизма-ленинизма. «Нынешний демократический этап корейского общества,— говорил Ким Ир Сен,— ни в коем случае не может развиваться в отрыве от основ марксизма-

---

[1] Новая народная партия Северной Кореи организовалась в августе 1945 г. на базе лиги независимости Кореи — антияпонской патриотической организации.

ленинизма, а, наоборот, он развивается именно на основе марксистско-ленинских законов о развитии общества»[1].

Следовательно, коммунистическая партия при объединении с новой народной партией не принизила своей классовой роли, а, наоборот, укрепила свое положение как авангарда рабочего класса. Изменение же названия партии подчеркивало укрепление связи рабочего класса с трудящимися массами других слоев населения.

Принятая учредительным съездом программа Трудовой партии Северной Кореи указывала, что Трудовая партия, подлинная выразительница и защитница интересов трудового народа Кореи, стремится к созданию демократического, независимого и сильного государства.

Трудовая партия с момента своего образования стала ведущей силой в северной части страны. Особенно велика была роль Трудовой партии в объединении всех трудящихся Северной Кореи для создания единого независимого Корейского государства.

Роль Трудовой партии как организатора народных масс Кореи особенно наглядно проявилась в создании по инициативе Трудовой партии в августе 1946 г. Единого демократического национального фронта (ЕДНФ) Северной Кореи, который просуществовал до образования Единого демократического отечественного фронта (ЕДОФ) в 1949 г.

Единый демократический национальный фронт Северной Кореи был создан для координации деятельности всех демократических сил Северной Кореи. Он имел свою программу и устав.

ЕДНФ Северной Кореи возглавил борьбу за точное и полное выполнение решений Московского соглашения о Корее, а после срыва американскими империалистами работы совместной советско-американской комиссии — за мирное объединение страны и создание единой народно-демократической республики, за укрепление народных комитетов, за дальнейшую демократизацию и политическое и экономическое упрочение народного строя в Северной Корее. ЕДНФ Северной Кореи оказывал всемерную поддержку Демократическому национальному фронту Южной Кореи в его борьбе против сил реакции, за демократию.

Единый демократический национальный фронт Северной Кореи являлся крепкой массовой опорой народных комитетов Северной Кореи. Он провел большую работу по дальнейшему осуществлению демократических реформ во всех областях

[1] Ким Ир Сен. Речь на собрании партактива провинции Пхёнаннамдо в сентябре 1946 г., стр. 23.

экономической и культурной жизни страны, по развитию народной культуры и экономики.

Все важные задачи по дальнейшей демократизации страны партии ЕДНФ решали согласованно, на основе полного взаимопонимания. Руководящим органом ЕДНФ Северной Кореи был Центральный комитет, в состав которого входили руководители всех политических партий и организаций.

Ведущую роль в ЕДНФ играла Трудовая партия Северной Кореи.

10 августа 1946 г. Временный народный комитет Северной Кореи принял закон о национализации промышленности, железнодорожного и водного транспорта, средств связи. По этому закону все промышленные предприятия, электростанции, железнодорожный и водный транспорт, средства связи, торговые и культурные учреждения, банки, принадлежавшие ранее японскому государству, японским физическим и юридическим лицам, а также корейцам — изменникам народа, безвозмездно конфисковывались и объявлялись собственностью корейского народа, т. е. национализировались[1].

В результате проведенной национализации только по одной промышленности в руки народных органов власти перешло 1034 промышленных предприятия с балансовой стоимостью на 15 августа 1946 г. свыше 3 млрд. иен.

После национализации реакционные элементы Северной Кореи окончательно лишились своей экономической базы. Национализация упрочила господствующее положение государственного сектора в народном хозяйстве Северной Кореи. Поэтому она была важнейшим шагом вперед по пути установления на севере страны народно-демократического строя.

Наряду с созданием государственного сектора, играющего решающую роль в народном хозяйстве Северной Кореи, Временный народный комитет Северной Кореи всячески поощрял развитие частной инициативы. 4 октября 1946 г. Временный народный комитет принял специальное постановление об охране прав частной собственности и поощрении частной инициативы в промышленности и коммерческой деятельности. Постановление не только охраняет право частной собственности на промышленные предприятия, принадлежащие корейским гражданам, но и разрешает народным комитетам провинций в отдельных случаях продавать или сдавать в аренду гражданам Кореи — промышленникам и коммерсантам — фабрики, заводы, шахты, лесоразработки и рыболовные промысла (с числом рабочих не свыше 50), а также жилые, складские и торговые помещения,

---

[1] См.: «Кризис колониальной системы», стр. 263.

принадлежавшие ранее японцам и находящиеся в распоряжении народных комитетов (п. 4).

Это постановление способствовало быстрейшему восстановлению и развитию народного хозяйства Северной Кореи. Оно было направлено на привлечение частного капитала в пределах, установленных по закону, в народное хозяйство страны, в целях его подъема.

Демократические преобразования, осуществленные корейским народом под руководством Трудовой партии, способствовали укреплению народно-демократического строя.

ВЫБОРЫ В НАРОДНЫЕ КОМИТЕТЫ. СОЗДАНИЕ НАРОДНОГО СОБРАНИЯ СЕВЕРНОЙ КОРЕИ

5 сентября 1946 г. Временный народный комитет Северной Кореи принял постановление о проведении 3 ноября 1946 г. выборов в провинциальные, городские и уездные народные комитеты.

По «Положению о выборах» указанных народных комитетов правом избирать и быть избранными пользуются все граждане Северной Кореи, достигшие 20-летнего возраста, независимо от имущественного положения, образования, оседлости, вероисповедания.

Избирательного права лишались лица, активно сотрудничавшие с японцами и помогавшие им проводить грабительскую политику в Корее, а также осужденные судом и умалишенные[1].

Женщинам были предоставлены избирательные права наравне с мужчинами.

В статье 3 «Положения о выборах» провозглашалось, что выборы членов провинциальных, городских и уездных народных комитетов являются равными; каждый гражданин имеет один голос, и все граждане участвуют в выборах на равных основаниях.

---

[1] К прояпонским элементам, как указывалось в «Положении», относились: 1) все корейцы, являвшиеся членами центрального совета при бывшем генерал-губернаторе Кореи; 2) все корейцы, являвшиеся членами провинциальных, муниципальных и уездных советов; 3) все лица, служившие на ответственной службе у японцев и в бывшем генерал-губернаторстве Кореи и в губернаторствах в провинциях; 4) лица, которые служили на ответственной жандармской, полицейской и судебно-прокурорской службе при японцах; 5) лица, которые добровольно, по собственной инициативе, с целью помощи японцам, предоставляли в распоряжение японских властей военно-промышленные и другие экономические средства; 6) лица, являвшиеся лидерами и активными руководящими работниками политических партий и организаций, существовавших в период японского господства, до 15 августа 1945 г.

Одновременно устанавливалось, что выборы членов провинциальных, городских и уездных народных комитетов являются прямыми, т. е. производятся непосредственно избирателями города и села.

Голосование при выборах народных комитетов было тайное. Право выдвижения кандидатов в члены провинциальных, городских и уездных народных комитетов предоставлялось всем демократическим политическим партиям и организациям, зарегистрированным Временным народным комитетом Северной Кореи.

Всего избирателей в Северной Корее, включенных в списки избирателей, было 4 516 120. На основании «Положения о выборах» было лишено избирательного права всего 4387 человек. Столь незначительное число лиц, лишенных избирательного права, показывает, что состоявшиеся выборы в народные комитеты Северной Кореи носили действительно всеобщий характер.

Все партии и общественные организации Северной Кореи выступили на выборах в едином блоке с единой избирательной платформой ЕДНФ. Кандидаты в члены народных комитетов от партий и общественных организаций были общие.

Трудовая партия и ЕДНФ провели большую организационную и агитационно-массовую работу, которая обеспечила успешное проведение выборов. В частности, было создано 11 595 агитпунктов, на которых работало 124 743 агитатора, из них 65 029 от Трудовой партии.

Реакционные и прояпонские элементы в Северной Корее, подстрекаемые американской агентурой из Южной Кореи, предпринимали тщетные попытки сорвать выборы. Они старались посеять недоверие к выборным властям, преуменьшить успехи, роль и значение народных комитетов и проведенных в Северной Корее демократических преобразований. Однако реакции не удалось сколько-нибудь заметно повлиять на ход и результат выборов, расколоть или поколебать достигнутое единство трудового народа. Демократические силы одержали на выборах замечательную победу.

Из общего числа зарегистрированных избирателей в голосовании приняло участие 99,6%. За кандидатов, выдвинутых ЕДНФ, было подано голосов: в провинциальные народные комитеты 4 369 428, или 97% от общего числа участвовавших в выборах; в городские народные комитеты 390 413, или 95,4%; в уездные народные комитеты 3 805 448, или 96,6%. Против выдвинутых кандидатов было подано всего 131 757 голосов, или 3% от общего числа участвовавших в выборах. На основании статьи 45 «Положения о выборах» в народные комитеты недействительными были признаны 628 бюллетеней.

В состав провинциальных народных комитетов в результате выборов было избрано 452 человека, в городские народные комитеты 287 человек и в уездные народные комитеты 2720 человек. Всего по Северной Корее в члены народных комитетов было избрано 3459 человек. Все они являлись кандидатами ЕДНФ[1].

Выборы в провинциальные, городские и уездные народные комитеты Северной Кореи, проведенные 3 ноября 1946 г., закончились полной победой сил демократии и поражением реакции. Эта победа показала, что в результате проведенных демократических преобразований огромное большинство населения Северной Кореи полностью поддерживает Временный народный комитет и политическую платформу Единого демократического национального фронта.

С 17 по 20 февраля 1947 г. в Пхеньяне состоялся съезд народных комитетов Северной Кореи, на котором присутствовало 1159 делегатов: 1124 от народных комитетов провинций, городов и уездов и 35 от политических партий и организаций.

Все делегаты были избраны тайным голосованием на сессиях народных комитетов провинций, городов и уездов, а делегаты от партий и общественных организаций — на пленумах центральных комитетов этих организаций. Большинство делегатов съезда составляли рабочие и крестьяне, но помимо них на съезде широко были представлены также и другие слои населения Северной Кореи. Это видно из данных о социальном составе съезда: рабочих 329, крестьян 318, служащих 330, представителей интеллигенции 110, торговцев 11, кустарей 6, предпринимателей 8, священнослужителей 34, домохозяев и домохозяек 13. Среди делегатов — 158 женщин. Преобладание делегатов — членов Трудовой партии (679 человек из 1159)—подчеркивало ведущую роль Трудовой партии в широких народных массах Северной Кореи.

Съезд открыл старейший делегат Пак Ден Гир, крестьянин провинции Пхёнан-намдо.

Съезд прежде всего рассмотрел законы и постановления, принятые Временным народным комитетом Северной Кореи за

---

[1] Избранные члены народных комитетов провинций, городов и уездов по партийному составу и социальному положению распределялись в следующем порядке: членов трудовой партии 1102, или 31,8% от общего числа избранных; членов демократической партии 351, или 10%; членов партии чхондогё 253, или 8,1%, и беспартийных 1753, или 50,1%. Из них: рабочих 510, или 14,5%; крестьян 1256, или 36,4%; служащих 1056, или 30,6%; торговцев 145, или 4,3%; промышленников и предпринимателей 73, или 2,1%; представителей интеллигенции 311, или 9%; служителей религиозного культа 94, или 2,7%; бывших помещиков 14, или 0,4%. В числе избранных членов народных комитетов было 3006 мужчин, или 86,9%, и женщин 453, или 13,1%.

период с 10 февраля 1946 г. по день созыва съезда. Эти законы и постановления ВНК получили единодушное одобрение делегатов съезда.

Выступивший на съезде крестьянин Ким Ва Ван сказал: «Этим законом (об аграрной реформе.— *Б. Щ.*) крестьяне Северной Кореи навсегда раскрепощены от феодального рабства. За это мы глубоко благодарим Народный комитет и Ким Ир Сена. На своей собственной земле мы добились высокого урожая. В прошлом году я сдал 30 кулей риса сверх плана. Я призываю делегатов съезда утвердить законы, принятые Временным народным комитетом. Эти законы обеспечивают свободу и благосостояние нашего народа»[1].

Съезд единогласно утвердил законы, принятые Временным народным комитетом[2].

С докладом о народнохозяйственном плане на 1947 г., первом государственном плане в истории Кореи, выступил Ким Ир Сен, который указал на необходимость принятия плана восстановления и развития народного хозяйства Северной Кореи на основе опыта Советского Союза.

Единогласно приняв план восстановления и развития народного хозяйства на 1947 г., съезд тем самым положил начало народнохозяйственному планированию в Корее.

Одной из важнейших задач съезда было образование Народного собрания Северной Кореи в качестве высшего органа государственной власти на период до образования единого демократического правительства Кореи.

Образование Народного собрания Северной Кореи вызывалось как необходимостью дальнейшей демократизации органов власти в стране, так и укреплением народной власти путем создания высокого представительного органа власти. Таким представительным органом власти и должно было быть Народное собрание — прообраз Верховного народного собрания Корейской Народно-Демократической Республики.

Анализируя процесс складывания новых, подлинно народных органов власти в Северной Корее, нетрудно убедиться, что он происходил не сверху вниз, а, наоборот, снизу вверх. Иначе говоря, вначале возникли местные народные комитеты

---

[1] «Пхеньян минбо», 18 февраля, 1947.

[2] Среди утвержденных были законы: 1. Об аграрной реформе в Северной Корее. 2. О труде рабочих и служащих Северной Кореи. 3. О равноправии женщин в Северной Корее. 4. О национализации промышленности, транспорта, связи и банков, принадлежавших японскому государству, японским физическим и юридическим лицам, а также изменникам корейского народа. 5. Об охране прав частной собственности и о мерах поощрения частной инициативы в промышленности и коммерческой деятельности. 6. О выборах в народные комитеты провинций, городов, уездов, волостей и сел.

в селах, волостях, уездах, городах и провинциях. Затем по мере роста задач, стоявших перед народными комитетами, они неизбежно должны были объединиться, что и было сделано путем образования Временного народного комитета Северной Кореи, а затем Народного собрания Северной Кореи.

Это еще раз подтверждает подлинно демократический характер народных комитетов в Северной Корее, начиная с сельских и кончая Народным собранием — высшим органом в системе народных комитетов Северной Кореи.

Интересны данные о социальном и партийном составе Народного собрания, наглядно иллюстрирующие подлинную народность его. По социальному составу среди избранных 237 депутатов Народного собрания было 52 рабочих, 62 крестьянина, 56 служащих, 36 интеллигентов, 10 торговцев, 4 кустаря, 7 промышленников и 10 служителей религиозного культа[1]. По партийности: 89 членов Трудовой партии, 29 членов демократической партии, 29 членов партии Чхондогё и 90 беспартийных. Среди депутатов Народного собрания 34 женщины.

Таков был состав депутатов Народного собрания Северной Кореи — первого в истории корейского народа представительного органа народной власти.

Съезд принял приветствие И. В. Сталину с выражением благодарности Советскому Союзу за освобождение корейского народа от японского ига и за оказываемую помощь в создании народно-демократического корейского государства.

Через два дня после закрытия съезда открылась первая сессия Народного собрания Северной Кореи.

С большим отчетным докладом о работе Временного народного комитета Северной Кореи выступил Ким Ир Сен. В своем докладе он подробно охарактеризовал всю деятельность Временного народного комитета по проведению демократических преобразований в Северной Корее. Особо Ким Ир Сен подчеркнул огромную помощь, оказываемую Северной Корее Советским Союзом.

Народное собрание одобрило работу Временного народного комитета Северной Кореи и вновь избрало Ким Ир Сена председателем Народного комитета, поручив ему сформировать новый состав Народного комитета Северной Кореи.

Народному комитету Северной Кореи предоставлялось право издания законов в период между сессиями Народного собрания, с последующим внесением на утверждение сессии Народного собрания. Вскоре после первой сессии Народного собрания были проведены выборы в волостные и сельские комитеты.

---

[1] «Хэбанху [санёнканы кукнэвечхонёильчи», 1949.

Успешным проведением выборов в волостные и сельские народные комитеты была закончена колоссальная работа по демократизации всех органов власти в Северной Корее, по созданию нового государственного аппарата, представляющего интересы широких народных масс. Активным участием в выборах подавляющей части городского населения и крестьянства народ продемонстрировал свою поддержку новой формы государственной власти, одобрение проводимых народными комитетами демократических реформ и свое неуклонное стремление идти и в дальнейшем по демократическому пути развития. Все попытки реакционных элементов помешать проведению выборов не имели успеха и не могли сколько-нибудь серьезно повлиять на общий ход выборов.

В марте 1948 г. состоялся второй съезд Трудовой партии Северной Кореи, который сыграл большую роль в истории партии и корейского народа. Съезд мобилизовал рабочий класс, весь трудовой народ на решительную борьбу против американской колонизаторской политики расчленения Кореи, на дальнейшее укрепление народно-демократического строя в Северной Корее. Съезд продемонстрировал количественный и качественный рост Трудовой партии. В период создания Трудовой партии Северной Кореи в ее составе было 366 тыс. членов, ко второму же съезду число их достигло 750 тыс. Вокруг Трудовой партии Северной Кореи сплотились весь рабочий класс и трудовое население северной части страны. Руководство Трудовой партии обеспечило гегемонию пролетариата в проведении демократических преобразований в Северной Корее.

Огромное историческое значение имело создание Народной армии в Северной Корее в феврале 1948 г. Основным костяком Народной армии явились бывшие партизаны, участвовавшие в национально-освободительной борьбе против японских колонизаторов. В речи на первом параде войск Народной армии, состоявшемся в Пхеньяне 8 февраля 1948 г., Ким Ир Сен говорил: «Сегодня перед корейским народом встала важная задача — создать свою армию своими руками и тем самым ускорить создание единого независимого демократического государства»[1]. С образованием Народной армии народная власть Северной Кореи, а затем Корейская Народно-Демократическая Республика получила свои вооруженные силы.

В результате демократических преобразований в Северной Корее были построены прочные политические и экономические основы, гарантирующие независимость страны; они превратили Северную Корею в незыблемый оплот демокра-

---

[1] Ким Ир Сен. Чогугы тхониль тоннипква минчжухварыльвихаё (Статьи и речи), т. II, стр. 76.

тического развития Кореи, превратили ее в очаг демократических сил, способный спасти страну от колониальной политики американского империализма. В Северной Корее был создан и закрепился народно-демократический режим. В результате создались благоприятные внутренние условия для образования Корейской Народно-Демократической Республики.

СОЗДАНИЕ КОРЕЙСКОЙ НАРОДНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Еще до образования в сентябре 1948 г. Корейской Народно-Демократической Республики в Северной Корее, как было показано выше, сложился прочный народно-демократический строй. Его создание явилось выдающимся завоеванием корейского рабочего класса, всего корейского трудового народа. Опираясь на народно-демократический строй и помощь со стороны Советского Союза, освободившего Корею от многолетнего национального гнета японского империализма, корейский народ создал в сентябре 1948 г. свое национальное государство— Корейскую Народно-Демократическую Республику.

Образование КНДР явилось непосредственным результатом разгрома Советским Союзом фашистской Германии и империалистической Японии, приведшим, как указывает товарищ Маленков, к прорыву «фронта империализма в Китае, Корее, Вьетнаме, где на месте полуколоний и колоний возникли народные республики»[1].

Корейская Народно-Демократическая Республика родилась 9 сентября 1948 г. Эта дата — один из важнейших этапов героической борьбы корейского народа за свое единое независимое государство.

Корейская Народно-Демократическая Республика была провозглашена представителями народа как северной, так и южной части Кореи. Образование КНДР явилось мощным ударом со стороны всего корейского народа по реакционным силам Кореи и их американским хозяевам. Создание КНДР воодушевило народы Азии на усиление борьбы против американского империализма и его пособников и способствовало дальнейшему обострению кризиса колониальной системы империализма.

Корейская Народно-Демократическая Республика была создана в результате всеобщих выборов в Верховное народное собрание, состоявшихся 25 августа 1948 г. Эти выборы проводились на основе решения второго объединенного совещания руководителей партий и общественных организаций Северной

---

[1] Г. Маленков. Отчётный доклад XIX съезду партии о работе Центрального Комитета ВКП(б), стр. 18.

и Южной Кореи. Первое совместное совещание руководителей 56 партий и общественных организаций Северной и Южной Кореи проходило в апреле 1948 г. На этом совещании был объявлен всенародный бойкот сепаратных «выборов» в Южной Корее. В результате свыше 70% избирателей Южной Кореи бойкотировали эти «выборы». Второе совместное совещание руководителей партий и общественных организаций Северной и Южной Кореи состоялось в июне—июле 1948 г. На этом совещании было решено создать Верховное народное собрание Кореи путем проведения всеобщих выборов в Северной и Южной Корее и образовать единое правительство из представителей Северной и Южной Кореи.

Выборы в Верховное народное собрание, назначенные на 25 августа 1948 г., проходили по-разному на севере и юге страны.

В Северной Корее, где народная власть гарантировала гражданам Кореи свободу слова, собраний, митингов, шествий и другие демократические свободы и права, избиратели могли свободно и беспрепятственно участвовать во всенародных выборах в Верховное народное собрание. В выборах приняло участие 99,97% всех избирателей Северной Кореи. Выборы в Верховное народное собрание на севере Кореи вылились во всенародный праздник, в великое торжество народа, впервые в своей истории избирающего по всей стране высший орган своей власти в обстановке действительной свободы и демократии.

Народные массы в Южной Корее также с большим подъемом избирали верховную власть страны. Следует иметь в виду, что избирательный закон по выборам в Верховное народное собрание был единый для всей Кореи. Граждане Южной Кореи в равной мере с гражданами Северной Кореи получили всеобщее, равное избирательное право при тайном голосовании. Однако американские империалисты и лисынмановское марионеточное правительство с целью сорвать образование Корейской Народно-Демократической Республики не только запретили проведение выборов в Верховное народное собрание, но сделали все от них зависящее, чтобы не дать жителям Южной Кореи возможности практически участвовать в этих выборах. В связи с этим выборы в Верховное народное собрание в Южной Корее проводились в нелегальных условиях. Это не могло не внести своих особенностей в проведение выборов на юге страны. Выборы в Верховное народное собрание не были прямыми, как на севере страны, а двустепенными: вначале избиратели выбирали делегатов на съезд народных представителей Южной Кореи, а затем съезд избирал депутатов в Верховное народное собрание. Несмотря на жестокие репрессии со стороны американских оккупационных властей и корейской реакции, в выборах в Верховное

народное собрание на юге страны участвовало 77,5% избирателей. На съезд были избраны представители от всех провинций городов и уездов Южной Кореи.

Всю работу по проведению выборов в Корее возглавил специальный комитет, избранный на объединенном совещании руководителей политических партий и общественных организаций севера и юга Кореи, борющихся за единство и независимость Кореи.

В Верховное народное собрание Кореи, как указывалось в докладе мандатной комиссии, избрано 572 депутата, из них 360 депутатов от Южной и 212 депутатов от Северной Кореи. По социальному составу среди депутатов было: рабочих 120, крестьян 194, служащих 152, кустарей 7, торговцев 22, предпринимателей 29, работников культуры 33, прочих 15 человек. 458 депутатов — представители 32 различных политических партий и общественных организаций Северной и Южной Кореи, 114 депутатов беспартийные. Среди депутатов 69 женщин. 248 депутатов во время японской оккупации подвергались арестам и тюремному заключению за участие в национально-освободительной борьбе. 287 депутатов боролись против японского империализма с оружием в руках или принимали участие в подпольной работе. 158 депутатов подвергались репрессиям и гонениям за участие в борьбе против политического расчленения Кореи и колониального закабаления Южной Кореи. 147 депутатов были осуждены американскими судами[1].

В состав Верховного народного собрания были избраны лучшие представители корейского народа, истинные патриоты и борцы за единую, свободную и независимую Корейскую Народно-Демократическую Республику.

Со 2 по 11 сентября 1948 г. в Пхеньяне, временной столице Корейской Народно-Демократической Республики, состоялась первая сессия Верховного народного собрания Кореи. Сессию открыл старейший депутат, 82-летний беспартийный крестьянин Южной Кореи Чен Ун Ге, который был активным участником национально-освободительной борьбы корейского народа против японских захватчиков.

Открывая сессию, Чен Ун Ге отметил историческое значение первой сессии Верховного народного собрания Кореи, которое избрано всем корейским народом с целью достижения объединения страны и создания независимого демократического корейского государства.

На этой сессии была принята конституция Корейской Народно-Демократической Республики.

---

[1] См. «Правда», 7 сентября 1948 г.

Конституция выражает коренные интересы корейского народа. Она законодательно закрепила великие демократические преобразования, проведенные в северной части страны.

Будучи итогом того, что было добыто и завоевано под руководством рабочего класса всем трудовым народом Северной Кореи, конституция вместе с тем играет роль программы действия для рабочих и крестьян Южной Кореи, программы их борьбы за претворение в жизнь принципов этой конституции в Южной Корее.

Конституция Корейской Народно-Демократической Республики является демократической конституцией народа, освобожденного Советской Армией от японского колониального угнетения и познавшего подлинную свободу.

Статья 1 конституции провозгласила корейское государство Корейской Народно-Демократической Республикой. Политической основой КНДР являются народные комитеты, созданные народом в период освобождения Кореи Советской Армией. В статье 2 конституции указывается, что вся власть принадлежит народу и осуществляется его высшим органом власти — Верховным народным собранием при содействии местных органов власти в лице народных комитетов.

Сессия избрала Президиум Верховного народного собрания под председательством Ким Ду Бона, образовала правительство во главе с Ким Ир Сеном, избрала Верховный суд и назначила генерального прокурора республики. Сессия приняла закон об объявлении амнистии в знак принятия конституции Корейской Народно-Демократической Республики. Сессия также единогласно приняла обращение к правительствам США и СССР с просьбой об одновременном выводе из Кореи американских и советских войск. Таким образом, первая сессия Верховного народного собрания Кореи законодательно оформила создание Корейской Народно-Демократической Республики.

Создание общекорейского демократического правительства и образование КНДР явилось логическим завершением многолетней борьбы, которую вел корейский народ за свою национальную независимость. Корейский народ смог сделать этот важнейший шаг на пути своего объединения благодаря братской и бескорыстной помощи и поддержке, которую оказывало ему Советское государство как на международной арене, так и в деле укрепления демократического строя в Северной Корее.

Советский Союз первым признал Корейскую Народно-Демократическую Республику и 12 октября 1948 г. установил с нею дипломатические отношения.

Корейскую Народно-Демократическую Республику также признали: Польша, Чехословакия, Болгария, Румыния, Венгрия, Албания, Монгольская Народная Республика, Китайская

Народная Республика, Германская Демократическая Республика и Вьетнамская Демократическая Республика.

Признание Советским Союзом и рядом других стран Корейской Народно-демократической Республики укрепило ее международно-правовое положение как суверенного государства. КНДР выступила на международной арене в качестве действительно независимого государства. Наряду с укреплением международных связей Корейской Народно-Демократической Республики корейский народ активно участвует в международных демократических организациях, борясь за укрепление мира и дружбы между народами.

С образованием КНДР и установлением с ней дипломатических отношений Советский Союз, идя навстречу пожеланию корейского народа, вывел советские войска из Северной Кореи.

17 марта 1949 г. в Москве было подписано соглашение об экономическом и культурном сотрудничестве между Союзом ССР и Корейской Народно-Демократической Республикой, а также соглашение о товарообороте и платежах между СССР и КНДР, соглашение о предоставлении Корее кредита для оплаты товаров, поставляемых сверх соглашения о товарообороте, и соглашение об оказании Корее технической помощи.

Соглашение об экономическом и культурном сотрудничестве Советского Союза с КНДР, как и с другими народно-демократическими странами, основаны на принципе полного равноправия сторон. «Заключение равноправных соглашений, имеющих такое огромное политическое значение, является еще одним ярким свидетельством того, что Советское правительство последовательно проводит сталинскую внешнюю политику, основанную на принципах невмешательства во внутренние дела других стран, уважения независимости больших и малых народов, защиты мира и свободы. Эти соглашения, соответствующие жизненным интересам народов обеих стран, встречают полную поддержку народов Кореи и Советского Союза»[1]. Они оказывают глубокое, благотворное влияние на экономику и культуру КНДР, содействуя ее возрождению и развитию.

ОБЪЕДИНЕНИЕ ТРУДОВЫХ ПАРТИЙ СЕВЕРНОЙ И ЮЖНОЙ КОРЕИ[2]

С созданием КНДР стало возможным и практически необходимым объединение трудовых партий Северной и Южной

---

[1] «Правда», 12 апреля 1949 г.

[2] О создании Трудовой партии Южной Кореи см. статью Ф. И. Шабшиной. «Захватническая политика США в Корее и борьба народных масс Южной Кореи за независимость».

Кореи в одну единую партию. Слияние летом 1949 г. этих партий в единую Трудовую партию Кореи явилось большим событием в политической жизни Кореи. С объединением трудовых партий усилилась руководящая роль пролетариата и на севере, и на юге страны. «Наша партия,— говорил Ким Ир Сен,— должна укрепить единство рабочего класса — ведущей армии строительства нашего государства и ядра нашей партии— и еще выше поднять его организованность, боеспособность и политическую бдительность как руководящего класса трудящихся масс Кореи» [1].

Опираясь на марксистско-ленинскую теорию, Трудовая партия успешно решает эту задачу. Марксистско-ленинская теория помогает Трудовой партии Кореи добиться победы над силами внутренней и внешней реакции, мешающими созданию единой и независимой демократической Кореи. Марксистско-ленинская теория дает Трудовой партии возможность правильно определять свои стратегические и тактические задачи в крайне сложной и тяжелой обстановке в Корее. При этом решающее значение для Трудовой партии Кореи имеет использование опыта Коммунистической партии Советского Союза, верность пролетарскому интернационализму. Указывая на международное значение опыта большевизма, И. В. Сталин писал: «Разве ленинизм не есть обобщение опыта революционного движения **всех** стран? Разве основы теории и тактики ленинизма не пригодны, не обязательны для пролетарских партий **всех** стран? Разве Ленин был не прав, говоря, что «большевизм **годится как образец тактики для всех**»?» [2]. Использование опыта большевизма неразрывно связано с верностью идеям пролетарского интернационализма.

Трудовая партия Кореи ведет беспощадную борьбу с малейшими проявлениями буржуазного национализма, зовет корейский народ к укреплению дружбы с Советским Союзом, Китайской Народной Республикой и всеми странами народной демократии. Трудовая партия Кореи специально обсудила на декабрьском пленуме ЦК в 1949 г. вопрос о решениях второго совещания Информбюро некоторых коммунистических партий и выразила свою солидарность с ними. Она заклеймила как позорную измену делу пролетарского интернационализма предательскую деятельность Тито и его сообщников в Югославии.

Весьма важную роль в идеологическом укреплении Трудовой партии Кореи сыграл декабрьский пленум ЦК партии в 1949 г., на котором обсуждался вопрос об усилении идейно-политического воспитания членов партии и о задачах партийных организаций.

---

[1] «Чопчжин» («Вперед»), 1950, № 2.
[2] И. В. Сталин. Соч., т. 8, стр. 15.

В организационном отношении Трудовая партия Кореи строится как партия марксистско-ленинского типа. Принцип демократического централизма лежит в основе ее. От каждого члена Трудовой партии требуется высокая революционная бдительность и железная партийная дисциплина. «Каждый член партии должен всемерно повышать революционную бдительность с тем, чтобы беспощадно разоблачать и ликвидировать агентов буржуазного национализма и империализма, как бы они ни прикрывались и какие бы формы ни применяли» [1].

Американский империализм и корейская реакция всячески пытаются подорвать Трудовую партию Кореи, засылая с этой целью своих агентов в партию. Революционная бдительность и твердая партийная дисциплина помогают партии своевременно разоблачать и уничтожать провокаторов и шпионов, пробирающихся в ее ряды.

Борьба за мирное объединение всей Кореи в единое демократическое государство требовала сплочения всех сил корейского народа. Поэтому в июне 1949 г. по инициативе Трудовой партии Кореи был создан Единый демократический отечественный фронт Кореи. До создания Единого демократического отечественного фронта самостоятельно существовали в Северной Корее Единый демократический национальный фронт и в Южной Корее Демократический национальный фронт.

Создание ЕДОФ Кореи происходило в условиях подъема национально-освободительной борьбы в странах Восточной и Юго-Восточной Азии. Успехи этой борьбы и в первую очередь исторические победы китайского народа воодушевляли корейский народ. Борьба за мирное объединение Кореи приобретала актуальнейшее значение, поскольку американский империализм, потерпев поражение в Китае, начал более активно готовить Южную Корею в качестве военного плацдарма для нападения на КНДР и превращения всей Кореи в базу агрессии на Дальнем Востоке (документы, захваченные корейской Народной армией уже после разбойничьего нападения американских и лисынмановских войск на КНДР, со всей наглядностью показывают, что американцы рассчитывали напасть на Северную Корею еще в июле—августе 1949 г.[2]).

В июне 1949 г. в Пхеньяне состоялся учредительный съезд Единого демократического отечественного фронта Кореи (ЕДОФ). На съезде присутствовало 667 делегатов из Северной и Южной Кореи от 80 партий и общественных организаций, ведущих борьбу за единство и независимость страны.

[1] Письмо ЦК ТПК ко всем членам партии, борющимся в Южной Корее. «Чжончжин», 1950, № 2, стр. 9.

[2] См. заявление правительства КНДР Генеральной Ассамблее и Совету Безопасности ООН. «Правда», 30 сентября 1950г.

Съезд избрал Центральный комитет ЕДОФ, в который вошли 99 человек, в том числе Ким Ир Сен, Ким Ду Бон, Хон Мен Хи, Ким Дар Хён, Цой ен Ген, Ким Чак и другие представители политических партий и общественных организаций Кореи, входящих в ЕДОФ. Съезд принял программу Единого демократического отечественного фронта Кореи и обращение к корейскому народу.

В первой части программы ЕДОФ говорилось, что «империалистическая политика правящих кругов Соединенных Штатов Америки в Корее и террористический режим, созданный корейской реакцией при поддержке американских империалистов в Южной Корее, имеют целью закабаление корейского народа, удушение его творческих сил и способностей. Дальнейшее существование разделения страны чревато величайшей опасностью для корейского народа»[1].

Во второй части программы ЕДОФ указывалось, что в целях достижения единства и независимости родины, обеспечения демократического развития страны, ликвидации пережитков феодализма, развития национальной экономики и подъема благосостояния народа необходимо бороться за немедленный вывод американских войск из Южной Кореи, за удаление из Кореи так называемой комиссии ООН. Нужно, подчеркивалось в программе, мобилизовать все силы народа для борьбы за быстрейшее объединение страны, против предателей родины, мешающих объединению; бороться за закрепление демократических преобразований, проведенных на территории северной части страны, и поддерживать правительство Корейской Народно-Демократической Республики, созданное в результате всеобщих выборов 25 августа 1948 г.

Программа ЕДОФ стала знаменем борьбы корейского народа за мирное объединение родины.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА И ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО В КНДР

Экономическая структура Корейской Народно-Демократической Республики (за исключением той части ее, которая находится еще под гнетом американского империализма) основывается, как это указано в конституции, на трех секторах хозяйства: государственном, кооперативном и частном.

Конституция особо оговаривает, что все рудные и другие богатства недр земли, леса, воды, крупная промышленность, банки, железнодорожный, водный и воздушный транспорт,

---

[1] «Известия», 1 июля 1949 г.

естественные источники энергии, средства связи, водопроводные сооружения, вся бывшая японская собственность и собственность лиц, активно сотрудничавших с японцами во вред корейскому народу, являются государственной собственностью.

Таким образом, основные средства производства находятся в руках государства. Это указывает на ведущее значение государственной собственности в экономической структуре КНДР.

В руках государства сосредоточено около 90% всей промышленности Северной Кореи. Опираясь на всестороннюю экономическую и техническую помощь Советского Союза, Корейская Народно-Демократическая Республика достигла, как отмечал Г. М. Маленков, большого экономического подъема[1].

Особенно крупных успехов достиг государственный сектор хозяйства — основа экономической независимости республики.

Правительство КНДР стремилось всемерно укреплять экономическую независимость для того, чтобы неуклонно повышать материальное благосостояние народа, обеспечить экономический расцвет, политическую и экономическую независимость страны. С этой целью правительство республики израсходовало на народное хозяйство в 1948 г. 5773 млн. вон, или 42,3% всех бюджетных расходов, в 1949 г.— 8307 млн. вон, или также 42,3% всех бюджетных расходов, в 1950 г. было запланировано ассигнований 10 934 млн. вон, или 40,1% всех расходов[2].

Непрерывный рост расходов на нужды народного хозяйства в КНДР в предвоенный период, свидетельствуя об огромной заботе корейского народа и правительства о восстановлении и развитии отечественной экономики — материальной базы нового народно-демократического строя, дал возможность значительно повысить уровень промышленного производства республики. Если уровень промышленного производства 1946 г. принять за 100, то в 1947 г. он равнялся 189,3%, в 1948 г.— 263,3% и в 1949 г.— 377,1%, т. е. увеличился почти в 4 раза.

План 1949 г. и первого полугодия 1950 г. был перевыполнен. Машиностроительная и легкая промышленность превзошла довоенный уровень. По сравнению с 1944 г. выпуск продукции машиностроительных заводов в 1949 г. вырос на 146,9%, а предприятий легкой промышленности — на 52,7%. Этим отраслям промышленности двухлетний план уделял главное внимание, так как от их развития зависел во многом общий подъем народного хозяйства страны и материального благосостояния

---

[1] См. Г. Маленков. Отчётный доклад XIX съезду партии о работе Центрального Комитета ВКП(б), стр. 9—10.

[2] «Нодон синмун», 1 марта 1950 г.

народа[1]. Одновременно в 1949 г. и в первой половине 1950 г. было развернуто широкое строительство новых государственных промышленных предприятий[2]. На капитальное строительство в 1949 г. было отпущено по бюджету 3495 млн. вон, или 18% расходов бюджета, в 1950 г.—3709 млн. вон, или 14% расходов бюджета.

Первоочередное развитие тяжелой промышленности в 1948—1950 гг. дало возможность КНДР приступить к ликвидации уродливых последствий японского господства в экономике. Советский метод индустриализации, использованный рабочим классом и Трудовой партией Кореи, оказал неоценимую услугу корейскому народу в восстановлении и развитии народного хозяйства и прежде всего в развитии государственного сектора хозяйства. Государственный сектор в 1949 г. давал 83,67% всей промышленной продукции, в 1950 г. он должен был дать уже

---

[1] Промышленная продукция (по стоимости) северной части КНДР характеризовалась следующими данными (в %):

Отрасль промышленности	1946 г.	1947 г.	1948 г.	1949 г.	1950 г.
Электротехническая	6,9	5,5	4,7	4,6	4,6
Электроэнергетическая	6,8	5,2	4,1	2,9	—
Электрооборудования	0,1	0,3	0,6	1,7	—
Угледобывающая	9,0	10,3	9,8	7,4	6,8
Горная	12,8	13,0	11,9	14,3	10,6
Металлургическая	18,7	23,2	26,2	22,3	29,0
Машиностроительная	1,7	3,7	4,4	7,0	7,0
Химическая	21,1	15,9	17,3	17,1	15,7
Строительная	1,8	2,8	3,0	3,4	3,0
Легкая	28,0	25,6	22,7	23,9	23,3
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

(«Корейский центральный ежегодник», 1950, стр. 276. Цифры 1949 г.— перспективные, на 1950 г.— запланированные). Данные по промышленности электроэнергетической и электрооборудования даются дополнительно к указанным 100% распределения промышленной продукции.

Как видно из приведенной таблицы, главную роль в промышленной структуре Северной Кореи играла тяжелая промышленность и в особенности металлургическая — ведущая отрасль промышленности.

[2] Например: Пхеньянский текстильный комбинат, который должен был давать продукции в 4 раза больше, чем вся текстильная промышленность Северной Кореи при японском колониальном режиме; первый стекольный завод в Нампхо, цинковый завод в Мунпхён и множество других промышленных предприятий.

85,6% промышленной продукции. Сосредоточение командных позиций в экономике северной части республики в руках государства является одним из важнейших завоеваний корейского народа и Трудовой партии Кореи.

Важно также отметить, что в КНДР в 1949 г. было создано двенадцать государственных земледельческих хозяйств и девять опытных государственных семенных станций. Решением правительства КНДР от 21 февраля 1950 г. были созданы первые машинопрокатные станции, в распоряжение которых было передано 100 тракторов, полученных из Советского Союза на основе договора об экономическом и культурном сотрудничестве. Образование указанных государственных хозяйств, опытных станций и МПС указывает на начинающийся процесс развития государственного сектора экономики и в сельском хозяйстве.

Отмечая важность создания и укрепления в народном хозяйстве государственного сектора, Ким Ир Сен указывал, что это «даст возможность планомерно управлять народным хозяйством при господствующем влиянии государства, развертывать его в целях повышения благосостояния широких народных масс, регулировать частнокапиталистический сектор под контролем государства»[1].

Государственная собственность в КНДР — всенародное достояние. Это значит, что государственная собственность, на основе которой существует государственное хозяйство, в Северной Корее служит интересам трудящихся. Государственная собственность — это одно из возможных средств повышения материального благосостояния корейского народа.

В государственном хозяйстве КНДР нет капиталистической эксплуатации. Она уничтожена в результате создания государственной собственности.

Наряду с государственным сектором хозяйства в КНДР существуют еще два сектора: кооперативный и частный.

Кооперативный сектор хозяйства в 1949 г. давал 2,7% всей промышленной продукции, 29,8% продукции рыболовства и 25,2% — рыбообработки. В 1950 г. кооперативный сектор должен был уже дать 3% всей промышленной продукции и 35% рыбного промысла. Кооперативный сектор хозяйства представлен в КНДР промысловой, производственной и потребительской кооперацией. Потребительской кооперацией в 1950 г. было охвачено 83% взрослого населения северной части республики Потребительская кооперация в 1950 г. имела 1792 магазина. Через торговую сеть потребительской кооперации в 1949 г. было продано товаров на 73% больше, чем в 1947 г. Государство все-

---

[1] Ким Ир Сен. Доклад на II съезде ТПСК, стр. 41.

мерно поощряет и оказывает помощь народной кооперации. На это прямо указывает статья 9 конституции КНДР, Объектом права кооперативной собственности в КНДР могут быть все средства и орудия производства, не являющиеся по закону исключительным правом собственности государства. Кооперативная собственность охраняется государством.

Частный сектор хозяйства в КНДР выступает в двух формах: мелкотоварного крестьянского хозяйства и частнокапиталистического хозяйства. КНДР гарантирует гражданам право частной собственности на землю в пределах, установленных законом, на скот, сельскохозяйственные орудия и другие средства производства, на мелкие и средние промышленные и торговые предприятия, сырье, вырабатываемую продукцию, жилые и надворные постройки, предметы домашнего обихода, доходы и сбережения; гарантируется право наследования частной собственности[1].

В КНДР запрещается частная собственность на крупные промышленные и торговые предприятия, железнодорожный транспорт и другие важнейшие орудия и средства производства. Это очень важное положение, говорящее об известном ограничении права частной собственности в КНДР и о явном преобладании государственной собственности над частной; право частной собственности на землю предоставляется лишь тем гражданам, которые обрабатывают ее своим трудом, и в размере, не превышающем 20 чонбо. Это ограничивает рост частнокапиталистических элементов в сельском хозяйстве.

Вместе с тем следует отметить, что КНДР заинтересована и в развитии частной инициативы в хозяйстве. Именно этим было вызвано издание еще в 1946 г. в Северной Корее постановления Временного народного комитета о поощрении частной инициативы и об охране частной собственности. По этому постановлению конфискация собственности корейских предпринимателей и торговцев могла производиться только по решению судебных органов или по постановлению Временного народного комитета. В дальнейшем это постановление нашло свое законодательное закрепление в статье 8 конституции КНДР.

Частнокапиталистический сектор в 1949 г. давал 9,39%, а в 1950 г. должен был дать 4,21% всей промышленной продукции КНДР. В рыболовстве частнокапиталистический сектор в 1949 г. давал 27,4% продукции, в рыбопромышленности 14,4%. Более сильны позиции частнокапиталистического сектора в розничной торговле и в сельском хозяйстве. Способствуя развитию частных предприятий, имеющих важное с точки зрения

[1] См. статью 8 конституции КНДР.

общегосударственных интересов значение, КНДР вместе с тем принимает ряд мер, ограничивающих и регулирующих в общегосударственных интересах развитие частнокапиталистического сектора хозяйства.

Правительство КНДР стремится использовать частнохозяйственную инициативу в интересах народа, в целях поднятия производительных сил общества и укрепления народно-демократического государства, улучшения материального положения трудящихся. Практически это осуществляется путем: во-первых, участия частных предприятий в выполнении государственного плана; во-вторых, распространения на частные предприятия трудового законодательства (о восьмичасовом рабочем дне, о единой системе заработной платы, о социальном страховании, коллективном договоре и др.); в-третьих, установления прогрессивного налога на прибыль частных предприятий в размере 10—55%, налога с оборота, налога на наследство (5—70%); в-четвертых, определения государством общих цен на товары, выпускаемые государственными, кооперативными и частными предприятиями.

Другой и более широкой формой частного хозяйства является мелкотоварное производство. Мелкотоварное хозяйство, основанное на крестьянской частной собственности,— преобладающая форма хозяйства в корейской деревне. Корейское народно-демократическое государство оказывает большую помощь трудящемуся крестьянству.

Начало новым земельным трудовым отношениям положила отмеченная нами выше аграрная реформа, которая передала землю безземельным и малоземельным крестьянам. Вслед за проведением аграрной реформы в КНДР была установлена прогрессивная система натурального налога. По этой системе натуральный налог взимается с поливного поля в размере 27% урожая, с сухого поля —25%, с выжженного поля (т. е. с земель, ранее обрабатываемых хвадёнминами [1]) — 10%. Поднятая целина освобождается на три года от натурального налога. Такая система натурального налога полностью отвечает интересам трудового крестьянства и государства.

Необходимо также отметить, что после проведения аграрной реформы посевные площади в КНДР расширились почти на 25%, а также значительно поднялась урожайность всех сельскохозяйственных культур [2].

Корейское народно-демократическое государство оказывает

---

[1] См. статью Е. А. Пигулевской. Экономика Кореи под гнетом японского империализма, стр. 158—159.

[2] См. Г. Маленков. Отчётный доклад XIX съезду партии о работе Центрального Комитета ВКП(б), стр. 9—10.

большую помощь трудящемуся крестьянству и строительством ирригационных сооружений. В Северной Корее после освобождения построено большое количество оросительных каналов и прудов. На их строительство в 1950 г. было отпущено 1632 млн. вон, или 6,2% всех бюджетных расходов. Государство обеспечивает крестьян необходимыми минеральными удобрениями, помогает осваивать передовые методы обработки земли. Большую роль должны были сыграть государственные хозяйства, опытные станции и машинопрокатные станции[1].

КНДР, оказывая помощь всему крестьянству, наибольшее внимание уделяет поддержке маломощных слоев его. Статья 7 положения о машинопрокатных станциях указывает: «МПС содействуют преимущественно тем крестьянам, которые не владеют быком».

Характерной чертой нового экономического строя, создаваемого в КНДР, является его плановое развитие. Государственное планирование — конституционный принцип развития народного хозяйства страны. В статье 10 конституции указывается: «В целях правильного использования экономических ресурсов и возможностей страны в интересах народа, государство устанавливает единый народнохозяйственный план, по которому и направляет восстановление и развитие экономики и культуры страны. При осуществлении народнохозяйственного плана государство опирается на государственную и кооперативную собственность, а также привлекает частнохозяйственный сектор».

Введение планирования в Северной Корее стало возможным благодаря созданию народно-демократического режима и национализации промышленности, транспорта, средств связи и банков и создания государственного и кооперативного секторов хозяйства; без этого планирование было бы немыслимо.

Развитие народного хозяйства в КНДР осуществляется на базе единого народнохозяйственного плана, созданного на прочных научных основах. Использование опыта Советского Союза в этой области, как и во всех остальных, является решающим условием правильной организации народнохозяйственного планирования в КНДР. Государственный план в КНДР разрабатывается правительством и утверждается Верховным народным собранием республики. Такой порядок утверждения плана установлен конституцией республики. Он придает плану необходимую стабильность и твердый законодательный характер. Успешное осуществление планов в КНДР до нападения США — яркое свидетельство их жизненности и реальности.

[1] Успешное применение передовых методов агротехники и механизации привело к повышению урожайности крестьянских хозяйств. Если принять урожайность 1948 г. за 100, то в 1949 г. она составила по рису 110%, просу 178%, пшену 170%, кукурузе 175%, хлопку 246%.

Корейский народ во главе с рабочим классом, направляемый Трудовой партией, успешно выполнил государственные планы 1947—1948 гг. На их основе был разработан и утвержден первый двухлетний план на 1949—1950 гг.

Переход от однолетних планов к двухлетнему знаменует собою новый этап в развитии государственного планирования в КНДР.

План промышленного производства в 1949 г. был выполнен на 103%. Выполнен был план и первого полугодия 1950 г.

Многие предприятия обязались досрочно выполнить двухлетний план. Часть из них закончила свою двухлетку даже к концу февраля 1950 г. (рудник Ынхор, Хамхынское управление авто-гужевого транспорта и др.).

Трудящиеся северной части республики широко развернули трудовое соревнование[1]. В результате производительность труда непрерывно возрастала. Если принять производительность труда 1946 г. за 100, то в 1947 г. она составила в промышленности 170,7%, в 1948 г.— 235,8% и в 1949 г.— 248,5%.

Благодаря патриотическому подъему рабочих и специалистов государственные планы в КНДР не только выполнялись, но и перевыполнялись. В этом сказались новые черты тех общественных отношений, которые складываются в КНДР. В Северной Корее уже начали относиться к труду как к делу чести и славы.

Общий подъем народного хозяйства Северной Кореи создал материальные условия для организации бесперебойного снабжения населения продовольствием. Рабочие и служащие получали пайки по доступным ценам. Рабочие, систематически перевыполняющие производственные нормы, получали дополнительные пайки. Серьезную роль в общем улучшении снабжения населения продовольствием и товарами широкого потребления играли торговля и местная промышленность. В развитии этих важных отраслей принимали участие не только государственные и кооперативные организации, но и частные лица, которым предоставлена широкая инициатива в предпринимательской и коммерческой деятельности.

РАЗВИТИЕ КУЛЬТУРЫ И НАУКИ

В период колониального господства японцев в Корее национальная корейская культура подвергалась гонению. Все учебные заведения были полностью японизированы. Корейский язык и письменность преследовались. Все руководящие должно-

[1] В 1947 г. в соревновании участвовало 604 предприятия с охватом 163 067 рабочих, в 1948 году 1490 предприятий с охватом 244 357 рабочих, в 1949 году 1677 предприятий с охватом 287 307 рабочих. «Корейский центральный ежегодник», 1950, стр. 331.

сти в учебных и культурно-просветительных учреждениях и школах Кореи находились в руках японских колонизаторов.

С освобождением Кореи от японских захватчиков корейский народ в северной части страны получил неограниченные возможности для возрождения своей национальной культуры и перестройки всей системы народного образования на новых, демократических началах. Опираясь на богатейший опыт культурного строительства в СССР и пользуясь повседневной братской и бескорыстной помощью советского народа, особенно усилившейся после заключения соглашения об экономическом и культурном сотрудничестве между СССР и КНДР (март 1949 г.), корейский народ проделал громадную работу по повышению культурного уровня населения Северной Кореи. Эта работа началась прежде всего с восстановления корейского языка и письменности. Все общественные школы и учебные заведения были взяты на бюджет народных комитетов. Были разработаны твердые штаты школ и единые повышенные ставки заработной платы педагогическим работникам, подготовлены новые учителя.

Конституция Корейской Народно-Демократической Республики предоставила гражданам право на образование, причем начальное образование по закону является обязательным и бесплатным. Дети неимущих граждан бесплатно получают учебники и учебные пособия. Большинство учащихся высшей школы и техникумов обеспечивается государственными стипендиями.

Расходы на народное образование в КНДР в 1949 г. составили 10% всех расходов общегосударственного бюджета, а в 1950 г. эти ассигнования были определены в размере 2967 млн. вон, или 11,1% всех расходов бюджета. В результате этого значительно возросли сеть школьного обучения и количество учащихся в них. В 1949 г. в Северной Корее было 3882 начальные школы, т. е. почти в два раза больше, чем в 1944 г. Число учащихся возросло также почти в два раза. Количество неполных средних и средних школ в 1949 г. возросло в 20 раз по сравнению с 1944 г., число учащихся — в 23 раза. Разработаны новые учебные планы. Несоответствие между ростом начального обучения и обучения в средних школах объясняется тем, что в период японского господства среднее образование было доступно только очень ограниченному кругу корейцев. Лишь 3—4% корейских детей попадали в среднюю школу и до 35—40% — в низшую школу. После освобождения страны тяга к образованию была настолько велика, что широкие народные массы уже не могли удовлетвориться только начальным образованием. Необходимо было резко увеличить число средних и неполных средних школ.

В КНДР уделяется большое внимание ликвидации неграмотности среди взрослого корейского населения. В 1949 г. в 3700 пунктах Северной Кореи были созданы начальные и средние школы для взрослых, в которых обучалось свыше 140 тыс. взрослых. Обучение неграмотных производится по специально изданным большим тиражом учебникам по корейскому языку и арифметике.

Огромным достижением корейской культуры явилось создание в Пхеньяне Государственного университета имени Ким Ир Сена. Был организован также ряд других высших учебных заведений. В июне 1950 г. в Северной Корее было уже 15 вузов. В 12 раз возросло число различных техникумов. В 1949 г. были созданы Академия общественных и политических наук и Институт русского языка. В конце 1949 г. в КНДР состоялся первый выпуск большой группы молодых специалистов. Институты дали стране 1400 и техникумы 4000 молодых специалистов.

В Корейской Народно-Демократической Республике значительно расширилась сеть кино. Возрожден национальный театр. Создаются новые спектакли, восстанавливаются и старые национальные постановки, например пьеса-балет «Понсан тхальчхум» (танец в масках уезда Понсан), созданная 600 лет назад и в 1935 г. запрещенная японцами.

По инициативе группы корейских деятелей культуры было создано Общество культурной связи с Советским Союзом. Общество развернуло большую работу. В Пхеньяне им была создана русско-корейская библиотека, издается журнал «Культура Кореи и Советского Союза», проводятся вечера русского и корейского театрального искусства. Кроме этого общества, в Северной Корее созданы «Ассоциация работников культуры и искусства» и «Северо-Корейское общество развития культуры и просвещения». В эти организации входят писатели, композиторы, художники, актеры и другие деятели культуры.

Бурно развивается демократическая печать. В 1949 г. издавалось 26 газет и 39 журналов, в 1950 г. выходило 26 газет и 44 журнала. На корейский язык переведены многие произведения Ленина и Сталина, Краткий курс истории ВКП(б).

Опираясь на братскую помощь Советского Союза, КНДР успешно шла по пути прогресса и демократии. «Благодаря постоянной помощи Советского Союза и самоотверженному труду корейского народа по восстановлению своей страны на демократических началах,— писал Ким Ир Сен по поводу первой годовщины подписания соглашения об экономическом и культурном сотрудничестве между СССР и КНДР,— северная часть нашей республики превратилась в мощную военную, политическую, экономическую и культурную базу демократического развития

всей страны и значительно поднялся уровень материальной и культурной жизни народа нашей молодой республики»[1].

Однако мирный, созидательный труд корейского народа 25 июня 1950 г. был прерван американскими империалистами и их агентами — лисынмановцами, напавшими на Корейскую Народно-Демократическую Республику.

По призыву Трудовой партии Кореи корейский рабочий класс и весь трудовой народ единодушно поднялись на всенародную освободительную войну против иностранных захватчиков и лисынмановских бандитов.

---

[1] «Правда», 22 марта 1950 г.

Ф. И. ШАБШИНА

ЗАХВАТНИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА США В КОРЕЕ И БОРЬБА НАРОДНЫХ МАСС ЮЖНОЙ КОРЕИ ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ
(август 1945 г.— июнь 1950 г.)

ОККУПАЦИОННЫЙ РЕЖИМ В ЮЖНОЙ КОРЕЕ

Корейский народ, как и другие народы Востока, с давних пор стал испытывать на себе агрессивные устремления американского капитала. «Агрессивная политика американских империалистов в отношении Кореи,— пишет Ким Ир Сен,— имеет длительную историю. Ее истоки относятся к середине прошлого века, когда молодой американский империализм только вступил в общую борьбу империалистов за колонии. Уже в то время американские империалисты вынашивали планы захвата Кореи и превращения ее в свою военно-стратегическую базу для дальнейшего развертывания агрессии на Дальнем Востоке» [1].

Уже в прошлом веке правящие круги США порывались путем вооруженной интервенции завладеть Кореей.

Не кто иной, как США, в угоду своим захватническим планам способствовали порабощению Кореи японскими империалистами. Они рассчитывали, что агрессивная Япония откроет доступ американскому капиталу в Корею. При самой непосредственной помощи США в 1905 г. был установлен японский протекторат над Кореей, а затем страна была полностью аннексирована Японией. Многочисленные документы с непреложной достоверностью показывают, как, обманывая корейцев, заверяя их в дружбе, обещая помощь и содействие, США за спиной Кореи заключили преступную сделку с Японией. Они отдали ей Корею в обмен на

[1] «За прочный мир, за народную демократию!», 2 ноября 1951 г.

отказ японцев от притязаний на Филиппины и для установления выгодного американцам положения на Дальнем Востоке.

Но, бросив Корею в колониальное рабство Японии, империалисты США никогда не отказывались от планов превращения Кореи в американскую колонию. В свою очередь Япония, поработившая Корею с помощью США, не намеревалась отдавать ее американцам. В японо-американской межимпериалистической борьбе Корея всегда являлась одним из важных объектов противоречий. «Япония будет воевать за то,— говорил в 1920 г. В. И. Ленин, — чтобы ей продолжать грабить Корею, которую она грабит с неслыханным зверством, соединяющим все новейшие изобретения техники и пыток чисто азиатских... Но этот корейский лакомый кусок хотят вырвать американцы»[1].

Готовая при первом удобном случае вступить в борьбу и вырвать корейский лакомый кусок, Америка создавала внутри Кореи условия для осуществления своих империалистических планов. Одним из этих условий было насаждение в стране американской агентуры, проводимое под вывеской распространения христианства и под видом миссионерской деятельности. Правящие круги США, не жалея на это средств, засылали в Корею, как и в другие страны Востока, своих лазутчиков— миссионеров, возлагая на них задачу создания в стране американской агентуры.

В статье «Китайская война» В. И. Ленин писал: «Могли ли китайцы не возненавидеть людей, которые приезжали в Китай только ради наживы, которые пользовались своей хваленой цивилизацией только для обмана, грабежа и насилия, которые вели с Китаем войны для того, чтобы получить право торговать одурманивающим народ опиумом (война Англии и Франции с Китаем в 1856 г.), которые лицемерно прикрывали политику грабежа распространением христианства?»[2].

Нечего и говорить, что и для большинства корейцев, и в первую очередь для трудовых масс, не могло долго оставаться тайной, что под маской распространителей христианства скрывались алчные захватчики, стремившиеся к грабежу, к порабощению.

Американские миссионеры вербовали своих немногочисленных последователей главным образом в среде помещиков, буржуазии и буржуазной интеллигенции. Они различными способами приобщали представителей этих слоев к миссионерской деятельности. Корейцев, привлеченных на работу в миссионерские школы и колледжи, учащихся этих учебных заведений, врачей-корейцев, работавших в миссионерских больницах,

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 31, стр. 415.
[2] Там же, т. 4, стр. 348.

работников других миссионерских учреждений, долгие годы опутываемых лживой, растленной пропагандой, США старались превратить в прямых проводников своего влияния. Они усиленно пытались использовать в своих целях национально-освободительную борьбу корейского народа, спекулировали на национальных чувствах корейцев, на их стремлении к независимости. Они одурманивали корейцев лживыми демагогическими обещаниями о помощи, надеждами на освобождение от гнета японского империализма при помощи США.

В. И. Ленин отмечал, что «...борьба за национальную свободу против одной империалистской державы может быть, при известных условиях, использована другой «великой» державой в ее одинаково империалистских целях...»[1] Именно так было в Корее. Борьбу корейского народа против господства японского империализма Соединенные Штаты Америки силились использовать для того, чтобы установить в Корее господство американского империализма.

Миссионеры насаждали в стране различные проамериканские организации, общества, союзы, клубы. Весьма характерен в этом отношении созданный ими «Христианский союз молодых людей». Его отделения были раскинуты по всей стране. Этот союз создавал спортивные организации, кружки, курсы, превращая их в очаги американской пропаганды.

Агенты американских монополий пытались оказывать свое влияние и на создаваемые в Корее антияпонские организации, отвлечь их от революционной борьбы, сделать проамериканскими.

Вся эта американская деятельность была затруднена противодействием японских колонизаторов, которые не намеревались выпустить Корею из своих рук. Поэтому США приходилось изыскивать и другие пути подготовки и обучения своих пособников, главным образом среди эмигрантов. Создавая реакционные организации корейских эмигрантов, непосредственно руководя их деятельностью, США готовили в этих организациях свою агентуру, чтобы использовать ее для установления господства американских монополий в Корее.

После второй мировой войны агрессивные круги США решили, что пришло время проглотить «корейский лакомый кусок».

Как известно, еще в ходе войны выявилось, что в антигитлеровской коалиции существовало различие в определении как целей войны, так и характера послевоенного устройства мира. Советский Союз основными целями войны считал ликвидацию фашизма и предотвращение возможности новой агрессии со стороны Германии и Японии, укрепление демократических поряд-

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 22, стр. 137.

ков, создание всестороннего и длительного мирного сотрудничества народов. Правящие круги Соединенных Штатов и Англии «ставили себе в войне другую цель — избавление от конкурентов на рынках (Германия, Япония) и утверждение своего господствующего положения»[1].

Это различное отношение к целям войны и к задачам послевоенного устройства стало углубляться в послевоенный период.

Обострение общего кризиса капитализма после второй мировой войны вызвало усиление реакционной политики империалистических государств. Образовалось два лагеря: империалистический, антидемократический, имеющий своей основной целью установление мирового господства американского империализма и разгром демократии, и лагерь антиимпериалистический, демократический.

«Почти сразу же после окончания второй мировой войны Соединённые Штаты Америки отказались от согласованного курса политики, проводившегося союзниками военного времени и закреплённого в постановлениях Тегеранской, Ялтинской и Потсдамской конференций держав. Целым рядом своих агрессивных действий США обострили международную обстановку, поставив мир перед опасностью новой войны»[2].

Открыто экспансионистский курс, взятый США после окончания второй мировой войны, нашел свое выражение и в их политике по отношению к Корее. Одержимые бредовыми планами мирового господства, агрессивные круги США рассматривали Корею как плацдарм для нападения на СССР и Китай, для установления своего господства в Азии.

Как известно, после освобождения Кореи Советской Армией по соглашению между СССР и США страна была временно разделена на две зоны. К северу от 38-й параллели была установлена зона военной ответственности Советской Армии, к югу от 38-й параллели — зона военной ответственности американских войск. Правящие круги США решили использовать это временное разделение страны для осуществления своих агрессивных планов. Они намеревались закрепиться в Южной Корее и превратить ее в базу для захвата и порабощения всей страны. Но этому с самого начала препятствовала, во-первых, миролюбивая демократическая политика освободителя корейского народа — Советского Союза, последовательно и решительно отстаивающего права корейского народа на независимое существо-

---

[1] «Информационное совещание представителей некоторых компартий в Польше в конце сентября 1947 г.». Госполитиздат, 1948, стр. 6.

[2] Г. Маленков. Отчётный доклад XIX съезду партии о работе Центрального Комитета ВКП(б). Госполитиздат, 1952, стр. 19.

вание и демократическое развитие[1]. Во-вторых, серьезной преградой для колонизаторской политики США служило демократическое движение, широко развернувшееся в Корее сразу же после освобождения страны Советской Армией и выражавшее непреклонную волю корейского народа к возрождению своей государственности на демократических началах.

Как только стало известно, что Япония капитулировала, в городах и деревнях Кореи начались многотысячные демонстрации и митинги. «Спасибо Советской Армии, освободившей нашу родину, спасибо великому Сталину», «Спасибо советскому народу»—эти слова звучали повсеместно по-корейски и по-русски. Это были первые русские слова, которые выучили в те дни многие тысячи корейцев. Демонстрации проходили под лозунгом укрепления дружбы с Советским Союзом, под лозунгом строительства независимого демократического Корейского государства.

Сразу же после освобождения в Южной Корее, как и в Северной, началось образование демократических партий и организаций и органов корейской народной власти — народных комитетов. Великая перспектива создания независимой демократической Кореи родила небывалую творческую энергию, вызвала огромный подъем политической активности народа.

Поставив целью задушить демократическое движение корейских народных масс в самом зародыше, американские экспансионисты попытались сделать это руками японцев, а сами они тем временем собирали и приводили в боевую готовность свою агентуру. Главный штаб американских войск на Тихом океане приказал японским властям в Южной Корее «полностью выполнять все свои прежние функции» и сохранить все старые колониальные порядки.

Японская администрация во главе с военным преступником генерал-губернатором Абэ Нобуюки, штаб японских войск, жандармерия и полиция оставались на своих местах. Американцы не только предоставили им право расправляться с демократическим движением в Южной Корее, но непосредственно руководили этой деятельностью.

Прибывшая в Сеул американская комиссия по подготовке принятия капитуляции японских войск фактически осуществляла это руководство. Весьма характерно, что приезд этой комиссии держался в глубокой тайне от корейского населения.

Опасаясь, что народ вооруженным путем сметет власть японцев, последние решили призвать на помощь своих старых пособников — представителей корейских помещиков и соглашательских слоев буржуазии. Сразу же после капитуляции Япо-

---

[1] См. статью В. В. Лезина. Борьба Советского Союза за мирное демократическое решение корейского вопроса.

нии Абэ и вице-губернатор Эндо вызвали на совет активных коллаборационистов, национальных изменников Ким Сон Су, Сон Чжин У и др. Те изъявили полную готовность помогать японским властям. Они предложили им провозгласить предоставление Корее автономии, дабы «успокоить общественность и дезорганизовать демократическое движение». Национальные предатели представили японскому генерал-губернатору подробный план мероприятий, основой которого являлось «ведение пропагандистской работы в массах наряду с применением оружия против демократических деятелей». Но переусердствовавшие японские пособники недооценили сил освобожденного корейского народа, единодушия его демократических устремлений. В ответ на решительные требования демократических организаций генерал-губернаторство вынуждено было заявить, что оно предоставляет корейскому населению политические свободы и не будет препятствовать деятельности народных комитетов. Оно обязалось обеспечить население питанием, разрешило создание корейских отрядов охраны общественного спокойствия, освободило из тюрем политических заключенных. Однако власть в Южной Корее попрежнему оставалась в руках японцев. 17 августа они ввели по всей территории Южной Кореи осадное положение. В Сеуле на расстоянии 10 метров друг от друга патрулировали пешие и конные полицейские и солдаты. На больших зданиях были установлены пулеметы; около генерал-губернаторства стояли наготове танки. В Сеуле и в других городах возле военных объектов, предприятий и учреждений были расставлены воинские караулы, а кое-где возводились баррикады.

Пользуясь предоставленной американцами свободой действий, японские колониальные власти уничтожали секретную документацию в государственных учреждениях, воинских частях и различных организациях, вывозили ценности и валюту, оборудование и механизмы, продукты питания и товары широкого потребления; распродавали товары с воинских складов японскому гражданскому населению, а те в свою очередь перепродавали их спекулянтам. Странную картину являли в эти дни Сеул и другие города Южной Кореи. Непрерывной вереницей тянулись по улицам машины, увозящие награбленное японцами имущество. Днем и ночью полыхали пожары — колонизаторы уничтожали следы своих преступлений.

Хозяйничание японских империалистов в Южной Корее после капитуляции позволило им сохранить свои военные кадры. Японское командование проводило демобилизацию и переправляло солдат и офицеров в Японию.

23 августа Информбюро японской армии выпустило в большом количестве листовки, в которых открыто заявлялось, что японская армия наблюдает за порядком и «готова к ожесто-

ченной борьбе для охраны жизни и имущества японских подданных в Корее».

Издательства, которые в первые дни после освобождения Кореи перешли в руки народных комитетов, вновь были захвачены японцами. Однако открыто применить военную силу для разгрома демократического движения японская военщина не решалась, опасаясь восстания народных масс.

Несмотря на крайне трудные условия, сложившиеся в Южной Корее, демократическое движение неудержимо росло, вовлекая в свой поток самые широкие слои населения.

Задача сплочения демократических сил Кореи и руководства борьбой за создание независимого Корейского государства легла на корейских коммунистов, прошедших большую и суровую школу антиимпериалистической борьбы. Корейские коммунисты приступили к воссозданию коммунистической партии. 20 августа 1945 г. в Сеуле был организован подготовительный комитет по воссозданию коммунистической партии Кореи.

В качестве основных политических задач коммунистическая партия провозгласила: обеспечение национальной независимости; разрешение аграрного вопроса; обеспечение политических свобод для народа; создание народной республики.

В первые дни после воссоздания в компартии насчитывалось всего около 1500 членов, но она быстро росла и основной приток составляли рабочие. В сентябре партийная конференция, где были представлены все коммунистические группы, образовала Центральный комитет Коммунистической партии Кореи.

Коммунистическая партия стала признанным вождем народных масс, боевым центром всех демократических прогрессивных сил страны; под ее руководством стали создаваться массовые демократические организации.

Одновременно в Корее шел процесс образования народных органов власти — народных комитетов. Несмотря на противодействие японских властей, они создавались и в южной части страны. В ряде районов Южной Кореи народные комитеты объявляли японские предприятия народным достоянием, устанавливали на фабриках рабочий контроль, возвращали землю согнанным со своих участков арендаторам.

6 сентября в Сеуле состоялся съезд народных представителей. Делегаты съезда единодушно высказались за немедленное проведение широкого плана демократических преобразований.

Японские власти оказались бессильны не только задушить, но даже ослабить демократическое движение южнокорейских народных масс.

Убедившись, что расчеты на подавление демократических сил в Южной Корее при помощи японских властей не оправдались, правительство США спешно ввело туда свои войска.

8 сентября в порту Инчон началась высадка американских войск [1]. 9 сентября они вступили в Сеул. В первые же дни их пребывания в Южной Корее стало ясно, что войска США вступили на корейскую землю не как освободители, а как оккупанты.

Существовавшая при японцах колониальная административная система была полностью сохранена и после прихода американских войск. Нетронутыми остались японские законы, порядки и правила, весь колониальный аппарат. Это вызвало глубокое негодование народных масс. В Сеуле и в других городах состоялись многотысячные демонстрации. Население требовало немедленного роспуска японской жандармерии и полиции и изгнания японцев из органов управления. Однако Ходж заявил, что «японская полиция и чиновники останутся на своих местах до тех пор, пока не прибудет достаточное число американцев, чтобы заполнить все звенья администрации».

В Южной Корее была учреждена военная администрация во главе с генералом Арнольдом [2].

Американские оккупанты отказались признать народные комитеты в качестве органов власти, заявив, что Южной Кореей будет управлять американская военная администрация.

Вопреки усилиям оккупационных властей обуздать народное движение и несмотря на их отказ признать народные комитеты, в Южной Корее продолжалось создание новых, а также рост и укрепление созданных ранее демократических организаций и народных органов власти. 27 сентября был создан народный комитет провинции Кёнсан-пукто, 16 октября — городской народный комитет в Инчоне; 18 октября — народный комитет провинции Канвондо; 20 октября — в Чолла-намдо[3]. В первых числах ноября были организационно оформлены профессиональные союзы транспортников, металлистов, печатников, железнодорожников, служащих, строителей, работников связи, деревообделочников, электриков, судостроителей, рыбников. 5 ноября создана была Корейская лига труда.

Обеспокоенные размахом демократического движения, американские военные власти, готовившие прямое наступление на демократический лагерь и разгром народных комитетов, поспешно собирали и организационно оформляли свою реакционную агентуру. Под их непосредственным руководством в

---

[1] В Южную Корею прибыл 24-й корпус под командованием генерал-лейтенанта Ходжа.

[2] См. статью Н. К. Вайнцвайга. Разгром фашистского блока и освобождение Кореи.

[3] К концу августа 1945 г. в Южной Корее было создано около 150 народных комитетов.

Южной Корее создавались реакционные политические группы, женские и молодежные союзы, всякого рода общества. Эти антинародные организации сколачивались из продажных политиканов и национальных предателей, изменивших интересам народа и перешедших на услужение к японским или американским империалистам. По своему социальному составу они представляли крупную буржуазию, помещиков, продажное чиновничество. До прихода американцев эти антинародные, реакционные силы были ослаблены, дезорганизованы, разрознены. Они понимали, что внутри страны их никто не поддержит, что их сметет народная ненависть, и они перекрашивались в демократов, в поборников свободы и независимости. Прибытие же американских войск обеспечивало им поддержку вооруженных сил американского империализма.

Ведущей среди реакционных партий Южной Кореи являлась «демократическая» партия — Хангук минчжудан.

Организатор этой партии Сон Чжин У после первой мировой войны служил в токийской жандармерии. Он работал под руководством барона Танака по подготовке захвата японскими империалистами Северо-Востока Китая. Возвратившись в Корею, Сон Чжин У «прославился» своей провокаторской деятельностью. Он выдавал японской полиции борцов национально-освободительного движения.

Другим организатором и руководителем «демократической» партии был Ким Сон Су — крупный капиталист и помещик. За верную службу японцам он был назначен членом центрального совета при японском губернаторе. Ким Сон Су являлся руководителем ряда созданных японцами в Корее провокаторских реакционных организаций. В частности, он был советником «Союза по мобилизации сил нации». Во время войны Ким Сон Су призывал корейский народ поддерживать мероприятия японцев, активно содействовать победе Японии в войне и «умереть за японского императора»[1].

Не менее показательна фигура одного из руководящих деятелей «демократической» партии Чан Док Су, назначенного начальником отдела внешних дел партии. При японцах он также активно участвовал в прояпонских организациях и руководил ими[2].

---

[1] «Оказать помощь в мобилизации военных сил» — под таким заголовком помещена была его статья в газете «Мэиль синбо» 5 августа 1943 г. «Когда нужно умереть за справедливость, велика честь быть подданным императора» — гласил заголовок его статьи в той же газете от 6 ноября 1943 г. и т. д.

[2] Он был инспектором так называемых патриотических отрядов «Ринсен хококутай», советником «Союза по мобилизации сил нации» — «Кокумин сореку реммей». 6 ноября 1943 г. в газете «Мэиль синбо» была опубликована его статья под названием: «Приветствую студентов, идущих в япон-

Все без исключения руководящие деятели «демократической» партии в прошлом были активными пособниками империалистов, яростными реакционерами. Все они представляли консервативные помещичье-буржуазные, коллаборационистские слои Кореи.

К числу реакционных партий, созданных под руководством американцев в этот первый период их пребывания в Южной Корее, относится также «национальная» партия «Кукминдан»[1], состоявшая преимущественно из представителей компрадорской буржуазии и помещичьих элементов. К ней примыкала также небольшая часть реакционной буржуазной интеллигенции.

Широко используя в качестве пособников своей колонизаторской политики прояпонские элементы, американские империалисты отводили руководящую роль в формируемом ими правом лагере своей агентуре, подготовленной для этих целей в США[2].

16 октября 1945 г. на военном самолете из Америки в Южную Корею был спешно доставлен старый американский ставленник, злейший враг корейского народа Ли Сын Ман[3]. На него была возложена задача возглавить силы корейской реакции и стать ее «идейным» руководителем. Незадолго до прибытия Ли Сын Мана в Южную Корею глава американской военной администрации в Южной Корее в одной из бесед с корреспондентом заявил: «Для ускорения создания в Корее независимого

скую армию». Название другой статьи, помещенной там же 19 июля 1944 г., красноречиво гласило: «Без победы Японии Восточная Азия не будет освобождена».

[1] Эта партия возникла 25 сентября 1945 г. на основе слияния следующих реакционных группировок: «социалистической» партии «Сахве минчжудан» (организованной 5 сентября 1945 г.), «партии свободы» «Чаю дан», «корейской национальной» партии «Чосон кукминдан» (организованной 1 сентября 1945 г.), «республиканской» партии «Конхвадан» (созданной 18 сентября 1945 г.).

Объединение этих четырех «партий» имело целью укрепление антидемократического лагеря, крайне слабого и малочисленного.

[2] Правительство США направило в Южную Корею только тех корейских эмигрантов, которые проявили себя как верные американские холопы. Остальным выезд на родину был запрещен.

[3] Ли Сын Ман родился в 1874 г. в провинции Хванхэдо в дворянской семье. Он окончил школу Пэчже, организованную американским миссионером Аппензелером. Обуреваемый честолюбивыми планами Ли Сын Ман вступил в члены «Клуба независимости» («Тоннип хёпхве»), являвшегося проамериканской организацией, где играл роль доносчика и соглядатая одновременно и японских и американских претендентов на Корею. Стремясь во что бы то ни стало сделать политическую карьеру, Ли Сын Ман при помощи высокопоставленных родственников и друзей сумел добиться назначения его членом тайного совета при корейском императоре. С первых шагов своей деятельности он проявил себя как политический авантюрист и национальный предатель. Он настолько откровенно и активно выступал в защиту японских агентов, что корейские власти обратили внимание на

правительства необходимо все многочисленные партии Кореи (читай: реакционные. — *Ф. Ш.*) объединить в единый фронт. Ожидающийся приезд Ли Сын Мана и эмигрантского правительства во многом ускорит процесс формирования корейской независимости» (читай: порабощения Кореи Соединенными Штатами Америки.— *Ф. Ш.*)[1].

Для укрепления правого лагеря и раскола народного фронта американцы вытащили на свет временное эмигрантское шанхайское «правительство». В первый период усилия корейских реакционеров направлены были на то, чтобы провозгласить это отребье законным правительством Кореи. Премьер-министр этого «правительства» Ким Гу и Ли Сын Ман сразу же установили контакт с крупными корейскими капиталистами, от которых получили финансовую поддержку.

Как сообщала газета «Минчжу ильбо» от 6 декабря 1945 г., 3 декабря состоялось совещание семнадцати крупных финан-

---

эту подозрительную защиту. Ли Сын Ман был обвинен в прояпонской деятельности и вынужден был уйти в отставку. В 1897 г. он в числе других членов «Клуба независимости» был арестован корейскими властями и приговорен к бессрочной каторге. Но теперь у него нашелся «высокий покровитель» — японский посланник в Корее Хаяси, в результате ходатайства которого бессрочная каторга была заменена семилетним тюремным заключением.

В 1904 г. Ли Сын Ман был освобожден из тюрьмы и уехал в США. Империалисты США подготовили его к роли своего прямого агента и прислужника, к роли организатора реакционной корейской эмиграции, которой они отводили существенную роль в своих планах порабощения Кореи. Сразу же после аннексии Кореи в 1910 г. Ли Сын Ман по указанию своих американских хозяев вернулся в Корею. Он прожил здесь до 1912 г., работая начальником общего отдела молодежного христианского союза. В 1912 г. Ли Сын Ман снова уехал в Америку Он поселился на Гавайских островах, занимался там преподавательской деятельностью, коммерцией, предпринимательством и все теснее смыкался с агрессивными империалистическими кругами США. Скрывая под лицемерными фразами о борьбе за независимость Кореи свою преступную предательскую деятельность, Ли Сын Ман пытался насаждать американское влияние не только в националистических эмигрантских, но и в создаваемых в Корее антияпонских патриотических организациях.

Когда в Шанхае было создано эмигрантское реакционное корейское «правительство», Ли Сын Ман был провозглашен его премьером, а затем президентом.

В период Вашингтонской конференции Ли Сын Ман откровенно добивался передачи Кореи под мандатное управление США. Это было на столько явной изменой идеям независимости, что даже ряд деятелей марионеточного «временного правительства» стал выражать недовольство политикой своего переусердствовавшего главаря.

Служением американским империалистам, предательством национальных интересов характеризуется вся последующая деятельность этого прожженного политического авантюриста, лютого врага корейского народа

[1] «Чаю синмун», 14 октября 1945 г.

систов Кореи. Для оказания материальной помощи эмигрантскому «правительству» они создали специальную комиссию. Было решено получить в Тёсэн-банке через военную администрацию 200 млн. иен. До получения этой суммы из личных средств присутствующих было собрано 900 тыс. иен.

Американские власти в Южной Корее, учитывая непопулярность «правительства» Ким Гу, заявили в прессе, что члены его прибывают в Корею как частные лица. Однако они оказывали им всяческую поддержку и молчаливо соглашались с их претензиями именоваться правительством Кореи. Они старались окружить этих политиканов ореолом борцов за независимость, фарисейски называя их «правительством, созданным революцией». Ли Сын Ман выразил в печати возмущение по поводу того, что «приезд на родину временного правительства не сопровождается признанием его державами»[1].

Реакционные организации с «демократической» партией во главе развернули широкую кампанию за признание «шанхайского правительства», настаивали на немедленном роспуске народных комитетов.

7 декабря 1945 г. в газете «Син чосон бо» была опубликована резолюция центрального комитета «демократической» партии, которая требовала: «Оставить эмигрантское правительство в его настоящем составе и не проводить никаких реформ... Выработать такую политическую платформу, чтобы державы признали его законным правительством Кореи». Резолюция реакционеров предлагала, чтобы «военная администрация немедленно издала приказ о роспуске народных комитетов».

Сразу же после приезда в Корею «правительства» Ким Гу начала воссоздаваться так называемая «партия независимости»— «Хангук тоннипдан», окончательно оформленная в 1946 г.[2] Руководство партии прибыло в Сеул вместе с «эмигрантским правительством» и тут же развернуло широкую кампанию за его признание. Но, несмотря на усилия реакции представить шанхайское «правительство» законным и демократическим, население Южной Кореи активно выступило против него. Народ требовал признания власти народных комитетов.

---

[1] В корейской печати появились сообщения, что перед отъездом этого «правительства» из Китая Чан Кай-ши устроил в его честь прием, заверив, что Китай признает его как правительство переходного периода; что он (Чан Кай-ши) дал телеграмму президенту Трумэну о необходимости поддержать временное правительство; что Трумэн обещал оказать поддержку.

[2] Эта партия зародилась в 1922 г. в Шанхае. Она была крайне малочисленной и в период эмигрантской деятельности насчитывала не более 100 человек. Сюда входили члены «эмигрантского правительства» и другие представители буржуазной эмиграции, тесно сотрудничавшие с правыми элементами гоминдана.

Для укрепления малочисленного, изолированного от народа лагеря реакции американцы предприняли дальнейшие шаги к объединению правых группок. 14 декабря 1945 г. в Сеуле произошло слияние 21 политической «организации», на базе которых создана была так называемая «новая национальная партия». Насколько незначительны были эти организации, можно судить по тому, что после их объединения в «новую национальную партию» она насчитывала не более тысячи членов.

По своему классовому составу «новая национальная партия» ничем не отличалась от других правых организаций. Она также являлась выразительницей интересов крупной буржуазии и помещиков, ориентирующихся на американский империализм.

Собрав и объединив силы корейской реакции, американские военные власти начали прямое наступление на демократический лагерь. Еще в октябре 1945 г. генерал Ходж опубликовал так называемую декларацию о характере военной администрации в Южной Корее.

Декларация гласила: «Военная администрация есть временное правительство, созданное американскими оккупационными войсками к югу от 38-й параллели... и на юге Кореи оно является единственным правительством»[1]. Решение съезда народных представителей американские власти объявили «незаконным». 18 октября был издан приказ о запрещении митингов и демонстраций без разрешения военной администрации. Разрешения же выдавались только правым организациям. Американцы стали чинить препятствия деятельности демократических организаций и в первую очередь коммунистической партии.

Но все эти меры не остановили роста демократического движения в Южной Корее.

Ряды коммунистической партии непрерывно пополнялись рабочими, крестьянами и революционной интеллигенцией. Расширялись и крепли руководимые коммунистами массовые прогрессивные организации. Продолжалось создание народных комитетов на местах.

В ноябре 1945 г. в Сеуле была основана Корейская народная партия, которая пользовалась значительным влиянием среди крестьянства и городской мелкой буржуазии.

Боясь растущего влияния народной партии, ее тесного сотрудничества с коммунистами и в то же время учитывая ее неоднородный социальный состав, американские оккупанты попытались подорвать изнутри, разложить ряды народной партии.

---

[1] «Чосон инминбо», 17 октября 1945 г.

Они стали насаждать внутри нее фракции и группы, натравливая их против руководства партии, против совместных действий с коммунистической партией.

От народной партии впоследствии откололась небольшая группка, образовавшая правую, так называемую «социал-демократическую» партию. Но это лишь очистило народную партию от реакционных и неустойчивых элементов и усилило ее влияние в широких массах трудящихся.

Образование народной партии, ее сотрудничество с коммунистической партией способствовали укреплению демократического антиимпериалистического лагеря.

К коммунистической партии близко примыкала по своим программным положениям также новая народная партия, созданная в ноябре 1945 г. на базе «Лиги независимости Кореи».

20 ноября в Сеуле открылся второй съезд представителей народных комитетов, на котором собралось около 700 делегатов от 25 городов и 175 уездов Южной Кореи. Не решаясь открыто воспрепятствовать созыву съезда, американские военные власти попытались повлиять на его решения. Присутствовавший на съезде генерал Арнольд заявил, что в Южной Корее не может быть иной власти, кроме американской. Он потребовал от руководства народных комитетов решения о самороспуске. Но съезд единодушно отверг наглое требование американских оккупантов и вынес решение усилить борьбу за передачу власти народным комитетам, за демократическое развитие Кореи, за ее независимость.

На местах разрасталась борьба за признание народных комитетов в качестве законных органов власти, за прекращение антидемократических действий оккупационных властей и их пособников, ущемляющих законные права корейского народа. В ряде мест вспыхивали забастовки рабочих. В Сеуле и в других городах вопреки запрещению проходили массовые демонстрации. Усиливались волнения среди крестьян. Движение сопротивления оккупантам нарастало в городе и в деревне.

Осуществляя наступление на демократические силы, американцы приняли энергичные меры к укреплению корейской полиции. Оставлять долгое время японскую полицию было опасно вследствие активного протеста народных масс. Создаваемая американцами полиция сверху донизу заполнялась кадрами, «имеющими опыт», т. е. корейцами, служившими в органах японской полиции. Деятельность полицейского аппарата протекала под непосредственным руководством американской военной полиции. Было сохранено японское судопроизводство. Лишь некоторые японские законы были отменены, остальные остались в силе. Судьями американцы назначали корейцев, ранее рабо-

тавших в японском судебном аппарате, заместителями судей являлись американские офицеры.

Ставя целью захват всей страны, американские военные власти в первые же дни пребывания в Южной Корее приступили к созданию корейской марионеточной армии. Для этого они в ноябре 1945 г. образовали департамент «национальной обороны» с сухопутным и морским отделами. Одновременно военная администрация приступила к подготовке офицерского состава армии и флота преимущественно из служивших в японской армии. Обучение проводилось силами американских инструкторов по американским уставам.

Но для осуществления плана захвата Кореи американским империалистам нужны были не только вооруженные силы их марионеток. Для этого необходимо было также обеспечить прочный тыл. Опасаясь растущего влияния созданных по воле масс органов народной власти, американские оккупационные власти приступили к их разгрому.

12 декабря было опубликовано официальное заявление командования американской армии в Южной Корее о непризнании, фактически о роспуске, народных комитетов.

19 декабря американская военная полиция совместно с корейскими реакционерами совершила налет на Сеульский народный комитет, учинив там полный разгром. Все документы были захвачены или уничтожены, находившиеся в здании работники комитета избиты.

На местах также началась жестокая расправа с народными комитетами и руководством демократических организаций.

Но террор американской военщины не в силах был остановить рост демократического движения в Южной Корее.

Демократические организации во главе с компартией оценили политику американцев как нарушение законных прав корейского народа и решительно выступили против запрещения народных комитетов. По призыву компартии повсеместно в Южной Корее продолжалось создание массовых демократических организаций.

В начале декабря состоялся учредительный съезд Корейского крестьянского союза, объединившего крестьянские союзы на местах. В это же время создан был Корейский женский союз, объединивший многотысячную массу трудящихся женщин, Корейский союз демократической молодежи, ряд профессиональных союзов, союз писателей и другие массовые демократические организации.

Демократический лагерь Южной Кореи, возглавляемый рабочим классом и Коммунистической партией, несмотря на преследования со стороны оккупантов, численно рос и организационно укреплялся.

* * *

Экономические мероприятия американцев в Южной Корее также были с самого начала направлены к тому, чтобы превратить страну в колониальный придаток США. Они захватили национальные богатства корейского народа.

Вся японская собственность в Южной Корее перешла к американской военной администрации. В приказе генерала Арнольда от 6 декабря 1945 г. было сказано: «Право владения золотом, серебром, платиной, валютой, акциями, банковскими кредитами, ценными бумагами и всякой другой собственностью и доходами от нее, принадлежавшими или контролировавшимися прямо или косвенно, полностью или частично японским правительством, или его органами, или частными лицами — японскими подданными, объединениями, обществами, ассоциациями или другими учреждениями японского правительства, отныне принадлежит военной администрации Кореи»[1].

Промышленные предприятия, шахты, рудники, банки, торговые предприятия, жилые и хозяйственные здания и другая собственность, принадлежавшая ранее японцам, также полностью перешли в руки американской военной администрации.

На бывшие японские фабрики, заводы, в акционерные компании были назначены руководителями американские офицеры. Они именовались хранителями собственности.

Военные власти США не приняли никаких решительно мер к восстановлению дезорганизованной хозяйственной жизни Южной Кореи. А между тем многие промышленные предприятия были разрушены японцами. Большинство заводов не работало, часть работала лишь до тех пор, пока было сырье. Спекуляция достигла катастрофических размеров, причем ей немало способствовали американские солдаты и офицеры, использовавшие разруху в стране для выгодного бизнеса. Цены на продукты питания и товары широкого потребления росли с каждым днем. Резко увеличивавшаяся инфляция окончательно дезорганизовала хозяйственную жизнь Южной Кореи.

В области аграрных отношений американские оккупационные власти фактически оставили все так же, как было при японских колонизаторах. Полностью сохранены были помещичье землевладение и полукрепостническая эксплуатация. Для успокоения общественного мнения было разработано несколько вариантов земельной реформы. Но все эти проекты преду-

---

[1] См. сборник приказов и постановлений американской военной администрации в Южной Корее. Сеул, 1946, приказ № 33.

сматривали большой выкуп за землю. Демократическая земельная реформа не соответствовала интересам американских оккупантов, ибо она не позволила бы им грабить крестьянство, она подорвала бы экономические позиции корейских помещиков, на которых США делали ставку как на свою внутреннюю опору. Кроме того, земельная реформа способствовала бы росту политической активности крестьянства и подъему демократического движения. Американцам выгодно было сохранить полуфеодальные отношения в корейской деревне, оставить ее такою, какой она была при японском колониальном господстве.

5 октября под давлением демократических организаций было опубликовано постановление военной администрации об ограничении арендной платы до одной трети урожая, но это было лишь очередным демагогическим заявлением. С первых же дней оно не выполнялось, и арендная плата доходила до 50—60% урожая. Что касается японских земель, то они были конфискованы американскими властями и переданы в ведение компании «Новая Корея» [1].

Наряду с высокой арендной платой и налогами крестьяне обязаны были сдавать поставки риса военным властям. В 1945 г. эти поставки составили более одной трети урожая.

Так, в результате агрессивной политики американского империализма, поставившего целью превратить Корею в военную базу и колонию США, народные массы Южной Кореи оказались в новом ярме колониального гнета.

«Американская армия с первых дней пребывания в Южной Корее встала на путь осуществления своей колонизаторской политики...— указывает Ким Ир Сен.— Политически американские империалисты подавляли демократическую инициативу освобожденного народа, выступавшего против их политики колониального порабощения, подавляли и уничтожали все демократические силы, а с другой стороны, расчленяли корейскую нацию, охраняли и поддерживали различные реакционные силы, которые бы содействовали их политике колониального порабощения... Экономически они препятствовали развитию национальной промышленности и национальной экономики в целом, что является политикой превращения Кореи в экономически зависимую страну» [2].

---

[1] Это была переименованная крупнейшая японская монополия в Корее «Восточно-колонизационное общество», перешедшая к американцам.

[2] Ким Ир Сен. За укрепление партии. Сборник. Пхеньян, 1951, стр. 134.

АНТИИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКАЯ ОСВОБОДИТЕЛЬНАЯ БОРЬБА ЮЖНОКОРЕЙСКИХ ПАТРИОТОВ

Декабрьское совещание министров иностранных дел явившееся первым открытым столкновением по корейскому вопросу двух лагерей: лагеря мира и демократии, возглавляемого СССР, и лагеря империализма и реакции во главе с США,— усилило процесс размежевания и поляризации политических сил в Южной Корее.

Правые, антинародные южнокорейские партии, направляемые американской военной администрацией, пытались поднять движение протеста против решений министров иностранных дел о Корее. Реакционеры устраивали погромные демонстрации, на которые силой оружия сгоняли население. Они попытались даже организовать нечто вроде забастовки протеста против декабрьских решений. Однако планы США сорвались [1].

Убедившись, что усилия оклеветать решения Московского совещания провалились, Соединенные Штаты приняли меры к тому, чтобы навязать Совместной советско-американской комиссии выгодные для себя решения и обеспечить во временном корейском правительстве, предусмотренном Московскими решениями, реакционное большинство. С этой целью ими была проведена целая система мероприятий.

20 января в Сеуле открылось собранное южнокорейскими реакционерами подготовительное совещание по созыву «учредительного собрания». Все демократические организации отказались участвовать в этом совещании, поскольку его цель состояла в том, чтобы обойти решения Московского совещания о Корее, навязать корейскому народу глубоко враждебное его интересам правительство. С совещания ушли даже некоторые представители правого лагеря, заявив, что оно представляет лишь незначительную часть населения и поэтому не может считаться законным.

Невзирая на массовые протесты, подготовительное совещание постановило созвать 1 февраля «учредительное собрание» для создания корейского «правительства». Американцы заблаговременно подготовили его состав. Президентом намечен был лютый враг корейского народа Ли Сын Ман, премьер-министром предатель Ким Сон Су .Собравшееся 1 февраля «учредительное собрание», состоявшее исключительно из корейских реакционеров, создало так называемую «Демократическую палату народных представителей великой Кореи» (Тэхан кунмин тэхве

---

[1] См. статью В. В. Лезина. Борьба Советского Союза за мирное демократическое решение корейского вопроса.

минчжу вивон). Эту палату, именуемую совещательным органом при американском военном командовании, намечалось в будущем провозгласить правительством Кореи.

Народные массы Кореи с гневом и возмущением отвергли незаконное «учредительное собрание» и национальных предателей, которых американцы навязывали им в правители [1].

Народные массы Кореи, возглавляемые коммунистами, мужественно и неутомимо боролись за осуществление решений Московского совещания министров иностранных дел о Корее, за демократическое развитие своей родины, за народную демократическую власть.

В феврале 1946 г. корейскими коммунистами под руководством Ким Ир Сена была разработана политическая платформа народной власти, состоящая из 20 принципов. Это была боевая программа демократического строительства, сплотившая все прогрессивные силы корейской нации, мобилизовавшая их на борьбу за создание единой независимой демократической Кореи.

Борьба под руководством Компартии за сплочение и укрепление демократических сил привела к созданию в феврале 1946 г. Демократического национального фронта Южной Кореи (ДНФ) (Чосон минчжучжуи минчжок чонсон). В состав ДНФ вошли: Коммунистическая партия, Народная партия, Новая народная партия. Кроме того, в ДНФ входила Народно-республиканская партия (Инмин конхвадан), созданная в 1935 г. в Нанкине. Народно-республиканская партия объеди-

---

[1] Американские военные власти в Южной Корее и в дальнейшем предпринимали попытки создания подобного рода «правительственных» организаций

В августе 1946 г. приказом начальника американской военной администрации создано было корейское переходное «законодательное собрание» из 90 членов, из которых 45 назначались американским командованием, а остальные подлежали «избранию». Оно мыслилось как костяк для создания проамериканского реакционного правительства, но, бойкотированное всеми демократическими организациями, распалось.

В июне 1947 г. корейские органы при американской военной администрации были переименованы в «переходное правительство Южной Кореи». Смена вывески изображалась американцами как «передача власти корейцам».

Корейские реакционеры создали также ряд других предательских организаций. «Национальный комитет по ускорению независимости великой Кореи» (Тэхан тонниш чоксон кунминхве) был образован 8 февраля 1946 г.

27 июня 1946 г. был создан «Главный штаб национального единства» (Минчжок тхониль чонпонбу).

В январе 1947 г. корейские реакционеры, выступавшие против московских решений, создали так называемый «комитет борьбы против опеки». Все эти организации были глубоко антинародными, реакционными. Во главе их американцы поставили своего усердного холопа, национального предателя Ли Сын Мана.

няла значительные слои мелкобуржуазной интеллигенции и крестьянства.

Из других политических партий, входивших в ДНФ, необходимо отметить также Партию молодых друзей (Чхондогё чхонудан). Она объединяла главным образом средние слои крестьянства и мелкую буржуазию. Кроме названных политических партий, в Демократический национальный фронт входили мощные массовые организации[1].

Организующей и руководящей силой ДНФ выступила Коммунистическая партия Южной Кореи. Под ее водительством ширилось и нарастало движение народных масс за создание независимого демократического корейского государства, за проведение в Южной Корее таких же демократических преобразований, какие были осуществлены в северной части страны.

Все более грозно звучал голос народного протеста против экспансионистских планов США и предательских действий их корейской агентуры.

Демонстрации, происходившие на территории Южной Кореи, принимали все более внушительный характер. Так, в демонстрации в Сеуле, организованной ДНФ в годовщину освобождения Кореи — 15 августа 1946 г., участвовало более 300 тысяч человек. «Риса и власти народу» — было написано на многочисленных плакатах. «Мы требуем осуществления решений Московского совещания министров иностранных дел». «Прошел год со дня нашего освобождения, а мы попрежнему голодаем. Мы требуем проведения такого же закона о труде, как и на севере Кореи. Мы требуем передачи власти трудовому народу»[2]. Крестьяне, пришедшие в этот день в Сеул из окрестных деревень, несли лозунги: «Мы требуем земли», «Мы требуем проведения земельной реформы», «Кто виноват в том, что в этот урожайный

---

[1] К числу организаций, вошедших в ДНФ, относятся: Корейская лига труда (Чосон нодон чохап чонгук пхёнхве), (в конце сентября 1947 г. она объединяла 21 отраслевой профсоюз и насчитывала 520 825 членов); Корейский крестьянский союз (Чонгук нонмин чохан чонёнмэн), организованный 8 декабря 1945 г. и объединивший в своих рядах значительные слои крестьян, в первую очередь батраков, арендаторов и полуарендаторов. На 1 июля 1947 г. Корейский крестьянский союз насчитывал 2 140 505 членов; Женский демократический союз Южной Кореи (Нам чосон минчжу ёсон тонмэн), созданный 17 августа 1945 г.; Демократический союз молодежи (Чосон минчжу чоннён тонмэн), Ассоциация корейских культурных организаций (Чосон мунхва данчхе чонёнмэн), созданная 24 февраля 1946 г.; Союз корейских писателей (Чосон мунхакка тонмэн), созданный 16 декабря 1945 г.; Комитет совместной борьбы против фашизма (Пан пхасё кондон тхучжен вивонхве), созданный 29 декабря 1945 г.; Общество помощи корейскому народу (Чосон инмим енхо хве), созданное 17 августа 1945 г.; Общество помощи борцам против японского империализма (Паниль ундончжа куёнхве), созданное 5 сентября 1945 г.

[2] «Хэндэ ильбо», 16 августа 1946 г.

год нам нечего есть?», «Мы требуем передачи власти народным комитетам»[1].

В демонстрации участвовали рабочие, крестьяне, служащие, учителя, ремесленники, торговцы. Плотным кольцом их окружала полиция. По городу, пытаясь устрашить демонстрантов, двигались танки, конные полицейские. Оккупанты приняли меры к тому, чтобы не допустить в Сеул демонстрантов из других районов. Более 5 тыс. рабочих, направлявшихся из Инчона на демонстрацию в столицу, были задержаны полицией и фашистскими бандами и не допущены в Сеул. Но вопреки террористическим актам американской военщины и южнокорейской реакции многолюдные демонстрации и митинги происходили в Сеуле и других городах и деревнях Южной Кореи в течение всей весны и лета 1946 г.

Самым значительным выступлением народных масс Южной Кореи против американской политики закабаления страны явилась всеобщая забастовка 1946 г., переросшая во всенародную освободительную борьбу. В сентябре 1946 г. союз железнодорожников выдвинул требования о повышении заработной платы железнодорожникам и улучшении снабжения их продовольствием. Американские оккупанты отказались выполнить эти законные требования. Тогда железнодорожники объявили 23 сентября всеобщую забастовку. Начавшись в Сеуле и Пусане, забастовка перекинулась в другие районы Южной Кореи. Ее поддержали печатники, рабочие судоверфей и промышленных предприятий.

Только в Сеуле остановилось более ста предприятий. На всей территории Южной Кореи было прервано железнодорожное сообщение, нарушена связь. Закрылись многие учреждения, так как служащие присоединились к забастовщикам. Прекратили работу школы и колледжи. Забастовщики создали специальные охранные отряды для дежурства возле заводов и фабрик, почтовых контор и вокзалов.

Для руководства забастовкой на предприятиях создавались забастовочные комитеты. Их деятельностью руководил организованный 26 сентября 1946 г. Южнокорейский забастовочный комитет. Население собирало деньги и продукты для бастующих, крестьяне привозили им рис. В городах и деревнях происходили демонстрации и митинги.

Забастовщики выдвинули требования: немедленно прекратить террор; передать власть народным комитетам; гарантировать политические свободы народу; провести земельную реформу; осуществить национализацию промышленности, транспорта, связи; ввести демократический закон о труде; немедленно возобновить работу Совместной советско-американской

---

[1] «Хэндс ильбо», 16 августа 1946 г.

комиссии и создать демократическое корейское правительство; увеличить продовольственные нормы снабжения населения; немедленно принять меры к восстановлению и пуску бездействующих предприятий, к оздоровлению экономической жизни Южной Кореи.

26 сентября Крестьянский союз Южной Кореи заявил о полной поддержке этих требований. В обращении Крестьянского союза указывалось, что члены его всеми мерами будут отстаивать совместно с рабочими законные права народа.

Оккупационные власти отвергли требования патриотов. Пытаясь обмануть массы и сорвать их борьбу, американские власти заявили, что они обсудят «экономические претензии» бастующих, разрешат свободную продажу риса и предоставят населению необходимое продовольствие, но прежде, заявили они, забастовка должна быть прекращена, железнодорожное движение восстановлено. Оккупационные власти обманывали народ. Они хотели сломить его волю лживыми обещаниями, а сами тем временем срочно концентрировали в промышленных центрах Южной Кореи крупные силы войск и полиции. Когда на отдельных участках было временно восстановлено движение поездов, население воочию увидело, что американцы перебрасывают не обещанный народу рис, а пушки и пулеметы.

Забастовочный комитет заявил, что забастовка не прекратится до тех пор, пока не будут удовлетворены все требования бастующих. Угрозы генерала Ходжа, что все, кто не приступит к работе до 5 октября, будут уволены, не испугали рабочих.

Забастовка разрасталась, захватывая город за городом, волость за волостью. Американские военные власти начали вооруженным путем подавлять выступление народа. Они бросили против рабочих и крестьян воинские части, полицию, террористические банды. Повсеместно производились массовые аресты и истязания. Города Южной Кореи были объявлены на военном положении, многочисленные карательные экспедиции были направлены в деревни.

На этот разнузданный террор народные массы Южной Кореи ответили вооруженной борьбой, и с октября 1946 г. забастовка стала перерастать в вооруженные выступления.

В г. Тэгу восставшие рабочие, крестьяне окрестных деревень, учащиеся напали на полицейское управление, сожгли полицейские участки, обезоружили солдат и полицию и захватили город. Несколько дней длилась жестокая борьба восставших с присланными на подавление восстания американскими солдатами. В городе были созданы многочисленные баррикады.

То же происходило и в других городах Южной Кореи. Оружием восставших вначале служили камни, ножи, палки, но в ходе борьбы народ захватывал оружие у солдат и полицейских.

В сельских районах происходили массовые крестьянские волнения. Крестьяне нападали на помещичьи усадьбы, захватывали помещичьи земли. Повсеместно создавались партизанские отряды, установившие в ряде районов власть народных комитетов. Общее число участников октябрьского движения превышало 2 млн.

Американская военщина и ее пособники с огромной жестокостью подавили народное выступление. По неполным данным, было убито и ранено около 7 тыс. человек и более 25 тыс. брошено в тюрьмы. Арестованные подвергались чудовищным пыткам, большинство было расстреляно или замучено. Но, несмотря на то, что против патриотов были брошены все силы оккупационной армии и реакционной полиции, в Южной Корее не затихало пламя вооруженной борьбы.

Октябрьское движение 1946 г., которое возглавили рабочий класс и Коммунистическая партия Южной Кореи, сыграло огромную роль в освободительном движении народных масс Южной Кореи. Оно укрепило демократический лагерь страны. Оно еще теснее сплотило все патриотические силы Южной Кореи вокруг Коммунистической партии, проявившей себя в дни движения истинным вождем народных масс, непримиримым героическим борцом за независимость своей родины. В период октябрьской борьбы, в условиях тесного сплочения и укрепления демократического лагеря, произошло объединение Компартии, Народной партии и Новой народной партии в единую Трудовую партию Южной Кореи. Предложение об объединении этих партий было выдвинуто до начала восстания. В заявлении ДНФ Южной Кореи от 8 августа 1946 г. говорилось, что такое объединение приведет к укреплению народно-демократических сил страны и ослабит антинародный реакционный лагерь. Все демократические организации горячо поддержали идею объединения Коммунистической партии с Народной и Новой народной партиями. Объединение местных организаций партий происходило в период восстания. 23—24 ноября 1946 г. состоялся съезд Трудовой партии. Был избран Центральный комитет, приняты программа и устав партии. Усилия американских оккупантов и корейских реакционеров помешать объединению партий провалились.

Созданная на базе марксизма-ленинизма Трудовая партия Южной Кореи повела народные массы на дальнейшую борьбу за создание независимого демократического корейского государства.

Кровавое подавление октябрьского выступления не запугало патриотов Южной Кореи.

Забастовочное движение разрослось еще шире; забастовки носили ярко выраженный политический характер и, как пра-

вило, сопровождались крестьянскими волнениями, что свидетельствовало о крепнущем союзе рабочих и крестьян.

Всеобщая забастовка в марте 1947 г., вызванная усилившимися репрессиями и приказом американских властей об аресте Центрального комитета Трудовой партии, была поддержана крестьянами, служащими, учащимися, торговцами, самыми широкими слоями населения. Массовый характер носили демонстрации и митинги за успешный исход работы Совместной советско-американской комиссии, за принятие советских предложений.

Основными лозунгами народного движения на этом этапе были требования об осуществлении решений Московского совещания, о передаче власти народным комитетам, о проведении демократических реформ.

Ряды Демократического национального фронта Южной Кореи непрерывно пополнялись. Его ведущая сила — Трудовая партия Южной Кореи — пользовалась большим авторитетом в народе.

Таким образом, период до осени 1947 г. явился для Южной Кореи периодом всенародной борьбы за осуществление Московских решений, за принятие советских предложений в Совместной советско-американской комиссии, периодом нарастающего антиимпериалистического движения корейского народа, нашедшего свое выражение в октябрьском выступлении 1946 г. Успешное осуществление широкого плана демократических преобразований в Северной Корее являлось мощным стимулом этого движения и чувствительным ударом по американским планам закабаления Кореи.

ПОДГОТОВКА СОЕДИНЕННЫМИ ШТАТАМИ ВОЕННОЙ АГРЕССИИ В КОРЕЕ

С середины 1947 г. позиции американских империалистов в Восточной Азии резко ухудшились. Провал планов превращения Китая в основной плацдарм борьбы против Советского Союза и национально-освободительного движения народов Азии стал очевиден. Усиливая ремилитаризацию Японии, США стали отводить все бо́льшую роль в своих агрессивных планах Корее. Но, рассчитывая на корейский плацдарм, американские захватчики, разумеется, имели в виду не только Южную Корею, а всю страну. Захват Северной Кореи был поставлен в качестве первоочередной задачи. Для осуществления ее они разработали широкий план мероприятий, частью которого было создание сепаратного южнокорейского марионеточного правительства.

В одном из бюллетеней разведывательного отдела Государственного департамента США прямо указывалось, что США

хотят «путем образования надежного и дружественного правительства в Корее частично стабилизировать положение на Дальнем Востоке». Бюллетень содержит откровенные признания о том, что США собираются «успехами в Корее возместить свои дипломатические поражения в других частях Азии».

Американцы вторично сорвали работу Совместной советско-американской комиссии. Они отклонили также предложение Советского Правительства об одновременном выводе из Кореи советских и американских войск и о предоставлении права самому корейскому народу решать свои государственные дела, которое являлось справедливым и радикальным решением вопроса и было встречено корейским народом горячим одобрением и радостью.

Вопреки решительным протестам советской делегации США протащили на второй сессии Генеральной Ассамблеи ООН решение о посылке в Корею временной комиссии ООН. А другой незаконный орган — межсессионный комитет — дал указание этой комиссии провести в Южной Корее сепаратные выборы. С глубоким негодованием узнал об этом корейский народ. Все патриотические организации во главе с Трудовой партией выступили с призывом бойкотировать выборы. Даже часть правых и центристские партии, видя, какого размаха и силы достиг народный протест, выступили против расчленения страны, против проведения сепаратных выборов, за вывод американских войск из Кореи.

7 февраля 1948 г. началась всеобщая забастовка южнокорейских рабочих, за которой последовал целый ряд массовых выступлений в городе и в деревне, нередко перераставших в вооруженную борьбу. Они проходили под лозунгом: «Предоставьте корейскому народу право самому учредить единое правительство».

Обращение забастовочного комитета Южной Кореи, опубликованное 7 февраля, гласило: «...мы категорически выступаем против проведения так называемых выборов под наблюдением комиссии ООН, которые имеют целью создание сепаратного правительства Южной Кореи, разделение страны на две части. Мы выступаем против комиссии ООН, на которую возложено осуществление этой несправедливой задачи, и решительно настаиваем на том, чтобы комиссия ООН как можно скорее удалилась из Кореи. Мы боремся за единую Корею и требуем немедленного одновременного вывода иностранных войск из Кореи и предоставления права корейскому народу самому создать свое правительство» [1]. В движении протеста против создания марионеточного правительства и посылки

[1] «Чосон чунан синмун», 8 февраля 1948 г.

в Корею комиссии ООН активно участвовало более 1300 тыс. жителей Южной Кореи. В эти же дни на о-ве Чечжудо вспыхнули первые искры партизанского движения, которые вскоре разгорелись в яркое пламя, охватившее всю Южную Корею.

14 апреля 1948 г. политические партии и общественные организации Северной Кореи обратились ко всем патриотическим партиям и организациям Южной Кореи с предложением созвать объединенное совещание и обсудить вопрос о создавшемся в стране положении, разработать план действий, который объединил бы усилия всех патриотических организаций страны, всех, кто желает создания единого независимого демократического корейского государства. Это предложение было встречено в Южной Корее горячим одобрением.

В апреле 1948 г. в Пхеньяне состоялось совещание представителей 56 политических партий и организаций Северной и Южной Кореи, объединявших свыше 10 млн. человек. Совещание приняло решение бойкотировать выборы. Оно единодушно поддержало советское предложение об одновременном выводе советских и американских войск из Кореи.

«Мы считаем, — гласила резолюция совещания, — что в целях недопущения расчленения нашей родины и недопущения закабаления народа Южной Кореи политические партии и общественные организации, сплотив свои силы, должны направить всю свою деятельность на срыв посредством всенародного бойкота сепаратных выборов, подготавливаемых на юге, и требовать принятия предложения Советского Союза о немедленном выводе иностранных войск из Кореи, а также предоставления нам права самим создать единое независимое демократическое государство».

В соответствии с решением объединенного совещания народные массы Южной Кореи активизировали борьбу против сепаратных выборов. Во многих городах и деревнях население разрушало выборные урны и участки. Сотни тысяч корейцев укрывались в горах и лесах, чтобы не участвовать в антинародных выборах.

Несмотря на то, что оккупационные власти мобилизовали крупные военные и полицейские силы, которые прибегли к террору, выборы в Южной Корее позорно провалились. В них участвовало, да и то под давлением грубой силы, менее 30% имеющих право голосования. Идя на явный подлог и фальсификацию, американцы и послушная им комиссия ООН объявили выборы «законными», «успешными» и навязали народу Южной Кореи в качестве «правительства» террористическую клику Ли Сын Мана.

В сфабрикованное путем террора и фальсификации «национальное собрание» Южной Кореи вошли 84 помещика, 33 крупных предпринимателя, 23 прояпонских чиновника.

15 августа провозглашено было создание «правительства», состоявшего из махровых национальных предателей. Премьером стал лидер фашистской организации «Корейская национальная молодежь» Ли Бом Сок, агент Чан Кай-ши, прибывший в Корею из Китая по приглашению американской разведки. Президентом «республики» стал Ли Сын Ман, агент американских монополий, лютый враг корейского народа.

После того как империалисты США и их южнокорейские пособники вопреки решительному протесту народа Кореи провели в Южной Корее сепаратные незаконные выборы, политические партии и общественные организации Северной и Южной Кореи созвали второе объединенное совещание. Оно выработало декларацию, предусматривавшую немедленный вывод иностранных войск, проведение всеобщих выборов в законодательный орган — Верховное народное собрание и образование единого корейского демократического правительства. «...Нам необходимо наметить решающие мероприятия для спасения государства, для обеспечения независимости и единства нашей родины, для обеспечения свободы», — заявил Ким Ир Сен на втором объединенном совещании политических партий и общественных организаций Северной и Южной Кореи. «Первое мероприятие в деле спасения государства, — сказал Ким Ир Сен, — это создание всекорейского верховного органа власти из представителей, могущих выразить мнение и надежды всего народа как юга, так и севера... Наше требование одно, оно неизменно и остается таким же, каким было и раньше. Оно заключается в создании нашего единого демократического корейского независимого государства. Корейская нация неделима, и никакая сила не может ее разделить»[1].

Народные массы Южной Кореи отвергли незаконно сфабрикованное реакционное «национальное собрание» и марионеточное лисынмановское правительство. Стремясь к созданию независимого демократического корейского государства, народные массы Северной и Южной Кореи, возглавляемые Трудовой партией, вопреки колонизаторской политике США и чинимому ими террору, создали свою народно-демократическую республику, избрали единый законодательный орган страны, единую народную власть[2].

Образование республики, принятие конституции, отвечающей самым заветным чаяниям народных масс Кореи, знамено-

---

[1] Второе объединенное совещание политических партий и общественных организаций Северной и Южной Кореи. Стенографический отчет.

[2] См. статью Б. В. Щетинина «Демократические преобразования в Северной Корее и образование Корейской Народно-Демократической Республики».

вали начало нового этапа освободительного движения корейского народа. Признание Корейской Народно-Демократической Республики Советским Союзом и странами народной демократии и установление между КНДР и этими государствами дипломатических отношений, дальнейшие успехи демократического строительства в северной части республики, превратившейся в мощную политическую, экономическую и культурную базу страны, усиливали тягу народных масс Южной Кореи к объединению под знаменем Корейской Народно-Демократической Республики. В то же время все это вызывало острое беспокойство и тревогу реакционных кругов США и лисынмановской клики. Они стали торопиться с подготовкой агрессии против Северной Кореи.

С первых же дней своей деятельности южнокорейское «правительство» поставило себя на службу агрессивному американскому империализму. Этим же целям подчинена была реакционная конституция Южной Кореи.

Деятельность сеульских марионеток началась с заключения кабальных договоров и соглашений с США, закрепляющих колониальное господство американского империализма в Южной Корее и направленных на развитие агрессии.

Соглашением, подписанным в августе 1948 г., предусматривалось создание южнокорейской армии и передача руководства вооруженными силами Южной Кореи — армией и полицией — американским военным властям. Им было предоставлено право неограниченного использования территории Южной Кореи и различных сооружений для создания военных баз.

Сентябрьское соглашение 1948 г. «Об урегулировании вопросов собственности и финансовых вопросов» закрепило за американцами полный политический, экономический и военный контроль над Южной Кореей и право эксплуатировать естественные богатства страны.

В декабре 1948 г. было подписано новое соглашение об оказании Соединенными штатами «помощи» Южной Корее. В нем повторены были основные положения соглашений, подписанных США с маршаллизованными странами. «Правительство» Южной Кореи обязалось установить контроль над внешней торговлей путем введения системы лицензий и создать благоприятные условия для торговой и промышленной деятельности американцев. Сеульские марионетки обязались согласовывать с США все свои политические и экономические мероприятия. Органами, при помощи которых американские империалисты осуществляли экономическое господство, являлись созданные ими в Сеуле Управление экономической помощи, а также Совет по вопросам финансов и экономики «корейского государства». В ве-

дение этого Совета вошли все области экономики и финансов. Он состоял из пяти американцев и трех министров южнокорейского «правительства».

Пакт «о взаимной помощи и обороне», подписанный в начале 1950 г., соглашение о военных советниках и т. д. предусматривали поставки американского оружия в Южную Корею, американское руководство подготовкой южнокорейских вооруженных сил и их боевыми действиями.

Ли Сын Ман, требуя от «национального собрания» утверждения этих соглашений, заявил, что они — необходимая компенсация за то, что США поддерживают южнокорейский режим на Генеральной Ассамблее ООН.

Неизбежным следствием заключенных соглашений явилось полное подчинение Южной Кореи американскому империализму, дальнейшее разорение и обнищание народных масс. Заинтересованные в том, чтобы использовать Южную Корею в качестве рынка сбыта своих товаров, США искусственно задерживали восстановление и развитие национальной промышленности. По сравнению с 1943 годом число функционирующих предприятий сократилось к первой половине 1949 г. на 36%, но и эти предприятия работали далеко не на полную мощность.

США не допускали восстановления тех отраслей промышленности в Южной Корее, которые создали бы предпосылки для экономической самостоятельности страны. Так, продукция машиностроительной промышленности составила в 1949 г. только 5% продукции 1945 г. Все заводы стального литья остановились. Судостроительные, паровозо- и вагоностроительные предприятия ограничивались только ремонтными работами. Не допуская восстановления корейских предприятий, поддерживая разруху в промышленности, американцы в возрастающих количествах завозили в Южную Корею товары и материалы, которые с успехом могли бы производиться на месте. Например, они ликвидировали в Южной Корее производство искусственных удобрений, но зато с июля по декабрь 1948 г. ввезли удобрений на огромную сумму, составлявшую 43% общего импорта Южной Кореи.

И. В. Сталин учил, что главными чертами и требованиями основного экономического закона современного капитализма является «...обеспечение максимальной капиталистической прибыли путём эксплуатации, разорения и обнищания большинства населения данной страны, путём закабаления и систематического ограбления народов других стран, особенно отсталых стран, наконец, путём войн и милитаризации народного хозяйства, используемых для обеспечения наивысших прибы-

---

[1] «Всемирное профсоюзное движение», 1950, № 4.

лей»[1]. Этот закон с предельной полнотой и ясностью вскрывает корни и объясняет причины агрессивной политики американского империализма вообще и, в частности, в Корее.

Вместе с тем, готовясь к развязыванию войны, США хищнически выкачивали из Южной Кореи ее естественные богатства, главным образом стратегическое сырье. Так, за один 1947 г. добыча вольфрама была удвоена. Большое внимание уделяли американские монополии разведке и добыче молибдена, свинца, графита и многих других металлов и минералов, необходимых для военной промышленности.

США прибрали к рукам национальные богатства южной части республики. Ими было захвачено все имущество японской компании «Восточно-колонизационное общество», владевшей корейскими шахтами и рудниками, землей и банками на сумму в 1250 млн. долларов. Ее капитал вначале перешел к военной администрации США, а затем Дж. Р. Моргану, банк которого (Нейшнл сити бэнк оф Нью-Йорк) получил полномочия действовать в качестве финансового агента этой компании. Как и в период японского колониального господства, «Восточно-колонизационное общество», именуемое «Новой Кореей», оставалось крупнейшим колониальным хищником, нещадно грабившим и обиравшим народные массы Южной Кореи.

Пенсильванская компания «Джилберт ассошиет» захватила в свои руки строительство электростанций. Вся электропромышленность, горная промышленность перешли к американским монополиям.

Результатом колонизаторской политики агрессивных кругов США явилось невыносимо тяжелое положение народных масс Южной Кореи. Безработица достигла небывалых размеров, и число безработных превысило 3 млн. чел. Но и положение работающих было не многим лучше ввиду резкого роста цен на предметы первой необходимости. Даже по данным реакционной прессы, рост цен на товары к 1949 г. в шесть раз обогнал рост заработной платы (за исходный принят 1936 г.). Больше половины городских жителей не получали продовольственных карточек.

Крайне тяжелым было и положение крестьянства. Широковещательно провозглашенная распродажа земель компании «Новая Корея» не внесла никаких изменений в положение крестьян[2]. Не говоря уже о том, что распроданные 275 тыс.

---

[1] И. Сталин. Экономические проблемы социализма в СССР. Госполитиздат, 1952, стр. 38.

[2] В марте 1948 г. американская военная администрация издала приказ о роспуске акционерной компании «Новая Корея» и о распродаже ее земель крестьянам, которые обязаны были в течение 15 лет вы-

чонбо земли являются для Южной Кореи сущей каплей в море, но и эти земли перешли к помещикам, ростовщикам и кулакам.

80% крестьян Южной Кореи либо совершенно не имели земли, либо владели такими ничтожными наделами, что вынуждены были дополнительно арендовать землю у помещиков. Кроме высокой арендной платы, крестьяне платили многочисленные налоги и сдавали лисынмановским властям обязательные рисопоставки, сбор которых сопровождался террором и репрессиями.

Американские империалисты и их пособники не могли не учитывать того огромного протеста, который нарастал в южнокорейской деревне и который стимулировался крупнейшими результатами земельных преобразований в северной части страны. В статье «Что мы могли бы предпринять в отношении Азии» американский журналист Э. Сноу подчеркивал, что «бунт крестьян против власти помещика стал важным политическим фактором в Азии»[1] и что с этим невозможно не считаться.

Американские власти и их марионетки прибегли к маневру, который преследовал две цели: он должен был, с одной стороны, успокоить, вернее обмануть, крестьян, с другой — укрепить в деревне социальную опору агрессора. Уже распродажа японских земель в 1948 г. известным образом преследовала эту задачу.

Весной 1950 г., накануне новых выборов в южнокорейское «национальное собрание», лисынмановские власти в качестве очередного предвыборного «подарка» деревне декларировали проведение земельной реформы. По закону об этой «реформе», крестьяне, и без того отягощенные многочисленными налогами и высокой арендной платой, должны были в течение ряда лет выплачивать помещикам компенсацию за землю в размере 30% общего урожая. В целом они обязаны были выплатить сумму, вдвое превышавшую фактическую стоимость земли. Совершенно очевидно, что южнокорейский крестьянин — постоянный и неоплатный должник помещика и ростовщика, не мог выплатить такой компенсации. Ему эта капиталистическая реформа несла лишь новые тяготы. Она явилась источником обогащения для помещиков, кулаков, ростовщиков и спекулянтов.

Скованное феодальными пережитками сельское хозяйство Южной Кореи неуклонно деградировало. Южная Корея, представляющая сельскохозяйственный район страны и являвшаяся ее житницей, ощущала хронический недостаток продовольствия,

---

плачивать высокий выкуп за землю так называемому «Центральному земельному управлению», созданному вместо компании «Новая Корея».

[1] «Нейшн», 28 января 1950 г.

и население ее голодало[1]. Рис, отбираемый от голодающего населения, вывозился в Японию[2]. Даже американские оккупанты вынуждены были признать, что экономическое положение Южной Кореи вызывает тревогу. В докладе администрации по осуществлению плана Маршалла, представленном в начале 1949 г. комиссии по иностранным делам палаты представителей США, указывалось, что экономическое положение Южной Кореи ухудшилось, промышленность и сельское хозяйство находятся в плачевном состоянии, а инфляция приводит к непрерывному снижению жизненного уровня населения.

«Вся политика американских империалистов в южной части нашей страны в течение прошедших пяти лет,— говорил Ким Ир Сен,— была политикой порабощения и превращения нашей родины в колонию, политикой расчленения нашего народа, политикой провоцирования междоусобной войны»[3].

С этой же целью США и их корейские марионетки развязали в Южной Корее широкую идеологическую агрессию. Они превратили в очаги американской пропаганды, в гнезда террора и шпионажа южнокорейские учебные заведения, изгнав из них «за неблагонадежность» честных патриотов — педагогов и учащихся. Попирая национальную корейскую культуру и искусство, американцы наводнили Южную Корею растленной продукцией Голливуда. Содержанием их пропаганды в Южной Корее, как и в других странах, являлись проповедь господства США над миром и призыв к отказу от национального суверенитета. Прогрессивные деятели культуры и искусства были брошены в тюрьмы.

Но американским претендентам на мировое господство как уже указывалось, нужна была не только Южная Корея— они стремились захватить и северную часть республики, ставшую центром демократизации Кореи, прочной политической и экономической базой страны, вдохновлявшей на освободительную антиимпериалистическую борьбу народные массы Южной Кореи.

Захват Северной Кореи, граничащей с Советским Союзом и Китаем, они рассматривали как необходимое условие для осуществления широкого плана агрессии на Востоке.

Успехи демократического строительства в северной части

---

[1] Южнокорейские помещики использовали эту «реформу» для того, чтобы избавиться от неплодородных, наименее пригодных для обработки участков. Эти земли за высокий выкуп и продавались крестьянам.

[2] По так называемому корейско-японскому соглашению, заключенному в марте 1949 г., устанавливалась ежегодная поставка продовольствия из Южной Кореи в Японию на 50 млн. долларов.

[3] Ким Ир Сен. Великая освободительная война корейского народа за свободу и независимость. Пхеньян, 1951, стр. 55.

республики, достигнутые при братской поддержке Советского государства, активизация освободительного движения в Южной Корее — все это грозило срывом американских планов в Корее. Вот почему США с такой поспешностью готовили «поход на север».

Эти приготовления, как уже указывалось, начались немедленно после вступления американских войск на корейскую землю. В широких масштабах проводилось военное строительство, создавались военные и авиационные базы, расширялись и переоборудовались порты и аэродромы, прокладывались стратегические дороги, строились казармы.

Особое внимание уделялось формированию и обучению южнокорейской армии, силами которой намечалось осуществить вооруженную агрессию против Северной Кореи.

Сразу же после капитуляции Японии США начали посылать в Корею всякого рода «миссии», непосредственно связанные с подготовкой агрессии. В этом отношении весьма показательна так называемая «миссия» Поули, посланная в Корею вскоре после капитуляции Японии якобы для того, чтобы выявить ущерб, причиненный Корее и Северо-Восточному Китаю войной. Но истинные цели этой «миссии», разумеется, были иными. Как сообщала в 1951 г. американская печать, Поули и его «миссия» составили подробнейшие карты и планы всех важных военных объектов Северной Кореи и Северо-Восточного Китая. Эти материалы были использованы для варварских бомбардировок городов и деревень Северной Кореи. Не менее показателен в этом отношении доклад Ведемейера Трумэну, также опубликованный в американской печати в 1951 г. Этот доклад свидетельствует о том, что уже в 1947 г. был подготовлен конкретный план захвата Северной Кореи и превращения всей страны в военную базу США, в американский военный плацдарм для нападения на Китай и Советский Союз[1].

Документы архива лисынмановского правительства, захваченные при освобождении Сеула корейской Народной армией, с предельной наглядностью раскрывают картину подготовки агрессии. Из этих документов явствует, что американские монополии и их лисынмановские приспешники, готовя войну в Корее, преследовали далеко идущие планы.

3 декабря 1948 г. лисынмановский советник по вопросам внешней политики Пэк Ку Ён писал Ли Сын Ману: «Касаясь международных дел и борьбы с коммунистической угрозой Корее и Китаю, я позволю себе повторить то, о чем я писал вам ранее, а именно — жребий брошен». Призывая к борьбе

---

[1] См. выступление Я. А. Малика на заседании Политического комитета 28 января 1952 г. «Правда», 30 января 1952 г.

против демократии, американский прихвостень пишет: «Но для того, чтобы довести предстоящую борьбу до победного конца, силы обороны — армии Америки, Японии, Китая и Кореи должны под руководством верховного главнокомандующего координировать свои действия по трем направлениям: японцы должны продвигаться по северо-восточному выступу и пройти через Владивосток, корейская и американская армии, после освобождения нашей северной территории, должны идти через Ляодунский полуостров и подняться до Харбина, возрожденная китайская националистическая армия должна восстановить утраченные Китаем территории...»[1].

Далее предусматривалась оккупация Северо-Восточного Китая и передача Владивостока и части Сибири Японии.

Таким образом, непосредственные организаторы захвата Северной Кореи открыто рассматривали его как часть общего плана войн и агрессии.

Соединенные Штаты Америки в свою очередь торопили своих марионеток. В мае 1949 г. американский посол в Сеуле Муччо требовал, чтобы южнокорейское «правительство» усилило подготовку к нападению на Северную Корею. «За вами стоят США,— говорил он,— доверьтесь нам и добросовестно выполняйте все наши советы и указания»[2]. Муччо поставил перед южнокорейскими марионетками задачу «подготовиться как можно лучше и совершить нападение на Северную Корею как можно быстрее».

Среди документов, оставленных членами «корейской комиссии ООН» во время их бегства из Сеула, имеются протоколы совместного заседания кабинета Ли Сын Мана и командования южнокорейской армии, на котором было решено начать военные действия не позднее июля 1949 г. К марту 1949 г. лисынмановская армия насчитывала восемь пехотных дивизий, готовилось создание еще двух дивизий. В армии были образованы особые бронетанковое, противотанковое, артиллерийское соединения. В военно-морском флоте насчитывалось 80 судов. Численность полиции достигла 60 тыс.

Летом 1949 г. американские оккупационные власти и лисынмановская клика начали формирование так называемого национального корпуса молодежи» из лиц, прошедших идеологическую подготовку в молодежных фашистских организациях. На этот корпус возложены были полицейские функции. Руководство южнокорейскими вооруженными силами осуществляли амери-

---

[1] «Documents and materials exposing the instigators of the civil war in Korea». Pyongyarg, 1950, стр. 63.

[2] «Documents and materials», стр. 111.

канцы. Для обучения южнокорейской армии и полиции было привлечено большое число офицеров и унтер-офицеров японской армии. Руководящий состав южнокорейской армии был подобран из корейцев-предателей, служивших ранее в японской армии и полиции.

«На улицах столицы Южной Кореи Сеула,— писал английский журналист Э. Ронд,— лозунги воинствующего молодежного национального корпуса становятся все более агрессивными. Нервничающие руководители южнокорейского правительства правых неистово требуют американской помощи для «объединения», иными словами, для захвата Северной Кореи...

Американские дипломаты и военные в Корее утверждают в частном порядке, что они оставили столько всевозможных запасов и инструкторов, что этого хватит для обучения и снаряжения 100-тысячной южнокорейской регулярной армии и резерва численностью в 200 тысяч человек»[1].

О том, что клика Ли Сын Мана готовится к войне против Корейской Народно-Демократической Республики, явствовало и из официальных докладов «корейской комиссии ООН». В них говорилось, что сеульское правительство спешит развить свои военные приготовления и настойчиво просит Соединенные Штаты Америки оказать ему военную помощь помимо той, которая им уже получена.

Развивая военные приготовления, лисынмановские войска по указанию американских советников провоцировали инциденты вдоль 38-й параллели. С января 1949 г. по апрель 1950 г. лисынмановские войска 1274 раза нарушали границу около 38-й параллели; лисынмановские военные суда 42 раза обстреливали районы к северу от этой параллели, а лисынмановская авиация совершила за это время 71 вылет, обстреливая различные объекты на северокорейской территории[2]. С июня 1949 г. южнокорейцы начали нарушать 38-ю параллель целыми подразделениями с целью захвата рубежей на территории Северной Кореи[3].

Однако, несмотря на усиленную подготовку, план «похода на север», намеченный на лето 1949 г., провалился. Одной из причин этого явилось всенародное движение за мирное объединение страны, охватившее всю Корею. На юге страны это движение патриотов приняло характер массовой партизанской борьбы. Это растущее освободительное движение стимулировалось

---

[1] «Нью стейтсмен энд нэйшн», 1949, 13 августа.

[2] «Народный Китай», 1950, т. II, № 12, стр. 5.

[3] Основными районами нарушений лисынмановцами территории Северной Кореи в течение июня—августа 1949 г. являлись Онгдин, Кэсон, Яян. Кроме того, южнокорейские марионеточные войска нарушали 38-ю параллель в районе Дзее и в других пунктах.

грандиозными успехами демократического строительства в северной части республики. Оно вдохновлялось великой победой китайского народа. «Победа китайского народа,— говорил товарищ Маленков,— ещё больше революционизировала Восток и способствовала подъёму освободительной борьбы угнетённых империализмом народов»[1].

АКТИВИЗАЦИЯ БОРЬБЫ НАРОДНЫХ МАСС ЮЖНОЙ КОРЕИ ЗА МИРНОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ И ДЕМОКРАТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ СТРАНЫ

Партизанское движение в Южной Корее начало развиваться вскоре после высадки там американских войск. Разрозненные отряды партизан совершали налеты на полицейские участки, карали предателей родины, разрушали пути сообщения, мосты, транспорт, связь. Но основной формой антиимпериалистической борьбы народных масс до весны 1948 г. являлись забастовки, стачки, митинги, демонстрации протеста. С весны 1948 г. возглавляемое Трудовой партией антиимпериалистическое освободительное движение в Южной Корее приобретает характер массовой вооруженной партизанской борьбы.

Первыми подняли оружие против своих угнетателей патриоты о-ва Чечжудо в дни, предшествовавшие «выборам» в «национальное собрание». Условия борьбы повстанцев были крайне тяжелыми. Они были отрезаны от остальных районов страны, не имели вооружения, боеприпасов. И, несмотря на это, своей самоотверженной борьбой они сумели воспрепятствовать проведению на острове антинародных выборов.

Остров Чечжудо стал ареной упорных, кровопролитных боев. Корейские патриоты восстановили на острове власть народных комитетов.

С Чечжудо восстание перекинулось в другие районы Южной Кореи. В октябре 1948 г. вспыхнуло вооруженное восстание в районе города Ёсу. Восстание поднял 14-й пехотный полк лисынмановской армии, посланный на о-в Чечжудо для подавления партизан. Солдат поддержало гражданское население. Город перешел в руки народа. Восстание охватило также города Сунчхон, Намвон, Посон, Курин, Кёнчжу. Патриоты в тяжелых боях с американскими и лисынмановскими карательными частями отстаивали народную власть[2]. Под давлением превосходящих сил врага повстанцы из городов ушли в горы, где создали мощные партизанские базы.

---

[1] Г. Маленков. Отчётный доклад XIX съезду партии о работе Центрального Комитета ВКП(б), стр. 18.

[2] Все эти города расположены на железных дорогах, что создавало благоприятные условия для агрессоров.

Организованный и массовый характер восстаний в Есу и других городах вынуждена была признать и пресловутая «комиссия ООН» по Корее. «Восстания в Ёсу и Сунчхоне, судя по быстроте, с которой они распространялись, и по организованному захвату городов, были, видимо, хорошо подготовленными на местах восстаниями, — указывается в докладе комиссии. — Повстанцы сначала захватили склады боевых припасов, а затем заняли полицейское управление и административные и финансовые учреждения. С помощью местных граждан они организовали Народный комитет... Хотя восстанием руководили вожди Трудовой партии Южной Кореи, не все участники восстания были членами этой партии... Необходимо указать, что восстание, — признает в своем докладе комиссия ООН, — было обусловлено наличием целого ряда факторов»[1].

Отряды народных мстителей, возглавляемые членами Трудовой партии, возникали во всех провинциях Южной Кореи. Они вооружались американским оружием, которое захватывали во время боев против карателей. К марту 1949 г. партизанским движением были охвачены все провинции Южной Кореи.

Крайне обеспокоенные размахом партизанского движения, американские власти и их южнокорейские марионетки приняли срочные меры к подавлению его. Они поставили своей задачей разгромить партизан до лета 1949 г. С этой целью были проведены мартовская и апрельская военные кампании. Против партизан были направлены крупные воинские соединения, оснащенные американским оружием, руководимые американскими офицерами и советниками. Однако кампании эти потерпели крах. Американским колонизаторам и их южнокорейским пособникам не удалось не только разгромить, но даже ослабить партизанское движение, охватившее всю Южную Корею.

Восстания в ряде городов и районов Южной Кореи, усиление партизанской борьбы способствовали срыву плана нападения американцев и лисынмановцев на Северную Корею в первой половине 1949 г.

Желая избежать гражданской войны и мирным путем объединить страну, корейский народ по инициативе и под руководством Трудовой партии создал общекорейский национальный фронт, объединяющий все демократические силы страны, все патриотические партии и общественные организации Северной и Южной Кореи. Учредительный съезд, состоявшийся в июне

---

[1] «Доклад Комиссии Организации Объединенных Наций в Корее», т. II. Приложения. Генеральная Ассамблея. Официальные отчеты. Четвертая сессия. Дополнение № 9, стр. 33.

1949 г., постановил создать Единый демократический отечественный фронт (ЕДОФ) на основе свободного объединения партий и общественных организаций для координации действий в борьбе за единство, независимость и демократическое развитие Кореи.

Программа ЕДОФ, его план мирного объединения Кореи были горячо поддержаны всем корейским народом. В ответ на решения ЕДОФ народные массы Северной Кореи усилили борьбу за выполнение и перевыполнение народнохозяйственных планов, борьбу за укрепление экономической базы объединенной Кореи. Народ южной части республики активизировал освободительное антиимпериалистическое движение.

20 июля 1949 г. в Южной Корее состоялась забастовка рабочих, проходившая под лозунгом поддержки решений ЕДОФ. Инициаторами этой забастовки были сеульские рабочие. В городе прекратили работу все предприятия и многие учреждения. Была прервана телеграфная и телефонная связь между Сеулом и периферией. Остановилось трамвайное движение. Несколько сот тысяч жителей Сеула вышли на демонстрацию. Рабочих Сеула поддержало население других городов. В ряде районов Южной Кореи приостановилось движение поездов — бастовали железнодорожники. В провинциях Кёнсан-пукто, Кёнсаннамдо, Кёнгидо и других состоялись мощные демонстрации крестьян, требовавших быстрейшего осуществления программы ЕДОФ.

Но клика Ли Сын Мана и ее американские покровители отвергли предложение Единого демократического отечественного фронта, поддержанное всем корейским народом, и еще усиленнее стали готовить кровопролитную гражданскую войну.

В официальных докладах комиссии ООН прямо указывалось, что лисынмановское правительство является «категорическим противником каких-либо переговоров с правительством КНДР о мирном объединении страны» и что оно «давно начало готовиться к войне против КНДР».

Единодушное стремление корейского народа к ликвидации оккупационного режима в Южной Корее и мирному объединению страны вынудило правящие круги США объявить в конце июня 1949 г. о выводе своих войск из Южной Кореи. Это был маневр, рассчитанный на обман корейского народа и всего мирового общественного мнения, ибо правительство США оставило в Южной Корее так называемую военную миссию в составе 500 человек, которую наделило обширными полномочиями и на которую фактически возложило руководство подготовкой вооруженной агрессии против Северной Кореи.

Создание американской военной миссии вызвало новый взрыв народного протеста. Нарастала оппозиция предательской

политике Ли Сын Мана и внутри лисынмановского лагеря. Многие члены «национального собрания», напуганные ростом народного протеста, выступили с требованием упразднения американской военной миссии. Росло брожение внутри правых партий, где также создавалась оппозиция, поддерживавшая план мирного объединения Кореи. Из реакционных партий уходили многие ранее заблуждавшиеся рядовые члены этих партий, осознавшие преступность политики лисынмановской клики.

Состояние лисынмановского тыла явно беспокоило американские власти. Они предложили «поход на север пока отложить и провести решительные мероприятия» по укреплению лисынмановской армии и южнокорейского тыла [1]. Во второй половине июля 1949 г. американский посол в Южной Корее Муччо и руководитель группы военных советников генерал Робертс вызвали к себе премьера и ряд министров южнокорейского «правительства» и дали им указание усилить террор против корейских патриотов. «В период июля-августа,—сказал Муччо, — необходимо провести большую подготовку к походу на север. Совершенно необходимо строгое соблюдение закона о государственной безопасности, проведение массовых арестов антиправительственных элементов, членов Трудовой партии Южной Кореи... Я уверен,— добавил он,— что вы уделите больше внимания арестам» [2].

Южнокорейская полиция начала кампанию массовых арестов патриотов. Десятки тысяч сторонников мирного объединения Кореи были брошены в тюрьмы. Острие репрессий было в первую очередь направлено против членов Трудовой партии, самой авторитетной и мощной партии Южной Кореи, общепризнанного вождя народных масс в их борьбе за независимость. Для устрашения народа и расправы с его лучшими представителями американские марионетки применяли самые изощренные пытки. Они закапывали патриотов живыми в землю, обливали горючим группы арестованных и сжигали их. Они зверски уничтожали

---

[1] Впрочем прямая попытка США и лисынмановской клики начать военную авантюру отмечена еще летом 1949 г.

План вооруженного нападения на Северную Корею был разработан под непосредственным руководством генерала Робертса.

Лисынмановская «армия национальной обороны» получила приказ генерала Робертса утром 25 июля 1949 г. начать нападение на Северную Корею. Однако под ударами Народной армии лисынмановские банды вынуждены были отступить. Потерпели поражение и другие провоцируемые ими в районе 38-й параллели инциденты. Высокая бдительность Народной армии опрокинула планы агрессоров. Началось брожение в отдельных частях лисынмановских войск.

[2] «Documents and materials», стр. 112.

семьи участников освободительного движения, расстреливая и истязая не только взрослых, но и детей.

Были закрыты все газеты и разогнаны все общественные организации, выступавшие за мирное объединение Кореи, а руководители их брошены в тюремные застенки. В учебных заведениях была проведена чистка преподавательского состава и учащихся, в результате которой более 30% учащихся были отчислены и взяты под надзор полиции. В этот же период лисынмановская клика осуществила мероприятия по «укреплению и очищению армии». 15 тысяч солдат были изгнаны из армии, часть из них расстреляна или арестована. Характерно, что американские советники лично принимали участие в этих расстрелах.

Террор, развязанный лисынмановской кликой, был направлен и против деятелей правого лагеря, выражавших хотя бы слабые признаки недовольства политикой лисынмановской клики. Около 10% оппозиционно настроенных членов национального собрания были арестованы. Вместе с тем Ли Сын Ман и его подручные попытались создать «единый фронт реакции». Но эти попытки не удались. Раскол внутри лисынмановского лагеря усиливался. В августе 1949 г. организаторы реакционного фронта вынуждены были констатировать, что идея его создания нереальна.

Одним из мероприятий, связанных с подготовкой захвата Северной Кореи, была засылка туда банд шпионов, диверсантов и провокаторов. В письме Ли Сын Ману 6 апреля 1949 г. «посол южнокорейского правительства» в США Чан Мен писал: «Генерал Ведемейер в личном и секретном порядке посоветовал внедрить в Северную Корею хорошо обученных, надежных и компетентных молодых людей для того, чтобы сеять недоверие к коммунистическому строю и к народному правительству...»[1]

Диверсионно-подрывная деятельность против Северной Кореи приняла широкие размеры, на ее организацию и осуществление были брошены большие силы и средства. Еще в 1948 г. в уезде Сувон провинции Кёнгидо под руководством начальника генерального штаба «армии национальной обороны» была создана специальная школа по подготовке диверсантов и руководителей террористических отрядов[2]. Эти отряды комплектовались из членов фашистских молодежных организаций и из предателей, служив-

---

[1] «Documents and materials», стр. 97.

[2] В августе 1949 г. в Пхеньяне был закончен судебный процесс по делу большой группы террористов и диверсантов, засланных лично премьер-министром южнокорейского «правительства» Ли Бом Соком. Этому предшествовало несколько попыток переброски бандитов в Северную Корею. Они пытались осуществить план убийств и диверсий, но были пойманы с поличным.

ших в японской полиции. Перебрасываемые в Северную Корею, они там связывались с остатками реакционных, антинародных элементов из числа крупных помещиков и коллаборационистской буржуазии. Им помогала также часть священников католической церкви, издавна связанных с американцами. Однако высокая бдительность органов государственной безопасности и всего народа Северной Кореи, тесно сплоченного вокруг своей народной власти, срывала преступные намерения диверсантов.

Среди документов, захваченных Народной армией, имеется план шпионско-диверсионной деятельности на 1950 г., найденный в разведывательном управлении генерального штаба южнокорейской армии.

Этот документ раскрывает картину тайной войны против корейского народа. В соответствии с преступными целями его авторов план предусматривал: разрушение народного достояния, уничтожение фабрик, заводов, шахт, электростанций, целых городов и районов; диверсии на транспорте, в промышленности и торговле, в учреждениях и учебных заведениях; организацию крушений поездов, взрыв мостов и туннелей, поджоги государственных учреждений; выпуск фальшивых денег, нарушение нормального денежного обращения; убийство видных политических деятелей, руководителей Корейской Народно-Демократической Республики; бактериологическую войну, отравление корейского населения смертоносными бациллами, заражение ими рек и водохранилищ.

В плане были перечислены деятели корейского демократического движения, которых предполагалось убить, запланированы объекты разрушений и поджогов, определены сроки каждого преступления, их конкретные исполнители, установлена даже оплата каждого убийства, каждой диверсии.

Но ни шпионско-диверсионная деятельность, ни идеологическая агрессия[1], ни разнузданный фашистский террор, при помощи которого лисынмановская клика пыталась укрепить тыл, не принесли агрессорам желаемых результатов.

Создание Единого демократического отечественного фронта и его борьба за мирное объединение страны, а с другой

---

[1] Реакционные партии Южной Кореи создали специальные органы для «работы с партиями Северной Кореи». Так, «демократическая» партия Южной Кореи учредила «комитет по работе с партиями Северной Кореи». В комитете имелись подкомиссии по общим делам, по организационным вопросам, по профсоюзным вопросам, по связи и т. п. В задачу комитета и подкомиссий входили «сбор сведений» и диверсионно-провокаторская деятельность, именуемая в плане «пропагандой».

Американские агрессоры засылали своих агентов и в корейские демократические организации. Презренные изменники народа всячески пытались подрывать деятельность этих организаций, но они бессильны были помешать движению масс, борьбе народа за независимость.

стороны, открыто агрессивная политика США и их южнокорейских марионеток, готовивших вместо мирного объединения гражданскую войну,—все это усиливало освободительное антиимпериалистическое движение народных масс Южной Кореи.

Во второй половине 1949 г. борьба южнокорейских партизан вступила в новый этап. Он характеризуется не только значительным ростом числа и состава партизанских отрядов, но и укреплением их боеспособности, плановостью боевых операций, единством руководства, неизменным нарастанием ударов по врагу. Вооруженная партизанская борьба стала всенародной.

Горы Чирисан, Одэсан, Тхэбэксан превращены были в неприступные крепости. Здесь были созданы мощные партизанские базы.

Отряды народных мстителей вступали в бой с крупными подразделениями лисынмановской армии и полиции, врывались с боями в города и другие населенные пункты и закреплялись в них. Так, в конце августа партизаны заняли уездный город Андон, затем Сэсон, Кочхан, а через некоторое время вступили в города Коксон, Чинчжу и Кванчжу[1].

В освобожденных городах и деревнях партизаны устанавливали власть народных комитетов, проводили земельную реформу и другие демократические преобразования. И хотя эти преобразования не всегда удавалось закрепить, они имели огромное значение для активизации народной борьбы. Партизаны вели среди населения большую агитационно-пропагандистскую работу.

Население Южной Кореи всемерно поддерживало партизан, снабжало их продовольствием, одеждой, деньгами, обеспечивало транспортом. Партизанское движение вовлекало в свое русло широкие массы крестьян, принимало в ряде случаев характер мощных крестьянских восстаний. Так, в октябре 1949 г. в уезде Тамян, провинции Чолла-намдо, восстало 4500 крестьян, в уезде Ёнгван той же провинции — более 3000 крестьян[2]. Они провели земельную реформу и возродили власть народных комитетов. В боевых действиях партизанских отрядов в это время участвовало до 90 тыс. человек.

Крайне встревоженные ростом народного движения, американские оккупанты и их южнокорейские пособники предприняли новое крупное наступление против партизан. План «зимней кампании» 1949 г. предусматривал не только разгром партизан, но и массовое истребление населения в районах их действий.

---

[1] «Кенсецу цусин», 25 декабря 1949 г.

[2] Там же.

В октябре 1949 г. Робертс потребовал, чтобы «деревни в горных районах, где действуют партизаны, откуда они могут получать одежду и провизию, были сожжены дотла»[1]. Южная Корея была разбита на пять районов. В каждый район было послано по одной хорошо оснащенной американским оружием лисынмановской дивизии. Карательным дивизиям были приданы многочисленные отряды полиции и террористов. Выполняя план командования, они превратили в пепел и развалины сотни селений, находившихся поблизости от партизанских баз. Жители этих районов подверглись принудительному выселению из родных мест. Операции наземных южнокорейских войск поддерживались артиллерией и авиацией. Руководили этой карательной экспедицией «министр национальной обороны» южнокорейского марионеточного правительства Син Сен Мо и миссия американских военных советников. Однако, несмотря на преимущества врага в технике и вооружении, несмотря на его численное превосходство, партизаны сорвали планы карателей.

В феврале 1950 г. в район военных действий прибыл глава американской «миссии военных советников» генерал Робертс[2]. Он лично руководил боевыми операциями против партизан, пытаясь выправить положение. Но и ему это не удалось. Понеся огромные потери в живой силе и технике, каратели вынуждены были признать, что и зимняя кампания против партизан провалилась.

То обстоятельство, что корейские партизаны, несмотря на крайне неблагоприятные условия — недостаток вооружения, боеприпасов, продовольствия, несмотря на незначительный боевой опыт и выучку, заставили отступить численно превосходящего и хорошо вооруженного врага, являлось весьма симптоматичным. Оно показывало, какие огромные внутренние силы таятся в свободолюбивом корейском народе, поднявшемся на борьбу за независимость, целостность и демократическое развитие своей родины.

Освободительную антиимпериалистическую борьбу народных масс Южной Кореи, равно как и демократическое строительство в северной части республики, возглавила построенная на незыблемых основах марксизма-ленинизма Трудовая партия Кореи — революционный авангард корейского народа, испытанный руководитель его борьбы за независимость.

Большое значение для сплочения и активизации сил единого фронта имело происшедшее летом 1949 г. объединение трудо-

---

[1] «Documents and materials», стр. 114.

[2] Характерно, что в район боев вместе с Робертсом прибыли члены «комиссии ООН по Корее».

вых партий Северной и Южной Кореи в единую Трудовую партию.

После провала зимней карательной кампании народные мстители — партизаны усилили свои действия. В марте 1950 г. они провели 1030 боев, в апреле того же года 1423 боя, сорвав попытки американских и лисынмановских войск провести новую весеннюю карательную кампанию.

Устрашенная ростом антиимпериалистического движения, лисынмановская клика торопила американцев начать военную авантюру. 30 сентября 1949 г. Ли Сын Ман писал своему ходатаю в США Оливеру: «Я твердо убежден в том, что сейчас психологически наиболее подходящий момент для того, чтобы предпринять агрессивные меры и соединиться с лойяльной в отношении нас частью коммунистической армии на Севере и ликвидировать ее остальную часть в Пхеньяне. Мы оттесним часть людей Ким Ир Сена в горные районы и там заморим их голодом. Наша линия обороны должна быть создана по рекам Тумын и Ялу. Тогда наше положение будет вдвое лучше»[1].

Чо Бён Ок в письме к Ли Сын Ману, соглашаясь полностью с этим планом, выразил однако опасение в том, что подходящее время еще не наступило. Он сообщал, что этот вопрос обсуждался с «послом» Чаном и доктором Оливером, и они пришли к единодушному выводу: нападение на Северную Корею должно являться основным планом правительства, который должен быть осуществлен в благоприятный момент.

Ли Сын Ману была обещана полная поддержка реакционных кругов США. Политический советник Макартура Себолд, посетивший Сеул в январе 1950 г., заверил Ли Сын Мана, что как только начнется война против Северной Кореи, флот и авиация США, базирующиеся в Японии, будут воевать на стороне южнокорейского правительства. В феврале 1950 г. Макартур вызвал Ли Сын Мана в Японию и дал ему подробные инструкции, связанные с нападением на Северную Корею. В частности, Макартур обещал Ли Сын Ману обеспечить участие японских солдат в агрессии.

По заключению американских советников, к маю 1950 г. подготовка для нападения на Северную Корею была завершена. 19 мая руководитель корейского отдела управления экономического сотрудничества США Джонсон заявил в комиссии по ассигнованиям палаты представителей американского конгресса, что стотысячная южнокорейская армия, оснащенная американским снаряжением и обученная американской военной миссией

---

[1] «Documents and materials», стр. 36.

закончила свои приготовления и может начать войну в любой момент. Для проверки этой готовности на Дальний Восток прибыли военный министр США Джонсон, начальник объединенной группы штабов вооруженных сил США Брэдли и советник Государственного департамента Даллес, имевшие секретные совещания с Макартуром о конкретных планах и сроках нападения на Северную Корею.

Одним из политических мероприятий, предшествовавших нападению, являлись так называемые «выборы в национальное собрание». Они проводились по прямому указанию Государственного департамента США. Ли Сын Ману было приказано провести во что бы то ни стало выборы в мае и было заявлено, что «комиссия ООН по Корее» гарантирует их законность. Этими выборами их инициаторы пытались, с одной стороны, упрочить позиции южнокорейской реакции, укрепить ее прогнившие органы власти, в которых оппозиция преступной политике лисынмановцев принимала все более широкие размеры. С другой стороны, комедией выборов они хотели отвлечь внимание корейских масс от готовящейся войны.

С 12 мая по всей территории Южной Кореи объявлено было чрезвычайное положение.

Согласно приказу «правительства», в районах действия партизан каждый ушедший в день выборов за пределы избирательного участка подлежал расстрелу на месте. Население сгонялось на выборы силой оружия. На «обеспечение явки избирателей» были мобилизованы фашистские террористические молодежные банды и полиция. Тридцать оппозиционно настроенных к лисынмановской клике кандидатов в «национальное собрание» были арестованы.

Демократические партии и организации Кореи с Трудовой партией во главе обратились с призывом бойкотировать выборы и еще шире развернуть борьбу за изгнание «комиссии ООН», за ликвидацию марионеточного правительства и мирное объединение страны.

На острове Чечжудо, в Пусане, Мокпхо, Кванчжу и в ряде других городов и деревень в день выборов происходили ожесточенные столкновения населения с полицией. Партизаны, поддержанные населением, врывались в города, разрушали избирательные участки, уничтожали документацию.

Сами организаторы «выборов» вынуждены были признать, что процент участвовавших в голосовании был даже ниже, чем в 1948 г., и что многие избиратели отдали свои голоса «нежелательным элементам».

Хотя в результате террора, угроз, обмана и грубой фальсификации «национальное собрание» составлено было из антинародных элементов, многие видные «деятели» лисынмановской

клики так явно и с таким позором провалились, что их невозможно было включить в число избранных. Из прошлого состава «национального собрания» был переизбран только 31 человек. Провала выборов в Южной Корее не смогла скрыть и американская реакционная печать. Корреспондент «Нью-Йорк таймс» Крейн писал из Сеула, что выборы в Южной Корее представляют собой осуждение «полицейских методов теперешнего правительства».

«Выборы» показали, насколько ненавистна корейскому народу лисынмановская клика, насколько гнилы и шатки ее устои. Эти «выборы» не помогли американцам, как они рассчитывали, укрепить положение лисынмановской клики.

Правительство Корейской Народно-Демократической Республики, демократические организации Кореи во главе с Трудовой партией принимали все меры к тому, чтобы не допустить войны, чтобы мирным путем объединить страну. В начале июня 1950 г. Единый демократический отечественный фронт вновь выдвинул предложение о мирном объединении Кореи. «Мы никогда не считали и не можем считать 38-ю параллель государственной границей,— говорилось в обращении ЦК ЕДОФ ко всем демократическим партиям и организациям, ко всему корейскому народу.— Корейский народ на юге и на севере с нетерпением ждет объединения родины. Он желает жить в государстве, едином в экономическом, культурном и политическом отношениях»[1]. ЦК ЕДОФ выдвинул конкретный и радикальный план мирного объединения Кореи, горячо поддержанный всем населением северной и южной частей республики.

Президиум Верховного народного собрания КНДР в целях предотвращения гражданской войны предложил провести объединение Кореи путем слияния Верховного народного собрания КНДР и «национального собрания» Южной Кореи. Вместе с тем, имея неопровержимые доказательства подготовляемой против Северной Кореи агрессии, правительство КНДР приняло меры к укреплению обороноспособности республики, чтобы отразить нападение лисынмановских банд.

Корейский народ не хотел войны. Весь корейский народ горячо поддерживал план мирного объединения своей родины. Лишь ничтожная, презренная, глубоко ненавистная народу кучка национальных изменников была заинтересована в войне. Она смертельно боялась мирного объединения Кореи. Придя к власти при помощи американского оружия, под его защитой грабя и разоряя народные массы и умножая свои капиталы,

---

[1] Обращение ЦК ЕДОФ. «Нодон синмун», 1950, 15 июня.

эти предатели надеялись, что война упрочит их положение, оградит их от карающей руки народа, обеспечит им новые прибыли и барыши. В войне были заинтересованы крупные помещики и капиталисты Кореи, тесно связанные с японским и американским капиталом[1].

На предложение ЕДОФ клика Ли Сын Мана ответила новой волной террора. Делегаты Единого отечественного демократического фронта, прибывшие в Южную Корею, были арестованы. Вместо мирного объединения страны южнокорейские марионетки, по указанию Вашингтона, приняли меры к ускорению начала агрессии.

17 июня 1950 г. в Южную Корею прибыл представитель США Даллес. Он детально обследовал район 38-й параллели. В речи перед двумя соединениями «армии национальной обороны» Даллес сказал: «Еще в Америке я слышал о мужестве и боевой мощи вашей армии. Сегодня я лично встретился с теми, которые будут смело сражаться, преодолевая все трудности. Вам не может противостоять даже самый сильный противник. Недолго ждать того момента, когда вы сможете проявить свою силу». На заседании «национального собрания» Южной Кореи 19 июня Даллес заявил, что США окажут Южной Корее моральную и материальную поддержку «в борьбе против коммунизма». Приезд Даллеса был сигналом к выступлению, к развязыванию войны, подготовленной и спровоцированной американским империализмом и являвшейся прямым продолжением агрессивной политики США в Корее.

---

[1] В числе крупных капиталистов Южной Кореи можно назвать: Ким Ён Су — владельца текстильной фабрики в Сеуле «Хансон Панчжок» и самой крупной компании внешней торговли в Южной Корее «Самян хвеса»; другим представителем крупного капитала является его брат Ким Сон Су — совладелец текстильной фабрики «Хансон Панчжок», глава Центральной промышленной компании и один из крупнейших помещиков Южной Кореи; огромные прибыли нажил в период второй мировой войны корейский капиталист Пак Хын Сик. Его капиталы вложены во внешнюю торговлю. Он же является главой компании по пошивке военного обмундирования, владельцем крупных торговых предприятий. Капиталы Пак Хын Сика, по данным южнокорейской прессы, исчислялись в начале 1950 г. в 1 млрд. вон. Кроме того, можно назвать Пэк Нак Сына, капиталы которого вложены в угольную промышленность, Кан Ик Ха — монополиста в страховых компаниях, Ким Ён Чжу, орудующего в судостроительной промышленности, и др. Все эти представители крупной корейской буржуазии тесно связаны с землевладением. Так, Ким Сон Су одновременно является одним из самых богатых помещиков Южной Кореи. Сдавая на кабальных условиях землю в аренду, он ежегодно получает более 450 т риса в качестве арендной платы. Его брат, помещик Ким Як Су, получает 900 т арендной платы в год, помещик На Ён Гюн — 900 т, Чо Хон Ён — 900 т, Пэк Кван Су — 900 т, Ю Сок Сон — 1800 т. Это крупные помещики лишь одной провинции — Чолла-Намдо.

«Империализм не может жить без насилий и грабежей без крови и выстрелов. На то он и империализм»[1]. Американский империализм, в погоне за максимальными прибылями, надеясь путем войны разрешить раздирающие его противоречия, развязал в Корее кровавую авантюру.

Вся свободолюбивая Корея поднялась на борьбу со своими заклятыми врагами. Началась великая освободительная война корейского народа за свободу и независимость.

[1] И. В. Сталин. Соч., т. 9, стр. 198.

В. В. ЛЕЗИН

БОРЬБА СОВЕТСКОГО СОЮЗА ЗА МИРНОЕ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЕ РЕШЕНИЕ КОРЕЙСКОГО ВОПРОСА

Советское государство, возникшее в результате побед Великой Октябрьской социалистической революции, неизменно проводит органически присущую ему политику мира. Являясь одним из основателей и активных участников Организации Объединенных Наций, созданной для служения делу мира, Советский Союз ведет в этой организации и за ее пределами последовательную борьбу с врагами мира и в первую очередь с агрессивными кругами Соединенных Штатов Америки, пытающимися превратить Организацию Объединенных Наций в орудие своей империалистической политики.

На всех этапах истории развития нашей страны советское правительство противопоставляет политику мира и демократического сотрудничества агрессивной политике правящих клик империалистических держав.

Неуклонно осуществляя этот основной принцип внешней политики, Советский Союз борется за упрочение мира во всем мире, за превращение Организации Объединенных Наций в средство борьбы за мир и за право всех народов самим решать свою судьбу, за полное равноправие всех государств и народов.

Забота Советского Союза о свободе, равноправии и независимости малых народов ярко проявилась, в частности в отношении к корейскому народу, освобожденному Вооруженными Силами СССР от японского колониального рабства. После освобождения Кореи Советский Союз оказывает корейскому народу бескорыстную братскую помощь. Эта помощь выражается в самых разнообразных формах. Опираясь на дружескую поддержку СССР, корейский народ добился огромных успехов во всех областях демократического и хозяйственно-культурного строительства. «Мы смогли достигнуть таких колоссальных успехов,— заявил в день шестилетия освобождения Кореи Ким

Ир Сен,— не только потому, что корейский народ был освобожден вооруженными силами героической Советской Армии от колониального режима японского империализма, но и благодаря бескорыстной дружеской помощи великого Советского Союза, оказанной им корейскому народу».

Советский Союз, возглавляющий лагерь социализма, демократии и мира, оказывал морально-политическую поддержку свободолюбивому корейскому народу и в его борьбе против империалистической интервенции. Эта поддержка укрепляла силы и волю корейского народа, вдохновляла его на самоотверженную борьбу против своих поработителей.

Все выступления Советского Союза на международной арене, в том числе и по корейскому вопросу, посвящены одной цели — защите мира, национального суверенитета народов и установлению международного сотрудничества на демократической основе. Ничему так не обязана советская власть своей популярностью, указывал И. В. Сталин, как политике мира.

Исходя из великих принципов ленинско-сталинской политики мирного сотрудничества, на деле осуществляющей право всех народов на самостоятельное государственное существование, Советский Союз последовательно борется за право корейского народа на создание суверенного демократического корейского государства.

МОСКОВСКОЕ СОВЕЩАНИЕ И РЕАЛИЗАЦИЯ ЕГО РЕШЕНИЙ

Борьба Союза ССР с агрессивными стремлениями американского империализма, издавна пытавшегося проглотить корейский «лакомый кусок», началась сразу же после освобождения Кореи советскими войсками от японского ига.

Эта борьба приняла чрезвычайно острый характер уже на совещании министров иностранных дел СССР, США и Англии, состоявшемся 16—26 декабря 1945 г. в Москве. Государственный секретарь США Бирнс, выражая интересы американских монополий, предложил проект решения вопроса о Корее, нарушающий коренные интересы корейского народа. По предложению государственного секретаря США, военная администрация с двумя командующими во главе должна была сосредоточить в своих руках решающие звенья корейской национальной экономики и политическое руководство страны. Корейцев же правящие круги Соединенных Штатов ставили в положение зависимых, бесправных людей, которые будут привлекаться, поскольку это осуществимо, говорилось в проекте, как администраторы и как консультанты и советники при военных командующих. Создание национального корейского

правительства американский проект совершенно не предусматривал. В американском проекте решения для установления опеки в Корее предлагалось создать административный орган четырех держав (Соединенные Штаты, СССР, Великобритания, Китай), который должен осуществлять свои полномочия и функции через Высокого комиссара и Исполнительный Совет из представителей этих четырех государств. Этому административному органу в американском проекте предоставлялось право осуществлять исполнительную, законодательную и судебную власть в период осуществления опеки в Корее. Следует отметить, что в предложениях представителя США не предусматривалось создание национального корейского правительства и на это время. И, наконец, американский проект устанавливал срок опеки в десять лет[1]. Таким образом, Соединенные Штаты, преследовавшие захватнические цели, видели в опеке инструмент превращения Кореи в свою колонию и военно-стратегический плацдарм.

После получения американского проекта советская делегация внесла на рассмотрение совещания трех министров свой проект решения вопроса о Корее. Ознакомившись с советским проектом, делегация США сняла свой проект с обсуждения и согласилась с советским проектом. Так же поступила и английская делегация. В результате этого в основу решения, принятого Московским совещанием трех министров, был положен советский проект[2].

Советским проектом предусматривалось:

«1. В целях восстановления Кореи как независимого государства, создания условий для развития страны на демократических началах и скорейшей ликвидации пагубных последствий длительного японского господства в Корее создается Временное корейское демократическое правительство, которое будет принимать все необходимые меры для развития промышленности, транспорта и сельского хозяйства Кореи и национальной культуры корейского народа.

2. Для оказания содействия образованию Временного корейского правительства и для предварительной разработки соответствующих мероприятий создать Совместную комиссию из представителей командования американских войск в Южной Корее и командования советских войск в Северной Корее. Комиссия должна при выработке своих предложений консультироваться с корейскими демократическими партиями и общественными организациями. Рекомендации, выработанные комиссией, до принятия окончательного решения двумя правитель-

---

[1] См. Сообщение ТАСС по вопросу о Корее от 25 января 1946 г. «Советский Союз и корейский вопрос (Документы)», М., 1948, стр. 10—12.

[2] «Советский Союз и корейский вопрос», стр. 10.

ствами, представленными в Совместной комиссии, должны быть внесены на рассмотрение правительств Соединенных Штатов, Советского Союза, Соединенного Королевства и Китая.

3. Совместной комиссии поручается с участием Временного корейского демократического правительства и с привлечением корейских демократических организаций разработать также меры помощи и содействия (опека) политическому, экономическому и социальному прогрессу корейского народа, развитию демократического самоуправления и установлению государственной независимости Кореи.

Предложения Совместной комиссии после консультации с Временным корейским правительством передаются на совместное рассмотрение правительствам Соединенных Штатов, Союза Советских Социалистических Республик, Соединенного Королевства и Китая для выработки соглашения об опеке четырех держав в отношении Кореи на срок до 5 лет.

4. Для рассмотрения срочных вопросов, имеющих отношение как к Южной, так и к Северной Корее, и для выработки мероприятий по установлению в административно-хозяйственной области постоянной координации между американским командованием в Южной Корее и советским командованием в Северной Корее созвать в двухнедельный срок совещание из представителей американского и советского командования в Корее»[1].

В отличие от американского проекта, лишавшего корейский народ национального суверенитета, советский проект решения о Корее признавал образование Временного корейского демократического правительства неотложной задачей. Это говорит о том, что СССР настаивал на привлечении корейского правительства, выражающего волю народа, к решению корейского вопроса на демократической основе. Для ускорения осуществления этой задачи в советском проекте предлагалось создать Совместную советско-американскую комиссию. Следовательно, в соответствии с советским предложением, и опека четырех держав в Корее должна осуществляться «через Временное корейское правительство и его органы, что должно обеспечить национальные интересы корейского народа»[2].Обеспечить национальные интересы корейского народа — вот, что лежало в основе советских предложений по корейскому вопросу. В интересах же корейского народа советская делегация предложила срок

---

[1] Сообщение о Московском совещании министров иностранных дел Советского Союза, Соединенных Штатов Америки и Соединенного Королевства. «Советский Союз и корейский вопрос», стр. 5—7.

[2] Сообщение ТАСС по вопросу о Корее от 25 января 1946 г. «Советский Союз и корейский вопрос», стр. 12.

опеки в Корее установить не в десять, как предлагала американская делегация, а в 5 лет.

Вот почему Московское соглашение, основанное на советском проекте решения корейской проблемы, было горячо одобрено широкими массами корейского народа. По всей стране прошли многолюдные митинги солидарности с решением Московского совещания трех министров иностранных дел. 100-тысячный митинг в Сеуле, состоявшийся 3 января 1946 г., единодушно поддержал эти решения [1]. Подавляющее большинство населения страны выразило свое глубокое удовлетворение московским решением трех министров.

Представители пяти политических партий Южной Кореи: коммунистической, новой народной, «демократической», национальной и народной — опубликовали совместное заявление, высоко оценивавшее Московское соглашение. Они заявили о своей «искренней поддержке в отношении суверенности и независимости Кореи и о намерении помогать развитию демократии». В заявлении подчеркивалось, что будущее корейское правительство должно решить вопрос об опеке в соответствии с Московским соглашением. Этот документ содержал также требование о роспуске всех тайных террористических организаций и призыв к населению участвовать в патриотическом движении [2].

Совершенно иную позицию заняли поддерживаемые военной администрацией США реакционные группировки Южной Кореи и прежде всего руководство «демократической» партии во главе с гнусным предателем национальных интересов корейского народа Ли Сын Маном.

Они открыто выступили против решений Московского совещания трех министров по корейскому вопросу. 3 января 1946 г., на другой же день после опубликования заявления представителей пяти партий, Ли Сын Ман и другие реакционеры, стоявшие во главе «демократической» партии, заявили, что лица, представлявшие ее на совещании делегаций пяти партий, не имели права подписывать заявление в связи с тем, что «демократическая» партия выступает против решения Московского совещания. 12 января главари реакции Южной Кореи инспирировали «демонстрацию протеста», главной целью которой было опорочить Московское соглашение, призвать к разгрому демократических организаций и к расправе с прогрессивными деятелями юга страны.

В провокационных выступлениях корейской реакции грубейшим образом извращалась позиция Советского Союза в корейском вопросе, в частности пропагандировалась лживая

[1] См. «Правда», 9 января 1946 г.
[2] См. «Известия», 15 января 1946 г.

версия, «будто установления опеки в Корее добивался Советский Союз, а Соединённые Штаты Америки придерживались противоположной позиции»[1].

Фальсифицировали сущность Московского соглашения не только Ли Сын Ман, его сторонники и реакционные газеты, но и официальные представители США в Южной Корее. Они умышленно заменяли термин «опека» термином «протекторат», пытаясь восстановить население Южной Кореи против Московского соглашения.

Провокационные вылазки корейской реакции вызвали возмущение во всем корейском народе. 28 января в Сеуле состоялась демонстрация, в которой участвовало 200 тыс. человек. Демонстранты осуждали стремления наймитов иностранных захватчиков помешать объединению страны на основе Московского соглашения. Демонстрации и митинги состоялись во многих городах и деревнях страны. Все они свидетельствовали о том, что ни американским колонизаторам, ни лисынмановской клике не удалось восстановить население Южной Кореи против решений Московского совещания трех министров.

СССР, последовательный борец за свободу и независимость всех народов, враг национального и расового угнетения, колониальной эксплуатации в любых формах, задолго до декабрьского совещания трех министров определил свое отношение к опеке, основанное на принципах ленинско-сталинской национальной политики.

Опека, с точки зрения Советского Союза,—это помощь корейскому народу в организации демократических сил страны, в ликвидации последствий длительного хозяйничанья японских оккупантов в стране, в развитии экономики и культуры и — самое главное — в подготовке национальных кадров, которые могли бы с успехом управлять независимым корейским демократическим государством. На все это требовалось известное время. Поэтому СССР и согласился на установление опеки СССР, США и Англии над Кореей, чтобы помочь ей в возможно короткий срок (не более пяти лет) стать вполне суверенным, демократическим государством.

С самого начала обсуждения корейского вопроса Советский Союз последовательно выступал за суверенитет и независимость корейского народа, против империалистической политики США, стремившихся колонизировать Корею. В этом направлении Советский Союз проводил борьбу и за реализацию решений Московского совещания.

---

[1] Сообщение ТАСС по вопросу о Корее от 25 января 1946 г. «Советский Союз и корейский вопрос», стр. 8.

В соответствии с пунктом 4 Московского соглашения в начале второй половины января 1946 г. в Сеуле открылось совещание представителей советского командования в Северной Корее с представителями американского командования в Южной Корее по вопросу экономических отношений между южной и северной частями Кореи. На этом совещании представители советского командования предложили организовать товарообмен в форме взаимных товарных поставок между обеими частями страны на эквивалентную сумму.

Советское командование, учитывая нужды Южной Кореи, изъявило согласие поставить ей необходимое количество электроэнергии, угля, химических удобрений, стали, меди, цинка, свинца, лесоматериалов и т. д. на общую сумму около 90 млн. иен[1]. В связи с тем, что Южная Корея располагала известными запасами сельскохозяйственных продуктов (риса), представители советского командования выступили с предложением, чтобы эти продукты составляли две трети всех поставок Южной Кореи. Советское командование рассчитывало также получить из Южной Кореи запасные части и материалы для железнодорожного транспорта, угольной и электрической промышленности Северной Кореи. Такой товарообмен способствовал бы развитию экономики страны в целом и отвечал национальным интересам всего корейского народа. Но подобная перспектива совершенно не интересовала представителей США, которые были заинтересованы не в возрождении экономики Кореи, а в ограблении ее народа, ее природных богатств. Поэтому они пытались навязать представителям советского командования заведомо неприемлемые условия товарообмена. Американская делегация представила список товаров широкого потребления, запасных частей на общую сумму 6 млн. иен; затем эта сумма была доведена до 10 млн. Иначе говоря, американские представители рассчитывали на получение от Северной Кореи для Южной Кореи товарного кредита на сумму 79 млн. иен. Это нарушало интересы корейского народа. Поэтому советская делегация совершенно определенно заявила, что вопрос о товарообмене будет решаться советским командованием в зависимости от поставок продовольствия для снабжения рабочего населения Северной Кореи.

В основе этой тактики американской стороны лежали провокационные цели. Делегация США, исключая поставки риса из общего перечня товаров для Северной Кореи, рассчитывала вызвать голод в этой части страны и таким способом ском-

---

[1] См. А. Я. Вышинский. Выступление на заседании Политического комитета Генеральной Ассамблеи ООН по корейскому вопросу 29 октября 1952 г. Госполитиздат, 1952, стр. 5.

прометировать политику советского командования. «Вследствие этого,—заявил в своей речи на заседании Политического комитета Седьмой сессии Генеральной Ассамблеи 29 октября 1952 г. по корейскому вопросу А. Я. Вышинский,—Советская делегация была вынуждена отложить обсуждение вопроса о товарообмене до тех пор, «когда американское командование сможет гарантировать поставку из Южной Кореи в Северную Корею необходимых деталей для промышленности и продуктов питания для рабочих, занятых в промышленности, причем, чтобы сумма обоюдных поставок была бы примерно эквивалентной»[1]. Так в результате империалистической политики правящих кругов США 38-я параллель, разделившая Корею на две зоны, еще до создания Совместной комиссии превратилась в барьер, изолировавший экономику Северной Кореи от экономики Южной Кореи.

7 февраля 1946 г. в советской прессе было опубликовано объединенное коммюнике советского и американского командований в Корее о создании Совместной советско-американской комиссии. В коммюнике подчеркивалось, что комиссия создается для содействия образованию временного корейского правительства[2].

На заседаниях Совместной советско-американской комиссии, происходивших 25—29 марта 1946 г., было разработано и принято решение разделить работу комиссии на два этапа. Первый этап посвящался выполнению пункта 2 решения Московского совещания, второй этап — выполнению пункта 3 этого же решения.

В результате работы Совместной комиссии 8, 9, 11, 13 и 17 апреля было принято решение, опубликованное в виде пресс-коммюнике № 5 Совместной советско-американской комиссии. В этом документе конкретизирован характер деятельности Совместной советско-американской комиссии.

«Совместная комиссия,— говорится в коммюнике,— будет консультироваться с корейскими демократическими партиями и общественными организациями, которые действительно демократичны в своих целях и методах и которые подпишут следующее заявление:

«Мы заявляем, что мы будем поддерживать цели Московского решения о Корее, как это изложено в параграфе 1 этого решения, а именно: «Восстановление Кореи как независимого государства, создание условий для развития страны на демо-

---

[1] А. Я. Вышинский. Выступление на заседании Политического комитета..., 29 октября 1952 г., стр. 6.

[2] «Известия», 7 февраля 1946 г.

кратических началах и скорейшая ликвидация пагубных последствий длительного японского господства в Корее». Далее, мы будем придерживаться решений Совместной комиссии при выполнении ею параграфа 2 Московского решения относительно образования Временного корейского демократического правительства. Далее, мы будем содействовать Совместной комиссии в разработке ею, с участием Временного корейского демократического правительства, предложений относительно мер, предусмотренных параграфом 3 Московского решения».

Это решение, отвечающее принципам и духу Московского соглашения, было принято в результате острой борьбы двух точек зрения — советской и американской. Американская делегация, игнорируя цели и задачи Совместной комиссии, определенные решением Московского совещания трех министров иностранных дел, навязала комиссии дискуссию о работе комиссии и порядке разрешения обсуждаемых ею вопросов. Американцы настаивали на создании «совещательного союза», который, по их предложениям, должен был заменить непосредственную консультацию Совместной комиссии с корейскими демократическими партиями и общественными организациями, стать стеной, отделяющей Совместную комиссию от корейской демократической общественности.

Дискуссия не принесла США ожидаемых ими результатов. Советская делегация сорвала попытки представителей американского империализма навязать Совместной комиссии план решения корейского вопроса, от начала и до конца враждебный интересам народных масс Кореи. Делегация США была вынуждена подписать коммюнике.

Но на этом борьба не закончилась; наоборот, она приняла еще более острые формы. Приступив к составлению списков демократических партий и общественных организаций Кореи для консультации, Совместная комиссия встретилась с новыми трудностями, искусственно создаваемыми американской стороной. В связи с договоренностью, списки демократических партий и организаций Северной Кореи должно было представить советское командование, а Южной Кореи — американское командование. Пользуясь этой возможностью, американцы представили в Совместную советско-американскую комиссию список, в котором из 20 партий и организаций 17 были реакционными, входившими в лисынмановскую «демократическую палату», и выступали против Московского соглашения. В этот список, по воле американцев, не были внесены крупнейшие массовые демократические организации Южной Кореи, как, например, Всекорейская конфедерация труда, объединявшая 600 тыс. членов профсоюзов, Всекорейский женский союз, в котором состояло 800 тыс. членов, Всекорейский демократический союз

молодежи, насчитывавший более 650 тыс. членов, Всекорейский крестьянский союз с 3 млн. членов и другие демократические организации, входившие в Демократический национальный фронт Южной Кореи.

Борьба советской и американской линий в решении корейского вопроса не ограничивалась рамками комиссии. Советская линия горячо поддерживалась всем корейским народом. Ознакомившись с коммюнике № 5, демократические партии и общественные организации в своих письмах Совместной комиссии еще раз заявили о полной поддержке ими принципов Московского соглашения и резко осудили позицию делегации США. Они единодушно выступали против подрывной деятельности реакционеров, возглавляемых Ли Сын Маном.

Все реакционные партии и организации Южной Кореи, находившиеся под прямым влиянием «демократической палаты» и поддерживаемые военной администрацией США, бойкотировали принятое решение. Тот факт, что эти партии поощрялись американскими колонизаторами, подтверждается и высказываниями генерала Ходжа. В одном из своих выступлений он заявил, что «подписание политическими партиями и общественными организациями заявления о целях участия в консультации с Советско-американской комиссией не означает одобрения или поддержки ими опеки»[1]. Больше того, Ходж заявил, что пункт 3 Московского решения не подлежит обязательному выполнению, если «корейцы» не сочтут нужным его выполнять.

Эти выступления Ходжа, с одной стороны, были направлены на мобилизацию корейских реакционеров к дальнейшей борьбе против Московского соглашения; с другой стороны, своей демагогией Ходж пытался ввести в заблуждение корейский народ, дезориентировать демократические партии и общественные организации Южной Кореи. Вместе с этим Ходж, в нарушение Московского соглашения, пытался привлечь к консультации с Совместной комиссией реакционные, антинародные партии, продолжавшие выступать против решения трех министров иностранных дел. Ходж дал понять этим партиям, что они могут вести борьбу против Московского соглашения, несмотря на заявление «о согласии» с коммюнике № 5.

После этих провокационных заявлений командующего американскими войсками реакционные партии Южной Кореи, выступавшие против Московского соглашения, подписали заявление. Они решили изменить тактику и под прикрытием мнимого согласия с коммюнике № 5 добиться срыва работы Совместной комиссии. Поощряемые Ходжем реакционные партии заявили, что они сохраняют за собой право выступать против

---

[1] «Правда», 3 июня 1946 г.

той или иной части решения Московского совещания трех министров, если у них в этом будет необходимость. Только этим можно объяснить постановление «демократической палаты» от 1 мая 1946 г., разрешавшее входившим в нее партиям подписать заявление о согласии с коммюнике № 5.

Советская делегация после этого, не оставлявшего никаких сомнений маневра «демократической палаты», отвергла американское предложение о допуске к консультации представлявшие ее организации.

В ходе работы Совместной комиссии выяснилось, что представители США, срывая под разными предлогами образование Временного корейского демократического правительства, в то же время стремились создать так называемую гражданскую администрацию Южной Кореи, которая способствовала бы реализации их колонизаторских целей. По этому вопросу острая борьба развернулась на заседании Совместной комиссии 6 мая 1946 г.

Советская делегация, разоблачая эти замыслы представителей США, в соответствии с Московским соглашением настаивала на создании Временного демократического правительства. Представители США, поняв, что советская делегация обрекает на провал все их попытки нарушить принципы Московского соглашения, стали добиваться прекращения работы Совместной комиссии. В то же время американская дипломатия и реакционная пресса по заданию своих хозяев клеветнически обвиняли Советский Союз в срыве работы Совместной комиссии. Подобные провокационные махинации типичны для правящих кругов США. Декларируя необходимость «демократического сотрудничества», они фактически не хотят сотрудничать с Советским Союзом, а для того чтобы обмануть народные массы, кричат, что якобы Советский Союз отвергает это сотрудничество.

Но как бы ни изощрялись в провокационных маневрах американские империалисты, им не удалось снять с себя ответственность за срыв работы Совместной комиссии. Корейская общественность, с особым вниманием следившая за ходом работы комиссии, все яснее и яснее представляла себе истинные стремления американских делегаций. Срыв работы Совместной комиссии переполнил чашу народного терпения. С новой силой развернулось движение корейского народа против колонизаторской политики США.

Анализируя причины срыва работы Совместной комиссии, В. М. Молотов отметил, что американская делегация противодействовала решению вопроса о скорейшем создании Временного корейского демократического правительства и объединению Кореи под его руководством. В. М. Молотов напомнил, что на первой стадии работы Совместной комиссии

американская делегация не допустила к участию в консультации ряд крупных демократических организаций Южной Кореи и настаивала на привлечении к ней групп, выступавших против Московского соглашения, консультации с которыми, естественно, не могли способствовать выполнению этого соглашения [1].

В соответствии с Московским соглашением, В. М. Молотов внес предложение — при решении корейской проблемы строго придерживаться осуществления следующих неотложных задач:

«1. Создание Временного корейского демократического правительства на основе широкого участия корейских демократических партий и общественных организаций, дабы ускорить политическое и экономическое объединение Кореи как самостоятельного и независимого от иностранного вмешательства государства, что ликвидирует деление страны на две зоны.

2. Создание во всей Корее демократических органов власти путем свободных выборов на основе всеобщего и равного избирательного права.

3. Оказание помощи корейскому народу в возрождении Кореи как независимого демократического государства и в развитии национальной экономики и национальной культуры» [2].

Однако Маршалла не устраивали эти единственно правильные предложения. В письме В. М. Молотову от 2 мая 1947 г. государственный секретарь США возвращается к вопросу о консультации. Он пытается протащить предложение, которое позволило бы привлечь к консультации партии и организации, выступавшие против Московского соглашения.

В целях ускорения объединения Кореи на основе Московского соглашения Советский Союз, заинтересованный в создании единого корейского миролюбивого демократического государства, настаивал на возобновлении работы Совместной комиссии.

Еще в ноябре 1946 г. советский командующий в письме командующему американскими войсками в Южной Корее выдвинул следующие предложения в качестве основы для возобновления работы Совместной комиссии:

«1. Совместная комиссия должна консультироваться с теми демократическими партиями и организациями, которые полностью поддерживают Московское решение о Корее.

2. Партии или общественные организации, привлеченные к консультации с Совместной комиссией, не должны выделять для консультации таких представителей, которые скомпромети-

---

[1] Письмо В. М. Молотова Д. Маршаллу от 19 апреля 1947 г. «Советский Союз и корейский вопрос», стр. 19.

[2] См. Письмо В. М. Молотова Д. Маршаллу от 19 апреля 1947 г. «Советский Союз и корейский вопрос», стр. 21.

ровали себя активными выступлениями против Московского решения.

3. Партии и общественные организации, привлеченные к консультации с Совместной комиссией, не должны и не будут выступать или подстрекать других к выступлению против Московского решения и работы Совместной комиссии. В противном случае такие партии и общественные организации соглашением обеих делегаций будут отстранены от дальнейших консультаций с Совместной комиссией»[1].

Американский командующий, согласившись в своем письме от 24 декабря 1946 г. принять эти предложения, внес в них некоторые изменения.

В. М. Молотов в письме Маршаллу от 7 мая 1947 г. заявил: «В целях ускорения возобновления работы Совместной комиссии и создания Временного корейского демократического правительства я готов принять вышеизложенные поправки, предложенные американским командующим. Надеюсь, что таким образом более не существует никаких причин для того, чтобы откладывать созыв Совместной комиссии»[2].

В результате достигнутого соглашения 21 мая 1947 г. в Мраморном зале дворца Пэксу в Сеуле Совместная советско-американская комиссия по Корее возобновила свою работу.

Корейский народ с большой радостью встретил сообщение о возобновлении работы Совместной комиссии. Десятки тысяч корейских патриотов провожали советскую делегацию из Пхеньяна в Сеул. Проводы вылились в волнующую демонстрацию стремления народных масс как можно скорее решить вопрос о создании корейского демократического правительства и об объединении Кореи. В большой праздник превратилась встреча населением Южной Кореи советской делегации в Сеуле. Никакие запреты американских военных властей не могли помешать жителям юга страны принять участие в многолюдных митингах и демонстрациях, посвященных встрече советской делегации. Все это красноречиво говорит о том, что жители Северной и Южной Кореи единодушно поддерживали Московское соглашение. И никто не мог скрыть простой истины: корейский народ был убежден, что только Советский Союз честно и последовательно борется за его национальную независимость. В Совместную комиссию поступало много приветствий, писем, требований. Все они выражали надежду на создание действительно демократического правительства Кореи.

---

[1] Письмо В. М. Молотова Д. Маршаллу от 7 мая 1947 г. «Советский Союз и корейский вопрос», стр. 26—27.

[2] Там же.

В Южной Корее реакционные элементы делали все зависящее от них, чтобы не допустить успешной деятельности Совместной комиссии. Но вожаки корейской реакции не всегда придерживались тактики открытого бойкота работы Совместной комиссии. Они неоднократно заявляли о своей готовности принять участие в консультации, но только после того, как будет «разъяснена» сущность понятий «опека» и «демократия». Ли Сын Ман хотел вложить в эти слова такое содержание, которое позволило бы ему, выступая против Московского соглашения, принимать участие в консультации и в конце концов добиться срыва этого соглашения. 9 июня газета «Нодон синмун» сообщила о заявлении Ли Сын Мана, из которого ясно видно, что наряду со всякого рода провокационными выступлениями претендент на пост «президента» Кореи вел подрывную закулисную работу. В этом заявлении Ли Сын Мана говорилось: «Несколько дней назад я секретно пригласил к себе нескольких руководителей, которым рекомендовал участвовать в работе Совместной комиссии, но когда опубликовали условия и порядок участия в консультации, то я никому не стал рекомендовать этого»[1].

Под давлением требований народных масс американская делегация порой вынуждена была идти на уступки, декларировать свои «стремления» к демократическому решению корейской проблемы. На самом же деле это был только тактический прием, рассчитанный на обман корейского народа.

12 июня в сеульской прессе было опубликовано очередное коммюнике Совместной советско-американской комиссии, из которого видно, что в первую неделю июня комиссия достигла соглашения о порядке консультации с корейскими демократическими партиями и организациями. Это соглашение сформулировано в документе, озаглавленном «Порядок консультации с корейскими демократическими партиями и общественными организациями в Северной и Южной Корее». В нем отражено решение комиссии, предусматривающее проведение консультации со всеми корейскими демократическими партиями и общественными организациями, выполняющими условия консультации. Цель консультации — выяснить взгляды и желания корейского народа на положение и политическую платформу Временного единого демократического правительства Кореи. В документе подчеркивается, что консультация будет проводиться в соответствии с решением Московского совещания о Корее. Комиссия установила срок подачи заявлений для участия в консультации — 23 июня 1947 г.

В соответствии с решениями Совместной комиссии по всей

[1] «Нодон синмун», 9 июня 1947 г.

стране развернулась подготовка к консультации. Для обсуждения порядка консультации в Пхеньяне была созвана в июне конференция представителей партий, входящих в Единый демократический национальный фронт (ЕДНФ). На конференции с докладом выступил председатель Временного народного комитета Северной Кореи Ким Ир Сен. Он сформулировал основные принципы платформы и политической программы ЕДНФ по вопросу о создании Временного корейского правительства.

«Корея,— заявил Ким Ир Сен,— должна быть объявлена народной демократической республикой, в которой вся власть будет принадлежать народу в лице Временного корейского демократического правительства и местных народных комитетов.

Правительство должно быть образовано на основе широкого участия демократических партий и общественных организаций, стоящих на платформе Московского соглашения трех Министров иностранных дел о Корее»[1].

Ход дальнейших событий показал, что американская делегация не только не имела желания завершить наметившийся успех в работе Совместной комиссии созданием единого корейского демократического правительства, а, наоборот, стала с бо́льшим упорством осложнять деятельность комиссии. Весь последующий период характерен попытками представителей Соединенных Штатов привлечь к консультации как можно больше самых разнообразных реакционных организаций и групп. Для разработки плана создания Временного корейского демократического правительства 22 мая 1947 г. Совместная комиссия создала три подкомиссии. Вторая половина июня 1947 г. в подкомиссии № 1 была безрезультатно потрачена на обсуждение списка партий и организаций, привлекаемых к консультации.

По указке американской делегации, 25 политических партий и 400 организаций Южной Кореи подали заявления о желании принять участие в консультации с Совместной комиссией. В длинном списке корейских партий и общественных организаций, претендующих на консультацию с Совместной комиссией, были организации, специально созданные в Южной Корее для борьбы против Московского соглашения. В нем оказалось 37 партий и организаций, состоящих в «комитете борьбы против опеки», созданном 16 января 1947 г. Это вызвало большое возмущение демократической общественности страны. Все прогрессивные организации Южной Кореи, и даже так

---

[1] Ким Ир Сен. Чогугы тхониль тоннипква минчжухварыль вихаё («За единство, независимость и демократизацию родины»), т. I, стр. 331—332.

называемые нейтральные партии, выступали с требованиями недопущения к консультации с Совместной комиссией представителей «демократической», «независимой» партий, скомпрометировавших себя активными выступлениями против Московских решений, и созданных ими с целью упрочения позиций южнокорейской реакции фиктивных организаций.

На эти требования американское командование и лисынмановская клика ответили жестокими репрессиями. Делегация США, придерживаясь провокационной тактики, пошла на прямое нарушение соглашения с советской делегацией о публикации совместных коммюнике о ходе работы комиссии. 17 июля глава американской делегации Браун опубликовал одностороннее заявление, в котором, грубо извращая факты, пытался оправдать позицию американской делегации, противоречившую решениям Московского совещания трех министров, и обвинить советскую делегацию в том, что она якобы намерена «использовать несанкционированное право вето с целью исключения отдельных корейских групп из консультаций».

Чтобы опровергнуть клеветнические измышления представителя правительства США советская делегация 21 июля созвала пресс-конференцию, на которой присутствовало свыше 50 представителей корейской и иностранной прессы. Советская делегация на этой конференции дала подробный анализ состава партий и общественных организаций, выдвинутых американцами для консультации с Совместной комиссией. Она привела примеры, говорящие о том, что среди заявивших о желании участвовать в консультации имеются филиалы центральных организаций и незначительные, узко местные организации. Советская делегация доказала, что в представленный американской делегацией список включены несуществующие организации, как, например, «Союз строительных и ремонтных рабочих Кореи», причем количество членов этого несуществующего «союза» обозначено в списке баснословной цифрой в 1 млн. 220 тыс. человек. Руководствуясь Московским соглашением, а также решением № 12 Совместной комиссии, которые предусматривали консультацию с корейскими партийными и общественными организациями только зонального масштаба, советские представители предлагали не включать в список для консультации необщественные мелкие организации. Советская делегация предложила, далее, проверить те организации, число членов которых вызывает сомнение, и консультироваться только с теми демократическими партиями и общественными организациями, которые полностью придерживаются Московского соглашения [1].

[1] «Известия», 25 июля 1947 г.

Американская делегация отказалась принять предложения советской делегации, нарушив тем самым решение Московского совещания и договоренность между В. М. Молотовым и Маршаллом об основах возобновления работы Совместной комиссии. Американские представители фактически добивались того, чтобы комиссия консультировалась с любой группой и организацией, которую они односторонне считали необходимым пригласить для консультации.

Советские представители предлагали в целях ускорения работы комиссии, не ожидая составления окончательного списка всех партий и организаций для консультации, приступить к консультации с теми организациями, в отношении которых у комиссии нет разногласий. Американская делегация не согласилась и с этим предложением.

Советская делегация выступила с предложением о включении в список для консультации демократических партий и общественных организаций с числом членов свыше 10 тыс. человек. Вместе с тем она предложила привлекать к устной консультации и те организации, которые не будут включены в список, но делать это после окончания консультации с партиями и общественными организациями, включенными в список. В отношении партий и общественных организаций, входящих в «комитет борьбы против опеки», советская делегация рекомендовала включить их в список только в том случае, если они выйдут из этого комитета и прекратят борьбу против Московского решения и Совместной комиссии. Эти предложения начисто опровергли демагогические утверждения делегации США о том, что советские представители якобы добиваются отстранения от консультации правых партий и организаций. Эти предложения опрокинули клеветнические утверждения американской дипломатии, и в частности Ачесона, заявившего на Седьмой сессии Генеральной Ассамблеи, что Советский Союз якобы противился привлечению к консультации таких политических партий или общественных организаций, которые возражали против опеки, предусмотренной Московским соглашением. На самом деле Советский Союз настаивал на консультации с теми демократическими партиями и организациями, которые полностью поддерживали Московское решение о Корее.

Еще 10 июля 1947 г. советская делегация передала Брауну список, в котором значилось 119 партий и организаций Южной Кореи. В этом списке было 74 партии и организации правого направления, 34—левого и 11—центра[1]. Советская делегация предложила немедленно приступить к консультации с этими

---

[1] «Правда», 6 августа 1947 г.

партиями и организациями. Но глава американской делегации отказался принять и это предложение. Эти действия американской делегации, направленные на срыв работы Совместной комиссии, вызвали взрыв негодования корейского народа. 27 июля 1947 г. возмущенное население Южной Кореи организовало митинг протеста против политики американского империализма в Корее. Сотни тысяч корейцев собрались на сеульском стадионе и соседних с ним улицах. Лейтмотивом выступлений всех ораторов было требование — выполнить решение Московского совещания трех министров иностранных дел об образовании корейского демократического правительства, немедленно прекратить террор в Южной Корее.

Выступавшие на этом митинге представители демократических партий и общественных организаций Южной Кореи полностью поддержали предложения советской делегации и резко осудили провокационную тактику американской делегации, направленную на срыв Московского соглашения. Генерала Брауна, выступившего на митинге, народ заставил прервать насквозь лживую речь и удалиться. С большим подъемом прошли митинги во многих других городах Южной Кореи. И всюду патриоты Кореи, горячо одобряя и поддерживая миролюбивую внешнюю политику СССР, выступали против колонизаторской политики правящих кругов Соединенных Штатов.

Борьбу двух противоположных линий в подходе к решению корейской проблемы нельзя рассматривать изолированно от национально-освободительного движения в Азии. Под влиянием исторической победы Советского государства над гитлеровской Германией и империалистической Японией борьба колониальных и полуколониальных народов за свою национальную независимость приняла широкие масштабы, угрожающие всей колониальной системе империализма, оказавшейся в состоянии распада.

Успехи антифеодальной и антиимпериалистической революции в Китае вызвали большую тревогу во всем империалистическом лагере, и прежде всего в Соединенных Штатах Америки, возглавляющих этот лагерь. Боязнь потерять Китай, как источник огромных прибылей и важнейший военностратегический плацдарм, заставила правящие круги США усилить военную помощь своей агентуре — антинародной клике гоминдана. Американские монополии рассчитывали таким путем запушить освободительное движение, руководимое Коммунистической партией Китая, и поработить великий китайский народ. В это же время партнеры США — Англия, Франция, Голландия — бросили крупные силы на подавление национально-освободительного движения в Малайе, Индо-Китае, Индонезии.

Но им не удалось потушить пламя национально-освободительного движения в Азии. Силы этого движения непрерывно росли. Особенно быстро они росли в Китае. К июню 1947 г. войска антинародной клики Чан Кай-ши исчерпали свои наступательные возможности, а через месяц инициатива перешла в руки Народно-освободительной армии. Чан Кай-ши вынужден был перейти к обороне.

Рассматривая Корею не только как колонию, но и как ворота в континентальный Китай и СССР, американские империалисты поставили перед собой задачу подавить национально-освободительное движение на юге страны и превратить весь Корейский полуостров в исходные позиции американской агрессии на Дальнем Востоке.

На совещаниях ответственных представителей США в середине августа в Сеуле корейской полиции были предоставлены широкие полномочия на подавление всякой оппозиционной деятельности. Полицейские банды под руководством американской контрразведки производили массовые аресты деятелей Демократического национального фронта, руководителей профсоюзов, крестьянских союзов, женских организаций и представителей прогрессивной интеллигенции. Американские колонизаторы арестовали руководство Трудовой партии — последовательного борца за свободу и независимость родины. Они охотились за отдельными членами Трудовой партии. Террористы избивали и пытали заключенных в тюрьмы прогрессивных деятелей, громили редакции и типографии газет.

Товарищ В. М. Молотов в письме Маршаллу от 23 августа 1947 г. обратил его внимание на эти возмутительные факты и предупредил, что «советское правительство считает такое положение ненормальным и недопустимым, исключающим возможность правильного выполнения решения Московского совещания трех министров о Корее, если эти преследования демократических организаций и деятелей Южной Кореи не будут немедленно и полностью отменены»[1].

На заседании Совместной комиссии 25 августа 1947 г. глава американской делегации, «опровергая» заявление советской делегации о массовых арестах деятелей демократических партий и организаций в Южной Корее, сделанное 20 августа, по существу подтвердил факты репрессий. Выдавая себя за хозяина Южной Кореи, Браун заявил, что советская делегация пытается вмешиваться в действия «правительства» юга Кореи. Зарвавшийся американский генерал осмелился заявить, что советская делегация — гость в Южной Корее.

---

[1] Письмо В. М. Молотова Д. Маршаллу от 23 августа 1947 г.; «Советский Союз и корейский вопрос», стр. 40.

На этот выпад советская делегация дала достойный ответ, заявив, что она является не гостем, а членом международной комиссии, созданной на основе Московского соглашения, и что комиссия несет ответственность за выполнение этого соглашения и за создавшееся положение в Корее. Естественно, советская делегация не могла относиться безразлично к незаконным действиям американских колонизаторов и их южнокорейских агентов, направленным против демократических сил, борющихся за независимость родины.

Глава делегации США пытался оправдать полицейский террор, установленный американской военной администрацией в Южной Корее. Он открыто заявил, что если демократические партии, входящие в Демократический народный фронт Южной Кореи, и прежде всего Трудовая партия, не откажутся от проводимой ими политики, т. е. от защиты интересов корейского народа, то руководители этих партий будут находиться под постоянной угрозой «быть арестованными, оштрафованными или заключенными в тюрьму»[1].

Государственный департамент США в письме Р. Ловетта В. М. Молотову от 26 августа 1947 г. также вынужден был признать, что в американской зоне производились аресты членов демократических партий и организаций. Однако Ловетт, так же как и Браун, пытался оправдать полицейский разгул в Южной Корее якобы необходимостью борьбы с «подрывной деятельностью», направленной против «закона и порядка».

На самом деле ни о какой «подрывной деятельности» не могло быть и речи. Дело шло не о чем ином, как о стремлении задушить демократическое движение в Южной Корее, ставившее своей целью создание единого независимого демократического корейского государства.

Прикрываясь громкими фразами о «подрывной деятельности», заместитель государственного секретаря США, в нарушение Московского соглашения, выдвинул так называемые «предложения США относительно Кореи»[2]. В этих односторонних предложениях делалась попытка передать вопрос о создании Временного корейского правительства четырем державам — СССР, США, Англии и Китаю, т. е. гоминдановскому правительству. Предложения Ловетта предусматривали создание временных законодательных собраний в Северной и Южной Корее. Яснее не скажешь. Госдепартамент США добивался срыва работы Совместной комиссии, закрепления раскола Кореи, создания в Южной Корее марионеточного правительства. Это — очередная попытка США разделаться с вопросом о независимости корейского

---

[1] «Правда», 1 сентября 1947 г.
[2] «Советский Союз и корейский вопрос», стр. 45.

народа и подготовить условия для осуществления агрессивных замыслов американских монополий на Дальнем Востоке.

Эти предложения правящих кругов США были отклонены Советским Союзом, твердо стоящим на позиции Московского соглашения, выражающего коренные интересы корейского народа.

Министр иностранных дел Советского Союза В. М. Молотов, отвечая на письмо Ловетта (4 сентября 1947 г.), отметил, что советское правительство считает нецелесообразным передачу вопроса о создании Временного корейского демократического правительства на обсуждение правительств четырех стран, «так как Совместная комиссия ещё далеко не исчерпала всех своих возможностей для выработки согласованных рекомендаций, что вполне возможно»[1].

В. М. Молотов отверг предложения США относительно Кореи, поскольку они «предусматривают создание отдельных временных законодательных собраний на Юге и на Севере Кореи (в советской и американской зонах), в то время как насущная задача состоит в том, чтобы как можно скорее добиться создания хотя и временного, но единого органа власти — общекорейского Временного демократического правительства»[2].

Поведение американских представителей в Совместной комиссии не оставляло никаких сомнений. Они добивались срыва переговоров. Глава делегации США Браун, недовольный тем, что все его маневры разбивались о контрмеры советской делегации, пытался одновременно решить две задачи: не брезгуя никакими провокационными манипуляциями, сорвать работу комиссии и возложить ответственность за это на Советский Союз. В пресс-коммюнике, опубликованном 23 августа, представитель США, преследовавший именно эту цель, выступил за проведение в Южной Корее сепаратных выборов.

Деятельность Совместной комиссии зашла по вине США в тупик. Разоблачая эту провокационную тактику представителей США, советская делегация 28 августа на пресс-конференции снова попыталась найти средства к ускорению решения корейской проблемы. Она выразила согласие принять предложение американской делегации от 12 августа — не проводить устную консультацию с корейскими демократическими партиями.

Одновременно советская делегация внесла свои предложения: поручить подкомиссии № 2 немедленно приступить к изучению письменных предложений демократических и общественных организаций по вопросникам, которые были разосла-

---

[1] Письмо В. М. Молотова Маршаллу от 4 сентября 1947 г. «Советский Союз и корейский вопрос», стр. 50—51.

[2] Там же, стр. 51.

ны Совместной комиссией, и на основе этого изучения представить в Совместную комиссию проект структуры Временного корейского демократического правительства, местных органов власти и политической платформы. Подкомиссии № 3 поручалось представить в Совместную комиссию предложения о персональном составе Временного правительства и о порядке приема правительством власти.

В советских предложениях рекомендовалось создать консультативный орган — Временное общекорейское народное собрание из представителей корейских демократических партий и общественных организаций, подавших заявление в Совместную комиссию, с заявленным числом членов этих организаций свыше 10 тыс., и полностью поддерживавших Московское соглашение.

Временное общекорейское народное собрание, говорилось в советском проекте, должно привлекаться Совместной комиссией к разработке предложений по вопросу о структуре и принципах организации Временного корейского демократического правительства и местных органов власти (временное положение). В этих предложениях должно быть предусмотрено создание законодательного органа, выборы в который будут проведены по всей Корее на основе всеобщего, прямого, равного избирательного права, при тайном голосовании.

Делегация США, отвергавшая все предложения представителей Советского Союза, направленные к образованию единого суверенного корейского демократического государства, отвергла и это предложение. В это время Государственный департамент США подготовил почву для переноса корейского вопроса на обсуждение Генеральной Ассамблеи. Правящие круги США надеялись, что, опираясь на подвластную им машину голосования в ООН, они сумеют добиться таких решений, которые ускорили бы превращение Кореи в колонию и военную базу американского империализма.

«Так обстояло дело в то время, когда правительство США решило сорвать дальнейшее сотрудничество по корейскому вопросу с Советским Союзом на основе решений Московского совещания и еще решительнее повести свою работу по закреплению раскола Кореи и осуществлению своих реакционных, агрессивных планов»[1].

17 сентября 1947 г. на пленарном заседании Второй сессии Генеральной Ассамблеи Маршалл пытался изобразить США защитником свободы и независимости корейского народа. Излив весь запас «теплых» чувств к корейскому народу, Маршалл перешел к весьма прозаическим вещам, связанным

---

[1] А. Я. Вышинский. Выступление на заседании Политического комитета... 29 октября 1952 г., стр. 12.

с интересами американского империализма. Он заявил, во-первых, о том, что правительство США отказывается от дальнейшего участия в работе Совместной советско-американской комиссии, и, во-вторых, о том, что оно желает передать корейскую проблему на рассмотрение текущей сессии Генеральной Ассамблеи. При этом Маршалл, фальсифицируя действительность, пытался возложить ответственность за бесплодность работы Совместной комиссии на представителей СССР.

18 сентября 1947 г. глава делегации Советского Союза на пленарном заседании сессии Генеральной Ассамблеи опроверг все «доводы» Маршалла и доказал, что США авторитетом Организации Объединенных Наций хотят прикрыть грубые нарушения ими Московского соглашения.

«Совершенно неправильно изобразив дело так, что бесплодность работы советско-американской комиссии по Корее оказалась отнесенной за счет Советской страны, — заявил он, — г. Маршалл внес предложение, которое явилось прямым нарушением Московского соглашения трех министров иностранных дел в декабре 1945 г. по Корее. По этому соглашению США и СССР взяли на себя обязательство совместно подготовить решение вопроса об объединении Кореи в независимое демократическое государство. Новое предложение г. Маршалла является нарушением обязательств, принятых на себя Соединенными Штатами Америки, и потому неправильным и неприемлемым. Вместо того, чтобы, следуя декабрьскому Московскому соглашению о Корее, принять меры для выработки установленных мероприятий и внести их на совместное обсуждение правительств США, СССР, Великобритании и Китая, правительство США предпочитает нарушить принятые на себя обязательства, пытаясь прикрыть свои односторонние и неоправданные никакими обстоятельствами действия авторитетом Генеральной Ассамблеи. Советское правительство не может согласиться с такими нарушениями указанного соглашения о Корее и будет настаивать на отклонении предложения, внесенного г. Маршаллом, как противоречащего обязательствам, принятым на себя по соглашению трех держав о Корее»[1].

Однако, вопреки возражениям СССР и ряда других государств, американская делегация при помощи находящегося под ее диктатом механического большинства протащила корейский вопрос в повестку дня Ассамблеи. Этим самым она дала сигнал американской делегации в Совместной советско-американской комиссии стать на путь открытого и окончательного срыва работы комиссии. Как отмечалось выше, предста-

[1] «Известия», 25 сентября 1947 г.

вители США в течение длительного времени препятствовали созыву заседаний и фактически парализовали комиссию. Чтобы сорвать агрессивные замыслы американского империализма и создать условия для подлинно демократического развития Кореи, советская делегация, добившись созыва 26 сентября 1947 г. заседания Совместной комиссии, выступила на этом заседании с предложением об одновременном выводе из Кореи американских и советских войск в начале 1948 г. и, таким образом, предоставить самому корейскому народу решить вопрос о своем правительстве.

Заявление советской делегации оказалось настолько неожиданным для представителей США, что глава американской делегации после выступления советского представителя предложил немедленно устроить перерыв. После перерыва он обратился с вопросом к советской делегации: действует ли она от имени советского правительства, внося это предложение? Последовал утвердительный ответ. Потеряв самообладание, Браун поспешно объявил о закрытии заседания. Замешательство Брауна нетрудно понять. Предложения советского правительства выбили почву из-под ног американских колонизаторов. Они лишили их возможности продолжать позорную игру. Всему миру стало ясно, что Советское государство, уважая суверенитет корейского народа, предоставляет ему возможность самому решить свою судьбу и что этой возможности его лишают американские претенденты на мировое господство.

В этот же день состоялась пресс-конференция, созванная главой советской делегации на второй сессии Генеральной Ассамблеи ООН А. Я. Вышинским. На этой пресс-конференции присутствовало до 500 представителей печати США и других стран и около 200 делегатов Ассамблеи — советников, экспертов и др.

Отвечая на поставленный одним из присутствующих вопрос: «Каковы перспективы урегулирования корейского вопроса на сессии Генеральной Ассамблеи?», — представитель СССР заявил: «Я считаю, что для урегулирования этого вопроса необходимо провести одно небольшое мероприятие: снять этот вопрос с повестки дня Генеральной Ассамблеи. Это будет самое разумное и самое законное из всего, что следует сделать в этом отношении на Ассамблее. Как я уже говорил на пленарном заседании сессии, нет никаких оснований для того, чтобы Генеральная Ассамблея рассматривала этот вопрос, который должен быть урегулирован путем точного выполнения обязательств, взятых на себя великими державами — Советским Союзом, Соединенными Штатами и Великобританией. США должны добросовестно выполнить соглашение трех держав о Корее. К этому следует добавить, что постановка этого вопро-

са на сессии противоречит уставу Организации Объединенных Наций»[1].

В своем выступлении глава делегации СССР обратил внимание участников пресс-конференции на опубликованное в дневных американских газетах сообщение из Сеула о том, что на заседании Совместной комиссии советская делегация внесла от имени советского правительства предложение об одновременном выводе из Кореи американских и советских войск в начале 1948 г. и о передаче вопроса об образовании корейского правительства на решение самого корейского народа. Я думаю, подчеркнул А. Я. Вышинский, что это совершенно правильное предложение. Надо убрать войска из Кореи—пусть корейский народ сам решает вопрос о судьбе своего государства, о своей собственной судьбе.

Предложение советской делегации в Совместной комиссии о выводе войск из Кореи и заявление А. Я. Вышинского на сессии Генеральной Ассамблеи и пресс-конференции вызвали растерянность и беспокойство в правящей верхушке США. Газета «Нью-Йорк геральд трибюн» в статье, озаглавленной «Корейская головоломка», выболтала причины обеспокоенности правящих кругов США. Газета писала, что с уходом войск США из Кореи не может быть осуществлена американская программа, которую поддерживают правые реакционные элементы Южной Кореи. «Американские официальные представители были склонны,—признавала газета,— обращаться с корейцами, как с побежденным народом», т. е. поработить его[2]. «Обращаться с корейцами, как с побежденным народом», — вот формула, точно определяющая отношение монополий США к корейскому народу. «Нью-Йорк геральд трибюн» невольно раскрыла внутренний смысл тактики американской делегации в Совместной комиссии и Маршалла на сессии Генеральной Ассамблеи. Предложения Советского Союза породили растерянность и в кругах корейской реакции—агентуры американского империализма. Как сообщил 27 сентября 1947 г. сеульский корреспондент агентства Ассошиэйтед пресс, холоп американских монополий Ли Сын Ман высказал опасения, что он потеряет контроль над Южной Кореей, если из нее будут выведены американские войска. Ли Сын Ман вынужден был признать, что его кровавый антинародный режим держится на штыках американской оккупационной армии.

Совсем по-иному воспринял советские предложения о выводе войск из Кореи корейский народ. В этих предложениях он увидел путь к свободе и независимости. По всей стране прокати-

---

[1] А. Я. Вышинский. Выступление на пресс-конференции 26 сентября 1947 г., «Известия», 28 сентября 1947 г.

[2] «Нью-Йорк геральд трибюн», 4 октября 1947 г.

лась волна митингов и народных манифестаций, одобрявших внешнюю политику Советского Союза. Это нашло отражение в южнокорейских газетах разных направлений. Газета «Сеул синмун» заявила, что предложения СССР о выводе американских и советских войск вызвали большой подъем в стране[1]. Газеты «Сен ильбо» и «Чосон чунан ильбо» опубликовали заявление независимой рабочей партии. Особое внимание в этом заявлении обращается на ту часть советского предложения, где предлагается создать корейское правительство без давления извне. «Это говорит об искренности советского предложения. Кто истинно любит свою нацию и действительно желает независимости Кореи, тот не может не приветствовать предложение о выводе советских и американских войск...

В настоящее время, — указывается далее в заявлении, — в Южной Корее пытаются создать самостоятельное правительство Южной Кореи. Советское предложение прекращает разделение и разрушение корейской нации. Оно вносит ясность в дело ускорения создания объединенного независимого государства».

Народ Кореи правильно оценил две линии в решении вопроса о судьбах его страны: линию Советского Союза, защищающего суверенные права корейского народа, и линию США, превращающих Южную Корею в свою колонию, в свой военно-стратегический плацдарм. В отказе правительства Соединенных Штатов от принятия предложения СССР вывести войска из Кореи ясно проявилась колонизаторская сущность американской политики в отношении Кореи. На борьбу с этой агрессивной политикой поднялся весь корейский народ, руководимый Трудовой партией.

Правящие круги Соединенных Штатов, отвергнув предложения СССР об одновременном выводе американских и советских войск из Кореи, усилили подготовку к сепаратным выборам в Южной Корее и пытались под прикрытием авторитета Генеральной Ассамблеи закрепить расчленение Кореи на две части и тем самым развязать себе руки для осуществления агрессивных планов. Преследуя эту цель, они обратились 17 октября с письмом к генеральному секретарю Организации Объединенных Наций. К этому письму был приложен проект резолюции, в котором рекомендовалось обеим державам, каждой в своей зоне, не позднее 31 марта 1948 г. под наблюдением ООН провести выборы. В этом же проекте предлагалось создать «комиссию ООН» по вопросу о Корее[3].

[1] См. «Сеул синмун», 2 октября 1947 г.

[2] „Известия", 4 октября 1947 г.

[3] «Первая часть доклада Временной комиссии Организации Объединенных Наций по вопросу о Корее. Том 1 Генеральная Ассамблея. Официальный отчет Третьей сессии». Дополнение № 9 (А/575). Лейк-Саксес, 1948, стр. 6.

28 октября Политический комитет Генеральной Ассамблеи приступил к обсуждению корейской проблемы. Выступивший на заседании Политического комитета представитель СССР А. А. Громыко снова указал, что советская делегация считает обращение США с данным вопросом в ООН ничем не оправданным и не обоснованным шагом; но так как этот вопрос уже включен в повестку дня Генеральной Ассамблеи и Политический комитет приступил к его обсуждению, представитель СССР внес предложение об одновременном выводе американских и советских войск из Кореи в начале 1948 г. Он заявил, что вывод войск — решающее условие, которое позволит корейцам, без вмешательства извне, создать свое собственное правительство и в кратчайший срок восстановить свою независимость. Одновременно А. А. Громыко предложил в целях объективного и справедливого рассмотрения корейского вопроса пригласить представителей корейского народа для обсуждения этого вопроса на пленарных заседаниях Генеральной Ассамблеи и в Политическом комитете ООН.

«Мы при этом,— подчеркнул А. А. Громыко,— имеем в виду действительных представителей — избранников корейского народа из Северной и Южной Кореи, а не просто назначенцев иностранных военных властей в Корее».

В связи с этим советская делегация внесла на обсуждение Политического комитета два проекта резолюций:

1. «Ввиду того, что рассматриваемый Генеральной Ассамблеей вопрос о Корее является раньше всего делом самого корейского народа и касается его свободы и независимости, и признавая, что этот вопрос не может получить правильного и справедливого решения без участия в его обсуждении представителей местного населения, Первый комитет постановляет: пригласить для участия в обсуждении вопроса о Корее избранных представителей корейского народа от Северной и Южной Кореи».

2. «Генеральная Ассамблея, обсудив предложение делегации Союза Советских Социалистических Республик об одновременном выводе из Кореи американских и советских войск в начале 1948 года, имея в виду, что это предложение имеет целью ускорить превращение Кореи в независимое демократическое государство и дать корейскому народу возможность создания правительства Кореи, постановляет:

Рекомендовать правительству Соединенных Штатов Америки и правительству Союза Советских Социалистических Республик одновременно вывести свои войска из Южной и Северной Кореи соответственно в начале 1948 года и тем самым предоставить самому корейскому народу создать национальное правительство Кореи».

Вместе с этим советская делегация внесла два предложения, касающиеся порядка обсуждения этого вопроса. Она предлагала обсудить в первую очередь советское предложение и, для того чтобы в обсуждении корейского вопроса в Политическом комитете и на пленуме Генеральной Ассамблеи могли принять участие представители корейского народа, пригласить их до начала дискуссии.

Не брезгуя никакой фальсификацией, американский делегат Даллес попытался изобразить дело таким образом, что якобы между советскими и американскими предложениями нет большого различия. Он заявил о приемлемости советского предложения и тут же внес «поправку» к нему, которая означала отклонение советского предложения. Лицемерно заявляя, что вопрос о Корее не может обсуждаться без участия представителей местного населения, автор «поправки» предлагал: «В целях облегчения и ускорения такового участия... учредить немедленно Временную комиссию ООН по Корее с местопребыванием в Корее и предоставлением ей права передвижения, производства наблюдений и проведения совещаний на всей территории Кореи»[1]. Так вместо принятия предложения СССР о выводе оккупационных войск из Кореи и предоставлении возможности корейскому народу самому решить свою судьбу Даллес под флагом «поправки» к советскому предложению стремился протащить вопрос о создании «комиссии ООН».

Американская «поправка» была поставлена на голосование. Перед голосованием советский делегат А. А. Громыко заявил: «Советская делегация считает, что мы не можем обсуждать корейского вопроса без участия представителей народа Кореи в Политическом комитете и на пленуме Генеральной Ассамблеи. В силу этого советская делегация не считает возможным участвовать в голосовании по американскому предложению»[2]. С такими же заявлениями выступили делегаты Украины, Белоруссии, Польши и Чехословакии. Тем не менее решение о создании Временной комиссии ООН по Корее было принято пресловутым американским большинством.

Даллес, как и другие представители американского империализма, боясь встречи с представителями корейского народа, пытался не допустить до голосования предложение СССР о приглашении представителей корейского народа на Генеральную Ассамблею. Он заявил, что, поскольку Политический комитет принял американскую «поправку», нет необходимости ставить на голосование советское предложение. Но этот маневр Даллеса

[1] «Первая часть доклада Временной комиссии Организации Объединенных Наций по вопросу о Корее. Том 1. Генеральная Ассамблея. Официальный отчет Третьей сессии». Дополнение № 9. (A/575) Лейк-Саксес, 1948, стр. 8.

[2] «Правда», 2 ноября 1947 г.

потерпел провал. От имени Советского Союза А. А. Громыко сделал новое заявление. Смысл его сводился к следующему: обсуждение корейского вопроса без участия представителей корейского народа невозможно; если же Генеральная Ассамблея без участия СССР и других государств, выступающих против американского предложения, решит направить в Корею комиссию, то СССР не будет участвовать в работе подобной комиссии. Это заявление вызвало большое замешательство даже в среде тех участников Ассамблеи, которые обычно послушно следуют за США. Однако и на этот раз американцам удалось при помощи машины голосования отклонить советское предложение.

Последовательно защищая интересы корейского народа, советская делегация предприняла еще одну попытку предоставить возможность избранникам корейского народа участвовать в решении корейской проблемы в ООН.

Так как Первый комитет отклонил предложение делегации СССР о приглашении представителей корейского народа, противопоставив ему решение образовать временную комиссию для наблюдения и консультаций на территории Кореи, делегат Советского Союза внес новое предложение: не считать целесообразным обсуждение данного вопроса без участия представителей корейского народа и отложить обсуждение до того, как избранные представители корейского народа смогут принять в нем участие.

Противники советских предложений не смогли опровергнуть исключительно сильные по своей аргументации доводы представителя СССР. Поэтому Даллес поспешил применить испытанное средство — машину голосования. 34 делегации из американо-английского блока проголосовали и против этого советского предложения. Делегации СССР, Украины, Польши, Белоруссии, Чехословакии голосовали за советские предложения. 12 делегаций воздержались от голосования, ряд делегаций уклонился от участия в этом заседании. Таким образом, значительная часть делегаций американо-английского блока, обычно послушных американскому диктату, не пошла за Даллесом.

После принятия решения, навязанного Политическому комитету Даллесом, началась дискуссия по корейскому вопросу без участия представителей корейского народа. Теперь американская делегация стала добиваться отклонения советского предложения об одновременном выводе войск обоих государств из Кореи и принятия резолюции США об образовании Временной комиссии для Кореи. 2 ноября на заседании Политического комитета был роздан новый проект США по корейскому вопросу, ничем существенно не отличавшийся от первоначального.

5 ноября Политический комитет закончил обсуждение корейского вопроса. Несмотря на все усилия Даллеса собрать как можно больше голосов против предложения СССР об одновременном выводе из Кореи советских и американских войск, ему удалось собрать только 20 голосов. Большинство делегаций американо-английского блока, боясь возмущения общественности своих стран, не рискнуло открыто выступить против предложений СССР. После этого были поставлены на голосование проект резолюции США и поправки к ней филиппинской, индийской, китайской и французской делегаций.

Перед голосованием представители СССР, Украины, Белоруссии, Польши и ряда других стран заявили о своем отказе участвовать в голосовании американского проекта резолюции и поправок к нему ввиду того, что Политический комитет и Генеральная Ассамблея отказались выслушать представителей корейского народа. Глава делегации УССР в своем заявлении указал, что американский проект рассчитан на создание в Корее реакционного, послушного США режима и на превращение Кореи в военно-стратегический плацдарм. Поэтому, подчеркнул он, УССР отказывается участвовать в создаваемой комиссии. Политический комитет большинством голосов американо-английского блока принял американский проект резолюции.

Пленарное заседание Генеральной Ассамблеи, состоявшееся 14 ноября 1947 г., было продолжением острой борьбы двух прямо противоположных внешнеполитических курсов — СССР и США. Значение этого заседания, как и многих других, совсем нельзя измерять результатами голосования. В борьбе двух внешнеполитических курсов по корейскому вопросу Советский Союз сорвал маску с колонизаторов, разоблачил перед мировым общественным мнением агрессивные устремления Соединенных Штатов. В этом главный итог борьбы представителей двух лагерей в ООН, в этом существо морально-политической победы миролюбивой внешней политики социалистического государства. Защищая кровные интересы корейского народа, советская дипломатия разоблачила перед всем миром далеко идущие планы правящих кругов США, сделав огромный вклад в дело укрепления мира и безопасности народов.

На пленарном заседании Генеральной Ассамблеи, так же как и на заседаниях Политического комитета, советские представители, на основе конкретных фактов, доказали, что американские военные власти делают ставку на реакционную клику Южной Кореи, изолированную от корейского народа, поощряют террор и насилия против демократических партий и общественных организаций, срывают мирное решение корейского вопроса.

Делегация США не могла не учитывать, что если представители корейского народа получат возможность выйти на трибуну Генеральной Ассамблеи, они приведут новые неопровержимые доказательства тех мрачных дел, которые творила американская военная администрация в Южной Корее. Поэтому Даллес и другие представители американского империализма, изворачиваясь и выдвигая самые смехотворные предлоги, приложили все усилия, чтобы не встретиться на сессии лицом к лицу с избранниками корейского народа. Американская делегация боялась услышать правду о положении в Южной Корее, на чем настаивала делегация СССР, считая, что Генеральная Ассамблея не может рассматривать существо корейского вопроса, не заслушав мнения представителей Кореи.

Появление «комиссии ООН» в Южной Корее было встречено движением протеста против колонизаторской политики США, которое охватило широкие слои населения страны. Для борьбы против «комиссии ООН» и за вывод иностранных войск из Кореи был создан «Южно-Корейский комитет всеобщей забастовки против комиссии ООН по вопросу о Корее»[1]. Этот факт не могла скрыть даже «комиссия ООН». 7 февраля комитет издал декларацию о забастовке. Декларация выражала не только протест корейского народа против сепаратных выборов, но и выдвигала другие важные политические и экономические требования, как, например, о передаче власти народным комитетам, о конфискации земли, введении законов о труде и социальном страховании, увеличении заработной платы на 300%, увеличении нормы выдачи риса и т. д.

В стране с новой силой развернулось партизанское движение. Оно вызывало страх у американских колонизаторов и их агентуры. «Комиссия ООН» вынуждена была признать, что с 7 февраля по 19 марта произошло 139 нападений партизанских групп на полицейские посты, убито 28 полицейских и ранено 58, спущено под откос и испорчено 53 паровоза, парализовано 10 линий железных дорог, отмечено 106 случаев повреждения связи[2]. Партизанское движение в Южной Корее — неопровержимое свидетельство священной ненависти корейского народа к американским колонизаторам и их лисынмановским марионеткам.

Даже некоторые лидеры реакционных партий выступили за мирное объединение Северной и Южной Кореи.

На заседании «комиссии ООН» 3 марта 1948 г. генерал Ходж заявил, что ему не удалось уговорить группы, возглавляемые

---

[1] «Первая часть доклада Временной комиссии Организации Объединенных Наций по вопросу о Корее. Том 1. Генеральная Ассамблея. Официальный отчет Третьей сессии». Дополнение № 9 (A/474) Лейк-Саксес, 1948, стр. 23.

[2] Там же.

Ким Гу и Ким Гю Сиком, принять участие в фабрикуемых американцами «выборах». Ходж поручил «комиссии ООН» приблизить к себе Ким Гу и Ким Гю Сика и стоящие за ними организации. «Обе эти группы, по моему мнению,— говорил Ходж,— могут к нам вернуться, если кто-то будет ими руководить. Они взобрались на дерево и не могут с него сойти, если комиссия Организации Объединенных Наций им в том не поможет»[1].

И комиссия пыталась «помочь» Ким Гу и Ким Гю Сику «сойти с дерева», но из этой затеи ничего не вышло. В то же время комиссия продемонстрировала, что она является всего лишь инструментом в руках американского колонизатора Ходжа.

Прикрывая произвол американской военщины и предателей корейского народа — лисынмановцев, установивших в Южной Корее кровавый фашистский режим, «комиссия ООН» стремилась в извращенном виде представить положение дел в Северной Корее. Влияние Северной Кореи на население юга страны с каждым днем усиливалось. Жители Южной Кореи видели, что в то время как на севере жизнь строилась на новых, подлинно демократических началах, и их соотечественники стали хозяевами своей судьбы, сбросили гнет помещиков и капиталистов,— в Южной Корее народ живет под гнетом американской оккупации. И чтобы сгладить этот разительный контраст, «комиссия ООН» старалась очернить, оклеветать корейский народ, демократические преобразования в Северной Корее. Она фабриковала лживые, провокационные документы, которые фигурировали потом в ее отчетах. В этом смысле представляет некоторый интерес беседа «комиссии ООН» с главарем реакции Южной Кореи Ли Сын Маном. Агент американского империализма встретился со своими коллегами. Поэтому беседа носила откровенный характер.

Члены «комиссии ООН» хотели хотя бы от этого злейшего врага корейского народа получить «материалы», извращающие положение дел в Северной Корее. На вопрос о том, есть ли политические заключенные в Южной Корее, Ли Сын Ман ответил, что у него нет определенных сведений о числе политических заключенных в Южной Корее, «но дело в том,— сказал он,— что в Южной Корее нет таких, кого можно назвать политическими заключенными»[2]. Ответ вполне устраивал комиссию, и больше по этому поводу вопросов не последовало. Комиссия поспешила задать Ли Сын Ману вопрос — имел

---

[1] «Первая часть доклада Временной комиссии Организации Объединенных Наций по вопросу о Корее. Том III. Приложения IX—XII. Генеральная Ассамблея. Официальный отчет Третьей сессии». Дополнение № 9. (A/575, Add, 2) Лейк-Саксес, 1948, стр. 47.

[2] Там же стр. 74.

ли он хотя бы приблизительные сведения о том, сколько может быть политических заключенных в Северной Корее? Ли Сын Ман не имел никаких сведений, позволяющих ему ответить на этот вопрос. Он обратился к присутствовавшему на заседании своему ставленнику Пиуну с вопросом — может ли тот дать «примерную справку о числе политических заключенных в Северной Корее?» Пиун ответил: «Не имею на этот счет определенного понятия»[1]. Несмотря на то, что ни Ли Сын Ман, ни Пиун не располагали никакими данными, председательствующий на заседании комиссии не унимался. Он продолжал задавать вопросы: «Но их число не достигает нескольких тысяч?» Пиун, поняв, что́ требуется комиссии, ответил: «Я бы сказал, что на севере их число может выражаться в тысячах». Но это не удовлетворило председательствующего. «Думаете ли вы,— спрашивает он,— что это число достигает десяти тысяч?» Даже Пиун, выученик Ли Сын Мана, растерялся, он вынужден был заявить: «Не могу сказать ничего определенного»[2]. Так «объективно» подходили члены «комиссии ООН» к оценке положения дел в Южной и Северной Корее. Эти фальсификаторы высасывали из пальца клеветнические «сведения», уродливо изображающие положение в Северной Корее, и с усердием приукрашивали мрачную действительность юга Кореи.

«Комиссия ООН», выполняя указания Вашингтона, шла на все, чтобы скрыть от мировой общественности факты подготовки американцев и лисынмановцев к военной агрессии против корейского народа и стремление превратить Корейский полуостров в базу американского империализма на Дальнем Востоке для военных авантюр против СССР и китайского народа.

Борясь за свою независимость, корейский народ все решительнее и решительнее требовал вывода иностранных войск из Кореи и предоставления корейцам возможности самим решить свою судьбу. Для того чтобы объединить усилия народа Северной и Южной Кореи в борьбе против колонизаторской политики США, руководители корейских демократических партий и организаций решили созвать совещание в Пхеньяне.

Во второй половине апреля 1948 г. в Пхеньяне состоялось Объединенное совещание представителей политических партий и общественных организаций юга и севера страны. В совеща-

---

[1] «Первая часть доклада Временной комиссии Организации Объединенных Наций по вопросу о Корее. Том III. Приложения IX—XII. Генеральная Ассамблея. Официальный отчет Третьей сессии». Дополнение № 9. (A/575, Add, 2) Лейк-Саксес, 1948, стр. 74—75.

[2] Там же, стр. 74—75.

нии участвовали представители 56 политических партий и крупных общественных организаций, выражавших интересы всего корейского народа.

Объединенное совещание представителей политических партий и общественных организаций Северной и Южной Кореи приняло решение бойкотировать выборы в Южной Кореи и обратилось к правительствам СССР и США с просьбой об одновременном выводе своих войск из Кореи и о предоставлении возможности корейскому народу «свободно, по своей воле, без иностранного вмешательства провести всеобщие выборы корейского общенационального демократического правительства и создать единое независимое демократическое государство...»[1]

Народное движение за объединение Кореи в единое независимое демократическое государство усилилось в связи с ответом Советского правительства на обращение Объединенного совещания представителей Северной и Южной Кореи о выводе иностранных войск из Кореи. 7 мая 1948 г., т. е. за три дня до сепаратных выборов в Южной Корее, Советское правительство заявило, что оно «хорошо понимает и сочувственно относится к стремлению корейского народа объединить свою страну и создать независимое демократическое государство Кореи. Именно поэтому советская делегация на второй сессии Генеральной Ассамблеи ООН выступила против попытки решить корейский вопрос без участия представителей корейского народа и без учёта его национальных интересов»[2].

В ответе Советского правительства снова подчеркивалось, что одновременный вывод американских и советских войск из Кореи — решающее условие обеспечения свободного выражения воли широких корейских народных масс: «Советское правительство попрежнему готово немедленно осуществить вывод своих войск из Кореи с тем, чтобы одновременно были выведены войска США из Кореи»[3].

Правящие круги США не сочли нужным ответить на Обращение представителей 56 политических партий и общественных организаций Северной и Южной Кореи. Не собираясь выводить свои войска, США в условиях самого свирепого террора начали форсировать подготовку к сепаратным «выборам». Несмотря

---

[1] Обращение Объединенного совещания представителей политических партий и общественных организаций Северной и Южной Кореи к правительствам СССР и США от 23 апреля 1948 г. «Советский Союз и корейский вопрос», стр. 89.

[2] Ответ Советского правительства на обращение Объединенного совещания представителей Северной и Южной Кореи о выводе иностранных войск из Кореи от 7 мая 1948 г. Там же, стр. 90.

[3] Там же, стр. 91.

на полный провал комедии выборов, американские власти с помощью «комиссии ООН» все же сфабриковали марионеточное «правительство» Южной Кореи во главе с Ли Сын Маном[1]. Но ни террор, ни насилия американских колонизаторов и их лакеев—лисынмановцев не могли подавить движения народных масс Южной Кореи. Народ верил в свои силы, в свою победу. Его вдохновляли великие демократические преобразования, осуществленные соотечественниками в Северной Корее при братской помощи великого Советского Союза. Его вдохновляла борьба Советского правительства за предоставление возможности корейскому народу создать единое независимое корейское демократическое государство.

ПОМОЩЬ СССР В УКРЕПЛЕНИИ МЕЖДУНАРОДНОГО ПОЛОЖЕНИЯ КНДР

Миролюбивая внешняя политика Советского Союза, основанная на ленинско-сталинских принципах уважения национального суверенитета больших и малых народов, способствовала возникновению свободного независимого корейского государства — Корейской Народно-Демократической Республики. Советский Союз освободил корейский народ из-под колониального ига и, неуклонно выполняя решения Московского совещания, помог ему в короткие сроки ликвидировать в северной части страны пагубные последствия длительного японского господства, добиться подъема подорванной экономики и растоптанной империалистическими захватчиками национальной культуры.

Успехи, достигнутые Северной Кореей во всех областях народного хозяйства и культуры, свидетельствовали о том, что корейский народ в состоянии создать единое независимое демократическое государство.

В результате выборов, проведенных как на севере, так и на юге страны, 2 сентября в Пхеньяне открылась Первая сессия Верховного Народного Собрания Корейской Народно-Демократической Республики. На повестке дня сессии стояли вопросы об утверждении конституции, выборы Президиума Верховного Народного Собрания, образование правительства, выборы верховного суда и т. д.

Верховное народное собрание утвердило состав правительства во главе с Ким Ир Сеном.

Образование Верховного Народного Собрания и создание правительства Корейской Народно-Демократической Респуб-

---

[1] См. статью Ф. И. Шабшиной «Захватническая политика США в Корее и борьба народных масс Южной Кореи за независимость».

лики — события большой исторической важности для народа Кореи и для всех народов Азии, вступивших в полосу небывалого подъема борьбы за свое национальное освобождение.

В приветственной телеграмме председателю Президиума Верховного Народного Собрания Кореи Ким Ду Бону и премьер-министру Корейской Народно-Демократической Республики Ким Ир Сену Мао Цзэ-дун и Чжу Дэ 20 сентября 1948 г. писали: «Образование Верховного Народного Собрания объединенной, независимой и демократической Кореи и создание правительства Корейской Народно-Демократической Республики является великой победой в деле освобождения корейского народа, а также большим вдохновляющим примером в освободительной борьбе народов Восточной Азии.

Сессия единодушно приняла обращение Верховного Народного Собрания КНДР к правительствам США и Советского Союза. На территории Кореи, говорилось в обращении, все еще находятся американские и советские войска, и в связи с этим Корея все еще продолжает оставаться разделенной 38-й параллелью на две части, несмотря на то, что Корея как по своему национальному составу, так и по своей экономической и хозяйственной структуре представляет собой единый и неразрывный организм. Поэтому Верховное Народное Собрание Кореи просило правительство США и правительство Советского Союза одновременно вывести из Кореи свои войска. Верховное Народное Собрание рассматривало вывод войск как первейшее и необходимое условие объединения Кореи, ее экономического, политического, культурного возрождения и расцвета и создания миролюбивого демократического корейского государства.

Советское правительство пошло навстречу пожеланию, высказанному в этом обращении. Президиум Верховного Совета СССР дал указание Совету Министров СССР об эвакуации советских войск из Северной Кореи с тем, чтобы она была закончена к концу декабря 1948 г. Президиум Верховного Совета СССР выразил вместе с тем надежду, что и правительство США согласится эвакуировать американские войска из Южной Кореи в указанный срок[1].

Выполняя решение Президиума Верховного Совета СССР, Совет Министров СССР постановил:

«1. Эвакуировать на территорию Советского Союза советские войска, оставшиеся на территории Северной Кореи.

---

[1] См. Ответ Президиума Верховного Совета СССР на обращение Верховного Народного Собрания Кореи по вопросу о выводе войск из Кореи от 18 сентября 1948 г. «Советский Союз и корейский вопрос», стр. 101.

2. Обязать Министерство вооруженных сил СССР приступить к эвакуации советских войск из Северной Кореи не позже второй половины октября сего года и закончить её к 1 января 1949 года»[1].

Это решение Советского правительства еще раз выразило братское отношение Советского Союза к корейскому народу, глубочайшее уважение к его правам на национальное самоопределение, на независимое и свободное существование. Историческое значение этого акта Советского правительства перерастает рамки корейского вопроса. Не только корейский, но и все народы колониальных и зависимых стран, борющиеся за свою национальную независимость, еще раз убедились в том, что Советский Союз последовательно защищает право на национальную независимость больших и малых народов. Все народы колониальных и полуколониальных стран снова увидели, что внешняя политика СССР помогает порабощенным народам сбросить цепи рабства и стать на путь свободного самостоятельного развития. Тем самым Советское государство еще сильнее укрепило веру народов, находящихся под гнетом американских и других империалистов, в свою миролюбивую политику, срывающую захватнические планы агрессоров.

18 сентября 1948 г. Министерство иностранных дел СССР направило посольству США в Москве ноту, в которой сообщалось о решении Советского правительства. 23 сентября посольство США поставило в известность Министерство иностранных дел СССР о том, что правительство США приняло к сведению решение Советского правительства эвакуировать свои войска из Кореи к концу декабря 1948 г. Однако, сказано в ответе, «правительство США рассматривает вопрос о выводе войск как часть более обширного вопроса о единстве и независимости Кореи, в отношении чего точка зрения правительства США будет высказана в соответствующее время делегацией США на Генеральной Ассамблее Организации Объединённых Наций»[2].

Ответ правительства США совершенно ясно свидетельствовал, что вывод войск из Южной Кореи не входил в расчеты Соединенных Штатов. Фальшивые фразы американского правительства «о единстве и независимости» Кореи — это лишь ширма, за которой оно прятало свои агрессивные планы. Но правящим кругам США не удалось утаить шила в мешке. Население Кореи научилось понимать и правильно оценивать внешнюю политику американского правительства не по заявле-

---

[1] Ответ Президиума Верховного Совета СССР на обращение Верховного Народного Собрания Кореи по вопросу о выводе войск из Кореи от 18 сентября 1948 г. «Советский Союз и корейский вопрос», стр. 103.

[2] К вопросу о выводе иностранных войск из Кореи (Сообщение ТАСС от 30 сентября 1948 г.). Там же, стр. 105.

ниям правительства и государственного департамента США, а по их фактическим действиям.

Несмотря на террор и прямые военные действия американских вооруженных сил против корейских патриотов, народные массы Южной Кореи открыто одобряли внешнюю политику Советского государства и вели упорную борьбу за объединение Кореи, за вывод американских войск из пределов страны. Народ Кореи боролся за превращение всей страны в единое демократическое государство. И чем крепче становились позиции Корейской Народно-Демократической Республики, тем упорнее развертывалась на юге Кореи борьба за объединение страны. Под руководством Трудовой партии рабочий класс и все трудящиеся боролись за распространение на всю страну демократических преобразований, осуществленных в Северной Корее.

8 декабря 1948 г. председатель кабинета министров Корейской Народно-Демократической Республики Ким Ир Сен обратился с письмом к председателю Совета Министров СССР И. В. Сталину по вопросу об установлении дипломатических отношений между СССР и Корейской Народно-Демократической Республикой.

В ответном письме Ким Ир Сену Председатель Совета Министров Союза ССР И. В. Сталин заявил:

«Советское Правительство, неизменно отстаивающее право корейского народа на создание своего единого независимого государства, приветствует образование Корейского Правительства и желает ему успехов в его деятельности на пользу национального возрождения и демократического развития Кореи. Советское Правительство выражает готовность на установление дипломатических отношений между СССР и Корейской Народно-Демократической Республикой и на обмен послами, и вместе с этим, на установление соответствующих экономических отношений»[1].

Установление дипломатических отношений между Советским Союзом и Корейской Народно-Демократической Республикой открыло новую страницу в истории корейского народа и имело огромное значение для демократического развития корейского государства. Поддержка Советской страны, возглавляющей могучий лагерь социализма, привела к выходу молодой Корейской Народно-Демократической Республики на международную арену, способствовала укреплению ее международно-правового положения как суверенного государства.

---

[1] Письмо Председателя Совета Министров Союза ССР И. Сталина Председателю Кабинета Министров Корейской Народно-Демократической Республики Ким Ир Сену по вопросу об установлении дипломатических отношений между СССР и Кореей. «Советский Союз и корейский вопрос», стр. 108—109.

Советский Союз, последовательно осуществляющий политику равноправия и дружбы народов, дал еще один яркий образец уважения суверенитета и независимости малых национальностей.

Вслед за Советским Союзом дипломатические отношения с Кореей установили: Китайская Народная Республика, Монгольская Народная Республика, Чехословакия, Польша, Румыния, Венгрия, Болгария, Албания и другие миролюбивые государства. Так, с помощью Советского Союза Корейская Народно-Демократическая Республика — бывшая колония японского империализма — вступила как суверенное государство во внешнеполитические отношения с другими странами. Потерпели позорный провал планы американского империализма изолировать Корейскую Народно-Демократическую Республику от других государств.

Еще 7 октября 1948 г. кабинет министров КНДР решил послать правительственную делегацию на Третью сессию Генеральной Ассамблеи ООН. В соответствии с этим Министерство иностранных дел республики послало генеральному секретарю ООН Трюгве Ли телеграмму, в которой выражалась просьба о предоставлении представителям правительства КНДР возможности принять участие в обсуждении корейского вопроса на сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Послушный США Трюгве Ли не только ничего не сделал для удовлетворения этой просьбы, но и старался «не замечать» незаконных мер, предпринимаемых делегацией США для того, чтобы не допустить на сессию Генеральной Ассамблеи подлинных представителей корейского народа.

Обсуждение корейского вопроса американская делегация умышленно отодвинула к завершающей стадии работы сессии, хотя еще в начале работы сессии чехословацкая делегация настаивала на необходимости обсудить предложение о приглашении на сессию представителей Корейской Народно-Демократической Республики. Политический комитет под нажимом американской делегации решил, что предложение о приглашении представителей корейского народа на сессию Генеральной Ассамблеи будет обсуждаться, когда начнется дискуссия по корейскому вопросу. Скоро стали ясны цели, ради которых американо-английский блок стремился отодвинуть вопрос о приглашении на сессию представителей КНДР.

Журнал «Генеральная Ассамблея» в номере от 16 ноября 1948 г. поспешил сообщить, что якобы Политический комитет отклонил проект чехословацкой делегации. В следующем номере журнала была дана поправка, говорящая о том, что Политический комитет отклонил предложение чехословацкой делегации до начала обсуждения корейского вопроса. Тем не

менее Даллес 6 декабря, в начале обсуждения корейского вопроса, выступая против вновь внесенного предложения чехословацкой делегации о приглашении на сессию представителей корейского народа, заявил, что это предложение уже было отклонено, и при этом сослался на сообщение журнала «Генеральная Ассамблея» от 16 ноября. Этот маневр Даллеса — еще одно доказательство, что представители американского империализма готовы пойти на любой подлог и фальсификацию ради достижения агрессивных целей монополистического капитала.

Советский делегат Я. А. Малик разоблачил этот маневр Даллеса и горячо поддержал предложение чехословацкой делегации. Ссылаясь на материалы «комиссии ООН», выступления представителей правых реакционных партий Южной Кореи Ким Гу и Ким Гю Сика, которых нельзя заподозрить в симпатиях к демократическим силам страны, советский делегат доказал, что Южная Корея превращена в полицейское государство. Ввиду этого, заявил Я. А. Малик, советская делегация возражает против вызова представителей сеульских «властей» для участия в обсуждении корейского вопроса, ибо эти власти не представляют ни всего корейского народа, ни народа южной части страны и не могут участвовать в обсуждении его судьбы.

Таким образом, американской делегации и ее ставленникам не удалось избежать обсуждения чехословацкого предложения, в ходе которого представитель Советского Союза вскрыл подлинные намерения Даллеса и показал, что США создали на юге Кореи полицейский режим и пытаются открыть двери ООН его представителям. Международная общественность заклеймила эти незаконные действия американских покровителей южнокорейской антинародной клики Ли Сын Мана и требовала приглашения на сессию действительных избранников корейского народа. Соединенные Штаты игнорировали эти требования. При помощи машины голосования американская делегация преградила путь представителям корейского народа на сессию и, нарушая принципы ООН, допустила на нее лисынмановского агента, но ей не удалось при этом сохранить личину «друга» корейского народа. Эта маска с американских колонизаторов была сброшена. Перед всем миром они предстали как злейшие враги корейской нации, демократии и мира.

7 декабря Политический комитет начал дискуссию по корейскому вопросу. Ставленники США — представители Филиппин, Австралии, Бразилии — пели дифирамбы «временной комиссии ООН» по Корее, доклады которой были представлены Политическому комитету. Представители американо-английского блока, восхваляя работу комиссии, подчеркивали ее «за-

«слуги» в создании марионеточного правительства Ли Сын Мана и пытались в грубых клеветнических выпадах опорочить корейское народно-демократическое правительство. Цель всех этих выступлений сводилась к тому, чтобы добиться одобрения Генеральной Ассамблеей выводов «временной комиссии ООН» по Корее и объявить законным «правительство», созданное американцами в Сеуле, короче говоря — прикрыть авторитетом Генеральной Ассамблеи агрессивную политику правящих кругов США в Южной Корее. Не случайно делегат США Даллес, защищая проект резолюции, предложенный от имени Америки, гоминдановской клики и Австралии, заявил: «ООН должна узаконить то, что уже сделано». Иначе говоря, «узаконить полицейский колонизаторский режим в Южной Корее». Авторы проекта резолюции также добивались создания новой комиссии по вопросу о Корее и наделения ее еще более широкими полномочиями.

8 декабря 1948 г. на ночном заседании Политического комитета обсуждалась резолюция по корейскому вопросу, предложенная американо-английским блоком. Она одобряла деятельность временной «комиссии ООН» и настаивала на создании новой комиссии по вопросу о Корее из тех же представителей.

В целях продления пребывания вооруженных сил Соединенных Штатов в Южной Корее в резолюцию был включен специальный пункт. Генеральная Ассамблея, говорится в этом пункте резолюции, «рекомендует, чтобы оккупирующие державы вывели свои оккупационные войска из Кореи при первой же возможности». США пытались прикрыть свое стремление продлить пребывание американских войск в Южной Корее этой ни к чему не обязывающей фразой.

Против этого маневра выступили представители СССР. Резолюция, внесенная советской делегацией, требовала ликвидации «комиссии ООН» по Корее. Подтверждая законность этого требования, делегат УССР сказал, что временная «комиссия ООН» по Корее была не органом ООН, а орудием государственного департамента США. Вся деятельность этой комиссии, подчеркнул он, сводилась к тому, чтобы осуществить стремление американских монополистов превратить Корею в колонию США, и новая комиссия, которую предлагают создать делегаты США, будет служить тем же целям.

В результате голосования американо-английское большинство приняло проект резолюции, предложенный США, Австралией и представителем гоминдановской клики.

Решение Политического комитета вызвало возмущение корейского народа. 10 декабря министерство иностранных дел Корейской Народно-Демократической Республики обратилось

к генеральному секретарю ООН Трюгве Ли с телеграммой, в которой от имени корейского правительства выразило протест против решения Политического комитета Генеральной Ассамблеи о недопущении делегации Корейской Народно-Демократической Республики к обсуждению корейского вопроса на сессии Ассамблеи.

Трюгве Ли и его хозяева игнорировали заявление министерства иностранных дел Корейской Народно-Демократической Республики. На пленарном заседании Генеральной Ассамблеи Соединенные Штаты и их сателлиты, рассчитывая на машину голосования, придерживались тактики отмалчивания. Они не в состоянии были опровергнуть утверждения советских представителей, что последующая деятельность «комиссии ООН» может принести лишь вред корейскому народу и подорвать престиж ООН. Ставленники Уолл-стрита хорошо понимали, что выступления представителей СССР, изобличающих империалистическую агрессивную сущность внешней политики американских монополий, по своей морально-политической значимости намного превосходят результаты, получаемые американо-английским блоком при помощи манипуляций голосами в ООН. Поэтому они считали целесообразным предотвратить выступления советских делегатов и решить этот вопрос механическим поднятием рук. Однако США не удалось избежать дискуссии и помешать советской делегации и делегациям других стран до конца разоблачить империалистическую сущность американского проекта резолюции.

Выступления делегаций СССР и стран народной демократии разоблачили перед всем миром агрессивный курс внешней политики США, направленной на порабощение Кореи и превращение ее в военный плацдарм американского империализма. Эти выступления вместе с тем вдохновляли корейский народ на еще более энергичную и последовательную борьбу за свою национальную независимость.

Представители американо-английского блока добились принятия своего проекта резолюции, но, несмотря на обеспеченное пресловутое большинство, не хотели ставить на голосование советскую резолюцию. Они боялись морально-политической силы всесторонне обоснованных советских предложений и одобрения этих предложений всеми свободолюбивыми народами. Они хорошо понимали, что для народов мира, и прежде всего народов колоний и зависимых стран, станут еще яснее колонизаторские замыслы правящих кругов США.

Опасения американских империалистов нельзя не признать реальными. Все прогрессивное человечество осудило это решение. Демократическая пресса Кореи, отображающая настроения народных масс, выступила против решения Третьей

сессии Генеральной Ассамблеи ООН по вопросу о Корее. «Принятие ООН такого решения является позором и показывает открыто агрессивные действия американских империалистов. Решение ООН по Корее не имеет никакого отношения к корейскому народу и является незаконным. Корейский народ не признает такого решения и требует немедленного вывода из Кореи американских войск. Корейский вопрос разрешит сам корейский народ»[1]. Газета «Нодон синмун» с возмущением заявила: «Народ признаёт решение ООН незаконным. Он будет продолжать борьбу за установление в Корее независимой народной демократии»[2].

В борьбе за достижение этой благородной цели корейский народ еще теснее сплотился вокруг Трудовой партии, правительства КНДР и опирался на политические и экономические успехи северной части республики, достигнутые корейским народом при братской помощи Советского государства.

В связи с завершением эвакуации из Кореи советских войск население Северной и Южной Кореи обратилось к И. В. Сталину с письмом, в котором с большой теплотой выразило советскому народу свою глубокую благодарность за оказанную помощь в борьбе за построение независимого Корейского демократического государства. Письмо подписали 16 767 680 жителей Северной и Южной Кореи. Из этого числа 9940 тыс. подписей принадлежат жителям южной части страны. Эти цифры — неоспоримое свидетельство дружбы и любви всего корейского народа к великому советскому народу, показатель неодолимого стремления корейской нации к созданию единого независимого демократического государства.

Правительство Корейской Народно-Демократической Республики опиралось на бескорыстную помощь советского народа и в вопросах укрепления экономических позиций страны. Эту помощь Советский Союз стал оказывать корейскому народу с первых дней освобождения его от колониального гнета японского империализма. Новый этап в братском экономическом сотрудничестве Советского Союза с КНДР открыли проходившие с 3 по 20 марта 1949 г. в Москве переговоры между правительством СССР и правительственной делегацией Корейской Народно-Демократической Республики во главе с председателем кабинета министров КНДР Ким Ир Сеном.

«В результате переговоров,— говорится в советско-корейском коммюнике,— были подписаны: соглашение об экономическом и культурном сотрудничестве, предусматривающее дальнейшее развитие и укрепление экономических и культурных связей между СССР и Корейской Народно-Демократиче-

[1] «Минчжу чосон», 20 декабря 1948 г.
[2] «Нодон синмун», 20 декабря 1948 г.

ской Республикой и соглашение о товарообороте и платежах между Советским Союзом и Корейской Народно-Демократической Республикой».

Соглашение об экономическом и культурном сотрудничестве между СССР и КНДР, заключенное сроком на десять лет, отвечает жизненным интересам народов обеих стран; оно открыло широкие возможности экономического и культурного сотрудничества между СССР и КНДР. В нем особенно ярко выражена искренняя дружба советского и корейского народов, выражена политика Советского государства, обеспечивающая корейскому народу свободное развитие в рамках независимого демократического государства. Советско-корейское соглашение сыграло большую роль в дальнейшем укреплении дружбы между СССР и Кореей. Оно явилось ценным вкладом в дело борьбы за укрепление мирного сотрудничества на Дальнем Востоке и во всем мире.

Выступая 21 апреля 1949 г. на Третьей сессии Верховного Народного Собрания Кореи с докладом о заключении соглашения, Ким Ир Сен заявил: «Политика великого Советского Союза есть политика уважения независимости, свободы и равноправия народов, политика невмешательства во внутренние дела других стран. Такая политика Советского Союза последовательно проводилась и проводится в жизнь в отношении Кореи»[1].

В соответствии с соглашением о товарообороте на 1949—1950 гг. Корея получала от СССР оборудование, машины, запасные части, нефть, коксующийся уголь и другие важнейшие материалы, необходимые для развития хозяйства Корейской Народно-Демократической Республики. Еще в 1946 г., напомнил Ким Ир Сен, были установлены нормальные экономические отношения с Советским Союзом, и Северная Корея получала большую помощь со стороны Советского Союза в развитии своей национальной экономики. Товарооборот рос из года в год. В 1946 г. он составлял 74 052 тыс. руб., в 1947 г.—148 400 тыс. руб., в 1948 г.—264 905 тыс. руб., в 1949 г.—337 040 тыс. руб., а в 1950 г. должен был составить 684 210 тыс. руб.

Между правительствами КНДР и Союза ССР было заключено соглашение о кредите. Для восстановления и дальнейшего развития народного хозяйства Корейской Народно-Демократической Республики было необходимо большое количество машин, запасных частей и прочих материалов. Правительство КНДР обратилось поэтому с просьбой к правительству СССР о предоставлении кредита для оплаты импортируемых товаров. Советское правительство удовлетворило эту просьбу. По

---

[1] Ким Ир Сен. Доклад на Третьей сессии Верховного Народного Собрания Кореи 21 апреля 1949 г. «Правда», 28 апреля 1949 г.

соглашению о кредите Корейская Народно-Демократическая Республика получила кредит в сумме 212 млн. руб., начиная с 1 июля 1949 г., на срок в два года. Кредит был предоставлен на льготных условиях.

В соглашении о технической помощи предусматривалось участие советских специалистов в составлении проектов чен-гдинского металлургического завода, автосборочного завода, завода по производству отбойных молотков, в разведывании месторождений коксующихся углей и других ископаемых. Советские специалисты, подчеркивал Ким Ир Сен, не только будут непосредственно оказывать техническую помощь нашей промышленности, но будут обучать наших специалистов, а также оказывать им помощь в освоении передовой техники. Техническая помощь, так же как и все другие виды помощи, оказывалась и оказывается Советским Союзом корейскому народу на братских, демократических началах. В результате этого нового, невозможного в условиях капитализма экономического сотрудничества Корейская Народно-Демократическая Республика вступила в полосу бурного экономического и культурного расцвета.

Борьба корейского народа за единство страны, в которой он опирался на бескорыстную помощь Советского Союза, как уже отмечалось, развивалась в условиях быстрого роста сил лагеря мира, демократии и социализма и ослабления позиций империализма. Мощный подъем национально-освободительного движения в Восточной и Юго-Восточной Азии и прежде всего историческая победа китайского народа, создавшего в октябре 1949 г. Китайскую Народную Республику, резко ослабили позиции империализма, и в первую очередь американского, стремящегося к мировому господству.

Правящие круги США, видя неизбежность провала своей экспансии в Китае, все большее значение придавали Корее как военному плацдарму на материке, открывающему доступ к границам Советского Союза и Китая. Наряду с превращением Южной Кореи в свою военную базу и созданием южнокорейской марионеточной армии, наряду с систематическими провокациями на 38-й параллели и шпионско-подрывной деятельностью на территории КНДР, Соединенные Штаты все больше и больше подчиняли Организацию Объединенных Наций своим агрессивным целям.

30 сентября 1949 г. в Специальном политическом комитете четвертой сессии Генеральной Ассамблеи ООН вновь обсуждался корейский вопрос. Вновь комитету был представлен доклад незаконно созданной «комиссии ООН» по Корее. В процессе обсуждения доклада развернулась острая борьба.

Американо-английский блок вопреки предложениям совет-

ских делегатов и делегатов стран народной демократии добивался сохранения «комиссии ООН». По указке США представитель Филиппин выступил с предложением о приглашении на заседание комитета представителя марионеточного правительства Ли Сын Мана. При помощи машины голосования американо-английский блок принял это противоречащее интересам корейского народа предложение. Пользуясь своим большинством в Политическом комитете, американская делегация и ее партнеры отклонили требование представителей СССР и стран народной демократии о приглашении на сессию Генеральной Ассамблеи делегатов Корейской Народно-Демократической Республики.

Возражая против дальнейшего существования «комиссии ООН», представитель советской делегации заявил, что корейский народ имеет не меньше права решать вопрос о судьбе своей страны, чем многие из стран, представленных в ООН. Поэтому корейский народ не нуждается ни в каких комиссиях, которые засылаются извне и которые без всяких оснований считают, что они должны наблюдать за корейским народом, поучать его и навязывать ему свою волю.

Советская делегация, отстаивая независимость и свободу корейского народа, внесла на рассмотрение Политического комитета следующий проект резолюции Генеральной Ассамблеи:

«Генеральная Ассамблея, признавая, что решение вопроса об объединении Южной и Северной Кореи и создании единого демократического государства является делом самого корейского народа;

признавая недопустимым иностранное вмешательство во внутренние дела Кореи;

признавая, что деятельность комиссии Организации Объединенных Наций по Корее противоречит этим принципам и препятствует делу объединения Южной и Северной Кореи,

постановляет: комиссию Организации Объединенных Наций по Корее немедленно упразднить»[1].

Представители стран народной демократии единодушно поддержали советский проект резолюции. Но Соединенным Штатам, которые систематически грубо нарушают Устав ООН, удалось добиться при помощи послушного им большинства принятия их проекта, предусматривавшего продление и расширение полномочий «комиссии ООН». Таким же способом был решен вопрос о составе комиссии.

Подобные беззаконные действия правящих клик США и Англии, нарушающие Устав ООН, свидетельствуют не о силе, а о слабости американо-английского блока. Эти действия не

---

[1] Советский проект резолюции Генеральной Ассамблеи по корейскому вопросу от 30 сентября 1949 г. «Правда», 3 октября 1949 г.

имеют ничего общего с политикой международного сотрудничества и все больше разоблачают агрессивную политику Соединенных Штатов, основанную на неприкрытом диктате.

Незаконное решение Политического комитета вызвало гневный протест всего корейского народа. Правительство Корейской Народно-Демократической Республики в письме министерства иностранных дел КНДР на имя председателя Четвертой сессии Генеральной Ассамблеи вторично заявило, что если будет принято какое-либо решение по корейскому вопросу без участия подлинных представителей корейского народа, то оно будет считать его недействительным. Правительство Корейской Народно-Демократической Республики заявило, что если ООН и в дальнейшем будет игнорировать волю и стремления корейского народа, считаясь только с корыстными интересами маленькой кучки изменников и предателей корейского народа, то корейский народ будет считать себя вправе продолжать борьбу за объединение страны в единое демократическое государство.

Это предупреждение выражало настроение всего корейского народа. Рабочие, крестьяне, представители всех слоев населения, общественно-политические деятели и деятели культуры требовали немедленного роспуска «комиссии ООН». Они настаивали на предоставлении корейскому народу возможности определить судьбу своей страны без вмешательства извне. Газета «Минчжу чосон» в передовой статье, озаглавленной «Протест, направленный правительством Корейской Народно-Демократической Республики в ООН», писала о глубоком возмущении всего населения страны незаконными решениями Специального политического комитета ООН, препятствующими мирному объединению Кореи.

Американо-английский блок игнорировал этот справедливый протест. 21 октября Генеральная Ассамблея, вопреки воле корейского народа, приступила к обсуждению корейской проблемы. Специальный политический комитет представил доклад, рекомендовавший продлить и расширить полномочия «комиссии ООН».

Лисынмановцы надеялись на поддержку своих хозяев и заранее знали, что резолюция, принятая по вопросу о Корее Специальным политическим комитетом, будет утверждена и на пленарном заседании Генеральной Ассамблеи. «Резолюция по вопросу о Корее, принятая Специальным политическим комитетом, несомненно пройдет в Генеральной Ассамблее подавляющим большинством голосов»[1],— докладывал Ли Сын Ману его представитель в США.

[1] Письмо Чо Бён Ока Ли Сын Ману от 12 октября 1949 г. «Нодон синмун», 19 сентября 1950 г.

На принятии этого предложения настаивали представители США и гоминдановской клики. Они с пеной у рта доказывали целесообразность дальнейшего пребывания «комиссии ООН» в Корее.

Против этих домогательств США выступили делегации СССР и стран народной демократии. Делегат Советского Союза заявил, что «комиссия ООН» использовалась США для закрепления американского колониального господства в Южной Корее. Он напомнил, как эта комиссия в интересах США положила под сукно петицию, врученную ей весной 1949 г. 62 членами так называемого «национального собрания» в Сеуле, в которой содержалось требование о немедленном выводе американских войск из Южной Кореи. При покровительстве этой комиссии 12 депутатов «национального собрания» в августе 1949 г. были брошены в тюрьму, а в конце июня этого же года по указанию Ли Сын Мана был убит Ким Гу, один из лидеров правого лагеря, только за то, что выступал за мирное объединение Кореи[1].

На пленарном заседании Четвертой сессии Генеральной Ассамблеи американцы, опираясь на послушное большинство, отклонили советский проект резолюции и приняли проект резолюции, предложенный Специальным политическим комитетом.

---

[1] 8 августа 1949 г. независимая газета «Тхуса синмун» опубликовала статью, разоблачавшую Ли Сын Мана и американского посла Муччо как убийц Ким Гу. «Как известно,— говорится в статье,— Ким Гу не имел твердой позиции, но он выступал против проведения сепаратных выборов и создания марионеточного правительства, а также против колониальной политики американцев в Южной Корее. Ким Гу занял такую позицию после того, как он принял участие в Объединенном совещании представителей демократических партий и общественных организаций в апреле 1948 г. Американские власти в Южной Корее всячески пытались использовать Ким Гу для осуществления своей колониальной политики. В этих целях 11 января 1949 г. посетил Ким Гу на его квартире член корейской «комиссии ООН» от чанкайшистского правительства Лю Ю-вань. 23 марта этого же года его посетил другой член «комиссии ООН», а 30 мая Ким Гу был приглашен «комиссией ООН» во дворец Пэксу» («Тхуса синмун», 1949, 9 августа).

Все эти попытки американцев «приручить» Ким Гу не увенчались успехом. Он не выступал открыто, но, как заявляет газета, «стоял на позициях борьбы против марионеточного правительства и особенно против Ли Сын Мана» (там же). Для того чтобы не допустить поездки Ким Гу в Пхеньян на учредительный съезд ЕДОФ как лица, представляющего «опасность для американской политики», Ли Сын Ман и посол США в Сеуле Муччо решили устранить его.

«За несколько дней до убийства по указанию Муччо было созвано закрытое заседание, на котором присутствовали близко стоящие к Ли Сын Ману люди, в том числе начальник штаба южнокорейских войск Цай Бен Дек. На заседании обсуждался вопрос о мерах борьбы против создания ЕДОФ и его решений, а также вопрос об умерщвлении Ким Гу, считавше-

Корейский народ не примирился с этим очередным незаконным решением. Он ответил на него усилением вооруженной борьбы против американских оккупантов. Партизанское движение охватило всю Корею.

«Корейский народ прекрасно знает,— писал Ким Ир Сен,— какие цели преследует эта новая «комиссия ООН». Если первая «комиссия ООН», являвшаяся орудием американского империализма для осуществления его колониальной политики в Корее, принесла корейскому народу несчастье, признав законными сепаратные выборы в Южной Корее и создание лисынмановского марионеточного правительства; если вторая «комиссия ООН» увеличила это несчастье, прикрывая политику террора и репрессий против демократических элементов и предательства интересов родины и народа со стороны лисынмановского «правительства», которую оно проводит в угоду американским империалистам, то третья «комиссия ООН» стремится спасти лисынмановское «правительство» от гибели и превратить Корею в вечную колонию американского империализма»[1].

Законченную характеристику «комиссии ООН» по Корее дают документы, опубликованные в сборнике Министерства иностранных дел Корейской Народно-Демократической Республики. В докладе представителя Ли Сын Мана в Лейк-Саксесе Чо Бён Ока от 3 ноября 1949 г. повествуется, что делегация США в ООН и государственный департамент с помощью генерального секретаря Трюгве Ли сделали все необходимое для усиления комиссии. Неугодный США делегат Сирии был заменен представителем Турции. Чо Бён Ок в своем докладе сообщает: «Генеральный секретарь ООН Трюгве Ли заверил меня, что он просил членов правительства стран, участвующих в комиссии ООН по Корее, назначить в качестве своих представителей лиц со строгими убеждениями»[2]. Сказанного вполне достаточно, чтобы сделать выводы. Генеральный секретарь ООН Трюгве Ли

гося ненадежным» (там же). Это гнусное поручение должен был выполнить Цай Бен Дек, но он приказал осуществить его начальнику артиллерийских войск Тян Ын Сику, который обязал офицера Ань Дой убить Ким Гу, что тот и сделал.

В этом омерзительном факте видна та постыдная роль, которую играли Муччо и «комиссия ООН». Этот же факт говорит о растущей изоляции, в которой оказался Ли Сын Ман, вынужденный убить одного из своих бывших единомышленников. И ни прочувственные речи престарелой марионетки — «президента», ни 4600 тыс. вон, отпущенных на похороны Ким Гу, не помогли ему замести следы преступления и скрыть прогрессирующее разложение лагеря корейской реакции.

[1] «За прочный мир, за народную демократию!», 30 июня 1950 г.

[2] «Documents and materials exposing the instigators of the civil war in Korea». Documents from the archives of the Rhee Syngman governement. Ministry of foreign affairs of the Democratic Peoples Republic of Korea. Pyongayng, 1950, стр 48—49..

подбирал по заказу американских монополий в «комиссию ООН» по Корее «лиц со строгими убеждениями», которые могли бы с пунктуальной точностью выполнять директивы Уолл-стрита.

Переписка Ли Сын Мана с Чо Бён Оком свидетельствует о том, что в разработке агрессивных планов в отношении Кореи в Вашингтоне принимали участие и «высокопоставленные» официальные лица из ООН. В письме Чо Бён Оку от 10 апреля 1949 г. Ли Сын Ман, касаясь подготовки нападения на КНДР, пишет:

«Я полагаю, что вы должны откровенно обсудить эту ситуацию строго конфиденциально с высокопоставленными официальными лицами Организации Объединенных Наций и США. В строго конфиденциальном порядке сообщите им о наших планах объединения Севера и Юга. По существу, мы готовы к объединению в настоящее время во всех отношениях, за исключением одного: нам недостает вооружения и снаряжения... Мы должны иметь достаточные вооруженные силы с тем, чтобы двинуться на север...»[1]. Позорная роль «комиссии ООН» раскрывается в заявлении американского генерала Робертса на совещании министров лисынмановского «правительства» в январе 1950 г. «План похода,—отметил он,—дело решенное. До начала его осуществления времени осталось немного. Хотя нападение начнем мы, все же надо создать предлог, чтобы иметь справедливую причину. Для этого прежде всего важен доклад комиссии ООН. Естественно, что комиссия представит доклад, выгодный для США...»[2].

При помощи «комиссии ООН по Корее» и «высокопоставленных» лиц в Лейк-Саксесе правящие круги США и их южнокорейская агентура спешно готовились к вооруженной агрессии, которая, как это видно из документов, опубликованных в газете «Нодон синмун» и Сборнике Министерства иностранных дел, отнюдь не ограничивалась Кореей.

В далеко идущих захватнических планах американского империализма Корейский полуостров — это не только «лакомый кусок», но и стратегический плацдарм, трамплин для прыжка в Китай; замышлявшийся захват Кореи—это шаг по пути к порабощению китайского народа и один из этапов подготовки нападения на СССР. Именно об этом говорится в седьмой статье американо-корейского военного договора[3].

Весной 1950 г. США закончили подготовку к войне. Американский публицист Джон Гантер, хорошо осведомленный

---

[1] «Documents and materials...», стр. 2—3.

[2] См. I. F. Stoune. The hidden history of the Korean war. Нью-Йорк, 1952, стр. 12.

[3] См. «Documents and materials...», стр. 7—8.

в делах военного командования США на Дальнем Востоке, заявил, что за неделю до начала войны один высокопоставленный офицер американской разведки высказал мнение, что «в случае возникновения войны южнокорейские войска («лучшая армия в Азии») смогут без труда разбить северокорейцев»[1].

В предисловии к книге американского либерального публициста И. Ф. Стоуна «Закулисная история войны в Корее», которую, кстати сказать, только одно издательство в США осмелилось выпустить в свет, приводятся весьма интересные сведения о спекуляциях соей, разоблачающие подготовку Соединенными Штатами нападения на Корею[2].

Выражая непоколебимую волю корейского народа к объединению, независимости и демократическому развитию страны, правительство КНДР и Трудовая партия при единодушной поддержке всех прогрессивных партий и общественных организаций Северной и Южной Кореи, объединенных в ЕДОФ, предприняли ряд мероприятий по мирному объединению страны[3]. Эти мероприятия были одобрены всем корейским народом. В то же время они вызвали тревогу в стане врага. Правящие круги США, боясь, что народ уничтожит ненавистный ему лисынмановский режим, а вместе с ним рухнут и колонизаторские планы американского империализма, с лихорадочной поспешностью стали готовиться к осуществлению давно задуманного вооруженного нападения на КНДР.

БОРЬБА СССР ЗА ПРЕКРАЩЕНИЕ АМЕРИКАНСКОЙ ИНТЕРВЕНЦИИ В КОРЕЕ

Рано утром 25 июня 1950 г. марионеточные войска Южной Кореи вторглись на территорию Северной Кореи на глубину 2 км.

---

[1] I. F. Stoune. The hidden history of the Korean war. стр. 61.

[2] В финансовом разделе газеты «Нью-Йорк геральд трибюн» от 16 августа 1950 г. была опубликована корреспонденция, из которой явствует, что эта спекуляция имела место накануне корейской войны. Учитывая важное значение Северо-Восточного Китая (Маньчжурии) как поставщика сои и то обстоятельство, что война в Корее неизбежно должна была вызвать нарушения снабжения мира этим продуктом, а также общеизвестную тесную связь между президентом Южной Кореи Ли Сын Маном и правительством Чан Кай-ши на Формозе, нельзя не предположить, что китайские реакционеры в Соединенных Штатах заранее знали о намерениях Ли Сын Мана развязать войну в Корее и воспользовались этими сведениями в своих интересах. Это сообщение авторов предисловия помогает даже неискушенному читателю понять, почему во время расследования вопроса о смещении Макартура Ачесон категорически отказался обсуждать соевую аферу. Там же, стр. XII.

[3] См. статью Ф. И. Шабшиной «Захватническая политика США в Корее и борьба народных масс Южной Кореи за независимость».

Это вторжение было логическим завершением подготовки к войне, начатой американцами и их агентурой с первых дней высадки вооруженных сил США в Южной Корее. Однако армия «национальной обороны» марионеточного правительства Южной Кореи не оправдала надежд американских империалистов. Действуя совместно с частями Народной армии, охранные отряды КНДР отразили атаки врага и перешли в контрнаступление[1]. Лисынмановцы, бросая американское вооружение, откатывались на юг. 28 июня, в 11 час. 30 мин. утра, Народная армия освободила столицу республики Сеул[2].

Таким образом, вооруженные силы корейской реакции оказались в катастрофическом положении. Видя неизбежный разгром лисынмановской армии, правящие круги США пошли на открытую интервенцию в Корее. Уже 27 июня 1950 г. президент Соединенных Штатов Америки Трумэн приказал Макартуру оказать вооруженную помощь предательской клике Ли Сын Мана[3]. Следует подчеркнуть, что приказ о вооруженном нападении на Корею был приведен в исполнение ранее, чем он был официально объявлен. Еще до заявления Трумэна американская авиация начала варварские налеты на мирные корейские города и села[4].

Прибегнув к вооруженной интервенции, американцы, однако, не рискнули действовать до конца открыто. Они вновь, в нарушение уставных принципов ООН, использовали в своих целях Организацию Объединенных Наций и генерального секретаря ООН.

В официальном сообщении, опубликованном позднее Организацией Объединенных Наций, говорилось:

«В три часа утра 25 июня заместитель американского делегата в Организации Объединенных Наций Эрнест Гросс экстренно вызвал по телефону генерального секретаря Трюгве Ли. Гросс зачитал ему сообщение американского посла в Корейской республике государственному департаменту Соединенных Штатов, в котором говорилось, что северокорейские войска рано утром вторглись на территорию республики в нескольких пунктах»[5].

При этом Гросс заявил, что нападение «представляет собой нарушение мира и акт агрессии» и потребовал немедленного созыва заседания Совета Безопасности.

---

[1] Заявление Министерства внутренних дел Корейской Народно-Демократической Республики от 25 июня 1950 г. «Правда», 26 июня 1950 г.

[2] «Известия», 29 июня 1950 г.

[3] Обращение Корейского комитета защиты мира к Постоянному Комитету Всемирного конгресса сторонников мира. «Правда», 2 июля 1950 г.

[4] Там же.

[5] I. F. Stoune. The hidden history of the Korean war. стр. 46.

Однако Гросс не счел нужным зачитать Трюгве Ли оригинал телеграммы, а последний предусмотрительно не потребовал этого. Между тем, сообщение Вашингтона отличалось от сообщения из Сеула. В сообщении из Вашингтона категорически заявлялось: «Американский посол в Корейской республике уведомил государственный департамент о том, что северокорейские войска на рассвете 25 июня вторглись на территорию Корейской республики в нескольких пунктах»[1]. В действительности же в донесении Муччо, как подчеркивает Стоун, говорилось нечто иное: «*Согласно сообщениям южнокорейской армии* (курсив наш. — *В. Л.*), которые частично подтверждаются донесениями наблюдателей, состоящих при группе военных советников в Корее, северокорейские войска вторглись сегодня утром на территорию Корейской республики в нескольких пунктах»[2]. Более того, в первой части телеграммы Муччо отмечалось, что он «еще не может с полной ответственностью заявить каким образом начались военные действия».

Как видно, даже текст донесения был передан Организации Объединенных Наций в фальсифицированном виде. Соответствующей «обработке» госдепартамента было подвергнуто и сообщение «комиссии ООН». Из этого сообщения предусмотрительно изъяты слова «на основании этих данных» и начальная фраза, к которой относились эти слова: «Комиссия собралась сегодня утром в десять часов и рассмотрела последние донесения о военных действиях и результаты непосредственных в районе 38-й параллели наблюдений военных наблюдателей комиссии ООН *в период, закончившийся за сорок восемь часов до начала военных действий*» (курсив наш. — *В. Л.*)

Из сообщения «комиссии ООН» явствует, что она не располагала никакими данными для того, чтобы определить, кто является инициатором агрессии. Как и донесение Муччо, каблограмма «комиссии ООН» в адрес генерального секретаря ООН была «основана» только на лживом сообщении марионеточного правительства. Тем не менее Трюгве Ли на заседании Совета Безопасности 25 июня 1950 г., «излагая события в духе лисынмановского правительства, сослался на полученный им доклад и на донесения из других источников в Корее, которые якобы ясно указывали, что военные действия были начаты войсками Северной Кореи»[3].

В распоряжении Совета Безопасности не было никаких объ-

---

[1] I. F. Stoune. Указ. соч. стр. 46.
[2] Там же, стр. 47.
[3] А. Я. Вышинский. Выступление на заседании Политического комитета 29 октября 1952 г., стр. 27.

ективных данных, исходящих из источников, заслуживавших доверия; поэтому Совет Безопасности «не имел никаких прав утверждать о вторжении первыми в Южную Корею военных сил из Северной Кореи и принимать своё решение по этому поводу». Даже один из членов Совета Безопасности, враждебно относящийся к КНДР, вынужден был заявить, что имеющиеся данные недостаточно ясны, и возражал против принятия решения в одностороннем порядке, не заслушав объяснения правительства КНДР.

Как свидетельствуют документы, в госдепартаменте была заранее подготовлена резолюция, клеветнически обвинявшая Северную Корею в агрессии. Около года спустя после начала войны в Корее, 5 июня 1951 г., на заседании сенатской комиссии по ассигнованиям, посвященном бюджету государственного департамента США, помощник государственного секретаря по делам Организации Объединенных Наций Джон Хиккерсон, стремясь замести следы, охарактеризовал начало войны в Корее, как «полную неожиданность».

Между Хиккерсоном и сенаторами произошла следующая не оставляющая никаких сомнений беседа:

«Хиккерсон: В 10 часов 45 минут вечера 24 июня 1950 г. меня вызвали по телефону в государственный департамент. Мы получили первое известие об осложнении в Корее. Первым лицом, которому я позвонил, когда явился в государственный департамент, был руководитель управления по политическим делам и вопросам безопасности.

Сенатор Маккарэн: Разве до этого вы не знали о ситуации в Корее?

Хиккерсон: Насколько я могу судить, нападение произошло без предупреждения, сэр. Оно было для меня неожиданным.

Сенатор: Разве вы не знали, что Центральное разведывательное управление передало донесения как государственному департаменту, так и правительству и что эти донесения находились в деле?» [1]

Как выяснилось далее, в госдепартаменте был подготовлен план мероприятий, которые он должен осуществить, если будет развязана война в Корее. Один из участников сенатской комиссии сенатор Фергюсон задал помощнику секретаря госдепартамента США вопрос: «Был ли у вас разработан план мероприятий, которые вы намеревались предпринять, когда получите известие о нападении?

Хиккерсон: Да, сэр, мы в какой-то мере размышляли над этим.

---

[1] I. F. Stoune. Указ. соч., стр. 53.

Сенатор Фергюсон: Размышления — это нечто неопределенное. Что вы зафиксировали на бумаге, какие планы действия вы разработали?

Хиккерсон: Мы решили передать вопрос на рассмотрение Организации Объединенных Наций для принятия немедленных мер».

В конце концов Хиккерсон вынужден был признать, что госдепартамент заранее был готов предпринять определенные шаги. «Нам,— заявил он, — было ясно в общих чертах, что мы собираемся заявить...

Для этого,— заявил Фергюсон,— не требуется глубоких размышлений. Это входило в ваши функции.

Хиккерсон: Да, мы составили набросок резолюции...»[1]

Такова «лаборатория» подготовки резолюции, фальсифицирующей в интересах американских монополий события в Корее.

Пользуясь тем, что в Совете Безопасности в это время отсутствовали два постоянных члена — СССР и Китай, — США, нарушив Устав ООН, протащили 27 июня 1950 г., т. е. после приказа Трумэна о вторжении американских войск в Корею, заранее сфабрикованную незаконную резолюцию. В этом клеветническом документе, принятом под прямым нажимом США, все поставлено с ног на голову. Корейская Народно-Демократическая Республика объявляется «агрессором», а лисынмановская бандитская клика — «жертвой агрессии». В резолюции рекомендуется, «чтобы члены Организации Объединенных Наций предоставили Корейской республике (имеется в виду лисынмановский полицейский режим.— *В. Л.*) такую помощь, какая может быть необходима для того, чтобы отразить вооруженное нападение и восстановить международный мир и безопасность в этом районе»[2]. Так под прикрытием лживых фраз о «международном мире и безопасности» США, используя ООН, концентрировали силы империалистической реакции для кровавой войны против Корейской Народно-Демократической Республики.

В этих действиях Вашингтона, как в фокусе, отражены провокационные приемы агрессивных кругов США. Американские империалисты сначала заставили лисынмановскую марионеточную армию вторгнуться в пределы Северной Кореи, развязали междоусобную войну, а затем обвинили КНДР в агрессии, создав, таким образом, условия для открытой интервенции в Корее. Свое вооруженное вмешательство в дела корейского народа они прикрыли флагом Организации Объединенных Наций.

---

[1] I. F. Stoune. Указ. соч., стр. 56.

[2] Сообщение г-на Трюгве Ли о решении Совета Безопасности по корейскому вопросу. «Правда», 29 июня 1950 г.

Трюгве Ли разослал резолюцию Совета Безопасности от 27 июня 1950 г. всем странам, входящим в ООН. Советское правительство на эту очередную фальшивку дало Трюгве Ли следующий ответ, разоблачающий незаконный характер решения Совета Безопасности:

«Советское Правительство констатирует, что эта резолюция принята шестью голосами при участии седьмого — гоминдановца Цзян Тин-фу, не имеющего законного права представлять Китай. Между тем, согласно Уставу ООН, для принятия решений Совета Безопасности необходимо семь голосов, включая пять постоянных членов Совета, а именно — США, Англию, Францию, СССР и Китай.

Известно также, что при принятии упомянутого решения отсутствовали два постоянных члена Совета Безопасности — СССР и Китай. Между тем, согласно Уставу ООН, решения Совета Безопасности по каждому вопросу могут состояться только при условии единогласия всех пяти постоянных членов Совета, а именно — США, Англии, Франции, СССР и Китая.

Ввиду изложенного совершенно очевидно, что указанное решение Совета Безопасности по корейскому вопросу не имеет законной силы»[1].

Попытки правящих кругов США прикрыть свою интервенцию в Корее авторитетом ООН потерпели провал. Советское правительство разоблачило этот маневр США так же, как и попытку свалить ответственность за развязанную ими войну против корейского народа на Корейскую Народно-Демократическую Республику.

Исключительно важное значение имеет опубликованное в «Правде» заявление заместителя министра иностранных дел СССР А. А. Громыко об американской вооруженной интервенции в Корее. Советское правительство в этом документе разоблачило американские правящие круги, развязавшие агрессивную войну в Корее. Когда стало ясно, говорится в заявлении, что рушится террористический режим Ли Сын Мана, никогда не пользовавшийся поддержкой корейского народа, правительство Соединенных Штатов прибегло к открытой интервенции в Корее, дав приказ своим воздушно-морским, а затем и сухопутным силам выступить на стороне южнокорейских властей против корейского народа. Тем самым правительство Соединенных Штатов перешло от политики подготовки агрессии к прямым актам агрессии, стало на путь неприкрытого вмешательства во внутренние дела Кореи, на путь вооруженной

---

[1] Ответ Советского Правительства на сообщение г-на Трюгве Ли. «Правда», 29 июня 1950 г.

интервенции в Корее. Став на такой путь, правительство США нарушило мир, показав этим, что оно не только не стремится к укреплению мира, а, напротив, является врагом мира.

Правительство Советского Союза подчеркивало, что правительство США лишь шаг за шагом раскрывает свои агрессивные планы в Корее. Сначала оно заявило, что вмешательство США в дела Кореи будет ограничиваться только посылкой военных и других материалов. Затем было объявлено, что также будут направлены военно-воздушные и военно-морские силы, но без наземных войск. После этого было заявлено и о посылке в Корею наземных вооруженных сил США.

Все это показывало, что правительство США все больше втягивало Соединенные Штаты в войну, но вынужденное считаться с нежеланием американского народа быть вовлеченным в новую военную авантюру, постепенно толкало страну со ступеньки на ступеньку в открытую войну.

В заявлении разоблачались попытки Трумэна изобразить военные действия США в Корее как «полицейские действия». «Операции вооруженных сил в Корее,— отмечалось в заявлении,— как известно, проводятся под командованием не какого-либо полицейского чина, а генерала Макартура. Однако было бы абсурдом признать, что главнокомандующий вооруженными силами США в Японии Макартур руководит в Корее не военными операциями, а какими-то полицейскими действиями. Кто поверит, что вооруженные силы Макартура, включающие в себя военную авиацию вплоть до «летающих крепостей» и реактивных самолетов, нападающих на гражданское население и мирные города Кореи, военно-морской флот, включая крейсера и авианосцы, а также наземные войска, потребовалось привлечь для полицейских действий против «группы бандитов».

Нелепость утверждения Трумэна, что американские войска ведут в Корее «полицейские действия», опроверг Макартур при обсуждении в мае 1951 г. в комиссии сената по вооруженным делам и в комиссии по иностранным делам вопросов, связанных с событиями в Корее. «Я не думаю, что этот термин («полицейские действия». — *В. Л.*) правилен в отношении действительного типа боевых действий, которые там велись. Это была несомненно война наиболее жестокого характера. Я сам никогда не употреблял этого термина».

Макартур опроверг также и версию о том, что войну против корейского народа якобы ведут «войска ООН». Из заявления Макартура видно, что он имел «в сущности номинальные связи с Организацией Объединенных Наций». Доклады, которые формально подготовлял Макартур для Организации Объединенных Наций, подлежали цензуре госдепартамента и депар-

тамента обороны США. «Контроль надо мною,— подчеркнул Макартур,—точно так же как и над войсками, находившимися под моим командованием, полностью американский».

В заявлении заместителя министра иностранных дел СССР отмечалось, что правительство Соединенных Штатов начало вооруженную интервенцию в Корее до созыва заседания Совета Безопасности 27 июня, не считаясь с тем, какое решение примет Совет Безопасности. Таким образом, правительство США поставило Организацию Объединенных Наций перед свершившимся фактом, перед нарушением мира. Советское правительство, опираясь на Устав ООН, доказало также незаконность вмешательства США во внутренние дела Кореи. Устав ООН запрещает вмешательство Организации Объединенных Наций во внутренние дела какого-либо государства, когда дело идет о внутреннем конфликте между двумя группировками одного государства.

Незаконность вмешательства США во внутренние дела Кореи в заявлении заместителя министра иностранных дел иллюстрируется историческим примером войны между Северными и Южными штатами Северной Америки в 60-х годах прошлого столетия. Несмотря на вмешательство в дела американского народа некоторых государств, в частности Англии, победили прогрессивные Северные штаты, которые не ограничились обороной своей территории, а перенесли военные действия на территорию Южных штатов, разгромили войска рабовладельцев и создали условия для единства страны. В этом документе правящим кругам США и их партнерам также напоминается позорный провал интервенции многих империалистических держав против нашей страны. Об этих исторических примерах, подчеркивается в заявлении, полезно напомнить, потому что события, происходящие в Корее и некоторых других странах Азии, и агрессивная политика Соединенных Штатов в отношении этих стран во многом напоминают упомянутые выше события из истории Соединенных Штатов и России»[1].

Советское правительство разоблачило американских интервентов, показало всему миру, что корейский народ явился жертвой империалистической агрессии. Заявление заместителя министра иностранных дел, выражающее миролюбивую внешнюю политику Советского правительства, вдохновило народы всего земного шара на борьбу за прекращение преступной войны в Корее.

---

[1] См. Заявление заместителя министра иностранных дел СССР А. А. Громыко об американской вооруженной интервенции в Корее. «Правда», 4 июля 1950 г.

Чем успешнее развивалось наступление Народной армии, тем агрессивнее вели себя правящие круги США. Озлобленное неудачами на фронте командование американских войск в Корее варварски расправлялось с мирными жителями, уничтожало населенные пункты, культурные учреждения, расстреливало женщин, стариков, детей. В это же время американская дипломатия усилила нажим на ООН. 7 июля по требованию США состоялось заседание Совета Безопасности, на котором было вынесено новое незаконное решение, попрежнему клеветнически изображающее Народную армию КНДР как агрессора и требующее от членов ООН предоставить марионеточному режиму Ли Сын Мана необходимую помощь для борьбы против корейского народа. На этом заседании члены Совета Безопасности, подчиняясь требованиям своего хозяина, обратились к США с просьбой, разоблачившей помимо воли ее авторов— американских империалистов и их агентов,— назначить командующего «вооруженными силами ООН». Они предоставили право командующему, назначенному правительством США, «использовать по своему усмотрению флаг Организации Объединенных Наций»[1]. Это решение в сообщении Трюгве Ли было передано Министерству иностранных дел СССР.

Советское правительство в своем ответе Трюгве Ли заявило о незаконности решения Совета Безопасности от 7 июля, ибо, как и решение от 27 июня, оно было принято в отсутствие двух постоянных членов Совета Безопасности — СССР и Китая «и к тому же только шестью голосами при участии седьмого — гоминдановца, не имеющего законного права представлять Китай»[2]. Советское правительство осудило незаконное использование флага ООН для прикрытия американской интервенции в Корее. Последовательно отстаивая права корейского народа на самостоятельное решение своих внутренних дел, Советское правительство заявило, что решение Совета Безопасности от 7 июля является, «во-первых, незаконным, во-вторых, представляет собою прямую поддержку вооруженной агрессии против корейского народа»[3].

Примерно такие же ответы были даны на сообщение Трюгве Ли Польшей и Чехословакией.

Таким образом, заявляло в своем ответе польское правительство, сообщение, переданное польскому правительству генеральным секретарем Организации Объединенных Наций, нельзя понимать иначе как новую фазу осуществления пресловутой доктрины Трумэна. Эта доктрина, провозглашенная три года

---

[1] Сообщение г-на Трюгве Ли о решении Совета Безопасности по корейскому вопросу. «Правда», 11 июля 1950 г.

[2] Ответ Советского Правительства на сообщение г-на Трюгве Ли. «Правда», 11 июля 1950 г.

[3] Там же.

назад, сознательно попирающая право народов решать свою судьбу и нарушающая международное право и Устав ООН, и на этот раз была использована как орудие подавления национально-освободительных движений, как орудие открытой агрессии. Соединенные Штаты, претендуя на роль доминирующего фактора, снова узурпировали право вторжения на территорию других государств и порабощения других народов.

Выражая точку зрения всего корейского народа, Министерство иностранных дел КНДР заклеймило позором незаконную резолюцию Совета Безопасности, принятую под нажимом США[1].

Незаконность резолюции Совета Безопасности разоблачил в своем послании членам Совета Безопасности министр иностранных дел Китайской Народной Республики Чжоу Энь-лай. В письме отмечается, что принятая 27 июня Советом Безопасности вследствие подстрекательства и в результате манипуляций американского правительства резолюция представляет собой вмешательство во внутренние дела Кореи, а также нарушение мира во всем мире. «В то же время заявление президента США Трумэна от 27 июня о воспрепятствовании силой оружия освобождению Тайвана Китайской Народной Республикой, вместе с действиями американского военно-морского флота, вторгшегося в китайские территориальные воды в районе Тайвана, представляют собой открытый акт агрессии, явно нарушающий принцип Устава ООН, который запрещает каждому члену использовать силу против территориальной целостности и политической независимости какого-либо государства»[2].

Весь лагерь демократии и социализма, прогрессивные силы всех стран горячо поддерживали требования СССР о мирном урегулировании корейского вопроса. Они выступали против американской агрессии в Корее. Лозунг «Руки прочь от Кореи!» стал всенародным лозунгом во всех частях мира.

Следовательно, агрессивная война блока империалистических стран, возглавляемого Соединенными Штатами, против корейского народа встретила резкий отпор народов мира. После вторжения интервентов в Корею значительно усилился сбор подписей под Стокгольмским воззванием. Попытка американских империалистов силой оружия поставить на колени корейский народ, запугать прогрессивные силы мира, заставить их отказаться от борьбы за упрочение дела мира потерпела крах.

Под влиянием требований народов Индии и всего мира прекратить интервенцию в Корее премьер-министр Индии Неру 13 июля 1950 г. обратился с посланием к Председателю Совета

---

[1] «Правда», 8 июля 1951 г.
[2] Там же.

Министров СССР И. В. Сталину. В этом послании Неру внес предложение о мирном разрешении корейского вопроса «путем устранения нынешнего тупика в Совете Безопасности, с тем, чтобы представитель Народного Правительства Китая мог занять свое место в Совете, СССР мог возвратиться в него и, в рамках Совета или вне Совета посредством неофициального контакта СССР, США и Китай с помощью и при сотрудничестве других миролюбивых государств могли найти основу для прекращения конфликта и для окончательного решения корейской проблемы»[1].

Отвечая на обращение Неру, И. В. Сталин писал:

«Приветствую Вашу мирную инициативу. Вполне разделяю Вашу точку зрения насчет целесообразности мирного урегулирования корейского вопроса через Совет Безопасности с обязательным участием представителей пяти великих держав, в том числе Народного Правительства Китая. Полагаю, что для быстрого урегулирования корейского вопроса целесообразно было бы заслушать в Совете Безопасности представителей корейского народа»[2].

Все сторонники мира с единодушным одобрением встретили ответ И. В. Сталина — программу борьбы за мирное решение корейского вопроса, за упрочение мира во всем мире. В этом ответе ясно выражены принципы международного сотрудничества СССР, его забота о праве народов на национальное самоопределение и твердая уверенность в том, что корейский вопрос можно мирно решить в Совете Безопасности при обязательном участии в нем пяти великих держав, в том числе и Китайской Народной Республики.

Эти предложения Советского правительства были направлены к мирному урегулированию корейского конфликта и упрочению мира на Дальнем Востоке и во всем мире. Именно поэтому они не были приняты правительством Трумэна. 18 июля 1950 г. государственный секретарь США Ачесон опубликовал ноту индийскому премьер-министру Неру, в которой он заявил об отказе допустить Китайскую Народную Республику в ООН и пойти по пути мирного решения корейской проблемы.

Правительство Америки, готовясь к новым крупным операциям в Корее, все более превращало ООН в орудие своей империалистической политики. Против этих действий правящих кругов США решительно выступил Советский Союз.

С 1 августа 1950 г. председательское место в Совете Безопасности занял советский делегат Я. А. Малик. Появле-

---

[1] Обращение премьер-министра Индии Неру к Председателю Совета Министров СССР И. В. Сталину от 13 июля. «Правда», 18 июля 1950 г.

[2] Ответ И. В. Сталина на обращение Неру, 15 июля 1950 г. «Правда», 18 июля 1950 г.

ние его в Совете Безопасности помешало американской делегации диктовать свои решения этому важнейшему органу Организации Объединенных Наций. Советский делегат делал все от него зависящее, чтобы вернуть Совет Безопасности на путь обеспечения мира, путь справедливого решения корейской проблемы. На первом же заседании, происходившем под его председательством, он объявил незаконным присутствие гоминдановца в качестве представителя Китая. В повестке дня, рекомендованной Я. А. Маликом, первым пунктом стоял вопрос о признании представителем Китая представителя Китайской Народной Республики, а вторым—вопрос об урегулировании корейской проблемы на мирной и демократической основе. Американский делегат Остин, желая протащить угодную США повестку дня, выдвинул в качестве первого пункта повестки дня резолюцию, направленную против Корейской Народно-Демократической Республики. Три заседания Совета Безопасности были заняты обсуждением повестки дня. Соединенные Штаты использовали все средства давления на членов Совета Безопасности, чтобы не допустить прекращения войны в Корее. Американский сенат предупредил, что маршаллизованные страны не получат помощи по «плану Маршалла», если они не будут содействовать осуществлению агрессивных планов монополий США в Корее. Эта угроза оказала свое влияние. Американо-английскому блоку удалось отклонить справедливые предложения СССР и навязать 4 августа Совету Безопасности состряпанную государственным департаментом США «жалобу на агрессию против Корейской республики»[1]. Такой вывеской Соединенные Штаты прикрывали кровавый лисынмановский режим в Южной Корее.

Но США не удалось при помощи подобных фальшивок скрыть от народов мира правду.

Представитель Советского Союза разоблачил попытки США представить гражданскую войну в Корее и интервенцию американского империализма в этой стране как «агрессию» со стороны Северной Кореи. Опираясь на международные нормы, делегат СССР доказал, что в Корее, с одной стороны, происходит внутренний конфликт между северными и южными корейцами, происходит гражданская война и, с другой стороны, имеет место вооруженное вмешательство правящих кругов США в эту внутреннюю корейскую гражданскую войну в форме вооруженной агрессии. Он доказал также, что Совет Безопасности может нормально функционировать и выполнять возложенную на него миссию только в том случае, если он будет

---

[1] «Советский Союз и американская интервенция в Корее (Документы)», II. Приложение к журналу «Новое время», 1950, № 32, стр. 9.

функционировать в своем полном законном составе — при участии Китайской Народной Республики.

После оглашения повестки дня Я. А. Малик от имени СССР предложил резолюцию «Относительно мирного урегулирования корейского вопроса», в которой говорилось:

«Совет Безопасности решает: а) считать необходимым пригласить представителя Корейской народно-демократической республики, а также заслушать представителя корейского народа в ходе обсуждения корейского вопроса, б) прекратить военные действия в Корее и одновременно вывести иностранные войска из Кореи»[1].

В советских предложениях выражены благородные стремления Советского государства к решению корейского вопроса на основе принципов невмешательства во внутренние дела других народов и упрочению мира на Дальнем Востоке и во всем мире. Советский Союз считал невозможным решать вопрос о судьбе корейского народа без участия представителей Кореи. Соединенные Штаты отказались принять предложения советской делегации и требовали выполнения незаконного решения Совета Безопасности о приглашении только представителя Южной Кореи. Незаконность этих домогательств Соединенных Штатов была настолько очевидна, что даже английский делегат Джебб вынужден был признать, что Совет Безопасности не обязан на основании решения от 25 июня автоматически допускать южнокорейского представителя[2].

8 августа Совет Безопасности получил послание правительства КНДР, в котором выражался протест против зверских бомбардировок мирных городов и сел Кореи американской авиацией. Правительство КНДР просило Совет Безопасности принять меры для прекращения злодеяний американских войск. Советский делегат в связи с этим внес на обсуждение Совета следующий проект резолюции:

«Рассмотрев протест правительства Корейской народно-демократической республики против бесчеловечных, варварских бомбардировок мирного населения и мирных городов и населенных пунктов, производимых американской авиацией в Корее;

признавая, что бомбардировки американскими вооруженными силами корейских городов и сел, влекущие за собой разрушения и массовое уничтожение мирного гражданского населения, являются грубым нарушением общепризнанных норм международного права;

Совет Безопасности постановляет: предложить правительству США прекратить и впредь не допускать бомбардировки

[1] «Советский Союз и американская интервенция в Корее (Документы)», II.

[2] См. там же, стр. 11.

авиацией и иными способами городов и населенных пунктов, а также обстрел с воздуха мирного населения в Корее;

поручить генеральному секретарю ООН в самом срочном порядке довести это решение Совета Безопасности до сведения правительства США»[1].

Против этого проекта резолюции, выражавшего интересы всех миролюбивых народов, ополчились представители американо-английского блока. При этом делегат США и его партнеры, боясь окончательного разоблачения, саботировали работу Совета Безопасности, стараясь завести ее в тупик. Они боялись выступлений представителя Советского Союза, в которых обнажались истинные стремления Соединенных Штатов и раскрывались миролюбивые принципы внешней политики Советского Союза. Несмотря на то, что США располагали в Совете Безопасности послушным большинством, они стремились избежать голосования советских предложений, ибо народы мира могли убедиться в том, что США голосуют против всех предложений СССР, призывающих к мирному решению корейского вопроса. Таким способом они хотели избежать своего полного разоблачения. Однако обструкционистская тактика представителей США не спасла их. Представитель Советского Союза в своих выступлениях перед всем миром разоблачил их агрессивные намерения.

Как только функции председателя Совета Безопасности перешли к представителю Англии Джеббу[2], он тотчас, вопреки своему собственному заявлению на заседании Совета Безопасности, внес предложение о приглашении лисынмановского представителя Чэна. Делегат СССР выступил против этого, настаивая на приглашении представителей как Северной, так и Южной Кореи. США и те делегации, которые пляшут под дудку США, подчеркивал он, не имеют никаких оснований оспаривать предложение Советского Союза, чтобы извратить Устав и отказаться пригласить обе стороны, участвующие в споре[3]. Использовав машину голосования, председательствующий отклонил советское предложение и этим самым еще раз подтвердил, что представители западных буржуазных государств боятся встретиться в ООН с подлинными избранниками корейского народа. Им нужны были клеветнические заявления ставленника Ли Сын Мана для того, чтобы оболгать корейский народ и завуалировать американскую интервенцию в Корее.

---

[1] См. «Советский Союз и американская интервенция в Корее (документы)», М., стр. 9.

[2] Председательство в Совете Безопасности несут все члены Совета, поочередно, каждый в течение месяца.

[3] «Известия», 2 сентября 1950 г.

Так, американские империалисты опираясь на агрессорское ядро в ООН, стремились превратить Организацию Объединенных Наций в орудие своей захватнической политики.

К обсуждению корейского вопроса в Совете Безопасности было приковано внимание всей мировой общественности, требовавшей прекращения американской интервенции в Корее. Кроме заявления корейского народа, под которым было поставлено более 13 миллионов подписей, в Совет Безопасности поступило свыше 20 тыс. писем и телеграмм из многих стран мира. В Совет Безопасности поступали протесты против кровавой авантюры американских империалистов в Корее от правительств всех стран народной демократии, от польской, французской и других профсоюзных конфедераций, от Международной федерации женщин и многих других общественных организаций. В защиту корейского народа выступил Второй Всемирный конгресс сторонников мира, выражавший волю 600 миллионов борцов за мир.

Корейский вопрос занял одно из видных мест в повестке дня Пятой сессии Генеральной Ассамблеи ООН, открывшейся 19 сентября 1950 г., когда Народная армия Кореи вела тяжелые оборонительные бои против превосходящих сил американских интервентов. На этой сессии представитель США Остин снова пытался снять с американских империалистов ответственность за войну в Корее. Он защищал резолюцию, представленную восемью делегациями, выполняющими роль агентуры США в ООН. В этой резолюции предлагалось провести образование Корейского государства при помощи, как заявил американский делегат, «сильной комиссии ООН». Предусматривалась также так называемая консультация с военным командованием, т. е., иначе говоря, давалось заранее обязательство, как отметил А. Я. Вышинский, действовать по указанию этого командования, потому что, как говорится, ««кто палку взял, тот и капрал» и, естественно, что самая большая палка находится в Южной Корее в руках военных властей, в руках тех, кто распоряжается вооруженными силами»[1].

Глава советской делегации разоблачил правительство Трумэна как агрессора, развязавшего кровавую войну против корейского народа, заявив, что советская делегация отвергает «резолюцию восьми», так как она преследует цель прикрыть вооруженную агрессию в Корее фальшивыми фразами о мнимом содействии созданию в Корее «независимого демократического государства»[2].

---

[1] См. Речь А. Я. Вышинского на заседании Политического комитета Генеральной Ассамблеи ООН 2 октября 1950 г. «Правда», 4 октября 1950 г.

[2] См. там же.

Представитель СССР обратил внимание Политического комитета на грубое нарушение Соединенными Штатами Гаагской конвенции 1907 года о правилах ведения войны и другой Гаагской конвенции 1907 года о морских бомбардировках. Он заявил также о том, что советская делегация внесет в Первый комитет проект резолюции, предлагающий США прекратить варварские бомбардировки населения, городов и деревень Кореи.

Содержание резолюции, внесенной пятью странами во главе с СССР в Политический комитет, сводилось к следующему: воюющим сторонам в Корее немедленно прекратить военные действия, США и всем другим странам немедленно вывести свои войска из Кореи. После этого в целях создания правительства единого независимого корейского государства провести в кратчайший срок общекорейские выборы в национальное собрание на основе подлинной демократии. Для проведения свободных общекорейских выборов на совместной ассамблее депутатов Верховного народного собрания КНДР и «национального собрания» Южной Кореи избирается паритетная комиссия из представителей Северной и Южной Кореи. Эта Ассамблея избирает временный общекорейский комитет для управления страной до избрания общекорейского национального собрания и образования постоянного общекорейского правительства. Для наблюдения за выборами создать комиссию ООН с обязательным участием в ней представителей граничащих с Кореей государств. Экономическому и социальному совету с участием представителей Кореи разработать планы оказания корейскому народу через ООН экономической и технической помощи по восстановлению пострадавшего от войны народного хозяйства. После образования общекорейского правительства в советском проекте резолюции предлагалось Совету Безопасности рассмотреть вопрос о принятии Кореи в состав ООН [1].

Стремясь превратить Корею в свою колонию и военный плацдарм для нападения на СССР, Китайскую Народную Республику и другие демократические страны, американо-английский блок отклонил проект резолюции СССР, УССР, БССР, Польши, Чехословакии, обеспечивавший установление мира на Дальнем Востоке и превращение Кореи в единое демократическое государство. По тем же соображениям американо-английский блок отклонил предложения советской делегации о роспуске «комиссии ООН», созданной в нарушение Устава и своей деятельностью способствовавшей разжиганию агрессивной войны в Корее, и проект резолюции о прекращении варварских бомбардировок американскими вооруженными силами мир-

---

[1] Проект резолюции делегации СССР, УССР, БССР, Польши и Чехословакии по вопросу о независимости Кореи. «Известия», 4 октября 1950 г.

ного населения городов и деревень Кореи[1]. Американским представителям в ООН, располагающим механическим большинством, удалось протащить «резолюцию восьми».

Борьба Советского Союза в Организации Объединенных Наций за мирное решение корейского вопроса со всей очевидностью говорит о том, что Советский Союз, разоблачая происки поджигателей войны, последовательно борется за превращение этой организации в важное средство поддержания мира. «Правительство СССР,— указывает Г. М. Маленков,— придаёт серьёзное значение Организации Объединённых Наций, считая, что она могла бы быть важным средством поддержания мира. Но в настоящее время из органа международного сотрудничества, которым Организация Объединённых Наций должна была бы быть согласно Уставу, США превращают её в орган своей диктаторской политики в борьбе против мира и используют для прикрытия своих агрессивных действий. Однако, невзирая на огромные трудности, чинимые машиной голосования, созданной США в Организации Объединённых Наций, Советский Союз отстаивает здесь позиции мира, добивается принятия реальных, вытекающих из современной международной обстановки предложений, направленных к обузданию агрессивных сил, к предотвращению новой войны и прекращению военных действий там, где они уже развернулись»[2].

На Шестой сессии Генеральной Ассамблеи в 1951 г. советская делегация, руководствуясь желанием предотвратить планируемую американским империализмом новую мировую войну, внесла предложение «О мерах против угрозы новой мировой войны и по укреплению мира». Пункт второй этой конкретной программы борьбы за мир посвящен прекращению агрессивной войны американского империализма в Корее. В советских предложениях говорится:

«Генеральная Ассамблея признает необходимым, чтобы:

а) Участвующие в военных действиях в Корее страны незамедлительно прекратили военные действия, заключили перемирие и отвели свои войска в 10-дневный срок от 38-й параллели;

б) Все иностранные войска, а также иностранные добровольческие части были в трехмесячный срок выведены из Кореи»[3].

Предложения Советского правительства, отвергнутые агрессорским ядром ООН, получили полное признание народов всего земного шара, борющихся против американских претендентов на мировое господство. Морально-политическая сила советских предложений и поддержка их народами всех стран и

[1] См. «Известия», 4 октября 1950 г.

[2] Г. Маленков. Отчётный доклад XIX съезду партии о работе Центрального Комитета ВКП(б). Госполитиздат, 1952, стр. 28.

[3] «Правда», 9 ноября 1951 г.

континентов были настолько велики, что значительная часть делегаций государств империалистического лагеря уклонилась от голосования за предложения США, отказавшись принять на себя ответственность за отклонение предложений Советского Союза.

Последовательная борьба СССР за мирное демократическое сотрудничество народов пользуется всесторонней поддержкой движения сторонников борьбы за мир. Боевым девизом этого могущественнейшего движения современности стали исторические слова: «Мира не ждут — мир завоевывают». В «Манифесте», принятом Вторым Всемирным конгрессом сторонников мира, подчеркивается, что война «угрожает человечеству — детям, женщинам, мужчинам. Организация Объединенных Наций не оправдывает надежд народов на сохранение мира и спокойствия». В «Манифесте» указывается, что народы мира хотят надеяться на выполнение Организацией Объединенных Наций своей главной задачи — обеспечения свободы, мира и взаимного уважения между народами. «Но еще больше,— говорится в «Манифесте»,— народы надеются на себя, на свою собственную решимость и добрую волю».

Второй Конгресс сторонников мира в своем «Обращении к Организации Объединенных Наций» выдвинул требование рассмотреть вопрос о немедленном прекращении американской интервенции в Корее, о выводе из Кореи иностранных войск и мирном решении корейского конфликта. Эти требования Конгресса и последующая борьба Всемирного Совета Мира и под его руководством всех сторонников мира за прекращение агрессивной войны американских империалистов в Корее со всей убедительностью свидетельствуют о том, что борьба, которую ведет Советский Союз в Организации Объединенных Наций за демократическое решение корейского вопроса, поддерживается организованным фронтом сторонников мира.

500 миллионов подписей под Стокгольмским воззванием и более 600 миллионов подписей под Обращением Всемирного Совета Мира о заключении Пакта Мира между пятью великими державами говорят о бурном росте сил организованного фронта сторонников мира, об огромном влиянии миролюбивой политики СССР на развитие международных отношений.

Только после года кровопролитной войны в Корее, когда героическая Народная армия совместно с доблестными китайскими добровольцами[1] нанесла интервентам крупное военное и морально-политическое поражение, правительство Трумэна

[1] Об участии китайских добровольцев в освободительной войне корейского народа см. статью Г. Ф. Кима «Великая освободительная война корейского народа».

еще до начала Шестой сессии Генеральной Ассамблеи приняло предложение Советского правительства относительно переговоров между воюющими сторонами в Корее.

23 июня 1951 г. советский представитель в ООН Я. А. Малик принял участие в радиопередаче, организованной департаментом информации ООН. Выражая точку зрения Советского правительства, он заявил, что Советский Союз будет продолжать борьбу за укрепление мира и предотвращение новой мировой войны. Народы Советского Союза, подчеркнул он, верят в возможность отстоять дело мира.

«Советские народы верят также, — заявил представитель СССР, — что можно было бы урегулировать и самый острый вопрос в настоящее время — военный конфликт в Корее. Для этого требуется готовность сторон стать на путь мирного урегулирования корейского вопроса. Советские народы верят в то, что в качестве первого шага следовало бы начать переговоры между воюющими сторонами о прекращении огня, о перемирии с взаимным отводом войск от 38-й параллели»[1].

В этом предложении представителя СССР в ООН со всей силой проявилось стремление Советского правительства мирным путем урегулировать военный конфликт в Корее и этим самым укрепить дело мира во всем мире. Советские предложения отвечали жизненным интересам всего прогрессивного человечества. Они получили полную поддержку всех сторонников мира на Западе и на Востоке. «Именно поэтому с такой силой прозвучал голос представителя Советского Союза с призывом о прекращении военных действий и о перемирии в Корее»[2].

В этих условиях правящие круги США вынуждены были пойти на переговоры о перемирии.

10 июля 1951 г. в Кэсоне начались переговоры между представителями командования войск КНДР и китайских добровольцев, с одной стороны, и так называемых войск ООН — с другой. Первые же дни переговоров показали, что представители вооруженных сил США и их сателлитов, тщетно прикрывавшихся именем ООН, пришли на совещание не с честным намерением быстро и справедливо решить вопрос о прекращении военных действий в Корее. 12 июля переговоры были уже прерваны. «Поводом» для прекращения переговоров, пишет американский журналист Стоун, послужил отказ корейско-китайской стороны выполнить необоснованное требование американского командования о допуске на

[1] «Правда», 24 июня 1951 г.

[2] В. М. Молотов. Речь на торжественном заседании в Варшаве, посвященном 7-й годовщине возрождения Польши. «Правда», 22 июля 1951 г.

совещание корреспондентов американской прессы: «Хотя поводом для прекращения переговоров послужил отказ допустить представителей американской печати в Кэсон, сами корреспонденты, видимо, придерживались иного взгляда на эту неожиданную заботливость со стороны генералов и адмиралов, которые отнюдь не отличались особой либеральностью в своих отношениях с печатью и в последние недели создавали для нее серьезные препятствия»[1].

Маргарита Хиггинс в своей корреспонденции, опубликованной в «Нью-Йорк геральд трибюн», так характеризует отношение американской стороны к своим корреспондентам:

«В полдень представители союзников (союзным корреспондентам воспрещается обращаться к ним) направляются к своим геликоптерам, которые доставляют их в лагерь, обнесенный колючей проволокой. Лагерь охраняется военной полицией и ни одному корреспонденту не разрешено входить туда без сопровождения офицера. Офицерам связи ООН, присутствующим на переговорах о перемирии, запрещено разговаривать с представителями печати»[2].

Как сообщала Хиггинс, делегация ООН «проводила только одно инструктивное совещание в день,— это совещание проводил офицер, не присутствовавший на переговорах. Во время полуденного перерыва союзные корреспонденты зависят от информации, предоставляемой им в порядке любезности их красными коллегами». При этом Хиггинс отмечает, что инструктивные совещания с корреспондентами корейско-китайской стороны «дают очень точное представление о событиях и до последнего дня были более содержательными, чем вечерние инструктивные совещания союзников» [3]. Находясь так же далеко от осуществления своих целей, как и накануне агрессивного вторжения в Корею, американские империалисты пытались использовать переговоры в целях укрепления своих позиций на Корейском полуострове. Представители Соединенных Штатов придерживались той же провокационной тактики, при помощи которой они в свое время завели в тупик работу Совместной советско-американской комиссии и сорвали выполнение Московского соглашения.

Американское командование под предлогом смены людского состава войск пыталось создать условия для увеличения численности своих вооруженных сил в Корее. Именно поэтому оно отвергло предложение командования корейской Народной армии и китайских добровольцев ограничить численность войск, подлежащих смене, 5000 человек и в категорической форме настаивало на 75 000. Для того чтобы в конце концов обеспе-

[1] I. Stoune. Указ. соч., стр. 284—285.
[2] Там же, стр. 316—317.

чить перемирие, корейско-китайская сторона сделала большую уступку, согласившись увеличить количество сменяемого людского состава вооруженных сил каждой стороны до 35 000 человек. Американская сторона, стремясь завести в тупик, а затем и сорвать переговоры, выдвигала заведомо неприемлемые требования. Она настаивала на праве контроля над тылом корейской Народной армии при помощи так называемой «беспристрастной комиссии». Таким образом, США стремились использовать переговоры для вмешательства во внутреннюю жизнь КНДР. Они также пытались под видом улучшения оборонительных рубежей отторгнуть от северной части территории Кореи площадь более 13 тыс. кв. км, имеющую военно-стратегическое значение. За прекращение военных действий в воздухе и на море представители американского командования цинично требовали компенсацию — часть территории Северной Кореи.

Все эти требования не оставляли никаких сомнений в подлинных целях американских империалистов. Умышленно затягивая переговоры, они систематически провоцировали военные инциденты в нейтральной зоне Кэсона и тем самым грубо нарушали условия переговоров. Они обстреливали район переговоров, подвергали его бомбардировкам, обстреливали автомашины корейско-китайской делегации.

В августе и осенью 1951 г. они предприняли два крупных наступления, пытаясь силой оружия навязать свои агрессивные требования корейско-китайской стороне. Известно, что перед началом наступления американских войск в августе 1951 г. они прервали переговоры и возобновили их только после провала августовского и осеннего наступлений.

Но и на этот раз американская сторона не отказалась от провокационных действий, стараясь не допускать прекращения войны в Корее. Еще ожесточеннее стали бомбардировки мирных городов и деревень, еще беспощаднее интервенты расправлялись с военнопленными. 28 января 1952 г., попирая все международные нормы ведения войны, США пошли на новое чудовищное преступление перед человечеством — применили бактериологическое оружие.

Представители командования Народной армии и китайских добровольцев сумели устранить многочисленные поводы, мешавшие достижению соглашения в переговорах о перемирии. В результате именно такой гибкой, миролюбивой и честной тактики корейско-китайской стороны, заявил А. Я. Вышинский, и были согласованы шестьдесят с лишним статей проекта соглашения о перемирии.

Однако американское командование, добивавшееся срыва переговоров, стало затягивать решение вопроса об обмене

военнопленными и репатриации их. Американское командование представило неправильные сведения о численности военнопленных: Международному комитету Красного креста оно представило списки на 176 679 человек, а командованию Народной армии и китайских добровольцев — на 132 474 корейских и китайских военнопленных. Корейско-китайская сторона потребовала сведений о судьбе 44 205 военнопленных, фамилии которых фигурировали в списках, переданных через Международный комитет Красного креста, но отсутствовали в списках, переданных 18 декабря 1951 г. На этот запрос американское командование ответило сначала, что эти 44 205 военнопленных освобождены, а затем вынуждено было признать, что они находятся в американских лагерях и не включены в списки потому, что являются якобы гражданскими лицами, уроженцами Южной Кореи.

Все эти махинации со списками военнопленных свидетельствуют о том, что американская сторона пыталась оставить у себя значительную часть военнопленных и использовать их в своих агрессивных целях.

Эти незаконные требования американских интервентов, грубо нарушающие международное право, были разоблачены и отвергнуты корейско-китайской стороной. Но командование США не прекратило попытки сорвать переговоры. При рассмотрении вопроса о военнопленных на совещании штабных офицеров американцы выступили с предложением о «добровольной репатриации» и использовали его для нового срыва переговоров 8 октября 1952 г.

За принципом «добровольной репатриации» скрывалось принуждение военнопленных всеми видами пыток отказаться от возвращения на родину. Достаточно сослаться на кровавые события на о-ве Кочжедо, чтобы представить, какие чудовищные расправы с безоружными людьми прикрывали американцы фальшивыми фразами о «добровольной репатриации»[1].

---

[1] Вот как выглядят методы «добровольной репатриации» в докладе так называемого Международного комитета Красного креста: «18 февраля около четырех часов утра войска в составе примерно полка, полностью вооружённые, вступили без всякого предупреждения в сектор. Почти все заключённые спали, за исключением нескольких, которые были взяты под стражу и помещены в одной из палаток. Войска окружили другие палатки, включая палатку и доверенного лица, которое не могло установить контакта с администрацией лагеря.

Заключённых заставили остаться в палатках под угрозой штыков. Однако, не зная, что происходит, один или двое из них пытались выйти из палаток и были встречены выстрелами. Испугавшись и думая, что все они будут убиты, заключённые выбежали из палаток, чтобы защищаться и выяснить, что же происходит. Войска открыли по ним огонь» (см. А. Я. Вышинский. Выступление на заседании Политического комитета... 29 октября 1952 г., стр. 40—41).

8 октября 1952 г. представители американского командования, убедившись, что им не удастся навязать корейско-китайской стороне этот принцип «решения» вопроса о репатриации, демонстративно покинули совещание и, таким образом, снова сорвали переговоры. Срыв переговоров Соединенными Штатами накануне открытия Седьмой сессии Генеральной Ассамблеи не случаен. Придерживаясь своей традиционной линии, правящие круги США, сорвав переговоры, открыли бешеную кампанию клеветы против КНДР. Нагло извращая существо дела, они возлагали ответственность за срыв переговоров на корейско-китайскую сторону. Они рассчитывали, что, применяя эти провокационные методы, сумеют навязать свой диктат корейскому народу и использовать в этих целях Организацию Объединенных Наций.

24 октября 1952 г. на заседании Политического комитета Седьмой сессии Генеральной Ассамблеи с пространной речью выступил государственный секретарь США Ачесон. В этой речи, изобиловавшей грубыми извращениями действительности, клеветническими выпадами против СССР и корейского народа, Ачесон пытался представить перед делегатами Сессии и всей международной общественностью агрессивную политику Соединенных Штатов в Корее в выгодном свете.

Совершая экскурс в историю корейского вопроса, Ачесон, не брезгуя самыми нечистоплотными приемами, обвинил Советский Союз в «срыве» работы Совместной комиссии по корейскому вопросу; он повторил позорно обанкротившуюся лживую версию об «агрессии» Корейской Народно-Демократической Республики в отношении Южной Кореи и, наконец, оклеветал представителей командования корейской Народной армии и китайских добровольцев, свалив на них ответственность за срыв переговоров о перемирии в Корее. Ачесон снова поднял на щит пресловутый «принцип добровольности репатриации» военнопленных, в котором отражается стремление американских империалистов не допустить перемирия в Корее. В заключение государственный секретарь США внес проект резолюции, смысл которого сводился к тому, чтобы Генеральная Ассамблея одобрила позицию, занятую американским командованием в переговорах в Паньмыньчжоне. Иначе говоря, Ачесон добивался еще одного решения Генеральной Ассамблеи для прикрытия вооруженной интервенции Соединенных Штатов в Корее.

29 октября Политический комитет заслушал выступление А. Я. Вышинского. Его речь представляет собой документ огромного международного значения. В ней раскрывается роль Советского государства в борьбе за мирное демократическое решение корейской проблемы и разоблачается агрессивная захватническая политика американского империализма.

Представитель СССР не оставил камня на камне от клеветнических изощрений Ачесона. С бесспорными фактами и документами в руках глава советской делегации доказал, что работа Совместной комиссии сорвана по вине американского империализма, что Соединенные Штаты были против создания временного демократического корейского правительства и против содействия политическому, экономическому и социальному прогрессу корейского народа, развитию демократического самоуправления и установлению государственной независимости Кореи. Представитель СССР опрокинул приведенные Ачесоном «доказательства» того, что США якобы стремились к координации действий советского и американского командований в административно-хозяйственной области в Корее. На самом деле, как об этом упоминалось выше, американские правящие круги под «координацией действий» понимали ограбление Северной Кореи и отказ поставлять для рабочего класса Северной Кореи продовольствие (рис) с расчетом вызвать голод и скомпрометировать таким образом политику советского командования.

На основе многих примеров глава делегации СССР разоблачил измышления Ачесона о том, что советский представитель в совместной комиссии якобы выступал против привлечения к консультации политических партий, которые возражали против опеки. «Советский Союз,— заявил А. Я. Вышинский,— настаивал, чтобы партии или общественные организации, привлеченные к консультации с совместной комиссией, не выделяли для консультации таких представителей, которые скомпрометировали себя активными выступлениями против московского решения».

А. Я. Вышинский дал исчерпывающую характеристику американским марионеткам — предателям корейского народа. Среди них самая одиозная фигура — марионеточный президент Ли Сын Ман, бывший японский агент и нынешний лакей американских монополий. Он еще в 1920—1922 гг. добивался передачи Кореи под мандатное управление США. Ли Сын Ман — не исключение. В шайке южнокорейских «правителей» находятся Ли Бом Сок — лидер фашистской молодежной организации, Чан Тяк Сан — бывший начальник сеульской полиции, ныне подвизающийся в качестве министра иностранных дел лисынмановского «правительства», и другие заклятые враги корейского народа. Характеризуя чудовищные репрессии, чинимые этими прислужниками американского империализма и самими американцами, глава советской делегации подчеркнул: «В связи с изложенным нельзя пройти мимо позорного поведения комиссии, носящей имя комиссии ООН. Наблюдая чудовищные казни, массовые расстрелы, прак-

тикуемые лисынмановским правительством, эта комиссия позволила себе отметить как «акт милосердия» лисынмановского правительства его решение впредь все казни производить в одиночку, а не группами!»[1]

На основе множества документов, частично уже цитированных нами, А. Я. Вышинский опроверг обанкротившийся, но все же имеющий хождение в США клеветнический вымысел о «нападении» КНДР на марионеточный режим Южной Кореи.

Руководитель советской делегации неопровержимыми фактами разоблачил фальсификацию событий в Корее государственным секретарем США, сделавшим очередную попытку взвалить ответственность за развязанную американским империализмом войну в Корее на Корейскую Народно-Демократическую Республику.

А. Я. Вышинский вскрыл основные причины, толкнувшие США на развязывание агрессивной войны против КНДР. Американским капиталистам, со страхом наблюдавшим наступление экономического кризиса, нужен был стимул подъема падающей экономики. Этим стимулом стала война в Корее, принесшая ужасы и смерть сотням тысяч людей и поток военных заказов и новых прибылей американским миллионерам.

Рассматривая вопрос о принципе «добровольной репатриации», так превозносимом на сессии Генеральной Ассамблеи Ачесоном, глава советской делегации, во-первых, разоблачил попытку американских правящих кругов скрыть от своего народа и других народов мира, что американское командование сорвало 8 октября переговоры, не пожелав даже выслушать новые предложения корейско-китайской стороны, направленные на достижение перемирия; во-вторых, вскрывая антизаконность принципа «добровольной репатриации», А. Я. Вышинский указал на то, что от сессии Генеральной Ассамблеи скрыт доклад Международного комитета Красного креста. Несмотря на то, что в этом докладе злодеяния американских войск в отношении военнопленных освещены далеко не полно, однако даже то, что в нем содержится, не оставляет никаких сомнений в том, что Ачесон за демагогическими фразами о «добровольной репатриации» пытался скрыть вопиющие нарушения американским командованием всех международных норм обращения с военнопленными.

Позиция американских правящих кругов в отношении репатриации грубо нарушает Женевскую конвенцию 1949 г. и международную практику, опирающуюся на принципы этой конвенции, а также принципы конвенции 1929 г. и Гаагской конвенции 1907 г.

[1] А. Я. Вышинский. Выступление на заседании Политического комитета... 29 октября 1952 г., стр. 18.

В статье 118 Женевской конвенции говорится: «Военнопленные освобождаются и репатриируются тотчас же после прекращения военных действий».

В статье 7 этой же конвенции написано: «Военнопленные ни в коем случае не могут отказываться, частично или полностью, от прав, которые им обеспечивают настоящая конвенция и специальные соглашения, предусмотренные в предыдущей статье, если таковые имеются». Эта статья направлена прямо против попыток любителей «добровольной репатриации» применять насильственные методы отбора военнопленных, заставлять военнопленных при помощи пулеметов и танков, как это делало американское командование, отказываться от возвращения на родину.

На основании исторических прецедентов, в том числе и на основе ряда договоров, подписанных США, А. Я. Вышинский доказал, что господствующим принципом международного права и международной практики является требование безусловного, безоговорочного и полного обмена военнопленных. Он доказал также, что лицемерная фраза о «свободе воли» военнопленных, которой жонглируют представители США, используется для маскировки незаконных действий.

Таким образом, на Седьмой сессии Генеральной Ассамблеи, так же как и на всех предыдущих, начиная со Второй, на декабрьском совещании трех министров иностранных дел, в Совместной комиссии, Советский Союз вел последовательную борьбу за демократическое решение корейской проблемы, за пресечение всех попыток правящих кругов США, под какой бы вывеской они ни преподносились, осуществить свои агрессивные цели.

Советский Союз еще на Второй сессии Генеральной Ассамблеи в 1947 г. выступал против образования «комиссии ООН», как грубого вмешательства во внутренние дела корейского народа. После ее создания по воле американского империализма, опиравшегося на механическое большинство в ООН, Советский Союз последовательно вел борьбу за ликвидацию этой комиссии, которая в руках правящих кругов США является инструментом колонизации Кореи. Вся деятельность этой комиссии свидетельствует о том, что она создана не для содействия объединению Кореи и ее восстановлению, а с целью срыва превращения Кореи в единое миролюбивое демократическое государство.

Глава советской делегации указал, что проект резолюции, подготовленный США, одобряющий деятельность этой комиссии и не соответствующий решению задачи прекращения войны в Корее, должен быть отклонен как совершенно неудовлетворительный.

Представитель Советского Союза горячо поддержал проект резолюции, предложенный польской делегацией: «О предотвращении угрозы новой мировой войны и об укреплении мира и дружественного сотрудничества между народами». Он заявил, что этот проект резолюции представляет собой «программу действий», направленных на эффективное разрешение самого важного, самого главного вопроса — вопроса о войне и мире в Корее.

Известно, что американской делегации не удалось отклонить включение предложения польской делегации в повестку дня Седьмой сессии Генеральной Ассамблеи. Однако США при помощи машины голосования добились решения Политического комитета об обсуждении польских предложений после доклада так называемой комиссии по объединению и восстановлению Кореи. Этим неправильным решением американо-английский блок пытался принизить значение вопроса о войне и мире в Корее и провести обсуждение доклада комиссии изолированно от корейского вопроса в целом.

Но из этой затеи ничего не вышло. Глава советской делегации и представители других миролюбивых стран разоблачили попытки Ачесона снять ответственность с Соединенных Штатов за интервенцию в Корее и возложить ее на Корейскую Народно-Демократическую Республику. Обсуждение доклада комиссии вылилось в новое, еще более полное разоблачение агрессивной политики правящих кругов США, направленной на превращение Кореи в колонию и военный плацдарм американского империализма. Таким образом, на Седьмой сессии Генеральной Ассамблеи США потерпели новое крупное морально-политическое поражение.

На Седьмой сессии Генеральной Ассамблеи было вновь продемонстрировано неуклонное стремление Советского Союза к мирному демократическому решению корейского вопроса. Представитель Советского Союза внес проект резолюции, обеспечивавший прекращение войны против КНДР и мирного объединения Кореи.

Советский проект резолюции гласит:

«Генеральная Ассамблея, рассмотрев доклад комиссии по объединению и восстановлению Кореи, считает необходимым: учредить комиссию по мирному урегулированию корейского вопроса с участием непосредственно заинтересованных сторон и других государств, в том числе и государств, не принимавших участия в войне в Корее;

поручить упомянутой комиссии незамедлительно принять меры к урегулированию корейского вопроса в духе объединения Кореи, проводимого самими корейцами, под наблюдением указанной выше комиссии».

Предложения Советского Союза, одобренные всем прогрессивным человечеством, и прежде всего корейским народом,— новый вклад Советского Союза в дело упрочения мира на Дальнем Востоке и во всем мире. Это — новый сокрушающий удар по планам агрессоров. Осуществление этих предложений привело бы к прекращению вооруженной интервенции США и их союзников в Корее и создало бы условия для объединения Кореи на демократической основе.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ ПЕРЕМИРИЯ В КОРЕЕ — КРУПНЕЙШАЯ ПОБЕДА МИРОЛЮБИВЫХ СИЛ МИРА

В решении корейского вопроса с большой яркостью проявилась социальная сущность двух прямо противоположных внешнеполитических курсов — Советского Союза и Соединенных Штатов Америки.

«В течение всего периода с 1945 по 1950 г. весь мир мог видеть разницу между демократическим и империалистическим путями развития нашей страны. Стоило лишь взглянуть на Север и Юг — на процветание народа Северной Кореи и на страдания южнокорейского населения» [1].

Бескорыстная помощь правительства СССР корейскому народу в создании народно-демократического государства, в возрождении и дальнейшем развитии экономики и культуры страны — блестящая иллюстрация тезиса И. В. Сталина о возможности равноправных отношений между большими и малыми народами.

Советское государство, борясь за демократическое решение корейского вопроса, укрепляет мир в Азии и во всем мире. В этой борьбе проявилась основная идея советской внешней политики — идея мира.

Борьба Советского Союза за справедливое решение вопроса неизменно встречает единодушную поддержку народных масс всего мира, горячо заинтересованных в прекращении войны в Корее и в упрочении мира во всем мире. То обстоятельство, что Соединенным Штатам удалось при помощи машины голосования отклонить предложения Советского Союза, и то, что США в нарушении Устава ООН удалось навязать Седьмой сессии Генеральной Ассамблеи выгодный им проект резолюции, не укрепило их позиций. Американским монополиям и их агентам не удалось представить себя в роли «миротворцев». В выступлениях делегатов Советского Союза и других демократических стран они были изобличены как враги мира. Народы всех стран усилили борьбу за прекращение войны в Корее.

---

[1] Пак Ден Ай. Корея — знамя великой борьбы. «Новое время», 1951, № 1.

Требование народами мира прекращения войны в Корее превратилось в могучую силу. В этих условиях Соединенные Штаты не могли игнорировать инициативу Китайской Народной Республики и Корейской Народно-Демократической Республики о возобновлении переговоров в Корее, поддержанную Советским Союзом.

В конце марта 1953 г. Верховный командующий Народной армией КНДР маршал Ким Ир Сен и командующий китайскими народными добровольцами генерал Пын Дэ-хуэй сделали новый шаг по пути мирного урегулирования корейского вопроса. В ответ на письмо американского генерала Кларка об обмене больными и ранеными военнопленными они не только согласились осуществить такой обмен, но и предложили возобновить переговоры, сорванные по вине американцев, решить в целом проблему о военнопленных и тем самым положить конец кровопролитной войне в Корее.

Это предложение было подтверждено Министром иностранных дел КНР Чжоу Энь-лаем. Настало время, заявил он, для урегулирования всего вопроса о военнопленных «в целях обеспечения прекращения военных действий в Корее и заключения соглашения о перемирии». Чжоу Энь-лай выдвинул от имени правительств КНР и КНДР предложение о том, чтобы «обе стороны на переговорах обязались репатриировать немедленно после прекращения военных действий всех тех находящихся в их руках военнопленных, которые настаивают на репатриации, и передать остальных военнопленных нейтральному государству в целях обеспечения справедливого разрешения вопроса об их репатриации»[1].

Советское правительство в заявлении В. М. Молотова по корейскому вопросу выразило свою полную солидарность с предложениями правительств КНР и КНДР. «Советское Правительство,— заявил В. М. Молотов,— неизменно поддерживало все шаги, направленные на установление справедливого перемирия и на прекращение войны в Корее.

Начало этому было положено в ответе главы Советского Правительства И. В. Сталина на обращение Премьер-Министра Индии г-на Неру еще в июле 1950 года»[2].

В заявлении В. М. Молотова подчеркивается, что вопрос о репатриации военнопленных в целом также должен быть решен в соответствии с Женевской конвенцией, на чем все время настаивали как Советское правительство, так и пра-

---

[1] Заявление Министра иностранных дел Центрального Народного Правительства Китайской Народной Республики Чжоу Энь-лая. «Правда», 31 марта 1953 г.

[2] Заявление Министра Иностранных Дел СССР В. М. Молотова по корейскому вопросу. «Правда», 2 апреля 1953 г.

вительства КНР и КНДР. Советское правительство, говорится в заявлении, считает своим долгом снова напомнить о том, что вопрос о восстановлении прав китайского народа в Организации Объединенных Наций является одним из неотложных вопросов и что восстановление прав Китая и Кореи в ООН, особенно в настоящих условиях, отвечает интересам поднятия авторитета и международного значения Организации Объединенных Наций и будет содействовать укреплению мира во всем мире.

Заявление В. М. Молотова, выразившего солидарность правительства Союза ССР со справедливыми предложениями правительств КНР и КНДР, народы всего мира встретили горячим сочувствием. Простые люди всех стран требовали неуклонного осуществления содержащихся в нем предложений, направленных на прекращение войны в Корее, на укрепление мира на Дальнем Востоке и во всем мире.

26 апреля 1953 г. в Паньмыньчжоне возобновились переговоры. В связи с тем, что корейско-китайская сторона внесла предложения, способствовавшие договоренности, открылся путь к перемирию в Корее. 8 июня был решен самый сложный вопрос проекта соглашения о перемирии в Корее — вопрос о репатриации военнопленных. В этот день в Паньмыньчжоне было подписано соглашение о «Компетенции комиссии по репатриации из представителей нейтральных государств». Это соглашение определяет справедливый порядок репатриации военнопленных[1].

Смысл подписанного 8 июня соглашения сводится к следующему. Для обеспечения возможности всем военнопленным осуществить право на репатриацию после заключения перемирия обе стороны решили обратиться к пяти нейтральным державам — Польше, Чехословакии, Швеции, Швейцарии и Индии — с просьбой назначить от себя членов комиссии по репатриации. Под опеку этой комиссии передаются те военнопленные, которые, находясь под контролем пленивших их держав, не воспользовались своим правом на репатриацию после заключения перемирия.

Вооруженные силы и персонал, необходимые для оказания помощи комиссии по репатриации, должны быть предоставлены только одним нейтральным государством — Индией. На представителя Индии возложена, в соответствии с положениями ст. 132 Женевской конвенции, роль посредника и представителя и административного лица комиссии по репатриации из представителей нейтральных государств.

[1] См. «Правда», 8 мая 1953 г.

Комиссия по репатриации обязана обеспечить гуманное обращение с военнопленными в соответствии с определенными положениями Женевской конвенции и общим духом этой конвенции.

По истечении 20 дней с момента передачи военнопленных на попечение комиссии по репатриации вопрос о дальнейшей судьбе военнопленных, не воспользовавшихся своим правом на репатриацию, должен быть передан на усмотрение политической конференции, созываемой в соответствии с параграфом 60 проекта соглашения о перемирии, которая должна постараться разрешить этот вопрос в течение 30 дней. Комиссия по репатриации продолжает в этот период опеку над военнопленными, и если они не воспользуются своим правом на репатриацию и вопрос об этих пленных не будет решен политической конференцией, комиссия должна перевести их на положение гражданских лиц и помочь им выехать в какое-либо нейтральное государство. Выезд в нейтральное государство может быть произведен только по желанию военнопленного. Эта работа должна быть закончена в течение 30 дней, после чего комиссия по репатриации распускается.

Однако и после роспуска комиссии каждому из бывших военнопленных, когда бы он ни пожелал вернуться на родину, должна быть оказана в этом помощь властями тех мест, где будут находиться военнопленные.

Как только соглашение о репатриации военнопленных будет принято обеими сторонами и названными в нем пятью государствами, оно вступит в силу со дня начала перемирия[1].

Все прогрессивное человечество верило, что достижение соглашения по вопросу о репатриации военнопленных устранило последнее и единственное препятствие на пути к заключению перемирия в Корее и упрочению мира на Дальнем Востоке. Это соглашение справедливо рассматривается всеми народами мира как победа миролюбивых сил человечества, возглавляемых Советским Союзом — оплотом мира и безопасности народов. Не только в Корее, Китае и других странах Дальнего Востока, но и во всех государствах мира соглашение о репатриации военнопленных было встречено как первый крупный шаг к ослаблению напряжения в международных отношениях, как новая победа борцов за мир. Во многих странах, в том числе во Франции, Англии, США, прошли многолюдные митинги и демонстрации, приветствовавшие соглашение в Паньмыньчжоне. Это событие заняло центральное место в международной прессе. Газета «Таймс оф Индиа» писала: «С установлением мира в

---

[1] См. коммюнике корейско-китайской делегации на переговорах в Паньмыньчжоне. «Правда», 9 июня 1953 г.

Корее вопрос о принятии Пекина в Организацию Объединенных Наций приобретает первостепенное значение».

Таким образом, соглашение в Паньмыньчжоне является ключом к решению других важнейших проблем, связанных с упрочением мира во всем мире.

Советское правительство последовательно боролось и борется за то, чтобы Организация Объединенных Наций заняла ведущее место в решении всех вопросов упрочения мира и мирного международного сотрудничества. Оно в продолжении ряда лет настойчиво предлагало открыть двери ООН народам Китая и Кореи. Это позволило бы ООН в должной мере содействовать упрочению мира. «Естественно, что Организация Объединенных Наций могла бы сделать больше в отношении перемирия и прекращения войны в Корее, если бы в ее составе имелись законные представители Китая и Кореи»[1].

В то время, когда весь мир был уверен в том, что скоро прекратится продолжавшаяся в течение трех лет война в Корее, когда заканчивалась подготовительная работа, связанная с деталями подписания соглашения о перемирии, лисынмановская клика, находящаяся под контролем США, под видом «освобождения» лишила возможности возвращения на родину почти 27 тыс. военнопленных.

Военное командование США не только попустительствовало лисынмановской клике, нанесшей новый удар делу мира, но и пыталось представить насильственное задержание военнопленных и вербовку их в марионеточные войска Ли Сын Мана и Чан Кай-ши в виде «бегства» северокорейских военнопленных, якобы отказавшихся от репатриации [2]. Так именно изображалась чудовищная провокация Ли Сын Мана, совершенная 17 июня 1953 г., главой «делегации командования объединенных наций» Гариссоном [3].

Это заявление было настолько одиозным, что генерал Кларк, главнокомандующий американскими вооруженными силами на Дальнем Востоке, не счел возможным поддержать его и вынужден был признать, что инцидент, выразившийся в принуждении пленного персонала корейской Народной армии покинуть лагерь для военнопленных и в насильственном задержании их кликой Ли Сын Мана, является серьезным и прискорбным [4].

Не может быть сомнения в том, что Ли Сын Ман не мог бы

---

[1] Заявление Министра Иностранных Дел СССР В. М. Молотова по корейскому вопросу «Правда», 2 апреля 1953 г.

[2] См. письмо генерал-лейтенанта Гариссона генералу Нам Иру. «Правда», 21 июня 1953 г.

[3] Письмо командующего корейской Народной армией маршала Ким Ир Сена и командующего китайскими народными добровольцами генерала Пын Дэ-хуэя генералу Марку Кларку. «Правда», 9 июля 1953 г.

[4] Там же.

пойти на эту чудовищную провокацию без соответствующих указаний своих хозяев — агрессивных кругов США. Об этом говорит заявление самого Ли Сын Мана, приведенное в статье газеты «Женьминьжибао» о провокационных действиях лисынмановской клики: «Большинство представителей командования Объединенных Наций, с которыми я говорил о нашем желании освободить этих военнопленных, относится к этому сочувственно и в принципе с ним согласно». Давно известно, что лисынмановская армия находится под «верховным командованием вооруженных сил ООН», и поэтому без приказа этого верховного командования солдаты и офицеры южнокорейской марионеточной армии не могли заставить военнопленных уйти из лагерей, в которых они находились. Если же Ли Сын Ман действительно вопреки воле американского командования пытается своими провокационными действиями сорвать соглашение о перемирии, то в распоряжении правящих кругов США достаточно сил, чтобы обуздать этого провокатора. Не случайно английская буржуазная газета «Дейли миррор» в связи с третьей годовщиной войны в Корее писала: «В настоящее время вероломный южнокорейский диктатор Ли Сын Ман планирует продолжение этого трагического конфликта на четвертый и, может быть, пятый год. Он сумасшедший, который не желает конца кровопролитию... Не может быть какого-либо улучшения положения в Азии, пока Америка продолжает иметь дело с такими ренегатами, как Ли Сын Ман и Чан Кай-ши, угрожающий Китаю с Формозы».

Но американские империалисты не только не приняли никаких мер к обузданию «сумасшедшего Ли Сын Мана», но и сами толкали его на новые провокации. Не кто иной, как государственный секретарь США заявил 10 августа 1953 г., что значительное число военнопленных будет задержано в качестве заложников. Поощряемый США Ли Сын Ман выступил с заявлением, в котором утверждал, что в случае провала политической конференции, которая будет созвана после заключения перемирия в Корее, он будет продолжать войну.

Лисынмановская провокация имеет тесную связь с беспорядками, вызванными иностранными наймитами в демократическом секторе Берлина в июне 1953 г. И в Южной Корее и в Берлине они предприняты при покровительстве агрессивных кругов Соединенных Штатов и преследуют одну и ту же цель — не допустить ослабления напряжения в международной обстановке. Вот почему народы мира заклеймили позором провокаторов войны и требуют пресечения их преступных действий. «Сейчас, — пишет индийская газета «Амрита базар патрика», — стало совершенно ясно, что Эйзенхауэр не собирается предпри

нять решительных действий против Ли Сын Мана... Однако ни один член ООН, имеющий чувство собственного достоинства, не должен допускать ликвидации перспектив установления мира даже в том случае, если действия Ли Сын Мана пользуются моральной поддержкой США...»[1]

Агрессивные круги США, выражающие интересы монополистического капитала, не хотят установления международного сотрудничества, основанного на равноправных взаимоотношениях. Они не хотят прекращения войны в Корее и упрочения мира. Об этом свидетельствуют провокации их наймитов в Южной Корее и Берлине. Все это больше и больше разоблачает агрессивную сущность американской внешней политики в решении корейской проблемы и дает исчерпывающий ответ на вопрос, почему агрессивные круги Соединенных Штатов Америки в течение многих лет срывают решения важнейших международных проблем, в том числе мирное урегулирование корейского вопроса.

Как известно, провокационные выступления врагов мира в Берлине и Корее закончились позорным провалом. Под влиянием крупного военного и политического поражения, под давлением требований сотен миллионов простых людей, кровно заинтересованных в установлении прочного мира, правящие круги Соединенных Штатов вынуждены были пойти на перемирие в Корее. 27 июня 1953 г. в 10 час. утра по корейскому времени в Паньмыньчжоне глава делегации корейско-китайской стороны генерал Нам Ир и глава делегации американской стороны генерал-лейтенант Уильям К. Гаррисон официально подписали соглашение о перемирии.

Народы Советского Союза и всего мира с глубоким удовлетворением встретили эту крупную победу корейского и китайского народов в деле защиты мира на Дальнем Востоке и во всем мире. В телеграммах Председателя Совета Министров Союза ССР Г. М. Маленкова и Министра иностранных дел Советского Союза В. М. Молотова правительствам КНДР и КНР подчеркивается, что подписание перемирия и окончание войны в Корее являются великой победой героического корейского народа и доблестных китайских народных добровольцев.

Свыше двух лет продолжались переговоры о перемирии в Корее. Агрессивные круги Соединенных Штатов Америки, заинтересованные в сохранении и расширении очага войны на Дальнем Востоке, прилагали все усилия к тому, чтобы затянуть переговоры и сорвать мирное решение корейского вопроса. В ходе переговоров представители США пытались добиться того, чего они не могли достигнуть на поле боя. Корейско-

---

[1] «Правда», 25 июня 1953 г.

китайская сторона, опирающаяся на бескорыстную помощь СССР, сорвала эти коварные замыслы американского империализма. Переговоры о перемирии в Корее были острой и длительной борьбой, во время которой представители КНДР и китайских народных добровольцев дали достойный отпор агрессорам и вынудили их пойти на перемирие.

Переговоры о перемирии в Корее, заявил на заседании Центрального Народного Правительственного Совета КНР 12 сентября 1953 г. командующий отрядами китайских народных добровольцев Пын Дэ-хуэй, являются беспрецедентными в истории. В данном случае империалистическая держава, пытавшаяся установить свое господство во всем мире, получив отпор со стороны молодого демократического государства, была вынуждена прекратить агрессивную войну в Корее.

Подписав соглашение о перемирии, являющееся результатом провала военной авантюры, агрессивные круги США не отказались от намерения и впредь использовать Южную Корею в качестве своей военной базы, создавая тем самым постоянную угрозу миру. Об этом свидетельствует декларация 16 государств, принимавших участие в интервенции в Корее. Декларация подписана 27 июля 1953 г., в день вступления в силу соглашения о перемирии. Согласно этой декларации, 16 государств «в случае возобновления вооруженного нападения» на так называемую «корейскую республику» вновь начнут войну против корейского народа. Иначе говоря, любая лисынмановская провокация сможет стать поводом для возобновления агрессии. При этом участники угрожают интервенцией не только корейскому народу, но и другим народам Дальнего Востока. В этом агрессивном документе подчеркивается, что при возобновлении войны «по всей вероятности военные действия не удалось бы ограничить пределами Кореи». Так, только что подписав соглашение о перемирии в Корее, Соединенные Штаты и их партнеры по интервенции выступили с декларацией, создающей условия для новых провокаций и агрессивных происков. В прямой связи с этим позорным документом находится договор о «взаимном обеспечении безопасности», заключенный 7 августа 1953 г. между США и лисынмановской кликой. Этот агрессивный договор, идущий в разрез с соглашением о перемирии, предусматривающим скорый вывод из Кореи всех иностранных войск, предоставляет США «право» располагать на неопределенное время сухопутные, военно-воздушные и военно-морские силы США «на территории Корейской республики (Южной Кореи.—*В. Л.*) или поблизости от нее». Этот пакт — важное звено в цепи агрессивных мероприятий США на Дальнем Востоке и китайская пресса справедливо называет его бомбой замедленного действия на пути к мирному решению корейского вопроса.

Расчеты США на то, что им удастся усыпить бдительность народов, объяснив эти агрессивные акты стремлением «обеспечить безопасность», не оправдались. Провокационные маневры американских империалистов вызвали гневный протест всего человечества и прежде всего корейского народа. Еще в начале июля газета «Нодон синмун», выражая настроения всех корейских патриотов, писала, что «корейский народ с негодованием осуждает двуличную американскую политику. Цель подготовки так называемого «корейско-американского договора о взаимной обороне» заключается, во-первых, в том, чтобы чинить препятствие скорейшему заключению перемирия, и, во-вторых, в том, чтобы в случае заключения перемирия создать условия для беспрепятственной эксплуатации населения Южной Кореи, помешать мирному объединению Кореи и снова развязать войну»[1].

Обсуждение корейского вопроса на Седьмой и на Восьмой сессиях Генеральной Ассамблеи свидетельствует о том, что именно такую позицию правящие круги США занимали до заключения соглашения о перемирии в Корее и занимают сейчас, уже после его заключения. Придерживаясь двуличной политики, они использовали Организацию Объединенных Наций в своих корыстных интересах. Так, 3 декабря 1952 г. при помощи машины голосования они протащили угодный им проект резолюции, предусматривающий принудительное задержание военнопленных. В первые же дни работы второй части Седьмой сессии Генеральной Ассамблеи, открывшейся 23 февраля 1953 г., представители США добились отклонения предложения польской делегации о включении в повестку дня вопроса о предотвращении угрозы новой мировой войны и укреплении мира и дружественного сотрудничества. Делегат США Лодж и его партнеры в Политическом комитете отвергли предложения советской делегации о приглашении на Генеральную Ассамблею представителей КНДР — избранников корейского народа. Представители стран американо-английского блока, стремясь продолжить преступную войну в Корее и распространить ее на другие районы Дальнего Востока, отказались принять предложения Советского Союза о немедленном и полном прекращении вооруженной агрессии против корейского народа. Более того, они пытались возложить ответственность за развязанную ими войну в Корее на КНДР и КНР.

Американская делегация, не имея уверенности, что ей удастся протащить подготовленный проект резолюции, открыто призывающий к расширению агрессии в Корее, решила

---

[1] «Нодон синмун», 2 июля 1953 г.

не вносить никаких предложений по этому чрезвычайно важному вопросу. Смысл этой провокационной тактики был прост. Соединенные Штаты, как сообщала американская пресса, намеревались выиграть время для активизации военных действий и таким образом осуществить свои цели в Корее в обход ООН. Вместе с этим для сохранения так называемой «комиссии ООН по объединению и восстановлению Кореи» делегация США совместно с шестью другими делегациями (Англией, Францией и др.) внесла демагогический проект резолюции об «оказании помощи» населению Кореи. Делегация Советского Союза разоблачила и этот трюк представителей США, внесла свой проект резолюции, требовавший ликвидации «комиссии ООН», как неспособной выполнить поставленные перед ней задачи.

Послушное США механическое большинство отклонило советские предложения и приняло американский проект. Однако представителям Соединенных Штатов не удалось пустить пыль в глаза международной общественности и изобразить американских империалистов сторонниками мирного урегулирования корейского вопроса. Советская делегация показала, что лицемерные декларации представителей США раскрывают всю фальшь позиции американских правящих кругов, которые на словах выступают за мир, а «на деле срывают принятие каких бы то ни было решений, направленных на достижение этой цели»[1].

В обстановке острой борьбы проходило обсуждение корейского вопроса на третьей части Седьмой сессии Генеральной Ассамблеи[2]. Главным вопросом этой борьбы был вопрос о со ставе участников конференции и принципах, на которых она должна была быть построена.

Советская делегация заявила, что политическая конференция может выполнить стоящие перед ней задачи лишь при условии участия в ней не только представителей двух воевавших в Корее сторон, но и представителей других стран, заинтересованных в мирном решении корейского вопроса (принцип конференции «круглого стола»). В связи с этим в предложенном советской делегацией проекте резолюции предусматривалось, чтобы Генеральная Ассамблея рекомендовала созвать политическую конференцию в составе США, Англии, Франции, СССР, КНР, Индии, Польши, Швеции, Бирмы, КНДР и Юж-

---

[1] А. А. Громыко. Выступление на Пленарном заседании Генеральной Ассамблеи по корейскому вопросу 11 марта 1953 г. «Правда», 13 марта 1953 г.

[2] Третья часть Седьмой сессии Генеральной Ассамблеи открылась 17 августа 1953 г., вскоре после заключения соглашения о перемирии в Корее.

ной Кореи. Таким образом, в состав политической конференции, по советскому проекту, кроме Северной и Южной Кореи, должны войти пять великих держав, которые в соответствии с Уставом ООН несут главную ответственность за поддержание мира и международной безопасности. В советском проекте предусматривалось также, что решения политической конференции будут приниматься при согласии сторон, подписавших соглашение о перемирии, без голосования. Принятие этих предложений, поддержанных правительствами Китайской Народной Республики и Корейской Народно-Демократической Республики, обеспечило бы плодотворную деятельность политической конференции и способствовало установлению мира на Дальнем Востоке.

Совершенно противоположную позицию заняли страны американо-английского блока, внесшие проект резолюции 15 стран. В этом проекте предлагалось организовать конференцию на основе представительства воюющих сторон. По американскому проекту, особые привилегии предоставлялись странам-агрессорам, принимавшим участие в истреблении корейского народа. Прикрываясь необоснованными ссылками на параграф 60-й соглашения о перемирии, США закрывали двери политической конференции перед такими странами, как Индия, которая внесла значительный вклад в борьбу за прекращение войны в Корее. В проекте 15-ти не предусматривалось участие в политической конференции Советского Союза — великой державы, последовательного борца за демократическое решение корейской проблемы. Глава советской делегации А. Я. Вышинский не только опроверг неправильные ссылки американского делегата Лоджа и его партнеров на параграф 60-й, якобы предусматривающий участие в политической конференции только представителей воюющих сторон, но и разоблачил истинные причины, побудившие американскую делегацию так произвольно истолковывать этот параграф.

Потерпев поражение в Паньмыньчжоне, агрессивные круги США пытаются использовать для осуществления своих далеко идущих планов Организацию Объединенных Наций. Даже представители Франции и Англии возражали против толкования американской делегации смысла 60-го параграфа соглашения о перемирии в Корее. Но американская делегация использовала все средства давления на своих партнеров и добилась принятия поддерживаемого ею проекта резолюции. В результате беспрецедентного нажима на делегатов американо-английского блока Индия не была приглашена принять участие в работе политической конференции. Однако Соединенным Штатам не удалось даже при помощи подчиненной

им машины голосования оттеснить от участия в конференции Советский Союз. Абсолютным большинством голосов Политический комитет одобрил резолюцию об участии СССР как нейтрального государства в политической конференции.

Отказ США и их партнеров допустить к участию в работе политической конференции ряд нейтральных стран, заинтересованных в мирном урегулировании корейского вопроса, вызвал недовольство широких общественных кругов многих стран. Мировая общественность осудила решения Седьмой сессии Генеральной Ассамблеи, принятые под нажимом Соединенных Штатов. Недовольство позицией так называемого большинства ООН усилилось в связи с тем, что Восьмая сессия Генеральной Ассамблеи (приступившая к работе 15 сентября 1953 г.) не приняла предложений правительств КНР и КНДР о характере работы и составе политической конференции, выраженных в телеграммах Чжоу Энь-лая и Ли Дон Гена генеральному секретарю ООН; эти предложения открывали путь к быстрому и справедливому решению корейского вопроса.

Под грубым нажимом Даллеса Восьмая сессия Генеральной Ассамблеи отказалась от уже принятого советского предложения о включении в повестку дня вопроса о приглашении представителей Китайской Народной Республики занять законное место Китая в Генеральной Ассамблее и других органах ООН. Советская делегация решительно осудила диктаторские методы Даллеса. Это осуждение получило поддержку и одобрение всех, кто ведет борьбу за то, чтобы представители великого китайского народа заняли свое место в ООН и тем самым способствовали превращению этой организации в мощное средство упрочения мира и безопасности народов.

Согласившись под давлением мирового общественного мнения на переговоры в Паньмыньчжоне относительно политической конференции, правящие круги США, однако, не проявили желания решить этот вопрос в соответствии с достигнутым соглашением. Представители Соединенных Штатов отклоняют все справедливые предложения корейско-китайской стороны о созыве политической конференции. В то же время они самым грубым образом нарушают соглашение о разъяснительной работе среди военнопленных. Из 90 дней, отведенных на эту работу, корейско-китайская сторона фактически проводила ее только 10 дней. Свыше 85 процентов корейских и китайских пленных по вине представителей США не присутствовало на разъяснительных беседах. Тайные агенты антинародных лисынмановской и чанкайшистской клик при прямом подстрекательстве и руководстве американской стороны терроризируют пленных, совершают зверские расправы с ними, срывая таким образом репатриацию военнопленных. 12 декабря 1953 г. пред-

ставители США односторонне прервали переговоры относительно политической конференции по Корее.

Защищая суверенитет и свободу корейского народа, Советский Союз разоблачает агрессивные происки американского империализма и тем самым наносит сокрушительные удары по планам поджигателей войны. Советское правительство и его представители в ООН на основе многочисленных документов доказали ответственность США за вооруженное нападение на КНДР, за зверские расправы с мирным населением и военнопленными, за применение бактериологического оружия. Осуществляя эту подлинно гуманную миссию, СССР боролся за прекращение войны в Корее и мирное решение корейского вопроса. В этой борьбе наша страна опиралась на единодушную поддержку лагеря социализма и демократии, всех сторонников мира.

Сейчас, после заключения перемирия, СССР оказывает корейскому народу братскую помощь в восстановлении разрушенного хозяйства Кореи. Чрезвычайно важное значение в укреплении советско-корейской дружбы имеют состоявшиеся 11—19 сентября 1953 г. в Москве переговоры между Советским правительством и правительственной делегацией КНДР во главе с председателем кабинета министров КНДР Ким Ир Сеном. В ходе переговоров были подвергнуты обсуждению интересующие обе стороны вопросы дальнейшего развития и укрепления дружественных отношений между Советским Союзом и Корейской Народно-Демократической Республикой, а также вопросы, связанные с мирным урегулированием в Корее. Стороны пришли к единодушному мнению, что достижение перемирия в Корее создало условия, облегчающие мирное урегулирование корейского вопроса на основе национального объединения Кореи и предоставления возможности корейскому народу самому решать вопросы государственного устройства Кореи. Правительство СССР и правительство КНДР выразили готовность с этой целью сотрудничать в этом вопросе со всеми заинтересованными государствами.

Особое внимание в ходе переговоров было уделено экономической помощи корейскому народу. Была достигнута договоренность, что 1 млрд. руб., выделенный безвозмездно правительством СССР для восстановления хозяйства КНДР, будет использован на восстановление крупнейших промышленных предприятий КНДР. Было подписано соглашение о поставке оборудования и оказании Советским Союзом технической помощи Корейской Народно-Демократической Республике в строительстве предприятий.

Экономическая помощь Советского государства Корейской Народно-Демократической Республике — это яркое проявление

братской солидарности советского народа с героическим корейским народом и большой вклад нашей великой страны в дело мира. С помощью СССР и других стран лагеря социализма и демократии корейский народ залечит раны, нанесенные ему американским империализмом. Страна Утренней Свежести поднимется из руин, возродит свою промышленность, сельское хозяйство и культуру. «В результате успешно происходивших переговоров в Москве между правительствами КНДР и Советского Союза,—заявил Ким Ир Сен,—корейский народ получит от Советского Союза оборудование и помощь в восстановлении и строительстве промышленных предприятий, составляющих жизненную основу нашей экономики, а также он получит помощь, которая будет играть важную роль в дальнейшем развитии сельского хозяйства и культуры в нашей стране»[1].

Дружественное отношение советского народа к корейскому выражено в речи Председателя Совета Министров СССР Г. М. Маленкова на обеде в Кремле 19 сентября 1953 г. Г. М. Маленков высоко оценил бессмертный подвиг корейского народа в освободительной войне. Славный корейский народ, заявил он, вписал новую замечательную страницу в историю освободительной борьбы. И эта страница учит, что нет в мире силы, которая смогла бы сломить народ, взявший судьбу страны в собственные руки.

Дружественные отношения между Советским Союзом и КНДР способствуют упрочению мира на Дальнем Востоке и во всем мире. Они основаны на нерушимых принципах пролетарского интернационализма. «Дружба между нашими народами построена на прочной основе взаимного уважения, суверенитета и независимости наших стран, на основе взаимной готовности служить делу укрепления мира и международной безопасности»[2]. Опираясь на эту дружбу, на братскую помощь Советского Союза, последовательного защитника суверенитета Кореи, свободолюбивый корейский народ осуществит свою священную задачу — построить единое независимое демократическое корейское государство.

---

[1] Речь Председателя Кабинета Министров Корейской Народно-Демократической Республики Ким Ир Сена на обеде в Кремле 19 сентября 1953 г. «Правда», 20 сентября 1953.

[2] Речь Председателя Совета Министров СССР Г. М. Маленкова на обеде в Кремле 19 сентября 1953 г. «Правда», 20 сентября 1953 г.

Г. Ф. КИМ

ВЕЛИКАЯ ОСВОБОДИТЕЛЬНАЯ ВОЙНА КОРЕЙСКОГО НАРОДА

25 июня 1950 г. лисынмановские банды, вторгшиеся в Северную Корею по прямой указке своих вашингтонских хозяев, начали преступную войну против миролюбивого корейского народа. «Нападение США на Корейскую Народно-Демократическую Республику ознаменовало переход американо-английского блока от подготовки агрессивной войны к прямым актам агрессии»[1].

Корейская авантюра — логическое развитие агрессивной политики США на Дальнем Востоке; в ней, как в фокусе, сконцентрировались все проявления этой политики разжигания новой мировой войны.

Война в Корее использована США в качестве предлога для открытой агрессии против Китайской Народной Республики. Существо американской авантюры в Корее, как начала широкой агрессии США на Дальнем Востоке, стало совершенно очевидным, когда президент Трумэн заявил 27 июня 1950 г., что американские вооруженные силы вторгаются в Корею и на китайский остров Тайван, увеличивается военная помощь французским колонизаторам, ведущим грязную войну против вьетнамского народа, и филиппинским марионеткам американских монополий — клике Кирино.

Лейтмотивом всей политики американского империализма является обеспечение максимальной прибыли. Ради этого монополисты США не останавливаются перед самыми гнусными злодеяниями, по сравнению с которыми бледнеют чудовищные зверства гитлеровских людоедов.

В условиях углубления общего кризиса мировой капитали-

---

[1] Г. Маленков. Отчётный доклад XIX съезду партии о работе Центрального Комитета ВКП(б). Госполитиздат, 1952, стр. 20.

стической системы в связи с распадом единого мирового рынка США пытаются преодолеть эти трудности при помощи «плана Маршалла», войны в Корее и милитаризации промышленности.

Г. М. Маленков в своем докладе на XIX съезде партии разоблачил политику бешеной гонки вооружений и раздувания военной истерии после развязывания империалистами США реакционной войны против корейского народа. «В настоящее время, — указывает Г. М. Маленков, — всё большая доля промышленной продукции этих стран (США, Англии и Франции. — *Г. К.*) используется для военного снаряжения» [1].

Разросшееся до огромных размеров военное производство США требует отдушину, в качестве которой и использовалась корейская авантюра.

Агрессивные круги США, планируя, а затем начиная войну в Корее, рассчитывали на молниеносный разгром вооруженных сил Корейской Народно-Демократической Республики. Однако американские агрессоры просчитались.

Корейский народ, освобожденный в 1945 г. доблестной Советской Армией, создал под руководством Трудовой партии и при братской, бескорыстной помощи Советского Союза в северной части КНДР мощную экономическую, политическую и военную базу единства и независимости страны.

Корейская Народно-Демократическая Республика располагала своими вооруженными силами в лице Народной армии, состоящей преимущественно из рабочих и крестьян. Основное ядро корейской Народной армии составляли лучшие сыны и дочери корейского народа, прошедшие долголетнюю и суровую школу военной выучки на полях Китая и Кореи в рядах славной партизанской армии, руководимой Ким Ир Сеном, в рядах Народно-освободительной армии Китая.

В ответ на предательское нападение наемных банд Ли Сын Мана весь корейский народ, как один, поднялся на отпор агрессорам. Началась Великая освободительная война корейского народа за честь, свободу и независимость своей родины.

Вождь корейского народа Ким Ир Сен в своем докладе на Третьем пленуме ЦК Трудовой партии Кореи подразделил ход военных действий в Корее на три основных этапа.

ПЕРВЫЙ ЭТАП ВЕЛИКОЙ ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ ВОЙНЫ КОРЕЙСКОГО НАРОДА

Первый этап войны в Корее охватывает и период гражданской войны (когда американские империалисты рассчитывали

[1] Г. Маленков. Отчётный доклад XIX съезду партии о работе Центрального Комитета ВКП(б), стр. 14, см. также стр. 15.

реализовать свои планы силами лисынмановской банды), и начальный период американской интервенции в Корее (когда США, видя явный провал своих марионеток, начали открытую войну против корейского народа). На первом этапе войны героическая Народная армия, громя агрессивные войска американского империализма и марионеточные войска Ли Сын Мана, отважно и победоносно продвигалась вперед.

Вторжение лисынмановской банды в Северную Корею поставило корейский народ перед необходимостью быстрой мобилизации сил народа для разгрома презренных наймитов Уолл-стрита.

Нужно при этом принять во внимание тот факт, что южнокорейские наймиты американского империализма — банда Ли Сын Мана — совершили внезапное нападение на Северную Корею, когда народ там был занят мирным созидательным трудом и, следовательно, не были отмобилизованы вооруженные силы КНДР.

26 июня 1950 г., учитывая всю сложность создавшегося положения в Корее в результате вражеского вторжения, Президиум Верховного народного собрания, по предложению ЦК Трудовой партии, образовал Военный комитет КНДР во главе с Ким Ир Сеном.

Вечером 26 июня 1950 г. по радио выступил Председатель Военного комитета Ким Ир Сен, который вскрыл преступные планы американских захватчиков и поставил перед корейским народом задачу срыва планов американских агрессоров, задачу разгрома лисынмановской банды.

«Война, — сказал Ким Ир Сен,— которую нас вынудили вести, является справедливой войной за объединение и независимость родины, за свободу и демократию»[1].

Вслед за выступлением марионеточной южнокорейской армии началась открытая интервенция США в Корее. Для маскировки своих грабительских действий американские империалисты использовали механическое большинство ООН. Совет Безопасности под нажимом США, в нарушение всяких норм международного права и самого Устава ООН, 27 июня, задним числом, т. е. фактически после вступления американских вооруженных сил в корейскую войну, проштемпелевал «решение», санкционирующее американскую агрессию против Кореи[2].

Корейский народ, сознавая грозную опасность, нависшую

---

[1] Ким Ир Сен. Великая освободительная война корейского народа за свободу и независимость. Пхеньян, 1951, стр. 12.

[2] Данное решение Совета Безопасности не могло иметь законной силы, ибо оно было принято без участия двух постоянных членов Совета: Советского Союза и Китая.

над ним, единодушно стал на защиту своей национальной независимости. В первые же дни войны изъявило желание вступить в Народную армию свыше 800 тыс. юношей и девушек Северной Кореи[1].

Молодая корейская Народная армия, движимая великой и благородной идеей защиты свободы и независимости родины, стойко отразила натиск лисынмановской вооружённой банды и сама перешла в решительное контрнаступление.

Население Южной Кореи, в течение пяти лет после разгрома японского империализма боровшееся против американских колонизаторов, с огромной радостью и ликованием встречало наступающую Народную армию, на боевых знаменах которой были начертаны дорогие для корейских патриотов слова: свобода, единство и независимость родины. Тысячи юношей Южной Кореи изъявили свое горячее желание вступить в Народную армию и с оружием в руках отстоять право жить свободными, чтобы не влачить жалкое существование колониального раба.

Корейская Народная армия, окруженная всенародной любовью и поддержкой, успешно вела наступательные операции, ломая яростное сопротивление американских и лисынмановских войск. Справедливый, освободительный характер войны порождал массовый героизм на фронте и в тылу. В первые месяцы войны прославились своими боевыми подвигами летчики Ким Ги Ок, Ли Мун Сун, моряки Ким Гун Ок, Ли Ван Гын, танкист Ким Ду Соп и многие другие.

Корейская Народная армия в июле — августе 1950 г., преодолевая на своем пути крупные оборонительные рубежи и водные преграды — Имчжинган, Ханган, Кымган, вышла к излучине р. Нактонган. Остатки разгромленных пяти американских дивизий и пяти дивизий лисынмановцев были зажаты в районе Пусана (плацдарм 100 × 80 км). На освобожденных территориях Южной Кореи народ с огромным политическим подъемом осуществлял демократические преобразования.

14 июля 1950 г. был опубликован указ Президиума Верховного народного собрания КНДР о проведении, на основе конституции республики, выборов в Южной Корее в местные органы народной власти — народные комитеты[2]. В выборах приняло участие почти все население освобожденных районов: число принявших участие в голосовании повсеместно составляло 97—98%[3].

---

[1] «Нодон синмун», 16 августа 1950.

[2] Были успешно проведены выборы в 9 провинциях, 108 уездах, 1186 волостях, 13 654 селах освобожденных районов Южной Кореи.

[3] См. Ким Ир Сен. Великая освободительная война корейского народа за свободу и независимость, стр. 84.

Правительство КНДР упразднило в Южной Корее насильственную и антинародную налоговую систему, установленную лисынмановскими властями, и вместо нее ввело справедливую налоговую систему, действующую в Северной Корее. 4 июля 1950 г. Президиум Верховного народного собрания издал указ о проведении земельной реформы в освобожденных районах Южной Кореи.

В общей сложности в результате земельной реформы в освобожденных районах было конфисковано около 520 тыс. тенбо пахотной земли. Земельные наделы получили 1163 тыс. крестьянских хозяйств[1].

Освобожденные крестьяне Южной Кореи выражали горячую благодарность родному правительству и Трудовой партии.

Быстрое и успешное проведение демократических преобразований в Южной Корее объясняется тем, что население Южной Кореи в течение пяти лет вело упорную борьбу за их осуществление, имея при этом близкий пример своих братьев, живущих на севере страны. Поэтому народные массы юга Кореи были подготовлены к проведению этих мероприятий самой логикой классовой борьбы.

В этот период, когда части Народной армии наносили агрессорам сокрушительные удары на Пусанском плацдарме, а на освобожденной земле развернулась кипучая созидательная работа, американские агрессоры, вымещая свои военные неудачи на мирном населении, прибегли к изуверскому методу ведения войны, позаимствованному у гитлеровских людоедов, цинично названному тактикой «выжженной земли». Располагая многократным превосходством в количестве военной техники, особенно в авиации и военно-морских силах, американские интервенты подвергали варварской бомбардировке и артиллерийскому обстрелу мирные корейские города и села, истребляя мирное корейское население. В настоящее время всему миру широко известны многочисленные чудовищные злодеяния, которые творили агрессоры на многострадальной корейской земле. Интервенты кичились тем, что им удалось уничтожить «дотла» мирные, беззащитные корейские города и села, истребить мирное население страны. Американский генерал О'Доннел, выступая 18 января 1951 г. в Токио, заявил: «Мы сбросили в Корее 43 тыс. тонн бомб, которые причинили максимальные разрушения»[2]. По неполным данным, только за

---

[1] Ким Ир Сен. Великая освободительная война корейского народа за свободу и независимость, стр. 101.

[2] «Мир», 1951, № 23, стр. 50. Для сравнения можно напомнить, что за весь 1942 г. на Германию была сброшена примерно такая же бомбовая нагрузка, а между тем территория Германии в три раза превосходит территорию Кореи.

два года войны американская авиация сбросила в Корее свыше 15 млн. напалмовых бомб. Ежедневно ею совершалось от 700 до 1000 самолетовылетов, а периодами до 2000. Из общего количества самолетовылетов лишь 15% вылетов были произведены для прикрытия своих наземных войск, а 85% — для уничтожения мирных городов и сел, для истребления мирного населения.

В результате варварских бомбардировок почти полностью разрушены Пхеньян, Хыннам, Хванхэ, Нампхо, Канге и многие другие города и населенные пункты Кореи. Был разрушен крупнейший металлургический завод в Хванхэдо, разрушены заводы сельскохозяйственных удобрений в Хыннаме и Нампхо, от работы которых зависело сельское хозяйство всей Кореи. В результате беспорядочной, массированной бомбардировки разрушены все крупные, средние и мелкие предприятия. Американские летчики охотились за корейскими детьми на дорогах Кореи, расстреливали из пулеметов крестьян, занятых полевыми работами. Над Кореей стояло зарево пожарищ от горевших городов и сел, подожженных напалмом.

Достаточно ознакомиться с сообщениями комиссии Единого демократического отечественного фронта по расследованию злодеяний агрессоров в Корее, чтобы представить кровавый лик заокеанских империалистов и степень чудовищности их злодеяний на корейской земле. Только в Пхеньяне, в период оккупации, по далеко не полным данным, интервенты убили и замучили свыше 20 тыс. мирных жителей, в Сеуле — 72 390, в Инчоне — свыше 10 тыс. и т. д.[1] В первые же месяцы войны американские интервенты разрушили свыше 610 тыс. предприятий и жилых домов[2], замучили и убили около 1 млн. мирных людей. Только в одной провинции Хванхэ они уничтожили свыше 100 тыс. мирных жителей. Они беспощадно разрушали и грабили культурные и исторические памятники, культурно-просветительные учреждения. Интервенты полностью разрушили такие классические сооружения, как дворец Тонменгван в г. Сунчхоне, перестроенный в 1770 г. для приема дипломатического корпуса, храм Бохенса, заложенный еще в период Корё, павильон Пубеклу в Пхеньяне, построенный в 1616 г., дворец Кёнбоккван и много других. Все эти прекрасные памятники созидательной деятельности многих поколений талантливого народа отличались великолепием отделки и простотой архитектурного решения. Корейский народ хранил их как

---

[1] См. Ким Ир Сен. Наша совместная справедливая борьба победит. «Нодон синмун», 25 октября 1952 г..

[2] См. сообщения № 3, 4. «Новая Корея», 1950, № 6; 1951, № 3.

самые дорогие реликвии. Американцы начисто разграбили все музеи страны.

Выражая гнев и возмущение всего корейского народа, председатель Комиссии по регистрации и хранению памятников материальной культуры Кореи заявил: «Никакой небоскреб Нью-Йорка не может заменить разрушенного классического сооружения нашей страны. Никакой художник в Америке не сможет воспроизвести произведения наших предков, уничтоженные или разгромленные американскими солдатами»[1].

В результате варварской бомбардировки и артиллерийского обстрела были разрушены такие центры культурной жизни, как Пхеньянский университет имени Ким Ир Сена — вуз-первенец Северной Кореи, любовно выстроенный трудящимися после освобождения страны, Пхеньянский политехнический институт, Вонсанский сельскохозяйственный институт, Медицинский институт, библиотека Пхеньянского университета с почти миллионным книжным фондом, Сеульская библиотека, театры и больницы.

Американские агрессоры не только уничтожали корейские города и села, но и стали в массовом масштабе истреблять мирное население страны.

Десятки тысяч стариков, женщин, детей как в Северной, так и в Южной Корее были расстреляны или погибли от огня напалмовых бомб и в результате орудийного и пулеметного обстрела.

Будучи авантюристической в военном отношении, пресловутая тактика «выжженной земли» преследовала цель — запугать корейский народ, заставить его сложить оружие перед иноземными поработителями. Мало этого: американские империалисты тактикой «выжженной земли» пытались запугать народы других стран, ведущих борьбу за национальное освобождение, как бы демонстрируя «мощь» своей военной техники.

Но эта варварская тактика, заимствованная американскими интервентами у гитлеровских захватчиков, не оправдала надежд агрессоров.

Останавливаясь на авантюризме американской тактики «выжженной земли», Ким Ир Сен в своем докладе на Третьем пленуме Центрального комитета Трудовой партии заявил: «Американские империалисты рассчитывали, что корейцы, которые 500 лет тому назад, при династии Ли, носили волосяные шляпы, ездили на осликах и, гордясь своим знатным происхождением, не имели никакой способности к сопротивлению, при первой угрозе применения атомных бомб и выступления американских самолетов, танков станут на колени. Однако

[1] «Новая Корея», 1951, № 3, стр. 61.

это было очередной глупостью американских империалистов»[1].

Действительно, в ответ на неслыханные зверства интервентов корейский народ, преисполненный чувства священной ненависти к агрессорам, еще теснее сплотился вокруг Трудовой партии — боевого авангарда борющегося корейского народа, с еще большей энергией и мужеством продолжал трудную борьбу с агрессорами.

ВТОРОЙ ЭТАП ВЕЛИКОЙ ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ ВОЙНЫ КОРЕЙСКОГО НАРОДА

Американские империалисты, несмотря на понесенные ими тяжкие поражения, упорно держали курс на расширение войны. Стремясь к дальнейшему расширению войны, они заставили послушное им большинство Совета Безопасности отвергнуть проект резолюции делегации Советского Союза о мирном урегулировании корейского конфликта (6 сентября 1950 г.)[2].

15—16 сентября 1950 г. американские интервенты, под прикрытием 500 самолетов и 300 военных кораблей, высадили в Инчоне (Чемульпо) десант в 50 тыс. чел. с танками и артиллерией, рассчитывая внезапным ударом захватить Сеул, разрезать Корею на две части и, отделив от Северной Кореи главные силы корейской Народной армии, действовавшие в юго-восточной части Кореи, уничтожить их.

К этому времени подразделения Народной армии в юго-восточной части Кореи форсировали р. Нактонган, и войскам американских интервентов, сосредоточенным на Пусанском плацдарме, грозила уже реальная опасность быть сброшенными в море. Однако коммуникации Народной армии были растянуты на 450—500 км от ее баз, подвергались постоянным бомбардировкам американской авиации, все мосты и дороги были разрушены, что чрезвычайно осложняло положение корейских войск. В то же время численность американских войск на Пусанском плацдарме все время возрастала. После высадки американского десанта в Инчоне, в тылу главных сил корейской Народной армии, возникла необходимость отвести их на север.

Бессмертные дела защитников о-ва Вольмидо (прикрывающего подступы к Инчону), которые в течение четырех дней до последнего вздоха сдерживали бешеный натиск вражеского десанта, 14-дневная героическая оборона Сеула, в которой, вместе с войсками, приняло участие все население города, сорвали

---

[1] Ким Ир Сен. Великая освободительная война корейского народа за свободу и независимость, стр. 122—123.

[2] «Правда», 7 сентября 1950 г.

американские планы окружения и ликвидации Народной армии.

В результате героических усилий всего корейского народа был сорван коварный замысел врага. Главному командованию корейской Народной армии удалось отвести основные силы армии, находившиеся на Пусанском плацдарме, к 38-й параллели. Но после высадки десанта в Инчоне создалось весьма тяжелое положение на фронте.

С этого времени в Корее начался второй этап войны, когда Народная армия «...проводила временное отступление вследствие того, что вооруженные американские интервенты, мобилизовав свои войска и войска Англии, Австралии, Турции, Канады и других стран, бросили на корейский фронт большие людские силы и технику и этим создали количественное превосходство над Народной армией»[1].

В это трудное время корейский народ проявил исключительный героизм и стойкость. По призыву Трудовой партии корейский народ отдавал все свои силы на защиту каждой пяди родной земли. В период отступления в тылу формировались новые воинские части, в ряды Народной армии вливались тысячи новых бойцов.

В войне корейского народа против озверелых банд американского империализма еще раз нашло свое яркое подтверждение указание И. В. Сталина о том, что успехи армии тесно связаны с крепостью и прочностью тыла. Правительство КНДР, Трудовая партия в тяжелых условиях стратегического отступления провели гигантскую работу по перебазированию основных промышленных предприятий в горные северные районы республики. На новых местах, преимущественно в пещерах, под землей, в течение короткого времени развертывали свою работу перебазированные предприятия.

Огромные трудности в работе промышленных предприятий были сопряжены еще и с тем обстоятельством, что подавляющее большинство квалифицированных рабочих ушло на фронт и их место заняли женщины и подростки, многие из которых впервые пришли в промышленность. Труженики тыла показывали образцы самоотверженного труда. Используя опыт советского народа в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг., молодые рабочие создавали ударные фронтовые бригады, число которых в первые месяцы войны составило около 3 тыс.[2] На

---

[1] Ким Ир Сен. Великая освободительная война корейского народа за свободу и независимость, стр. 118.

[2] См. «Чаюва тоннибыль вихан видэхан хэбан чончэнэсоы чосон чхонёндыль» («Корейская молодежь в освободительной войне за свободу и независимость»). Пхеньян, 1951, стр. 44.

военных заводах ушедших на фронт мужей и братьев заменили 31 360 женщин[1]. Например, свыше 1300 молодых рабочих Понгунского химического комбината к 30 июня 1950 г. выполнили двухлетний государственный план и ушли на фронт. Их место заняли женщины и подростки.

Став на трудовую фронтовую вахту, рабочие КНДР намного перевыполняли свои производственные задания. По существу, нельзя было провести рубеж между фронтом и тылом. Сегодняшний тыл мог завтра превратиться в фронт. Вот типичный пример. Рабочие Н-ского рудника, став на фронтовую вахту, увеличили производительность на 200% и к сентябрю 1950 г. выполнили годовой план на 103%. Когда фронт приблизился к этому пункту и создалось тяжелое положение, они вступили в отряд народного ополчения численностью до дивизии и ушли на фронт[2].

Под лозунгами «Всё для победы!», «Давать продукцию за двоих и за троих!» трудились героические работники тыла. На предприятиях Кореи появилось множество смелых новаторов, рационализаторов производства, многостаночников. На одном из машиностроительных заводов токарь Пак Чан Дин, введя смелый рационализаторский прием, добился повышения производительности труда в десять раз[3].

Подобных примеров можно привести бесчисленное количество. В результате самоотверженной работы тружеников тыла ведущие отрасли промышленности КНДР, несмотря на чрезвычайные трудности военного времени, в целом увеличили выпуск продукции по сравнению с довоенным периодом. Так, в ведущих отраслях черной металлургии производство возросло в третьем (военном) квартале по сравнению с первым кварталом 1950 г. до 109,2%, а в химической промышленности — до 126%[4]. По примеру рабочего класса Кореи крестьяне и интеллигенция также отдавали все свои силы борьбе с ненавистным врагом. Среди трудового крестьянства развернулось широкое патриотическое движение — помощь фронту продовольствием, одеждой, деньгами и т. п. Опираясь на всенародную поддержку трудящихся, правительство КНДР и Трудовая партия в период стратегического отступления развертывали подготовку резервов. Фронт и тыл, составлявшие единый боевой лагерь, стойко выполняли указания Трудовой партии и правительства.

---

[1] См. «Новая Корея», 1951, № 3, стр. 24.

[2] «Чаюва тоннибыль вихан видэхан хэбан чончэнэсоы чосон чхонёндыль», («Корейская молодежь в освободительной войне за свободу и независимость»), стр. 44.

[3] Там же, стр. 45.

[4] См. «Новая Корея», 1951, № 5, стр. 12.

Американским интервентам ценой огромных потерь удалось 23 октября 1950 г. занять Пхеньян и повести наступательные операции вдоль железных и шоссейных дорог дальше на север. В ряде пунктов они близко подошли к границам Китайской Народной Республики, угрожая основной промышленной базе КНР — Северо-Восточному Китаю. В такой обстановке в Китае развернулось мощное патриотическое движение за оказание помощи братскому корейскому народу и обеспечение безопасности границ КНР.

ТРЕТИЙ ЭТАП ВЕЛИКОЙ ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ ВОЙНЫ КОРЕЙСКОГО НАРОДА

Корея издавна рассматривалась иностранными захватчиками как мост, ведущий в Китай. Поэтому китайский народ прекрасно понимал значение, которое приобретает Корея в борьбе с иноземными захватчиками.

В годы хозяйничанья японских империалистов некоторая часть корейского населения переселилась в Северо-Восточный Китай. Многие корейские революционеры нашли свое убежище в Китае. Лучшие люди Китая и Кореи хорошо знали, что против хищного врага — японского империализма и его агентуры должны быть объединены усилия двух братских народов. И когда в Китае под влиянием Великой Октябрьской социалистической революции началась революция, то с первого же этапа в ней приняли участие корейские революционеры. В это время укрепилось революционное сотрудничество китайского и корейского народов.

Особенно тесные революционные связи между китайским и корейским народами установились начиная с 1931 г., когда японский империализм начал открытую вооруженную агрессию против Китая, когда перед китайскими коммунистами встала ответственная задача — организация вооруженной партизанской борьбы. В этой борьбе самое активное участие приняло корейское население, руководимое корейскими коммунистами.

В 1931—1945 гг. корейские патриоты плечом к плечу с китайцами сражались против японских оккупантов в партизанских отрядах на территории Северо-Восточного Китая. Корейцы играли видную роль во многих партизанских соединениях, сражавшихся на территории Китая против японских войск. Ким Ир Сен командовал 6-й дивизией антияпонской объединенной армии Северо-Восточного Китая. В 1936 г. он перенес военные действия против японских захватчиков на территорию родной Кореи. После гибели в 1939 г. командующего

1-й армией китайского коммуниста Ян Цзин-юя Ким Ир Сен принял на себя командование этой армией.

В 3-й партизанской армии Северо-Восточного Китая был политкомиссаром другой видный корейский патриот — Ким Чак [1]. Корейцы составляли ядро Восточно-Маньчжурского партизанского отряда, сражавшегося в провинции Гирин и выросшего впоследствии во 2-ю партизанскую армию.

В войне СССР с империалистической Японией части Ким Ир Сена, сражаясь плечом к плечу с китайскими народными армиями, помогали Советской Армии, громившей отборные дивизии японских милитаристов [2].

Память о подвигах корейских патриотов, сражавшихся с врагами Китая на китайской земле, навсегда осталась в сердцах трудящихся Китая. Боевая дружба китайского и корейского народов, спаянная кровью, стала неразрывной. Имена корейских патриотов — Ким Ир Сена и его соратников, имена рядовых бойцов, таких, как партизанка Ким Дон Сан, которая до 1945 г. пускала под откос японские поезда в Северо-Восточном Китае, а в новом, освобожденном Китае стала героиней труда,— равно дороги как корейскому, так и китайскому народу.

28 июня 1950 г. китайская газета «Женьминьжибао» в редакционной статье «Корейский народ борется против захватчиков» писала: «Главными политическими интриганами, ответственными за гражданскую войну (в Корее.— *Г. К.*), являются американские империалисты... Задача группы американских военных советников состояла в том, чтобы создать благоприятные условия для начала гражданской войны и нападения на корейский народ с тем, чтобы таким путем превратить Корею в военную базу и колонию американских империалистов». В Китайской Народной Республике развернулось движение протеста против американской агрессии на Тайване и в Корее. Представители всех слоев населения Китая — рабочих, крестьян, интеллигенции, национальной буржуазии,—выступая на митингах, призывали помочь освобождению Тайвана и поддержать борьбу корейского народа [3]. По мере расширения американской агрессии в Корее китайский народ со все большей тревогой следил за угрозой, нависавшей над северо-восточными рубежами Китая.

---

[1] Ким Чак после освобождения страны вернулся в Корею и стал одним из руководящих деятелей Трудовой партии и правительства КНДР. Когда началась война в Корее, член Политбюро ЦК Трудовой партии и зам. премьер-министра КНДР Ким Чак приказом верховного командующего КНА был назначен командующим фронтом, на посту которого пребывал до дня своей безвременной смерти 31 января 1951 года.

[2] См. Чжан Чжао. Китайские и корейские добровольцы —издавна товарищи по оружию. «Народный Китай», 1950, т. II, № 11, стр. 24.

[3] См. «Правда», 18 июля 1950 г.

Правительство Китайской Народной Республики неоднократно указывало, что «Корея является соседней с Китаем страной, и поэтому китайский народ не может не быть заинтересован в разрешении корейского вопроса. Корейский вопрос может и должен быть разрешен мирным путем»[1].

После нарушения американскими самолетами 27 августа 1950 г. китайской воздушной границы в районе р. Ялуцзян министр иностранных дел Китайской Народной Республики Чжоу Энь-лай заявил решительный протест против этих возмутительных нарушений суверенитета Китая. Новые агрессивные акты США против Китая вызвали бурный протест китайского народа. Все партии и организации Китая выступали за решительный отпор зарвавшимся американским захватчикам. В заявлении Демократической лиги Китая говорилось: «Эти агрессивные действия являются преступными актами, бросающими вызов 475-миллионному китайскому народу. Мы, китайцы, полны решимости до конца бороться за суверенитет нашей страны и мир во всем мире»[2].

Однако американские империалисты продолжали свою агрессивную политику по отношению к Китайской Народной Республике. С 27 августа по 24 сентября 1950 г. самолеты США, общим числом свыше одной тысячи, нарушали воздушные границы Китая более 200 раз. В адрес ООН поступали из Китая многочисленные письма и телеграммы с решительным предупреждением американским агрессорам. Общественные организации провинции Чахар в телеграмме от 4 сентября писали, что «протест Чжоу Энь-лая — это голос китайского народа», и требовали, чтобы Совет Безопасности заставил американских агрессоров прекратить варварские бомбардировки китайской территории. Совет профсоюзов провинции Цинхай и общественные организации города Синина писали: «Полностью поддерживаем протест Чжоу Энь-лая и просим остановить американские воздушные налеты на Китай и вывести их вооруженные силы с Тайвана. Предупреждаем американских агрессоров не играть с огнем»[3].

Когда 18 сентября 1950 г. американский представитель в Совете Безопасности предъявил народному правительству Китая абсурдное обвинение в том, что оно не препятствует корейцам, живущим в Северо-Восточном Китае, уезжать в Корею, чтобы принять участие в освободительной войне корейского народа,

---

[1] Телеграмма Чжоу Энь-лая председателю Совета Безопасности ООН Я. А. Малику и генеральному секретарю Трюгве Ли. «Правда», 22 августа 1950 г.

[2] «Правда», 31 августа 1950 г.

[3] «Правда», 14 сентября 1950 г.

китайское правительство дало на это достойный ответ: «Корейцы, проживающие здесь, возвратились на свою родину, чтобы защищать ее... это их естественное право и священный долг. Ни одна страна не посмеет сказать ни одного слова против этого... Более того, мы ясно заявляем, что мы всегда будем стоять на стороне корейского народа, так же, как корейский народ стоял на стороне китайского народа в течение прошлых десятилетий, и решительно осуждаем американскую империалистическую агрессию в Корее и американские интриги, направленные на расширение войны»[1]. 1 октября 1950 г. была опубликована статья Чжоу Энь-лая, в которой он писал: «Китайский народ горячо любит мир, но ради защиты мира он никогда не боялся и никогда не побоится дать отпор агрессору. Китайский народ отнюдь не потерпит иностранной агрессии и не может относиться безразлично к судьбе своих соседей, подвергшихся агрессии со стороны империалистов»[2].

В момент, когда крупные силы американских и лисынмановских войск пересекали 38-ю параллель, министерство иностранных дел Китайской Народной Республики прямо указало на стремление агрессоров перебросить пламя войны к границам Китая. «Китайский народ,— сказано в этом заявлении,— не может остаться равнодушным...»[3]

К концу октября 1950 г. американские войска, наступавшие в северо-западном направлении, приблизились к р. Ялуцзян, отделяющей Корею от Китая. В ноябре американские и лисынмановские части, наступавшие на северо-восток, достигли порта Чхончжин (Сейсин) и заняли город Хесанчжин, на китайской границе. Наступление войск агрессоров велось веерообразно, по расходящимся направлениям. Американский империализм протягивал свои щупальцы к границам КНР.

Китайский народ, охваченный стремлением положить предел американской агрессии, устранить опасность, нависшую над Северо-Восточным Китаем, и помочь корейскому народу в его справедливой борьбе, поднялся против американо-английских интервентов. Огромное число китайских граждан стало записываться в ряды народных добровольцев. 25 октября 1950 г. первые отряды китайских народных добровольцев перешли р. Ялуцзян (Амноккан) и присоединились к корейской Народной армии.

---

[1] Заявление представителя МИД Центрального Народного Правительства Китая. «Правда», 25 сентября 1950 г.

[2] Чжоу Энь-лай. За укрепление и развитие успеха китайского народа. «Правда», 1 октября 1950 г.

[3] «Правда», 12 октября 1950 г.

4 ноября 1950 г. демократические партии Китая опубликовали совместное заявление. В нем говорилось: «Агрессивные действия империалистов, возглавляемых США, представляют серьезную угрозу безопасности Китая... 25-го июня этого года американские империалисты начали агрессивную войну в Корее. Они замышляют не только уничтожение Корейской Народно-Демократической Республики, они хотят аннексировать Корею, вторгнуться в Китай, установить свое господство над Азией и завоевать весь мир.

...Всем известно, что хотя Корея и малая страна, однако она занимает очень важное стратегическое положение. Главной целью американской агрессии в Корее, как и агрессии японских империалистов в прошлом, является не Корея, а Китай. История показывает, что судьбы Корейской Народно-Демократической Республики и Китая тесно связаны между собой. Одно государство не может защищать себя без помощи другого.

Китайский народ не только в силу своего морального долга должен помочь корейскому народу в его борьбе против Америки. Оказание помощи Корее отвечает также интересам всего китайского народа и вызывается необходимостью самообороны. Спасти своего соседа — значит спасти себя. Чтобы защитить нашу родину, мы должны помочь корейскому народу.

Весь китайский народ горит желанием оказать сопротивление американской агрессии, помочь Корее и защитить свои дома и свою родину. Это благоразумное, справедливое требование...

Все демократические партии Китая заявляют, что они будут поддерживать всеми своими силами справедливое требование народа всей страны и поддержат весь китайский народ, который добровольно взял на себя священную задачу оказать сопротивление Америке, помочь Корее защитить свои дома, защитить свою страну»[1].

Заявление было подписано представителями Коммунистической партии Китая, Революционного комитета гоминдана Китая, Демократической лиги Китая, Демократической ассоциации национальной реконструкции, беспартийными членами Народного политического консультативного совета Китая, представителями Ассоциации содействия развитию демократии, Рабоче-Крестьянской демократической партии Китая, партии «Стремление к справедливости» (Чжигун), «Общества Третьего сентября»[2], Тайванской лиги демократического самоуправления,

[1] «Правда», 5 ноября 1950 г.

[2] Партия «Стремление к справедливости» состоит в основном из китайцев, живущих за границей; «Общество Третьего сентября» объединяет часть демократической китайской интеллигенции.

Новодемократического союза молодежи Китая. Таким образом, в интересах защиты национальной безопасности Китая и в силу выполнения своего морального долга китайский народ должен был и действительно протянул руку братской помощи борющемуся корейскому народу. Со времени участия китайских народных добровольцев в войне против американской агрессии начинается третий эпап Великой освободительной войны корейского народа[1].

* * *

Третий этап освободительной войны корейского народа против американских агрессоров, начавшийся в октябре 1950 г., ознаменовал коренной перелом в ходе военных действий в Корее.

Корейский народ и китайские народные добровольцы показали себя непобедимой силой. За время с 25 октября 1950 г. по 25 июня 1951 г. американское командование в Корее предприняло три больших наступления против корейской Народной армии, каждое из которых было задумано как «решительное». Все три наступления позорно провалились, натолкнувшись на контрудары частей корейской Народной армии и китайских добровольцев.

Поворотным пунктом в освободительной войне корейского народа стали бои в районе Анчжу в конце октября — начале ноября 1950 г. В результате этих боев американские и лисынмановские войска были отброшены на юг от р. Чхончхонган.

В этот период американское командование особенно наглядно продемонстрировало свой авантюризм, свою неспособность трезво оценить обстановку. В то время как под Анчжу интервенты были отброшены на юг, в северо-восточной части Кореи наступление американских войск продолжалось. Это способствовало появлению у американского командования обманчивой иллюзии, что бои в районе Анчжу имеют чисто местное значение и что в целом положение на фронте складывается в пользу американцев. 24 ноября генерал Макартур, пренебрегая уроками боев у Анчжу, двинул свои части в «решительное» наступление. В беседе с тогдашним командующим американской 8-й армией генералом Уокером Макартур заявил, что для очистки пограничных районов достаточно будет одной южнокорейской дивизии и что он надеется вывести из Кореи к рождеству большую часть американских войск. Конечно, этим заявлением Макартур рассчитывал подстегнуть американские войска, соблаз

[1] См. Ким Ир Сен. Великая освободительная война корейского народа за свободу и независимость, стр. 118.

нив их надеждой на близкую победу. Ни Макартур, ни американское правительство не думали, разумеется, возвращать из Кореи хотя бы часть своих войск в момент, когда дорога в Китай, казалось, была открыта перед ними.

25 ноября корейская Народная армия и китайские народные добровольцы перешли в контрнаступление против зарвавшихся американских вояк. Основной удар был нанесен с плацдарма, остававшегося в руках Народной армии после боев в районе Анчжу. Вместо «возвращения домой к рождеству» американские солдаты должны были панически бежать на юг, спасаясь от окружения. С 25 ноября по 1 декабря интервенты потеряли 23 700 солдат и офицеров (убитыми, ранеными и пленными), а за декабрь — около 50 тыс. солдат и офицеров. 6 декабря был освобожден Пхеньян, а затем и вся Северная Корея.

Освобождение многочисленных сел и городов Кореи раскрыло потрясающую картину зверств американских оккупантов и их пособников во временно захваченных ими районах. Американцы загоняли корейское население в лагери смерти, где сотни тысяч людей обрекались на мучительную смерть от голода. Отступая, интервенты насильно угоняли на юг население оставляемых ими районов. Уходя из Северной Кореи, американские военные преступники заражали местное население оспой, надеясь, что эпидемия перекинется на наступающие корейские войска. После ухода американцев в одном районе Северной Кореи было отмечено 3500 заболеваний оспой, из них 10% со смертельным исходом, хотя никогда раньше в этом районе заболеваний оспой не бывало[1].

Таким образом, в течение короткого времени корейская Народная армия, перегруппировав свои силы, совместно с частями китайских народных добровольцев развернула крупное контрнаступление, в ходе которого оказались разгромленными наиболее боеспособные войска интервентов и очищена вся территория Северной Кореи. С этого времени корейская Народная армия и китайские народные добровольцы стали вести активные боевые операции в районе 38-й параллели.

В разгар боевых успехов корейской Народной армии, в конце ноября 1950 г., представитель Китайской Народной Республики У Сю-цюань, присутствуя на заседании Совета Безопасности, внес предложение о мирном урегулировании корейского вопроса, о выводе из Кореи всех иностранных войск. Китайское правительство разъяснило: «Если принцип о том, что иностранные войска должны быть выведены из Кореи, будет принят и начнет проводиться в жизнь, Центральное Народное правительство Китайской Народной Республики возьмет на

[1] См. «Правда», 10 мая 1951 г.

себя ответственность посоветовать китайским добровольцам вернуться в Китай»[1].

Но американские интервенты и не думали о мире. Американские монополии, бешено наживавшиеся на войне в Корее, стремились к продолжению политики военных авантюр. 1 февраля 1951 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла сочиненную американской делегацией резолюцию, лживо обвинявшую Китай в «агрессии».

И. В. Сталин, оценив это решение ООН как позорное, указывал: «Действительно, нужно потерять последние остатки совести, чтобы утверждать, что Соединённые Штаты Америки, захватившие китайскую территорию, остров Тайван, и вторгшиеся в Корею к границам Китая,— являются обороняющейся стороной, а Китайская Народная Республика, защищающая свои границы и старающаяся вернуть себе захваченный американцами остров Тайван,— является агрессором»[2].

В феврале и марте 1951 г. американские интервенты, собрав новые людские пополнения и военную технику, пытались развернуть крупное наступление на север. Однако широко разрекламированное наступление агрессоров к середине апреля позорно провалилось. Армия интервентов, потеряв свыше 78 тыс. солдат и офицеров, в том числе более 47 тыс. американцев, не только не смогла достигнуть территории Китая, но и вообще продвинуться сколько-нибудь значительно[3].

11 апреля 1951 г. президент США Трумэн, пытаясь снять с себя ответственность за крупное военное и морально-политическое поражение американского империализма в Корее, поспешно объявил о смещении с поста главнокомандующего обанкротившегося генерала Макартура. Однако это не изменило положения дел на корейском фронте.

18 мая 1951 г. американские империалисты провели через Генеральную Ассамблею ООН новое позорное решение, налагавшее эмбарго на торговлю с Китаем и Кореей. 23 мая Риджуэй и новый командующий 8-й армией генерал Ван Флит двинули американские войска в новое большое наступление. Снова имелось в виду не только захватить всю Корею, но и перебросить пламя войны в Китай: на это прямо указывало заявление Ван Флита о том, что наступление 8-й армии на север «не ограничено», что «нет предела, до которого она дойдет». И на этот раз, как и в предыдущие, «неограниченное» наступление интервентов позорно провалилось.

---

[1] «Правда», 25 января 1951 г.

[2] И. В. Сталин. Беседа с корреспондентом «Правды». Госполитиздат, 1952, стр. 10.

[3] См. «Новое время», 1951, № 26, стр. 15.

Год военных действий показал, что американские интервенты не в состоянии одержать победу над войсками корейского народа и китайскими народными добровольцами, несмотря на то, что американские вооруженные силы в Корее достигли громадной цифры в 400 тыс. солдат и офицеров. Потери только американских войск в Корее за девять месяцев составили 150 тыс. человек[1].

В этих условиях Советский Союз сделал еще один шаг к восстановлению мира на Дальнем Востоке. 23 июня 1951 г. советский представитель в ООН Я. А. Малик выступил с речью по радио, в которой предложил начать переговоры о перемирии, со взаимным отводом войск от 38-й параллели.

Американская сторона вынуждена была принять это предложение. 10 июля в г. Кэсоне, в районе 38-й параллели, начались переговоры между представителями командования «войск ООН» в Корее и представителями корейской Народной армии и китайских народных добровольцев.

Американские империалисты вынуждены были пойти на переговоры прежде всего потому, что они потерпели в Корее тяжелое военное и морально-политическое поражение. Американская агрессия в Корее вызвала огромную волну протеста свободолюбивых народов мира. Разбойничьи действия американского империализма в Корее еще раз подтверждают слова В. И. Ленина, указывавшего еще в 1918 г., что «...англичане и американцы выступают в качестве палачей и жандармов русской свободы...» и свободы других народов, что «...они душат народы»[2]. Пример героической борьбы корейского народа показал народам мира, в особенности угнетенным народам Востока, что при условии объединения и сплочения всех патриотических, демократических сил страны под руководством рабочего класса и его партии, при поддержке всего могучего лагеря мира, демократии и социализма можно сорвать любые провокации империалистов, что хваленая «мощная» военная техника империалистов бессильна перед сплоченным фронтом антиимпериалистических сил. В этом и состоит международное значение борьбы корейского народа за свою свободу и независимость, и в этом смысле корейский народ стал знаменем освободительного движения угнетенных народов[3].

Тяжелые для США последствия корейской авантюры вынуждены признать даже руководящие деятели империалистического лагеря. Еще в ноябре 1951 г. в американском журнале «Ньюс уик» была опубликована статья бывшего командующего

---

[1] См. «Новое время», 1951, № 26, стр. 16.

[2] В. И. Ленин. Соч., т. 28, стр. 188.

[3] См. Н. А. Булганин. Доклад о 33-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции, Госполитиздат, стр. 25.

8-й армией США в Японии генерала Эйкельбекера. Он заявил: «У США нет сил, нужных для того, чтобы победить в Корее». Всеобщее недовольство, особенно среди народов Азии, политикой США вынужден был признать член Верховного суда США Дуглас: «В Азии наш престиж упал до самого низкого уровня за все наше существование. В настоящее время нас отождествляют в Азии не с идеями свободы, а с пушками»[1].

В результате поражений американских агрессоров на корейском фронте нарастали противоречия в самом империалистическом лагере.

Несмотря на постоянное давление США, страны-сателлиты упорно отказывались посылать новые пополнения войск на корейский фронт. Газета «Старс энд страйпс», орган штаба американских оккупационных войск в Японии, 23 января 1952 г. с раздражением отмечала, что за последние шесть месяцев, т. е. с момента начала переговоров в Кэсоне, «ни одна из 17 стран, имеющих воинские части в Корее, не изъявила желания послать дополнительные воинские части на корейский фронт, несмотря на неоднократные призывы Соединенных Штатов Америки, которые выражались публично и в частных переговорах»[2].

Американские интервенты, потерпевшие позорное военное и морально-политическое поражение в Корее и под давлением мирового и американского общественного мнения согласившиеся начать переговоры о перемирии, всяческими провокациями в течение двух лет оттягивали заключение перемирия.

Мало того, американские интервенты, прикрываясь разговорами о перемирии, только в 1951 г. дважды попытались развернуть массированное наступление на север. 18 августа 1951 г. войска агрессоров, при поддержке военно-морских судов и самолетов, начали большое летнее наступление, в котором участвовало более 150 тыс. солдат и офицеров. Тщательно подготовленные операции интервентов были сорваны контрударами Народной армии и частей китайских народных добровольцев. Потеряв большое число солдат и офицеров и военной техники, войска интервентов вынуждены были откатиться на исходные рубежи. В конце сентября и в октябре 1951 г. американское командование вновь безуспешно погнало свои войска в «наступление». «Большое осеннее наступление», так же как и «летнее», потерпело позорный провал, с той лишь разницей, что интервенты понесли более тяжелые потери. В период этих наступлений американцы прервали переговоры, надеясь добиться реализации своих агрессивных планов военной силой. Только сокрушительные

---

[1] «Правда», 7 марта 1952 г.
[2] «Красная звезда», 30 января 1952 г.

удары корейской Народной армии и китайских народных добровольцев заставили американское командование в октябре 1951 г. возобновить переговоры в Паньмыньчжоне (деревня поблизости от Кэсона).

В ходе переговоров в Паньмыньчжоне американские агрессоры продолжали свою прежнюю тактику провокаций, срыва переговоров. Интервенты попрежнему стремились к осуществлению крупных наступательных операций, которые, однако, не приносили им желаемых результатов.

«Для положения на фронте за прошедший (1952 г.— *Г. К.*) год характерны, — указывал Ким Ир Сен,— как и сегодня, оборонительные бои в районе 38-й параллели. Наша доблестная Народная армия и китайские народные добровольцы, укрепляя активными оборонительными боями свои позиции, успешно отбивают местные атаки врага и наносят ему чувствительные потери в живой силе и технике. В ходе этих боёв Народная армия и китайские народные добровольцы добились больших успехов в совершенствовании своих боевых качеств, в овладении техникой»[1]. За два года войны врагу было нанесено тяжелое военно-политическое поражение. По данным Генерального штаба корейской Народной армии, интервенты за два года войны в Корее (с 25 июня 1950 г. по 25 июня 1952 г.) потеряли убитыми, ранеными и пленными 924 046 солдат и офицеров; захвачено и уничтожено огромное количество военной техники врага: винтовок, автоматов и пулеметов — 159 059; орудий разного калибра — 7355; танков и бронемашин — 2709; автомашин — 9886; уничтожено и повреждено кораблей различного класса — 334; уничтожено и повреждено самолетов —7652, а также вооружения других видов[2].

К концу войны в Корее потери интервентов намного превысили приведенные цифры. Эти факты красноречиво свидетельствовали о растущей боеспособности народных войск, с одной стороны, и, с другой — об обреченности агрессивных планов американских империалистических кругов на Дальнем Востоке.

Зарвавшиеся агрессоры, начиная с 28 января 1952 г., прибегли к новому чудовищному средству ведения войны — к массовому применению бактериологического оружия. В августе 1952 г. 5-е воздушное соединение США объявило о своем

[1] Ким Ир Сен. Организационное и идеологическое укрепление Трудовой партии Кореи — залог нашей победы. «Коммунист», 1953, № 3, стр. 92.

[2] «Инмин», 1952, № 9, стр. 14. По сообщениям Главного Командования Корейской Народной армии войска интервентов за три года войны в Корее потеряли убитыми, ранеными и пленными 1 млн. 90 тыс. солдат и офицеров и 12 200 самолетов, сбитых, поврежденных или захваченных Народной армией и китайскими добровольцами.

намерении уничтожить 78 мирных корейских городов. Агрессоры с тупой методичностью осуществляли этот преступный план. Однако им не удалось сломить волю корейского народа. Все эти преступления лишь усилили чувство ненависти всех миролюбивых народов к американским агрессорам.

Героический народ Кореи, опираясь на помощь лагеря мира, демократии и социализма, в ходе трехлетней ожесточенной войны сумел отстоять свою свободу и национальную независимость.

* * *

Ким Ир Сен, характеризуя международное положение КНДР на третьем году войны, указывал:

«Во-первых, лагерь мира, демократии и социализма, возглавляемый Советским Союзом, продолжает крепнуть, а его мощь всё более усиливается. В противоположность этому в империалистическом лагере растут внутренние противоречия, продолжает углубляться общий кризис капитализма. Эти два обстоятельства укрепляют веру корейского народа в его окончательную победу...

Во-вторых, в противовес попыткам американских дипломатов изолировать Корейскую Народно-Демократическую Республику свободолюбивые народы всего мира проявляют любовь к нашему корейскому народу и всё шире оказывают нам моральную и материальную поддержку...

В-третьих, национально-освободительная борьба нашего народа стала одним из главных участков ожесточённой борьбы всех народов против американской агрессии. Вот почему окончательная победа корейского народа в этой борьбе будет зависеть не только от его сил, но и от объединённых усилий всего прогрессивного человечества, и прежде всего стран лагеря мира и демократии» [1].

Основными предпосылками победоносного исхода освободительной войны корейского народа были:

1) высокие моральные качества воинов Народной армии, зиждущиеся на глубокой убежденности в своей правоте. Освободительный и справедливый характер войны порождает массовый героизм на фронте;

2) прочность тыла, которая обусловлена прочностью и жизненностью органов народной власти — народных комитетов;

3) непрерывное улучшение боевых качеств Народной армии, повышение искусства вождения войск у командного состава;

4) корейский народ в этой справедливой войне был не одинок, на его стороне все прогрессивное человечество, весь лагерь мира,

---

[1] Ким Ир Сен. Организационное и идеологическое укрепление Трудовой партии Кореи..., стр. 91—92.

демократии и социализма во главе с Советским Союзом, чья морально-политическая поддержка являлась большим подспорьем для борющегося корейского народа.

Мужественный подвиг корейского народа в войне против американских агрессоров войдет ярчайшей страницей в летопись великой битвы народов за мир. Движимый священной идеей борьбы за свободу и независимость своей родины, корейский народ проявил в освободительной войне непреклонное мужество и героизм.

В освободительной войне корейские патриоты нередко повторяли подвиги героев Великой Отечественной войны советского народа против немецких фашистов. В Корее есть свои Матросовы и Зои. Бессмертный подвиг Александра Матросова повторил командир взвода корейской Народной армии Ким Чхан Гволь. 25 декабря 1950 г. во время штурма высоты у местечка Синчен он своим телом закрыл амбразуру вражеской огневой точки и тем самым обеспечил успех наступающему подразделению Народной армии[1].

В тот же день славный подвиг Ким Чхан Гволя повторил Ким Ок Гын — командир отделения того взвода, которым командовал Ким Чхан Гволь.

При штурме высоты 602,6 три пулеметные точки врага не давали отделению возможности продвигаться. К ним подполз Ким Ок Гын. Меткими бросками гранат были уничтожены два пулемета противника, однако осталась невредимой третья пулеметная точка противника. Гранат у Ким Ок Гына больше не оказалось, и герой бросился к пулемету и своим телом закрыл амбразуру дзота. Героическому примеру Ким Чхан Гволя и Ким Ок Гына последовали воины Народной армии Пак Сек Бон, Хван Сун Бок и другие герои, имена которых покрыты неувядаемой славой.

Из памяти мужественного корейского народа не сотрутся имена скромных тружеников войны, водителей автомашины Те Дя Пхун и Ким Су Гын.

На одном участке дороги в уезде Анбен, во время перевозки военных грузов на фронт, американская авиация сбросила большое количество бомб замедленного действия. Для проезда нужно было очистить дорогу от американских бомб. Два водителя, два героя—Те Дя Пхун и Ким Су Гын—без лишних слов бросились к бомбам и стали относить их далеко в сторону. Опасность была велика: ведь никто не знал, на какой срок заведены механизмы этих бомб. Семнадцатая бомба взорвалась в руках 22-летнего Те Дя Пхуна, и юный герой погиб на боевом посту. Смерть

[1] «Чаюва тоннибыль вихан видэхан хэбан чончэнэсоы чосон чхонёндыль», («Корейская молодежь в освободительной войне за свободу и независимость»), стр. 176.

друга лишь ожесточила Ким Су Гына, который с величайшим самообладанием продолжал это смертельно опасное дело, пока дорога не была очищена[1].

Горячая любовь к родине и смертельная ненависть к интервентам воодушевляли девушек-подростков Ли Ин Суль и Ли Ген Дя, когда они в сентябре 1950 г. под Сеулом бросились под американские танки с противотанковыми гранатами[2].

Имя славной патриотки Чо Ок Хи широко известно по всей Корее. Бывший председатель уездного комитета Демократического союза женщин Кореи, Чо Ок Хи с первых дней войны с оружием в руках пошла отстаивать свободу и независимость родины. Своим бесстрашием, преданностью родине Чо Ок Хи заслужила всеобщее уважение среди партизан своего отряда. В конце ноября 1950 г. во время одной из очередных операций партизан раненая Чо Ок Хи попала в руки врагов. Ни пытки, ни страшные истязания не сломили волю патриотки. Ее последними словами перед казнью были: «Наша героическая Народная армия за всё рассчитается с врагом. Да здравствует Трудовая партия!»

Героические подвиги девятнадцатилетнего воина Народной армии Ким Ги У хорошо известны всему миру. С мыслью отстоять свободу и независимость родины он вступал в единоборство с десятками американских самолетов и выходил победителем. В течение одного месяца одиннадцать самолетов врага, сеявших смерть и разрушение на мирной корейской земле, нашли бесславный конец от меткого пулеметного огня воина-героя. Ким Ги У своей беспримерной отвагой и мужеством одним из первых заслужил высокое звание дважды героя Корейской Народно-Демократической Республики.

Юные патриоты Кореи, следуя примеру отцов, матерей, старших братьев и сестер, проявляют образцы несгибаемого мужества. В период временной оккупации в провинции Пхёнан-пукто вели активную подпольную работу отряды подростков. Воспитанники детского дома в городе Сенчене, дети шахтерского поселка в городе Анчжу создали молодежные организации, которые разрушали коммуникации врага, уничтожали склады боеприпасов, распространяли агитационные листовки Политуправления Народной армии.

Подобных примеров не перечесть. Все эти факты свидетельствуют о массовом героизме, проявленном в годы войны корейским народом, о всенародном пафосе борьбы. Молодая корейская Народная армия в ходе освободительной войны становилась все более сильной и боеспособной.

---

[1] См. «Новая Корея», 1951, № 11, стр. 51.

[2] См. там же, № 1—2, стр. 33.

В корейской Народной армии выросли замечательные воинские подразделения, вписавшие яркие страницы в историю мужественной борьбы с агрессорами.

Появились славные гвардейские соединения. Среди них — соединение Героя Корейской Народно-Демократической Республики генерала Ли Гвон Му. Стрелки — охотники за вражескими самолетами этого соединения в течение двух месяцев сбили 191 самолет противника. По всей Корее гремит слава 19-го гвардейского зенитного полка, первенца зенитных частей Народной армии, только за два месяца освободительной войны сбившего 148 самолетов врага.

Надежно охранял воздушные просторы родины 23-й гвардейский зенитный полк. Молодые зенитчики этого полка — Ли Ден Су, Лим Дон Ук, Лим Чи Су, Ю Ен Сук и многие другие — имеют на своем боевом счету десятки сбитых вражеских самолетов.

5 февраля 1952 г. 23-му зенитному полку, сбившему за время войны 96 вражеских самолетов, было присвоено высокое звание гвардейского[1].

Насколько повысилось боевое мастерство воинов этого подразделения, можно судить по тому, как резко возросло число сбитых самолетов противника. За короткое время, с февраля 1952 г. по 30 апреля 1952 г., зенитчики сбили еще 144 самолета, доведя, таким образом, общий счет сбитых полком самолетов противника до 240[2].

Замечательным почином воинов корейской Народной армии в Великой освободительной войне является движение стрелков — охотников за вражескими самолетами. Сейчас в каждом соединении Народной армии существуют отряды стрелков-охотников. Стрелки-охотники подразделения, которым командует Мун Чан Нам, в июне 1952 г. только за два дня сбили 10 американских самолетов.

В результате большой работы, проделанной Главным Командованием Народной армии, резко улучшились техническая оснащенность армии и боевое мастерство военно-технических подразделений. Это можно наблюдать на примере авиации корейской Народной армии. В корейской прессе были освещены героические дела молодых соколов Кореи. В ночь на 12 и 13 октября 1952 г. соединение ночных бомбардировщиков под командованием Ке Мун Чана полностью уничтожило крупную воздушную базу интервентов на о-ве Чжодо. О высоком военном мастерстве и изумительном мужестве летчиков корейской Народной армии свидетельствовали воздушные бои, разыгравшиеся

---

[1] «Минчжу чосон», 11 мая 1952 г.
[2] Там же.

в октябре 1952 г. в районе Енхына и Хамхына. Звено корейских истребителей под командованием Ким Ман Ду вступило в смелую схватку с 16 американскими самолетами, сбило три самолета врага и без потерь вернулось на свою базу. 8 октября другое звено корейских истребителей в 10-минутном воздушном бою над Хамхыном сбило пять и повредило два вражеских самолета; все четыре самолета звена вернулись на базу.

Мужественную борьбу с вражескими морскими силами вели воины береговой обороны. Американские интервенты, используя свое многократное превосходство в военно-морских силах, подвергали ожесточенному артиллерийскому обстрелу береговые пункты Кореи и зачастую пытались совершать десантные операции у берегов Кореи. Для иллюстрации можно привести славные дела защитников острова Н., которыми командовал Ким Сын Пхар. Этот остров на восточном побережье прикрывает подступы к важным стратегическим пунктам. Более года враг пытался высадить в этом районе крупные силы. В этих операциях участвовали не только средние военные корабли, но и корабли тяжелого класса — линкоры типа «Миссури», авианосцы и т. п. Ежедневно корабли выпускали по острову тысячи тяжелых снарядов. Однако героические защитники острова стойко обороняли свои рубежи. За период с июля 1951 г. по март 1952 г. береговой артиллерией соединения Ким Сын Пхара потоплено 8 эсминцев, 1 тральщик, 1 транспортное судно и нанесено повреждение 11 эсминцам и 1 транспортному судну.

Стрелки—охотники за вражескими самолетами этого подразделения выдерживали тяжелые поединки с авиацией противника. Герой КНДР Ю Ген Гир сбил 8 самолетов врага, а на боевом счету Ли Пхиль Дина 7 сбитых самолетов.

За пять месяцев 1952 г. соединение береговой обороны на западном побережье под командованием Ким Пэк Мана уничтожило и повредило 92 вражеских корабля, в том числе 1 крейсер и 8 эсминцев, сбило 30 американских самолетов. За это же время уничтожено 4475 солдат и офицеров противника и освобождены десятки островов, прилегающих к системе береговой обороны[1].

Примером роста боевого мастерства воинов Народной армии и повышения ее боевого качества может служить прославленная гвардейская армия, которой командует дважды Герой КНДР генерал-лейтенант Пан Хо Сан.

К годовщине войны в Корее это соединение уничтожило до 90 тыс. солдат и офицеров противника.

В составе этой армии — знаменитое 825-е соединение генерала Цой А Рипа, награжденное орденом «Свободы и незави-

[1] «Минчжу чосон», 30 октября 1952 г.

симости» 1-й степени. В 1951 г. в период 15-дневных боев 825-е соединение уничтожило 1700 и захватило в плен 470 вражеских солдат и офицеров. О постоянном улучшении технической оснащенности корейской Народной армии в период войны свидетельствуют такие цифровые данные:

1. Огневая мощь каждой пехотной дивизии в 1952 г. выросла по сравнению с 1951 г. до 160%.

2. Намного увеличилась механизация в армии. Если количество лошадиных сил, приходящихся на каждого солдата, в 1951 г. принять за 100, то в 1952 г. оно выросло до 300[1].

Личный героизм воинов в сочетании с четкой организацией и дисциплиной сделал корейскую Народную армию грозной силой для интервентов.

Повышение боевых качеств корейской Народной армии неразрывно связано с ростом мастерства командного состава. В корейской Народной армии выросли искусные водители войск. Среди них — дважды Герой Корейской Народно-Демократической Республики генерал Пан Хо Сан, герои КНДР генералы Ли Гвон Му, Сон Дек Ман, Ли Ен Хо и многие другие военачальники. В период войны уделялось большое внимание и теоретической подготовке командного состава корейской Народной армии. Для переподготовки командного состава в стране были созданы специальные курсы. Только в 1952 г. 45% командного состава прошли эти курсы.

Корейская Народная армия непрерывно закалялась в боях, изо дня в день повышала свое боевое мастерство. Она сейчас представляет сильную современную армию.

Воины Народной армии, весь корейский народ вдохновлялись на ратные и трудовые подвиги священной и благородной идеей свободы и независимости родины. Во имя чего же проливали свою кровь на полях далекой Кореи солдаты США, обманутые солдаты стран — сателлитов США?

Проливать кровь на полях Кореи во имя грабительских интересов кучки монополистов США — вот удел этих солдат. Они это понимали, и отсюда — все растущее моральное разложение в армии интервентов. Интересно отметить, что помощник министра обороны США Анна Розенберг после поездки в Корею в конце 1951 г. вынуждена была заявить, что она никогда не предполагала, чтобы дух американских войск в Корее мог так катастрофически понизиться.

И. В. Сталин глубоко вскрыл причины провала американских агрессоров в Корее. Это произошло потому, что войну против Кореи и Китая солдаты США и Англии считали неспра-

---

[1] См. речь Ким Ир Сена на совещании высшего командного состава КНА. «Нодон синмун», 4 февраля 1953 г.

ведливой, тогда как войну против гитлеровской Германии и милитаристской Японии они считали вполне справедливой. Война, развязанная американскими империалистами, была крайне непопулярной среди американских и английских солдат. И. В. Сталин указывал, что «...самые опытные генералы и офицеры могут потерпеть поражение, если солдаты считают навязанную им войну глубоко несправедливой и если они выполняют в силу этого свои обязанности на фронте формально, без веры в правоту своей миссии, без воодушевления»[1].

Корейская Народная армия и китайские народные добровольцы в войне против агрессоров опирались на все крепнущий тыл. Крепость тыла в первую очередь обусловлена прочностью и жизненностью органов новой народной власти — народных комитетов. Ленин и Сталин неоднократно указывали, что война является самой серьезной и всесторонней проверкой, испытанием в жизни народов, когда проверяется прочность общественного и государственного строя.

Народно-демократический общественный и государственный строй КНДР с честью выдержал тяжкие испытания войны. Под руководством Трудовой партии, революционного авангарда корейского народа, органы народной власти — народные комитеты—развернули кипучую работу по мобилизации сил народа для разгрома врага.

Различные слои населения страны под руководством рабочего класса прилагали все силы для оказания помощи фронту и проявляли при этом такую же стойкость и мужество, как и воины на фронтах. В бедственных условиях войны, в условиях варварских бомбардировок и артиллерийских обстрелов рабочие и крестьяне жили и трудились с одним стремлением — скорее добиться желанной победы. Героически трудились рабочие машиностроительного завода, где директором Ли Ик Чэ. В первые же дни войны завод был разрушен американской авиацией. Территория завода превратилась в груду развалин. Рабочие своим самоотверженным трудом спасли основное оборудование завода, и к концу войны этот завод существовал и действовал глубоко под землей. Несмотря на то, что многие квалифицированные рабочие завода ушли на фронт и их место заняли 315 женщин и подростков, завод из месяца в месяц перевыполнял государственные задания. План первого квартала 1951 г. завод выполнил на 450%. На заводе появилось много талантливых новаторов производства, многостаночников. Почти все рабочие завода, став на фронтовую вахту, перевыполняли свои производственные нормы, хотя нормальный производствен-

[1] И. В. Сталин. Беседа с корреспондентом «Правды», стр. 9.

ный процесс часто нарушался налетами американской авиации и рабочим часто приходилось вести восстановительную работу.

Другой пример. Семьсот рабочих текстильной фабрики, где директором Ким Ге Сек, в жестокие морозные дни зимы 1950 г. под ураганным вражеским огнем перенесли на своих плечах все оборудование фабрики, для чего потребовалось бы не менее 100 железнодорожных вагонов. В максимально короткие сроки—в один месяц—фабрика была смонтирована на новом, безопасном месте и начала выпускать продукцию, необходимую для фронта.

Героически трудились во имя победы железнодорожники Кореи. Невзирая на налеты вражеской авиации и на массированные артиллерийские обстрелы, они доставляли важные военные грузы, восстанавливали разрушенные мосты, пути и железнодорожные объекты. Вместе с воинами в когорту славных героев Корейской Народно-Демократической Республики вошли железнодорожники — машинисты Хан Нам Су, Ким Дин Су, начальник станции Цой Чи Дин и др. Имя прославленного водителя тяжелых составов с военными грузами Хан Нам Су широко известно в КНДР. Десятки раз рискуя жизнью, спасал он ценные грузы.

Исключительно большое значение в военных условиях Кореи имел опыт самоотверженного труда советских рабочих в годы Великой Отечественной войны. Большую и благородную работу ведет Общество советско-корейской дружбы, печатные органы которого широко популяризируют достижения передовых советских работников промышленности и транспорта. В самом начале войны в Корее на страницах газеты «Советы синбо» было напечатано открытое письмо знатного сталевара московского металлургического завода «Серп и молот» лауреата Сталинской премии Н. Чеснокова, адресованное корейским металлургам. Н. Чесноков обстоятельно рассказал о своем опыте, раскрывая пути для достижения высоких показателей в сталеварении. Письмо Н. Чеснокова вызвало огромный трудовой подъем среди корейских рабочих-металлургов, оно подверглось детальному обсуждению и в связи с этим рабочие брали повышенные обязательства. Так, например, в цехах и отделах крупнейшего в Корее металлургического завода в Хванхэ появились десятки последователей советского металлурга.

Всем хорошо известно, какую важную роль в Советском Союзе в период войны в деле успешного выполнения фронтовых заказов, в деле внедрения в массовом масштабе стахановских методов труда сыграли молодежно-фронтовые бригады на предприятиях. Этот ценный опыт советских рабочих был широко подхвачен молодежью Кореи. В первый год войны в республике было создано около трех тысяч молодежно-фронтовых бригад,

показывающих высокие показатели в работе[1]. Молодежно-фронтовая бригада Тян Бен Сика на руднике Сингок, внося смелые рационализаторские предложения, повысила производительность труда на 1600%. Другая молодежная бригада, на одном из военных заводов, возглавляемая Сон Чан Бо, перевыполняла план на 600%. Подобных примеров творческого применения опыта советского народа в годы Великой Отечественной войны можно привести бесчисленное множество.

Только за один 1951 г. 14 работникам промышленности и транспорта наравне с героями фронта присвоено за героический труд высокое звание Героя КНДР, а шестерым — звание Героя труда. Среди них знатный бурильщик Тё Ду Сир, добившийся рекордных показателей в добыче руды. Работая двумя буровыми машинами советской марки, в июне 1951 г. он добыл 117 тонн руды, что превышает месячную норму в 14 раз; в январе 1952 г. Тё Ду Сир довел месячную добычу руды до 154 тонн.

Трудовой почин Тё Ду Сира был подхвачен другими рабочими. Его последователи — герои труда Юн Ден Ха, Лим Дон Гю, Ким Вон Ир и многие другие—также добились выдающихся результатов и перекрывали технические нормы в 10 и более раз[2].

Все попытки американских агрессоров вывести из строя промышленные предприятия Кореи и тем самым лишить народ материальной базы для ведения войны не удались. Более того, именно в обстановке войны в Корее выросли замечательные новаторы производства. Пройдя суровые испытания войны, крепнет и закаляется рабочий класс Кореи, под руководством которого и велась эта священная война. Рабочие и крестьяне Кореи хорошо понимают, что они работают не на эксплуататоров, как раньше, а для укрепления своего государства, во имя защиты народных завоеваний.

Успешная работа промышленности и транспорта КНДР является результатом правильного руководства Трудовой партии, ведущей партии Кореи, которая в своей деятельности опирается на самую передовую марксистско-ленинскую теорию.

По инициативе и под руководством Трудовой партии проделана гигантская работа по перебазированию важнейших промышленных предприятий в безопасные северные районы; на самых ответственных участках производственной работы на предприятиях выступают члены Трудовой партии, своим патриотическим примером способствуя общему подъему трудового энтузиазма.

---

[1] «Чаюва тоннибыль вихан видэхан хэбан чончэнэсоы чосон чхонёндыль» («Корейская молодежь в освободительной войне за свободу и независимость»), стр. 44.

[2] «Нодон синмун», 7 марта 1952 г.

Успехи промышленности и транспорта в немалой степени связаны с благородной братской помощью со стороны Советского Союза, Китайской Народной Республики и стран народной демократии культурно-экономическому строительству КНДР. Ким Ир Сен в своем докладе на V пленуме ЦК Трудовой партии Кореи всесторонне охарактеризовал работу промышленности и транспорта. Несмотря на тяжелые условия войны, объем промышленной продукции в 1952 г. вырос по сравнению с 1951 г. до 119%, а грузооборот на транспорте — до 113%. Благодаря росту производства товаров широкого потребления, помощи стран демократического лагеря во главе с Советским Союзом, товарооборот розничной торговли в 1952 г. по сравнению с 1951 г. увеличился на 132% [1].

«Борьба за хлеб есть борьба за родину и за победу на фронте!», «Дать как можно больше зерна и не оставить ни одного вершка невспаханной земли!» — таковы были лозунги крестьянства КНДР; крестьяне работали преимущественно по ночам, так как в дневное время непрерывные воздушные атаки не давали им работать на полях. Самоотверженный труд крестьян и разнообразные правительственные мероприятия по оказанию помощи сельскому хозяйству обеспечивали успешное проведение сева и сбор богатого урожая. Крестьяне внесли значительное количество зерна, мясопродуктов, овощей в фонд победы.

Многие крестьяне Северной Кореи собирали невиданные в истории страны урожаи. Крестьянин села Унге провинции Пхёнан-пукто, член Трудовой партии Хон Ен Де в 1951 г. собрал на своем участке в среднем по 185 центнеров риса с одного чонбо. Передовик-крестьянин уезда Хверён провинции Хамгён-пукто Пак Ен Сан собрал 10 277 кг риса с одного чонбо.

Работа крестьян была связана с колоссальными трудностями. Вот характерный пример. Крестьяне уезда Тончен (провинции Канвон), расположенного на западном побережье, организовали вооруженную дружину для отражения попыток врага высадить десант на этом участке. В период весенней посадки рисовой рассады крестьянская дружина уезда, ведя бои с американскими пиратами, уничтожила 137 вражеских солдат и офицеров, при этом уезд в целом на 20 дней раньше, чем в прежние годы, закончил посадку рассады.

В результате успешного проведения весеннего сева 1952 г. и всех сельскохозяйственных работ в 1952 г. получен богатый урожай. Валовой сбор урожая зерновых в 1952 г. по сравнению с 1951 г. вырос до 113%, что превышает на 340 тыс. т урожай 1951 г.

---

[1] См. Ким Ир Сен. Организационное и идеологическое укрепление Трудовой партии Кореи..., стр. 92—93.

В 1953 г. правительство КНДР и Трудовая партия наметили дальнейший подъем промышленности, сельского хозяйства и культуры.

По этому плану в 1953 г. объем промышленной продукции по сравнению с 1952 г. должен был составить 123%, грузооборот железных дорог — 118%, валовой урожай зерновых—105%, поголовье крупного рогатого скота — 113,5% и товарооборот розничной торговли—117% [1].

С начала войны по всей Корее поднялась мощная волна патриотического движения за сбор средств и различных вещей в фонд Народной армии. Крестьяне волости Пукнюр в провинции Хванхэ к июню 1951 г. собрали в фонд Народной армии 1772 тыс. вон наличными деньгами, 4468 мешков риса. Рабочие и служащие железнодорожных предприятий собрали 1 561 300 вон в фонд строительства самолетов и танков. В целом по республике к 10 августа 1951 г. было собрано денег, продовольствия, различных вещей для Народной армии на общую сумму в 1620 млн. вон [2].

Огромные достижения промышленности и сельского хозяйства позволили Трудовой партии и правительству КНДР в тяжелые годы войны значительно улучшить материальное положение трудящихся, обеспечить регулярное снабжение населения продовольствием и товарами промышленного производства. К концу войны была намного повышена норма снабжения рабочих и служащих, осуществлялась продажа зерна по дешевым ценам для семей нуждающихся. Крестьяне-бедняки освобождены от уплаты натурального налога и возврата государственных ссуд. Обеспечивается населению бесплатная медицинская помощь. В трудных условиях войны правительство наладило работу школ, вузов.[3] Кроме этого, были созданы специальные школы для детей погибших воинов и инвалидов войны.

Успехи корейского народа на фронте и в тылу обусловлены руководством Трудовой партии. Всюду в авангарде борющегося корейского народа идут члены Трудовой партии — лучшие сыны и дочери Кореи. В суровые годы войны Трудовая партия сплотила вокруг себя все патриотические силы страны и возглавила борьбу против американских агрессоров.

Большое значение в деле дальнейшего укрепления Трудовой партии Кореи имело разоблачение антипартийной, предательской группы Ли Сын Епа, которая, пробравшись к руковод-

---

[1] Ким Ир Сен. Организационное и идеологическое укрепление Трудовой партии Кореи..., стр. 93.

[2] «Нодон синмун», 15 августа, 1951 г.

[3] См. Ким Ир Сен. Организационное и идеологическое укрепление Трудовой партии Кореи..., стр. 93.

ству Трудовой партии, пыталась уничтожить народно-демократический строй, расколоть единство рядов партии.

Эти презренные наймиты империализма были своевременно разоблачены и понесли заслуженное наказание. Единодушный отпор, который дан врагам партии и народа, является наглядным уроком того, что и впредь любые вылазки вражеских элементов будут пресечены самым решительным образом. Сегодня Трудовая партия, очистившись от врагов и еще теснее сплотившись вокруг своего ЦК, представляет монолитную, боевую партию рабочего класса. В Трудовую партию вливаются лучшие сыны и дочери корейского народа, показавшие себя в суровые годы войны как верные патриоты родины.

За время войны в ряды Трудовой партии вступило около 450 тыс. новых членов из числа лучших патриотов страны и в настоящее время общее число членов партии превышает 1 млн.

«Трудовая партия,— говорит Ким Ир Сен, — высоко держа знамя марксизма-ленинизма в борьбе за свободу и независимость, должна с честью оправдать высокое звание «Ударной бригады», данное Корее нашим вождём и учителем великим Сталиным»[1].

Укрепление союза всех демократических сил страны под руководством рабочего класса означает дальнейшее упрочение народно-демократического строя, который в огне войны с честью выдержал серьезные испытания.

Трудовая партия Кореи серьезное внимание уделяет и вопросу укрепления и дальнейшего расширения социальной базы народно-демократической революции. Единый демократический отечественный фронт (ЕДОФ), являющийся объединением всех патриотических, демократических сил страны, в период войны еще более расширился и укрепился. В этом огромная заслуга Трудовой партии, ведущей партии в системе ЕДОФ.

В деле дальнейшего улучшения руководства ЕДОФ со стороны рабочего класса большую роль сыграли происходившие уже в период войны Третий (в конце декабря 1950 г.) и Четвертый (ноябрь 1951 г.) пленумы Центрального комитета Трудовой партии Кореи.

Ким Ир Сен на Третьем пленуме ЦК Трудовой партии указывал, что нужно «...крепить постоянную связь с патриотическими партиями и общественными организациями, которые вошли в ЕДОФ. Надо помогать дружественным партиям идти по правильному пути. Их надо считать не только временными попутчиками — их надо воспитывать и сделать так, чтобы они шли вместе с народом»[2].

---

[1] Ким Ир Сен. Организационное и идеологическое укрепление Трудовой партии Кореи..., стр. 96.

[2] Ким Ир Сен. Великая освободительная война корейского народа за свободу и независимость, стр. 161.

Вопрос о ЕДОФ рассматривался и на Четвертом пленуме ЦК Трудовой партии. В своем докладе на пленуме Ким Ир Сен заявил:

«Политическое положение, сложившееся в нашей стране, требует широкого участия всех слоев населения во всенародной борьбе за быстрейшее завоевание независимости нашей родины, разгром и изгнание всех врагов с ее территории.

Вот почему вопрос о расширении и укреплении Единого демократического отечественного фронта, охватывающего сегодня самые широкие массы народа, является самым важным вопросом для нашей партии»[1].

Тыл Корейской Народно-Демократической Республики сейчас, как никогда ранее, сплочен и прочен.

Если корейская Народная армия, в освободительной войне опиралась на крепнущий тыл, то на какую поддержку могли рассчитывать войска интервентов? Растущее возмущение народных масс во всем мире, в самих Соединенных Штатах Америки явились ответом на кровавую корейскую авантюру американского империализма. А в Корее в период войны в тылу американской армии все ширилось пламя всенародной партизанской войны. Стена народного гнева и ненависти окружает интервентов на корейской земле.

Миллионы тружеников Южной Кореи, подвергаясь ужасным бедствиям, все решительнее выступают против оккупантов. Положение народных масс Южной Кореи крайне тяжелое. Американские империалисты в период войны в невиданном масштабе стали уничтожать промышленные предприятия, вывозить оборудование важнейших из них, а рабочих — насильственно мобилизовывать в лисынмановскую армию.

Война окончательно расстроила экономику южной части страны. По весьма преуменьшенным данным так называемого Государственного банка Южной Кореи, общая сумма ущерба, нанесенного войной Южной Корее, исчисляется астрономической цифрой — 18 129 млрд. южнокорейских вон. Ущерб только в промышленности оценивается в сумме 7674 млрд. вон[2]. О катастрофическом падении и без того мизерного уровня промышленного производства Южной Кореи в период войны свидетельствуют следующие данные: если уровень производства к июню 1950 г. принять за 100, то в 1952 г. производство самой развитой в Южной Корее текстильной промышленности снизилось на 63%, металлургической промышленности — на 85%, ни-

---

[1] Ким Ир Сен. Доклад на Четвертом пленуме ЦК Трудовой партии. «Нодон синмун», 11 ноября 1951 г.

[2] «Минчжу чосон», 29 декабря 1952 г.

щевой промышленности — на 70% и т. д.[1] По неполным данным, только в Сеуле в период войны американские оккупанты разрушили 785 предприятий и вывезли в Японию оборудование 10 крупнейших фабрик и заводов.

Электропромышленность Южной Кореи располагала четырьмя крупными гидроэлектростанциями и тремя теплоэлектростанциями с общей мощностью 95 тыс. киловатт. К концу войны действовала только сеульская теплоэлектростанция, а шесть остальных либо были разрушены, либо бездействовали [2]. Десятки тысяч рабочих остались без работы, без хлеба и жилища.

Неисчислимы страдания и лишения крестьянства Южной Кореи. В результате резкого сокращения посевной площади и снижения урожайности Южная Корея, считавшаяся житницей страны, в настоящее время испытывает острый продовольственный кризис. По сообщениям южнокорейской прессы, сбор урожая риса в 1952 г. снизился более чем на 5 млн. сек (1 сек — 160 кг) [3].

Очередной фарс, разыгранный лисынмановской кликой по указке американских оккупантов, — «земельная реформа» 1950 г., конечно, не мог ввести в заблуждение крестьянские массы, а тем более улучшить их положение. Крестьяне Южной Кореи, получившие по этой «реформе» около 25% самой плохой земли, должны выплачивать за нее помещикам колоссальный выкуп натурой и деньгами. Как и следовало ожидать, после «реформы» сельское хозяйство Южной Кореи подверглось процессу дальнейшей деградации. В 1952 г. в Южной Корее не хватало для обеспечения населения свыше 1 млн. тонн зерна [4].

Крестьяне Южной Кореи задавлены тяжелым налоговым бременем. В 1952 г. в провинции Южная Чжелла с населения взыскано 10 млрд. вон только военного налога. Средняя южнокорейская семья вынуждена ежегодно уплачивать налоги в сумме 850 тыс. вон. Сбор налогов в Южной Корее превращается обычно в карательную экспедицию. Сборщиков сопровождает вооруженный отряд. Огромные налоги, выкуп за землю и государственные поборы приводят к массовому разорению крестьянства.

Экономическая разруха в Южной Корее привела к невиданной инфляции. В 1945 г. находилось в обращении 2,6 млрд. вон, к началу войны (июнь 1950 г.) эта сумма возросла до 64,6 млрд. вон, а к октябрю 1952 г.—до 843,1 млрд. вон[5], т. е. количество

---

[1] См. Ким Ир Сен. Организационное и идеологическое укрепление Трудовой партии Кореи..., стр. 94.

[2] «Минчжу чосон», 19 декабря 1951 г.

[3] «Нодон синмун», 7 ноября 1952 г.

[4] «Нодон синмун»», 22 декабря 1952 г.

[5] «Минчжу чосон», 29 декабря 1952 г.

денег, находившихся в обращении в 1952 г., увеличилось по сравнению с 1945 г. в 324 раза. Насколько быстро обесценивается курс южнокорейской валюты, можно представить по таким данным: в начале 1952 г. на черном рынке один доллар обменивался на 15 тыс. вон, а в июле 1952 г.— на 20 тыс. вон [1].

Лисынмановское «правительство» пытается ослабить свои финансовые затруднения все новыми налоговыми обложениями, внутренними и внешними займами. Несмотря на жестокие принудительные меры, марионеточному правительству не удается собрать даже 40—50% налогов, а внутренние займы проваливаются. Поэтому из года в год растет дефицит в бюджете. Южнокорейский бюджет может служить образчиком бюджета американизированной страны. В бюджете 1952 г. чисто военные расходы занимали 70%, расходы для «развития» промышленности и торговли — 1,7%, расходы на «социально-культурные мероприятия» — 2,3%.

Экономическая разруха, в особенности развал сельского хозяйства, повлекла за собой потрясающий голод и нищету в Южной Корее. Председатель «комиссии Красного Креста» (этот орган создан под эгидой США), посетивший Южную Корею в 1951 г., был вынужден признать, что «разруха в Южной Корее является наиболее ужасающей в истории».

Страшный бич для южнокорейских трудящихся — это безработица. По южнокорейским данным, в г. Инчоне из 10 тыс. портовых рабочих имели работу 1500, в г. Пусане из 16 тыс. портовых рабочих работают 3 тыс. [2] Это — два важнейших южнокорейских порта, через которые проходят все основные грузы, поступающие в Южную Корею, в том числе и военные грузы, предназначенные для «войск ООН». Если в этих крупных узлах морских коммуникаций среди портовых рабочих, т. е. наиболее занятой части рабочих, имеется большое количество безработных, то не приходится говорить о других отраслях промышленности.

Население Южной Кореи голодает. Рыночные цены на продовольственные товары за период войны выросли на 1503%. 1 маль крупы, например, стоит 160—170 тыс. вон (маль—около 15 кг)[3]. В то же время индекс заработной платы снизился на 33,3%. Самые высокооплачиваемые портовые рабочие получали в месяц 34—40 тыс. вон, иначе говоря, на месячную заработную плату рабочий может купить 3—4 кг крупы; на покупку 1 фунта мяса он должен израсходовать годовую зарплату. Голод и возникающие на этой почве тяжелые эпидемические заболева-

---

[1] «Нодон синмун», 4 декабря 1952 г.
[2] «Нодончжа», 1952, № 10, стр. 29.
[3] «Минчжу чосон», 29 декабря 1952 г.

ния уносят ежегодно десятки тысяч человеческих жизней. К концу войны в Южной Корее число только туберкулезных больных превышало 1 млн.[1]

Американская оккупация и война принесли нечеловеческие страдания трудящимся Южной Кореи, но американские империалисты и лисынмановская банда этот мрачный период использовали для всевозможных афер, финансовых махинаций и просто воровства. Вместе с заокеанскими хозяевами в ограблении населения участвуют корейские реакционеры. Осенью 1951 г. лисынмановская банда скупила у крестьян рис по цене 150 тыс. вон за мешок, а весной 1952 г. продала его тем же крестьянам уже по 730 тыс. вон за мешок, получив на этой грабительской махинации 130 млрд. вон прибыли. На спекуляции химическими удобрениями эта клика получила еще 80 млрд. вон [2].

В связи со скандальным провалом американской агрессии в Корее в лагере южнокорейских марионеток нарастают грызня и разброд. Ярким примером может служить борьба за президентское кресло, разгоревшаяся в 1952 г. между сторонниками Ли Сын Мана и крупнейшего корейского финансового туза Ким Сон Су.

Таково положение в Южной Корее, стонущей под гнетом американских оккупантов. Против этой колонизаторской политики США все решительнее выступают южнокорейские трудящиеся под руководством Трудовой партии Кореи. Мужественная борьба южнокорейских трудящихся являлась составной частью героической борьбы всего корейского народа с американским агрессором.

Начало кровавой агрессии американского империализма в Корее поставило перед корейскими партизанами новые, более сложные задачи. Отвечая на призыв Трудовой партии Кореи, они резко активизировали свои боевые действия. Партизанские силы Южной Кореи приковывали значительные силы врага. В период войны, наряду со значительными силами южнокорейской полиции, в карательных экспедициях против партизан были заняты регулярные части американской армии. Однако все эти меры интервентов не приводили к ожидаемым ими результатам.

Партизанское движение в период войны, особенно после того, как по приказу Главного Командования Народной армии отдельные ее подразделения остались в тылу врага, вступило в новую фазу. С этого времени значительно улучшилось руководство партизанским движением и была установлена более тесная координация действий народных мстителей с регулярными частями.

---

[1] «Минчжу чосон», 29 декабря 1952 г.

[2] «Нодон синмун», 7 ноября 1952 г.

Партизанские части в Южной Корее, бывшие раньше небольшими, за время войны превратились в крупные войсковые соединения. В начале 1953 г. партизанскими действиями были охвачены все восемь провинций Южной Кореи [1]. По южнокорейским официальным данным, только в провинциях Северная и Южная Чжелла, в горных районах Дэкюнсана и Тинсана действовали партизанские соединения, численностью свыше 20 тыс. партизан[2].

Американское командование и лисынмановские власти тщетно пытались уничтожить партизанские районы. За один год, с конца 1950 г. по декабрь 1951 г., они организовали три крупные карательные экспедиции, в которых наряду с лисынмановскими войсками участвовали регулярные американские части, снятые с фронта, с приданными им авиацией и артиллерией. Все эти операции провалились, причем каратели потеряли большое количество солдат и офицеров и много военной техники.

Своими боевыми делами прославились партизанские соединения, базировавшиеся в горных районах Тхэбяксана, в районах Чирисана и др. Не прекращалась партизанская борьба и на о-ве Чечжудо — родине этого всенародного движения. В период с конца 1951 г. до июня 1952 г., за несколько месяцев, партизанские соединения Южной Кореи вывели из строя 31 239 вражеских солдат и офицеров, уничтожили 40 танков, 140 бронемашин и другого вооружения. За это время партизаны захватили 8 тыс. винтовок и автоматов, 230 орудий, 50 раций, 992 тыс. патронов и снарядов и много другой техники.

Успехам партизан во многом содействовала горячая поддержка всего населения Южной Кореи. По не видимым для врага каналам железнодорожные рабочие сообщали в штабы партизанских отрядов, например, о времени отправки эшелона с военными грузами или войсками, о его маршруте — и народные мстители устраивали достойную встречу.

Крестьяне обычно извещали партизан о приближении карательных войск, их общей численности и т. п. В свою очередь партизаны проявляли трогательную заботу о населении. После успешного налета на пункты вражеского сосредоточения все продовольствие, отобранное интервентами у населения, возвращалось крестьянам. Партизанский отряд, действовавший в горных районах Чинсан, получив сведения, что американцы вместе с лисынмановскими властями отбирают у окрестных крестьян последние остатки хлеба, решил воспрепятствовать действиям агрессоров. В результате смелого налета на сборный пункт вражеский гарнизон был разгромлен, а насильственно отобранное

[1] «Минчжу чосон», 7 января 1953 г.

[2] См. «Новая Корея», 1951, № 11, стр. 34.

у крестьян зерно в количестве 4 тыс. мешков было возвращено его владельцам [1].

Горячо поддерживаемое всем населением Южной Кореи партизанское движение росло и ширилось с каждым днем. Особенностью партизанской борьбы на юге в период войны являлось то, что партизаны не ограничивались операциями на важнейших линиях коммуникаций врага, а совершали крупные налеты на важные административные и войсковые центры, на такие города, как Мокпхо, Кваньчжу и др.

При этом американская и лисынмановская пресса единодушно отмечала, что вооружение партизан непрерывно улучшалось. Раньше партизаны в основном были вооружены легким стрелковым оружием, а к концу войны в крупных соединениях имелись специальные артиллерийско-минометные подразделения. Поэтому партизанские отряды нередко навязывали бои крупным соединениям врага, уничтожали тяжелую военную технику, включая крупнокалиберную артиллерию и танки.

Партизанское движение, широко охватившее Южную Корею, оказывало большую поддержку регулярным частям Народной армии и китайским народным добровольцам. Оно стягивало крупные силы врага и держало под ударом основные линии коммуникаций агрессоров.

Значительные патриотические отряды, состоящие преимущественно из рабочих, действовали в городах Южной Кореи. В нашей печати сообщалось о взрывах порохового завода в Пусане, арсеналов Пусана и Тэгу. Они свидетельствовали, что в самом логове врага патриоты не прекращали героическую борьбу с интервентами.

Однако было бы ошибочно сводить борьбу южнокорейских трудящихся только к форме вооруженной партизанской борьбы. Под руководством Трудовой партии в Южной Корее развернулось забастовочное движение. В марте 1952 г. трижды бастовали портовые рабочие Инчона, в июле 1952 г. объявили забастовку портовые рабочие Пусана, которые были поддержаны рабочими других предприятий Пусана, Мокпхо, Кунсана. 29—30 июля 1952 г. одновременно объявили забастовку 16 тыс. портовых рабочих пяти городов Южной Кореи, к которым присоединились 30 тыс. промышленных рабочих [2].

В апреле 1952 г. по инициативе Трудовой партии был создан «Союз борьбы за спасение родины», в который вовлекаются все патриоты, «независимо от классовой и партийной принадлежности» [3]. Создание «Союза борьбы за спасение родины» означает

---

[1] «Минчжу чосон», 12 февраля 1952 г.
[2] «Нодончжа», 1952, № 10, стр. 29.
[3] «Чогук чонсон», 17 июля 1952 г.

дальнейшее расширение социальной базы единого антиимпериалистического фронта. Под руководством Трудовой партии народные массы не прекращают борьбу, направленную против американских агрессоров и лисынмановской предательской клики, за свободу и независимость Родины.

Важнейшим фактором победоносного завершения освободительной войны корейского народа явилась поддержка со стороны всего миролюбивого человечества, всего могучего лагеря демократии и социализма во главе с Советским Союзом.

«В тяжелые дни войны,— пишет Ким Ир Сен,— наш народ как никогда испытал значение солидарности свободолюбивых народов, основанной на принципах пролетарского интернационализма»[1].

Большую продовольственную и другую материальную помощь пострадавшему от войны населению КНДР оказывал весь лагерь демократических стран.

Огромна и неоценима была поддержка и помощь советского народа борющемуся корейскому народу. Летом 1951 г., когда правительство КНДР напряженно решало задачу борьбы с продовольственными трудностями, Советский Союз прислал в дар корейскому народу 50 тыс. т. хлеба[2]. По всей Северной Корее прокатилась волна горячих митингов. Трудящиеся единодушно выражали свою сердечную благодарность советскому народу.

Сотни вагонов с продовольствием, одеждой, медикаментами поступали из Польши, Чехословакии, Венгрии, Болгарии, Румынии, Албании и других стран демократического лагеря. Перед первым военным весенним севом 1951 г., когда в результате вражеского вторжения крестьянство КНДР испытывало огромные трудности с тягловой силой, монгольский народ прислал 7 тысяч голов рабочего скота. До июля 1952 г. монгольский народ прислал корейскому народу около 100 тыс. голов скота (лошадей, крупного рогатого скота и овец)[3]. В Китайской Народной Республике в период с 10 ноября 1950 г. по 21 января 1952 г. было собрано денежных средств в помощь Корее на сумму 182 857 млн. юаней[4].

Тысячи сирот, родители которых погибли на войне, нашли свой приют в странах демократического лагеря. На помощь корейскому народу прибыли медицинские работники из стран

---

[1] Ким Ир Сен. Пролетарский интернационализм и борьба корейского народа. «За прочный мир, за народную демократию!», 25 апреля 1952 г.

[2] Там же.

[3] «Нодон синмун», 7 августа 1952 г.

[4] Там же, 6 мая.

демократического лагеря. Особенно большую помощь оказали медицинские работники стран демократического лагеря корейскому народу в период массового применения американского бактериологического оружия. Сотни бактериологов, паразитологов, микробиологов и других медицинских работников стран демократического лагеря совместно с корейскими медицинскими работниками и при активной поддержке всего населения развернули героическую борьбу за предотвращение эпидемий.

Героический корейский народ с чувством огромной благодарности воспринимал эту бескорыстную братскую помощь свободолюбивых народов. Эта помощь, помимо чисто материальной поддержки, явилась серьезным фактором в морально-политическом отношении: народные массы Кореи на конкретных фактах ясно видели, что в жестокой схватке с врагом они не одиноки, что на их стороне симпатии всех миролюбивых народов, весь могучий лагерь мира, демократии и социализма во главе с великим Советским Союзом.

Ярчайшим проявлением братской солидарности с корейским народом, основанной на принципах пролетарского интернационализма, является огромная помощь китайского народа, чьи лучшие сыны и дочери добровольно сражались плечом к плечу с Народной армией Кореи. Славные боевые дела китайских народных добровольцев войдут одной из блистательных страниц в историю борьбы народов за мир, за обуздание американских агрессоров.

Трехлетняя героическая борьба корейского народа против американских интервентов и лисынмановской банды завершилась великой победой. 27 июля 1953 г. в Паньмыньчжоне было подписано соглашение о перемирии. В Корее прекращено кровопролитие, таившее в себе угрозу самых серьезных международных осложнений.

«Миролюбивые народы,— указывает Г. М. Маленков,— с благодарностью признают историческую заслугу корейского народа и китайских народных добровольцев, которые отстояли дело мира на Востоке и в немалой мере охладили пыл агрессоров, стремящихся развязать новую мировую войну»[1]. Этот исторический факт — великая победа всех миролюбивых сил мира, возглавляемых Советским Союзом.

Соглашение о перемирии в Корее является неопровержимым доказательством краха плана захвата американскими империалистами Кореи и превращения ее в военную базу для вооруженной агрессии против КНР и СССР. «Политика силы», осуществляемая США, потерпела позорный провал.

[1] Речь Председателя Совета Министров Союза ССР Г. М. Маленкова на обеде в Кремле 19 сентября 1953 г. «Правда», 20 сентября 1953 г.

Оценивая подписание соглашения о перемирии в Корее как свою великую победу, как славную победу миролюбивых сил всего мира, корейский народ ни на минуту на забывает, что интервенты, вынужденные пойти на заключение перемирия, пока еще далеки от искренности в выполнении условий соглашения. Миролюбивые народы всего мира прекрасно понимают, что агрессивные круги США не заинтересованы в разрядке напряженного международного положения, в скорейшем мирном урегулировании корейского вопроса. Многочисленные провокации клики Ли Сын Мана — марионетки США — против мира в Корее связаны с устремлениями этих кругов.

Перед корейским народом, перед миролюбивыми силами всего мира стоит ответственная задача сорвать агрессивные замыслы американских империалистов и их партнеров, отстоять мир на Дальнем Востоке и во всем мире

ПРИЛОЖЕНИЯ

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ИСТОРИИ КОРЕИ

57 г. до н. э. Объединение шести родов группы Чинхан, положившее начало государству Силла.
37 г. до н. э. Образование древнего государства Когурё.
16 г. до н. э. Образование древнего корейского государства Пэкче.
668 г. Объединение государств Корейского полуострова под властью Силла.
935 г. Завершение объединения государств Корейского полуострова под властью Корё.
939 г. Признание государства Корё Китаем.
1010—1020 гг. Десятилетняя война государства Корё с государством Киданей.
1231 г. Первое вторжение монгольских ханов в Корею.
1232 г. Изгнание монгольских ханов из Кореи корейским народом.
1235 г. Второе вторжение монгольских ханов в Корею.
1369 г. Расторжение вассальных отношений с монгольской династией и переход под покровительство китайской династии Мин.
1392 г. Воцарение династии Ли. Переименование государства Корё в Чосон.
1403 г. Изобретение разборного металлического шрифта для печатания книг.
1446 г. Изобретение национального корейского алфавита.
1563 г. Крестьянские волнения против гнета корейских феодалов.
1592 г. Начало захватнической войны, навязанной японскими феодалами Корее (первый поход Хидэёси).
1592 г., июнь. Разгром японской эскадры корейским флотом под командованием адмирала Ли Сун Сина.
1597 г. Второй поход Хидэёси.
1597 г. Сражение у г. Чиксан.
1598 г. Изгнание корейским народом войск японских захватчиков.
1608 г. Подписание мирного договора между Японией и Кореей.
1627 г. Первое вторжение маньчжур в Корею.
1636 г. Второе вторжение маньчжур в Корею.
1637 г. Превращение Кореи в вассала маньчжурской династии.
1751 г. Восстание городской бедноты и крестьянства Кореи.
1753 г. Народные восстания.
1773 г. Издание закона, отменяющего личную зависимость крестьян от помещиков.
1811 г. Крестьянское восстание в Северной Корее.
1813 г. Крестьянское движение в провинции Пхёнандо. Крестьянское восстание на о-ве Чечжудо.
1814 г. Народное восстание в Сеуле.
1832—1834 гг. Восстания крестьянства и городской бедноты.
1859 г. Возникновение нового «восточного учения» (тонхак).

1862 г. Крестьянские восстания.
1864 г. Крестьянские восстания в провинции Хванхэдо.
1866 г. Прибытие французской военной эскадры и нападение французских вооруженных отрядов на п-ов Канхва.
1866 г. Первая попытка американских капиталистов проникнуть в Корею. Вторжение американского корабля «Генерал Шерман» в корейские воды.
1867 г. Вторая попытка американских капиталистов вторгнуться в Корею (вооруженная экспедиция Дженкинса).
1871 г. Вторжение американской вооруженной эскадры под командованием адмирала Роджерса в Корею. Изгнание американских захватчиков корейским народом.
1876 г. Заключение первого неравноправного кабального договора, навязанного Японией Корее.
1882 г. Народное восстание в Корее. Кабальный договор, навязанный США Корее.
1884 г. Попытка японских милитаристов захватить власть в Корее.
1885 г. Тяньцзинский договор, заключенный между Японией и Китаем. Маньчжурское правительство Китая под нажимом японских милитаристов впервые признало равными со своими «права» Японии в Корее. Народные волнения в Ёчжу и Вончжу.
1889 г. Крестьянские волнения в северных провинциях Кореи.
1892 г. Народные волнения в провинциях Хамгёндо.
1893 г. Начало крестьянской войны 1893—1895 гг.
1894 г. Начало японо-китайской войны, навязанной японскими милитаристами Китаю.
1895 г., 17 апреля. Мирный договор, заключенный между Японией и Китаем в Симоносеки.
1895 г. Опубликование указа об изменении административного деления страны.
1895 г. Американские империалисты вынудили корейское правительство заключить соглашение о сдаче в аренду золотых приисков.
1896 г., 11 февраля. Бегство в русскую миссию корейского короля Кочжона от японского произвола.
1896 г. Создание «Клуба независимости» (проамериканской, антинародной организации).
1896 г., 14 мая. Русско-японское соглашение (Вебер — Комура).
1896 г., 9 июня. Русско-японский протокол о политике в Корее.
1898 г. Русско-японский протокол о Корее (Лобанов — Ямагата).
1902 г. Заключение японо-английского союза. Английские империалисты признали «права» Японии на закабаление Кореи.
1903 г. Народные волнения на юге Кореи.
1904 г., февраль. Вероломное нападение Японии на Россию. Начало русско-японской войны. Оккупация Кореи японскими войсками.
1905 г. Секретное соглашение между Японией и США о признании японского протектората над Кореей в качестве компенсации за отказ Японии от притязаний на Филиппины.
1905 г. Японо-корейский договор, кабальный для Кореи. Все внешние сношения Кореи передаются под контроль японского министерства иностранных дел.
1906 г. Создание религиозной организации Чхондогё.
1906—1910 гг. Подъем освободительного движения. Народные восстания против установления японского протектората (борьба Ыйбён) в Корее под влиянием первой русской буржуазно-демократической революции 1905 г.
1907 г. Отправка корейской делегации на Вторую международную конференцию в Гааге. Отказ Англии, США и Франции удовлетворить

просьбу правительства Кореи воспрепятствовать японскому произволу.

1907 г., 24 июля. Переход всех государственных учреждений в руки японских захватчиков. Роспуск корейской армии и активизация антияпонского движения.

1908 г. Народные восстания.

1910 г., 22 августа. Аннексия Кореи Японией.

1911 г. Опубликование императорского рескрипта, запрещавшего преподавание в школах на корейском языке.

1912 г., 15 апреля. В деревне Мангёндэ близ Пхеньяна в семье революционера родился Ким Ир Сен.

1919 г., 1 марта. Начало массового антияпонского движения. Забастовки и 300-тысячная демонстрация в Сеуле. Многотысячные демонстрации в Пхеньяне и в других городах.

1919 г., 1—5 марта. Демонстрации и митинги в Сеуле, Пхеньяне, Ыйчжу, Чинчжу, Сончхоне, Чиннампхо, Вонсане и в других городах.

1919 г., 5 марта. Начало перерастания мирных демонстраций в народные восстания.

1919 г., 5 марта — 15 апреля. Народные восстания.

1919 г., май — октябрь. Массовые забастовки рабочих предприятий, рудников и шахт, железнодорожников и служащих.

1920 г. Создание первых марксистских групп в Сеуле и в других промышленных центрах Кореи.

1920 г., апрель. Создание в Сеуле первой рабочей организации — «Общества взаимопомощи».

1921 г., сентябрь. Всеобщая забастовка в Пусане.

1922 г. Создание Корейского рабочего союза.

1922 г. Крупный арендный конфликт в Сунчхоне.

1923 г. Создание Южно-Корейской рабоче-крестьянской ассоциации.

1924 г., апрель. Создание Всеобщего корейского рабоче-крестьянского союза.

1925 г., 17 апреля. Создание Коммунистической партии Кореи (Чосон консандан).

1925 г., 18 апреля. Создание Коммунистического союза молодежи.

1926 г., июнь. Массовая антияпонская демонстрация под руководством компартии в Сеуле, сопровождавшаяся вооруженными столкновениями демонстрантов с полицией.

1927 г. Создание общества «Синганхве» в качестве организации единого фронта.

1927 г. Создание Всекорейского рабочего союза и Всекорейского крестьянского союза.

1929 г., январь. Начало всеобщей забастовки в Вонсане.

1929 г., ноябрь. Начало волнений учащихся в Кванчжу.

1929 г. Массовые арендные конфликты в провинциях Пхёнан-пукто и Кёнсан-пукто.

1930 г. Всеобщая забастовка в Пусане, забастовки в Пхеньяне и Ёнсане.

1930 г., май. Крестьянское восстание в провинции Хамгён-намдо, «ирригационные бунты» в провинции Пхёнан-пукто.

1931 г. Продолжение крестьянских волнений.

1931 г. Создание на территории Северо-Восточного Китая корейского партизанского отряда, выросшего впоследствии в мощную партизанскую армию, знаменовавшее начало массовой антияпонской вооруженной борьбы корейского народа (1931—1945 гг.)

1932 г. Создание революционных крестьянских союзов.

1933 г. Крестьянское восстание в провинции Чолла-пукто.

1935 г. Создание «Общества возрождения отечества»—организации единого антияпонского фронта, объединившего корейские революционные силы.

1939 г., декабрь. Опубликование указа генерал-губернаторства о замене корейских имен и фамилий японскими.

1942 г. В Китае корейскими революционерами-эмигрантами создана «Лига независимости».

1944 г. Антияпонская и антивоенная борьба в Хыннаме, Сончжине и других городах.

1945 г., 8 августа. Объявление Советским Союзом войны Японии.

1945 г., 15 августа. Освобождение Кореи Советской Армией.

1945 г., 2 сентября. Подписание акта о капитуляции Японии.

1945 г., 5 сентября. Создание Всекорейской конфедерации труда.

1945 г., 8 сентября. Высадка американских войск в порту Инчон.

1945 г., 8—10 октября. Совещание представителей народных комитетов в г. Пхеньяне.

1945 г., октябрь. Создание Оргбюро Коммунистической партии Северной Кореи.

1945 г., декабрь. Совещание министров иностранных дел СССР, США и Великобритании в Москве. Принятие решения о политике в Японии, Китае и Корее.

1946 г., февраль. Создание Демократического национального фронта Южной Кореи.

1946 г., 8 февраля. Создание Временного народного комитета Северной Кореи.

1946 г., 26 февраля — 6 марта. Съезд крестьянских комитетов Северной Кореи.

1946 г., 5 марта. Временный народный комитет Северной Кореи принял закон об аграрной реформе в Северной Корее.

1946 г., 7 марта — 1 апреля. Проведение аграрной реформы в Северной Корее.

1946 г., 20 марта — 8 мая. Работа Совместной советско-американской комиссии в Корее, сорванная американской делегацией.

1946 г., 24 июня. Принятие Временным народным комитетом Северной Кореи закона о труде рабочих и служащих.

1946 г., 30 июля. Принятие Временным народным комитетом Северной Кореи закона о равноправии женщин.

1946 г., август. Создание Единого народного демократического фронта Северной Кореи.

1946 г., 10 августа. Издание Временным народным комитетом Северной Кореи закона о национализации промышленности, принадлежавшей японцам и изменникам корейского народа.

1946 г., август. Создание Трудовой партии Северной Кореи.

1946 г., 24 сентября. Начало всеобщей забастовки в Южной Корее.

1946 г., октябрь. Всеобщая забастовка в Южной Корее, переросшая в народное восстание.

1946 г., 4 октября. Принятие Временным народным комитетом Северной Кореи постановления об охране прав частной собственности и поощрении частной инициативы.

1946 г., ноябрь. Создание Трудовой партии Южной Кореи.

1946 г., ноябрь. Выборы в провинциальные, городские и уездные комитеты Северной Кореи.

1947 г., 17—20 февраля. Съезд народных комитетов Северной Кореи в г. Пхеньяне.

1947 г., март. Всеобщая забастовка в Южной Корее.

1947 г., май. Возобновление работы Совместной советско-американской комиссии.

1947 г., 26 сентября. Предложение СССР об одновременном выводе из Кореи советских и американских войск.
1947 г., октябрь. Срыв американской делегацией работы Совместной комиссии.
1948 г., 7 февраля. Всеобщая забастовка южнокорейских рабочих.
1948 г., 8 февраля. Создание Народной армии Северной Кореи.
1948 г., апрель. Первое совместное совещание представителей политических партий и общественных организаций Северной и Южной Кореи.
1948 г., апрель. Начало широкого партизанского движения в Южной Корее
1948 г., 10 мая. Насильственные террористические «выборы» в «национальное собрание» Южной Кореи.
1948 г., июнь — июль. Второе совместное совещание руководителей политических партий и общественных организаций Северной и Южной Кореи.
1948 г., 25 августа. Всенародные выборы в Верховное народное собрание Кореи.
1948 г., август. Соглашение между сеульским марионеточным правительством и США, предусматривавшее создание южнокорейской армии и передачу руководства вооруженными силами Южной Кореи — армией и полицией — американским военным властям.
1948 г., 2—11 сентября. Первая сессия Верховного народного собрания. Провозглашение Корейской Народно-Демократической Республики. Принятие конституции КНДР. Образование правительства КНДР.
1948 г., 14 октября. Установление дипломатических отношений между СССР и КНДР.
1948 г., октябрь. Вооруженное восстание в г. Ёсу (Южная Корея).
1948 г., декабрь. Подписание соглашения между лисынмановским «правительством» и США об оказании Южной Корее «помощи» по плану Маршалла.
1948 г., 25 декабря. Закончилась эвакуация советских войск из Северной Кореи.
1949 г., февраль. Принятие Верховным народным собранием КНДР закона о 2-летнем плане (1949—1950 гг.).
1949 г., март. Подписано соглашение об экономическом и культурном сотрудничестве между СССР и КНДР.
1949 г., июнь. Объединение трудовых партий Северной и Южной Кореи.
1949 г., лето. Первая попытка США и лисынмановской клики начать военную авантюру.
1949 г., 25—28 июня. Учредительный съезд Единого демократического отечественного фронта. Принятие декларации о мирном объединении Кореи.
1950 г., июнь. Вторичное предложение ЕДОФ о мирном объединении Кореи.
1950 г., 25 июня. По указанию США марионеточные южнокорейские войска вторглись на территорию северной части КНДР. Началась Великая освободительная война корейского народа.
1950 г., 27 июня. Приказ президента США Трумэна об оказании вооруженной помощи войскам южнокорейского «правительства», официально подтвердивший уже начавшуюся интервенцию США в Корее.
1950 г., 7 июля. Принятие Советом Безопасности под давлением США незаконной резолюции, рекомендующей странам — членам ООН послать свои войска в Корею.
1950 г., июль. Победоносное продвижение корейской Народной армии на юг Кореи.
1950 г., 15 июля. Ответ И. В. Сталина премьер-министру Индии Неру по вопросу о мирном урегулировании корейской проблемы.

1950 г., 16 сентября. Высадка американскими интервентами в районе Инчона 50-тысячного десанта.

1950 г., 25 октября. Переход р. Амноккан (Ялуцзян) первыми отрядами китайских народных добровольцев и присоединение их к корейской Народной армии.

1950 г., 25 ноября. Переход корейской Народной армии и китайских народных добровольцев в контрнаступление.

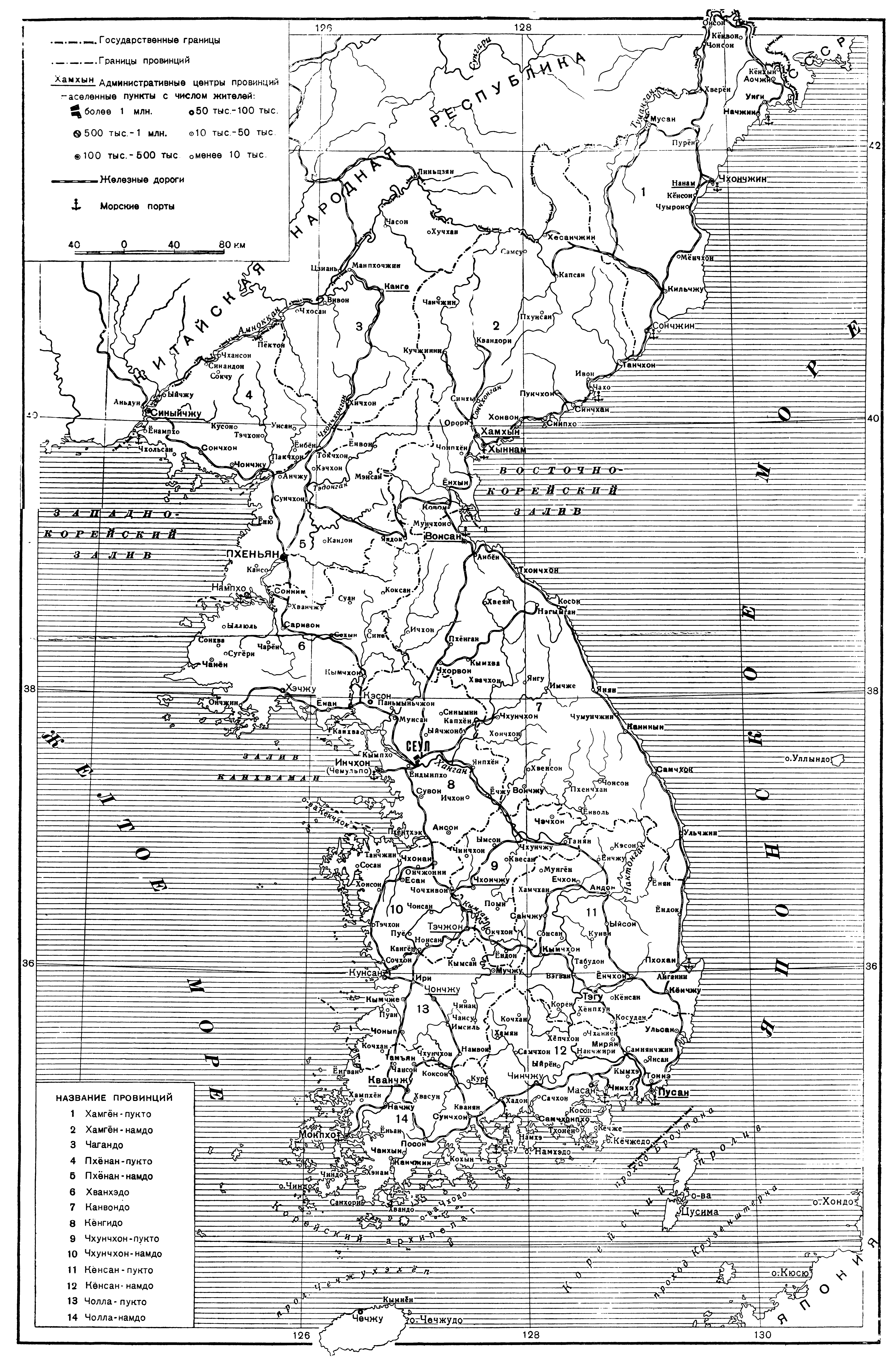
1951 г., 23 июня. Призыв представителя СССР в ООН к мирному урегулированию корейского вопроса.

1951 г., 10 июля. Начало переговоров о перемирии в Кэсоне.

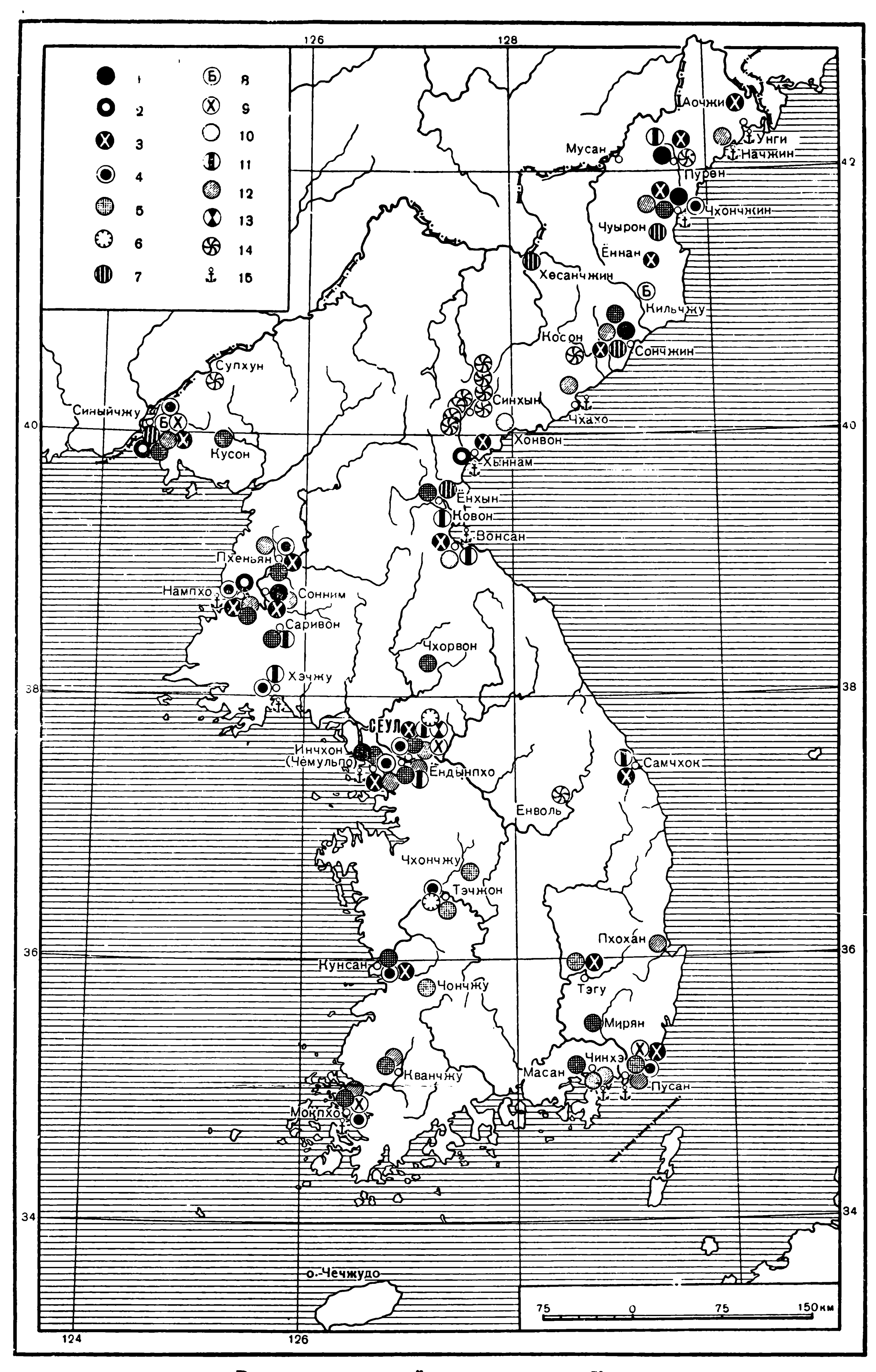
1953 г., 27 июля. Подписание в Паньмыньчжоне соглашения о перемирии в Корее. Прекращение военных действий.

1953 г., сентябрь. Переговоры между Советским правительством и правительственной делегацией КНДР в Москве по вопросам дальнейшего развития и укрепления дружественных отношений между СССР и КНДР, мирного урегулирования корейского вопроса, экономической помощи КНДР со стороны СССР.

1953 г., 23 ноября. Подписание соглашения об экономическом и культурном сотрудничестве между Китайской Народной Республикой и Корейской Народно-Демократической Республикой.



Государственные границы
Границы провинций
Хамхын Административные центры провинций
Населенные пункты с числом жителей:
более 1 млн.
500 тыс.-1 млн.
100 тыс.-500 тыс.
50 тыс.-100 тыс.
10 тыс.-50 тыс.
менее 10 тыс.
Железные дороги
Морские порты
40 0 40 80 км
126
128
130
42
40
38
36
КИТАЙСКАЯ НАРОДНАЯ РЕСПУБЛИКА
СССР
ЯПОНСКОЕ МОРЕ
ЖЕЛТОЕ МОРЕ
ЯПОНИЯ
ЗАПАДНО-КОРЕЙСКИЙ ЗАЛИВ
ВОСТОЧНО-КОРЕЙСКИЙ ЗАЛИВ
ЗАЛИВ КАНХВАМАН
Корейский архипелаг
Корейский пролив
пролив Чечжухэхёп
проход Броутона
проход Крузенштерна
Сунгари
Туманган
Амноккан
Чхончхонган
Тэдонган
Сончхонган
Ханган
Кымган
Нактонган
Пхеньян
Сеул
Инчхон (Чемульпо)
Вонсан
Хамхын
Хыннам
Чхонджин
Синыйчжу
Кэсон
Пусан
Тэгу
Тэчжон
Кванчжу
Чончжу
Мокпхо
Кунсан
Масан
Чинчжу
Чхунчхон
Кангге
Хэчжу
Сариwон
Нампхо
Чечжу
о. Чечжудо
о. Уллындо
о-ва Цусима
о. Хондо
о. Кюсю
о. Кёчжедо
о. Чиндо
о. Намхэдо
о-ва Кёнчжок
о-ва Чхоходо
Расон
Унги
Начжин
Мусан
Хверён
Кёнсон
Кильчжу
Сончжин
Танчхон
Пукчхон
Синпхо
Хесанчжин
Капсан
Пхунсан
Манпхочжин
Вивон
Пёктон
Чханджин
Кандори
Ёнхын
Косон
Кимчхон
Андон
Ёндок
Пхохан
Кёнчжу
Ульсан
Каннын
Самчхок
Ульчжин
Сувон
Ичхон
Чхорвон
Пхёнган
Чхонан
Чхончжу
Кымчхон
Сунчхон
Ёсу
Чонып
Иксан
Кэпхо
Ёнан
Онджин
Чханён
Чэрён
Анджу
Токчхон
Ёндок
Хвасун
Начжу
Посон
Чанхын
Канджин
Хэнам
Ыйчжу
Кусон
Чонджу
Сонгчхон
Кэчхон
Ёнбён
Чхосан
Ёнмидон
Кимхэ
Чинхэ
Тонгнэ
НАЗВАНИЕ ПРОВИНЦИЙ
1 Хамгён-пукто
2 Хамгён-намдо
3 Чагандо
4 Пхёнан-пукто
5 Пхёнан-намдо
6 Хванхэдо
7 Канвондо
8 Кёнгидо
9 Чхунчхон-пукто
10 Чхунчхон-намдо
11 Кёнсан-пукто
12 Кёнсан-намдо
13 Чолла-пукто
14 Чолла-намдо



Размещение отраслей промышленности Кореи

1 — черная металлургия; 2 — цветная металлургия; 3 — химическая промышленность; 4 — машиностроение, судостроение и металлообработка; 5 — текстильная; 6 — кожевенная; 7 — деревообрабатывающая; 8 — целлюлозно-бумажная; 9 — лесохимическая; 10 — керамическая; 11 — строительных материалов; 12 — пищевая; 13 — полиграфическая; 15 — электростанции; 15 — морские порты.

СОДЕРЖАНИЕ

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Академии Наук СССР

*

Редактор издательства *Н. А. Сметанин*
Технический редактор *Т. В. Алексеева*
Корректор *И. А. Минаков*

*

РИСО АН СССР № 5027. Т-00412. **Издат. №** 3505.
Тип. заказ № 1061. Подп. к печ. 13/I 1954 г.
Формат бум. 60 × 92 $^1/_{16}$. **Печ. л.** 28+2 **вкл.**
Уч.-издат. 28,4+2 **вкл.** (0,5 **уч.-издат. л.**)
Тираж 10000
Цена по прейскуранту 1952 г. 19 р. 25 к.

2-я тип. Издательства Академии Наук СССР
Москва, Шубинский пер., д. 10.

ИСПРАВЛЕНИЯ И ОПЕЧАТКИ

Стр.	Строка	Напечатано	Должно быть
34	3 сн.	Кан Чам Чана	Кан Гам Чана
64	13 св. заголовок	1893—1894	1893—1895
68	14 и 15 сн.	1893—1894	1893—1895
176	14 св. и 6 сн.	ㅖ	ㅔ
286	10 сн.	Кореи.	Кореи [1].
296	13—14 св.	во второй половине июля	в июне
341	14 св.	Восточной Азии.	Восточной Азии".
355	2—3 сн.	[2] См. I. F. Stoune. The hidden history of the Korean war. Нью-Йорк. 1952, стр. 12.	„Documents and materials . . . ," стр. 118—119.
363	11 сн.	России"[1].	России [1].
365	2 сн.	1951	1950

Корейская Народно-Демократическая Республика

19 р. 25 к.

КОРЕЙСКАЯ
НАРОДНО-
ДЕМОКРАТИ-
ЧЕСКАЯ
РЕСПУБЛИКА